

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ШАГИ

/STEPS

Т. 7. №3 2021

Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований

Основан в мае 2015 г.
Издается четыре раза в год

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва
2021

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
INSTITUTE FOR SOCIAL SCIENCES

SHAGI

/STEPS

Vol. 7. No. 3 2021

The Journal of the School of Advanced Studies in the Humanities

Established in May 2015

Issued quarterly

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Moscow
2021

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Главный редактор

С. Ю. Неклюдов (д-р филол. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; куратор направления «Теоретическая фольклористика»)

Редакция

М. В. Ахметова (канд. филол. наук, зам. главного редактора), *М. И. Байдууж* (зав. редакцией), *Н. П. Гринцер* (д-р филол. наук, куратор направления «Античная культура»), *И. В. Еришова* (д-р филол. наук, куратор направления «Историко-литературные исследования»), *И. А. Женин* (канд. ист. наук, куратор направления «История»), *М. С. Неклюдова* (PhD, куратор направления «Культурология»), *Д. С. Николаев* (канд. филол. наук, координатор редакции), *Д. А. Худяков* (канд. филол. наук, куратор направления «Востоковедение. Сравнительно-историческое языкознание») (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Х. Баран (PhD, Университет Олбани, США), *Н. Б. Вахтин* (д-р филол. наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия), *Л. М. Ермакова* (д-р филол. наук, Университет иностранных языков города Кобе, Япония), *А. Л. Зорин* (д-р филол. наук, Оксфордский университет, Великобритания; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *С. Э. Зуев* (канд. искусствоведения, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *С. А. Иванов* (д-р ист. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия), *К. Келли* (PhD, Оксфордский университет, Великобритания), *А. А. Кибрик* (д-р филол. наук, Институт языкознания РАН, Россия), *М. А. Кронгауз* (д-р филол. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия), *С. Ловелл* (PhD, Лондонский университет, Кингс Колледж, Великобритания), *В. А. Мау* (д-р эконом. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *Ю. Л. Слэзкин* (PhD, Калифорнийский университет в Беркли, США), *В. Ф. Спиридонов* (д-р психол. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *Т. В. Черниговская* (д-р филол. наук, д-р биол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия), *А. Шёнле* (PhD, Бристольский университет, Великобритания)

Приглашенный редактор: *Ф. Б. Успенский*

Младший редактор: *А. Р. Волошина*

Редактор английского текста: *Х. Баран*

Веб-сайт: <http://shagi.ranepa.ru/steps>

Адрес редакции: Россия, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, корп. 9, ауд. 2405

Тел.: +7 (499) 956-96-47

Научный редактор: *М. В. Ахметова*

Корректор: *Н. В. Сайкина*

Верстка, дизайн: *В. Ф. Лурье*

E-mail: shagisteps-ion@ranepa.ru

Журнал включен в следующие базы данных и электронные библиотечные системы: Scopus, Научная электронная библиотека (Elibrary.ru), РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, ЭБС «Лань».

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© Авторы

ISSN 2412–9410 (print)

ISSN 2782–1765 (online)

Shagi/Steps. Vol. 7. No. 3. 2021

Editor-in-Chief

Sergei Yu. Nekliudov (Dr. Sci. (Philology), Responsible for Theoretical Folklore Studies Section; Russian State University for the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Editorial Team

Maria V. Akhmetova (Cand. Sci. (Philology), Deputy Editor-in-Chief), *Marina I. Baiduzh* (Editorial Staff Manager), *Irina V. Ershova* (Dr. Sci. (Philology), Responsible for Historical-Literary Section), *Nikolai P. Grintser* (Dr. Sci. (Philology), Responsible for Classical Studies Section), *Dmitry A. Khudiakov* (Cand. Sci. (Philology), Responsible for Oriental Studies and Comparative Linguistic Section), *Maria S. Neklyudova* (PhD, Responsible for Cultural Studies Section), *Dmitry S. Nikolaev* (Cand. Sci. (Philology), Editorial Coordinator), *Ilya A. Zhenin* (Cand. Sci. (History), Responsible for Historical Section)

(The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Editorial Board

Henryk Baran (PhD, University at Albany, State University of New York, USA), *Tatiana V. Chernigovskaya* (Dr. Sci. (Philology, Biology), Saint Petersburg State University, Russia), *Liudmila M. Ermakova* (Dr. Sci. (Philology), Kobe City University of Foreign Studies, Japan), *Sergei A. Ivanov* (Dr. Sci. (History), National Research University Higher School of Economy, Russia), *Catriona Kelly* (PhD, University of Oxford, Great Britain), *Andrei A. Kibrik* (Dr. Sci. (Philology), The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia), *Maxim A. Krongauz* (Dr. Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economy, Russia), *Stephen Lovell* (PhD, University of London, King's College, Great Britain), *Vladimir A. Mau* (Dr. Sci. (Economy), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), *Andreas Schönle* (PhD, University of Bristol, Great Britain), *Yuri Slezkine* (PhD, The University of California, Berkeley, USA), *Vladimir F. Spiridonov* (Dr. Sci. (Psychology), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), *Nikolai B. Vakhtin* (Dr. Sci. (Philology), European University at St. Petersburg, Russia), *Andrei L. Zorin* (Dr. Sci. (Philology), University of Oxford, Great Britain; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), *Sergei E. Zuev* (Cand. Sci. (Art History), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)

Guest Editor: *Fedor B. Uspenskij*

Junior Editor: *Arina R. Voloshina*

English Language Editor: *Henryk Baran*

Website: <http://shagi.ranepa.ru/steps>

Postal address: Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82, корпус 9, room 2405

Tel.: +7 (499) 956-96-47

Academic Editor: *Maria V. Akhmetova*

Copy Editor: *Natalia V. Saikina*

Layout Editor, Designer: *Vadim F. Lurie*

E-mail: shagisteps-ion@ranepa.ru

The journal is indexed in Scopus, Russian Science Citation Index, Elibrary.ru, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, E.lanbook.com.

All articles published in the journal have been peer-reviewed.

© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

© Authors

СОДЕРЖАНИЕ

Древняя Русь

ОТ РЕДАКЦИИ.....	7
------------------	---

СТАТЬИ

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Княжье имя за пределами княжеского рода на Руси XI — начала XIII в.	9
Р. И. Ханукаева. Мать и мачеха: о судьбе новгородки Н. Дмитриовны, княгини Мстиславлей	46
А. А. Фитискина. Дробные часы в композиции «Учения о числах» Кирика Новгородца	60
А. А. Гиппиус. <i>Шестники</i> : к значению и происхождению социального термина	67
А. Золтан. Мнимое праславянское <i>*starati se</i>	82
К. И. Гуревич. Идеальный правитель, взаимодействующий с половцами: интерференция образов (на материале грузинских и древнерусских летописей)	97
А. В. Майоров. Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия	124
А. В. Лаврентьев. «Дюденева рать» и медные полы храмов Владимирской земли (к истории русско-ордынских отношений в XIII в.).....	200
С. В. Полехов. Когда Свидригайло держал Галич?	219
Б. А. Успенский. <i>Отчич и дедич</i> в титуле русских государей	238
А. Л. Корзинин. Путь к власти Сабуровых и Годуновых	287
С. Г. Зюзева. Дробницы киота иконы «Святитель Николай», созданные по заказу Евдокии Сабуровой	312

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

А. Л. Лифшиц. Неизвестная грамота Стефана Батория из коллекции К. В. Базилевича	323
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

А. А. Преображенская. Христиане ли москвиты? Об издании диссертации шведского пастора Николая Бергиуса	339
--	-----

CONTENTS

Ancient Rus'

EDITORIAL NOTE	7
----------------------	---

ARTICLES

A. F. LITVINA, & F. B. USPENSKIJ. Princely names beyond the princely dynasty in 11 th — early 13 th century Rus'	9
R. I. KHANUKAEVA. Mother and stepmother: About the life of N. Dmitrovna, Mstislav's princess.....	46
A. A. FITISKINA. Fractional hours in the composition of the <i>Teaching on Numbers</i> by Kirik the Novgorodian.....	60
A. A. GIPPIUS. <i>Shestniki</i> : On the meaning and origin of the social term	67
A. ZOLTÁN. On the fictitious Proto-Slavic * <i>starati se</i>	82
K. I. GUREVICH. An ideal ruler interacting with the Cumans: The interference of images (based on Georgian and Old Russian chronicles).....	97
A. V. MAIOROV. Woman, diplomacy and war: Rus princes in negotiations with Batu on the eve of the Mongol invasion	124
A. V. LAVRENTYEV. “Diudenev host” and the copper floors of churches of the Vladimir region (towards the history of Russian-Horde relations in the 13 th century)	200
S. V. POLEKHOV. When did Švitrigaila possess Halych?	219
B. A. USPENSKIJ. <i>Otchich i dedich</i> (‘paternal and ancestral successor’) in the title of Russian monarchs.....	238
A. L. KORZININ. The path to power of the Saburovs and the Godunovs	287
S. G. ZIUZEVA. The plaques on the icon case of St. Nicholas created by order of Evdokia Saburova	312

SOURCE PUBLICATIONS

A. L. LIFSHITS. An unknown document of King Stephen Báthory from the collection of K. V. Bazilevich.....	323
--	-----

BOOK REVIEWS

A. A. PREOBRAZHENSKAYA. Are the Muscovites Christians or not? On the publication of the dissertation by the Swedish pastor Nicolaus Bergius.....	339
--	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Средневековая Русь — а именно ей посвящен предлагаемый вниманию читателя номер — задает столь обширное, многообразное, да вдобавок и привлекательное для широкой публики исследовательское поле, что не остается никакой надежды охватить его целиком или хотя бы очертить основные современные направления в его изучении. Культурное единство огромного хронологического периода, именуемого допетровской Русью, не вызывает сомнений, но столь же несомненно и кардинальное различие между такими, например, его отрезками, как домонгольское время, XIV столетие и эпоха Ивана Грозного. Сама парадоксальность подобного положения дел допускает два возможных пути формирования тематического номера.

Один из них предполагает сосредоточенность на своеобразных «длинных линиях» истории, долгоживущих культурных тенденциях, охватывающих если не все русское Средневековье, то, во всяком случае, значительную его часть. Другой путь может быть охарактеризован скорее как «метод высвеченных пятен», когда под одной обложкой собраны статьи, где предлагаются новаторские решения проблем, на первый взгляд частных, но на деле весьма репрезентативных для понимания как природы очередного витка древнерусской жизни, так и состояния научных исследований в соответствующей области.

В целом мы отдавали предпочтение второму пути, отнюдь не чуждаясь первого. Сложилось так — и в этом отношении структура номера, на наш взгляд, соответствует некоему положению дел в эпоху Средневековья, — что преемственность и долгосрочность нагляднее всего можно показать, исследуя структуру власти, механизмы ее передачи и манифестации (ср. статьи **Б. А. Успенского**, **А. Ф. Литвиной** и автора этих строк). Мир рода и мир династии, взаимодействие которых также прочерчивает отдельную линию в истории допетровской Руси, с разных сторон затрагиваются в работах **Р. И. Ханукаевой**, **А. Л. Корзинина** и **А. В. Майорова**. Хрестоматийная тема отношений древнерусского государства с его ближайшими соседями перерастает в рассказ о многоликости самой Руси в эпоху Средневековья и неоднозначности такого явления, как соседство, идет ли речь о половцах (**К. И. Гуревич**), Польше и Великом княжестве Литовском (**С. В. Полехов**) или даже о татарах, как это происходит в уже упомянутой нами статье **А. В. Майорова**, — вообще говоря, не только она, но и другие представленные в номере тексты могли бы быть отнесены одновременно к нескольким тематическим блокам; это сложно организованное единство только радует составителя и, надеемся, вызовет интерес у читателя.

Многое в подборе статей определяла и возможность продемонстрировать ту целостность гуманитарного знания, которая отличает лучшие отечественные исследования собственной ранней истории. Искусствовед оказывается вовлечен в ономастическую проблематику (работа **С. Г. Зюзевой**), лингвист уточняет наши представления о социальном устройстве древних Новгорода и Пскова (исследование **А. А. Гиппиуса**), текстологические проблемы сравниваются с проблемами исчисления времени (**А. А. Фитискина**), а история текстов, история вещей и история событий времен татаро-монгольского нашествия неразделимым образом переплетаются друг с другом (статья **А. В. Лаврентьева**).

На фоне этой общей междисциплинарности только выигрывают, на наш взгляд, «монохромные» работы — от нового взгляда на слово, характерное для позднесредневековой деловой письменности (**А. Золтан**), до публикации доселе неизвестной грамоты Стефана Батория (**А. Л. Лифшиц**) и рецензии на научное издание первой части диссертационного труда шведского пастора Бергиуса, создававшегося в самом конце интересующей нас эпохи, на рубеже XVII–XVIII вв. (**А. А. Преображенская**).

Ф. Б. Успенский

А. Ф. Литвина^a

ORCID: 0000-0003-2740-0904
✉ annalitvina@gmail.com

Ф. Б. Успенский^{bc}

ORCID: 0000-0001-5364-0173
✉ fjodoruspensi@yandex.ru

^a Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

^b Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ (Россия, Москва)

^c Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

КНЯЖЬЕ ИМЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КНЯЖЕСКОГО РОДА НА РУСИ XI — НАЧАЛА XIII в.

Аннотация. В работе обсуждается общий принцип герметичности династического именослова домонгольских Рюриковичей, не позволяющий нехристианским именам князей появляться где-либо за пределами правящего дома. Рассматривается весь спектр подлинных и мнимых отступлений от этого принципа, анализируются факторы, делающие подобные отступления допустимыми. Право на имя, функционирование имен и их трансфер во внединастическую среду оказываются теснейшим образом связаны со структурой власти и взаимодействием княжеского дома со своим элитарным окружением. Проблема кровного, некровного и искусственного родства правителя как средства организации властных отношений, тема политической мобильности знати и ее роли в междукняжеских конфликтах, роль родовых принципов в управлении страной — все эти и целый ряд других дискуссионных зон в истории домонгольского времени могут вполне продуктивно рассматриваться в ономастическом ракурсе. Ответ на вопрос о том, как, когда и почему такие антропонимы, как *Судислав*, *Вячеслав*, *Рогволод* или *Ярополк*, вдруг могли оказаться в распоряжении людей не княжеского происхождения, нередко становится ключевым при исследовании самых разнообразных союзов, конфликтов и протяженных стратегических линий в жизни Древней Руси домонгольского времени.

Ключевые слова: Домонгольская Русь, династия Рюриковичей, выбор имени, княжеские имена, принципы имянаречения, элитарное окружение князя, бояре, посадники

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

Для цитирования: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Княжье имя за пределами княжеского рода на Руси XI — начала XIII в. // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 9–45. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-9-45>.

Статья поступила в редакцию 4 ноября 2020 г.

Принято к печати 25 января 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 7. No. 3. 2021

Articles

A. F. Litvina ^a

ORCID: 0000-0003-2740-0904

✉ annalitvina@gmail.com

F. B. Uspenskij ^{bc}

ORCID: 0000-0001-5364-0173

✉ fjodoruspenski@yandex.ru

^a National Research University

Higher School of Economics (Russia, Moscow)

^b The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Russia, Moscow)

^c V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

PRINCELY NAMES BEYOND THE PRINCELY DYNASTY IN 11TH — EARLY 13TH CENTURY RUS'

Abstract. The paper discusses the general principle of the dynastic onomasticon of the pre-Mongol Rurikids, which was closedness: the pagan names of the princes were not supposed to be used by anyone outside of the ruling house. The present work covers the whole range of actual and phantom deviations from this principle, presenting an analysis of what might make these deviations acceptable. The right to a certain name, the functioning of the names and their transfer to non-dynastic strata are very closely linked with the power structure and the interaction between the princely family and their elite milieu. The subject of the ruler's kinship (either consanguinity, affinity or fictive kinship) as a tool of construction of power relationships, the subject of the political mobility of the nobles and their role in conflicts between princes, the role of kinship in government — all these and many other controversial issues of pre-Mongol Russian history can be quite fruitfully studied from the onomastic perspective. The answer to the question of how, when and why such personal names as *Sudislav*, *Viacheslav*, *Rogvolod* or *Iaropolk* could suddenly become available for non-princely children, is often crucial for studies dealing with the various alliances, conflicts and long-term strategies of pre-Mongol Old Rus'.

Keywords: pre-Mongol Rus', Rurikid dynasty, choice of a name, dynastic names, name-giving rules, elite milieu of the prince, *boyars*, *posadniks*

To cite this article: Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2021). Princely names beyond the princely dynasty in 11th — early 13th century Rus'. *Shagi / Steps*, 7(3), 9–45. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-9-45>.

Acknowledgements. The article was prepared under a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-908).

Received November 4, 2020

Accepted January 25, 2021

Подавляющее большинство нехристианских имен правителей Руси являло собой своеобразную неотчуждаемую собственность династии. Во всяком случае с середины XI столетия русские князья Рюриковичи, как правило, получали такие династические имена, которые по своей структуре могли быть похожи на имена представителей их элитарного окружения, но при этом отнюдь не совпадали с ними. Так, в правящем доме той поры мы обнаруживаем множество людей с именами *Владимир* и *Святослав*, а среди их приближенных *Володислава*, *Яволода* или *Мирослава*. Структурно все это двухосновные композиты, варьирующие сочетания совсем небольшого числа славянских корней, но при этом результаты этого варьирования у князей и не-князей получаются разными.

Прагматика такого разделения достаточно прозрачна. В родовом мире знать стремится из поколения в поколение воспроизводить имена собственных предков, подчеркивая преемственность по отношению к ним, некое семейное единство и целостность, выделяющие и отчасти противопоставляющие данный клан всем прочим. Для Рюриковичей, усилиями нескольких первых поколений заполучивших власть над страной и удерживавших ее очень долго, идея преемственности властных привилегий по праву крови приобретает огромную роль, но и обратная сторона этой преемственности — уникальность прав собственного рода — становится не менее важной. Антропонимический консерватизм и противопоставление своих семейных имен чужим, свойственный средневековой элите как таковой, из несколько расплывчатой тенденции стремительно превращается у них в устойчивые правила — имя оказывается своеобразным маркером властных полномочий.

Так был сформирован корпус из двух десятков нехристианских имен, которые успешно воспроизводились в длинной череде поколений правящего рода и далеко не сразу сдали свои позиции под напором имен христианских. Сам по себе этот феномен отождествления права на имя и права на власть весьма интересен и значим для общего династического портрета Рюриковичей. Но не менее интересными и информативными могут оказаться те явления, которые противоречат, по крайней мере на первый взгляд, этому общему принципу герметичности династического именослова.

Почему, пусть и в весьма редких случаях, мы обнаруживаем отдельные княжеские имена за пределами правящего дома? Как кажется, исследование этих единичных исключений способно пролить свет на, так сказать, смежные и не менее интересные вопросы: что, собственно, послужило источником для наречения первых поколений Рюриковичей на Руси, кто входил в ближний круг правящей семьи и как этот круг возник?

Приведем для начала то, что мы обозначаем как устойчивый наследуемый набор мужских нехристианских имен княжеского дома: *Рюрик, Игорь, Олег, Святослав, Ярополк, Владимир, Святополк, Изяслав, Всеволод, Ярослав, Борис, Глеб, Мстислав, Вячеслав, Брячислав, Всеслав, Рогволод, Ростислав, Володарь, Ингварь*. Все названные здесь имена появляются в генеалогической системе Рюриковичей хотя бы дважды, а значительная их часть — гораздо чаще. Сразу же бросается в глаза, что большинство этих антропонимов вошло в династический именовслов как раз в ту пору, когда князья активно расширяли свои владения и утверждали собственную власть в их пределах, условно говоря, на протяжении начальных четырех-пяти поколений — от появления на Руси Рюрика до наречения сыновей Владимира Святого. В дальнейшем какие бы то ни было инновации здесь оказываются по преимуществу точечными или маргинальными, хотя род как таковой продолжает активно расти и расширяться. Так, три новых имени (*Рогволод, Всеслав, Брячислав*) появятся в полоцкой линии династии и два из них никогда не будут подхвачены прочими князьями, а третье — *Брячислав* — лишь единожды всплывет в другой ветви семьи. Ярослав, сын Владимира Святого, обогатит династический антропонимикон именем *Вячеслав*; представитель следующего поколения, его сын Владимир (а, быть может, и сам Ярослав, активно участвовавший, как мы знаем, в наречении внуков) привнесет еще одно-единственное новшество — *Ростислав*. В свою очередь, Ростислав Владимирович вводит в родовой обиход имя *Володарь*, назвав так одного из своих сыновей. Заметно позже, во второй половине XII в., в династии появится имя *Ингварь*, антропоним вполне самостоятельный и при этом очевидно связанный с более древним княжеским *Игорь*¹.

Прочие тринадцать имен вошли в династический оборот не позже эпохи правления крестителя Руси Владимира (*Рюрик, Игорь, Олег, Святослав, Ярополк, Владимир, Святополк, Изяслав, Всеволод, Ярослав, Борис, Глеб, Мстислав*). Здесь, однако, необходимо указать на две существенные особенности формирования этого первоначального антропонимикона. С одной стороны, некоторые имена возникают в нем как бы через голову второго и тре-

¹ Еще одно неожиданное и несколько загадочное нехристианское княжеское имя — *Шварн* — однократно появляется в династии практически за гранью интересующего периода, в XIII столетии. Оно обнаруживается в галицко-волынской ветви дома, у сына Даниила Романовича. К этому времени ономастическая история юго-западной части династии обретает известную самостоятельность и, соответственно, требует отдельного изучения, безусловно выходящего за рамки этой работы. Пожалуй, здесь стоит обратить внимание на то обстоятельство, что веком ранее мы обнаруживаем на страницах летописей боярина по имени *Шварн*, в конце XII столетия мы находим трех женщин, обладательниц патронима *Шварновна*, состоящих в браке с тремя русскими князьями. Собственно говоря, браки для двух из них устраивал могущественный супруг третьей — Всеволод Большое Гнездо. Подробнее об имени *Шварн* см.: [Литвина, Успенский 2006: 374–380], с указанием литературы.

того поколений русских князей. Имя *Рюрик*, насколько мы можем судить по источникам, не воспроизвели в имянаречении своих детей ни его сын Игорь, ни внук Святослав, ни правнук Владимир — оно вернется в династию лишь в середине XI столетия. Некоторая пауза ожидала и имя Игоря Рюриковича: мы не находим его в дошедшем до нас антропонимиконе его внуков, сыновей Святослава, и правнуков, сыновей Владимира. Лишь Ярослав Мудрый вновь обратится к имени прадеда, называя одного из младших сыновей. Если же говорить об изгладившихся из летописной памяти династических родственных связях, то следует вспомнить, что *Игорем* именовался некий загадочный родич Игоря Старого (сына Рюрика), быть может, его племянник, упоминание о котором сохранилось исключительно в договоре руси с греками.

С другой стороны, и это не менее существенный аспект выбора династических имен, часть антропонимов, принадлежавших первым поколениям князей, в дальнейшей династической практике вовсе не пошла в дело. Речь идет об именах родных братьев Рюрика, *Синеус* и *Трувор*, которые упомянуты в летописи, и таких именах сыновей Владимира Святого, как *Вышеслав*, *Станислав*, *Позвизд* и *Судислав*, — ни одно из них в дальнейшей антропонимической практике Рюриковичей ни разу не воспроизводилось.

Каким же из всех перечисленных имен удалось хотя бы раз просочиться наружу, за пределы династии? Какие из них, судя по источникам, могли достаться не князьям? Из первоначального набора, закрепленного в династии первыми четырьмя поколениями Рюриковичей, это имя *Ярополк*, из успешных инноваций XI в. — *Вячеслав* и *Рогволод*, из имен, так сказать, одноразовых, введенных в обиход Владимиром Святым, но в дальнейшем в династии не действовавших, — *Судислав*, *Станислав* и, возможно, *Вышеслав*. Остановимся подробнее на тех путях и причинах, благодаря которым в каждой из этих зон произошла своеобразная разгерметизация княжеского антропонимикона и соответствующее династическое имя попало во внешний мир.

Примечание. Укажем попутно несколько случаев ложного заимствования династических имен в не княжескую среду. Подобные казусы могут рождаться, в частности, под пером переписчика. Так, в Ипатьевской летописи под 1136 г. фигурирует некий тысяцкий, имя и отчество которого чрезвычайно напоминает княжеское — его зовут *Давыд Ярославич* [ПСРЛ (2): 298]. Если обладателем христианского имени *Давыд* мог быть любой человек, то обнаружение патронима, образованного от одного из самых значимых для династии имен, *Ярослав*, могло бы стать своего рода ономастической сенсацией, если бы в Лаврентьевской летописи этот же человек не именовался *Давыдом Яруновичем* [ПСРЛ (1): 304]. Со всей очевидностью, в Ипатьевской летописи мы имеем дело с ошибкой позднейшего копирования, в результате которого редкостное *Ярунович* было заменено на более привычное *Ярославич*. В данном фрагменте текста такого рода искажение представляется вполне естественным еще и потому, что здесь это не единственное имя, с которым сводчику трудно было сладить. Так, отчество участника событий, названного непосредственно вслед за Давыдом, предстает перед нами в четырех разных вариантах: в Ипатьевском списке Станислав Добрый представлен как *Тудькович*, в Хлебниковском — *Тукович*, в Лаврентьевском — *Тудькович*, в Радзивилловском — *Тютькович*, а в Академическом как *Тютыкович*. Никаких других эпизодов, относящихся к домонгольскому времени, когда имя *Ярослав* выходило

бы за пределы правящего дома Рюриковичей, в нашем распоряжении нет, а его популярность в династии оставалась неизменно высокой, так что у нас есть все основания видеть в нем пресловутую неотчуждаемую собственность княжеского рода.

Еще один казус, якобы свидетельствующий о появлении сугубо княжеского имени у представителя русской знати, рождается под пером современных исследователей. Речь идет о некоем персонаже середины XIII столетия по имени *Мстислав*, который в указателе к Ипатьевской летописи охарактеризован как боярин галицкий [ПСРЛ (2): xxii]. Некий обладатель имени *Мстислав* без какого бы то ни было отчества появляется при описании приходящегося на 1245 г. сражения под Ярославом (статья 6757). Как справедливо отмечает Д. Домбровский [Dąbrowski 2012: 257, примеч. 668], отсутствие патронима делает точную идентификацию этого лица крайне затруднительной, но едва ли стоит сомневаться в его принадлежности к княжескому роду. Весьма существенно, на наш взгляд, что он действует в паре с князем Всеволодом Александровичем (именно по отношению к ним в летописи употребляются глаголы в двойственном числе), а боярин Василий Глебович хотя и участвует в этом эпизоде, но объединен с ними не столь тесно [ПСРЛ (2): 803]. Разумеется, это обстоятельство заставляет нас заподозрить, что Мстислав был молодым княжичем, близким родственником (сыном?) Всеволода Александровича, тем более что для этой ветви имя *Мстислав* было весьма важным — так звали родного деда Даниила и Василька Романовичей и родного прадеда Всеволода Александровича Белзского.

В новгородской берестяной грамоте № 804, стратиграфически относящейся к последней трети XII в., присутствует обращение к некоему Рюрь. А. А. Зализняк считал, что здесь представлена уменьшительная форма имени *Рюрик*, которое до тех пор встречалось в древнерусских источниках только в качестве княжеского. Исследователь полагал, что «грамота № 804 показывает, что по крайней мере в Новгороде этого ограничения не существовало» [Зализняк 2004: 390–391]. Между тем нет никаких надежных оснований, позволяющих считать антропоним *Рюря* гипокористической формой имени *Рюрик*. Здесь, как и во множестве других случаев, когда мы имеем дело с гипокористикой, есть много возможностей и никакой определенности. Наиболее смелым может выглядеть предположение, что мы имеем дело с очередным варьированием имени *Георгий* (*Горята*, *Гюрги*, *Юрьи*, *Дюроди* и т. п.). Куда вероятнее, что оно принадлежит к своеобразному кругу имен с варьирующим повтором слога типа *Зюзя* (*Зюзюка*), *Тютя* (*Тютька*), *Дюдя* (*Дюдько*, *Дюдень*) и т. п., которые зачастую вовсе не являются производными от некой полной формы. Так или иначе, ни в одной новгородской берестяной грамоте нет ни одного человека не княжеского происхождения, который именовался бы *Рюриком*, и, с другой стороны, ни в них, ни в каком-либо древнерусском тексте, относящемся к этому времени, мы не обнаружим князя, который звался бы *Рюря*, так что в данном случае у нас попросту нет оснований говорить о совпадении имен некоего новгородца и князя из рода Рюриковичей.

Несколько сложнее обстоит дело с именованием еще одного человека, жившего в XIII столетии. К интересующему нас сюжету проникновения княжеских имен в не княжескую среду могла бы иметь отношение фиксация его отчества, которую мы наблюдаем в новгородском летописании. Речь идет об одном из тех людей, которые в конфликте между Мстиславом Мстиславичем Удатным и его зятем Ярославом Всеволодичем, случившемся в 1216 г., первоначально заявили себя как сторонники Мстислава, но потом внезапно переметнулись к Ярославу. В Новгородской летописи он показан как *Гаврила Иго-*

ревич [ПСРЛ (3): 55, 255]. Человек с таким именем и княжеским патронимом упомянут в этой летописи лишь единожды, и никакого знатного новгородца по имени *Игорь* ни в эти, ни в предшествующие годы мы не обнаруживаем. Вместе с тем здесь же мы обнаруживаем целый ряд обладателей графически близкого, но не княжеского имени *Ивор*. Наиболее существенно, что на начальном этапе интересующего нас конфликта засеавший в Торжке Ярослав посылает в Новгород за своей женой (дочерью Мстислава Мстиславича) своих приверженцев Ивора и Чапоноса [Там же: 54]. Если предположить, что наш Гаврила на деле был не *Игоревицем*, а *Иворовичем*, то становится понятно, почему он в эти сложнейшие для новгородцев времена, когда «поидоша сынове на отца, брат на брата, раб на господина, господинъ на рабъ», в последний момент переменяет свое решение и присоединился к той стороне, на которой был его отец Ивор. Правдоподобности этой гипотезе придает и тот факт, что человек по имени *Гаврила Иворович* и в самом деле существовал: согласно Галицко-Волынской летописи, несколькими годами ранее он присоединяется к другому зятю Мстислава Мстиславича, юному Даниилу Романовичу, во время бегства последнего из Галича, бегства, закончившегося в дружественных объятиях тестя [ПСРЛ (2): 734–735]. Оговоримся, впрочем, что подобная трактовка, подразумевающая в Новгородской I летописи ошибочное написание *Игоревиц* вместо *Иворович*, требует дальнейшего исследования и аргументации.

В качестве общей, в целом довольно успешно работающей модели можно предложить следующее построение: династическое имя способно попасть в не княжескую среду лишь с того момента, когда сами князья перестают им активно пользоваться. При этом для зрелого династического именослова сама по себе такая не востребованность — большая редкость. В XII в., например, нужны были какие-то весьма специфические обстоятельства, которые вели бы к выпадению из династического обихода уже воспринятого им имени. Ни безвременная гибель князя, ни рядовая внутриродовая распря явно не были достаточной причиной для того, чтобы имя предка было сочтено негодным для повтора. В использовании конкретных имен бывали свои приливы и отливы, когда тот или иной антропоним воспроизводится то достаточно часто, практически одновременно в нескольких княжеских семьях, то весьма редко, явно отходя на второй план или даже теряясь на время, но лишь в исключительных случаях — навсегда. Последнее легче всего происходит, по-видимому, с именами, еще толком не успевшими закрепиться в династии, они же, как кажется, легче всего становятся добычей княжеского окружения. Повторимся, впрочем, что даже и в этом случае антропонимический трансфер не мог совершиться без весьма существенных на то резонов. Ниже мы попытаемся продемонстрировать, что резоны эти скорее оставались универсальными для всего домонгольского времени, однако отдельные параметры и особенности перехода имени из княжеской среды в не княжескую могли разниться в зависимости от того, когда и каким образом то или иное именование попало к Рюриковичам. Начнем, пожалуй, с наиболее выразительной группы таких отчужденных антропонимов.

Неприжившиеся инновации Владимира Святого

Судислав

Нагляднее всего причины и обстоятельства выпадения какой бы то ни было единицы из княжеского именослова видны на примере имени *Судислав*. Летопись отмечает, что это имя было дано одному из сыновей Владимира Святого, но появляется оно лишь в более лаконичном из двух общих списков детей этого князя, так что никаких сведений об этнической принадлежности его матери и тем более о ее происхождении или имени мы не получаем. Ничего не сказано и о том, что отец выделил ему какую-то область для княжения². В известии, относящемся к 1036 г., мы застаем князя во Пскове, когда его династическая карьера оказывается раз и навсегда разрушена — он оклеветан перед своим старшим братом Ярославом Мудрым, и тот сажает его в поруб, где Судиславу Владимиричу суждено будет провести значительную часть жизни, пока его не выпустят оттуда племянники. На свободе Судислав оказался лишь для того, чтобы принять постриг. Летописец счел нужным подчеркнуть, как долго князь просидел в заточении, указав точную цифру — 24 года — и сообщив заодно, что он принес Ярославичам некие клятвы, очевидно упраздняющие его родовое старшинство и любые притязания на власть. Характерно при этом, что никакие мирские обеты не показались бы достаточными, если бы он не стал монахом (позднее даже этот шаг не всегда мог избавить князя от подозрений во властных претензиях — настолько сильной стала у Рюриковичей идея неотъемлемости династических прав, приобретаемых по крови, по рождению). Судиславу суждено было прожить еще некоторое время — он умер в 1063 г. [ПСРЛ (1): 163] и наследников, судя по летописи, по себе не оставил.

По-видимому, весьма длительное отсутствие каких бы то ни было властных полномочий и полный отказ от них вкупе с отсутствием сыновей, переживших отца, и оказались теми чрезвычайными обстоятельствами, благодаря которым имя князя не воспроизводится в династии. У него не может быть родных внуков и правнуков, которых бы назвали в его честь, и после него не осталось владений, символические претензии на которые имело бы смысл заявлять с помощью имянаречения более отдаленным родственникам.

Обратим внимание, что отказ от имени был шагом столь кардинальным, что для него династии потребовались оба этих фактора — длительное безвластие и отсутствие наследника. Брат Судислава (единокровный или двоюродный) Святополк умер, потерпев поражение в распре и спасаясь бегством, сыновей он после себя, судя по летописи, не оставил. Именно его, как известно, русская книжная традиция обвиняет в гибели свв. Бориса и Глеба. Однако все это не помешало его династическому имени воспроизводиться в нескольких последующих поколениях, ведь при жизни он успел, пусть и на короткое время, сделаться киевским князем, а до того вполне благополучно посидеть в Турове, выделенном ему отцовской волей.

² Сведения такого рода отсутствуют в древнейших летописных сводах. В Софийской же и в Новгородской IV летописях указано, напротив, что при отце Судиславу выделяется Псков.

Еще более показателен в этом отношении казус Игоря Ольговича, который столетие с лишним спустя был растерзан толпой киевлян, успев уже лишиться всех властных привилегий и принять постриг. Сыновей-наследников он, судя по всему, не оставил [Литвина, Успенский 2020а: 28–29]. Однако в его княжеской карьере потеря власти была лишь недавним поражением — немногим ранее он претендовал на Киев и даже на краткий миг его заполучил. Кроме того, сама его трагическая кончина задавала возможность для канонизации или по крайней мере местного почитания, так что имя Игоря Ольговича хотя и не становится в династии сверхпопулярным (отсутствие родных сыновей все же сделало свое дело), но так или иначе подхватывается в именованиех его родного племянника, Игоря Святославича Новгород-Северского, и более отдаленного родича — рязанского князя Игоря Глебовича.

Имя же злополучного Судислава Владимировича династия решительно отвергнет, здесь мы его больше никогда не увидим.

Тем более существенно, что в своей полной форме столетие с лишним спустя имя *Судислав* фиксируется в летописи у знатного человека, который жил и действовал в Галиче и принадлежал к совершенно особенной — с точки зрения места и статуса в жизни региона и династии — категории лиц. Нередко в исследовательской литературе его называют главой партии противников Даниила Романовича Галицкого, однако роль этого замечательного в своем роде политического деятеля далеко не сводится к противостоянию какому-либо одному князю.

Мы наблюдаем его на политической арене более двух десятилетий, с 1211 по 1234 г., и все это время имя Судислава не сходит со страниц Галицко-Волынской летописи. В борьбе за галицкое княжество он противостоит сыновьям Игоря Новгород-Северского, претендующего на этот край по косвенной женской линии [ПСРЛ (2): 724], но иногда, впрочем, готов сыграть им на руку. На какое-то время Судислав становится активным союзником Мстислава Мстиславича Удатного, и, хотя повествователь устами Мстислава выражает недовольство советами этого боярина, весомость этих советов представляется столь значительной, что именно они заставляют Мстислава отдать Галич венгерскому королевичу Андрашу в обход Даниила. Успел Судислав поучаствовать и в устройстве брака королевича с дочерью Мстислава [Там же: 748–749].

В конце концов именно венгерский наследник Андраш оказывается главным объектом опеки Судислава, и когда королевичу удастся наконец заполучить Галич, то Судислав правит городом не в меньшей, а то и в большей степени, нежели венгерский принц. Когда же Андраш на время был принужден оставить галицкое княжение, то, по утверждению летописца, Судислав был тем единственным человеком, кто уезжал вместе с ним и на кого обрушились все проклятья галичан. В дальнейшем Судислав сумел вместе с королевичем вернуться в Галич и лишь после смерти Андраша в осажденном городе уехал в Венгрию, где его следы теряются.

Можно сказать, что летописный образ Судислава наделен как теми характеристиками и возможностями, которые обыкновенно даются лишь князьям, так и теми, какими обладают ближайшие к князю люди. Подобно князю, он располагает достаточным весом, чтобы привлечь на свою сторону иноземное войско. Даже если он оказывается в положении побежденного, то его власт-

ные претензии нельзя полностью игнорировать — он получает из рук победителя во владение целый город (Мстислав Мстиславич дает ему Звенигород) [Там же: 738]. Более того, Судиславу случается выступать в роли своего рода арбитра и советовать, кому из двух претендентов отдать искомый княжеский стол [Там же: 752]. Его отсутствие в городе служит для стороны противников сигналом к нападению [Там же: 758], ему принадлежит резиденция, находящаяся в своеобразном пограничье города и его окрестностей, а богатство этой резиденции поражает воображение тех, кому случается ее разграбить, само же это разграбление отвлекает нападающих от окончательного захвата Галича [Там же: 758]. Судислав выдает свою дочь за иноземного воеводу, чьи воинские амбиции всячески подчеркнуты высмеивающим его летописцем [Там же: 736]. Все это — характеристики, типичные скорее для княжеской летописной биографии. С другой стороны, Судислав, как это бывает с самыми приближенными к князьям людьми, берет на себя, например, функцию посла от Мстислава Мстиславича к его зятю Даниилу в тот момент, когда союзнические отношения между этими свойственниками, будучи весьма неустойчивыми, оказываются очень важны для старшего из них [Там же: 749]. При молодом Андраше его роль близка к той, что на Руси играют воспитатели, специально приставленные к юным княжичам, в силу тех или иных обстоятельств занявших самостоятельный стол [Пресняков 1908].

Такому модусу княжеского дядьки-регента в высшей степени соответствует «прикняжеский статус» тех людей, с которыми ему так или иначе приходится вступать в самую напряженную борьбу и в самый тесный союз. Это могут быть сыновья княжеского кормильца, один из которых, Владислав, умудрился перешагнуть ту, казалось бы, узкую, но весьма глубокую пропасть, отделяющую их от князей, и самому сесть на галицкий стол; это может быть вдова княжеского кормильца, которая настолько привержена интересам Судислава, что уговаривает своего зятя сдать город Ярослав [ПСРЛ (2): 765]. Иначе говоря, Судислав входит в круг тех лиц, с которыми самые разные князья с детства, если не с рождения, связаны узами особого типа, которые исследователями порой характеризуется как искусственное или конструируемое родство. Узы эти в родовом мире Средневековья порой оказываются не менее значимыми, чем узы свойства или даже подлинного родства по крови.

Таким образом, имя, которое некогда носил князь, в данном случае принадлежит человеку, статус которого ниже княжеского даже не на одну ступень, а лишь на полступени.

Был ли этот Судислав, которого иногда в исследовательской литературе именует *Великим*, единственным обладателем такого имени после князя Судислава Владимировича? Скорее всего, в галицко-волынских землях их было несколько, по крайней мере, весьма вероятно, что некий Судислав Ильич, также упоминаемый в летописи, — это отдельное лицо, самостоятельный носитель данного антропонима (ср. [Dąbrowski 2012: 532]).

Кроме того, в Новгородской летописи и в берестяных грамотах встречаются имена *Судило* (*Судил*) и *Судини*³. В новгородских источниках за ними, со всей очевидностью, скрываются по крайней мере три разных человека, один

³ См.: [ПСРЛ (3): 26, 212, 27, 214, 29, 216, 164; Зализняк 2004: 275, № 121а, 374–375, № 235].

из которых участвовал в переписке не позднее 10-х годов XII в., другой неоднократно становился посадником в 40-е годы этого же столетия и скончался в 1156 г., тогда как третий (Судиша) действовал, скорее всего, в 60–70-е годы XII в. Говоря об этих лицах, можно было бы выстроить весьма интересную картину бытования имени *Судислав* в Новгороде, однако здесь мы оказываемся в плену по крайней мере двух «если». Все наши построения будут актуальны только в том случае, если *Судил*, *Судило*, *Судиша* действительно являются гипокористическими формами имени *Судислав* и если все новгородские Судилы были не просто тезками, а находились друг с другом в родстве.

Последнее представляется весьма вероятным, тем более что время появления Судил и Судиши в источнике как нельзя лучше соответствует тому, что можно назвать шагом через поколение (внука называют в честь деда), столь характерного для именнаяречения в родовой традиции. Судил, упоминаемый в грамоте широкого рубежа XI–XII вв. [Зализняк 2004: 275, № 121a], мог бы приходиться дедом (родным или двоюродным) посаднику Судиле Иванковичу, умершему в середине 50-х годов XII в., а Судише, в свою очередь, легко находится место в поколении внуков (родных, двоюродных или троюродных) этого посадника Судилы.

Более всего известий дошло до нас, естественным образом, от «среднего» из них. Этот Судила Иванкович был в числе противников партии Якуна Мирославича⁴ и князя Святослава Ольговича, укрывался от них в Суздаде у Юрия Долгорукого и, возвратившись оттуда вместе с Нежатой и Страшком, впервые получил посадничество, которое продлилось около трех лет. Примечательно, что одновременно с известием об их возвращении из Суздаля летопись упоминает, что Юрий дал приют только что с позором низверженным в Новгороде братьям Мирославичам, Якуну и Прокопию [ПСРЛ (3): 26], — очевидно, князь или его окружение поочередно поддерживали обе враждующие стороны новгородской знати. Став вторично посадником в 1147 г., Судила Иванкович удерживал власть на этот раз довольно долго, вплоть до 1156 г., однако вскоре после того, как в Киеве сел Юрий Долгорукий, он был изгнан из посадничества и через пять дней умер, а его место было отдано Якуну Мирославичу [Там же: 29]. Нет, таким образом, никаких сомнений, что Судила принадлежал к высшему слою новгородской знати (в исследовательской литературе небезосновательно принято считать его сыном посадника Иванка Павловича)⁵, был

⁴ Согласно реконструкции А. А. Гиппиуса и А. Е. Мусина, Якун и Судила были троюродными братьями и принадлежали к одному и тому же обширному роду Роговичей, потомков Рёгнвальда Ульвссона (Старого) [Gippius 2014: 393–396; Musin 2014: 394, 396]. В свете нашего исследования эта гипотеза представляется весьма соблазнительной, поскольку демонстрирует принадлежность Судилы к одному из варяжских по происхождению кланов, связанных с Рюриковичами узами свойства, перерастающего в кровное родство. Не стоит, впрочем, забывать и о явном политическом противостоянии, которое существовало между двумя интересующими нас лицами, Якуном Мирославичем и Судилой Иванковичем — разумеется, оно не упраздняет гипотезу об их кровном родстве, но едва ли способно ее подкрепить.

⁵ А. А. Гиппиус [2001: 65, табл.; Musin 2014, 394] полагает, что братом Судилы был Несьда и что имена этих братьев были связаны этимологически (устное сообщение; ср. также [Зализняк 2004: 357]). Такая гипотеза представляется очень перспективной в свете взаимодействия боярина Судислава и вдовы Нездилы в Галиче несколько десятилетий спустя. Не мог ли покойный муж последней быть попросту близким родичем галицкого Судислава, подобно тому, как родичами были, по-видимому, Судила и Несьда новгородские?

лично связан с Рюриковичами и ему случалось жить и действовать за пределами Новгорода, полагаясь на личное покровительство князя. Соответственно, некий отблеск этой элитарности падает и на его менее известных по источникам старшего и младшего тезок-(родичей?). Отметим попутно, что элитарный характер носит и сама семантика основы *-суд-*, связанная с определенными властными административными полномочиями.

Куда больше проблем, однако, вызывает в нашей реконструкции другое — собственно ономастическое — «если». Очевидно, что такие одноосновные антропонимические формы, как *Судил(a/o)* или *Судиша*, создают своеобразную зону неразличения — они могут отсылать сразу к нескольким двухосновным именам или восприниматься как отдельное полноценное имя. Поскольку же в новгородском материале из двухосновных имен с элементом *-суд-* обнаруживается только *Судимир*, у нас нет твердых оснований полагать, что приведенные выше формы восходят именно к интересующему нас *Судислав*⁶. Иными словами, сколько-нибудь уверенно мы можем говорить о присутствии имени *Судислав* только в галицко-волынском княжестве, тогда как в Новгороде его наличие можно лишь подозревать. Тем не менее долговременное присутствие в новгородской элитарной традиции его первого элемента *-суд-* сомнений не вызывает, и этот факт сам по себе небезынтересен для истории того антропонимического конструктора, из которого собираются княжеские имена. Задумываясь над тем, где Владимир Святой взял для своего сына имя *Судислав*, мы должны не упускать из виду, что несколько позже элемент *-суд-* окажется столь же органичным для севера Руси, сколь и для более южных и западных частей славянского мира.

Станислав

История другого «одноразового» династического имени — *Станислав* — может показаться менее яркой, поскольку в нашем распоряжении нет подробного описания обстоятельств, приведших к тому, что из династии оно выпало. Зато ареал его распространения в качестве имени некаяжеского более широк и географически, и хронологически. Что касается исходного владельца этого антропонима, князя Станислава Владимировича, то о его матери и ее этнических корнях ничего не известно, точно так же, как и о материнской родне его брата Судислава. В поздних летописях сообщается, что от отца Станислав получил Смоленское княжество, однако в древнейшем летописании таких сведений нет, и в целом они выглядят скорее недостоверными. Решительно неизвестно, куда наш княжич делся после смерти отца, так что представляется вполне вероятным, что он попросту не пережил его и наследников, способных претендовать на власть, после себя не оставил. Именно такое положение дел объясняло бы исчезновение этого имени из династического антропонимикона, однако, повторимся, никаких бесспорных указаний на сей счет у нас нет.

Так или иначе, имя *Станислав*, не прижившись у Рюриковичей, всплывает в среде некаяжеской элиты достаточно быстро, причем первый же известный

⁶ Если все-таки *Судила* — это одна из форм интересующего нас имени *Судислав*, то уместно обратить внимание на то обстоятельство, что старший из упомянутых Судил должен был появиться на свет в последней трети XI в. [Зализняк 2004: 275, № 121a], т. е. в ту пору, когда не стало князя Судислава Владимировича.

нам случай его появления связан с лицом, входящим в круг непосредственных советников и приближенных князя.

Согласно той части Пространной Правды, которая именуется уставом Владимира Всеволодича (10-е годы XII в.), так звался переяславский тысяцкий, выступающий в роли свидетеля и/или участника составления этого законодательного текста:

А се уставъ Володимерь Всеволодиця: по Святополци съзавъ дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора Киевскаго тысячьскаго, Прокопия тысячьскаго Бѣлогородскаго, Станислава Переяславскаго тысячьскаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа... [ПСРЛ (3): 493].

Обратим внимание, что подобно тому, как в первой половине XIII в. в Галиче боярин Судислав существовал в союзе и противостоянии с обладателями двухосновных славянских имен *Мирослав* или *Володислав*, в начале XII в. носитель имени *Станислав* фигурирует в окружении людей с именами точно такими же или устроенными аналогичным образом (*Мирослав*, *Ратибор*)⁷. Ономастическая симметрия, на наш взгляд, соответствует здесь некой симметрии социальной.

Следующее по времени упоминание имени *Станислав* обнаруживается в столь же элитарном списке. Речь идет о самых знатных из людей, плененных или погибших в битве между младшими сыновьями Владимира Мономаха и Ольговичами (1136 г.):

...и гаша боарь много . Двда Друновича тысячьскаго Киевскаго и Станислава добраго Тудьковича и прочи⁸ много [ПСРЛ (1): 304].

Поскольку битва происходила под Переяславлем, где, если полагаться на устав Владимира, почти четверть века назад некий Станислав был тысяцким, можно допустить, что в данном летописном пассаже речь идет о нем самом или, что куда вероятнее, о ком-то из его младших родичей (племяннике, внуке, внучатом племяннике и т. п.). Вполне вероятно также, что захваченный и казненный в 1148 г. переяславец Станиславич, пришедший с князем Глебом Юрьевичем (внуком Владимира Мономаха) сражаться против Мстислава Изяславича, был сыном или другим ближайшим младшим родичем Станислава Тудковича [ПСРЛ (2): 364].

Так или иначе, очевидно, что имя *Станислав* тесно связано с городом Переяславлем, тем самым, где так долго княжил отец Мономаха, Всеволод Ярославич, а затем и сам Мономах и куда русские князья позднее стремились перевести своего ближайшего наследника, родича, которому намеревались вскорости передать старший киевский стол.

⁷ Решимся предположить, что фигурирующий здесь Мирослав — это тот же самый человек, что и знаменитый Мирослав Гюрятинич, неоднократно получавший посадничество в Новгороде, который впоследствии пытался мирить киевлян с черниговцами [ПСРЛ (3): 23, 208]. См. об этом подробнее: [Литвина, Успенский (в печати)].

С другой стороны, в конце XII — первой половине XIII в. это имя, насколько мы можем судить по источникам, не меньшей популярностью пользовалось и у той элиты, что была связана с Галичем. В 1209 г. братья Станиславици — Иванко и Сбыслав — бегут из Божска, будучи, по-видимому, противниками той группировки, которую возглавляли Судислав и Володислав с братьями [ПСРЛ (2): 728]. Если исходить из того, что *Станиславици* — это их патроним, а не более общее родовое именование, то следует полагать, что их отец, обладатель имени *Станислав*, родился не позднее последней трети XII столетия. Двумя десятками лет позже в галицких войнах подростки князей Даниила и Василько будут участвовать на довольно ответственных ролях некий Станислав Микулич [Там же: 756] — он вполне мог бы быть ближайшем потомком или родичем Иванка и Сбыслава Станиславичей (Сбыслав, к примеру, вполне мог носить имя *Николай* в крещении). Однако все предположения такого рода обречены, по-видимому, оставаться неverified гипотезами. Так или иначе, имя *Станислав* воспроизводится здесь не менее, а то и более полувека, и носят его представители высшего эшелона элиты, которые лишь немногим уступают в статусе таким людям, как галицкий Судислав или переяславский тысяцкий Станислав.

Были ли *Станиславы* в Новгороде? При ответе на этот вопрос возникают те же трудности, что и с присутствием здесь обладателей имени *Судислав*. У новгородцев есть именование *Станил* и патроним *Станилович*, однако воспринимался ли соответствующий антропоним как самостоятельное имя или как производное от *Станислав* или *Станимир*? В свое время составитель Никоновской летописи реконструировал имя *Станислав* в списке «детей» смещенного новгородского посадника Дмитра Мирошкиничича [ПСРЛ (10): 59], однако на деле в древнем новгородском летописании здесь фигурирует Твердислав Станилович [ПСРЛ (3): 51, 248]. Даже если мы склонны считать *Станил* гипокористической формой от некоего двухосновного имени, то с большей вероятностью ее можно возводить к *Станимир*, потому что полное *Станимир* в качестве личного имени и образованного от него патронима в Новгороде зафиксировано, а *Станислав* — нет. При этом с твердой уверенностью мы можем говорить лишь о том, что один из элементов этого композита, *-стан-*, в Новгороде известен и употребим. Для Переяславля же и галицко-волынского княжества могут быть реконструированы две цепочки повторов этого имени в нескольких поколениях, возможно, обусловленные родовыми связями их обладателей. О том, насколько связаны между собой эти региональные линии, галицкая и переяславская, сказать пока затруднительно.

Вышеслав

Проблема соотношения двухосновных и одноосновных (гипокористических?) форм имеет самое непосредственное отношение и к вопросу о том, перешло ли в антропонимикон знати третье из имен, однократно появившихся в династии при Владимире Святом. Попросту говоря, как соотносится княжеское *Вышеслав* и встречающееся у представителей элиты *Вышата*? Имеет ли отношение хотя бы к одному или к обоим этим антропонимам гипокористическая форма *Вышко*; как связано с ними именование *Вышена*? Что ка-

сается формы *Вышата*, то мы по крайней мере можем быть уверены, что, с одной стороны, образованиям на *-ата/ята* свойственно выступать в качестве производных от полных имен (ср. *Георгий* > *Гюрята*, *Климент* > *Климята*, а также *Жирята*, *Мирята* или *Гостята*), а не только в функции самостоятельного именования. С другой стороны, если допускать, что это и в самом деле гипокористическое образование от некоего двухосновного имени, то *Вышеслав*, скорее всего, является единственным кандидатом на роль производящего антропонима — никаких других имен с основой *-выш-* на Руси как будто бы не наблюдается.

При этом связь имени *Вышеслав* и *Вышата*, пожалуй, наиболее значима в свете интересующей нас проблемы, ведь Вышаты появляются на страницах летописей чрезвычайно рано, и по крайней мере об одном из них известно, что он состоял с родом Рюриковичей в неких семейственных отношениях. Под 1064 г. мы находим в «Повести временных лет» сообщение о том, что вместе с князем Ростиславом Владимировичем в Тмутаракань бегут два человека — Порей и Вышата, «сѣнь Встромирь», воеводы новгородского [ПСРЛ (2): 152]. Новгородский же посадник Остромир в знаменитой приписке на созданном по его заказу Евангелии именуется *близоком* князя Изяслава Ярославича. Древнерусский термин *близок* может отсылать как к отношениям кровного родства (по-видимому, как это ни парадоксально, не самого ближайшего), так и — чаще — к отношениям свойства, родства по браку. Коль скоро Остромир был княжеским свойственником или родственником, то таковым автоматически оказывается и его сын Вышата, но вот на чем именно зиждились эти родственные узы, в источниках не сообщается.

В исследовательской литературе можно столкнуться с двумя основными гипотезами на сей счет. Согласно одной из них, предполагается, что Остромир был внуком Добрыни, дяди Владимира Святого с материнской стороны, и, соответственно, приходился Владимиру племянником, а князю Изяславу Ярославичу троюродным дядей, что неплохо согласуется с теми категориями родства, которые покрываются семантикой термина *близок*⁸. Вышата в таком случае был бы четверюродным братом этого князя. Другая гипотеза, предложенная А. Поппэ [1997], предполагает свойство Остромира с княжеским домом — его жена, Феофана, также упомянутая в записи на Евангелии, могла быть не кем иной, как дочерью Владимира Святого и византийской принцессы Анны⁹.

Как известно, еще раз имя *Вышата* с пометой «отец Яня» появляется в летописи на 21 год раньше, при описании византийского похода 1043 г. Первоначально его отождествляли с Вышатой, сыном Остромира, но сейчас большая часть исследователей склоняется к тому, что это два разных человека. Сомнения в тождестве двух Вышат рождаются из хронологических выкладок.

⁸ Обсуждение этой версии с указанием литературы см. в [Гимон 2013]. Автор приводит ряд собственных аргументов, свидетельствующих об особой близости сообщений, относящихся к Добрыне, Константину и Остромиру, однако совершенно справедливо отмечает, что нет ни одного сколько-нибудь безусловного доказательства кровного родства между этими лицами [Там же: 96–103].

⁹ Тогда наш Вышата Остромирович мог бы оказаться кузеном киевского князя Изяслава Ярославича по материнской линии и, соответственно, двоюродным дядей Ростислава Владимировича, с которым он вместе бежит в Тмутаракань.

Янь Вышатич, «старец добрый», умирает в 1106 г., причем в сообщении о его кончине указывается, что отроду ему было 90 лет и он до последнего времени еще ездил верхом [ПСРЛ (1): 281]. Едва ли летописец, формирующий хронологическую сетку своего повествования, мог слишком сильно преувеличивать возраст весьма значимого для него информанта, так что Янь должен был появиться на свет не позднее конца 10-х годов XI в. Его отец, Вышата, соответственно, родился не позже самого начала XI столетия. Если Остромир был отцом этого Вышаты, то он, в свою очередь, должен был появиться на свет самое позднее в середине 80-х годов X в. При таком расчете Вышата бежит в Тмутаракань, находясь в довольно почтенном для русского Средневековья возрасте (60 с чем-то лет), а его отец Остромир заказывает вкладное Евангелие и держит посадничество в Новгороде, перевалив за 70-летний рубеж. Все это не представляется невероятным — в конце концов, долгожительство и отменное здоровье вполне могли быть наследственными качествами всех трех поколений этой семьи, однако определенные сомнения здесь неизбежны. Кроме того, Феофана едва ли могла быть одновременно дочерью византийской принцессы Анны (вышедшей замуж не ранее 988 г.) и родной бабушкой Яня Вышатича, родившегося во второй половине 10-х годов XI в. Это, впрочем, не мешает считать Остромира его дедом — в таком случае Феофана попросту могла быть не первой супругой новгородского наместника.

Казалось бы, мысль о тождестве людей с именем *Вышата* (Вышаты, отца Яня, и Вышаты, сына Остромира), фигурирующих в летописи под 1043 и 1064 гг., подкрепляется тем, что носитель этого имени теснейшим образом связан с совершенно определенной линией княжеского дома: так зовут воеводу при молодом князе Владимире Ярославиче и самого близкого сторонника сына этого князя — Ростислава Владимировича, многие годы находившегося в довольно трудной династической ситуации, поскольку ему довелось лишиться отца при жизни деда. На самом деле эта связь вовсе не обязательно указывает на то, что отцу и сыну помогает один и тот же человек. Скорее можно допустить, что речь идет о трех представителях одной и той же семьи, преданной конкретному княжескому дому, — Вышате Старшем, Остромире и Вышате Остромириче. Обратим внимание, что в приписке к Остромирову Евангелию всячески манифестируется связь донатора именно с князем Владимиром — автор этого текста в определенном смысле разграничивает то наследие, которое Изяслав Ярославич получил от отца, и то, что досталось ему же от брата Владимира. При этом в приписке подчеркивается, что наследие Владимира Ярославича, Новгород, князь поручил не кому иному, как Остромиру¹⁰. Еще раньше Вышеслав Старший был приставлен Ярославом Мудрым к своему сыну, отправляемому на новгородское княжение, а гораздо позже Вышата Остромирич (младший из двух Вышат?) бежит вместе с сыном Владимира Ярославича, Ростиславом, с Волыни в Тмутаракань.

Примеры подобной преданности некоего знатного рода определенной семье Рюриковичей можно отыскать, в частности, в рассказе Киево-Печерского

¹⁰ «...Изяславоу же кнѣзюу тогда прѣдлежащоу обѣ власти. и оца своего Ідрослава и брата своего Володимира самъ же Изяславъ кнѣзь правлѣаще столь оца своего Ідрослава Киевѣ. А брата своего столь поржчи правити близокоу своему Остромироу Новѣгородѣ» [Востоков 1843: 294].

патерика, где сообщается, что Ярослав Мудрый поручает варягу Шимону/Симону службу при своем сыне Всеволоде, а в дальнейшем сын этого Шимона/Симона становится дядькой и чем-то вроде регента при внуке Всеволода, малолетнем Юрии Долгоруком, отправляемом в Суздаль. Когда же Долгорукому удастся заполучить Киев, он, согласно рассказу патерика, отдает в управление Георгию Симоновичу «яко отцу» всю Суздальскую область [Абрамович 1911: 5]. Трудно не заметить параллелизм этого рассказа из патерика и истории взаимодействия рода Вышаты и Остромира с ветвью Владимира Ярославича.

С точки зрения нашей работы немаловажно, что сын Шимона/Симона носит имя *Георгий*, являясь, таким образом, тезкой двух князей: Ярослава/Георгия Мудрого по крестильному имени и своего подопечного Юрия Владимировича — по христианскому имени, уже ставшему династическим [Литвина, Успенский, 2020b: 88–90]. Существенно также, что род Шимона Варяга до поры до времени больше связан с определенным княжеским домом, а не с определенным регионом. Исходно Шимоновичи отнюдь не были суздальскими боярами — в этом городе они оказываются и оседают только благодаря тому, что именно туда был послан юный князь Юрий Владимирович Долгорукий.

История с именем *Вышата*, очевидным образом, не дает столь развернутой генеалогической последовательности, как рассказ патерика о роде пришедших варягов, осевших на Руси. Однако в свете интересующей нас проблемы выбора и передачи имени следует еще раз обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, если мы согласимся, что Вышат было двое и они состояли в родстве друг с другом, а соответственно, с ними обоими и друг с другом в некоем родстве состояли Остромир и Янь, перед нами развернется довольно обширная картина тех пространственных перемещений, обусловленных службой князю, которые один и тот же знатный род претерпевал на протяжении двух-трех поколений. Остромир хотя бы некоторое время живет в Новгороде, Вышата Старший, возможно, тоже находился там во времена новгородского княжения Владимира Ярославича, Янь Вышатич провел конец жизни в Киеве, а Вышата сын Остромира — по всей видимости, на Волыни и в Тмутаракани. В этой картине относительно мало что изменится, если допустить, что при отце и сыне, князьях Владимире и Ростиславе, состоял один и тот же человек по имени *Вышата* — в таком случае окажется, что ему одному довелось жить и в Киеве, и в Новгороде, и в Тмутаракани, и на Волыни.

Во-вторых, и это еще более существенно, этот род был связан с княжеским домом родством или свойством, которое в определенном поколении могло перейти в кровное родство по женской линии. Иными словами, если *Вышата* это не что иное, как гипокористика от *Вышеслав*, то его появление здесь было в той или иной степени спровоцировано родством по женской линии, одним из важнейших механизмов родового мира.

Ранее, говоря об имени *Станислав*, мы могли лишь констатировать, что вплоть до 60-х годов XII в. его обладатели связаны скорее с Переяславлем, а в конце века и в первой половине XIII столетия — с галицко-волынской землей, но у нас не было никаких данных о траектории распространения этого антропонима. Соответственно, какие бы то ни было предположения о связи

Станиславов переяславских и Станиславов галицких остаются сугубо реконструктивными. В случае же с именем *Вышата* дело обстоит хотя бы немногим яснее. Имя это, как и имя *Станислав*, в XIII столетии всплывает в галицко-волинской земле. Мы обнаруживаем его в составе патронима у того самого преданного зятя, Давыда Вышатича, который так полагался на свою тещу, что сдал город Ярослав сторонникам венгерского королевича [ПСРЛ (2): 764–765].

Фигура этой тещи не один раз привлекала внимание исследователей, поскольку не так часто случается, чтобы на страницах летописи решающим фактором в каком бы то ни было деле оказывались политические пристрастия женщины, которая к тому же не была ни княгиней, ни княжной-монахиней. Как мы уже упоминали выше, эта неординарная дама была супругой (скорее всего, вдовствующей) княжеского кормильца Нездилы и при этом являлась сторонницей Судислава. Таким образом, мы узнаем, что Нездила прижизненно или, так сказать, посмертно был сватом Вышаты, и это вполне недвусмысленно говорит о близости их социального статуса.

Этого Нездилу в исследовательской литературе, начиная с М. С. Грушевского [1904–1922 (3): 50], нередко отождествляют с отцом кормиличича Володислава (того самого, кому ненадолго удалось заполучить галицкий стол) и его братьев. В связи с этим отождествлением возникает целый ряд проблем и сюжетов, о которых нам еще предстоит говорить ниже, однако независимо от того, идет ли речь в Галицкой летописи о двух семьях княжеских кормильцев или об одной, очевидно, что мы имеем дело с людьми, максимально приближенными к Рюриковичам благодаря искусственному родству, и что воевода Давыд вместе со своим отцом Вышатой несомненно к этому кругу принадлежали.

Можно ли заподозрить какую-то связь между Вышатами, так сказать, ранними и их более поздним галицко-волинским тезкой? Если мы вспомним династическую биографию князя Ростислава Владимировича, одним из причудливых витков которой стало бегство в Тмутаракань вместе с Вышатой Остромиричем, то появление имени *Вышата* в самой элитарной части галицко-волинского боярства покажется совсем не удивительным.

Действительно, именно Волынь была выделена Ростиславу в управление его дядьями и именно в этих краях утвердились его сыновья, Рюрик, Володарь и Василько, а впоследствии внук и правнук, Владимир Галицкий и Ярослав Осмомысл. Естественно предположить, что Вышата Остромирич, не бросивший своего князя даже во дни тмутараканьской авантюры, оставался привержен его семье и далее. Соответственно, он и его ближайшие потомки могли последовать за «своими князьями» на Волынь, осесть там и сохранить как свою близость к этой ветви династии, так и свой собственный родовой антропонимикон.

С ономастической точки зрения здесь любопытны два обстоятельства. С одной стороны, в кратком повествовательном фрагменте сходятся два антропонима, один из которых связан с династией наверняка (*Судислав*), а другой — с довольно высокой степенью вероятности (*Вышата* < *Вышеслав*?).

С другой стороны, легко представить, что такой сценарий, когда люди с именами *Вышата* и *Нездил* становятся сватами, разворачивался бы не на галицкой, а на новгородской почве — оба этих антропонима присутствуют у

новгородской знати XII — начала XIII столетия как в виде личных имен, так и в составе патронимов¹¹. Не исключено, что новгородские Вышаты были потомками Остромира, державшего здесь посадничество в середине XI в., — судя по приписке к Евангелию, детей у Остромира было несколько, и если один из них, Вышата Остромирич, переселился со своей семьей на Волынь, то другие могли остаться в новгородских землях, воспроизводя традиционное для рода имя. Вполне вероятно, что для всех этапов бытования имени *Вышеслав* здесь на северо-западе особую роль сыграло и то обстоятельство, что Вышеслав, сын Владимира Святого, в свое время княжил именно в Новгороде¹².

Кроме того, если мы допускаем, что *Вышко* — это, как и *Вышата*, гипокористическая форма имени *Вышеслав*, то следует принять во внимание пассаж из Ипатьевской летописи, относящийся к началу 60-х годов XII столетия, где сообщается, что Вышко, посадник Мстислава Изяславича, был выгнан из Торческа [ПСРЛ (2): 519]. Данная ремарка, помимо всего прочего, могла бы задать альтернативную траекторию проникновения этого антропонима в галицкие земли: в конце XII в. Торческ в числе других киевских земель передается сыну Мстислава — Роману Галицкому¹³.

Если же отважиться на расширение и углубление подобной реконструкции генеалогии знатной семьи, то нетрудно представить, каким образом интересующий нас Вышко в свое время стал приближенным Мстислава Изяславича. Судя по имени, он мог принадлежать к тому же роду, что и киевский тысяцкий Янь Вышатич. Родных сыновей Янь, судя по всему, по себе не оставил, однако его высокое положение в Киеве позволяло ему и собрать вокруг себя «близких» и закрепить имя своего отца в антропонимиконе этих покровительствуемых родичей.

В целом же, мы полагаем, что такие антропонимические единицы, как *Вышата* и *Вышко*, дают возможность выстроить пусть и достаточно гипотетическую, но не лишенную правдоподобия историю рода, весьма обширного и настолько знатного, что он уже к середине XI в. состоял в кровной связи с Рюриковичами по женской линии. На протяжении всего домонгольского времени его представители были посадниками и воеводами в самых разных областях Руси и, что не менее важно, сохраняли личную близость с князьями, порой перемещаясь вместе с ними из региона в регион и формируя надежный круг дальнего и ближнего искусственного родства для правителя. Эти-то связи и обеспечивали Рюриковичам поддержку в ситуациях, когда приоритетное кровное родство по тем или иным причинам в очередной раз оказывалось источником конфликта.

¹¹ Так, мы находим его в берестяной грамоте из Старой Руссы, которая, по всей видимости, относится к середине XII в. [Зализняк 2004: 328–329 (Ст. Р. 15)].

¹² Не женился ли этот князь (подобно нескольким его родичам XII в.) на новгородке? Не объясняется ли родство Остромира и его сына Вышаты с Рюриковичами таким матримонильным союзом? Этот вопрос безусловно нуждается в дальнейшем исследовании.

¹³ Не обязательно думать, что потомки изгнанного посадника Вышко попросту переселились 30 лет в этих землях — коль скоро Вышко был приближенным Мстислава Изяславича, то наследники этого изгнанника много лет спустя могли оказаться на службе у княжеского сына, где бы им ни пришлось провести десятилетия, отделяющие короткое княжение Мстислава в Киеве от сидения Романа в Галиче.

* * *

При сопоставлении всех этих данных вырисовывается контур общего механизма антропонимического трансфера сверху вниз. Сам факт, что в тех редких случаях, когда этот трансфер осуществляется, в роли получателя оказывается знать, а не, скажем, простолюдины, удивления, конечно же, не вызывает. Небезынтересно скорее, что именно это за знать и какие отношения с властью ассоциируются с передачей имени, некогда принадлежавшего династии. Интерес этот тем более естественен, что сведения о княжеской элите, предоставляемые летописью, огорчительно скудны, фрагментарны и, в сущности, непоследибельны. В самом деле, отрезок Галицко-Волынской летописи, посвященный событиям 20–40-х годов XIII столетия, традиционно считается «боярским», сосредоточенным на роли и деяниях местной элиты, но даже здесь мы не найдем решительно никаких сведений ни о предках, ни о горизонтальных генеалогических связях, ни о кончине столь могущественного и влиятельного лица, как наш Судислав, чей политический вес был, по-видимому, сопоставим с весом иных русских династов. В целом же история знатных родов изобилует белыми пятнами, и пятна эти достигают таких размеров, что всякий разговор о структуре, функциональной дифференциации и ролевом распределении элит оказывается крайне затруднительным. Есть надежда, что ономастический подход способен хоть что-то прояснить в этой области.

В нарративе, в именослове, а по-видимому, и в реальности князей от не-князей в «исторический» период (в ту пору, когда уже ведется регулярное летописание) отделяет пропасть. В это время род Рюриковичей не имеет конкурентов в сфере властных полномочий, более того, никто из соотечественников как будто бы не выражает стремления говорить с ними на равных, не претендует на древность или знатность рода, сопоставимые с княжескими, — во всяком случае, именно так представлено дело в древнейшей русской историографии. Разумеется, сами князья всячески культивируют и манифестируют эту пропасть, а именослов, как уже говорилось, является весьма действенным средством подобной манифестации уникальности собственного рода. Однако именослов же и позволяет убедиться, что этот безусловно существующий разрыв допускает некое наведение мостов.

Княжеские имена, единожды появившиеся в династии при Владимире Святорм, в дальнейшем уходят в те роды, на которых из поколения в поколение возлагаются своеобразные заместительные функции — наместника взрослого князя в том городе, где он не сидит; дядьки-регента при юном княжиче там, где нет его отца; свидетеля/участника при составлении юридического документа от лица правителя; опоры князя в ситуации, когда родичи по отцу отказывают ему в осуществлении наследственных прав. Словом, речь идет о той части аристократии, которая порой оказывается ниже самих Рюриковичей не на одну, а лишь на полступени, будучи связана с ними родством по женской линии или родством искусственным, конструируемым.

Все эти антропонимы — *Судислав*, *Станислав* и *Вышеслав* (?) — появляются за пределами правящего рода лишь после того, как сами князья перестают их использовать, и это, со всей очевидностью, не менее значимый принцип перемещения династического антропонима.

Разумеется, весьма важным параметром ономастического взаимодействия князей и прикняжеской элиты была бы скорость подхватывания выпадающих имен. Судьба имен сыновей Владимира не дает почвы для безапелляционных утверждений, но вполне позволяет предположить, что больших задержек и промедлений здесь не бывало, — коль скоро ближайшее поколение потомков Рюриковичей не проявляет интереса к тому или иному династическому имени, этот интерес просыпается в той особой среде, которая их окружала. Вопрос о том, как быстро начинается новая жизнь династических имен, отчасти может быть прояснен наблюдениями за другими группами, так сказать, переходных ономастических единиц.

Уязвимые династические инновации XI столетия

Как уже упоминалось выше, такого обилия нововведений, каковое мы находим в эпоху сыновей Владимира Святого, мы не встретим более ни в одном из поколений Рюриковичей. Но ни одному из тех имен, что появятся в династии позже, не было уготовано столь скорого забвения, как тем трем, что обсуждались нами только что. Такие антропонимы, как *Брячислав*, *Вячеслав* или *Рогволод*, появившиеся у внуков или правнуков Владимира Святого, затем по несколько раз воспроизводились в династическом именослове. Тем не менее некоторые из них — а именно *Рогволод* и *Вячеслав* — мы обнаруживаем в летописных источниках и за пределами княжеских семей. При этом судьба их различна и нуждается в отдельном рассмотрении.

Немаловажным здесь оказывается то обстоятельство, что более поздние новшества, хотя подбирались как имена династические, а не крестильные, но появлялись в христианской стране на фоне сложившейся и устоявшейся практики наречения христианскими именами. Распространившаяся в княжеской среде двуименность позволяла двум ее компонентам, именам из родового фонда и из церковного календаря, существовать относительно автономно, но, разумеется, эта автономность не могла быть абсолютной, и два ономастикона, хотя и существовали на основании несколько различающихся принципов, полностью изолированы друг от друга не были.

Рогволод

Имя *Рогволод* выделяется в династическом антропонимиконе Рюриковичей сразу по нескольким параметрам. Прежде всего про него заведомо и наверняка известно, что оно приходит в княжеский дом благодаря родству по женской линии. Как мы знаем, так звали отца Рогнеды, матери четырех русских князей, Изяслава, Ярослава, Мстислава и Всеволода, и двух княжон. Подобного рода казус весьма ценен, так как он позволяет убедиться, что такой путь пополнения собственного именослова на ранних этапах существования династии был в принципе возможен, а, соответственно, реконструкции, основанные на заимствовании тех или имен из материнского рода, обретают куда большее правдоподобие.

Не менее существенно, однако, как именно это заимствование происходило. Прежде всего показательна его, так сказать, хронология — имя *Рогволод*

не получает ни один из родных сыновей Владимира и Рогнеды, не было оно дано и сыновьям Изяслава Владимировича, ветвь которого унаследовала Рогволодовы земли. Сыновья Изяслава, появившиеся на свет при жизни деда и бабки, были, как известно, наречены *Всеславом* и *Брячиславом* — совершенно новыми для династии именами. *Рогволодом* становится лишь правнук Изяслава Владимировича, внук Брячислава, князь Рогволод Всеславич.

Иными словами, оно появляется в правящем доме лишь в ту пору, когда времена Рогнеды и Владимира стали далеким прошлым, когда уже сформировалась традиция рефлексии, направленной на это прошлое. На это время приходится новый виток внутридинастической борьбы Рюриковичей, и в этой перспективе подобный выбор имени явным образом обособлял полоцкую ветвь от всего остального княжеского рода, причем эта обособленность признавалась и подчеркивалась всеми участниками конфликта.

В то же время антропоним *Рогволод* у полоцких князей давно воспринимался как имя одного из предков по отцу (Всеслав, выбравший его для своего сына, был правнуком Рогнеды и праправнуком первого Рогволода) и уж ни в коей мере не был свежим приобретением, позаимствованным из семьи матери нарекаемого княжича. Первоначальное родство по женской линии успело, так сказать, отстояться и сделаться для новорожденного родством по линии мужской. Еще одной существеннейшей характеристикой династической судьбы имени *Рогволод* окажется консервация этой обособленности — оно будет воспроизведено только у полочан и никакой другой ветвью правящего дома не подхватывается.

Однако было ли оно ко второй половине XI столетия исключительным достоянием Рюриковичей? Судя по летописи, собственных наследников у прибывшего из Скандинавии Рогволода (Рёгнвальда) Полоцкого, отца Рогнеды, не оставалось — обоих его безымянных сыновей истребил вместе с отцом будущий креститель Руси. Таким образом, передаваться по собственно мужской линии в этой семье имя *Рогволод* никак не могло. Однако несколько десятилетий спустя после его гибели на Руси появляется еще один Рёгнвальд, спутник шведской принцессы Ингигерд, жены Ярослава Мудрого. По всей видимости, этому Рёгнвальду суждено было стать прародителем обширного клана новгородских бояр Роговичей [Молчанов 1997а; 1997b; Гиппиус 2006; Musin 2014; Gippius 2014]. Характерно, однако, что это патронимическое образование по своей форме не совпадает напрямую с именем *Рогволод*, и, что еще более существенно, среди предполагаемых новгородских потомков этого рода вплоть до последней трети XII в. можно найти лишь христианское имя *Рагуил*, но не *Рогволод* и даже не *Рог*. Условно говоря, пока имя есть у князей, его нет в именослове элиты, и в этом отношении судьба имени *Рогволод* тождественна судьбе таких антропонимов, как *Станислав* или *Судислав*.

Появляется же имя *Рогволод* лишь в самом конце XII столетия, в ситуации с Полоцком вроде бы никак не связанной. Под 6700 г. в Ипатьевской летописи фигурирует некий человек по имени *Рогволод*, очевидно, приближенный молодого князя Ростислава Рюриковича:

...и посла Ростиславъ Рогъволода ко вѣю . просаа с Черными Клобоукы на Половци . и не поустѣ его вѣъ [ПСРЛ (2): 674].

Более никаких сведений об этом Рогволоде у нас нет, но имеются все основания полагать, что князем он не был. Кем же в таком случае этот человек, посылаемый юным княжичем к своему отцу, мог быть?

Имени *Рогволод* в линии Ростислава и его отца, Рюрика Ростиславича, никогда не встречалось, так что правило неприкосновенности княжеского антропонимического фонда соблюдено безусловно — нельзя сказать, что смоленские князья поделились династическим именем своей родовой ветви с кем-то из своих приближенных. С другой стороны, древний антропонимикон варяжских правителей Полоцка не был полностью чужд этой княжеской семье. Родную сестру Ростислава деда, Ростислава Мстиславича, в честь которого молодой князь в свое время и был наречен, звали *Рогнедой*. Ипатьевская летопись запечатлевает особую близость Ростислава-старшего с этой своей сестрой: незадолго до смерти он специально заезжает к ней, обдумывая возможность пострижения в монашество [Там же: 531].

Появление подобного имени у девочки из семьи Мстислава Великого выглядит достаточно естественно — будучи женат на шведке Христине, он не одной дочери, а сразу трем дает имена с германской или скандинавской окраской и собственно русской предысторией, нарекая их *Ингибьёрг*, *Маль(м)фрид* и *Рогнеда* [Литвина, Успенский 2006: 366–367]. Родного брата Христины (т. е. шурина Мстислава Великого) звали *Рёгнвальдом*, и *Рёгнвальдом* (*Рогволодом*) же был, как уже говорилось, полоцкий прапрапрадед Мстислава, однако само это имя князь при наречении сыновей использовать не захотел — оно в его глазах несомненно было атрибутом иной, полоцкой ветви княжеского рода. Для наречения же дочери имя *Рогнеда*, варьирующее антропоним из рода матери и воспроизводящее старинный антропоним из рода отца, годилось как нельзя лучше.

Судя по обстоятельствам встречи с братом, Рогнеда в 1167 г. не была монахиней, но при этом ничего не сказано о ее муже, и она нигде не именуется *княгиней*. Благодаря сочетанию этих деталей можно, как кажется, воссоздать образ вдовы, урожденной Рюриковны, некогда выданной замуж за представителя элиты. Княжнам из правящего дома иной раз случалось в ту пору вступать в брак с соотечественниками, не принадлежащими к династии, — именно это произошло, например, с одной из дочерей Юрия Долгорукого, кузиной нашей Рогнеды (ср. [Там же: 258, 263, 333, примеч. 26]).

Если это предположение верно, то появляющийся в летописи Рогволод, который, напомним, не будучи князем, весьма близок к юному Ростиславу Рюриковичу, вполне мог быть внуком Рогнеды, т. е. троюродным братом князя Ростислава, чем и объяснялся бы выбор его необычного имени. Это тем более вероятно, если вспомнить, насколько молодой Ростислав Рюрикович любил в своих смелых военных предприятиях кооперироваться с родичами своего поколения — например, с кузеном Мстиславом Мстиславичем Удатным, который в детстве, возможно, жил в его семье [Там же: 296–314]. В любом случае, чтобы выполнять деликатную роль ходатая перед отцом княжича и при этом быть названным по имени в летописи, Рогволод должен был обладать неким особым статусом в семье киевского князя, и место Ростислава двоюродного племянника не княжеского происхождения этому статусу отвечало бы в полной мере.

Мог ли этот таинственный Рогволод быть не внуком Рогнеды Мстиславны, а попросту представителем обширного и весьма знатного клана новгородских Роговичей? Разумеется, такое возможно. Делая подобное предположение, од-

нако, следует учитывать, что одно вовсе не исключает другого: наш Рогволод одновременно мог принадлежать к клану Роговичей и быть внуком княжны Рогнеды. В самом деле, весьма вероятно, что Рогнеда Мстиславна была тем или иным образом связана с Новгородом не только в юности, но и под конец жизни, — во всяком случае, в найденном в церкви Благовещения на Городище граффито, возможно, присутствует упоминание о ее кончине [Гиппиус, Михеев 2019: 43, № 4, ил. 6].

Как кажется, допустимым объяснением такой связи — если она и в самом деле существовала — могло бы быть новгородское происхождение ее мужа. Такая версия хорошо согласуется с тем, что ее отец, Мстислав, долгие годы был новгородским князем и даже женился вторым браком на новгородке. Здесь же в свое время сидели на княжении братья Рогнеды, Всеволод и Святополк, причем старший из них вслед за отцом «оженится в Новгороде». Представляется вполне правдоподобным, что и для Рогнеды был устроен такой матримониальный союз, укрепляющий связи княжеской семьи с обширнейшим кланом потомков Рёгнвальда Ладожского.

Существенно, однако, что вне зависимости от того, случилось ли Рогнеде с ними породниться или нет, в этом роду имя *Рогволод* никогда не использовалось одновременно с Рюриковичами — мы не найдем его здесь ни в ту эпоху, пока был жив первый Рогволод в династии, Рогволод Всеславич (конец XI — первая треть XII в.), ни в ту пору, когда жил и действовал его племянник, Рогволод Борисович. Во всяком случае, последнее упоминание Рогволода Борисовича, связанное с надписью на камне с изображением креста, относится к 1171 г. По всей видимости, этот князь был к тому времени уже очень немолод (его отец скончался в 1128 г.), и смерть его последовала, надо думать, достаточно скоро. Соответственно, есть все основания полагать, что наш Рогволод, посланец молодого Ростислава Рюриковича, упоминающийся под 1192 г., получил свое имя вскоре после того, как оно «освободилось» в династии, когда сошел с исторической арены последний князь, его носивший. Таким образом, независимо от того, к какому роду он принадлежал, мы можем констатировать, что имя *Рогволод* (*Рёгнвальд*) так или иначе присутствовало на Руси в княжеской среде до середины XI в. и после начала 70-х годов XII столетия, а в означенный промежуток появлялось лишь у Рюриковичей и ни у кого более.

Вячеслав

Еще одно имя из «поствладимирских» времен, *Вячеслав*, следует на деле рассмотреть в комплексе с именами *Борис* и *Глеб*, введенными в оборот именно Владимиром. Хорошо известно, что антропонимы *Борис* и *Глеб*, будучи исходно родовыми некалендарными именами, относительно быстро после прославления князей-мучеников Бориса (Романа) и Глеба (Давида) входят не только в княжеский церковный обиход, но и в церковный календарь, становясь полноправными элементами самых различных богослужебных книг, от стихирарей до Мстиславова Евангелия.

С этого момента фактически аннулируется граница между княжеским и некняжеским в их использовании. Как известно, христианские имена на Руси были общим достоянием, и ничего запретного не было в том, чтобы князь и любой из его подданных оказывались тезками по крестильному имени. Соот-

ветственно, уже с конца XI в. имена *Борис* и *Глеб* распространяются за пределы княжеского рода, а в XII — начале XIII столетия представлены в общерусском именослове весьма широко.

История бытования этих антропонимов на Руси не раз привлекала внимание исследователей, так что нет нужды останавливаться на ней подробно. Отметим лишь, что если у князей домонгольского времени в использовании этих имен святых братьев наблюдается относительный паритет (с незначительным перевесом в пользу имени *Глеб*), а в дальнейшем у Рюриковичей, в особенности принадлежащих к правящему московскому дому, *Борис* сохраняется довольно долго, тогда как *Глеб* рано уходит из употребления совсем, то в некняжеской среде имя *Борис* уже в XII–XIII вв. существенно опережает по популярности имя *Глеб*.

Можно сказать, что в самых общих чертах функционирование имени *Вячеслав* осуществлялось по той же модели, которая была актуальна для имен *Борис* и *Глеб*. Обладатель родового некалендарного имени принимает мученическую кончину, оказывается прославлен как святой, его имя попадает в церковный месяцеслов и, наконец, свободно дается в крещении за пределами династии. При этом сама траектория, по которой имя *Вячеслав* распространяется на Руси в качестве крестильного, имеет целый ряд отличительных особенностей.

Прежде всего есть основания полагать, что имя чешского князя-мученика Вячеслава (Вацлава) проникло в династию Рюриковичей в ту пору, когда у себя на родине он был уже канонизирован, однако первому своему обладателю среди Рюриковичей, Вячеславу Ярославичу, оно достается еще не в качестве крестильного. Судя по сфрагистическим данным, он носил в крещении имя *Меркурий* [Янин 1970 (1): 16, 168], а *Вячеслав* оставалось для него лишь династическим именем. Русский Вячеслав появился на свет в 1036 г. Существовал ли уже в ту пору у его отца Ярослава замысел церковного прославления своих убитых братьев? Соотносил ли он уже тогда их грядущую канонизацию с канонизацией Вацлава Чешского? К сожалению, определенно ответить на этот вопрос невозможно прежде всего потому, что неизвестно точное время первого перенесения мощей святых братьев, осуществленное Ярославом, а хронологический разброс дат, предлагаемых исследователями, весьма широк, от 20-х до 40-х годов XI в.

Так или иначе, культ св. Вацлава со всей определенностью фиксируется на Руси с последней трети XI столетия, и его значимость для истории прославления свв. Бориса и Глеба отмечается в текстах этой эпохи. В дальнейшем самому имени *Вячеслав* была уготована судьба, по всей видимости, типичная для исходно некалендарных антропонимов с прозрачной собственно славянской внутренней формой. Отнюдь не все из них приживаются в церковном календаре, а при наиболее благоприятном сценарии этот процесс укоренения происходит на Руси в несколько этапов. Поначалу новопрославленный святой обыкновенно фигурирует лишь под своим христианским именем, затем его некалендарное имя — наряду с крестильным — проникает в месяцеслов, но и тогда необходимо некоторое время и удачное стечение обстоятельств, чтобы оно вошло в обиход христианского имянаречения и на деле стало использоваться как крестильное.

Имени *Вячеслав* еще нет в месяцеслове Остромирова Евангелия 1056–1057 гг., оно уже наличествует в Архангельском Евангелии 1092 г., но при этом в записанном несколько позднее месяцеслове Мстиславова Евангелия не фиксируется. Еще медленнее, по-видимому, этот антропоним укореняется в церков-

ной практике крещения младенцев. Иными словами, в качестве христианского имени у не князей *Вячеслав* распространяется лишь к середине XII в., если судить по дошедшим до нас данным, причем в не княжеской среде оно было популярно несколько более, чем имя *Глеб*, но менее, чем *Борис*.

Тот факт, что к концу XII в. оно имело хождение за пределами династии именно в качестве крестильного, сомнений не вызывает. Счастливым образом Новгородская I летопись сохранила сведения о монашеском имени Вячеслава Прокшинича — он постригается как *Варлаам*. Хорошо известно при этом, что иноческие имена на Руси в большинстве случаев подбираются двумя способами: по тому святому, на память которого пришлось пострижение, и по созвучию с крестильным именем постригаемого. При этом нет ни одного примера, чтобы монашеское имя подбиралось к имени не христианскому, не каноническому. Соответственно, если новгородец *Вячеслав Прокшинич* постригся как *Варлаам*, то, не прибегая к маловероятной версии случайного совпадения, следует признать, что *Вячеславом* он был в крещении.

В то же время специфическая природа этого имени, сочетавшего ясность семантики с принадлежностью церковному календарю, в имянаречении элиты давала о себе знать. В Новгородской I летописи фигурируют два брата (один из которых был тысяцким), Вячеслав и Богуслав [ПСРЛ (3): 67]. Трудно усомниться, что имена братьев, как это часто бывало, тем или иным образом подбирались друг к другу, а скорее всего и к имени их отца — *Горислав* [Там же: 68, 275, 71–72, 280–281]. При этом нарекаящих, по-видимому, не смущало, что первое было включено в святцы, а второе нет. Здесь мы наблюдаем сложную игру, когда одно из имен — крестильное, тогда как второе, с идентичной структурой, лишь обладает некой благочестивой, квазитеофорной семантикой.

Что же касается самих Рюриковичей, то после кончины первого носителя этого имени, Вячеслава/Меркурия Ярославича, оно переживает кратковременный всплеск популярности. Причины такой вспышки понятны: погиб Борис, единственный сын Вячеслава¹⁴, и эта ветвь наследников Ярослава Мудрого пресеклась полностью. Соответственно, имя Вячеслава Ярославича, как и его княжеское наследие, оказалось открытым для более отдаленных родичей.

Так или иначе, в 80-е годы XI в. Вячеславы появляются практически одновременно в двух соперничающих семьях потомков Ярослава Мудрого — так нарекают внука Изяслава Ярославича, Вячеслава Ярополчича, и внука Всеволода Ярославича, Вячеслава Владимировича. Были ли две эти семьи вовлечены в культ св. Вацлава или в процессе имянаречения они сосредоточились исключительно на наследии родича и соперника, Вячеслава/Меркурия, наверняка сказать затруднительно. Есть, однако, некоторые основания полагать, что в одной из этих семей, у Владимира Всеволодовича Мономаха, оно еще использовалось как династическое, но не крестильное. На это указывает прежде всего отсутствие памяти св. Вацлава в Мстиславовом Евангелии, выполненном по заказу родного старшего брата Вячеслава Владимировича¹⁵. Кроме того, насколько нам известно,

¹⁴ Не было ли само имя *Борис* подобрано к отчеству *Вячеславич* с оглядкой на связь между прославлением св. Вацлава и свв. Бориса и Глеба?

¹⁵ Известно, с одной стороны, что Мстислав Великий смолоду был достаточно близок с Вячеславом [Литвина, Успенский 2020а: 25–26]. С другой стороны, очевидно, что небесные патроны других ближайших членов семьи заказчика в месяцеслове присутствовали.

Мономах всем своим сыновьям, рожденным в первом браке (а Вячеслав несомненно принадлежал к их числу), последовательно давал по два имени (княжеское + крестильное), и под крестильными именами они не правили [Литвина, Успенский 2006: 16–25, 117–131]. Заметим, впрочем, что второго — крестильного — имени Вячеслава Владимировича до нас не дошло.

Наши сведения об антропонимическом досье Вячеслава Ярополчича еще более ограничены, поскольку он рано осиротел и сам умер молодым (в 1104 г.); ничего решительно о его других именах нам не известно. В дальнейшем это имя не исчезает из династического обихода полностью, но популярность его явно редуцируется. Вероятно, это связано с трудной судьбой двух только что упомянутых его обладателей — у Вячеслава Владимировича к моменту кончины были сыновья названные (племянники Изяслав и Ростислав), но не было родных, Вячеслав Ярополчич также не оставил по себе наследников. В результате имя *Вячеслав* вовсе выпало из антропонимикона Мономашичей, а в угасающей ветви потомков Изяслава Ярославича успело появиться лишь один раз — так был наречен двоюродный племянник Вячеслава Ярополчича, сын Ярослава Святополчича, князь клецкий.

Еще двух, а возможно, даже и трех Вячеславов с довольно неясным и, по-видимому, не самым высоким статусом мы на протяжении XII — начале XIII в. обнаруживаем в полоцком доме Рюриковичей. Обратим внимание, что с определенного времени по отношению к ним в источниках употребляется гипокористическая форма *Вячко*, и это, помимо всего прочего, делает более правдоподобной гипотезу о том, что интересовавшее нас имя *Вышко* восходит не к чему иному, как к двухосновному *Вышеслав*. Так или иначе, со второй половины XII в. имя *Вячеслав* уже раритетно для Рюриковичей в каком бы то ни было качестве, а при этом на Руси в целом известно как христианское.

* * *

Таким образом, этот ономастический сюжет стоит особняком по отношению ко всем рассмотренным нами прежде и, строго говоря, мы имеем здесь дело не с непосредственным трансфером династического имени за пределы династии, но с совсем иной моделью — превращением княжеского антропонима в общедоступный христианский. Эта модель, со всей очевидностью, не является основным объектом нашего исследования. Существенно, тем не менее, что подобные пути расширения сферы бытования княжеского имени так или иначе создавали для современников некий общий фон и прецедент подвижности родового именовслова. Кроме того, быть может, говоря о династических именах со сложной судьбой, следует учитывать, что местное почитание Рюриковичей в домонгольское время могло не сводиться к тем фигурам, культ которых закрепился в дальнейшей церковной практике.

Что же касается имени *Рогволод*, то траектория его бытования, напротив, весьма близка к той, что мы наблюдали на примере переходных имен эпохи Владимира Святого. При этом — благодаря тому, что история его появления у Рюриковичей приходится на время, куда детальнее освещенное в источниках, — оказывается возможным точнее проследить важные особенности его трансфера. Здесь налицо следы путешествия имени «туда и обратно» — мы знаем, что на Руси оно присутствовало не только после того, как оно побывало в руках династии, но и до этого времени. Не менее существенен и тот факт,

что его появление в правящем роду определяется наследованием по женской линии, но не прямым и немедленным, а отсроченным на несколько поколений. С другой стороны, судьба имени *Рогволод* позволяет убедиться, насколько незамедлительно такие антропонимы, выйдя из княжьего обихода, подхватываются элитой и насколько близок князьям человек, его получающий.

Ярополк

Быть может, самый неординарный и в то же время один из самых наглядных казусов перехода княжеского антропонима в не княжескую среду связан с именем *Ярополк*. Это, так сказать, довлاديمирский элемент антропонимикона Рюриковичей — первым из династов имя *Ярополк* получил тот сын князя Святослава Игоревича, который унаследовал от отца власть над Киевом. Владимир, младший брат и виновник гибели Ярополка Святославича, не пожелал воспроизвести это имя полностью в наречении собственных детей, но — прибегнув к традиционному для германцев, а в дальнейшем и для Рюриковичей приему варьирования родового имени — назвал одного из сыновей *Свято-полком* (того, кому предание приписывало двойное отцовство, самого Владимира и Ярополка), а другого *Яро-славом*. Последующая судьба антропонима *Святополк* в династии была во многом обусловлена двумя факторами: *Ярополк* и *Святополк* — единственные из династических имен с элементом *-полк* — обыкновенно воспринимались как имена парные, а, кроме того, имя *Святополк* из-за той роли, которая досталась Святополку Окаянному в церковной традиции, было обречено на постепенное вытеснение, однако произошло это вытеснение далеко не сразу.

Обратим внимание, что сыновья Владимира не используют ни имени *Святополк*, ни имени *Ярополк*, называя своих детей. Первое из них едва ли было уместно в принципе — обычая давать имя живого дяди в ту пору в династии, как кажется, еще не существовало, а обстоятельства биографии и, в особенности, гибели Святополка были таковы, что едва ли Ярослав Мудрый мог захотеть использовать имя брата-соперника (единокровного или сводного) после его смерти. Что же касается имени *Ярополк*, то, по всей видимости, в первую половину правления Ярослава, в ту пору, когда на свет появлялись его сыновья, на нем, можно полагать, еще лежала тень противостояния и убийства, отбрасываемая эпохой Владимира Святого. Существенно, однако, что позднее, давно уже будучи единовластным правителем Руси и выстраивая свою программу христианской жизни династии, Ярослав Мудрый совершает весьма нетривиальное действие — в 1044 г. он перезахоранивает останки своих дядьев, Ярополка и Олега, в Десятинной церкви.

Подобный акт продления христианской истории собственного рода не замедлил отразиться в династическом имянаречении — в именах своих старших внуков Ярослав отчасти воспроизводил стратегию, которую использовал при наречении своих сыновей, и вместе с тем как будто бы отважился на то, чего не решался сделать прежде. Сын Всеволода Ярославича станет *Владимиром* (в честь родного деда и рано умершего дяди), один из сыновей Святослава Ярославича сделается *Олегом* (в честь недавно перезахороненного Олега Святославича) и, наконец, старший из законнорожденных детей Изяслава будет наречен *Ярополком*. Отметим сразу же, что, несмотря на, казалось бы,

закономерную неприязнь Ярославичей к Святополку Окаянному, еще один сын Изяслава делается *Святополком*. Он поначалу получит в удел то самое туровское княжество, которым в свое время Владимир Святой наделил его дядю и тезку, — стремление выразить преемственность власти в преемственности в именах в 50-е годы XI в. оказалось важнее, нежели приписываемая Святополку Окаянному роль в убийстве Бориса и Глеба. Агиографическая традиция должна была полностью сформироваться и просуществовать некоторое время, чтобы князья окончательно перестали называть *Святополками* своих отпрысков.

Ярополк Изяславич (в крещении *Петр*), внук Ярослава Мудрого, был, как известно, предательски убит людьми из собственного окружения [ПСРЛ (1): 206]. Вполне вероятно — учитывая описание его кончины и посмертной судьбы в летописи — что он какое-то время почитался местно. Все это заставляет задуматься, не попало ли его имя за пределы династии по особой, так сказать, борисоглебской модели, в качестве крестильного. Однако в сонм широко почитаемых святых, насколько мы можем судить по дошедшим до нас данным, Ярополк Изяславич не входил, и — что еще более существенно — его имя вплоть до Нового времени ни в каких церковных месяцесловах не фиксируется. Иначе говоря, нет никаких следов того, что его имя прошло даже второй этап трансформации из некалендарного в христианское, и уж тем более нет никаких оснований считать, что оно использовалось при крещении конкретных людей на Руси. Таким образом, приходится признать, что имя *Ярополк* остается лишь принадлежностью родового мира, не превращаясь в христианское, и у нас — сколь бы ни был соблазнителен такой путь — нет оснований рассматривать его в рамках той же модели, что и бытование имен *Вячеслав* или *Борис*.

Вскоре после кончины Ярополка Изяславича Владимир Мономах, возможно, не без стремления отвести от себя подозрения в причастности к гибели кузена, называет *Ярополком* одного из своих сыновей от первого брака. Этот Ярополк Владимирович (его крестильного имени мы не знаем) достиг вершины княжеской карьеры, успев побывать на киевском столе, и принадлежал к числу тех правителей Руси, которые вызывали известную симпатию летописца, сообщавшего об их деяниях, при этом собственных наследников мужского пола у него, судя по всему, не было — киевский стол после его кончины уходит из семьи Мономахов к Всеволоду Ольговичу, а на очередном витке княжеской усабицы, начавшейся после смерти последнего, фигуре покойного Ярополка, по всей видимости, не отводилось сколько-нибудь значимой роли.

Возможно, благодаря совокупности этих обстоятельств на следующем этапе своего бытования имя *Ярополк* подвергается своего рода маргинализации. Его обладателями оказывается не столь уж малое число князей, но все они были далеки от первых ролей в династии. Ярополк Андреевич и Ярополк Мстиславич (Мономаховы внуки, явно нареченные в честь своего дяди), Ярополк Изяславич, внук Мстислава Великого, и Ярополк Романович, внук Ростислава Смоленского, приходящийся Мстиславу Великому правнуком, Ярополк Ростиславич, внук Юрия Долгорукого, Ярополк Ярославич, внук Всеволода Ольговича, и Ярополк Юрьевич, сын Юрия Ярославича Туровского, — все это младшие сыновья, сыновья младших сыновей, не слишком удачливые

племянники влиятельных дядьев, происходящие из разных ветвей разрастающегося княжеского рода. При этом никак нельзя проигнорировать тот факт, что имя *Ярополк*, тем не менее, просуществовало в династии вплоть до конца XII в., хотя круг его обладателей из числа князей со временем заметно сузился.

В то же время мы находим этот антропоним у двух человек, которые никогда не были русскими князьями, причем оба этих ономастических казуса весьма любопытны и выразительны. Самая большая сложность с ними обоими заключается, пожалуй, в том, что два Ярополка не-Рюриковича — половецкий князь Ярополк Томзакович и галицкий боярин Ярополк, брат Володислава и Яволода, — получили свои имена в ту пору, когда это имя еще не ушло полностью из антропонимикона правящего дома. Галицкий Ярополк фигурирует в летописи под 1208 и 1211 гг., а Ярополк Томзакович еще ранее, под 1190 г. Последнее же упоминание в летописи князя по имени *Ярополк* приходится на 1196 г., так что интересующие нас персонажи должны были появиться на свет при его жизни.

Сам по себе этот факт — чрезвычайно знаменателен. В определенном смысле он служит одной из ранних примет того постепенного разрушения системы княжеского имянаречения, более заметные признаки которого будут явлены в первые десятилетия XIII в. Как же осуществлялся выход имени *Ярополк* за пределы династии?

Об обстоятельствах проникновения этого антропонима в половецкую княжескую среду нам уже приходилось писать [Литвина, Успенский 2020а: 209–375]. Сейчас же постараемся сосредоточиться на фигуре Ярополка из Галича. Он был одним из братьев Володислава, человека редкостной для Древней Руси судьбы, которому удалось, не будучи князем по рождению, пусть и на короткое время сесть на галицкий стол. Происхождение этих братьев также охарактеризовано в летописи весьма выразительно — Володислав регулярно именуется *кормиличичем* [ПСРЛ (2): 724], и исследователи полагают, что его отец был кормильцем при князе Владимире Ярославиче Галицком [Грушевский 1904–1922 (3): 50]. В Галицкой же летописи сообщается, в частности, что Володислав был некогда изгнан из города князем Романом Мстиславичем, удачливым соперником Владимиров потомства. Замечательно, что причиной изгнания объявляется приверженность Володислава к Игоревичам, отпрыскам еще одной княжеской ветви, новгород-северских князей — сыновей Игоря, героя «Слова о полку Игореве».

Судя по летописному рассказу, братья Володислава — интересующий нас Ярополк и Я(с)волод — во всем его поддерживали, а соответственно, много сказанного о Володиславе может быть перенесено и на них. Какие же характеристики этой семьи важны в перспективе имянаречения?

Во-первых, именно в рассказе об этих кормиличичах эксплицируется одновременно и непреодолимость барьера между князьями и некнязьями особого статуса, и возможность его преодоления в кризисной ситуации — повествователь неоднократно отмечает, что даже враждующие Рюриковичи готовы объединиться ради избавления от некнязя, севшего на княжеский стол; неприемлемой такая ситуация предстает и с точки зрения нарратора. Тем не менее заполучить княжеские привилегии Володиславу все же удастся.

Во-вторых, столь же эксплицитно мы узнаем, что дети княжеских кормильцев располагают своеобразными потомственными правами на поддержку, исходящую от Рюриковичей. Права такого рода не теряют силы, даже если

их непосредственный покровитель сходит с исторической сцены, причем при оказании поддержки могут актуализироваться связи русских князей по женской линии. Так, в свое время дети кормильца Владимира Галицкого оказались связаны с сыновьями князя Игоря Новгород-Северского, потому что эти Игоревичи были сестричичами Владимира. Чтобы подобная поддержка утратилась, нужны некие экстремальные обстоятельства — например, едва ли не главной карой для Володислава, занявшего галицкий стол, с точки зрения летописца является тот факт, что после его смерти никто из князей не захотел принять на попечение его детей:

...и а Володислава . в Галичи заточи и . и в томъ заточеньи оумре .
нашедь зло племени своемуу . и дѣтемъ своимъ . княжения дѣла .
вси бо князи не призрахоу дѣтии его [ПСРЛ (2): 718–719].

И, наконец, в-третьих, нельзя не обратить внимание на то собственно антропонимическое решение, которое было принято, когда ни один из братьев еще и не думал претендовать на не полагающиеся ему властные полномочия. Имена им подбираются таким образом, что собственно княжеским было лишь одно из них, но почти все используемые здесь элементы антропонимического конструктора входят в княжеские имена, а сами по себе имена всех троих не только соотносятся по созвучию, но как будто бы последовательно перетекают одно в другое (*Володи-слав — Я(с)-волод — Яро-полк*).

В целом же можно сказать, что княжеское имя *Ярополк* воспроизводится в такой семье, у которой ее особая связь с княжеским домом — через воспитательство — манифестирована особенно зримо для двух или даже трех поколений. Иногда подобные связи элитарного рода с определенной семьей Рюриковичей поддаются вполне надежной реконструкции, но лишь изредка о них — как в данном случае — сообщается в летописи напрямую. С другой же стороны, властные амбиции этой семьи были столь велики, что для одного из ее представителей оказался возможным прорыв из состояния самой близкой для Рюриковичей элиты к собственно княжескому статусу. В самом деле, в летописи можно найти целый ряд примеров, когда дядька, кормилец, наместник или другое наделенное сходными полномочиями лицо фактически правит вместо малолетнего князя или манипулирует юными, а иногда и более зрелыми представителями династии, получает от князя в управление некие города или области. Однако ситуация, когда человек такого рода становится обладателем одного из ключевых княжеских столов, остается в полной мере уникальной.

Весьма любопытно, разумеется, какое место занимала в политической жизни Руси семья кормилчицы Ярополка после того, как Володислав погиб, а Ярополк и Я(с)волод вынуждены были бежать в Венгрию. Вопрос этот тем более существенен, что ответ на него неразрывно связан с проблемой происхождения всех трех братьев. Попросту говоря, следует ли считать, что они были сыновьями или пасынками знаменитой «кормильчицей Нездиловой» [ПСРЛ (2): 764–765], которая была привержена Судиславу настолько, что уговорила собственного зятя Давыда Вышатича сдать город. Если это так, то мы имеем дело с могущественным не княжеским кланом, который включает в себя кровных родственников и свойственников и продолжает вершить судь-

бы целого края, невзирая на предшествующие катастрофы в жизни отдельных своих представителей. При таком сценарии перед нами — настоящая боярская династия, проявляющая ту коллективную непотопляемость, которая обычно является отличительной чертой династии княжеской.

Однако если кормилец Нездил с женой и не были родителями Володислава, Ярополка и Я(с)волода, мы имеем дело с не менее интересной картиной сложно переплетающихся союзов между людьми, чье могущество строится на связи с правящим домом узами искусственного родства. В таком случае оказывается, что опекуны, кормильцы и кормиличичи разных князей формируют целую систему альянсов, от которых зависят победа или поражение очередного Рюрикoviча во внутридинастической или междинастической борьбе. Помимо всего прочего, разнообразные возможности при толковании термина *кормиличич* заставляет задуматься, не могли ли некоторые из таких княжеских приближенных-ровесников быть не только сыновьями княжеских воспитателей, но и молочными братьями князей, сыновьями кормилиц. К сожалению, надежного ответа на этот вопрос не существует, однако благодаря появившемуся в Галицко-Волынской летописи образу тещи Давыда Вышатича мы убеждаемся, как уже говорилось, что в условиях конструируемого родства с князьями женщине из не княжеской семьи могла достаться весьма заметная политическая роль.

В целом же следует отметить, что прорыв к угасающему, но все еще действующему элементу княжеского антропонимикона — имени *Ярополк* — происходит в той же семье, что и прорыв к княжеской власти. Не менее существенно, что обстоятельства этого антропонимического порыва значительно смягчены. Как известно, право на власть в русском княжеском роду обыкновенно передается по мужской линии, по мужской линии наследуются в первую очередь и династические имена. Ни у Владимира Галицкого, ни у Игоря Новгород-Северского — князей, наиболее близких нашим кормиличичам при рождении и в ранней юности, — не было ни детей, ни отцов, ни дедов, ни прадедов, ни даже родных дядьев с именем *Ярополк*. Иными словами, дети кормильца не перехватывали наследственный именовослов своих непосредственных покровителей Рюрикoviчей. С другой стороны, одним из последних (если не самым последним) Ярополком был двоюродный брат Владимира Галицкого по матери — Ярополк Ростиславич, не особенно выдающийся в династическом отношении внук Юрия Долгорукого. О его судьбе и взаимоотношениях с кузеном известно так мало, что утверждать что-либо наверняка о его антропонимическом донорстве или о намеренном установлении связей между родственниками по женской линии и «родственниками» по воспитанию крайне затруднительно, но учитывать такую возможность, как кажется, все-таки следует.

* * *

Итак, обзор всей совокупности судеб княжеских имен за пределами династии позволяет еще раз убедиться, что барьер между имянаречением правящего рода и его подданных несомненно существовал, а в трансфере княжеских антропонимов просматривается как определенный ритм, так и определенные социальные закономерности. Действительно, практически всегда княжеское некалендарное имя может попасть к не князьям только в ту пору, когда сами Рюрикoviчи перестают им пользоваться. Любое нарушение в этой области свидетельствует не только о локальном сбое в системе имянаречения, но и о

локальном сбое в системе передачи власти. Повешенные князья, княжеский стол в руках боярина — таковы экстраординарные события, определяющие политическую ситуацию, в которой живет человек, получивший хоть и маргинальное, но династическое имя чуть раньше, чем династия окончательно потеряла к нему интерес. Нет и речи о том, чтобы подобное нелегитимное присвоение антропонимов сделалось сколько-нибудь регулярной практикой.

Будучи по тем или иным причинам оставлены Рюриковичами, подавляющее большинство династических имен, по всей видимости, не только не прибывали бесхозными (явное исключение здесь — таинственное *Позвизд*), но довольно стремительно перенимались русской элитой. Создается впечатление (которое, впрочем, едва ли может быть строго верифицировано), что если после кончины того или иного князя его родичи-правители не спешили дать его имя кому-то из своих наследников, то их подданные как будто считали себя вправе забрать его себе, после чего имя переставало быть княжеским.

Складывается и некий собирательный образ той совершенно особенной категории лиц, которые подхватывают княжеские антропонимы, и категория эта безусловно нуждается в дальнейшем исследовании. С первого взгляда очевидно, что это люди, максимально близкие Рюриковичам, зачастую связанные с ними узами искусственного родства, а иногда и вполне биологического родства по женской линии. Подобная близость обретает наследственный характер и передается из поколения в поколение. Эти лица располагают весьма широкими властными полномочиями, уступающими полномочиям лишь самих князей-династов, а в исключительных эпизодах почти уравниваются с ними. Связь такой верхушки элиты с определенным географическим локусом оказывается одновременно прочной и непрочной, подобно тому как это происходит у самих Рюриковичей. Представляется не вполне оправданным говорить о них как о боярах киевских, галицких или новгородских — сколь бы оседлой и привязанной к Новгороду или Галичу ни была определенная часть такой семьи, отдельные ее представители перемещались вместе со своими князьями и активно встраивались в жизнь нового региона. По всей видимости, князья порой нуждались в них не менее, чем они сами в князьях, — обращение за поддержкой к их оседлой части помогала князю освоиться и закрепиться на новом для него столе, тогда как более мобильная часть этого слоя придавала правителю собственный вес во всяком регионе и обеспечивала возможность благополучного перехода со стола на стол.

При всем том у исследователя Средневековья невольно возникает вопрос (несомненно значимый и для самого Средневековья) — откуда брались такие сверхэлитарные семьи? Каково их происхождение? Каким образом представители некоторых родов регулярно становятся княжескими дядьками и кормильцами, влиятельнейшими советниками, воеводами и наместниками? Почему, с другой стороны, лишь немногие, но явно одни и те же семьи становятся поставщиками княжеских невест наряду с иноземными правителями и самими Рюриковичами?

Этот сложный и, на наш взгляд, очень важный для ранней истории Древней Руси вопрос о выделенной элите, разумеется, не может быть разрешен без дальнейшего исследования. Сейчас мы бы лишь рискнули указать на возможность его связи с проблемой собственно ономастической — откуда, собственно, первые поколения русских князей брали новые имена для своих наследников? Вспомним, как много ввел в оборот таких антропонимов Владимир Свя-

той, сочтя их в известном смысле более важными и актуальными, чем имена своих деда и прадеда, Игоря и Рюрика. Для князя, который начинал свой путь как рано осиротевший бастард, да и еще младший среди братьев, опора на родню по материнской линии, на влиятельных воевод, на семьи своих многочисленных сыновей и /или их воспитателей была едва ли не единственной возможностью компенсировать весьма ощутимые для него поначалу изъяны в легитимности его власти на огромной территории. Кажется естественным допустить, что именно в его время была заложена долгосрочная близость рода, на глазах сконцентрировавшего всю власть над страной в своих руках, с другими знатными семьями, без поддержки которых трудно было бы обойтись и всем последующим князьям.

Иными словами, можно предположить, что хотя бы некоторые антропонимы или их компоненты-основы, не фиксиовавшиеся прежде в роду Владимира, такие, например, как *Мстислав, Всеволод, Борис, Глеб, Вышеслав, Станислав, Судислав, Позвизд*, были позаимствованы из тех семей, с кем Владимир добивался сконструированного родства или родства через матримониальный союз. Коль скоро соответствующим именам суждено было закрепиться у Рюриковичей, они не могли более использоваться никакими другими семьями, в том числе и теми, откуда они пришли. Если же в княжеском антропонимиконе они по тем или иным причинам не приживались, то раньше или позже они возвращались в первоначальную среду своего обитания. Семья же, из которой такое имя происходило, раз и навсегда оказывалась связана с правящей династией, и именно такие роды могли бы сделаться естественным источником особых лиц при правителе, юном и взрослом. Разумеется, подобная гипотеза нуждается в дальнейшем достраивании, а настоящая работа может послужить для него лишь отправной точкой.

Источники

- Абрамович 1911 — Патерик Киевского Печерского монастыря / Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб.: Изд. Имп. Археограф. комиссии, 1911.
- Востоков 1843 — Остромирово Евангелие 1056–1057 года с приложением греческого текста Евангелий и грамматическими объяснениями / Изд. А. [Х.] Востоковым. СПб.: Тип. Акад. наук, 1843. (Репринт: М.: Языки славян. культур, 2007).
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1–43. СПб./Пг./Л.: М.: Тип. Э. Праца; и др., 1841–2009. [В случае переиздания летописи мы, кроме специально отмеченных случаев, всегда ссылаемся на последнее издание].

Литература

- Гимон 2013 — *Гимон Т. В.* Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // Древнейшие государства Восточной Европы, 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / Отв. ред. Г. В. Глазырина. М.: Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 65–117.
- Гиппиус 2001 — *Гиппиус А. А.* «Суть люди новгородци от рода варяжьска...» (Опыт генеалогической реконструкции) // Восточная Европа в древности и Средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти: XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001: Материалы конф. / [Отв. ред. Е. А. Мельникова]. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. С. 59–65.

- Гиппиус 2006 — *Gippius A. A.* Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // *The Slavization of the Russian North: Mechanisms and chronology* / Ed. by J. Nuorluoto. Helsinki: Helsinki Univ. Press, 2006. P. 93–108.
- Гиппиус, Михеев 2019 — *Gippius A. A., Михеев С. М.* Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор // *Архитектурная археология*. 2019. № 1. С. 35–54.
- Грушевський 1904–1922 — *Грушевський М.* Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Львів; Київ; Відень: 3 друкарні Наукового Товариства імені Шевченка, під зарядом К. Беднарського; и др., 1904–1922. (Репринт: Київ: Наук. думка, 1991–1994).
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Литвина, Успенский 2006 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006.
- Литвина, Успенский 2020a — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Династический мир домонгольской Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020.
- Литвина, Успенский 2020b — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Судьбы варягов на Руси XI–XII вв.: (Якун Слепой, Шимон/Симон и его сын Георгий) // *Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2020. № 1. С. 76–101.
- Литвина, Успенский (в печати) — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Мирослав — боярин киевский? (В печати).
- Молчанов 1997a — *Молчанов А. А.* Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей) // *Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии: Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997* / Отв. ред. А. Н. Кирпичников: В 2 т. СПб.; Псков: Невельская тип., 1997. Т. 2. С. 80–84.
- Молчанов 1997b — *Молчанов А. А.* Скандинавские выходцы среди феодальной элиты Северной Руси (потомки ярла Рёгнвальда Ульвссона в Ладоге и Новгороде) // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Петрозаводск: [б. и.], 1997. С. 136–138.
- Поппэ 1997 — *Поппэ А.* Феофана Новгородская // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 6 (16) / Отв. ред. Э. А. Гордиенко, В. Л. Янин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 102–120.
- Пресняков 1908 — *Пресняков А. Е.* Кормилец, воевода, тысяцкий // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*. Т. 13. Кн. 1. 1908. С. 148–174.
- Янин 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв.: В 2 т. М.: Наука, 1970.
- Dąbrowski 2012 — *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264): Biografia polityczna. Kraków: Avalon, 2012.
- Gippius 2014 — *Gippius A. A.* A Scandinavian trace in the history of the Novgorod Boyardom // *Vers l’Orient et vers l’Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à laRous ancienne* / Sous la dir. de P. Bauduin, A. E. Musin. Caen: Presses universitaires de Caen, 2014. P. 383–392.
- Musin 2014 — *Musin A. E.* Appendix: Hypothetical genealogical stemma of the Rogvolodichi of Novgorod // *Vers l’Orient et vers l’Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à laRous ancienne* / Sous la dir. de P. Bauduin, A. E. Musin. Caen: Presses universitaires de Caen, 2014. P. 393–396.

References

- Dąbrowski, D. (2012). *Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264): Biografia polityczna*. Avalon. (In Polish).
- Gimon, T. V. (2013). Ian' Vyshatich i ustnye istochniki drevnerusskoi Nachal'noi letopisi [Ian Vyshatich and oral sources of the Old Russian Primary Chronicle]. In G. V. Glazyrina (Ed.). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2011 god: Ustnaia traditsiia v pis'mennom tekste* (pp. 65–117). Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke. (In Russian).
- Gippius, A. A. (2001). "Sut' liudi novgorodtsi ot roda variakh'ska..." (Opyt genealogicheskoi rekonstruktsii) ["They are Novgorodian people of Varangian descent..." (An attempt at genealogical reconstruction)]. In E. A. Mel'nikova (Ed.). *Vostochnaia Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. Genealogiia kak forma istoricheskoi pamiati: XIII Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 11–13 aprelia 2001: Materialy konferentsii* (pp. 59–65). Institut vseobshchei istorii RAN. (In Russian).
- Gippius, A. A. (2006). Skandinavskii sled v istorii novgorodskogo boiarstva (v razvitie gipotezy A. A. Molchanova o proiskhozhdenii posadnich'ego roda Giuriatinichei-Rogovichei) [A Scandinavian trace in the history of the Novgorod Boyardom (towards further development of A. A. Molchanov's hypothesis concerning the descent of the Giuriatinichi-Rogovichi posadniks family)]. In J. Nuorluoto (Ed.). *The Slavicization of the Russian North: Mechanisms and chronology* (pp. 93–108). Helsinki Univ. Press. (In Russian).
- Gippius, A. A. (2014). A Scandinavian trace in the history of the Novgorod Boyardom [A Scandinavian trace in the history of the Novgorod Boyardom]. In P. Bauduin, & A. E. Musin (Eds.). *Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne* (pp. 383–392). Presses universitaires de Caen.
- Gippius, A. A., & Mikheev, S. M. (2019). Nadpisi-graffiti tserkvi Blagoveshcheniia na Gorodishche: predvaritel'nyi obzor [Graffiti inscriptions in the church of the Annunciation in Gorodishche: A preliminary overview]. *Arkhiturnaiia arkheologiia*, 2019(1), 35–54. (In Russian).
- Hrushevs'kyi, M. (1904–1922). *Istoriia Ukraïny-Rusy* [The history of Ukraine-Rus'] (11 Vols., 12 Books). Z drukarni Naukovoho Tovarystva imeni Shevchenka, pid zariadom K. Bednarskogo, et al. (Reprint: Naukova dumka, 1992–1994). (In Ukrainian).
- Ianin, V. L. (1970). *Aktovy pechati Drevnei Rusi X–XV vv.* [The bullae of Old Rus' in the 10th–15th c.] (2 Vols.). Nauka. (In Russian).
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (forthcoming). *Miroslav — boiarin kievskii?* [Was Miroslav a Kyiv boyarin?]. (In Russian).
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2006). *Iybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of names among Russian princes in the 10th–16th cc.: Dynastic history from an anthroponymic perspective]. Indrik. (In Russian).
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2020a). *Dinasticheskii mir domongol'skoi Rusi* [The dynastic world of pre-Mongol Rus']. Izdatel'stvo Olega Abyshko. (In Russian).
- Litvina A. F., & Uspenskij, F. B. (2020b). Sud'by variagov na Rusi XI–XII vv.: (Iakun Slepoy, Shimon/Simon i ego syn Georgii) [Varangian lives in 11th–12th cc. Rus': (Iakun the Blind, Shimon/Simon and his son Georgii)]. *Vestnik RGGU, Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, 2020(1), 76–101. (In Russian).
- Molchanov, A. A. (1997a). Iarl Regnval'd Ul'vsson i ego potomki na Rusi (o proiskhozhdenii ladozhsko-novgorodskogo posadnich'ego roda Rogovichei-Giuriatinichei) [Jarl Regnvald Ulvsson and his descendants in Rus' (concerning the lineage of the Rogovichi-Giuriatinichi posadniks family of Lagoda and Novgorod)]. In N. Kirpichnikov (Ed.). *Pamiatniki stariny: Kontseptsii. Otkrytiia. Versii: Pamiati Vasiliia Dmitrievicha Beletskogo, 1919–1997* (Vol. 2, pp. 80–84). Nevel'skaia tipografiia. (In Russian).
- Molchanov, A. A. (1997b). Skandinavskie vykhodtsy sredi feodal'noi elity Severnoi Rusi (potomki iarla Regnval'da Ul'vssona v Ladoge i Novgorode) [Scandinavian natives in the feudal elite of North Rus' (the descendands of jarl Regnvald Ulvsson in Lagoda and

- Novgorod)]. In *XIII Konferentsiia po izucheniiu istorii, ekonomiki, literatury i iazyka skandinavskikh stran i Finliandii: Tezisy dokladov* (pp. 136–138). [N. e.]. (In Russian).
- Musin, A. E. (2014). Appendix: Hypothetical genealogical stemma of the Rogvolodichi of Novgorod. In P. Bauduin, & A. E. Musin (Eds.). *Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne* (pp. 393–396). Presses universitaires de Caen.
- Poppe, A. (1997). Feofana Novgorodskaia [Feofana the Novgorodian]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik* (Vol. 6(16), pp. 102–120). Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Presniakov, A. E. (1908). Kormilets, voevoda, tysiatskii [Provider, voivode, tsysatsky]. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*, 13(1), 148–174. (In Russian).
- Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialect* [Old Novgorod dialect] (2nd ed.). Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Анна Феликсовна Литвина

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник,
лаборатория лингвосомиотических
исследований, Школа филологических
наук, факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая
Басманная ул., д. 21/4, корп. 1
Тел.: +7 (495) 772-95-90
✉ annalitvina@gmail.com

Федор Борисович Успенский

доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН
заведующий Лабораторией
древнерусской культуры, Школа
актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
главный научный сотрудник, Отдел
лингвистического источниковедения
и истории русского литературного
языка, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка,
д. 18/2
Тел.: +7 (495) 695-26-97
✉ fjodoruspenski@yandex.ru

Information about the authors

Anna F. Litvina

Cand. Sci. (Philology)
Leading Research Fellow, Laboratory
of Linguo-Semiotic Studies, School
of Philological Studies, Faculty of Humanities,
National Research University Higher School
of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4
Tel.: +7 (495) 772-95-90
✉ annalitvina@gmail.com

Fedor B. Uspenskij

Dr. Sci. (Philology),
Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences
Head of the Laboratory of Medieval
Russian Culture, School for Advanced
Studies in the Humanities, Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
Chief Research Fellow, History of Russian
language Department, Russian Language
Institute of the Russian Academy of Sciences
Russia, 110019, Moscow, Volkhonka Str., 18/2
Тел.: +7 (495) 695-26-97
✉ fjodoruspenski@yandex.ru

Р. И. Ханукаева

ORCID: 0000-0001-9577-9413

✉ raisa.khanukaeva@gmail.com

Институт славяноведения РАН
(Россия, Москва)

МАТЬ И МАЧЕХА: О СУДЬБЕ НОВГОРОДКИ Н. ДМИТРОВНЫ, КНЯГИНИ МСТИСЛАВЛЕЙ

Аннотация. Русская летописная традиция характеризуется определенной строгостью по отношению к терминологии родства и свойства по женской линии. И если в случае с мужчинами применим «пересчет» родственных связей, при котором дядя или тесть мог быть назван отцом по отношению к младшему князю, то в случае с «матерью», например, ситуация была иной, и обычно этот термин использовался в своем прямом значении. Тем интереснее выглядят исключения из этого правила. Так Н. Дмитриевна, вторая жена Мстислава Великого, — единственная из известных нам княгинь, названа матерью по отношению к пасынку. С именем этой женщины связана еще одна уникальная ситуация: родной сын этой женщины, князь Владимир Мстиславич, получил столь же исключительную для древнерусских летописей характеристику «мачешич» (сын мачехи). В статье показано, как связаны эти явления; как неожиданное «материнство» русской княгини может объяснить ее уход в Чернигов — вотчину политических противников ее покойного мужа, и сколь сложными и вместе с тем долгосрочными были семейно-политические связи Мстиславичей.

Ключевые слова: Мстислав Великий, Изяслав Мстиславич, мать, мачеха, кровное родство, свойство, брак, политический союз, борьба за княжение

Для цитирования: Ханукаева Р. И. Мать и мачеха: о судьбе новгородки Н. Дмитриовны, княгини Мстиславлей // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 46–59. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-46-59>.

Статья поступила в редакцию 7 марта 2021 г.
Принято к печати 1 июля 2021 г.

R. I. Khanukaeva

ORCID: 0000-0001-9577-9413

✉ raisa.khanukaeva@gmail.com

*Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

MOTHER AND STEPMOTHER: ABOUT THE LIFE OF N. DMITROVNA, MSTISLAV'S PRINCESS

Abstract. The Russian chronicle tradition is characterized by considerable rigor in using the terminology of matrilineal kinship and affinity. Whereas in the case of male kinship a “recount” is possible which admits that an uncle or father-in-law could be called “father” in relation to a younger prince, the situation with the word “mother”, for example, is different, and this term was usually used in its direct meaning. This fact makes exceptions to this rule even more interesting. Thus, N. Dmitrovna, the second wife of Mstislav the Great, is the only princess known to us who was named mother in relation to her stepson. Another unique situation is associated with the name of this woman: her own son, Prince Vladimir Mstislavich, received the nickname “macheshich” (son of a stepmother), equally exceptional for Old Russian chronicles. In this article I will try to show how these phenomena are related; how the unexpected “motherhood” of the Russian princess can explain her departure to Chernigov, the fiefdom of her late husband’s political opponents, and how complex and, at the same time, long-term were the family and political ties of the Mstislav clan.

Keywords: Mstislav the Great, Iziaslav Mstislavich, mother, stepmother, consanguinity, affinity, marriage, political union, struggle for princely throne

To cite this article: Khanukaeva, R. I. (2021). Mother and stepmother: About the life of N. Dmitrovna, Mstislav’s princess. *Shagi / Steps*, 7(3), 46–59. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-46-59>.

Received March 7 2021

Accepted July 1, 2021

Как и многие Рюриковичи, Мстислав Великий был женат не единожды, причем статус его жен на первый взгляд был очень разным. Первая — Христина Ингесдоттер¹, шведская принцесса, союз с которой продолжил традицию престижных в домонгольской Руси браков со скандинавами. Вторая — дочь новгородского посадника Дмитра Завидича, имя которой неизвестно (в дальнейшем я буду обозначать ее латинской буквой N). И именно с ней в тексте Киевской летописи связаны две уникальные и противоречащие друг другу ситуации. С одной стороны, N. Дмитровна — единственная во всем корпусе древнерусских летописей мачеха, названная «матерью» по отношению к пасынку. С другой — родной сын этой женщины, князь Владимир Мстиславич, получил столь же исключительную для летописей характеристику «мачешич» (сын мачехи). Соблазнительным было бы объяснять это низким положением Владимира в родовой иерархии: младший сын, рожденный от второй жены (см. приложение 2), он не успел получить стол при жизни отца и был лишен сильных родственников со стороны матери, а это в среде Рюриковичей весьма ценный ресурс². Однако торопиться с выводами о статусе Владимира все-таки не стоит.

Судьба самой N. Дмитровны — княгини, которая появляется на страницах Киевской летописи относительно часто по сравнению с другими женщинами, — тоже интересна. Последний раз вдова Мстислава Владимировича упоминается в 1169 г. в момент своего изгнания из Киева. Летописец сообщает, что она уходит в Чернигов — вотчину давних противников собственного мужа. Поступок этот крайне странен: для чего бы дочери и внучке новгородских посадников, не имеющей никаких очевидных связей с черниговской ветвью князей, отправляться на чужбину, да еще и в стан политических врагов? Почему бы ей не вернуться в родной Новгород?

П. П. Толочко [2013: 18] предположил, что княжеская вдова, имени которой мы не знаем, и вторая жена Мстислава Великого, также безымянная, — не одно и то же лицо. По его мнению, князь до смерти успел жениться трижды, последний раз — на представительнице рода Ольговичей. Это предположение не было поддержано другими исследователями, и вопрос о неожиданном выборе N. Дмитровны остался открытым.

Пренебрежение княгини Новгородом сегодня можно объяснять лишь приблизительно: согласно Новгородской первой летописи, к 1169 г. в живых не осталось ни отца, ни брата женщины (об этом ниже), а следовательно, родственные и дружеские связи могли быть давно потеряны. Что же до «черниговского направления», выбранного княгиней, то объяснить его, как кажется, может ее неожиданное «материнство». Ниже я попытаюсь показать, как связаны эти явления, а также ответить на вопрос, в какой момент и при каких обстоятельствах сын «матери» вдруг превратился в «мачешича».

¹ Имя княгини встречается в тексте Новгородской первой летописи: «Прѣставися Мстиславляя Хръстина» [НПЛ: 21].

² Несмотря на то что родственники по мужской линии (внуки по сыну или племянники по брату) обладали большим статусом в глазах древнерусского князя, чем те же родственники со стороны женщины, в летописи можно найти немало примеров, которые показывают удачные союзы сестричей (племянников со стороны сестры) с уями (дядьями со стороны матери) — один из них будет рассмотрен ниже, коллаборации свояков и даже отчима и пасынка.

Кровные узы

Ситуация, при которой младшим детям от последующих браков приходилось отвоевывать свое место под солнцем, в среде Рюриковичей не была редкостью. В длительном конфликте с младшим братом Юрием Владимировичем (Долгоруким) находился и сам Мстислав Великий. Союз его детей и единоутробных братьев против единокровного Юрия только усилил противоречия между князьями: Юрий то занимал киевский стол с помощью оружия, то уступал его дуумвирату старшего брата Вячеслава и племянника Изяслава. Конфликт смягчился только после смерти последних, когда старший из оставшихся в живых сыновей Мстислава Великого, Ростислав, добровольно отдал дяде киевское княжение и даже взял на себя заботы о жене Юрия, что, кажется, может свидетельствовать о доверии, установившемся между князьями:

В то же верема приде Гюргеваа ись Суждала . Смоленську . и с дѣтми своими к Ростиславу . Ростиславъ же пойма стрынню свою съ собою . и поиде къ строеви своему . съ всимъ полкомъ своимъ и приде къ строеви своему Дюргеви в Киевъ . и тако вбуаастася . с великою любовью . и с великою чѣстью и тако пребыша оу весельи [ПСРЛ (2). Стлб. 480].

Может быть, похожие отношения с братьями были и у Владимира? Внешне такое предположение кажется вполне обоснованным. После смерти отца Владимир, не успевший получить собственного стола, остался в еще более трудном положении, чем его дядя Юрий после смерти Мономаха. Но, по всей видимости, Изяслав учел ошибки отца и активно вовлекал младшего брата в свою политическую игру, сделав его одним из ближайших сторонников.

Согласно Киевской летописи, в 1147 г. Изяслав оставил «брата своего» Владимира княжить в Киеве, в то время как сам отправился в очередной поход на Юрия Владимировича [Там же. Стлб. 344]. Годом позже история повторилась, однако теперь летописец сообщает еще и о Мстиславе Изяславиче, который оставался в Переяславле, пока его дядя «замещал» в Киеве отца [Там же. Стлб. 368]. Кроме этого, Изяслав устроил брак Владимира с дочерью сербского жупана, угорского бана. В статье 1150 г. читаем:

Изяславъ же видѣвъ брата своего въ здоровьи . и слыша королеву рѣчь . оу брата своего . и любовь королеву . радовашеся по велику . и ре^а Изяславъ брату своему . Володимеру брате Бѣ ти помози . ѡже сѧ еси потрудилъ моего дѣла чѣти и своего но здѣ пакы моеи сносѣ . а твоеи женѣ оудолжило^б в то же верема Изяславъ послалъ баше Оугры на покорм Оустилогъ . и тако пославъ Изяславъ и приведе бановну за брата своего Володимера и бы^с радость велика и веселие [Там же. Стлб. 407–408].

Этот союз, судя по всему, должен был укрепить позиции Изяслава на Западе. И вполне возможно, он был выгоден не только русскому князю. В той же статье 1150 г. летописец рассказывает, при каких обстоятельствах был заключен брак:

В то же веремѣ . Изяславъ сгадавъ съ зѣтомъ своимъ королемъ . и съ сестрою своею королевою . и поаша оу бана дочь за Володимира . и послаша ю къ Изяславу напередъ . Володимирю [Там же. Стлб. 406–407].

Получается, что в договоре о браке, помимо отца невесты и отца (в нашем случае — старшего родственника жениха), участвует и третья сторона, а именно венгерская королева Ефросинья — младшая единокровная сестра Изяслава и единоутробная сестра Владимира — и ее муж. Саму Ефросинью Изяслав выдал замуж за молодого венгерского монарха приблизительно в 1145 г. Известно, что русский князь нередко прибегал к помощи своего зятя, получая от него военную помощь. Венгерский правитель, например, был главным союзником Изяслава в борьбе с Владимиром Володарьевичем [Юрасов 2014]. Родовая лексика, используемая в диалогах обоих князей, показывает, насколько крепкой была их дружба:

Бѣ ти помози брате . вже на еси тако помоглъ . толико можеть такъ оучинити братъ роженъи . или снѣ ѿѣю како же ты нама еси оучинилъ [ПСРЛ (2). Стлб. 420].

Выгода брака Владимира с неизвестной по имени «бановной» становится очевидной, если обратиться к происхождению невесты. В летописи не названо имя ее отца, однако исследователи сходятся во мнении, что им был Белуш — родной дядя и воспитатель Гезы II [Пчелов 2000: 78], а это значит, что Владимир женился на двоюродной сестре Гезы, дочери его уя. Брак младшего Мстиславича действительно мог укрепить позиции Изяслава в Венгрии, так как его тесть — влиятельный Белуш — достаточно долго оставался советником и главным помощником своего племянника (М. К. Юрасов [2015: 100] называет Белуша фактическим правителем Венгрии, во всяком случае в период малолетства Гезы). Венгерский король, выдавший свою кузину замуж за Владимира, также не оставался в накладе: теперь один из главных претендентов на киевский стол был дважды связан с ним свойством — благодаря жене и двоюродной сестре. Однако после смерти Изяслава дружба Владимира и Гезы дала трещину. И для дальнейшего разговора крайне важно разобраться почему.

Первые признаки охлаждения между Владимиром Мстиславичем и Гезой, возможно, проявились еще в 1155 г. Тогда русский князь отправил в Венгрию свою мать, уже известную нам Н. Дмитровну. Носил ли ее визит официальный характер, неизвестно, но на фоне этой поездки произошло обострение отношений младшего Мстиславича с его племянником — Мстиславом Изяславичем. Киевская летопись сообщает, что «король же вда много имениа тещи своеи», и ничего не говорит о помощи Владимиру, в которой тот, скорее всего, нуждался. Позже князь и сам отправился в Венгрию за военной помощью:

Тогда же и Мъстиславъ Изяславичъ . ѣха изъѣздомъ на стрѣя своего . на Володимира Володимирю . и ѿ жену его и мѣръ его . и всадивъ ѿ на возы . везе ѿ Лучьску . посла . а стрѣи его Володимеръ . оутече Перемышлю . а дружину его изогрѣи . и товаръ весь ѿѣа . иже бѣ

принесла изъ Оугоръ . Мьстиславлаа . а Володимирь ѿтуда . бѣжа
въ Оугры . къ королевѣ . затеви своему [ПСРЛ (2). Стлб. 484–485].

Несмотря на пленение тещи и двоюродной сестры, в этот раз Геза, видимо, отказал в поддержке опальному князю. Можно предположить, что это решение король принял не столько из-за пошатнувшегося положения Владимира, сколько из-за проблем, коснувшихся его собственного дома. Бан Белуш, дядя короля и тесть Владимира, был обвинен в заговоре против Гезы и покинул Венгрию [Калић 1997: 76]. Не исключено, что русский князь стал невольной жертвой этих событий.

Все сказанное выше, на мой взгляд, подчеркивает, насколько серьезное значение придавалось брачным союзам с венгерским правящим домом и взаимоотношениям русских и венгерских правителей. А значит, Владимир все не был «слабым звеном» в родовой политике Изяслава. Фраза «потрудилъ моя дѣла чѣсти и своа» (потрудился для моей и своей чести), приписанная старшему Мстиславичу, — пожалуй, весьма яркая иллюстрация этого тезиса.

«Мачешичем» младший сын Мстислава Великого стал лишь в тот момент, когда в политическую игру полноценно вступил его племянник — Мстислав Изяславич. Это прозвище впервые появилось в статье 1155 г., где летописец рассказал о примирении Юрия и Ростислава и об объединении их младших родственников — Мстислава и Владимира:

Мьстиславъ же встава брата своего Ёрослава в Лучьски . и с Воло-
димеромъ Мьстиславичемъ мачешичемъ [ПСРЛ (2). Стлб. 479].

До этого уточнения мы несколько раз встречали Владимира на страницах Киевской летописи, сам текст богат на князей-тезок. В той же статье 1155 г. упомянуты два Мстислава: Мстислав Изяславич и Мстислав Гюргевич; более того, герой назван не только по имени, но и по отчеству, так что «мачешичь» кажется избыточным и уничижительным дополнением. Пока о будущем противостоянии князей не шло и речи, но хрупкий мир очень быстро разрушился. Ровесник Владимира, Мстислав не признал родовое старшинство своего дяди и боролся за те же права, коими при жизни обладал его отец³. Столкновение

³ Относительно процедуры передачи власти в Древней Руси существует несколько точек зрения. Согласно С. М. Соловьеву [1847: 13] и В. О. Ключевскому [1908: 205–213], преобладал принцип генеалогического старшинства, когда власть передавалась от старшего брата к младшему, а затем переходила к старшему в роду племяннику. А. Е. Пресняков [1909: 61–67] считал, что доминировал принцип «отчины», при котором важнее оказалось наследовать земли, принадлежавшие ранее отцу. Альтернативную точку зрения высказали С. Франклин и Дж. Шепард [2000: 356–362], предположив, что ни один из принципов не доминировал и что на передачу власти в среде Рюриковичей влияли различные факторы. А. В. Назаренко рассматривает наследственную систему Рюриковичей как европейский *corpus fratrum*, который на Руси приобрел «самые развитые и дифференцированные формы» [Назаренко 2000: 500]. К. С. Гвозденко и А. А. Горский [2017] предложили ориентироваться на традиции конкретных княжеств. По их мнению, киевский стол с 1139 г. стал объектом борьбы сильнейших представителей княжеских ветвей, и о престолонаследии не могло быть и речи — равно как и в Новгороде, где князей приглашала боярская элита. Противоположная ситуация сложилась, например, в Чернигове, где преобладало лествичное право, и в Смоленске, где главным принципом было наследование от отца к сыну.

князей стало неизбежным. Племянник несколько раз изгонял своего менее удачливого дядю из Киева.

Именованье Владимира «мачешичем» кажется попыткой делегитимировать его право на киевский стол и вычеркнуть князя из круга претендентов. Около 1158 г. у Мстислава Изяславича родился сын, который стал полным тезкой Владимира Мстиславича, и имя, выбранное для младенца, тоже отчасти можно расценивать как акт исключения старшего родственника из перечня наследников Мономаха⁴.

В попытках избавиться от дяди и потенциальной опасности с его стороны Мстислав изгнал из Киева и его мать Н. Дмитровну:

Мѣстиславъ же рече мѣри Володимири иди в Городокъ . а ѿтуда камо тобѣ годно . не могу с тобою жити ѿдиномъ мѣстѣ зане сѣи твои ловить головы моего всегда [ПСРЛ (2). Стлб. 537].

Княгиня ушла в Чернигов, что, как уже было сказано выше, кажется странным даже с учетом смерти ближайших живых родственников в Новгороде. Однако если проанализировать взаимоотношения героини с детьми ее мужа, все встает на свои места.

Мать и мачеха

В сообщении Киевской летописи, датированном 1154 г., читаем:

Ростиславъ спратавъ тѣло его . и ѣха на Ярославль дворъ . и съзва мужа ѿца своего Вячеслави . и тивуны и ключники . каза нести имѣнье . ѿца своего . передъ са . и порты и золото и серебро . и снесъ все и нача роздавати . по монастыремъ и по црѣвамъ . и по затворомъ и нищимъ . и тако раздаѣ все . а собѣ ни приа ни что . толико крѣтъ чѣтъныи взѣ на блгословение собѣ . а прокъ имѣнниа да . чимъ же над ни^м дѣяти на послѣднии дѣни чимъ свѣчю и просфуру еѣ побѣ^ати .

⁴ В домонгольской Руси существовал строгий запрет на повторение имени прямых предков, если те к моменту появления младенца на свет были еще живы. В то же время, как пишут А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, дядя в этом плане был двойственной фигурой: с одной стороны, он действительно являлся представителем старшего поколения, с другой — прямого запрета на использование его имени не существовало. Младенцев нарекали именами их стрьев (дядьев по отцу) и уев (дядьев по матери) в двух случаях: либо для уподобления новорожденного дяде, либо для вытеснения последнего из родовой иерархии. Иллюстрацией последнего тезиса может служить стратегия именнаяречения ветви Святославичей — потомков одного из сыновей Ярослава Мудрого. Подробнее об этой сложной и запутанной системе см.: [Литвина, Успенский 2006: 95–98].

Что же касается героев этой статьи, то имя *Владимир* занимало крайне важную позицию в родовой политике Мономашичей и отсылало к основателю ветви — Владимиру Мономаху. Вполне закономерно, что Мстислав Великий дал имя своего отца младшему сыну, так как самого Мономаха уже не было в живых. Этой же логикой мог руководствоваться Мстислав Изяславич. Однако интересно, что к моменту рождения его третьего сына имя, во-первых, не было вакантно и его носил дядя Мстислава, а во-вторых, каким бы мощным эффектом оно ни обладало, Мстислав называет Владимиром только третьего и (возможно) самого младшего из своих сыновей. И происходит это ровно после начала конфликта с Владимиром Мстиславичем.

и то все израдивъ и приказа Мъстиславли . мѣре своеи . а самъ пойма
прокъ дружины Вячеславли . ѣха вѣпъ на вѣну страну [ПСРЛ (2).
Стлб. 473].

Уникальность этого отрывка заключается в том, что автор текста заменил термин свойствѣ *мачеха* на термин кровного родства *мать*, хотя и «мачехи» были хорошо знакомы русским летописцам. Родовая терминология по женской линии практически всегда, в отличие от мужской, употреблялась в своем прямом значении⁵. Пример превращения термина свойствѣ *мачеха* в родовой термин *мать* оказался единственным и требует тщательного анализа.

Главные действующие лица приведенного выше отрывка — смоленский князь Ростислав, один из старших сыновей Мстислава Великого и брат Изяслава, и уже знакомая нам Н. Дмитриовна. Причем последняя не могла быть кровной родственницей Мстиславича и даже не «годились ему в матери». Летопись не дает точной даты рождения князя, однако, по оценке Дариуша Домбровского [2015: 128–129], тот появился на свет между 1107 и 1109 гг. Брак Мстислава Владимировича и Н. Дмитриовны был заключен между октябрем 1122 г. и февралем 1123 г. То есть на момент повторной женитьбы отца Ростислав был подростком 11–13 лет. Если учитывать, что канонический возраст вступления в брак для девочек составлял 12–13 лет [Домбровский 2015: 128–129], то «сын» мог быть ненамного младше своей «матери».

К 1154 г. Мстислава Великого уже не было в живых (он скончался в 1132 г.), так что в приведенной выше цитате фигурируют сразу два «приемных» родителя: княгиня-мачеха и Вячеслав, приходившийся Ростиславу дядей по отцу (см. приложение 1). Последнее неудивительно, ведь дядя, особенно стрый, могли именоваться отцами после утраты младшими родственниками кровных родителей [Лавренченко 2016]. Более того, в случае Вячеслава и его племянников (во всяком случае старшего из них, Изяслава) была проведена процедура, похожая на официальное усыновление:

Вячеславъ же то слышавъ и любо бы^ѣ ему . и тако цѣловаста хр^ѣтъ .
оу сѣю мѣнку на гробѣ . на томъ Изаславу имѣти ѿ^ѣмъ Вячеслава .
а Вячеславу имѣти сѣмъ Изаслава [ПСРЛ (2). Стлб. 399].

Изяслав в момент заключения договора был взрослым и влиятельным князем, Вячеслав — старшим в роду, но оставшимся без мужского потомства, так что этот союз был выгоден обоим. Не исключено, что закрепленное крестоцелованием «отцовство» распространялось не только на Изяслава, но и на его младшего брата Ростислава.

Есть в статье 1154 г. еще один случай «пересчета» (метафоризации) родственных связей: «сыном любимым» Ростислава именуется Святослав Всево-

⁵ Мною были проанализированы все случаи использования слов *мать*, *сестра*, *дочь* в ряде летописных текстов. Для анализа выбраны следующие тексты: Повесть временных лет (по Ипатьевскому списку), Киевская, Суздальская, Галицко-волинская и Новгородская первая летописи.

лодович (см. приложение 2), приходившийся ему сестричищем⁶. И здесь, как кажется, можно увидеть продолжение тех отношений, которые сложились еще при отце Святослава Всеволоде, Ольговиче и его деде по матери — Мстиславе. Брак Всеволода и Мстиславны стал настолько удачной попыткой примирить две враждующие ветви Рюриковичей, что ради своего зятя Мстислав нарушил крестоцелование, а Всеволод позднее был обвинен собственными братьями в том, что Мономаховичей он поддерживает больше, чем Ольговичей.

Итак, налицо сочетание нескольких некровных родственников в одной летописной статье, отношения которых тем не менее переведены в категорию кровного родства, причем среди них неожиданным образом оказалась женщина.

Неравный брак (?)

Впервые о второй жене Мстислава летописец сообщил в год ее свадьбы. Интересен сам факт женитьбы князя на «Завидовой внуце», чей дед, по свидетельству Новгородской первой летописи [НПЛ: 164, 471–472], был посадником в годы княжения в Новгороде Мстислава. Брак с представительницей не княжеского рода кажется весьма странным с точки зрения и разыгрываемой партии (женитьба на Рюриковне или женщине из другого правящего дома приносила целый ряд политических выгод), и признанного порядка заключения браков. Помимо Мстислава Великого, нам достоверно известно еще о двух союзах с новгородками, но обе невесты представляли клан Роговичей-Гюрятиничей, основателем которого, возможно, был Регнвальд Ульвссон, «родич» шведской принцессы Ингегерд, на Руси ставшей женой Ярослава Мудрого [Гиппиус 2006].

Что же касается Завида и его предков, то здесь информация еще более скудная. Летописи ничего не сообщают о происхождении посадника. Однако В. Л. Янин [2008: 43], ссылаясь на свинцовые печати, найденные в Новгороде, отождествляет его с протопроедром Евстафием (вероятно, второе, христианское имя Завида). В свою очередь, А. Поппэ [1997] предположил, что Евстафий мог быть сыном посадника Остромира, женившегося на Феофании, дочери князя Владимира и царевны Анны. Эта реконструкция, как пишет А. А. Гиппиус [Gippius 2014: 384], позволяет идентифицировать посадников Завида и его сына Дмитра Завидича с потомками Остромира, которые также являлись родственниками Рюриковичей. Что же касается политических выгод, они еще более очевидны: скорее всего, союз Мстислава и Н. Дмитриовны должен был укрепить позиции князя и его потомства в Новгороде. План, как известно, провалился, однако, если посмотреть на список посадников с 1120 по 1128 г., становится ясно, что в этот период должность занимали исключительно лояльные к политике Мстислава бояре: пять лет правил присланный из Киева Борис, его сменил Мирослав Гюрятинич, приходившийся дальним род-

⁶ Святослав был одним из детей Мстиславны, дочери Мстислава Великого и Христины Шведской. Отношения этого князя с коалицией Мстиславичей развивались по-разному. Он то примыкал к родственникам со стороны матери, то действовал вместе с черниговскими князьями — давними противниками Мономаховичей, однако ему всегда удавалось быстро примириться со своими уями и их потомками.

ственным первой жене Мстислава, а в 1128 г. посадником стал брат Н. Дмитриовны — Завид Дмитриович, умерший в том же году.

Долгое время после свадьбы персона Н. Дмитриовны не интересовала летописца, и первое косвенное упоминание о ней, к тому времени уже вдове, встречается в эпизоде гибели Игоря Ольговича, датированном 1147 г.:

...и скочи Володимиръ с коня и шгорноу и корьзномъ . Река Кианомъ браѣ моѣ не мозите сего створити зла ни оубивайте Игоря . и доведе и Володимиръ воротъ . мѣре своѣа и тоу начаша Игоря оубивати . и оудариша Володимира бычюче Игоря . Михайль же видѣ то . и скочи с коня . хота помочи Володимиру . Володимиръ же вмча и во дворъ мѣре своѣа . Игоря хорона и затвори ворота бычюче же Михаила ѿторгоша хрѣтѣ на не^а и с чепьми . а в немъ гривна золота . толикоу же множество оубивающимъ Игоря [ПСРЛ (2). Стлб. 351–352].

Это сообщение позволяет нам утверждать, что в 1147 г. вдова Мстислава находилась в Киеве, так как с точки зрения горожан они зашли на «двор Мстислава», а с точки зрения Владимира он въезжает на «двор матери», т. е. истинной владелицы двора в данный момент.

Две женщины

Недостаток сведений о жизни вдовствующей княгини не запрещает нам, однако, сделать некоторые предположения относительно ее биографии. После смерти Мстислава Великого киевский стол поочередно занимали Ярополк и Вячеслав Владимировичи⁷, младшие братья ее мужа, а в 1139 г. князем стал Всеволод Ольгович, правивший вплоть до своей смерти в 1146 г. Если предположить, что все это время княгиня была в Киеве, то большую часть времени она провела под покровительством Всеволода, мужа своей падчерицы. А небольшая разница в возрасте между двумя женщинами⁸ делает возможным общение (или даже дружбу) между ними.

О жизни Н. Дмитриовны в Киеве также свидетельствует и то, что княгиня приняла на себя некоторые заботы о похоронах Вячеслава Владимировича, в то время как ее «сын» Ростислав «поима прокъ дружины Вячеславли . ѣха шпать на шну страну» [ПСРЛ (2). Стлб. 473]. В 1169 г. она приехала в Вышгород на встречу с родным сыном Владимиром. Здесь стоит иметь в виду, что незадолго до этого умер Ростислав Мстиславич, занявший Киев после смерти Юрия Долгорукого. Кажется важным и то, что Вышгород находится всего в 20 км от «матери городов русских».

⁷ Правление младших братьев (да и любых других родственников мужа) само по себе не давало гарантий безопасности для вдовствующей княгини. Однако, если учитывать, что Ярополк и позднее Вячеслав благоволили старшим Мстиславичам, можно предположить, что и вдову брата они хотя бы не изгоняли из города.

⁸ На момент второй свадьбы Мстислава Великого будущей жене Всеволода Ольговича было 10–12 лет, ее саму выдали замуж немногим позже венчания Мстислава и Н. Дмитриовны. Домбровский датирует рождение княжны 1110–1113 гг., а ее свадьбу со Всеволодом — 1126–1127 гг. [Домбровский 2015: 148–153].

Вероятнее всего, сын старшего пасынка Мстислав Изяславич, княживший в Киеве «по Ростиславли смѣти», изгнал ее именно оттуда. Поступок Мстислава может показаться варварским: князь прогнал уже немолодую женщину из города, в котором она прожила почти всю жизнь. Однако более ранние перемещения Н. Дмитриовны и ее встреча с сыном в Вышгороде в момент обострения конфликта между дядей и племянником показывают, что княгиня, возможно, играла в этом конфликте какую-то роль.

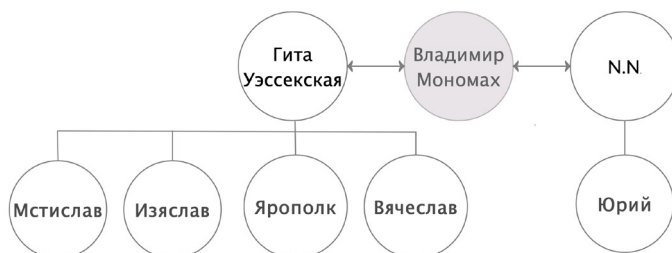
Напомню, что Владимир, в детстве, вероятнее всего, живший с матерью, вырос при дворе своей старшей сестры и ее мужа. И более того, он был ровесником их сына Святослава. Об отношениях Мстиславны и ее младшего брата в летописи сказано очень мало, однако известно, что в 1169 г. князь оставил жену и детей на попечении сестры: «и иде тамо а жену встави с дѣтатма . въ Глуховѣ оу Всеволозии» [ПСРЛ (2). Стлб. 537]. Нет сомнений в том, что это та самая Всеволожья, которая в 1141 г. просила мужа отдать новгородский стол ее младшему брату Святополку и которая, овдовев, ушла в «отчину» своего мужа (Глухов на тот момент был частью Черниговского княжества) [ПСРЛ (1). Стлб. 338]. Можно предположить, что в конфликте Владимира и Мстислава вдовствующая княгиня приняла сторону брата, а не племянника, или хотя бы решила помочь первому в его нелегком положении.

Итак, я предполагаю, что Н. Дмитриовна сумела построить дружеские отношения со своими пасынками и стать им если не матерью (в силу возраста), то как минимум близкой союзницей, с которой можно было ужиться в одном городе и дети которой в глазах старших Мстиславичей были родными братом и сестрой, способными играть серьезную роль в политике всей ветви. Что же касается ее позднейшего изгнания, то она не пошла ни в Городок, находившийся тогда, видимо, под властью Мстислава, ни в Новгород, где в то время княжил его сын Роман Мстиславич и где, видимо, уже не осталось никаких связей. Княгиня приняла, как кажется, единственное верное в данном случае решение и ушла в Чернигов — вотчину Святослава Всеволодовича, родного сына Всеволода и Мстиславны и «сына любимого» Ростислава. Испорченные отношения с потомком одного из пасынков не помешали ей обратиться за помощью к сыну падчерицы.

История Н. Дмитриовны показывает, насколько ценными и важными были семейные связи по женской линии. Возможное родство Остромира с князем Владимиром дало право правнучке новгородского посадника стать киевской княгиней. Ее дальнейшие действия и приписанное ей материнство показывают, что княгиня была далеко не последним человеком в семейном кругу, а ее уход в Чернигов — это иллюстрация того, как родственные связи и межсемейная дипломатия продолжают играть свою роль даже через много лет после смерти мужчин, которые просчитывали «брачные комбинации» и скрепляли свои союзы свадьбами родственников.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Владимировичи

Приложение 2. Мстиславичи

Источники

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред.

А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3.

Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1926–1928. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб.: Тип.

М. А. Александрова, 1908.

Литература

Гвозденко, Горский 2017 — Гвозденко К., Горский А. О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси // Российская история. 2017. № 6. С. 14–23.

Гиппиус 2006 — Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей // Slavica Helsingiensia. Vol. 27. 2006. P. 93–108.

Домбровский 2015 — Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. и вступ. сл. к рус. изд. К. Ю. Ерусалимского, О. А. Остапчук. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015.

- Калић 1997 — Калић Ј. Жупан Белош // Сборник радова Византолошког института. Т. 36. 1997. С. 63–81.
- Ключевский 1908 — Курс русской истории / [Соч.] проф. В. Ключевского. 3-е изд. Т. 1. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1908.
- Лавренченко 2016 — Лавренченко М. Л. «Отцовство» в древнейших русских летописях // *Studia Historica Europae Orientalis*. Vol. 9. 2016. С. 52–67.
- Литвина, Успенский 2006 — Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М.: Индрик, 2006.
- Назаренко 2000 — Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь / [Сост. В. Я. Петрухин]. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 500–519.
- Поппэ 1997 — Поппэ А. Феодана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16) / Отв. ред. Э. А. Гордиенко, В. Л. Янин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 102–120.
- Пресняков 1909 — Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1909.
- Пчелов 2000 — Пчелов Е. В. Рюриковичи и Арпады: династические связи // Гербовед. № 48. 2000. С. 72–82.
- Соловьев 1847 — Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М.: Университет. тип., 1847.
- Толочко 2013 — Толочко П. П. Династические браки на Руси XII–XIII вв. СПб.: Алетея, 2013.
- Франклин, Шепард 2000 — Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200 / Пер. с англ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Юрасов 2014 — Юрасов М. К. Политика Гезы II по отношению к Руси после победы над Владимиром Володаревичем // «По любви, в правду, безо всякие хитрости»: Дружья и коллеги к 80-летию В. А. Кучкина: Сб. ст. / [Отв. ред. Б. Н. Флоря]. М.: Индрик, 2014. С. 140–156.
- Юрасов 2015 — Юрасов М. К. Бан Белуш — один из возможных прототипов былинного героя Дюка Степановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2. С. 94–102.
- Янин 2008 — Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славян. культур, 2008.
- Gippius 2014 — Gippius A. A Scandinavian trace in the history of Novgorodian boyardom // *Vers l’Orient et vers l’Occident: regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne / Sous la dir. P. Baudin, A. E. Musin*. Caen: Presses universitaires de Caen, 2014. P. 383–392.

References

- Dąbrowski, D. (2008). *Genealogia Mściślawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)*. Avalon. (In Polish).
- Franklin, S., & Shepard, J. (1996). *The emergence of Rus: 750–1200*. Longman.
- Gippius, A. A. (2006). Skandinavskii sled v istorii novgorodskogo boiarstva (v razvitie gipotezy A. A. Molchanova o proiskhozhdenii posadnich’ego roda Giuriatinichei-Rogovichei [A Scandinavian trace in the history of Novgorodian boyardom (developing A. A. Molchanov’s hypothesis about the origin of the family of Giuriatinichi-Rogovichi)]. *Slavica Helvingiensia*, 27, 93–108. (In Russian).
- Gippius, A. (2014). A Scandinavian trace in the history of Novgorodian boyardom. In P. Baudin, & A. E. Musin (Eds.). *Vers l’Orient et vers l’Occident: regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne* (pp. 383–392). Presses universitaires de Caen.

- Gvozdenko, K., & Gorskii, A. (2017). O poriadke nasledovaniia kniazheskoi vlasti v Drevnei Rusi [On the order of inheritance of princely power in Ancient Rus]. *Rossiiskaia istoriia*, 2017(6), 14–23. (In Russian).
- Ianin, V. L. (2008). *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays about the history of medieval Novgorod]. Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian).
- Iurasov, M. K. (2014). Politika Gezy II po otnosheniiu k Rusi posle pobedy nad Vladimirom Volodarevichem [Géza II's policy towards Medieval Russia after the victory over Vladimir Volodarevich]. In B. N. Floria (Ed.). "Po liubvi, v pravdu, bezo vsiakie khitrosti": Druz'ia i kollegi k 80-letii V. A. Kuchkina: Sbornik statei (pp. 140–156). Indrik. (In Russian).
- Iurasov, M. K. (2015). Ban Belush — odin iz vozmozhnykh prototipov bylinnogo geroia Diuka Stepanovicha [Ban Beloš — a possible prototype of the epic hero Diuk Stepanovich]. *Drevniaia Rus'*. *Voprosy medievistiki*, 2015(2), 94–102. (In Russian).
- Kalich, J. (1997). Zhupan Belosh [Župan Beloš]. *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta*, 36, 63–81. (In Serbian).
- Kliuchevskii, V. (1908). *Kurs russkoi istorii* [A course of Russian history] (3rd ed., Vol. 1). Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko. (In Russian).
- Lavrenchenko, M. L. (2016). "Otsovstvo" v drevneishikh russkikh letopisiakh ["Fatherhood" in the Russian chronicles]. *Studia Historica Europae Orientalis*, 9, 52–67. (In Russian).
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2006). *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of names among Russian princes in the 10th–16th cc.: Dynastic history from an anthroponymic perspective]. Indrik. (In Russian).
- Nazarenko, A. V. (2000). Poriadok prestolonasledii na Rusi X–XII vv.: nasledstvennye razdely, sen'orat i popytki designatsii (tipologicheskie nabludeniia) [The order of succession to the throne in Russia in the 10th–12th centuries: hereditary domains, seniority and attempts of designation (typological observations)]. In V. Ia. Petrukhin (Ed.). *Iz istorii russkoi kul'tury* (Vol. 1, pp. 500–519). Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).
- Pchelov, E. V. (2000). Riurikovichi i Arpady: dinasticheskie sviazi [Rurikovichi and Árpáds: dynastic ties]. *Gerboved*, 48, 72–82. (In Russian).
- Poppe, A. (1997). Feofana Novgorodskaia [Feofana the Novgorodian]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik* (Vol. 6(16), pp. 102–120). Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Presniakov, A. E. (1909). *Kniazhoe pravo v Drevnei Rusi: Ocherki po istorii X–XII stoletii*. [Princely law in Ancient Russia: Essays about the history of the 10th–12th centuries]. Tipografiia M. A. Aleksandrova. (In Russian).
- Solov'ev, S. M. (1847). *Istoriia otnoshenii mezhdu russkimi kniaz'iami Riurikova doma* [The history of relations between the Russian princes of the Rurik dynasty]. Universitetskaia tipografiia. (In Russian).
- Tolochko, P. P. (2013). *Dinasticheskie braki na Rusi XII–XIII vv.* [Dynastic marriages in Russia 12th–13th centuries]. Aleteia. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Раиса Ильинична Ханукаева

аспирантка, Институт славяноведения
РАН

Россия, 119991, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32А

Тел.: +7 (495) 938-17-80

✉ raisa.khanukaeva@gmail.com

Information about the author

Raisa I. Khanukaeva

Post Graduate Student, Institute for Slavic
Studies of the Russian Academy of Sciences
Russia, 119991, Moscow, Leninsky Prospekt,
32A

Tel.: +7 (495) 250-66-68

✉ raisa.khanukaeva@gmail.com

А. А. Фитискина

ORCID: 0000-0002-5482-1416

✉ annafitiskina@gmail.com

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

ДРОБНЫЕ ЧАСЫ В КОМПОЗИЦИИ «УЧЕНИЯ О ЧИСЛАХ» КИРИКА НОВГОРОДЦА

Аннотация. Наиболее полный текст «Учения о числах» Кирика Новгородца читается в двух списках XVI в. В одном из них, до 1980-х годов известном только в копии XIX в., нет части, рассказывающей о дробных часах, что дало исследователям основания сомневаться в ее оригинальности. В 1980-е годы Е. К. Пиотровская обнаружила эту рукопись и показала, что место, где должен был читаться фрагмент о дробных часах, из нее вырезано. Содержание двух основных списков, таким образом, по-видимому, было идентичным, а следовательно, для того чтобы подвергать сомнению какую-либо часть текста, нужны очень весомые аргументы. В литературе, посвященной «Учению», до сих пор выражается неуверенность в оригинальности фрагмента о дробных часах, связанная как с композицией и логикой текста (В. В. Мильков и Р. А. Симонов), так и с его грамматикой (Вяч. Вс. Иванов). В настоящей статье обсуждаются все аргументы против оригинальности этого фрагмента и делается вывод о его принадлежности первоначальному тексту.

Ключевые слова: древнерусская письменность, XII век, древний Новгород, Кирик Новгородец, «Учение о числах», дробные часы

Для цитирования: Фитискина А. А. Дробные часы в композиции «Учения о числах» Кирика Новгородца // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 60–66. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-60-66>.

*Статья поступила в редакцию 11 января 2021 г.
Принято к печати 13 февраля 2021 г.*

A. A. Fitiskina

ORCID: 0000-0002-5482-1416

✉ annafitiskina@gmail.com

Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)

FRACTIONAL HOURS IN THE COMPOSITION OF THE *TEACHING ON NUMBERS* BY KIRIK THE NOVGORODIAN

Abstract. The full text of the *Teaching on Numbers* by Kirik the Novgorodian is found in two 16th century manuscripts. One of them, which until the 1980s was known only in a 19th century copy, lacks a fragment about so called fractional hours that is present in the other manuscript. This circumstance gave rise to doubts concerning the authenticity of this fragment. In the 1980s, E. K. Piotrovskaja rediscovered this manuscript and showed that the place where the fragment about “fractional hours” was supposed to be was cut out of the sheet, thus, most likely, it was originally there. Thus, the content of the two main recensions was identical and therefore very weighty arguments would be required in order to question any part of the text. However, uncertainty about the authenticity of this part of the text for some reason is still found in studies devoted to the *Teaching on Numbers*. This is prompted both by the composition of the text (V. V. Mil’kov and R. A. Simonov) and by its grammar (V. V. Ivanov). The present paper discusses all the arguments against the authenticity of the “fractional hour” fragment and concludes that it belongs to the original text.

Keywords: Old Russian literature, 12th century, Old Novgorod, Kirik the Novgorodian, *Teaching on Numbers*, “fractional hours”

To cite this article: Fitiskina, A. A. (2021). Fractional hours in the composition of the *Teaching on Numbers* by Kirik the Novgorodian. *Shagi / Steps*, 7(3), 60–66. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-60-66>.

Received January 11, 2021

Accepted February 13, 2021

«Учение» Кирика Новгородца известно в четырех списках: Погодинском (РНБ, Погод. 76) и Софийском (СПБИБ РАН. Археограф. ком. Кол. 11. № 245) списках XVI в., неполном Мазуринском списке XVIII в. (РГАДА, Мазур. 1069) и фрагментарно в так называемом Софийском фрагменте рубежа XVI и XVII вв. (РНБ, Соф. 1161). В Мазуринском списке есть только первая часть текста, а в Софийском нет последней, предшествующей послесловию.

В Погодинском, наиболее полном из списков, «Учение» состоит из 27 пронумерованных разделов, содержательно распадающихся на четыре части, и послесловия. Первую часть образуют разделы о количестве прошедших от сотворения мира лет, месяцев, недель, дней и часов (1–5); вторую — разделы, посвященные различным, но прежде всего календарным циклам (индикту, солнечному и лунному кругам, тысячелетию, «поновлениям стихий», високосу, великому кругу) и их количеству в 6644 годах (6–15); третью — о числе месяцев, недель, дней и часов в одном году (16–19); четвертую — о дробных часах (20–27). Послесловие представляет собой колофон, насыщенный календарными сведениями, охватывающими почти весь материал трактата, благодаря чему известно, что «Учение» писалось в Новгороде между 19 июля и 1 сентября 6644 (1136) г. 26-летним диаконом и domestikом Антониева монастыря Кириком.

Фрагмент о дробных часах, читаемый только в Погодинском списке, исследователи до сих пор возводят к оригиналу с оговорками [Мильков, Симонов 2011: 306]. Долгое время Софийский список считался утраченным, но сохранившимся в копии XIX в., не содержащей части о дробных часах. Его вновь обнаружила Е. К. Пиотровская, показавшая, что место, где должен был читаться соответствующий фрагмент, вырезано, а копия XIX в. сделана с уже дефектной рукописи [Пиотровская 1985]. Разделы о дробных часах, таким образом, почти наверняка читались и в Погодинском, и в Софийском списках, и, следовательно, содержание двух основных списков было идентичным. В таком случае всякое сомнение в оригинальности какого-либо фрагмента, не подкрепленное вескими аргументами, оказывается излишним усложнением.

В. В. Мильков и Р. А. Симонов сформулировали три причины, не позволяющие, с их точки зрения, безоговорочно возвести разделы о дробных часах к первоначальному тексту «Учения», даже несмотря на открытие Е. К. Пиотровской: 1) в разделах 20–27 нет ни одного указания на 6644 г. и, следовательно, их нельзя точно датировать; 2) 20-й раздел представляет собой необъяснимый повтор информации, уже содержащейся в 5-м разделе; 3) дробные часы не упоминаются в заключении и поэтому нарушают композицию «Учения» [Мильков, Симонов 2011: 304–308].

Следуя логике третьего соображения, стоило усомниться бы также в разделах о «поновлениях стихий» (10–13) и великом круге (15), поскольку в заключении ни то ни другое тоже не упоминается. Подобных сомнений, однако, исследователями высказано не было.

Отсутствие указания на год, причем не только в четвертой, но и в третьей, уверенно возводимой к оригиналу части, объясняется логикой текста. В первых двух частях, в которых Кирик сконцентрирован на том, сколько различных единиц времени и циклов прошло от сотворения мира, постоянное

повторение числа прошедших лет нужно ему для расчетов. Рассматривая же в двух других частях количество единиц времени в одном году и часов в одном дне, он уже не осуществлял этих вычислений и не нуждался и в упоминании текущего года. Наличие или отсутствие в разделе упоминания 6644 г., таким образом, не имеет отношения к истории текста.

В 20-м и 5-м разделах повторена информация о количестве часов в одном дне:

5: **ѿ . часа єѣта въ днѣ** [Погод. 76. Л. 343 об.]
 20: **въ днѣ ѿдиномъ . ѿ . єсть часа** [Там же. Л. 345]

По мнению В. В. Милькова и Р. А. Симонова, этот повтор можно объяснить, только если рассматривать разделы 19–27 как независимый от «Учения» текст, поскольку речь о количестве дробных частей часа в одном дне логично начать с количества часов в одном дне. От других повторов, с точки зрения исследователей, этот случай отличается тем, что информация дается повторно без оговорок, в то время как в 17-м разделе, прежде чем повториться, Кирик пишет: **се паки ѿваляеѣ колѣнѣ въ лѣтѣ** [Там же. Л. 345]. Но в тексте, принимаемом за бесспорный оригинал, все же есть еще два повтора, которые Кирик не оговаривает:

2: **чти по два и десаѣ мѣца . въ всакомъ лѣтѣ** [Там же. Л. 342]
 16: **въ єдиноѣ лѣтѣ кнѣжныхъ мѣцевъ . ѿ .** [Там же. Л. 344 об.]
 4: **чти прѣвое по . ѿ . и по . ѿ . и по пѣти днѣ въ лѣтѣ** [Там же. Л. 342 об.]
 18: **въ лѣтѣ . ѿ года до года . днѣ . ѿ . ѿ .** [Там же. Л. 345]

Дело в том, что вся третья часть строится как повторение и уточнение первой. Объясняя в первой части, как вычислить, сколько «от Адама» прошло тех или иных временных единиц, Кирик закономерно сообщает и то, сколько их содержится в одном году, — это необходимо для расчета. В третьей же части он пишет уже о количестве тех же временных единиц в одном году, отчего информация оказывается повторенной дважды, но во втором случае всегда обогащенной новыми сведениями (например, о различии календарного, небесного и лунного месяцев в 16-м разделе). Этим и вызваны повторы во 2-м и 16-м, 3-м и 17-м, 4-м и 18-м разделах. Отсутствие же повтора в 5-м и 19-м разделах объясняется тем, что, когда в 5-м разделе Кирик пишет о количестве часов в 6644 годах — очень большом числе, — он добавляет: **да аще которѣи <...> хотѣтъ и семоу навѣкиѣти <...> да вѣдаєтъ ꙗко ѿ . часа єѣта въ днѣ . та нѣли сѣчитаетъ, та* . мѣць . та* . лѣт** [Там же. Л. 343], — т. е. «и если кто <...> хочет научиться и этому, пусть знает, что во дне двенадцать часов, и так считает и недели, и месяц, и год». Вероятно, из-за величины числа (29120602) и сложности расчета Кирик начинает с количества часов не в году, а во дне, чтобы постепенно читатель дошел и до года. Именно поэтому повтор с 5-м разделом возникает в 20-м разделе, где Кирик пишет уже **ѿ частѣ ѿдиноѣ днѣ** [Там же. Л. 345]. Ничего необъяснимого и противоречащего структуре «Учения» в этом повторе, как кажется, нет. Более того, с двумя другими его также объединяет порядок слов: в первой части, когда информация вводится

впервые, сначала называется количество и уже потом единица времени. При повторе же, наоборот, сначала говорится о единице, а потом о количестве, за счет чего между первым упоминанием и повтором возникает своего рода хиазм. Оговаривает же Кирик повтор в том случае, когда информация повторяется почти слово в слово:

3: в лѣтъѣ единомѣ нѣль .нв. и единѣ днѣ [Там же. Л. 342]

17: въ лѣтъ . ѿдиномѣ нѣль . нв . и ѿдинѣ днѣ [Там же. Л. 345]

Вяч. Вс. Иванов [1973] еще до открытия Е. К. Пиотровской предложил два соображения языкового характера в пользу позднейшего происхождения разделов о дробных часах (на первый из них дана ссылка и в [Мильков, Симонов 2011: 307]): 1) использование только в этой части личных форм глаголов настоящего времени (19: *разумѣти вѣлю*, 20: *повѣдаю*, 21: *пишемъ*), тогда как в остальном тексте предпочтение отдается безличным конструкциям; 2) разное употребление глагола с числом 12 в этой и предшествующей частях:

5: *ѿ . часа еѣта въ днѣ* [Погод. 76. Л. 343 об.]

20: *въ днѣ ѿдиномѣ . ѿ . еѣта часа* [Там же. Л. 345]

В 5-м разделе числительное связывается с глаголом в двойственном числе, тогда как во фрагменте о дробных часах — с глаголом в единственном числе, из чего Вяч. Вс. Иванов заключает: «Трудно полагать, что в тексте, имеющем действительно единое происхождение, могла бы наблюдаться подобная картина» [Иванов 1973: 279]. Появление этой формы могло быть просто ошибкой переписчика: например, в 5-м разделе форма двойственного числа представлена только в Погодинском и Софийском списках, тогда как в Мазуринском читается как раз *еѣта*.

Первое соображение справедливо в том отношении, что скопление в трех идущих подряд разделах глаголов в форме, аналогов которой в тексте больше нет, сразу бросается в глаза. Однако для того чтобы считать весь фрагмент вставным, этого недостаточно. Такому объяснению противоречит введение этих конструкций в 19-й, а не в 20-й раздел: вопреки тому, что В. В. Мильков и Р. А. Симонов пишут о логике композиции «Учения», 19-й раздел, в котором говорится о количестве часов в году, одновременно и начинает четвертую часть, и, несомненно, завершает третью. Иначе необходимо объяснить, почему, написав о месяцах, неделях и днях в году, Кирик не стал писать о часах.

Труднее согласиться с Вяч. Вс. Ивановым в ощущении, «что автор (или авторы) разных частей по-разному оценивал (или оценивали) возможность своего вмешательства в изложение» [Там же]. Прежде всего стоит отметить, что по тексту Кирик трижды использует личные формы аориста (*вѣрѣтохъ* [Погод. 76. Л. 343 об., 344], *писахъ* [Там же. Л. 346]), т. е. допускает изложение от первого лица. Кроме того, наряду с безличными конструкциями типа *вѣсто да еѣтъ* [Там же. Л. 342 об.] и *вѣдомо боуди* [Там же. Л. 343] он употребляет обращенные к читателю императивы: *да аще хоцешѣ чести мѣцы <...> да чти* [Там же. Л. 342]; *да аще хоцешѣ вѣдати дни <...> да чти* [Там же. Л. 342 об.]; *сего нелѣтъ не вѣда[д]ти . но вѣдан* [Там же. Л. 343 об.]. Личные конструкции в разделах 19–21, несмотря на необычную для «Учения» грамматическую форму, вполне встраиваются в его риторическую структуру:

19: **разѹмѣти велю** [Там же. Л. 345]

20: **вси вѣдають и азъ повѣдаю** [Там же]

21: **си же пишемъ любомърьцемъ . и хотѹщимъ выкнѹти добрѣ
всемъ** [Там же]

Конструкция **разѹмѣти велю** кажется коррелятом императива Кирика **вѣдан** [Там же. Л. 343 об.]: в сущности, имеет место одно действие (Кирик «велит знать»), но в первом случае оно называется, а во втором — осуществляется.

К конструкции **вси вѣдають и азъ повѣдаю** приближается **сего неслѣ не вѣ[да]ти . но вѣдан** (8): обе они двухчастны и разделены союзом, в них использован один глагол (в разделе 20 — также его приставочный дериват), повторенный в разных формах в обеих частях, при этом первая часть семантически обуславливает вторую («это необходимо знать, так вот знай» и «все знают, и я сообщу»).

Начало третьей фразы наименее свойственно «Учению» с точки зрения грамматики: больше в тексте глаголов первого лица множественного числа нет; глагол *писати*, однако, дважды употребляется в заключении: **вѣсто же есть, тако числа си писани соу^т** [Там же. Л. 345 об.]; **писах же в велицемъ новѣградѣ азъ грѣшнын** [Там же. Л. 346]. Продолжение фразы, напротив, для «Учения» характерно. Уже в первом предложении трактата Кирик пишет о человеке, который познаёт с помощью «Учения» число всех лет. На протяжении всего текста в прямых и косвенных обращениях к читателю этот образ постоянно всплывает и дополняется, неизменная же его черта — любознательность, неутомимое желание учиться делать расчеты. Выражение **любомърьцемъ и хотѹщимъ выкнѹти добрѣ всемъ** схоже с двумя обращениями из предшествующего текста: **и се вѣсто да есть хотѹщемоу разѹмѣти добрѣ числѣ нъаномоу** [Там же. Л. 242 об.] и **котори промѹзгы хотѹть и семоу навикнѹти . или числолюбци и ритори** [Там же. Л. 343]: с одной стороны, используются наречие *добрѣ* и причастие от глагола *хотѣти*, с другой — сложное слово с корнем *люб-*, значение ‘мудрецы’ (об этом значении слова *риторь* см.: [Мильков, Симонов 2011: 342]) и глагол *выкнути*.

Таким образом, конструкции в разделах 19–21 не только не противоречат стилистической структуре «Учения», но и последовательно ее развивают. Соответственно, оснований сомневаться в оригинальности фрагмента о дробных часах нет¹.

Источники

Погод. 76 — Учение имже вѣдати челоуѣку числа всѣх лѣт. XVI в. (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 588. № 76. Л. 342–346).

¹ Косвенно об оригинальности этого фрагмента, возможно, свидетельствует и общее число разделов «Учения» — 27. В посвященном календарному счету тексте это число, обозначавшееся специальным словом *тридевятъ*, вполне могло быть неслучайным: с одной стороны, оно восходило к счету дней сидерического (звездного) месяца и в славянской культуре считалось магическим, с другой стороны, равнялось числу знаков в кириллической цифири [Жолобов 2005: 36–38]. За это наблюдение я благодарю Алексея Алексеевича Гиппиуса.

Литература

- Жолобов 2005 — Жолобов О. Ф. ТРИДЕВАТО АНЕЕЛО ТРИДЕВА АРОХАНЕЛО (функция и формы числительных в берестяной грамоте № 715) // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 32–43.
- Иванов 1973 — Иванов Вяч. Вс. Замечания по поводу языковых особенностей сочинения Кирика Новгородца о числах и счете (1136) // Историко-математические исследования Вып. 18 / Под ред. А. П. Юшкевича. М.: Наука, 1973. С. 278–279.
- Мильков, Симонов 2011 — Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М.: Круг, 2011.
- Пиотровская 1985 — Пиотровская Е. К. Об одном списке «Учения о числах» Кирика Новгородца из собрания архива ЛОИИ СССР АН СССР // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 40 / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1985. С. 379–384.

References

- Ivanov, V. V. (1973). Zamechaniia po povodu iazykovykh osobennostei sochineniia Kirika Novgorodtsa o chislakh i schete (1136) [Remarks on the linguistic features of the work on numbers and counting by Kirik the Novgorodian (1136)]. In A. P. Iushkevich (Ed.). *Istoriko-matematicheskie issledovaniia* (Vol. 18, pp. 278–279). (In Russian).
- Mil'kov, V. V., & Simonov, R. A. (2011). *Kirik Novgorodets: uchenyi i myslitel'* [Kirik the Novgorodian: Scientist and thinker]. Krug". (In Russian).
- Piotrovskaia, E. K. (1985). Ob odnom spiske "Ucheniia o chislakh" Kirika Novgorodtsa iz sobraniia arkhiva LOII SSSR AN SSSR [About one copy of the "Teaching on Numbers" by Kirik the Novgorodian from the collection of the Leningrad Institute of History archive of the Academy of Sciences of the Soviet Union]. In D. S. Likhachev (Ed.). *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* (Vol. 40, pp. 379–384). Nauka. (In Russian).
- Zholobov O. F. (2005). ТРИДЕВАТО АНЕЕЛО ТРИДЕВА АРОХАНЕЛО (funktsiia i formy chislitel'nykh v berestianoi gramote № 715) [ТРИДЕВАТО АНЕЕЛО ТРИДЕВА АРОХАНЕЛО (Functions and forms of numerals in birch codex No. 715)]. *Voprosy iazykoznanija*, 2005(3), 32–43. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Анна Александровна Фитискина
студентка магистратуры, кафедра
русского языка, филологический
факультет, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы,
ГСП-1
Тел.: +7 (495) 939-32-77
✉ annafitiskina@gmail.com

Information about the author

Anna A. Fitiskina
Master's Student, Russian Language
Department, Philological Faculty, Lomonosov
Moscow State University
Russia, 119991, Moscow, Leninskie Gory,
GSP-1
Tel.: +7 (495) 939-32-77
✉ annafitiskina@gmail.com

А. А. Гиппиус^{ab}

ORCID: 0000-0001-7797-9446

✉ agippius@mail.ru

^a Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)^b Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

ШЕСТИНИКИ: К ЗНАЧЕНИЮ И ПРОИСХОЖДЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ТЕРМИНА

Аннотация. Социальный термин *шестникъ*, известный из новгородско-псковских источников XIII–XVI вв., несмотря на неоднократные попытки его интерпретации, до сих пор не получил убедительного истолкования ни с точки зрения своего содержания, ни в плане этимологии. В статье показано, что распространенное понимание этого термина как обозначения разного рода пришлых людей, связанного со словами *шествие* и *шествовать*, не отвечает содержанию контекстов, в которых выступает слово, и несостоятельно лингвистически. Исторически неприемлемой признается и новейшая трактовка термина как обозначения представителей кочевого населения финно-угорского происхождения. Проведенный анализ показал, что слово употребляется в двух значениях, узком и широком. Шестники — это, во-первых, княжеские вооруженные люди, выполняющие не только военные, но и административные функции; во-вторых, так могли называться в Новгороде и Пскове любые выходцы из Москвы, Твери и вообще Низовских земель. Предполагаемое перенесение обозначения воинского контингента на этническую группу находит параллель в истории слова *Русь*. Предложено также гипотетическое объяснение происхождения термина, связывающее его с числительным *шесть* и трактующее как параллель к термину *осьмникъ*, исходно называвшему предводителя воинского подразделения из восьми человек.

Ключевые слова: Древняя Русь, Новгород, социальная терминология, военная организация, древнерусская дружина, шестники

Для цитирования: Гиппиус А. А. Шестники: к значению и происхождению социального термина // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 67–81. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-67-81>.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2021 г.
Принято к печати 11 апреля 2021 г.

A. A. Gippius^{ab}

ORCID: 0000-0001-7797-9446

✉ agippius@mail.ru

^a National Research University
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

^b The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Russia, Moscow)

SHESTNIKI: ON THE MEANING AND ORIGIN OF THE SOCIAL TERM

Abstract. The social term *shestnik*, known from Novgorod-Pskov sources of the 13th–16th centuries, despite repeated attempts to interpret it, has not yet received a convincing explanation either in terms of its content or in terms of etymology. The article shows that the widespread understanding of this term as a designation of various kinds of newcomers, connected to *shestvie* and *shestvovati*, is untenable linguistically and cannot account for the whole relevant data. The newest interpretation of the term as designating members of the nomadic population of Finno-Ugric origin is also rejected as historically unacceptable. The analysis carried out by the author showed that the word is used in two meanings, narrow and wide. *Shestniki* are, firstly, the prince's armed men who perform not only military, but also administrative functions; secondly, in Novgorod and Pskov, any newcomers from Moscow, Tver and, in general, the "lower lands" (*Nizovskie zemli*) of the Rostov-Suzdal region could be called so. The supposed transfer of the designation of a military contingent to an ethnic group finds a parallel in the history of the word *Rus'*. A hypothetical explanation of the origin of the term is also proposed, linking it with the numeral 'six' and interpreting it as a parallel to the term *os'mnik*, which originally denoted the leader of a military unit of eight people.

Keywords: Early Rus', Veliky Novgorod, social terminology, military organization, princely retinue, *shestniki*

To cite this article: Gippius, A. A. (2021). *Shestniki*: On the meaning and origin of the social term. *Shagi / Steps*, 7(3), 67–81. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-67-81>.

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-908).

Received February 10, 2021

Accepted April 14, 2021

© A. A. GIPPIUS

Этот социальный термин, хорошо известный из новгородских и псковских источников XIII–XVI вв. — летописей, актов, писцовых книг и др., — загадочен как с исторической точки зрения, так и в плане этимологии. Его толкование вызвало затруднения уже у классиков отечественной лексикографии. И. И. Срезневский [1893–1903 (3): 1605–1606] указывает для данного слова три контекстно обусловленных значения: ‘пеший воин’, ‘слуга княжеский’, ‘хожалый (?)’, а в двух случаях вовсе отказывается от перевода. У В. И. Даля [1882 (4): 630] слово встречается дважды, оба раза с пометой *стар.*: в статье «Шествовать», со значением ‘пришлец’, и в статье «Шесть» (с оговоркой «от *шествовать*?»), где указаны другие значения: ‘служитель на князем дворе; недельщик; дневальный, рассильный, хожалый’, а также ‘пешеход, путник, ходок’. В исторической литературе значение термина также определялось по-разному: ‘лицо низшей судебной/княжеской администрации’ [ППП (2): 215; Кочин 1937: 397], ‘боярский вооруженный слуга’ [НГБ (4): 46], ‘крестьянин-издольщик, работающий из шестого снопа’ [Черепнин 1969: 233].

Попытку преодолеть этот разнобой в толкованиях предпринял В. Л. Янин [НГБ (8): 232–233]. Проанализировав все известные упоминания шестников, он пришел к выводу, что таким образом обозначаются разного рода пришлые люди: княжеские дружинники (в летописных контекстах), неместные истцы (в Новгородской судной грамоте), новоприбылые крестьяне (в писцовых книгах и берестяной грамоте № 161) и т. д. Иначе говоря, значение ‘пришлец’, указанное у Даля среди прочих, В. Л. Янин считает для данной лексемы основным. Основываясь, видимо, на объяснении Янина, трактует шестников как «иноземцев» автор диссертации, посвященной истории новгородского войска [Быков 2006: 37, 44].

Поиск значения, равно подходящего ко всем контекстам, в которых упоминаются шестники, продолжил Е. А. Хелимский [1998]. Отметив, что перевод ‘пришлый человек’ «имплицитно основан на предположении о словообразовательной и семантической связи слова *шестник* с *шествовати*, *шествие*», он предложил трактовать слово совершенно иначе. Согласно Хелимскому, шестники — это ‘кочевники’. Такой перевод «исходит из предположения о том, что слово *шестник* образовано от *шест* как обозначения основного конструктивного элемента кочевого жилища (ср. *шестовой чум*); перевозимые в санях шесты представляют собой одну из характерных примет кочевых обозов на Севере. Ср. также *шест* стар. ‘тягло, дым, очаг, двор, семья’ (Даль). Таким образом, *шестник* оказывается близким или даже точным словообразовательным аналогом слова *вежник*, которое было ранее идентифицировано в текстах берестяных грамот в значении ‘кочевник’ (Янин, Зализняк 1993, с. 55, 326; см. также Зализняк 1995, с. 271) и которое образовано от *вежа* (~ *вѣжа*) ‘кочевое жилище, чум’» [Там же: 566].

К сожалению, эта изящная гипотеза, выдвинутая выдающимся финно-угроведом и сочувственно воспринятая в лингвистической литературе [Зализняк 2004: 669; Шилов 2010: 34; Васильев 2012: 384], не выдерживает проверки фактами. Вопреки утверждению Е. А. Хелимского, для большинства контекстов, собранных В. Л. Яниным, перевод ‘кочевники’ совершенно неприемлем.

В двух летописных контекстах шестники выступают, по мнению Е. А. Хелимского, в качестве набравшегося из кочевого или полукочевого населения «вспомогательного ополчения, участвовавшего вместе с княжеской дружиной и новгородцами в военных операциях» [Хелимский 1998: 566]. Таким образом трактуется, в частности, самое раннее упоминание шестников в сообщении Новгородской 1-й летописи под 1256 г. о походе Александра Невского на емь:

...пойде с своими полкы князь и с новгородци; и бысть золь путь, акыже не видали ни дни, ни ночи, и многымъ шестникомъ бысть пагуба, а новгородцевъ богъ сблюде [НПЛ: 81, 309].

В действительности ни о каком «вспомогательном ополчении» речь здесь не идет: в окончании фразы, как и в ее начале, упоминаются две категории воинов: княжеская дружина («свои полки» князя, они же шестники) и новгородцы. Ср. построенное по той же схеме известие статьи 1234 г., где место шестников занимают «низовцы» — воины из Низовской земли:

Иде князь Ярослав съ новгородци и съ всѣю областью и с полкы своими на Нѣмци подѣ Гюргевъ <...> и възвратишася новгородци сдрави вси, а низовьчѣ нѣколико паде [Там же: 73, 283].

Столь же неприемлема указанная трактовка и для известия 1476 г. Псковской 3-й летописи:

Роспѣрчишася с людьми людии на княже дворѣ, с пьяными князодворци, и се почаше битися, а сестники почаше ножи колотися, а наши камениемъ от себе битися. И поидоша сестники на весь миръ с ножи на Торгъ, а инья с лоуки; и почася стрѣлятися, инии ножи колотися; а псковичи же толко протиоу их от себѣ оучали боронитися, кои камениемъ, кои дровомъ; тако же и самъ князь Ярославъ, пьян же и в пансыри высед, почаль стрѣляти <...> И к вечероу бысть, и князь и сестники поидоше на сени, благовѣрными людьми и доброухотящими оукрощени, какъ князь и сестники и псковичи [ПЛ (2): 204–205].

Ср. начало рассказа о том же событии в Псковской 2-й летописи, из которого недвусмысленно вытекает тождественность «шестников» «княжедворцам»:

...повезе псковитинѣ съ огорода капусту черес Торгъ мимо княжеи дворѣ, и шестникъ, похитивъ силою наручье тое капусты, даде князю барану, и про то начаша псковичи которатися с шестниками [Там же: 56].

Еще в двух случаях, по мнению Е. А. Хелимского, кочевники-«шестники» упоминаются как жертвы военных экспедиций в Заволочье:

...а за Волокомъ Онѣго и Каргополе повоеваша и пограбиша шестники (Летопись Аврамки, 1447 г. [ПСРЛ (16): 190]).

...и шестники измогоша; и Заволочань посѣкоша и Двинянь иссѣкоша (Новгородская 4-я летопись, 1471 г. [ПСРЛ (4): 447]).

В действительности в обоих контекстах *шестники* — подлежащее: так летописцы называют самих участников северных военных предприятий московских и тверских князей, а не их жертв.

В примерах из Летописи Аврамки под 1456 и 1471 гг. шестники, как считает Е. А. Хелимский [1999: 566], «выступают как союзники татар, видимо, также в роли вспомогательных воинских отрядов; эти кочевники, по своей этнической принадлежности могли быть, вероятно, пермянами или югрой». Из более полных контекстов, однако, совершенно ясно, что шестниками здесь названы «москвичи», т. е. войско великого князя Московского Ивана III:

...и паде ту Москвиць и Татаровъ 50 человекъ; и побѣгоша Москвиць в Русу, а Новгородци поидоша за ними по улицамъ и по дворомъ, а ини шедше с коневъ и почаша снимать и съ шестниковъ и Татаровъ битыхъ ту платье и доспѣхы [ПСРЛ (16): 195].

...а князь великий стоявъ подъ Дмяны, и отступи въ Яжолбици, а со города съ Дмяна убиша 15 человекъ шестниковъ [Там же: 196].

Особый интерес представляет контекст из Новгородской судной грамоты:

А кто с кем пошлется на послуха, ино взять заклад шестнику на сто верст по старине, а подвойским и софьяном, и биричем, и известником на сто верст четыре гривны. А кои истецъ скажет послуха дале ста верст, а похочет и другои истецъ слатся на того послуха: ино слатся на него; а не всхочет другои истецъ слатся дале ста верст, ино поставит ему своего послуха у суда; а срок ему взяти на послуха на сто верст по три недели; а заклад дать виноватому истцю на сто верст шестнику [ПРП (2): 215].

Толкование В. Л. Янина, видящего в шестнике этого текста чужеродного для новгородской округи истца, хорошо вписывается в гипотезу Е. А. Хелимского, однако само по себе не выдерживает критики: шестник явно выступает здесь не в роли истца, а как судебный исполнитель, получающий «заклад» от подателя иска. Статус его проясняет упоминание далее подвойского: в аналогичной по содержанию статье 49 Псковской судной грамоты упоминаются «княжий человек», «подвойский» и «псковитин» [ЗДР (1): 336]; это дает основание считать шестника данного текста административным лицом из княжеского окружения.

Отдельную категорию составляют контексты, в которых слово выступает как характеристика конкретного лица. О новоизбранном владыке Алексее в Комиссионном списке Новгородской 1-й летописи под 1359 г. сказано: «Той же зимы поставленъ бысть Алексеи черницъ въ Тфѣри въ дияконы и попомъ от Федора, епископа тфѣрського». В Академическом списке вместо *въ Тфѣри* читается *шестникъ*, что, скорее всего, является первоначальным чтением [НПЛ: 365]. Другого новгородского архиепископа, Феодосия, новгородцы,

согласно Летописи Аврамки (1423 г.), отрешили от кафедры, говоря: «не хотимъ шестника владыкою» [ПСРЛ (16): 177]. В. Л. Янин справедливо трактует эти характеристики как указания на чужеродность Алексея и Феодосия Новгороду. Однако считать их новообращенными инородцами, что предлагает Е. А. Хелимский, усматривая в отстранении Феодосия «шовинистическую мотивировку», нет оснований. На действительное происхождение Алексея, возможно, проливает свет указание о поставлении его в дьяконы и попы тверским епископом. В связи с этим представляет интерес не учтенная в сводке В. Л. Янина выходная запись Псковского Евангелия 1463 г., в которой писец называет себя «многогрѣшныи рабъ б(о)жии Борисъ дѣакъ шестникъ тѣринь» [Гранстрем 1953: 65].

Замечательна для нас и фигура основателя Псково-Печерского монастыря, инока Иоанна, известного церковной традицией как Иоанн Шестник. В повести об основании монастыря о нем говорится следующее:

Сему же обретению печерному в слухи пришедшу в всем граде Пскове некоему же священнику Ивану именем, род же его глаголят быти измлада московския земля, и сего ради зваху его псковичи через имя Шестником, нежданне же ему пришедшу в Псков из немецкия земли от града Юрьева [Малков 1991: 185].

Прямое указание на то, что Иоанн Шестник был по происхождению москвичом, хорошо согласуется с другими уже приведенными данными и заставляет окончательно проститься с гипотезой о кочевом характере обозначавшегося этим термином населения¹.

Что же касается гипотезы В. Л. Янина, видящего в шестниках разного рода пришлых людей, то она, на первый взгляд, не вступает в противоречие с материалом: все названные выше категории лиц и отдельные личности действительно были «пришельцами» в Новгороде и Пскове. Настораживает, однако, избирательность источников, называющих шестниками не всех «пришлых людей», а только две их разновидности. Обобщая сделанные наблюдения, можно сказать, что данное слово употребляется в северо-западных текстах XIII–XV вв. в двух значениях. Шестники — это, во-первых, княжеские вооруженные люди (выполняющие не только военные, но и мелкие административные функции); во-вторых, так могут называться любые выходцы из Москвы, Твери и вообще Низовских земель (ср. указанную выше параллель *шестники* ~ *низовцы* в сообщениях Новгородской 1-й летописи под 1234 и 1256 гг.). Особенно показателен в данном отношении процитиро-

¹ Заметим, что и трактовка «вежников» как кочевников, живущих в вежах-чумах, в pendant к которой предложил свое объяснение Е. А. Хелимский, в настоящее время обоснованно отклонена: как установил И. Ю. Анкудинов [2014] на основе документов XVII в., «вежниками» назывались в Новгороде ильменские рыболовы, объединявшиеся в рыболовецкие ватаги — вежи. Теоретически, оставаясь при этимологии слова, предложенной Е. А. Хелимским, шестников, как «княжеских дворцов», дворян, можно было бы связать со словом *шест* в значении «двор, очаг», указанным у Даля [1882 (4): 630], сопоставив с таким архаичным термином, как *огнищане*. Однако, не говоря о том, что в данном значении слово письменными источниками не засвидетельствовано, предполагать обозначение им княжеского двора в XIII в., разумеется, не приходится.

ванный выше пассаж из Повести о Псково-Печерском монастыре, из которого видно, что основателя обители прозвали Шестником из-за того, что предки его были москвичи, а вовсе не потому, что сам он пришел из Немецкой земли. Два указанных значения соотносятся как узкое и широкое: низовское происхождение имело в рассматриваемую эпоху большинство новгородских и псковских князей, что позволяло распространить термин, которым обозначались княжеские люди, на низовцев в целом. Эта семантическая двойственность находит яркую типологическую параллель в истории слов *Русь*, *русский*, *русин*, которые, как известно, первоначально также относились к скандинавской по происхождению дружине, а затем были распространены на всю «Русскую землю» и ее население.

Не в пользу гипотезы В. Л. Янина говорит и то, что используемые в псковских и новгородских источниках термины, действительно имеющие значение ‘пришлые люди’, обозначают в них совсем другие категории населения, не относящиеся к княжеским людям. Это хорошо видно из рассказа о походе псковичей на Юрьев в 1463 г., читаемого в Псковской 3-й летописи:

И совокупившиися псковичи с пригорожаны и со всеми людьми, и поидоша с воеводоу князя великого и съ их силоу за Великую рѣкоу к Новому городкоу немецкому <...> И выехаша из городка три Немчина и хотѣша ехати с вѣстью къ Юрьеву; и наша погнаша за ними, и надгнавъ москвитинъ оудари и по главѣ Немчина саблею <...> А в то время какъ сила была под городком, псковичи на вече посадникоу Дорофею Олферьевичю даша ему воеводство ехати съ охочим человеком, с моужи псковичи в насадах воевати Немецкой земли; а которое прихожим людем, иноземцомъ, повелѣша псковичи пѣшимъ ити на Немецкую землю, а которое изможныи приходец, и он себѣ на кони к рати в силуу едет [ПЛ (2): 154].

Фигурирующий в этом рассказе «москвитин» — типичный шестник из войска великого князя; между тем ниже в тексте упоминаются «прихожие люди», «приходцы» — и это вовсе не москвичи, а разного рода иноземцы, во множестве обретавшиеся во Пскове эпохи независимости².

Не менее важно другое. У слов *приходец*, *прихожий* (человек), *пришлый* общее для них лексическое значение возникает за счет приставки *при-*. Не содержащее ее слово *шестник*, будь оно действительно произведено от **šьd-t-*, могло бы означать только ‘шествующий, путник, ходок, пешеход’; ср. у Срезневского перевод ‘хожалый’ для примера из Новгородской судной грамоты и ‘пеший воин’ для примера из Новгородской 1-й летописи под 1256 г. Со ссылкой на Срезневского, у которого последнее значение дано со знаком вопроса, оно принято в качестве основного значения слова в исследовании древнерусской военной лексики Ф. П. Сороколетов [2009/1970: 106–107]. Между тем проведенный выше разбор контекстов, в которых фи-

² «Прихожие люди», «пристальцы», «пришлые» нередко упоминаются наряду с шестниками в новгородских писцовых книгах, из чего можно было бы заключить о синонимичности этих терминов. Однако в свете всего уже сказанного шестников писцовых книг безусловно следует рассматривать не в этом ряду, а среди разного рода терминов, указывающих на происхождение человека: *москвитин*, *суздалец*, *духовитин* и т. д.

гурирует наш термин, не позволяет с этим согласиться: вооруженные княжеские люди, находившиеся в Новгороде и Пскове, были явно не пехотинцами. С другой стороны, значение 'пехота' регулярно выражается в текстах этого времени древнерусским словом *пѣшци*.

Еще одно обстоятельство в равной степени противоречит обеим рассматриваемым трактовкам. Гнездо лексем, образованных от основы *шьст-* (*шьстие*, *шьстовати*, *шьстьнь*), будучи хорошо засвидетельствовано в старославянском, представлено на восточнославянской почве исключительно в памятниках, восходящих к древнеболгарским оригиналам. Книжную окраску имеют и этимологически вторичные варианты *шьствие*, *шьстовати*. Между тем слово *шествник* принадлежит совершенно иному языковому пласту: как справедливо отмечает Ф. П. Сороколетов, оно является псковско-новгородским диалектизмом³.

* * *

Отклонив две обсуждавшиеся в литературе этимологии слова *шествник*, рискуем поддержать третью, связывающую этот термин с числительным *шесть*. Хотя предполагающее такую связь толкование Л. В. Черепнина [1969: 233] («крестьянин-издольщик, работающий из шестого снопа») является безусловно ошибочным, его этимологическая составляющая представляется перспективной.

Ближайшую параллель к «шествнику», если считать этот термин образованным от числительного, составляет «осьмник» (*осьмникъ*). Значение этого слова само по себе составляет проблему; попытка ее решения была предпринята в работе [Гиппиус 2005]. Поскольку традиционное понимание осьмников (в исторической литературе обычно именуемых «осменниками») как сборщиков торговой пошлины, *осьмничего*, не объясняет происхождения термина (очевидно, что не осьмники получили свое название от осьмничьего, а наоборот, осьмничье — от собиравших его осьмников), мы высказали предположение, что первоначально данный термин имел значение того же типа, что и другие лексемы, образованные от числительных при помощи суффикса *-никъ* (*десятник*, *пятидесятник*, *сотник*), называя начальника воинского подразделения из восьми человек (т. е. имеющего в своем подчинении семерых). В специальной литературе по военной истории Древней Руси вопрос о подразделениях такого ранга не рассматривается из-за отсутствия данных⁴. Однако естественно думать, что и на этом низшем уровне древнерусское войско было каким-то образом структурировано. В этом отношении весьма важным свидетельством оказывается новгородская берестяная гра-

³ В качестве параллели к слову *шествникъ*, трактуемому как название пешего воина, Ф. П. Сороколетов [2009/1970: 107] приводит специальные обозначения конных воинов: *снужникъ* и *фаревникъ*. Но последние представляют собой сугубо книжные лексемы: из оригинальных памятников их знает только Галицкая летопись, известная литературной вычурностью своего стиля.

⁴ Встречающиеся в литературе упоминания о «копье» как мелкой тактической единице древнерусского войска [Рыбаков 1951: 404; Кирпичников 1976: 12], беспочвенны: в летописном известии 1072 г., на которое они опираются («бы^с же оу поганы^с 9 соть копии, а оу Руси деваносто копии» [ПСРЛ (1): 360, 6778; ср. ПСРЛ (2): 558, 6780]), под «копьем» явно имеется в виду отдельный воин, вооруженный копьем, см.: [СДРЯ (4): 262].

мота № 724 (середина XII в.), упоминающая в связи с военным столкновением на северной периферии Новгородской земли «восьмерку» Тудора («и осьмь высягла, что о Тудоре»). Мы видим в этом подтверждение существования в Древней Руси системы дробного членения войска, имеющей в своем основании число 7 (модель «7 + 1»). Осьмники составляли, очевидно, костяк княжеской дружины, ее «младший офицерский состав»; именно в этом качестве они, по-видимому, упоминаются в «Уставе о мостех» князя Ярослава, созданном, по всей вероятности, в конце XII в.⁵

Шестники могли первоначально выполнять аналогичную роль в другой схеме построения войска, основу которой составляла не семерка, а пятерка (модель «5 + 1»). В таком случае нужно предположить, что пятеричный принцип организации был принят в дружинах приходивших в Новгород низовских князей, являясь той чертой, которая в глазах местного населения маркировала пришельцев как чужаков. Наиболее яркое выражение этот принцип находил в существовании прослойки шестников, выполнявших, помимо военных, также разного рода административные функции и бывших в силу этого постоянно на виду у местного населения. Такой шестник — владимирец, тверитин или москвич — был с точки зрения новгородца типичным низовцем, что делало закрепление этого термина в качестве общего обозначения выходцев из Низовских земель закономерным.

К сожалению, подтвердить фактами исходное звено этой гипотезы мы не в состоянии: в отличие от восьмерки, шестерка как дружинное подразделение в источниках прямо не проявляется. Но нельзя не заметить, что в двух летописных контекстах, где называется число отроков, находящихся при князе или боярине, это число оказывается кратным шести. В Повести временных лет под 1071 г. Яня Вышатича, выступающего навстречу волхам, сопровождают 12 отроков: «и блста 12 отрока с нимь» [ПСРЛ (2): 165]. Согласно Галицкой летописи, Даниил Романович после измены ему галицких бояр остается с восемнадцатью верными отроками («Самому же Данилоу созвавшоу вѣче вставышоуса вѣ 18 втрокъ вѣрнихъ...» [Там же: 763]). Подчеркнем, что этими примерами круг таких контекстов исчерпывается. Не исключено, впрочем, что искомое подразделение непосредственно упоминается в берестяной грамоте № 855 середины XII в., в которой имеется фраза: «а Нежатиини отроки били шсть ихъ». Числительное *шесть* здесь может быть отнесено не только к избитым (что передает перевод А. А. Зализняка: «Нежатиичевы отроки били их шестерых»), но и к избившим: «Отроки Нежаты избии их вшестером»⁶.

⁵ В [Гиппиус 1997] как отражение семеричного построения древнерусской дружины рассматривалась также берестяная грамота № 384 (XII в.), в которой мы видели запись о снаряжении отряда из 28 человек. В настоящее время текст грамоты читается иначе, без выделения числа 28, см.: [Зализняк 2004: 358; Петрухин 2021]. В той же работе мы предложили трактовать загадочное слово *семьца*, дважды употребленное в «Поучении» Владимира Мономаха, как название рядового дружинника, определяющее его как «одного из семи». Но для этого слова конкурентоспособным остается объяснение А. И. Соболевского [1922], видящего в нем производное от *сѣм-* (ср. *сѣмья*, *сѣминь*) со значением «младший член семьи, слуга».

⁶ Обоснование трактовки *Нежатиини отроки* как «отроки Нежаты» см. в [Гиппиус 2019: 53].

Выразительные примеры членения групп вооруженных людей по шестеро содержат скандинавские саги. Так, в эпизоде Саги об Эгиле, рассказывающем о столкновении Эгиля с Рёгнвальдом, о последнем сказано: «У Рёгнвальда, сына конунга, была быстроходная лодка на шесть пар гребцов. <...> Их всего было двенадцать человек». Об Эгиле же и его людях сказано, что всего их было на корабле 30 человек. «Двенадцать человек Эгиль оставил охранять корабль, а сам поехал на лодке, которая у них была, и с ним семнадцать человек». Высадившись на берег, Эгиль один отправляется искать приключений. Когда он возвращался, «одиннадцать из его товарищей вышли ему навстречу. Шестеро же в это время охраняли лодку» [Исландские саги 1999: 141].

Реальность моделей «7 + 1» и «5 + 1» как способов внутреннего членения войска можно проиллюстрировать и примерами из древних авторов. В древнерусском переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия читаем следующий рассказ о военной хитрости, примененной Иосифом при осаде Тивериады:

И помысли, да лестию принять отступившая. И собра 200 лодѣи и всажь по три гребци, и скоро гна к Тивириадѣ. И постави лодия далече края, яко дрѣво видѣти. А самъ с седмью гребецъ приближися к стѣнамъ, и гражане видѣвше, ужасошася, мняще яко вся лодия сполнена суть вои <...> И тако тощамъ лодиями и седмью гребецъ и взя град Тивириаду [Мещерский 1958: 290–291].

Из описания следует, что полностью укомплектованная ладья вмещала семь воинов-гребцов и одного начальника-кормчего, т. е. описывалась формулой «7 + 1».

Классической иллюстрацией схемы «5 + 1» может служить членение персидского войска, каким его описывает Ксенофонт в «Киропедии». См. следующий комментарий:

Пемпадарх — начальник пятерки (пемпады), декадарх — начальник десятки (декады). Собственно говоря, низшее подразделение состояло из 6 человек — пяти рядовых и одного командира, и поэтому вместо пемпадарха Ксенофонт иногда употребляет другое слово — гексадарх, т. е. начальник шестерки [Ксенофонт 1977: 293–294].

Древнерусский «гексадарх» — шестник, имевший под своим началом пятерых, и осьмник, командовавший семью, — представляются нам, таким образом, фигурами, выполнявшими аналогичные функции в двух сосуществовавших на Руси формах структурирования воинских коллективов⁷. Появление шестников на страницах Новгородской летописи лишь в середине XIII в. может быть связано с тем, что соответствующая форма организа-

⁷ Отдельно заметим, что децимальный принцип организации стрелецкого войска Московской Руси был, по-видимому, заимствован от татаро-монголов. Экстраполяция его в древность на основании упоминания десятских и сотских в Повести временных лет (под 988 г.) не имеет под собой достаточных оснований, поскольку данное сообщение отражает введенную русскими князьями систему организации гражданского населения, а отнюдь не войска (см.: [Кучкин 2004: 250–251]).

ции княжеского войска выдвинулась на первый план в эпоху, когда древняя разношерстная дружинная организация, перерождаясь, уступала место основанному на более четкой социальной дифференциации княжескому двору (см.: [Назаров 1978: 119–123; Стефанович 2012: 257–258]). Если по данной модели действительно строились полки низовских князей (что мы предположили выше), то их младший командный состав — шестники — должны были, с точки зрения новгородцев, воплощать в себе этот чуждый порядок. Именно здесь, как можно думать, кроется причина последующего расширения значения слова, превратившегося со временем в общее обозначение выходцев из Низовской земли.

Как уже было сказано, механизм такого расширения — в той его части, которая заключается в перенесении обозначения воинского контингента на этническую группу, — находит параллель в истории слова *Русь*. То, что в истории слова *шестники* такой переход имел место (не приведя, однако, к забвению первого значения), представляется нам несомненным. Более проблематичным в нашем объяснении является предполагаемое перенесение названия предводителя «шестерки» на организованное таким образом войско в целом. Сознавая это, мы склонны рассматривать две части нашей гипотезы как относительно независимые друг от друга.

Заканчивая, укажем на летописный контекст, в котором можно увидеть косвенное отражение того, что по крайней мере на позднем этапе бытования термина он мог соотноситься с числительным *шесть*. Мы имеем в виду знаменитый пассаж статьи 7018 (1510) г. Псковской 3-й летописи, завершающий рассказ об уничтожении Василием III независимости Пскова. Протест против новых московских порядков летописец выражает, цитируя Толковый Апокалипсис:

Занеже написано Пакалиспей глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не у бе пришел (еще не пришел. — *А. Г.*); шестое бо царство именует в Руси Скивскаго острова; си бо именует шестый, и седьмы по том еще, а осмый антихрист.

В цитируемом тексте шестым названо царство, в которое писал евангелист Иоанн, а слова «не оу бо бѣаше пришло» относятся к седьмому царству (РНБ. Ф. 256. № 8. Л. 71 об.). Отождествляя Василия III именно с шестым царем и подчеркивая это повторением числа, летописец вряд ли имел в виду число зверя-Антихриста, прямо соотносимое в Откровении с восьмым царем. Присутствующая в тексте пародийная отсылка к писаниям старца Филофея о третьем Риме, отмеченная А. А. Шахматовым [1899: 114], придает пассажи полемическое звучание: Москва — не третий Рим, а шестое царство Апокалипсиса. Но это отождествление приобретает еще и социально-политическую мотивировку, если принять во внимание, что наступившее царство было в глазах псковского летописца «царством шестников», как шестником был для него и сам великий князь московский.

Источники

- ЗДР (1) — Законодательство Древней Руси. Т. 1 / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юрид. лит., 1984.
- Исландские саги 1999 — Исландские саги: В 2 т. / Под общ. ред. О. А. Смирницкой. Т. 1. СПб.: Ж-л «Нева»; Летний сад, 1999.
- Ксенофонт — *Ксенофонт*. Киропедия / Изд. подгот. В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов. М.: Наука, 1977.
- Мещерский 1958 — *Мещерский Н. М.* «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
- ПЛ — Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Н. Насонов. Вып. 1–2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941–1955.
- ПРП (2) — Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / Сост. А. А. Зимин; Под ред. С. В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1–43. СПб./Пг./Л.: М.: Тип. Э. Праца; и др., 1841–2004.

Словари

- Даль 1882 (4) — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 4. М.; СПб., Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882.
- Кочин 1937 — Материалы для терминологического словаря Древней России / Сост. Г. Е. Кочин. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1937.
- СДРЯ (4) — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 4 / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1991.
- Срезневский 1893–1903 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1903.

Литература

- Анкудинов 2014 — *Анкудинов И. Ю.* «Вежники» новгородских берестяных грамот № 550 и 664 // Новгородский архивный вестник. Вып. 12. 2014. С. 3–5.
- Быков 2006 — *Быков А. В.* Новгородское войско XI–XV веков: Дис. ... канд. ист. наук / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2006.
- Васильев 2012 — *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Гиппиус 1997 — *Гиппиус А. А.* «Вожжей оленьих 28...» // Живая старина. 1997. № 3. С. 21–23.
- Гиппиус 2005 — *Гиппиус А. А.* К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // Славяноведение. 2005. № 4. С. 9–24.
- Гиппиус 2019 — *Гиппиус А. А.* Берестяные грамот из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 47–71.
- Гранстрем 1953 — *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]. Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Л.: [Гос. публич. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина], 1953.

- Кирпичников 1976 — *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1966.
- Кучкин 2004 — *Кучкин В. А.* Десятские средневековой Руси // *Средневековая Русь*. [Вып.] 4 / Отв. ред. А. А. Горский. М.: Индрик, 2004. С. 171–251.
- Малков 1991 — *Малков Ю. Г.* Повесть о Псково-Печерском монастыре. (К истории сложения свода монастырских сказаний) // *Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования* / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб.: Наука, 1991. С. 163–199.
- Назаров 1978 — *Назаров В. Д.* Двор и дворяне по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // *Восточная Европа в древности и средневековье*: Сб. ст. / [Отв. ред. Л. В. Черепнин]. М.: Наука, 1978. С. 104–123.
- НГБ (4) — *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
- НГБ (8) — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М.: Наука, 1986.
- Петрухин 2021 — *Петрухин В. Я.* Письмо Стойнега к матери (К переводу новгородской берестяной грамоты № 384) // *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности*: Сб. ст. к 70-летию академика А. М. Молдована / Ред. А. А. Пичхадзе и др. СПб.; М.: Нестор-История, 2021. С. 403–412.
- Рыбаков 1951 — *Рыбаков Б. А.* Военное дело (стратегия и тактика) // *История культуры Древней Руси* / Под ред. Б. Д. Грекова, М. И. Артамонова. Т. 1. М.: Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 397–416.
- Соболевский 1922 — *Соболевский А. И.* Семца, сябр, шебер // *Ученые записки Высшей школы г. Одессы. Отд. гуманитарно-общественных наук*. Т. 2. Одесса: Изд. Одесского губерн. комитета специально-науч. и проф.-тех. образования, 1922. С. 61–62.
- Сороколетов 2009/1970 — *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). 2-е изд. М.: УРСС, 2009. [1-е изд.: 1970].
- Стефанович 2012 — *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XII вв. М.: Индрик, 2012.
- Хелимский 1998 — *Хелимский Е. А.* К интерпретации древнерусских текстов: 1. *нарцы*; 2. *шестники* // *Балто-славянские исследования 1997* / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Индрик, 1998. С. 563–569.
- Черепнин 1969 — *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.
- Шахматов 1899 — *Шахматов А. А.* К вопросу о происхождении Хронографа. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899.
- Шилов 2010 — *Шилов А. Л.* Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // *Вопросы ономастики*. 2010. № 1 (8). С. 33–54.

Сокращения

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

References

- Ankudinov, I. Iu. (2014). “Vezhniki” novgorodskikh berestianykh gramot № 550 i 664 [“Vezhniki” of Novgorod birchbark letters No. 550 and 664]. *Novgorodskii arkhivnyi vestnik*, 12, 3–5. (In Russian).
- Artsikhovskii, A. V., & Borkovskii, V. I. (1958). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1955 g.)* [Novgorod documents on birch bark (from 1955 excavations)]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).

- Bykov, A. V. (2006). *Novgorodskoe voisko XI–XV vekov* [Novgorod army of the 11th–15th centuries] (Cand. Sci. (History) Dissertation, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University). (In Russian).
- Cherepnin, L. V. (1969). *Novgorodskie berestiane gramoty kak istoricheskii istochnik* [Novgorod birchbark letters as a historical source]. Nauka. (In Russian).
- Gippius, A. A. (1997). “Vozhzhel olen’ikh 28...” [“28 reindeer reins...”]. *Zhivaya starina*, 1997(3), 21–23. (In Russian).
- Gippius, A. A. (2005). K izucheniiu kniazheskikh ustavov Velikogo Novgoroda: “Ustav kniazia Iaroslava o mostekh” [On the study of the princely statutes of Veliky Novgorod: “Statute of Prince Yaroslav about bridges”]. *Slavianovedenie*, 2005(4), 9–24. (In Russian).
- Gippius, A. A. (2019). Berestiane gramot iz raskopok 2018 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe [Birchbark documents from 2018 excavations in Veliky Novgorod and Staraya Russa]. *Voprosy jazykoznanija*, 2019(4), 47–71. (In Russian).
- Granstrem, E. E. (1953). *Opisanie russkikh i slavianskikh pergamentnykh rukopisei. Rukopisi russkie, bolgarskie, moldovlakhiskie, serbskie* [Description of Russian and Slavic parchment manuscripts. Russian, Bulgarian, Moldovan-Wallachian and Serbian manuscripts]. [M. E. Saltykov-Shchedrin State Public Library]. (In Russian).
- Ianin, V. L., & Zalizniak, A. A. (1986). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.). Kommentarii i slovoukazatel’ k berestianym gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.)* [Novgorod documents on birch bark (from 1984–1989 excavations). Commentary and word index to birchbark documents (from 1951–1983 excavations)]. Nauka. (In Russian).
- Ianin, V. L., & Zalizniak, A. A. (1993). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)* [Novgorod documents on birch bark (from 1984 —1989 excavations)]. Nauka. (In Russian).
- Khelimskii, E. A. (1998). K interpretatsii drevnerusskikh tekstov: 1. *nartsy*; 2. *shestniki* [Towards interpretation of ancient Russian texts: 1) *nartsy*, 2) *shestniki*]. In Viach. Vs. Ivanov (Ed.). *Balto-slavianskie issledovaniia 1997* (pp. 563–569). Indrik. (In Russian).
- Kirpichnikov, A. N. (1966). *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv.* [Military science in Rus’ in the 13th–15th centuries]. Nauka. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. (2004). Desiatskie srednevekovoi Rusi [Rural policemen of Medieval Rus]. In A. A. Gorskii (Ed.). *Srednevekovaia Rus’* (Vol. 4, pp. 171–251). Indrik. (In Russian).
- Malkov, Iu. G. (1001). *Povest’ o Pskovo-Pecherskom monastyre. (K istorii slozheniia svoda monastyrskikh skazanii)* [The tale of the Pskov-Pechersky monastery (Towards the history of the compilation of the collection of monastic legends)]. In D. S. Likhachev (Ed.). *Knizhnye tselntsy Drevnei Rusi. XI–XVI vv.: Raznye aspekty issledovaniia* (pp. 163–199). Nauka. (In Russian).
- Nazarov, V. D. (1978). Dvor i dvoriane po dannym Novgorodskogo i Severo-Vostochnogo letopisaniia [Court and courtiers according to the Novgorod and North-Eastern Russian chronicles]. In L. V. Cherepnin (Ed.). *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov’e: Sbornik statei* (pp. 104–123). Nauka. (In Russian).
- Petrukhin, V. Ia. (2021). Pis’mo Stoinega k materi (K perevodu novgorodskoi berestiano gramoty № 384) [Letter from Stoineg to his mother (On the translation of the Novgorod birchbark letter No. 384)]. In A. A. Pichkhadze et al. (Eds.). *Slova, konstruktii i teksty v istorii russkoi pis’mennosti: Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana* (pp. 403–412). Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Rybakov, B. A. (1951). Voennoe delo (strategiia i taktika) [Military science (strategy and tactics)]. In B. D. Grekov, & M. I. Artamonov (Eds.). *Istoriia kul’tury Drevnei Rusi* (Vol. 1, pp. 397–416). Izdatel’sstvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Shakhmatov, A. A. (1899). *K voprosu o proiskhozhdenii Khronografa* [On the question of the origin of the Chronograph]. Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian).

- Shilov, A. L. (2010). Etnonimy i neslavianskie antroponymy berestianykh gramot [Ethnonyms and non-Slavic anthroponyms in birchbark letters]. *Voprosy onomastiki*, 2010(1(8)), 33–54. (In Russian).
- Sobolevskii, A. I. (1922). Semtsa, siabr, sheber [*Semtsa, syabr, shaber*]. In *Uchenye zapiski Vysheish shkoly g. Odessy. Otdelenie gumanitarno-obshchestvennykh nauk* (Vol. 2, pp. 61–62). Izdanie Odesskogo gubernskogo komiteta spetsial'no-nauchnogo i professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniia. (In Russian).
- Sorokoletov, F. P. (2009). *Istoriia voennoi leksiki v russkom iazyke (XI–XVII vv.)* [History of military lexicon in the Russian language (11th–17th cc.)] (2nd ed.). URSS. (In Russian).
- Stefanovich, P. S. (2012). *Boiare, otroki, družiny: voenno-politicheskaia elita Rusi v X–XII vv.* [Boyars, youths, retinues: the military-political elite of Rus' in the 10th–12th centuries]. Indrik. (In Russian).
- Vasil'ev, V. L. (2012). *Slavianskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. (In Russian).
- Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialect* [Old Novgorod dialect] (2nd ed.). Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Алексей Алексеевич Гиппиус

доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН
ведущий научный сотрудник, лаборатория
лингвосомиотических исследований,
Школа филологических наук, факультет
гуманитарных наук, Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая
Басманная ул., д. 21/4
Тел.: +7 (495) 772-95-90 *22161
ведущий научный сотрудник, Лаборатория
древнерусской культуры, Школа
актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского,
д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ agippius@mail.ru

Information about the author

Aleksei A. Gippius

Dr. Sci. (Philology), Correspondent Member
of the Russian Academy of Sciences
Leading Research Fellow, Laboratory
of Linguo-Semiotic Studies, School
of Philological Studies, Faculty
of Humanities, National Research University
Higher School of Economics
105066, Moscow, Staraya Basmannaya Str.,
21/4
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4
Tel.: +7 (495) 772-95-90 *22161
Leading Research Fellow, Laboratory
of Medieval Russian Culture, School
for Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ agippius@mail.ru

А. Золтан

ORCID: 0000-0002-4562-5712

✉ zoltan@caesar.elte.hu

Университет им. Лоранда Этвеша
(Венгрия, Будапешт)

МНИМОЕ ПРАСЛАВЯНСКОЕ *STARATI SE

Аннотация. В этимологической литературе русский глагол *стараться*, наряду с аналогичными глаголами в других славянских языках (блр. *старацца*, укр. *старатися*, чеш. *starat se*, польск. *starać się*, болг. *старая се* и др.), обычно рассматривается как континуант формы **starati se*, якобы существовавшей уже в праславянском. При этом упускается из виду, что данный глагол совершенно отсутствует в старославянском; нет его в среднеболгарском и древнесербском; глагол *старая се* нехарактерен для болгарских народных говоров. Более того, *стараться* и в самом русском языке отмечается только со второй половины XVII в. в переводных документах Посольского приказа; вдобавок *стараться* и производные нехарактерны для русских народных говоров. В статье высказывается предположение, что в настоящее время данный глагол имеет общеславянское распространение не благодаря своей праславянской древности, а в результате миграции из одного славянского языка в другой значительно позднее распада праславянского языка.

Ср. предварительную публикацию данной статьи на венгерском языке: [Zoltán 2020].

Ключевые слова: этимология, межславянские языковые контакты, кочующие заимствования, праславянский язык, история слов, рус. *стараться*, укр. *старатися*, польск. *starać się*

Для цитирования: Золтан А. Мнимое праславянское **starati se* // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 82–96. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-82-96>.

Статья поступила в редакцию 16 января 2021 г.
Принято к печати 6 апреля 2021 г.

ON THE FICTITIOUS PROTO-SLAVIC *STARATI SE

Abstract. In etymological literature, the Russian verb *стараться* ‘to strive, to do one’s best’ along with equivalents in other Slavic languages (Belarusian *старайца*, Ukrainian *старатися*, Czech *starat se*, Slovak *starat’ sa*, Polish *starać się*, Upper Sorbian *starać so*, Lower Sorbian *staraś se*, Bulgarian *старая се*, Serbian *cmāpamu ce*, Croatian *stūrati se* etc.), is usually considered a continuant of the form **starati se*, which allegedly already existed in Proto-Slavic. At the same time, it is overlooked that this verb is completely absent in Old Church Slavonic, it is absent in Middle Bulgarian and Old Serbian; the verb *старая се* is atypical for Bulgarian popular dialects. Moreover, *стараться* in the Russian language itself has been noted only since the second half of the 17th century in translated documents from the Foreign Chancellery. The Russian verb seems to be borrowed from Old Ukrainian or/and Old Belarusian, where *cmāpamu ся* was used from the middle of the 16th century and it certainly comes from the Polish. It is possible that the Polish word, in turn, was borrowed from Czech. The article suggests that at present this verb has a common Slavic distribution not due to its Proto-Slavic antiquity, but as a result of its migration from one Slavic language to another much later than the disintegration of the Proto-Slavic language. See the preliminary publication of this paper in Hungarian [Zoltán 2020].

Keywords: etymology, Inter-Slavic language contacts, migratory loanwords, Proto-Slavic, history of words, Russian *стараться*, Ukrainian *старатися*, Polish *starać się*

To cite this article: Zoltán, A. (2021). On the fictitious Proto-Slavic **starati se*. *Shagi / Steps*, 7(3), 82–96. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-82-96>.

Received January 16, 2021

Accepted April 6, 2021

В этимологической литературе русский глагол *стараться* ‘делать что-л. с усердием, прилежанием’, ‘прилагать усилия, чтобы сделать, осуществить что-л., добиться чего-л.’, устар. и прост. ‘проявлять заботу, попечение о ком-, чем-л.’, наряду с аналогичными глаголами в других славянских языках (блр. *staraцца*, укр. *staramusia*, чеш. *starat se*, слов. *starat' sa*, н.-луж. *staraś se*, в.-луж. *starać so*, польск. *starać się*, болг. *staraǎ se*, с.-х. *siǎrati se*, словен. устар. и диал. *stárati se*), обычно рассматривается как континуант формы **starati se*, якобы существовавшей уже в праславянском. Ряд словарей приводит праславянскую форму глагола, реконструированную именно как **starati se* [Bezlej 1976–2007 (3): 312; Boryś 2005: 575; Mańczak 2017: 184; Черных 1999 (2): 198–199; Шапошников 2000 (2): 376; Orel 2011 (3): 287; ЭСБМ (12): 292; ЕСУМ (5): 397; БЕР (7): 473], но и другие этимологические словари, не дающие такой реконструкции, не оставляют сомнений в том, что и их авторы рассматривают данный глагол как элемент праславянского лексикона [Miklosich 1886: 220; Горяев 1896: 342; Преображенский 1959 (2): 372; Vasmer 1953–1958 (3): 4; Фасмер 1964–1973 (3): 746; Skok 1971–1974 (3): 328; Шанский и др. 1971: 425; Rejzek 2001: 598]. Есть все основания полагать, что словарная статья **starati se* войдет и в ЭССЯ, так как редактор последних выпусков этого самого крупного праславянского словаря в своих собственных исследованиях неоднократно высказывалась в пользу праславянского характера данного глагола [Варбот 1995; 2012: 278–284]. Статья **starati (se)* на самом деле фигурирует в списке ожидаемых словарных статей ЭССЯ; такая статья должна быть в словаре уже и потому, что два приставочных деривата глагола были квалифицированы как праславянские в уже опубликованных выпусках [Шапошников 2017а: 186; 2017б: 202]¹. Не сомневается в праславянском происхождении рус. *стараться* и О. М. Младенова, автор обобщающей статьи по этимологии этого слова для НРЭ [(1): 217]. В самом названии новой статьи Ю. Е. Козловой [2019] говорится о континуантах праславянского **starati se*. Имеются, однако, и праславянские словари [Derkens 2008; Klotz 2017], которые не содержат ни статьи **starati se*, ни даже ссылок на существование такого слова в праславянском, следовательно, их авторы хотя бы молчаливо отмежевываются от столь популярного в этимологической литературе представления о праславянском происхождении рус. *стараться* и его славянских соответствий. Х. Шустер-Шевц [Schuster-Sewc 1978–1989 (18): 1354] называет н.-луж. *staraś se*, в.-луж. *starać so* и их соответствия только общеславянскими (*gemeinslawisch*), а не праславянскими (*urslawisch*). Думаю, что осторожность этих последних авторов не лишена оснований.

Прежде всего бросается в глаза полное отсутствие данного слова в старославянском языке — оно не засвидетельствовано ни в узком, ни в более широком кругу памятников старославянского языка [SJS; Цейтлин и др. 1994; СБР], нет его и в церковнославянском языке русской редакции ни Средних веков (ср. [Срезневский 1893–1903]), ни Нового времени (ср. [Дьяченко 1899]). В ка-

¹ Это **obstarati (se)* [ЭССЯ (30): 33–34] и **orzstarati (se)* [ЭССЯ (34): 299–300]. Каждый из этих приставочных глаголов реконструируется на основе всего одной диалектной фиксации из бывшей Смоленской губернии: соответственно *обстаряться* ‘постараться’ [СРНГ (22): 237] и *разстаряться* ‘раздобыть, получить что путем усердных поисков, просьб’ [Добровольский 1914: 777].

честве свидетельства наличия слова в старославянском иногда ссылаются на словарь Ф. Миклошича, где, правда, приводится глагол *старати сѧ* из Пролога сербской редакции XIV в., но в значении не ‘стараться’, а ‘стареть’ (*‘senescere’* [Miklosich 1862–1865: 881]), который как дериват от прилагательного **starъ* ‘старый’ явно сюда не относится. Наличие существительного *старание* ‘забота, попечение’ (*‘cura’* [Там же]) в этом словаре тоже не свидетельствует о «семантике заботы» «на уровне старославянского языка» [Козлова 2019: 129], поскольку пример, взятый Ф. Миклошичем из русского азбуковника XVII в. [Сахаров 1841–1849 (2): 185], тоже не относится к лексике старославянского языка. Интересующий нас глагол отсутствовал не только в книжном древнеболгарском (старославянском) языке; по всей видимости, его не было и в болгарских диалектах. Нет его в словаре Н. Герова [1895–1904]; наличие глагола *старѧ се* в дополнении к нему, составленном Т. Панчевым [1908: 298], ничего не говорит о распространении слова в народных говорах, поскольку Панчев не собирал диалектного материала, а материал для своего дополнения выписывал из болгарских печатных изданий, т. е. этот дополнительный том отражает не народное, а литературное болгарское словоупотребление своего времени. В этимологическом словаре С. Младенова глагол *старѧ се* приводится без комментариев, но при дериватах *старѧтелен*, *старѧтелност* однозначно указывается на то, что они были заимствованы из русского языка (*старѧтельный*, *старѧтельность* [Младенов 1941: 607]). Характерно, что новый болгарский этимологический словарь, оперирующий, как правило, богатым диалектным материалом, в статье *старѧ се* не приводит ни одного примера употребления этого глагола в болгарских диалектах [БЕР (7): 473]. Ударение болгарского глагола *старѧ се* тоже указывает на заимствование из русского языка (ср. хорв. *stȁrati se*). Глагол отсутствует в стандартном македонском, но засвидетельствованы производные *старател* ‘опекун’ и *старателство* ‘опекунство’ [ДРМЈ], заимствованные из сербского языка, а в сербском из русского (см. ниже). Все это указывает на то, что в болгарско-македонском диалектном ареале слово не было известным ни в Средние века, ни в Новое время; в литературных же языках оно (или некоторые его производные) появилось в XIX–XX вв. под влиянием русского языка (в случае македонского — через посредство сербского языка). Глагола *стȁрати се*, по-видимому, не было и в старосербском языке, во всяком случае он не отмечается в словаре Дж. Даничића [Даничић 1863–1864]. Современное сербское *стȁрати се* 1) ‘заботиться’, 2) ‘стараться, усердствовать’ и его производные в 1-м значении — *стȁрѧње* ‘забота, попечение’, *стȁрател* ‘опекун, попечитель’, *стȁрателство* ‘опекунство, опека, попечительство’ [Толстой 1970: 568] основываются, несомненно, на ныне уже устаревшем значении ‘заботиться’ русского глагола *стараться* и его производных (в первом академическом словаре русского языка конца XVIII в. первое значение у глагола *стараться* еще ‘тщуся, пекуся, забочуся’, *старѧние*, соответственно, — ‘тщание, рачение, попечение’, *старѧтель* — ‘попечитель; кто старается о пользе чьей’ [САР¹ (5): 701–702]; похоже: [САР² (6): 487–488]; эти значения были актуальными еще и в первой половине XIX в., ср. [Даль 1863–1866 (4): 287–288]). В хорватском глагол *stȁrati se* засвидетельствован уже в поэзии Дж. Држича (Дубровник, конец XV — начало XVI в., по рукописи 1507 г.), в словарях фиксируется начиная со словаря Ю. Хабделича 1670 г.

[Rječnik JAZU (16): 432–433]; дериваты *stàrānje* ‘забота’, *stàratelj* ‘опекун’, *stàrateljstvo* ‘опекунство’ появляются в памятниках только в XVIII–XIX вв. Вместе с тем в хорватском засвидетельствован и глагол *stàrati se* ‘стареть, становиться старым’ (с конца XV в., [Там же: 431–432], ср. старосербское XIV в. *старати* см у Миклошича, см. выше). В современном стандартном словенском языке *stàrati* выступает только в значении ‘старить, делать более старым’, а *stàrati se*, соответственно, — ‘стареть, становиться более старым’ [SSKJ² (2): 620], но в XIX в. переходный глагол был также зафиксирован в некоторых говорах в значении ‘мучить, заботить’, а возвратный, соответственно, в значениях ‘мучиться; быть озабоченным’ (‘abplagen, kümmern; sich kümmern’ [Pleteršnik 1894–1895 (2): 568], ср. также [Bezljaj 1976–2007 (3): 312]). В значении ‘быть озабоченным, беспокоиться’ *stàrati se* употреблялось и в прекурско-словенском языке (‘skrbeti’, с 1715 г. [Novak 2006: 702]). Во всяком случае можно констатировать, что в южнославянском ареале до начала XVI в. данный глагол не засвидетельствован нигде — ни в значении ‘заботиться’, ни в значении ‘прилагать усилия’.

Интересно, что исследователи, писавшие об этимологии русского глагола *стараться* и считавшие его однозначно словом праславянского происхождения, обычно не останавливались на том обстоятельстве, что данный глагол не засвидетельствован в памятниках русского языка не только до XVI в., но даже до XVII в. П. Я. Черных, правда, констатирует, что данное слово «в памятниках древнерусского языка не отмечается», но, никак не беспокоясь этим обстоятельством, продолжает аргументировать в пользу его праславянского происхождения [Черных 1999 (2): 199]. Нашего слова на самом деле нет в словаре восточнославянских памятников XI–XIV вв. [СДР] (П. Я. Черных в свое время пользовался, по-видимому, картотекой этого словаря). В русский литературный язык глагол *стараться* не мог прийти из церковнославянского, поскольку, как мы видели, его там не было; но это слово также не могло попасть в литературный язык и из русских диалектов, в которых оно встречается очень редко (в [СРНГ (41): 66–67] *стараться* и некоторые его производные приводятся почти исключительно по словарю Даля, однако Даль дает их без указания места, т. е. как слова общеупотребительные, а не диалектные). В русском языке письменно документированная история глагола *стараться* начинается с середины XVII в. в рукописных переводах иностранных печатных газет, выполненных для нужд русской дипломатии в Посольском приказе. В так называемых вестях-курантах хронологически первая фиксация глагола относится к вести 1643 г.: «Которые с Прус приезжают для тор(говли), о том *стараются*, чтоб им также Балт(ийским) морем волной был проѣздъ». В подобном значении (‘заботиться’) употребляет глагол и Петр Великий в конце XVII в.: «Какъ будемъ въ Голанской земле, о мастерахъ *старатца* будемъ» (1697 г.) [СРЯ (27): 205]. Глагол встречается и в донесениях русского резидента в Речи Посполитой (1673–1677 гг.) Василия Михайловича Тяпкина: «чтоб резидент царского величества <...> на коронацию государя их, его королевского величества, до Кракова *старался* сам» (1675 г.), «чтоб князь седмиграцкой *старался* о мире меж турским салтаном и государством Полским» (1676 г.) [Богатырев 2020: 16]; ср. [Богатырев 2021: 28]. В XVII в. слово встречается еще и в так называемых азбуковниках,

т. е. глоссариях, в которых объяснялись иностранные слова и по которым, как мы видели, цитировал это слово Ф. Миклошич, приняв его ошибочно за церковнославянское. Это свидетельствует о том, что глагол *стараться* в русском языке XVII в. еще считался новым словом, требовавшим объяснения, а контекст первых фиксаций указывает на переводчиков Посольского приказа, которые могли ввести его в оборот в русском языке, а среди этих переводчиков, как известно, было немало выходцев из соседнего Польско-Литовского государства [Беляков и др. 2019]. Мы едва ли ошибемся, если источник рус. *стараться* будем искать в западном направлении.

В западнорусском языке глагол отмечается на доброе столетие раньше, чем в великорусском. В украинских памятниках самая ранняя фиксация относится к Перемышлю на польско-украинской языковой границе: «неприятеля наши *стараются* з рукъ своихъ тую епископию подати» (1532 г.), число употреблений возрастает с 1570 г. в памятниках с Волыни. В ряде ранних фиксаций управление глагола указывает на польское влияние: «а я ся мамъ его мл. *о тые два тысяча копъ старат*» (Луцк, 1570 г.), «*о то ся такъ пилене старати*» (Дубно, 1575 г.), ср. польск. *starać się o co*. В пределах XVI в. все староукраинские примеры относятся к западноукраинским регионам, первая запись из Киева сделана лишь в 1623 г., а из Чернигова — лишь в 1646 г. (т. е. на три года позднее, чем в Москве)². В старобелорусских памятниках глагол отмечается с 1562 г. в сильно полонизированных текстах. Самая ранняя фиксация относится к белорусскому катехизису Симона Будного («Катихисісь», 1562 г.), писавшего также по-польски. Здесь тоже бросается в глаза польское управление *о + винительный падеж*: «*о^тци повин^нни са о дети старати*» ‘отцы должны заботиться о детях’ [ГСБМ (32): 329]. Несколько раз встречается глагол в «Истории об Аггиле», переведенной практически буквально с польского около 1580 г.: «Атыла видечы тую сна^нность до вз^нта места напомина^н жо^ннере, абы ка^жды^с водле му^жства своего *стара^нса* чере^з му^р переби^на до мѣста во^нти» [Атыля 1580: 215 = Zoltán 2004: 191], ср. польский оригинал: «Atyła widząc thę fnałość do wzięcia miała, napominał żołnierze, aby każdy wedle męstwa swego, *ftharał się* przez mur przebić, a do miała wnidź» [Bazylik 1574: G6 = Zoltán 2004: 409]. В этом относительно большом тексте *старати са* употребляется исключительно в соответствии с польск. *starać się*, ср. еще: «Толко *w to са* на^н потреба пи^нне *стара^нса*» [Атыля 1580: 210]; «*Tylko o to się nam potrzeba pilnie starać*» [Bazylik 1574: F8], ср. [Zoltán 2004: 181, 385]. На основе западнорусских памятников мы вправе предположить, что *старати са* в староукраинском и старобелорусском языках тоже не континуант якобы праславянского **starati se*, а скорее заимствование из польского *starać się*.

В «Старопольском словаре», содержащем лексику польских памятников до 1500 г., глагол *starać się* не отмечается; встречающееся изредка написание *starać się* в значении ‘стареть’ считается графическим вариантом форм *zestarać się, zstarać się* [SłStp (11): 322]. Было высказано мнение, что в этом устаревшем уже в польском языке значении *starać się* заимствовано из старочешского [Lubicz 1894: 310, 328]. Словарь польского языка XVI в. [SłXVIw]

² Данные картотеки исторического словаря украинского языка XI–XVII вв. [СУМ] любезно предоставила мне профессор Ганна Дидик-Меуш (Львов), за что я выражаю ей свою искреннюю благодарность.

еще не дошел до статьи *starać się*, но по опубликованному словнику глагол *starać się* ‘заботиться, прилагать усилия’ и его производные (чаще всего существительное *staranie*) вместе взятые отмечаются в источниках словаря примерно две тысячи раз [SP], а значит, в XVI в. это слово в польском языке было уже в широком употреблении. Что касается хронологии в пределах XVI в., то до выхода соответствующего тома словаря трудно сказать что-то определенное, но по уже доступным материалам видно, что примерно в середине XVI в. *starać się* часто употреблялось известными авторами (1566 г. — Миколай Рей, 1566 г. — Лукаш Гурницкий, 1567 г. — Мартин Квятковский) и уже в первой половине XVI в. встречается несколько раз у Мартина Бельского в книге «Żywoty filozofów» (Краков, 1535): «Oto *fie* nawięcey mamy *starać* / Byfmy mogli w cznocie opczować»; «Małz *fie* o wiele rzeczy *starać*» [KP]. Книга эта, впрочем, представляет собой почти дословный перевод чешского произведения Микулаша Конача «Životowee a mrávnaa Naučeníje Mudrczuo przyrozených» (Прага, 1514; см.: [Chrzanowski 1906: 30–31; Kopecký 1962: 169]).

Как указывалось выше, для устаревшего польского *starać się* ‘стареть’ предполагалось чешское происхождение, но вопрос о чешском происхождении глагола *starać się* ‘заботиться; прилагать усилия’, насколько мне известно, еще не ставился в научной литературе (ср. обзоры: [Kochman 1971; 1974; Schenker 1985; Basaj, Siatkowski 2006]; нет следов такого подозрения и в этимологических словарях польского языка XXI в.: [Boryś 2005: 575; Długosz-Kurczabowa 2008: 626; Mańczak 2017: 184]). Формальных (фонетических, морфологических) признаков для такого предположения на самом деле нет, но в пользу чешского происхождения польск. *starać się* ‘заботиться; прилагать усилия’ говорит хронология и, на наш взгляд, также этимология. Во всяком случае, глагол *starati se* ‘заботиться’ в старочешском языке засвидетельствован уже у Яна Гуса (†1415): «jiného času mají *sě* laskavě o svých bližních spasenie *starati*» ([Gebauer 1903–1916 (2): 557, ст. *některý*]; обращает на себя внимание управление *o* + *винительный падеж*, как и в польском, а затем и в западно-русском); в значении ‘прилагать усилия’ он отмечается с начала XV в.: «Ale syn, ač nenie sprostně dlužen starost mieti o otci, avšak příhodně má *sě* naň *starati*» [VW]. Таким образом, в чешских памятниках глагол *starati se* в указанных значениях фиксируется на столетие раньше, чем его эквивалент *starać się* в памятниках польского языка. В то же время в старочешском, тоже с начала XV в., наряду с возвратным *starati se* засвидетельствован и переходный глагол *starati* в значении ‘беспокоить, донимать вопросами, просьбами’: «A když ústavne ti, ješto jej biechu přivedli, počěchu *starati* s velikým pláčem a prosiece svatého starce, avšakž uslyšě jich prosbu» [VW]. Переходный глагол (наряду с возвратным) имеется и в лужицких языках, ср. в.-луж. *starać* ‘Sorgemachen, kümmern’, *starać so* ‘sorgen, sich kümmern’ [Pfuhl 1866: 674], н.-луж. *staraś* ‘Sorgenmachen, kümmern, bekümmern’, *staraś se* ‘sich bemühen, sich kümmern, sich bekümmern’ [Muka 1911–1928 (2): 515]. Эти глагольные формы в верхнелужицком языке отмечаются с XVII в., а в нижнелужицком — с XVI в. [Schuster-Šewc 1978–1989 (18): 1354–1355].

Таким образом, самая ранняя фиксация форм мнимого, на наш взгляд, праславянского **starati se* ‘заботиться; прилагать усилия’ восходит к старочешским текстам начала XV в., и в ряде языков их появление в письменности

образует хронологическую цепочку: чешский — XV в., польский — XVI в., западнорусский — XVI в., русский — XVII в., болгарский и сербский — XIX в. Напомним, что контексты ранних фиксаций в случае западнорусского языка однозначно указывают на заимствование из польского; веские аргументы подтверждают, что слово в русском языке было заимствовано из западнорусского, а в новом болгарском и сербском — из русского. Вне этой «цепной передачи лексики из одного языка в другой» [Шенкер 1983: 257] остаются, с одной стороны, оба лужицких языка, с другой — хорватский и словенский, для которых межславянское заимствование хотя и не исключается, но и не так очевидно³, как для языков в указанной цепочке.

Если рус. *стараться* и его инославянские соответствия не праславянского происхождения, приходится пересмотреть и этимологии, которые исходят из такой точки зрения. Думаю, что не стоит долго останавливаться на наивной этимологии, согласно которой **starati se* является дериватом от прилагательного **starъ* ‘старый’ («стареть от забот» [Brückner 1927: 513], ср. также [Miklosich 1886: 320; Skok 1971–1974 (3): 328; Długosz-Kurczabowa 2008: 626]). Если учесть первичность переходного глагола по отношению к возвратному, то следует исходить из старочешского переходного *starati* ‘беспокоить, заботить’, к которому естественным путем возводится возвратное *starati se* ‘беспокоиться, быть озабоченным, заботиться’, а затем ‘стремиться, прилагать усилия (ср. [Huĵer 1923: 320; 1961: 127–128]). Как мы видели, переходный глагол *starati* в старых памятниках (начало XV в.) зафиксирован только в чешском языке, правда, он засвидетельствован в более новых текстах и диалектных записях также в лужицких и словенском языках, т. е. там, где славянские диалекты издревле контактируют с немецкими. Все это подтверждает этимологию В. Махека, согласно которой славянский глагол был заимствован из древневерхненемецкого *stōren* (откуда современное немецкое *stören* ‘беспокоить кого-л., мешать кому-л.’; [Machek 1971: 574]). Этимология Махека отвергается Ж. Ж. Варбот на том основании, что соответствующий корень в прагерманском имел форму **staur-* (ср. [Pokorny 1959–1969 (1): 1101]), что не могло дать **star-* в праславянском [Варбот 2012: 279]. Это верно, но если учесть указанные выше хронологические и географические обстоятельства, то мы неизбежно приходим к выводу, что славянские и германские формы родственны не на индоевропейском уровне, но в чешском (и, может быть, также в словенском и лужицких языках, развивавшихся издавна в тесном контакте с немецким) мы имеем дело с заимствованием из немецких диалектов, а в этом случае из долгого *ō* древневерхненемецкого *stōren* в славянском регулярно возникало *a* (примерно до середины IX в., ср. др.-в.-н. *klōstar* > чешск. *klášter* ‘монастырь’ [Shevelov 1964: 385]). Если, однако, вслед за Н. С. Трубецким мы будем считать верхней хронологической границей праславянского языка па-

³ Наряду с известными контактами хорватских глаголящей с Чехией существовали связи и по латинской линии: первым загребским епископом (конец XI в.) был чех по имени Дух [Lipovac 2019], которому приписывается авторство глосс на смешанном чешско-хорватско-церковнославянском языке, изданных Ягичем [Jagić 1904], ср. [Kniewald 1940: 2; Hamm 1952; Katičić 1994: 110–115]; наличие хорватских черт в этих глоссах оспаривается чешскими исследователями, см.: [Vintr 1986]. О влиянии чешской орфографии Я. Гуса на прекмурско-словенскую см.: [Dudás 2013].

дение еров (XII в.) как последнюю общеславянскую инновацию [Troubetzkoy 1922: 217–218; Трубецкой 1927: 55–56], то, конечно, мы можем и в дальнейшем говорить о праславянском глаголе **starati se*, но только как о праславянском диалектизме германо-славянской контактной зоны, который лишь позже, после распада праславянского языка, стал «общеславянским», переходя из чешского в польский, из польского в украинский и белорусский, оттуда в русский, а потом из русского в болгарский и сербский языки.

Источники

- Атыля 1580 — Исторыя о Атыли короли ѳгорскомъ. Rękopis nr 94. Poznań: Biblioteka Raczyńskich, 1580. Р. 173–224. См. изд.: [Zoltán 2004: 105–209].
- Сахаров 1841–1849 — *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Т. 1–2. СПб.: Тип. Сахарова, 1841–1849.
- Bazylik 1574 — *Bazylik C.* Historia spraw Atyle Krolá Wegierskiego / Z Łacinskiego ięzyká na Polski przelozoná przez Cyprianá Bazyliká. Kraków: Wirzbięta Maciej, 1574. См. изд.: [Zoltán 2004: 213–454].

Словари, корпусы

- БЕР — Български етимологичен речник / Ред. В. И. Георгиев, И. Дуриданов, М. Рачева, Т. А. Тодоров. Т. 1–. София: Изд-во на БАН [и др.], 1971–.
- Геров 1895–1904 — Рѣчникъ на блъгарскый языкъ съ тлъкувание речи-ты на блъгарскы и на русскы / Събр. Н. Геровъ: 5 ч. Пловдив: Съгласие, 1895–1904.
- Горяев 1896 — *Горяев Н. В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы: В 37 вып. / Гал. рэд. А. І. Жураўскі, склад А. М. Булыка. Мінск: Беларус. навука, 1982–2017.
- Даль 1863–1866 — Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 Ч. / [Соч.] В. И. Даля. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863–1866.
- Даничић 1863–1864 — *Даничић Ђ.* Рјечник из књижевних старина српских: Д. 1–3. У Биограду: У Државној штампарији, 1863–1864.
- Добровольский 1914 — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914.
- ДРМЈ — Дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <http://drmj.eu>.
- Дьяченко 1899 — *Дьяченко Г. М.* Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских словъ и выражений). М.: Вильде, 1899.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Гол. ред. О. С. Мельничук. Т. 1–. Київ. Наук. думка. 1982–.
- Младенов 1941 — *Младенов С.* Етимологически и правописенъ речникъ на българския книжовенъ езикъ. София: Христо Г. Дановъ, 1941.
- НРЭ — Новое в русской этимологии. Т. 1. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2002.
- Панчев 1908 — Дополнение на българския речникъ на Н. Геровъ / Събр., наред. и изтълк. Т. Панчевъ. Пловдив: Печ. «Трудъ» на Петко Бѣловѣждовъ, 1908.
- Преображенский 1959 — *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка: В 2 т. 2-е изд. М.: ГИС, 1959.

- САР¹ — Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794.
- САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: В 6 ч. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1806–1822.
- СБР — Старобългарски речник: 2 т. / Отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София: Изд. «Валентин Траянов», 1999–2009.
- СДР — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов, И. С. Улуханов, В. Б. Крысько. Вып. 1–. М.: Наука; Азбуковник, 1988–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–.
- Срезневский 1893–1903 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1893–1903.
- СРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько, Р. Н. Кривко. Вып. 1–. М.: Наука [и др.], 1975–.
- СУМ — Словник української мови XVI — першої половини XVII ст. / Відп. ред. Д. Г. Гринчишин, М. Чікало. Вып. 1–. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича. 1994–.
- Толстой 1970 — *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь = Српскохрватско-руски речник: 54 000 слов / Сост. И. И. Толстой. 3-е изд., испр. и доп. М.: Сов. энциклопедия, 1970.
- Фасмер 1964–1973 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.
- Цейтлин и др. 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Рус. яз., 1994.
- Черных 1999 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус., яз., 1999.
- Шанский и др. 1971 — *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. С. Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971.
- Шапошников 2000 — Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников: В 2 т. М.: Флинта, 2000.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Гал. рэд. В. У. Мартынаў, Г. А. Цыхун. Т. 1–. Мінск: Навука і тэхніка [і інш.], 1978–.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. Вып. 1–. М.: Наука, 1974–.
- Basaj, Siatkowski 2006 — *Basaj M., Siatkowski J.* Bohemizmy w języku polskim: Słownik. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2006.
- Bezljaj 1976–2007 — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika: 5 t. Ljubljana: Mladinska Knjiga; Založba ZRC, 1976–2007.
- Boryś 2005 — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- Brückner 1927 — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927.
- Derksen 2008 — *Derksen R.* Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Długosz-Kurczabowa 2008 — *Długosz-Kurczabowa K.* Wielki słownik historyczno-etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 2008.

- Gebauer 1903–1916 — *Gebauer J.* Slovník staročeský. Díl 1–2. Praha: Česke Grafické Společnosti “Unie”, 1903–1916.
- Klotz 2017 — *Klotz E.* Urslawisches Wörterbuch. Wien: Facultas, 2017.
- KP — Korpus polszczyzny XVI wieku. URL: <http://spxvi.edu.pl/korpus>.
- Machek 1971 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Československá akademie věd, 1971.
- Mańczak 2017 — *Mańczak W.* Polski słownik etymologiczny. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2017.
- Miklosich 1862–1865 — *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum: emendatum auctum. Vindobonae: Braumüller, 1862–1865.
- Miklosich 1886 — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien: Braumüller, 1886.
- Muka 1911–1928 — *Muka E.* Słownik dolnosербске řeči a jeje narěcow = Wörterbuch der nieder-wendischen Sprache und ihrer Dialekte: 3 Bd. St. Petersburg: Verlag der Russischen und Čechischen Akademie der Wissenschaften; Praha: Česká Akademie Věd a Umění, 1911–1928.
- Novak 2006 — *Novak V.* Slovar stare knjižne prekmurščine. Ljubljana: Založba, Znanstvenoraziskovalni center; Slovenske akademije znanosti in umetnosti, 2015.
- Orel 2011 — *Orel V.* Russian etymological dictionary: 4 vols. Calgary: Theophania, 2011.
- Pfuhl 1866 — *Pfuhl Chr. Tr.* Łużiski serbski słownik = Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budissin: Maćica Serbska, 1866.
- Pleteršnik 1894–1895 — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar: 2 t. Ljubljana: Knezoškofijstvo, 1894–1895.
- Pokorny 1959–1969 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch: 2 Bd. Bern; München: Francke, 1959–1969.
- Rejzek 2001 — *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Voznice: Leda, 2001.
- Rječnik JAZU — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika: 23 t. / Đ. Daničić, M. Valjavec, P. Budmani, T. Maretić, S. Musulin, S. Pavešić. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1880–1976.
- Schuster-Šewc 1978–1989 — *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Lieferung 1.-24. und Registerband. Bautzen: Domowina, 1978–1989.
- SJS — Slovník jazyka staroslověnského = Lexicon linguae palaeoslovenicae: 4 t. / Hl. red. J. Kurz, Z. Hauptová. Praha: Academia; Euroslavica, 1966–1997.
- Skok 1971–1974 — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. 1–4. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1971–1974.
- SlStp — Słownik staropolski: 11 t. / Red. K. Nitsch, S. Urbańczyk, W. Twardzik. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 1953–2002.
- SlXVIw — Słownik polszczyzny XVI wieku / Red. naczelny M. R. Mayenowa, F. Peplowski, K. Mrowcewicz. T. 1–. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum; Warszawa: Instytut Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk, 1966–.
- SP — Słownik polszczyzny XVI wieku. Indeks haseł. URL: <http://spxvi.edu.pl/indexs>.
- SSKJ² — Slovar slovenskega knjižnega jezika. Druga, dop. in deloma prenov. izd. Knj. 1–2 / Gl. ured. A. Bajec. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, 2014.
- Vasmer 1953–1958 — *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch: Bd. 1–3. Heidelberg: Winter, 1953–1958.

Литература

- Беляков и др. 2019 — *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: Материалы междунар. науч. конф. М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2019. С. 187–209.
- Богатырев 2020 — *Богатырев А. В.* Один из аспектов экологии русского языка (новое об использовании лексемы «стараться») // Экология языка: южнороссийский опыт межкультурной коммуникации: Сб. ст. II Южнорос. науч.-практ. конф. (15 декабря 2020 г.) / Сост. В. Ю. Новикова. Краснодар: Краснодарск. гос. ин-т культуры, 2020. С. 13–18.
- Богатырев 2021 — *Богатырев А. В.* Документы первой русской резидентуры в Речи Посполитой В. М. Тяпкина как исторический источник. СПб.: Нестор-История, 2021.
- Варбот 1995 — *Варбот Ж. Ж.* Об этимологии глагола *стараться* // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова) / [Отв. ред. М. В. Ляпон]. М.: Наука, 1995. С. 77–82.
- Варбот 2012 — *Варбот Ж. Ж.* Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012.
- Козлова 2019 — *Козлова Ю. Е.* Континуанты глагола *starati se как экспликатеры семантики заботы // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта ім. І. П. Шамякіна. 2019. № 1 (53). С. 126–132.
- Трубецкой 1927 — *Трубецкой Н. С.* Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания: Собр. ст. [Paris]: Евразийское книгоизд-во, 1927. С. 54–94.
- Шапошников 2017a — *Шапошников А. К.* Перспектива праславянской этимологии в XXI в. // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: Сб. науч. материалов / Гл. ред. И. Л. Копылов. Минск: Четыре четверти, 2017. С. 180–193.
- Шапошников 2017b — *Шапошников А. К.* Славянская сравнительно-сопоставительная лексикография от замыслов И. И. Срезневского до реализации в ЭССЯ // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы: К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 21–23 сентября 2017 г. / Отв. ред. Е. П. Осипова. Рязань: Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2017. С. 194–209.
- Шенкер 1983 — *Шенкер А.* Главные пути лексических заимствований в славянских языках (на материалах чешского, польского и восточнославянских языков X–XVI вв.) // American contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Vol. 1: Linguistics / Ed. by M. S. Flier. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1983. P. 255–267.
- Chrzanowski 1906 — *Chrzanowski I.* Marcin Bielski: Studyum literackie. Warszawa: Wende, 1906.
- Dudás 2013 — *Dudás E.* Vpliv Jana Husa na razvoj madžarskega in prekmurskega črkopisa // Na kus reči. Rara avis X: Zb. z X. Filol. konf. / Ed. Z. Kumorová, P. Gregčík, D. Palečsková. Trnava: Filozofická fakulta Univerzity sv. Cyrila a Metoda, Katedra slovenského jazyka a literatúry, 2013. S. 27–32.
- Hamm 1952 — *Hamm J.* Glose u Radonovoj bibliji // Slovo: časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. No. 1. 1952. S. 19–33.
- Hujer 1923 — *Hujer O.* Drobnosti grammatické: 25. Čes. starati se o někoho 'míti o někoho starost, strach' // Listy filologické = Folia philologica. Roč. 50. Čís. 1. 1923. S. 319–320.
- Hujer 1961 — *Hujer O.* Příspěvky k historii a dialektologii českého jazyka / K vyd. připr. J. Kurz, úvod B. Havránek. Praha: Československé akademie věd, 1961.
- Jagić 1904 — *Jagić V.* Kirchenslavisch-böhmische Glossen: Saec. XI–XII // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Bd. 50. Abh. 2. Wien: Carl Gerold's Sohn, 1904. S. 1–44.

- Katičić 1994 — *Katičić R.* Na ishodištu: književnost u hrvatskim zemljama od 7. do 12. stoljeća. Zagreb: Matica hrvatska, 1994.
- Kniewald 1940 — *Kniewald D.* Zagrebački liturgijski kodeksi XI.–XV. stoljeća = Codices liturgici manuscripti Zagrebienses a saeculo XI. usque ad finem s. XV. // *Croatia Sacra*. Vol. 19. 1940. S. 1–128.
- Kochman 1971 — *Kochman S.* Z historii czesko-polsko-rosyjskich związków leksykalnych // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu*. Ser. A: Filologia rosyjska. Z. 7. 1971. S. 69–78.
- Kochman 1974 — *Kochman S.* Z zagadnień czesko-polsko-wschodniosłowiańskich związków leksykalnych // *Studia Śląskie*. T. 26. 1974. S. 145–159.
- Kopecký 1962 — *Kopecký M.* Literární dílo Mikuláše Konáče z Hodiškova. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1962.
- Lipovac 2019 — *Lipovac M.* Čeh Duh, prvi zagrebački biskup // *Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti*. Vol. 37. 2019. S. 165–171.
- Lubicz 1894 — *Lubicz R.* Głosy polskie zawarte w rękopisie z kazaniami łacińskimi z połowy w. XV-go. // *Sprawozdania Komisji Językowej Akademii Umiejętności*. T. 5. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1894. S. 240–338.
- Schenker 1985 — *Schenker A.* Czech lexical borrowings in Polish re-examined // *The formation of the Slavonic literary languages: Proceedings of a Conference held in memory of Robert Auty and Anne Pennington at Oxford 6–11 July 1981* / Ed. by G. Stone, D. S. Worth. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. (UCLA Slavic Studies. Vol. 11). P. 85–98.
- Shevelov 1964 — *Shevelov G. Y.* A prehistory of Slavic: The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg: Winter, 1964.
- Troubetzkoy 1922 — *Troubetzkoy N. S.* Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun // *Revue des Études Slaves*. T. 2. Fasc. 3–4. 1922. P. 217–234.
- Vintr 1986 — *Vintr J.* Die tschechisch-kirchenslavischen Glossen des 12. Jahrhunderts in der Bibel Sign. 1190 der Nationalbibliothek in Wien (sog. Jagić-Glossen) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 32. 1986. P. 77–113.
- VW — Vokabulář webový, Staročeská textová banka. URL: <https://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx?idz=STB>.
- Zoltán 2004 — *Zoltán A.* Oláh Miklós “Athila” című munkájának XVI. századi lengyel és fehérorosz fordítása = «Athila» M. Олаха в польском и белорусском переводах XVI века. Nyíregyháza: Nyíregyházi Főiskola; Ukrán és Ruszin Filológiai Tanszék, 2004.
- Zoltán 2020 — *Zoltán A.* Egy kérdéses ősszláv rekonstrukció: *starati sę // *Etimológia és jelentésfejlődés* / Ed. I. Nyomárkay, S. Nagy. Budapest: MTA Modern Filológiai Társaság, 2020. P. 159–171.

References

- Beliakov, A. V., Gus'kov, A. G., Liseitsev, D. V., & Shamin, S. M. (2019). Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v.: personal'nyi sostav (predvaritel'nye dannye) [Translators of the Foreign Chancellery in the 17th century: Personnel (preliminary data)]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI — nachala XVIII stoletia: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (pp. 187–209). Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk. (In Russian).
- Bogatyrev, A. V. (2020). Odin iz aspektov ekologii russkogo iazyka (novoe ob ispol'zovanii leksemy “starat'sia”) [One of the aspects of the ecology of the Russian language (new about the use of the lexeme “starat'sia”)]. In V. Iu. Novikova (Ed.). *Ekologiya iazyka: iuzhnorossiiskii opyt mezhkul'turnoi kommunikatsii: sbornik statei II Iuzhnorossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (15 dekabria 2020 g.)* (pp. 13–18). Krasnodarskii gosudarstvennyi institut kul'tury. (In Russian).

- Bogatyrev, A. V. (2021). *Dokumenty pervoi russkoi rezidentury v Rechi Pospolitoi V. M. Tiapki-na kak istoricheskii istochnik* [Documents of V. M. Tyapkin's first Russian residency in the Polish-Lithuanian Commonwealth as a historical source]. Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Chrzanowski, I. (1906). *Marcin Bielski: Studium literackie*. Wende. (In Polish).
- Dudás, E. (2013). Vpliv Jana Husa na razvoj madžarskega in prekmurskega črkopisa. In Z. Kumorová, P. Gregrik, & D. Palečsková (Eds.). *Na kus reči. Rara avis X: Zborník z X. Filologickej konferencie* (pp. 27–32). Filozofická fakulta Univerzity sv. Cyrila a Metoda, Katedra slovenského jazyka a literatúry. (In Slovene).
- Hamm, J. (1952). Glose u Radonovoj bibliji. *Slovo: časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 1, 19–33. (In Croatian).
- Hujer, O. (1923). Drobnosti grammatické: 25. Čes. starati se o někoho 'míti o někoho starost, strach'. *Listy filologické = Folia philologica*, 50(1), 319–320. (In Czech).
- Hujer, O. (1961). *Přspěvky k historii a dialektologii českého jazyka*. Československé akademie věd. (In Czech).
- Jagić, V. (1904). Kirchenslavisch-böhmische Glossen: Saec. XI–XII. *Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse* (Vol. 50, Part 2, pp. 1–44). Carl Gerold's Sohn. (In German).
- Katičić, R. (1994). *Na ishodistu: književnost u hrvatskim zemljama od 7. do 12. stoljeća*. Matica hrvatska. (In Croatian).
- Kniewald, D. (1940). Zagrebački liturgijski kodeksi XI.–XV. stoljeća = Codices liturgici manuscripti Zagrebienses a saeculo XI. usque ad finem s. XV. *Croatia Sacra*, 19, 1–128. (In Croatian).
- Kochman, S. (1971). Z historii czesko-polsko-rosyjskich związków leksykalnych. *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu, Ser. A: Filologia rosyjska*, 7, 69–78. (In Polish).
- Kochman, S. (1974). Z zagadnień czesko-polsko-wschodniosłowiańskich związków leksykalnych. *Studia Śląskie*, 26, 145–159. (In Polish).
- Kopecký, M. (1962). *Literární dílo Mikuláše Konáče z Hodiškova*. Státní pedagogické nakladatelství. (In Czech).
- Kozlova, Iu. E. (2019). Kontinuanty glagola *starati se kak eksplikatory semantiki zaboty [Continuants of the verb *starati se as explicators of the semantics of care]. *Vestnik Mozyrskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.P. Shamiakina*, 2019(1), 126–132. (In Russian).
- Lipovac, M. (2019). Čeh Duh, prvi zagrebački biskup. In *Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti*, 37, 165–171. (In Croatian).
- Lubicz, R. (1894). Glosy polskie zawarte w rękopisie z kazaniami łacińskimi z połowy w. XV-go. In *Sprawozdania Komisji Językowej Akademii Umiejętności* (Vol. 5, pp. 240–338). Druкарnia Uniwersytetu Jagiellońskiego. (In Polish).
- Schenker, A. (1985). Czech lexical borrowings in Polish re-examined. In G. Stone, & D. S. Worth (Eds.). *The formation of the Slavonic literary languages: Proceedings of a Conference held in memory of Robert Auty and Anne Pennington at Oxford 6–11 July 1981* (pp. 85–98). Slavica Publishers.
- Shaposhnikov, A. K. (2017a). Perspektiva praslavianskoi etimologii v XXI v. [Prospects of Proto-Slavic etymology in the 21st century]. In I. L. Kopylov (Ed.). *Slovo i slovar' [= Vocabulum et vocabularium: Sbornik nauchnykh materialov]* (pp. 180–193). Chetyre chetverti. (In Russian).
- Shaposhnikov, A. K. (2017b). Slavijskaia sravnitel'no-sopostavitel'naia leksikografiia ot zamyslov I. I. Sreznevskogo do realizatsii v ESSla [Slavic comparative-contrastive lexicography from the ideas of I. I. Sreznevsky to implementation in the "Etymological Dictionary of the Slavic Languages"]. In E. P. Osipova (Ed.). *I. I. Sreznevskii i russkoe istoricheskoe*

- iazykoznanie: opyt i perspektivy: K 205-letiiu so dnia rozhdeniia I. I. Sreznevskogo: Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21–23 sentiabria 2017 g.* (pp. 194–209). Riazanskii gosudarstvennyi universitet imeni S. A. Esenina. (In Russian).
- Shenker [=Schenker], A. (1983). Glavnye puti leksicheskikh zaimstvovaniy v slavianskikh iazykakh (na materialakh cheshskogo, pol'skogo i vostochnoslavianskikh iazykov X–XVI vv.) [The main paths of lexical borrowings in the Slavic languages (on materials of the Czech, Polish and East Slavic languages of the 10th–16th centuries)]. In M. S. Flier (Ed.). *American contributions to the Ninth International Congress of Slavists* (Vol. 1: Linguistics, pp. 255–267). Slavica Publishers. (In Russian).
- Shevelov, G. Y. (1964). *A prehistory of Slavic: The historical phonology of Common Slavic*. Winter.
- Troubetzkoy [= Trubetskoi], N. S. (1922). Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun. *Revue des Études Slaves*, 2(3–4), 217–234. (In French).
- Trubetskoi, N. S. (1927). Obshcheslavianskii element v russkoi kul'ture [Common Slavic element in Russian culture]. In N. S. Trubetskoi. *K probleme russkogo samopoznaniia: Sobranie statei* (pp. 54–94) Evraziiskoe knigoizdatel'stvo. (In Russian).
- Varbot, Zh. Zh. (1995). Ob etimologii glagola starat'sia [On the etymology of the verb “starat'sia”]. In M. V. Liapon (Ed.). *Filologicheskii sbornik (K 100 letiiu so dnia rozhdeniia akademika V. V. Vinogradova)* (pp. 77–82). Nauka. (In Russian).
- Varbot, Zh. Zh. (2012). *Issledovaniia po russkoi i slavianskoi etimologii* [Contributions to Russian and Slavic etymology]. Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Vintr, J. (1986). Die tschechisch-kirchenslavischen Glossen des 12. Jahrhunderts in der Bibel Sign. 1190 der Nationalbibliothek in Wien (sog. Jagić-Glossen). *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 32, 77–113. (In German).
- Zoltán, A. (2004). *Oláh Miklós “Athila” című munkájának XVI. századi lengyel és fehérorosz fordítása*. Nyíregyházi Főiskola; Ukrán és Ruszin Filológiai Tanszék. (In Hungarian).
- Zoltán, A. (2020). Egy kérdéses ősszláv rekonstrukció: *starati se. In I. Nyomárkay, S. Nagy (Eds.). *Etimológia és jelentésfejlődés* (pp. 159–171). MTA Modern Filológiai Társaság. (In Hungarian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Андраш Золтан

доктор филологических наук
 профессор-эмеритус, Институт
 славянской и балтийской филологии,
 Университет им. Лоранда Этвеша
 Eötvös Loránd Tudományegyetem,
 Bölcsészettudományi Kar, Szláv és Balti
 Filológiai Intézet, H-1088 Budapest, Múzeum
 krt. 4/D, Hungary
 Тел.: +36 (1) 485-5210
 ✉ zoltand@caesar.elte.hu

András Zoltán

Dr. Sci. (Philology)
 Professor Emeritus, Institute of Slavic and
 Baltic Studies, Eötvös Loránd University
 H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D, Hungary
 Tel.: +36 (1) 485-5210
 ✉ zoltand@caesar.elte.hu

К. И. Гуревич

ORCID: 0000-0001-6542-6203

✉ kgurevuch@hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

ИДЕАЛЬНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ, ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИЙ С ПОЛОВЦАМИ: ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ОБРАЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГРУЗИНСКИХ И ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ)

Аннотация. В статье на материале древнерусских и древнегрузинских летописей обсуждаются ключевые характеристики образа правителя, взаимодействующего с половцами. С одной стороны, прослеживается, как восприятие половцев средневековым хронистом влияет на изображение правителя, связанного с половецкой средой. При этом учитываются самые разнообразные формы отношений с половцами, в частности, заключение браков, создание временных военных союзов или, напротив, вооруженное противостояние степнякам. С другой стороны, рассматривается, каким образом такой сложный конструкт, как «идеальный правитель», частично или полностью реализуемый на страницах исследуемых средневековых текстов, находит отражение в системе представлений о половцах и в какой степени половцы, как представители мира, во многом чуждого для средневекового автора-христианина, попадают под воздействие образа идеального властителя.

Ключевые слова: идеальный правитель, политические добродетели, половцы, русско-половецкие взаимодействия, древнерусские летописи, Давид Строитель, грузино-половецкие взаимодействия, «Картлис цховреба»

Для цитирования: Гуревич К. И. Идеальный правитель, взаимодействующий с половцами: интерференция образов (на материале грузинских и древнерусских летописей) // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 97–123. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-97-123>.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2021 г.
Принято к печати 9 июня 2021 г.

K. I. Gurevich

ORCID: 0000-0001-6542-6203

✉ kgurevuch@hse.ru

National Research University
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

AN IDEAL RULER INTERACTING WITH THE CUMANS: THE INTERFERENCE OF IMAGES (BASED ON GEORGIAN AND OLD RUSSIAN CHRONICLES)

Abstract. Based on the material of Old Russian and Old Georgian chronicles, the article examines the key characteristics of the image of a ruler that interacts with the Cumans. On the one hand, the work traces how the perception of the Cumans by the medieval chronicler influences the image of a ruler connected with the Cuman milieu. Here the most diverse types of relations with the Cumans are taken into account, in particular, Cuman origin of the ruler, his matrimonial ties with these nomads, participation in temporary military alliances or, on the contrary, entry into armed confrontations with these steppe dwellers. On the other hand, the article pays attention to the way a complex construct “ideal ruler”, partially or fully embodied on the pages of the scrutinized medieval texts, is reflected in the system of views on the Cumans. The study considers to what extent the Cumans, as representatives of a world mostly alien for a medieval Christian author, fall under the influence of the image of an ideal ruler. The article argues that the pragmatics of a medieval chronicle, either focused on the figure of a perfect ruler or concentrated on the history of a particular dynasty, immobilizes the image of the Cumans in a positive, neutral or negative evaluation system.

Keywords: ideal ruler, political virtues, Cumans, Russian-Cuman interactions, David the Builder, Georgian chronicles, Georgian-Cuman interactions, *Qartlis Cxovreba*

To cite this article: Gurevich, K. I. (2021). An ideal ruler interacting with the Cumans: The interference of images (based on Georgian and Old Russian chronicles). *Shagi / Steps*, 7(3), 97–123. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-97-123>.

Received February 2, 2021

Accepted June 9, 2021

Половцы (кипчаки, куманы), рано ставшие важнейшей военно-политической силой на границах евразийских степей, оказали существенное влияние на политическое поведение многих правителей. Одни прибегали к союзам с половцами, чтобы получить преимущество во внутренних конфликтах, другие использовали их для достижения внешнеполитических целей, третьи, напротив, намеренно избегали альянсов с кочевниками. Создавая историю народов, взаимодействующих с половцами, средневековый автор неизбежно конструировал портрет вершителя этой истории, правителя, наделенного безусловной властью. Часто этот портрет соотносился с образом идеального правителя, где «идеальность» — сложный конструкт, состоящий из культурных представлений, частных мнений и напластований традиций. В настоящей работе видится перспективным на материале древнегрузинских и древнерусских летописей XII–XIII вв. рассмотреть, как практика реального взаимодействия с половцами находила отражение в образе идеального правителя и, напротив, как трансформировался образ половцев под влиянием представлений об идеальном правителе.

Образ половцев в грузинских летописях

Образ союзников

Короткое пребывание половцев в Грузии в первой четверти XII в., по мнению исследователей, имело существенное влияние на последующее экономическое и социальное развитие Грузинского царства [Abashmadze 1969: 142]. Тем интереснее взглянуть на образ половцев, который рисует анонимный придворный историк царя Давида Строителя в «Жизнеописании царя царей Давида», входящем в состав средневековых грузинских летописей «Картлис цховреба». Изображение половцев здесь неразрывно связано с центральным образом царя Давида IV, созданным на пересечении житийной традиции и византийской модели идеального правителя (о влиянии византийской традиции на изображение идеального государя в древнегрузинской хронике см. подробнее: [Nikolaishvili 2011]). Образ Давида Строителя в «Жизнеописании» безупречен на всех уровнях — физическом, интеллектуальном, духовном: он предстает как добродетельный в высшей степени, образцовый воин и военачальник, мудрейший во всех своих начинаниях. Одним из его безукоризненных решений, по словам анонимного историка, становится призвание из степи половцев для помощи в борьбе против турок-сельджуков. Приведем отрывок «Жизнеописания», повествующий о приходе половцев, целиком:

Поэтому он, второй Александр, замыслил — ибо не было иного выхода [как призвать кипчаков], — так как хорошо знал их многочисленность, храбрость в боях, быстроту в походах, ярость в атаке, легкоуправляемость и готовность во всем подчиняться его воле; вместе с тем, их было легко призвать как из-за их близости, так и из-за их бедности, и еще потому, что за много лет до этого привел он оттуда достойную, известную всюду своей добродетелью Гурандухт, дочь предводителя кипчаков Атрака, сына Шарагана; она стала его закон-

ной супругой и царицей всея Грузии. Поэтому, послав доверенных людей, он призвал кипчаков и своего тестя [Картлис цховреба 2008: 189].

Основанный на династическом браке и обоюдных договоренностях, союз Давида Строителя и половцев, по всей вероятности, планировался задолго до его практической реализации. Тем не менее в тексте «Жизнеописания» подчеркивается, что половцы становятся ситуативным орудием в руках абсолютного мудрого царя. Их репрезентация здесь в значительной мере связана с фигурой Давида, более того, в полной мере ею определяется. Неслучайно в этом же пассаже жена царя, половчанка по происхождению, наделяется самыми хвалебными эпитетами. Центральная фигура совершенного государя, подчиняющая себе пространство нарратива, делает невозможным для грузинского хрониста введение негативных черт в образ половцев-союзников, тогда как, например, древнерусские летописи, которые мы в деталях рассмотрим ниже, вполне определенно указывают на отрицательные последствия союзов с половцами:

Половьѣ же начаша воевати школо Чернигова. Шлговѣ не возбраняющю . бѣ бо самъ повелѣтъ имъ воевати . се оуже третьеє наведе Шлегъ поганыхъ на Рускую землю. егоже грѣха да бы и Богъ простилъ понеже много хрестыанъ . їзгублено бы^е . а другое полонено бы^е . и расточено по землямъ [ПСРЛ (2). Стлб. 217].

В грузинском тексте темные краски в описании половецких союзников и родственников Давида IV неизбежно ставили бы под сомнение смысл союза и бросали бы тень на решение правителя, а следовательно, дискредитировали бы фигуру царя, которому не было равных «среди древних и новых царей, как о том свидетельствуют свершенные им в своей мудрости дела, более блестящие и яркие, чем венец солнца» [Картлис цховреба 2008: 196].

Необходимо более подробно остановиться на характеристиках половцев, сопровождающих их первое появление в хронике, поскольку именно они составляют основу их образа у грузинского анонимного автора. На наш взгляд, структура этого образа диктуется утилитарным подходом: приглашение половцев давало много преимуществ с прагматической точки зрения, и именно практичность становится основным критерием в оценке половцев. Неслучайно положительные факторы союза перечислены в последовательном списке, в котором можно выделить девять основных компонентов: 1) многочисленность, 2) храбрость в боях, 3) быстрота в походах, 4) ярость в атаке, 5) легкоуправляемость, 6) готовность во всем подчиняться воле царя, 7) территориальная близость, 8) бедность, 9) брак царя с Гурундухт.

Рассмотрим каждый компонент более детально.

Многочисленность. Первая и, по-видимому, самая главная характеристика прибывшей в Грузию половецкой группы касается количества воинов. Одна из наиболее вероятных причин ее появления на первом месте соотносится с такой проблемой периода царствования Давида Строителя, как недостаток военной силы. Сам грузинский историк ниже скажет: «...с одним лишь грузинским войском и сам Александр не смог бы сделать ничего хоро-

шего» [Картлис цховреба 2008: 200]. Действительно, опустошенное войной с Сельджукским султанатом Грузинское царство потеряло большое количество воинов. Более того, внутренняя политическая обстановка была нестабильна, усугубляясь разногласиями между царем и политической элитой¹. В такой ситуации именно помощь многочисленной половецкой орды возмещала недостаток имеющихся ресурсов. Заметим, что древнерусские летописи при описании союзов также часто обращают внимание на количество союзников русского князя (в том числе половцев), при этом нередко называют точное количество воинов [ПСРЛ (2). Стлб. 377, 455–456, 448]. Подобные указания свидетельствуют о важности численных показателей союзной армии в оценке предстоящего союза.

На второе место грузинский хронист помещает главную воинскую добродетель — храбрость в боях. Как будет показано ниже, эта и две последующие характеристики уравнивают половцев с самим царем. Давид неоднократно называется храбрым, именно эта черта, по мнению автора, роднит образ грузинского правителя с Александром Македонским. «Храбрость в боях» позволяет не обесцениться «многочисленности», приводя количественную характеристику в соответствие с качественной.

Интересно, что в этом и двух следующих пунктах описание отличительных свойств половцев напоминает резюме плана помощи союзника во взаимодействии с врагом: бой, поход и вновь атака.

Быстрота в походах. В этом пункте характеризуется одно из основных преимуществ воинов-кочевников перед оседлым населением — повышенная мобильность.

Такое свойство, как ярость в атаке, с одной стороны, соотносится с «храбростью в боях», а с другой — противопоставляет половцев главному герою нарратива. Царь Давид в тексте анонимного автора представлен выдержанным и рассудительным даже в минуты боя:

...бесстрашный и стойкий сердцем царь Давид построил свое войско, (...) прекрасно и предусмотрительно устроил он все дела, распорядившись всем спокойно и без суеты, показав опытность и мудрость [Картлис цховреба 2008: 192].

Яростность приписывается половцам не только грузинским автором. Византийская принцесса Анна Комнина, описывая союзные походы с половцами своего отца Алексея I Комнина, говорит, что порой именно их стремление атаковать заставляло идти в бой медлящего императора:

...зная крутой нрав куманов, [Алексей I] больше не стал откладывать сражения. Определив следующий день для решительной битвы, он обещал куманам назавтра вступить в бой со скифами [Анна Комнина 1965: 235].

¹ Питер Голден объясняет призвание половцев желанием Давида Строителя заручиться поддержкой силы, которая не представляла чужих интересов и была бы верна ему одному как на внешней политической арене, так и во внутренних конфликтах с оппозиционной аристократией [Golden 1984: 59].

Здесь и далее из обширной византийской хронографической традиции «Алексиада» выбирается в качестве сравнительного материала по ряду причин: во-первых, Анна Комнина в большей степени, чем другие упоминающие половцев византийские историки (Никита Хониат, Георгий Акрополит, Георгий Пахимер, Никифор Грегора, Иоанн VI Кантакузин и др.), сосредотачивается на союзах с куманами более, чем на противостоянии им; во-вторых, создание образа идеального правителя становится стратегией «Алексиады», прославляющей деяния императора; наконец, период правления Алексея I Комнина (1081–1118) практически совпадает с царствованием Давида Строителя (1089–1125) и первым этапом взаимодействия с половцами на Руси.

Следующие характеристики — легкоуправляемость и готовность во всем подчиняться воле царя — с одной стороны, отличаются от предыдущих тем, что представляют половцев скорее не как субъектов, а как объектов действия. С другой стороны, обе эти черты, объединенные идеей контроля, соотносятся с перечисленными выше характеристиками. Многочисленность половецкой орды, ее храбрость, быстрота и особенно воинственная ярость непременно должны контролироваться. Грузинский хронист отдельно не упоминает о варварстве и дикости половцев, но образ, который он создает, связывается им с социально подвижным сообществом, требующим неустанного управления и организации. В этом же тексте мы находим еще одно указание на контроль над половцами в виде упорядочивания половецкой орды, встраивания этих кочевников в грузинское общество. После череды успешных походов Давид позволяет половцам переселиться в Грузинском царстве, предварительно установив над ними контроль:

Собрав их [кипчаков] и расположив по родам, он поставил над ними спасаларов и командующих. <...> Не зная устали и не считая обременительным [это занятие], он держал их в порядке, делал все своевременно, управлял и распоряжался ими по своему великому разумению [Картлис цховреба 2008: 190].

Идея контроля над союзниками-кочевниками была близка и византийскому императору, однако он решал эту задачу другими средствами:

Опасаясь, что куманы соединятся со скифами <...>, император решил привлечь куманов на свою сторону; ведь это он призвал их к себе. <...> Император видел, какое множество куманов приближается к нему, и, зная податливость их нрава, боялся, что из союзников они превратятся во врагов и нанесут ему величайший вред. <...> [Алексей I] прежде всего решил призвать к себе куманских вождей. Последние немедленно явились к императору <...> Алексей приказал поварам приготовить для них роскошный стоя, он дружелюбно принял куманов, хорошо угостил их, вручил всевозможные дары, а затем потребовал от куманских вождей клятв и заложников — ведь ему был известен коварный нрав этих людей. Куманы с готовностью выполнили требование Алексея, дали ручательства... [Анна Комнина 1965: 233].

Византийский историк эксплицитно ассоциирует половцев с варварами и, в отличие от грузинского хрониста, не фокусируется на определениях, соотносимых с военной тематикой (многочисленность, безудержность в атаке), а говорит о врожденных свойствах кочевников:

Таковы были уловки самозванца. Куманы же, которым, как и всем варварам, легкомыслие и непостоянство присущи от природы, верили его словам [Там же: 268].

Прагматический аспект рассуждений хрониста ярко демонстрируется предпоследними характеристиками половцев: упоминанием о пространственном — близости — и экономическом — бедности — положении кочевников до прихода в Грузию. Эти характеристики уравнивают развернутое свидетельство о призвании половцев: не только грузинский царь остро нуждался в союзнике, но и сами половцы находились в стесненных обстоятельствах. О бедности, ставшей последствием успешных антиполовецких кампаний Владимира Мономаха, исследователи уже писали [Golden 1984: 71]. Потеря пастбищ и общее разорение ускорили, по всей видимости, решение половецкой орды Отрока о переходе на службу грузинскому царю и о последующей седентеризации. Пространственная близость между Грузией и половецкими степями также стала значительным фактором в освоении новой культурной общности: соседство упростило принятие новой этнической группы грузинским обществом и облегчило половцам последующую ассимиляцию в Грузинском царстве. Кроме того, территориальная близость дала важное для военного союза преимущество во времени — переход половецкой орды в Грузию был недолгим.

Занимательно, что практически все перечисленные характеристики половцев в грузинском тексте абсолютно нерелевантны для древнерусских авторов. Летописцев не интересуют ни экономическое положение половцев, ни их мобильность, ни пространственная близость. Можно предположить, что большинство этих характеристик представляются достаточно очевидными авторам, наблюдающим непрерывное взаимодействие русских князей с половецким этносом. Подобная незаинтересованность летописи в этнографических характеристиках половцев может свидетельствовать о глубоком проникновении этих кочевников в русское общество, об их превращении в элемент повседневности.

Брак царя с Гурандухт. Кажется удивительным, что матримониальная связь грузинского царского дома и половецкой общности упоминается на последнем месте. Это может объясняться временной удаленностью события по сравнению с приходом половцев («за много лет до этого привел он <...> Гурандухт»). Гурандухт стала второй женой Давида IV. Исследователи предполагают, что царь женился на ней около 1106 г., после того как развелся с первой женой армянского происхождения и отослал ее в монастырь в Иерусалиме [Мургулия, Шушарин 1998: 109]. Таким образом, с заключения брака прошло более десятилетия, что может объяснять упоминание этой династической связи на последнее место среди причин, побудивших призвать половцев.

Интересно, что половецкая княжна закономерным образом мыслится уже как часть грузинского общества, не принадлежащая больше к половецкому

кругу. Прежде всего имя жены Давида IV является династическим именем царского рода Багратидов, ее половецкое имя неизвестно [Карсанов 1995: 396]. Характеризующий Гурандухт эпитет, переведенный как «достойная», в оригинальном тексте соотносится с христианским понятием «благословенная» и часто используется в описаниях грузинской царицы Тамар. Это указывает на принадлежность половецкой княжны к правящему дому и на ее оценку через систему понятий, применимых к царственным особам.

Таковы основные характеристики половецких, которые сопровождают их появление на страницах грузинской хроники. Другой важнейший аспект, без которого невозможно представить столь близкое взаимодействие государя-христианина с половецкими-язычниками, — это, безусловно, конфессиональный вопрос. В отличие от русских летописей, грузинский источник решает проблему конфессиональных различий с легкостью. Грузинский автор говорит, что, следуя примеру лучших половецких воинов, отобранных для охраны государя, большинство половецких выразили желание креститься:

И еще было у него отборных слуг, наученных брани, пять тысяч человек, все — принявшие христианство, достойные доверия, испытанной доблести. И большинство кипчаков день ото дня становились христианами, и бесчисленное множество вступало в лоно Христово [Картлис цховреба 2008: 190].

Текст предполагает, что элита половецкого войска, приближенные Давида, были христианами без исключения. И именно эти воины удостоиваются одобрительных эпитетов «достойные доверия, испытанной доблести». Однако в этом же пассаже анонимный автор упоминает и других половецких, плавно отходя от жесткого «все принявшие христианство» к «большинству кипчаков». Не обсуждая религиозные различия, грузинский хронист особенно подчеркивает положительную динамику, следуя принципу «медленно, но верно». Это особенно ярко проявляется в употреблении конструкции «день ото дня», уравновешенной оптимистичным «бесчисленное множество». Интересно, что половецкие, будучи на стороне царя Давида, который «разбил язычников, истребил варваров, принизил царей, сделал рабами государей; арабов обратил в бегство, исмаильтян разгромил, персов развеял в прах» [Там же: 197] исключены из «варварского мира», куда их охотно поместили бы византийские историки, и «языческого мира», где им бы нашли место русские летописцы, неоднократно именовавшие половецких «безбожными сынами Измаиловыми».

Таким образом, конфессиональные противоречия разрешены, и открываются широкие возможности для заключенного союза.

Чтобы попасть в Грузинское царство без ущерба, половецкие просят дать им возможность пройти через земли осетин, что требует личного вмешательства Давида Строителя:

Они же приняли предложение с радостью, но попросили, чтобы им дали возможность пройти через овсов [осетин] с миром (...) Обеспечив кипчакам мирный путь, вывел он великое множество их, своего тестя и братьев своей жены; и не напрасно трудился он, ибо прибытие их не осталось безрезультатным [Там же: 190].

Интересно, что о подобной необходимости безопасного пути, ни разу не упоминаемой в русских летописях, идет речь в «Алексиаде»:

Император решил отпустить куманов домой, но взял у них заложников, ибо опасался, что на обратном пути они рассеются во все стороны в поисках провианта и нанесут немалый вред селениям, расположенным вдоль дороги. Так как куманы просили обеспечить им безопасность в пути, Алексей поручил «...» позаботиться о куманах и благополучно доставить их к самому Зигу [Анна Комнина 1965: 238].

Эта параллель может указывать на то, что кочевники, совершающие переходы на большие расстояния, были вынуждены вести переговоры с правителями «транзитных» земель.

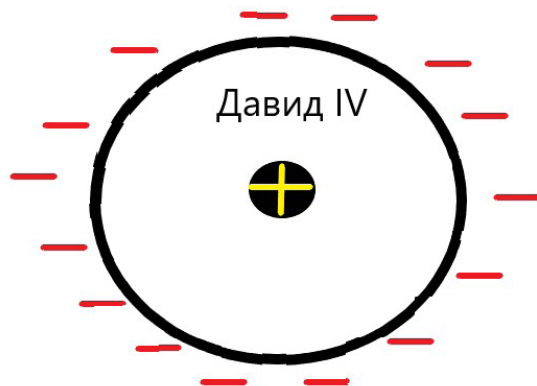
Повествование о начале взаимодействия Давида и половцев, опирающееся скорее на категории иерархического подчинения, чем военного сотрудничества, ведется с позиции предвиденного блага:

Обеспечив кипчакам мирный путь, вывел он великое множество их, своего тестя и братьев своей жены; и не напрасно трудился он, ибо прибытие их не осталось безрезультатным: с их помощью истребил он все персидские войска, вызвав страх и ужас у всех земных царей, и благодаря их содействию он совершил невероятные дела, как будет сказано далее [Картлис цховреба: 189]

Грузинский летописец заблаговременно знает положительные последствия приглашения половцев и встраивает последующие эпизоды в заранее определенный положительный контекст. Противоположным образом, в рамках другой оценочной системы, действует русский летописец, когда указывает на первое нападение половцев на русские земли:

Придоша Половци первое на Руськую землю «...» се бы^ѣ первое зло на Руськую землю . ѿ поганыхъ . безбожныхъ врагъ [ПСРЛ (2). Стлб. 152].

Основное отличие заключается в том, что грузинский историк с самого начала использует парадигму «союзника», выдержанную практически на всем протяжении текста, тогда как русский летописец прибегает к парадигме «врага», неизменной вплоть до монгольского нашествия. Ни одна из парадигм не подразумевает ситуативных изменений в оценке героев повествования, однако «союзническая» парадигма требует более стабильного основания. Таким основанием в грузинском тексте становится фигура царя Давида. Репрезентация половцев зависит от центрального образа, подчинившего себе пространство нарратива согласно всем традициям жанра жизнеописания. Фигура мудрого правителя довлеет над образом половцев и в то же время создает его, переводя отношения царя с половецкими родственниками из союзнических в вассальные, что особенно заметно в описаниях походов («...[Давид] переплыл бурный Мтквари со своими кипчаками по неизмеримо высокой воде, перебил турок и разорил Бардав» [Картлис цховреба 2008: 191]).

Ил. 1. Схема оценки центрального образа в «Жизнеописании царя царей Давида»
Fig. 1. Illustration of assessment of the central image in The Life of King David

Изображение половцев в грузинском тексте подчинено образу самого царя Давида. Поскольку биполярная нарративная система «Жизнеописания» предусматривает в личности Давида Строителя воплощение абсолютного идеала государя, соединяющего все положительные качества², образ каждого, кто попадает в сферу влияния этой центральной фигуры, также получает положительный «заряд» (см. ил. 1).

Половцы, участвующие в военных победах Давида, помещаются слишком близко к абсолютно положительному центру, чтобы их образ был скомпрометирован негативными чертами.

Характеристики, которыми грузинский летописец наделяет половцев («храбрость в боях, быстрота в походах, ярость в атаке»), обнаруживают устойчивую связь с образом самого царя, о котором анонимный автор пишет:

Хотя в Писании [Александр] Македонский уподобляется крылатому барсу из-за яростности в атаке, быстроты в походах по странам и великого многообразия деяний и замыслов, наш венценосец, новый Александр, хотя и живший после него, ни в действиях, ни в помыслах, ни в храбрости не уступал ему [Картлис цховреба 2008: 190].

Интересно, что в Книге пророка Даниила, к которой апеллирует автор, аллегорическая отсылка к царствованию Александра Македонского через образ барса не раскрыта: «Затем видел я, вот еще зверь, как барс; на спине у него четыре птичьих крыла, и четыре головы были у зверя сего, и власть дана была ему» (Дан 7:6). По всей вероятности, грузинский историк, говоря о быстроте походов и яростности в атаке Давида, наследующего Александру, опирается не на самого Даниила, а его на толкователей, например, Иеронима Стридонского, у которого находим:

² Визуальные источники этого периода также представляют Давида Строителя в рамках византийской традиции защитником Церкви, объединителем народов, новым Константином — см.: [Eastmond 2010: 67].

Третье царство — македонское «...» сравнивается с барсом, быстрейшим зверем и *δριητικῆ* [сноска: Быстро стремящимся, стремительно нападающим], который быстро устремляется, чтобы проливать кровь (*in sanguinem*), и с прыжками бросается, чтобы умерщвлять (*in mortem*). И он имел четыре крыла. Ибо ничего не было быстрее победы Александра, который от Иллирии и Адриатического моря до Индийского океана и реки Ганга быстро прошел не столько среди войн, сколько среди побед, и в шесть лет подчинил себе часть Европы и всю Азию [Иероним Стридонский 1894: 60] —

или Иоанна Златоуста, у которого читаем: «Он [Даниил] хотел показать быстроту и легкость и уничтожение всех властей посредством войн, и представил рысь». И ниже:

Потом [Даниил] говорит, «барс», т. е. Александр, царь македонский, пробежавший всю вселенную, так как не было никого стремительнее и быстрее его; он был силен и быстр, как этот зверь [Иоанн Златоуст 1900: 527–528].

Таким образом, приближаясь к центру нарратива — фигуре царя Давида, — образ половцев становится все более совершенным и в то же время клишированным.

Образ союзников врага

В биполярной системе «Жизнеописания» есть граница, отделяющая славный мир царя Давида Строителя от мира его врагов. К удивлению, половцы появляются не только внутри «царского круга», но и за его пределами, в мире противников грузинского царя:

В апреле напали в Шабурани на правителя Дербента, перебили курдов, леков и кипчаков, служивших правителю Дербента [Картлис цховреба 2008: 193].

Стоит вспомнить первое описание половцев на страницах «Жизнеописания»: насколько постепенным было введение их образа, настолько беглым представляется упоминание о том, что половцы заключали союзы и с другими правителями близлежащих земель и что случай Давида IV не был исключительным. В этой ситуации образ врага (здесь — образ дербентских половцев) не удастся расширить, поскольку союзники и враги оказываются имеющими общее происхождение: осуждение одних половцев бросило бы тень на других, вступивших в союз с Давидом. Перечисление военных достоинств половцев и описание исключительно умелого использования их царем не позволяет нарративу предположить, что кто-либо из царей способен повторить подобный ход. Дальнейшего развития тема союзников врагов Давида не получает.

Образ врагов врага

Грузинские хроники позволяют увидеть половцев еще в одной перспективе — с точки зрения противников царя Давида, в частности, султана Махмуд ибн Мухаммада. Подчеркивая непобедимость Давида Строителя, автор «Жизнеописания» говорит, что даже султан «слал посланцев с дарами одного за другим, чтобы умилиستивить лик его» и «просил мира, любви и безопасности от набегов кипчаков» [Картлис цховреба 2008: 194]. Здесь половцы становятся врагами врагов Давида, их дестабилизирующая сила играет положительную роль в его победах. Анонимный автор наблюдает со стороны оппозицию «совершающие набег половцы — их жертвы», которую русские летописи чаще всего описывают изнутри, с позиции жертв набега, поэтому естественным образом оценивают кочевников отрицательно. В случае же царя Давида деструктивная энергия половцев обращается на благо грузинского государя, а значит, в качестве врагов врага Давида, как и в случае его союзников, половцы наделяются положительными коннотациями.

Образ внутреннего врага

Лишь в самом конце «Жизнеописания», в той части, которая была написана после смерти царя Давида, анонимный историк намекает на то, что ситуация внутри «царского круга» была не так идеальна, как он описывал в начале. Давид Строитель много раз находился в серьезной опасности, и половцы играли в этих ситуациях не последнюю роль:

Сколько раз замыслили измену его же кипчаки: подсылали к нему храбрых людей, одних — с мечами, других — с копьями, третьих — со стрелами. Было же это не раз, и не два, и не три, а много раз [Картлис цховреба 2008: 202].

Как мы видим, представление половцев также соотносится с образом врага, но врага внутреннего.

О наличии напряженности в грузино-половецких отношениях, выливающейся порой в открытые конфликты, свидетельствует историк Ибн аль-Асир, описывающий поход Давида как вторжение в мусульманские страны:

До этого они [грузины] (часто) вторгались, но во дни Меликшаха и до конца царствования султана Мухаммеда они воздерживались; однако с наступлением этого года они выступили вместе с кипчаками и другими соседними народами [Ибн аль-Асир 1940: 126].

В описании Дигорской битвы читаем:

Войска провели весьма тревожную ночь, думая о сражении, но бог неожиданно послал им облегчение: он посеял между курджами и кипчаками раздоры и вражду, и они бились между собой в ту ночь, а потом ушли, как беглецы и, таким образом, «бог избавил верующих от этой битвы» [Там же].

Оказывается, половцы в «Жизнеописании» не абсолютно положительны; «темным пятном» на их образе оказывается их неверность. Хотя автор не дает прямой оценки вероломству половцев, восприятие союзников меняется. Здесь можно вспомнить эпизоды, ранее повествующие о личной заботе Давида о половцах и выстраивающие отношения «личность — сообщество» (а не «сообщество — сообщество», как, например, у Ибн аль-Асира):

Кипчаков же с их семьями расселил он в удобных для них местах <...> Он полностью обеспечил их конями и доспехами <...> Кто может счесть пленных, освобожденных им, и выкупленных им своих же кипчаков! [Картлис цховреба 2008: 190, 198].

Отношения «личность — сообщество» после предательства половцев нарушаются. Тем не менее не вполне естественной выглядит ситуация, когда отрицательная оценка приближается к персонажам из «царского круга», в центре которого находится фигура идеального правителя. Именно поэтому сообщение о случаях неверности половцев так сильно выделяется из общего нарратива и даже противоречит следующему утверждению автора:

...никто — ни великий, ни малый, — не смел и помышлять о кознях и измене <...> Поэтому в его дни никто не устраивал заговоров против него, и никто не помышлял об измене, но все его остерегались и боялись [Там же: 199]

Нельзя не отметить, что предательское поведение половцев — ближайших союзников царя Давида — в нарративе «Жизнеописания» выглядит исключительным, оно нарушает гармонию идеального «царского круга» и могло бы быть принято за проговоруку автора. Однако нарратор подчеркивает, что проявление половцами вероломства не было единичным, и повторяемость таких случаев позволяет говорить о тенденции («не раз, и не два, и не три, а много раз»). Во многом эту коллизию объясняет тот факт, что интересующий нас эпизод был написан уже после смерти царя Давида, когда фокус повествования сместился с описания государя как военного лидера, контролирующего все окружающее пространство, к его описанию как орудия провидения и милосердия Бога, уберегающего царя от зла в самых неблагоприятных ситуациях («всегда рука Всевышнего хранила его от преследователей») [Там же: 202]).

Итак, образ половцев в грузинской летописи представляет собой сложный конструкт, соединяющий несколько уровней положительных и отрицательных характеристик, которые могут быть выявлены на различных этапах нарратива.

Впоследствии в хронографических текстах союз с половцами продолжает рассматриваться грузинскими авторами как абсолютное благо. Безусловно, существенное значение для подобной оценки имеет конфессиональный аспект: основная масса половцев приняла крещение в Грузии, и впоследствии это сыграло важную роль в распространении христианства на завоеванных Грузией во второй половине XII в. южных территориях. Как было отмечено выше, привлечению половцев в Грузию предшествовал брак дочери половецкого князя Атрака и грузинского царя Давида Строителя. Грузинские источники не зафиксировали устойчивой практики матримониальных союзов Ба-

гратионов с половцами; скорее здесь можно говорить об одной из точек сближения династических перспектив. Так, правнучка Давида Строителя, царица Тамар, в 1185 г. выходит замуж за Юрия Андреевича Боголюбского, который, будучи внуком половчанки, до этого времени находился в половецкой степи у своих родственников. Понятно, что, в отличие от брака Давида Строителя, в случае замужества Тамар для Багратионов было важнее укрепить связи с русскими княжествами, чем установить прямые контакты с половцами. Грузинские хроники повествуют о Юрии именно как о «сыне великого князя русско-го Андрея», который «остался малолетним после отца и, преследуемый дядею своим Салаватом, удалился в чужую страну, теперь находится в городе кипчакского царя Севенджа» [Там же: 259]. Впоследствии, описывая неудачное развитие отношений Юрия и Тамар, грузинский летописец никоим образом не припоминает Юрию половецкое прошлое. Вероятно, не связан с половцами и образ «скифа», возникающий в описании непристойного поведения Юрия:

Сатана, войдя в сердце русского [князя], именуемого скифом, побуждал его досаждать словами Тамар. <...> Подобно древнему хагану скифскому, враг этот и тут предпринял осаду; если хаган обложил царицу городов, здесь дьявол подступил к царице цариц [Там же: 261].

Грузинский хронист применяет термин «скиф», который византийские историки часто использовали в собирательном значении, относя его к болгарам, русским, печенегам или другим кочевникам [Литаврин 1960: 419]. Как отмечали исследователи, автор хроники о царице Тамар демонстрирует здесь знакомство с переводом на старогрузинский язык греческой повести Феодора Синкелла (VII в.) об осаде Константинополя в 626 г. [Боровский 1988]. Перевод был выполнен в 1042 г. монахом Георгием Мтацминдели, который озаглавил текст «Осада Константинополя скифами, кои суть русские». Сравнивая Юрия со скифским каганом, грузинский хронист, скорее всего, вменяет ему в вину не половецкое, а именно русское происхождение:

У русского стали обнаруживаться скифские нравы: при омерзительном пьянстве стал он совершать много неприличных дел, о которых излишне писать, чтобы мой рассказ не затянулся [Картлис цховреба 2008: 306].

Так, византийская модель противопоставления варварства и цивилизованности лишается у автора грузинской хроники таких привычных для греческих источников компонентов, как языческая природа варваров, отсутствие у них полноценной государственности, культурная и языковая чуждость. На первый план выдвигаются другие византийские характеристики варварства: насилие, жестокость, поправление усвоенных обществом этических норм [Буданова 2012]:

...русский еще более рассвирепел <...> стал совершать еще более губительные проступки; он даже подверг без причины избиению почетных людей и пыткам путем вырывания у них членов [Картлис цховреба 2008: 306].

Как было сказано выше, половецкое происхождение Юрия не обсуждается и не критикуется грузинским летописцем, что выглядит закономерным в свете той помощи, которую оказали половцы в подавлении мятежа, предшествовавшего воцарению Тамар, и той роли, которую играли военачальники половецкого происхождения при дворе грузинского царя. Хотя текстуальных оснований полагать, что, говоря о Юрии как о «скифе», хронист намекает на его связь с миром кочевников, очень мало, все же совсем отказаться от этой версии мешает прекрасная осведомленность автора о происхождении и, что важнее, о местонахождении Юрия до призыва в Грузию.

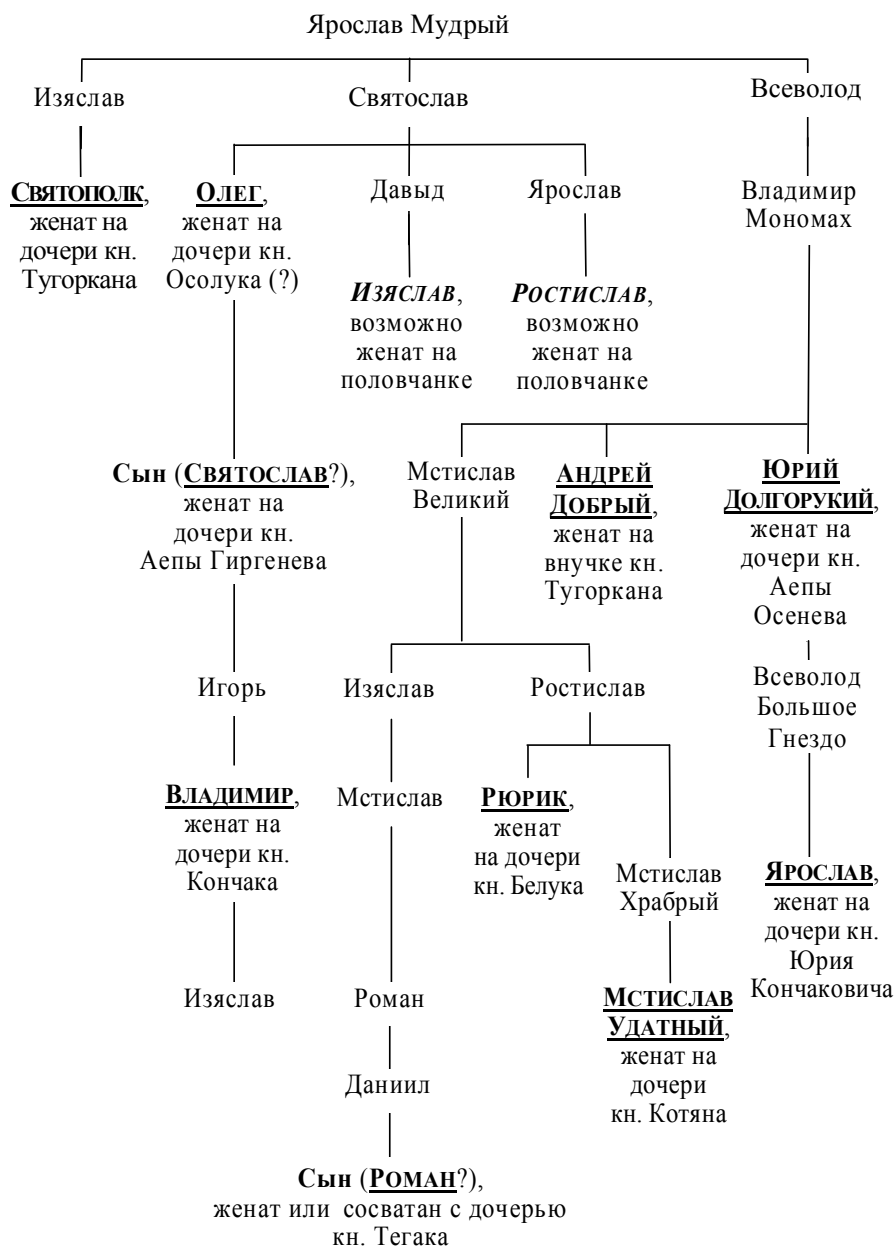
Таким образом, половцы, однажды попав в эпицентр грузинской политической жизни, остались в целом положительно оценены грузинской историографией, связавшей их с образом идеального правителя царя Давида Строителя. Противоположным образом обстоит ситуация в русских летописях, авторы которых стали свидетелями не однократной, а практически непрерывной практики союзов русской элиты и половцев. Как в этом случае союз с половцами влиял на образ русского князя? Можно ли говорить о влиянии образа самого князя на образ половцев-союзников, как это произошло в грузинском тексте?

Браки с половцами на Руси и образ идеального правителя

Поиск ответов на поставленные выше вопросы стоит начать с рассмотрения матримониальных союзов, тем более что на Руси династические союзы с половцами — практика в разы более распространенная, чем единичные случаи в Грузии. Уже к концу XI столетия, спустя полвека после появления половцев у границ русских княжеств, сыновья Ярослава Мудрого начинают брать в жены половецких княжон, закрепляя таким образом мирные соглашения со степью [Литвина, Успенский 2013: 21]. Подобная практика продолжается вплоть до монгольского завоевания, выражаясь в сложной системе браков, связывающих род Рюриковичей с половецким миром (см. схему, разработанную А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским [Там же: 90, рис. 1] и представленную здесь на ил. 2).

Обсуждение оценок русско-половецких союзов в рамках образа идеального правителя стоит начать с существенного парадокса: русский летописец предельно внимателен к русско-половецким взаимодействиям, тщательно отмечает общие генеалогические связи, характеризует детали взаимных дипломатических практик, но при этом не оценивает эксплицитно динамику этих взаимодействий, молчаливо опровергая их политическую значимость. То, что половцы-союзники все же оцениваются летописцем, можно установить лишь на языковом уровне [Гуревич 2020].

Матримониальные связи в летописной оценке не учитываются; даже при описании конфликтов с половцами и в случаях, когда их необходимо упрекнуть, русский книжник не прибегает к известному средневековому топосу «злой жены праведного мужа», возможности для разворачивания которого дают многочисленные браки русских князей с половецкими. Летописи не называют имен жен-половчанок до их вступления в брак. Здесь, безусловно, сказывается общий андроцентризм русских летописей, однако среди небольшого количества

Ил. 2. Русско-половецкие матримониальные связи

Fig. 2. Russian-Cuman matrimonial linkages

женских имен, упомянутых в летописях, мы не знаем ни одного половецкого. Половчанки находятся в тени своих мужей и отцов, никак не характеризуются летописцем и существуя лишь как связующее звено между княжескими родами. Иначе, как мы помним, поступает грузинский летописец, который описывает дочь половецкого князя (получившей, что важнее, статус жены грузинского царя) как «достойную, известную всюду своей добродетелью». Уже на этом этапе становится очевидной разница в фокусе двух историографических традиций: династический фокус русского летописания, нацеленный на фиксацию взаимодействия родов, и концентрация на образе монарха как смыслообразующего ядра всего нарратива в грузинской хронике.

Оценка русским летописцем князей, вступивших в матримониальный союз с половчанками, заслуживает отдельного внимания. Казалось бы, это является поводом для дискриминации князей, породнившихся с язычниками. Тем не менее сам факт женитьбы оказывается малозначимым в оценке деятельности князя. Наиболее яркие примеры относятся к периоду, близкому по времени к приглашению половец в Грузию. Мы знаем, что в 1118 г. Давид Строитель призывает половец — подданных своего тестя половецкого князя Атрака (известного на Руси как Отрока), сына Шарукана. Исследователи видят в этом реализацию закрепленных браком договоренностей, достигнутых в 1106 г. [Мургулия, Шушарин 1998: 109]. Именно в это время, в 1107 г., русский князь Владимир Мономах женит своего сына Юрия (будущего Юрия Долгорукого) на дочери половецкого князя Аепы, внучке Осеня. Владимир Мономах оказывается одним из первых русских князей, кто использует союзы с половцами для усиления своего положения во внутренних конфликтах. Подобное поведение никак не отражается на оценке деятельности князя: ни Лаврентьевская, ни тем более Ипатьевская летопись не выражают осуждения Владимира и после его смерти посвящают князю пространный панегирик. Стоит заметить, что в панегирике Ипатьевской летописи особо отмечается такая заслуга Владимира Мономаха, как борьба с половцами (походы 1103, 1111, 1116 гг.): «е҃гоже слухъ произиде . по всимъ странамъ . наипаче же бѣ страшень . поганымъ» [ПСРЛ (2). Стлб. 289].

Безусловно, пример Владимира Мономаха не дает возможности удостовериться в том, что родственные связи с половцами не влияют на оценку деятельности князя. Зато на примере его сына Юрия, того самого, которого великий князь женил на половецкой княжне, можно увидеть, что даже если князь не ведет активной борьбы с половцами и тем самым не «компенсирует» родство с ними, его репутация в летописном тексте не проигрывает от брака с половчанкой. Потомков половецких княжон также не упрекали за их происхождение. В числе многих примеров можно упомянуть Святослава Ольговича, сына Олега Святославича от дочери половецкого князя Осолука. Святослав, хотя и связан родством с половцами и не раз прибегает к помощи своих половецких уев, не подвергается критике в летописях.

Отсутствие в русских летописях порицания князей за происхождение или матримониальные связи с половцами открывает более широкую тему для размышлений: как союз с половцами (необязательно закрепленный браком) соотносится с образом идеального князя в целом? Меняет ли фигура князя восприятие половец в летописном тексте? И, наоборот — учитывая, что в

грузинском тексте фигура идеального правителя «очищает» и «обеляет» образ половцев, — оказывает ли в русских летописях влияние на образ правителя их негативное восприятие (ср., в частности, многочисленные отрицательные эпитеты половецких князей — «окаянный», «треклятый», «злу начальник» и т. д.)?

Говоря о формировании образа идеального правителя в грузинской и русской историографии, необходимо помнить об общем источнике — византийской традиции, которая, тем не менее, неодинаково отразилась в древнегрузинских и древнерусских сочинениях. Если грузинская традиция прославляет идеал в образе живого, активно действующего монарха, то в древнерусских летописях, напротив, черты идеального правителя в наибольшем количестве обнаруживаются в посмертных панегириках князьям.

Панегирик древнерусской летописи как завершение образа идеального правителя

Безусловно, сравнивать византийские жанры и древнерусские панегирики князьям не совсем корректно, в том числе и потому, что фигура князя попросту не равна фигуре императора, а значит, нерелевантными оказываются такие актуальные со времен Константина Великого идеи, как священная власть над всеми землями, необходимость подчинения главе земного царства как царства небесного. Тем не менее уподобление князя царю все же встречается в панегириках, в частности, в панегирике Давиду Ростиславичу, где говорится, что «злыгыа кажна ѿкоже подобает цѣрмь творити» [ПСРЛ (2). Стлб. 703] — способность судить и наказывать оказывается отличительной чертой совершенного властителя.

Хотя в наибольшей степени наследие византийского энкомия прослеживается именно в панегириках, летописи формируют собственную панегирическую традицию: панегирики достаточно многочисленны (их, например, насчитывается более 20 в домонгольских статьях Ипатьевского свода), подобны как по принципу построения (от указания на внешние данные князя до подтверждения его следования светским установлениям и, что важнее, описания личного благочестия), так и по наполнению (схожие лексические конструкции, общие места в характеристиках князей, повторяющиеся мотивы: храбрость в боях, нищелюбие, кротость, забота о церквях и монастырях и т. д.).

Возвращаясь к союзам с половцами и к влиянию этих союзов на образ князя, стоит сказать, что на получении/неполучении князем посмертного панегирика никак не отражается факт его взаимодействия с половцами. Существуют панегирики как тем князьям, которые обращались к союзам с половцами во время междоусобных конфликтов, так и тем, что не прибегали к половецкой помощи.

Рассмотрим, какую долю среди общего числа панегириков занимают панегирики сотрудничавшим с половцами князьям (их имена выделены разрядкой).

В Повести временных лет: Мстиславу Владимировичу, Ростиславу Владимировичу, Глебу Святославичу, Изяславу Ярославичу (половцы — союзники врагов), Ярополку Изяславичу, Всеволоду Ярославичу (половцы — союзники врагов).

В Киевской летописи: Владимиру Мономаху (активно прибегал к союзам с половцами), Игорю Ольговичу, Владимиру Давыдовичу (сообщение о смерти ставится в один ряд с сообщением о пленении половецких князей: «оубиша Володимира кнѣзѣ . Дѣвѣича . Черниговьского . доброго и кроткого . и инѣ многы избиша и Половечьскѣ кнѣзѣ многы изомаша» [Там же. Стлб. 438]), Изяславу Мстиславичу, Ярославу Юрьевичу, Святославу Ростиславичу, Глебу Юрьевичу (активно прибегал к союзам с половцами), Святославу Юрьевичу, Андрею Юрьевичу (+ половецкое происхождение князя), Мстиславу Ростиславичу (ходил в походы на половцев и чудь — в панегирике упомянута борьба «против поганых»), Роману Ростиславичу (половцы — союзники врагов), Владимиру Глебовичу (антиполовецкие кампании), Ярославу Владимировичу, Всеволоду Святославичу (антиполовецкие кампании), Давыду Ростиславичу (в 1168 г. отказался от похода на половцев, но впоследствии много с ними воевал).

Таким образом, из 21 панегирика шесть, т. е. около 30%, посвящены князьям, которые вступали в союзы с половцами.

Подобная неоднородная картина, оставляя открытым вопрос о законах получения панегирика одними князьями и неполучения другими, демонстрирует, что союз князя с половцами не является преградой для формирования впоследствии его идеального панегирического образа. Панегирики, наиболее приближенные к агиографическим жанрам, часто можно считать «заявкой» на последующую канонизацию князя. Интересно, что сотрудничество с половцами не является препятствием и для канонизации (это подтверждают примеры Игоря Ольговича, Андрея Юрьевича, Владимира Мономаха, который, по-видимому, был местночтимым святым). Это сближает ситуацию на Руси с Грузинским царством: не раз упоминавшийся нами грузинский царь Давид Строитель, призвавший половцев и одержавший с их помощью ряд крупных побед, был канонизирован уже в XIII в.

Нельзя, тем не менее, умолчать о борьбе с половцами как возможном элементе образа идеального правителя. В панегирике Владимиру Мономаху одна из первоочередных заслуг князя — его антиполовецкие кампании («был страшен поганым»). Мстислав Владимирович также прославляется летописцем за то, что по примеру отца «загна Половци за Донъ . и за Волгоу за Гиикъ» [ПСРЛ (2). Стлб. 308–309]. Ни один из известных панегириков не только не ставит в заслугу князю союз с половцами, но и не упоминает о нем, из чего можно заключить, что борьба против половцев ценится летописцем выше, чем союз с ними. Этот вывод подтверждает «мольба» киевлян, в форме заповеди переданная Владимиру Мономаху киевским митрополитом и великой княгиней: «ако створити миръ . и блюсти земли Руской . и брань имѣти с погаными» [Там же. Стлб. 238].

Важно понимать, что панегирик становится последним этапом в развитии образа князя, яркой точкой, за пределами которой нет трансформаций этого образа. Оставляя панегирики как интереснейший элемент летописной риторики, требующий отдельного исследования, заметим, что из хвалебных отзывов по мере приближения их к обобщенной «композиции из текстуальных блоков, уже встречавшихся до того в пределах той же самой летописи» [Толочко 1999: 26] исчезают указания на конкретные деяния князя (в том числе на союзы с

половцами), снижается персонификация каждого конкретного образа, соответственно панегирик малоэффективен для анализа репрезентации отдельно взятого князя.

Характеристики идеального правителя в русских летописях

Попытки изобразить идеального правителя в древнерусских летописях, бесспорно, не сводятся исключительно к панегирикам. Более того, пока князь еще жив и политически активен, описания его деяний более информативны, чем в случае с посмертными панегириками. Как и византийские историки, русский летописец не чуждается аксиологической риторики, однако чаще всего не вплетает ее в перечисление деяний князя, а помещает в отдельный пассаж. Так, для летописца «братолюбие» становится качеством, особенно возвышающим князя перед другими: Вячеслав, призывавший Изяслава Мстиславича и Юрия Долгорукого мириться (хотя фактически не сохранял нейтралитет), получает высокую оценку, сопровождаемую библейскими цитатами:

...кѣзь Вячеславъ незлобивъ срѣцемъ . хвала преславного Бѣ . поминаа писание . аще имѣете вѣру яко зерно синаивно . реѣте горѣ сеи преди преидеть . и пакы поманувъ слово гл҃шее . Бѣлюблю а брата ненавида ложь еси . аще Бѣ любиши люби брата . Вячеславъ же нача брату молвити Гюргеви . брате мириса [ПСРЛ (2). Стлб. 393].

Более ярким примером служит эпизод с Владимирком Володаревичем: встав между городами Владимиром (где находился Вячеслав) и Луцком (где находился Юрий), Владимирко фигурально встал между родственниками, предупредив эскалацию конфликта, за что и был награжден летописцем чередой положительных характеристик:

добрыи бо кѣзь Володимиръ . братолюбиемъ свѣтася . миролюбиемъ величаася . не хотя никому зла того дѣла межи ими ста хотя ѣ оуладити [Там же. Стлб. 391].

В целом можно говорить о том, что воинственность в древнерусском тексте ценится куда менее, чем в византийской традиции. Умение уклониться от военного конфликта в русском летописании получает большее одобрение со стороны книжника как признак мудрости и благочестия князя; способность «утишить лютую брань» ценится им выше, чем воинские добродетели:

Ирополкъ же блше събралъ множество вои . на нь изо всихъ земель . и приемъ рассмотрение срѣци не изиде на нь противу . ни створи кровопролитыа . но оубоавса соуда Бѣя ствоса мнии в нихъ хоулоу . и оукорь приа на са . ѿ браѣѣ своего и ѿ всиѣ по рекшему любите враги ваша . и створи с ними миръ [Там же. Стлб. 299].

Что касается храбрости — главной добродетели воина в грузинских и византийских источниках — характеристика «храбр на рать» действительно

попадает в панегирики и ассоциируется с защитой русской земли, однако в летописи это выражение часто характеризует молодых (например, Владимира Глебовича) или проявляющих несдержанность князей. Так, о Изяславе Мстиславиче летопись говорит:

Изяславъ же то слышавъ Мъстислави^ѣ ражеже ср^ѣце болма на
Стослава . бѣ бо храборъ крѣпокъ на рать . исполчи воѣ свои поиде
на Стослава [Там же. Стлб. 336].

Изяслав несколько раз принимает импульсивные решения о начале военных действий, заканчивающихся поражением, описание которого летописец предваряет замечанием о надежде князя на собственные военные силы:

...ннѣ же не восхотѣ . надѣясъ на множество вои . река добыть есми
головою своею Киева . и Переяславла [Там же. Стлб. 380].

Подверженным гневу и самоуверенному планированию своей победы рисует летописец князей, которым через несколько эпизодов суждено быть посрамленными:

Стославъ . располѣсѣ гнѣвомъ . и раждѣсѣ яростью <...> помысли
во оумѣ своемъ . яко Дѣда имоу . а Рюрика выженоу изъ землѣ . и
приимоу единѣ власть . Роускоюу и с братьею . и тогда мыщюсѣ Все-
володоу . шбиды своѣ . Бѣ бо не любить . высокоуа мысли нашиа .
возносащаго смирает [Там же. Стлб. 614–615].

Идеальный князь, согласно летописи, возлагает надежду не на себя и свои воинские умения, а исключительно на Бога; только Бог дает победу и наказывает поражением [Флорес 2019]. Здесь кроется еще одно важное отличие русской летописной традиции от византийской. Русский князь не продумывает ход сражения, не разрабатывает сложные планы, он всецело полагается на Бога. Если византийские историки ценили в императоре мудрого стратега и тактика, то русский летописец не уставал подчеркивать, что победа одерживается благодаря вмешательству высших сил, особенно если сражение ведется против язычников:

и поидоша полкове аки борове . и не бѣ презрѣти ихъ . и Русь поидо-
ша противу имъ . и Бѣ великыи . вложи оужасть велику в Половцѣ . и
стра^ѣ нападе на нѣ и трепеть . ѿ лица Русскы^ѣ вои . и дрѣмаху сами .
и коне^ѣ ихъ не бѣ спѣха в ногах [ПСРЛ (1). Стлб. 278].

и падаху Половци предѣ полкомъ Володимировомъ . невидимо бѣ-
ми ангѣлмъ . яко се видаху . мнози члѣвци . и главы летяху невидимо
стинаемы на землю [ПСРЛ (2). Стлб. 267–268].

...и то видивъ . Мъстиславъ . и похвали всемл^ѣтваго Бѣ . и стою Бори-
са и Глѣба . помочь невидимо гонащеѣ [Там же. Стлб. 577].

Даже когда нет помощи от союзников, князю помогает Бог и родительская молитва:

Ярополкъ же князь оукрѣпивсѧ . и иде по нихъ . с Божьею помощю . не жда . ѿ брата помощи ни ѿ другаго толко с Переяславци постиже ꙗ . видѣвше ихъ мало . воротишасѧ опять . и поидоша исполчившесѧ . противу тогда же блговѣрнаго князѧ корень . и блговѣрнаѧ ѡрасль . Ярополкъ призва имѧ Бѣе и ѡца своего . съ дружиною своею дързну . И сразившемасѧ полкома . побѣжени бывше погании . силою чѣтнаго крѣта и сѣомъ Михаиломъ . часть ихъ избиша . а часть ихъ истопе в рѣкѣ и поможе ему Бѣ и ѡца его мѣтва [Там же. Стлб. 290].

Именно поэтому описание каждого крупного сражения летописец завершает формулой похвалы Бога, вложенной в уста победившего князя. Интересно, что во внутренних конфликтах эта формула произносится попеременно одерживающими победу князьями: произнесение имени Бога не становится привилегией отдельно взятого участника событий, что еще раз указывает на сложность в определении симпатий летописца.

Образ князя, взаимодействующего с половцами

1. Отрицательная оценка. Итак, установив, какие характеристики идеального правителя в русских летописях применимы к живому, политически активному князю, можно рассмотреть репрезентацию русского князя, взаимодействующего с половцами.

Анализ летописных эпизодов показывает, что наиболее уязвимым для критики князь становится тогда, когда вследствие его поступков страдают интересы мирного населения. Действительно, хотя летописец удерживается от прямых инвектив, обещания будущего воздаяния не оставляют сомнения в виновности князей, чьи действия повлекли разорение христиан. И здесь, безусловно, союзы с половцами оказываются провоцирующим элементом. Например, образы князей Бориса и Олега Святославича, впервые в истории Руси использовавших половцев для междоусобной борьбы, значительно страдают от чинимых теми разграблений:

приведе Шлегъ и Борисъ поганыѧ на Рускую землю <...> и побидиша Половцѣ Роусь . и мнози оубьени быша тоу <...> Шлегъ же ꙗ Борисъ . придоста Чернигову . мнѧше ѡдолѣвше . а земли Рускои много зла створивши^а прольѧше кровь хрестыаньску . ꙗга же кровь възъщеть Бѣ . ѿ руку еѧ . ѡвѣтъ дати за погиблыѧ дѣѧ хрестыаньскѣ [ПСРЛ (2). Стлб. 191].

Или через 16 лет:

се оуже третьеѧ наведе Шлегъ поганыѧ на Рускую землю . егоже грѣха да бы и Богъ простилъ понеже много хрестыанъ . ѡзгублено бы^ѣ . а другое полонено бы^ѣ . и расточено по землямъ [Там же. Стлб. 217].

В этих и других сообщениях об Олеге Святославиче прослеживается явное осуждение его летописцем, оправдывающее прозвище князя *Гориславич* в «Слове о полку Игореве». Осуждение Святославичей распространилось и на небрежное упоминание о погибшем от собственных союзников-половцев Романе Святославиче:

Приде Романъ с Половцѣ к Воиню <...> и възрати^ѣ Романъ въспа^ѣ . ѿ
бывшу ему оубиша и Половцѣ . мѣа . август^ѣ . ѿ . днѣ . ѿ су^ѣ кости его и
до се^ѣ лѣта тамо лежаче [Там же. Стлб. 196].

Таким образом, союзы Святославичей с половцами, сопрягавшиеся с набегами последних на мирное население, негативно влияли на изображение самих князей в летописи.

Урон мирным жителям, христианам, нанесенный половцами, даже в условиях, когда последние состояли в союзе с русским князем («роте»), по мнению летописца, являлся веской причиной не пощадить половцев. Так, в эпизоде с Итларевой чадью дружина Владимира Ярославича, советуя убить гостей-половцев, аргументирует это так:

...и нѣ к тобѣ всегда ротѣ ходаще губать землю Рускую . и кровь
хрестыанску проливають беспрестани [Там же. Стлб. 218].

Неприязнь к князьям, вступающим в союзы с половцами и участвующим в разграблении мирного населения, может долго не проявляться в летописном тексте, хладнокровно перечисляющем убытки:

Половцемъ пришедшимъ къ Всеволоду . Всеволодъ же съ братьею
своею и съ Изаславомъ . и Сѣтополкомъ Мѣстиславичема . и поидоша
воююще села и города Переславьской . власти и люди сѣкуще . доже
и до Киева . придоша и Городецъ зажгоша . на сѣго Андрѣа днѣ .
ѣздаху по оной сторонѣ Днѣпра . люди емлюще . а другыа сѣкуще .
нѣ оутагшимъ . перевестиса имъ . нѣлзѣ бо блше перевестиса кра-
ми . и плениша же и скота бесчисленное множество [Там же. Стлб.
296].

Однако наступает момент, когда становится очевидной позиция летописца, сопоставляющего князя, не нуждающегося в союзах и рассчитывающего на помощь Бога, и князя, активно пользующегося союзами с половцами. Интересно, что ее отчасти проговаривает мирное население, некое сообщество:

...людие Черниговци въспиша къ Всеволоду . ты надѣшиса бѣжати
в Половцѣ . а волость . свою погубиши . то к чемуу са впасть воро-
тишь . лоуче того встаниса высокооумья своего . и проси си мира .
мы бо въдаемъ мл^ѣрдие Ярополче . яко не радуется . кровипроли-
тью . но Бѣ ра^ѣ въсхоцетъ мира . то бо съблюдаетъ землю Роусьскоую
[Там же. Стлб. 301].

После описания особенно разрушительных половецких набегов летописец может прийти практически до прямых инвектив, как в случае с набегом Кончака, продолжительное время состоявшего в союзе с Игорем Ольговичем. Неизвестно, с кем именно Кончак приехал к переяславским землям, но участь этих куманофилов, по мнению летописца, незавидна:

...аще кто любитъ врагы Бѣа . то сами что приимуть ѿ Бѣ . сии же бѣгостудныи Кончакъ . со единомыслѣными своими . приѣхавше к Переяславлѹ . за грѣхы наша много зла створи крѣтяномъ [Там же. Стлб. 612].

Почти демоническими представляются образы Всеволода и Святослава Ольговича, после всех перечислений страданий христиан радующихся набегам половцев:

...симъ казнить ны нахождениемъ поганыхъ . се бо есть . батогы его да некли смѣрившеса . въспоманемса ѿ злаго поутѣ . то слышавши Ѡлговичи . Всеволодичъ . Сѣтославъ . ѡбрадовашася . аки не въдоуще . Бѣиа казни [Там же. Стлб. 603].

2. Положительная оценка отсутствует. В летописях не встречается случаев, когда союз русского князя с половцами был бы оценен автором положительно.

3. Нейтральное отношение. Замечательной особенностью является непостоянность оценки летописцем союза русского князя с половцами и ее влияния на образ князя. Она обусловлена не этапом взаимодействия с половцами (идет ли речь о времени, когда практика союзов с ними только утверждалась, или о периоде интенсивных союзов), а политической и социальной обстановкой. Во время отсутствия набегов половцев на Русь союзы с ними воспринимаются летописцем нейтрально. Русский князь вполне может одновременно уповать на Бога и Богородицу и пользоваться поддержкой половцев:

Сѣтославъ же сгадавъ с браѣю . и с Половци с моужѣ своими възра на Бѣ на сѣую Бѣю изииде въ сѣтение емоу [ПСРЛ (2). Стлб. 335].

...реѣ тако ли мнѣ части нѣтоу в Роуской земли . и моимъ дѣтемъ . скоупивъ силу свою Половци и поиде надѣаса на Бѣ [Там же. Стлб. 374].

Ничто не мешает князю обращаться к Богу и закономерно побеждать после этого, находясь в союзе с половцами. Более того, нехристианское происхождение союзников оказывается неважным, как, например, в случае Ростислава Юрьевича, уверяющего Изяслава Мстиславича, что его оклеветали перед союзниками:

кѣзъ ли которыи . а се ѣ к нему . моужъ ли которыи въ хрѣтяныѣ или в поганыхъ . а ты мене старѣи . а ты ма с ниѣ и соуди . Изяславъ же реѣ емоу . того на мнѣ не проси хотя ма заворожити . съ хрѣтянѣми или с поганѣми [Там же. Стлб. 373].

То есть союз с половцами не обязательно влечет за собой ущерб для репутации князя; взаимодействие с кочевниками становится одной из граней образа богобоязненного и осмотрительного князя-воина.

Заключение

Задумываясь над чертами, присущими идеальному правителю, хронисты оказывались перед необходимостью сочетать насущное и вечное, вневременное и злободневное. В случаях взаимодействия с половцами авторам хроник предстояла нелегкая задача вписать военные столкновения или союзы, диктуемые изменчивой политической ситуацией, в непреложный образ идеального правителя. Грузинский придворный историк создал образ мудрого, просвещенного правителя, идеального военачальника, в свете которого образ половцев получал новые, но неизменно положительные характеристики. В русских летописях, смещающих фокус с восхваления военных добродетелей на возвеличивание миролюбия и смирения, образ идеального правителя оказывается намного более сложным и размытым конструктом. Союзническое взаимодействие с половцами-язычниками, на деле превращающееся в длительную дипломатическую практику, на страницах летописи практически не получает эксплицитной оценки, пока не заходит речь об угрозе для мирного населения, что еще больше затрудняет кристаллизацию образа идеального правителя, взаимодействующего с половцами. Нет тех монохромных характеристик, нет той полярности, которую можно найти у грузинского хрониста, зато есть многогранный мир жизни династии, где вопрос об идеалах решается после кончины князя, а до смерти возможно все.

Источники

- Анна Комнина 1965 — *Анна Комнина*. Алексиада / Под ред. А. П. Каждан. М.: Наука, 1965.
- Иоанн Златоуст 1900 — Полное собрание творений святителя Иоанна Златоуста. Т. 6. Кн. 2. СПб.: [б. и.], 1900.
- Ибн аль-Асир 1940 — Материалы по истории Азербайджана из «Тарих-ал-камиль» (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира. Баку: АзФАН, 1940.
- Иероним Стридонский 1894 — Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 12: Толкования на пророков: Даниила, Осию, Иоила. Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1894. (Б-ка творений свв. отцов и учителей Церкви западных, издаваемая при Киевской Духовной Академии; Кн. 21).
- Картлис цховреба 2008 — Картлис цховреба: История Грузии / Пер. с груз.; Под ред. Р. Метревели. Тбилиси: АРТАНУДЖИ, 2008.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1926–1928; Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.

Литература

- Боровский 1988 — *Боровский Я. Е.* Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б. А. Тимошук. М.: Наука, 1988. С. 114–119.

- Буданова 2012 — Буданова В. П. Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство. [Вып. 1]: Трансформация понятий и региональный опыт / Отв. ред. В. П. Буданова, О. В. Воробьева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 10–46.
- Гуревич 2020 — Гуревич К. И. Дейксис в описаниях русско-половецких взаимодействий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80). С. 128–147.
- Карсанов 1995 — Карсанов А. Н. Об одном известии Ипатьевской летописи // Аланы: История и культура / [Под ред. В. Х. Тменова]. Владикавказ: [б. и.], 1995. С. 389–402.
- Литаврин 1960 — Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
- Литвина, Успенский 2013 — Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М.: Полимедиа, 2013.
- Мургулия, Шушарин 1998 — Мургулия М., Шушарин В. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М.: [РАН; Ин-т славяноведения и балканистики], 1998.
- Толочко 1999 — Толочко А. П. Похвала или Житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) // *Palaeoslavica*. Vol. 7. 1999. С. 26–38.
- Флорес 2019 — Флорес А. Г. Пути искупления греха и спасения души в древнерусской литературе // Текст, контекст, интертекст: Сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. XV Виноградовские чтения: В 3 т. Т. 2: Русская литература. История. Междисциплинарные гуманитарные проблемы / [Под ред. И. Н. Райковой]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Книгодел», 2019. С. 406–409.
- Abashmadze 1969 — Abashmadze V. Narkvevebi Sak'art'velos politikur mozhvrebata istoridan. T'bilisi: T'bilisi universitetis gamomc'emloba, 1969. [Цит. по: Golden P. Cumanica I: The Qipchaqs in Georgia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1984. 4. P. 45–87].
- Eastmond 2010 — Eastmond A. Royal imagery in medieval Georgia. University Park: Pennsylvania State University Press, 2010.
- Golden 1984 — Golden P. Cumanica I: The Qipchaqs in Georgia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 4. 1984. P. 45–87.
- Nikolaishvili 2011 — Nikolaishvili S. Byzantine imperial ideology and political thinking: Model for the 12th-century Georgian kingship // *Phasis*. № 13–14. 2011. P. 345–352.

References

- Borovskii, I. E. (1988). Vizantiiskie, staroslavianskie i starogruzinskie istochniki o pokhode rusov v VII v. na Tsar'grad [Byzantine, Old Slavonic, and Old Georgian sources on the campaign by Rus' against Constantinople in the 7th century]. In B. A. Timoshchuk (Ed.). *Drevnosti slavian i Rusi* (pp. 114–119). Nauka. (In Russian).
- Budanova, V. P. (2012). Varvary i varvarstvo v antropologii tsivilizatsii [Barbarians and barbarism in the anthropology of civilizations]. In V. B. Budanova, & O. V. Vorob'eva (Eds.). *Tsivilizatsiia i varvarstvo*, (Vol. 1) *Transformatsiia poniatii i regional'nyi opyt* (pp. 10–46). IVI RAN. (In Russian).
- Eastmond, A. (2010). *Royal imagery in medieval Georgia*. Pennsylvania State Univ. Press.
- Flores, A. G. (2019). Puti iskupleniia grekha i spaseniia dushi v drevnerusskoi literature [Ways of redemption from sin and salvation of the soul in Old Russian literature]. In I. N. Raikova (Ed.). *Tekst, kontekst, intertekst; Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii XV Vinogradovskie chteniia*, (Vol. 2, pp. 406–409). Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu "Knigodel". (In Russian).
- Golden, P. (1984). Cumanica I: The Qipchaqs in Georgia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 4, 45–87.

- Gurevich, K. I. (2020). Deixis v opisaniakh russko-polovetskikh vzaimodeistvii [Deixis in descriptions of Russian-Cuman interactions]. *Drevniaia Rus'*. *Voprosy medievistiki*, 2020(2(80)), 128–147. (In Russian).
- Karsanov, A. N. (1995). Ob odnom izvestii Ipat'evskoi letopisi [On one record in the Hypatian chronicle]. In V. Kh. Tmenov (Ed.). *Alany: istoriia i kul'tura* (pp. 389–402). (N. e.). (In Russian).
- Litavrin, G. G. (1960). *Bolgariia i Vizantiia v XI–XII vv.* [Bulgaria and Byzantium in the 11th–12th centuries]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2013). *Russkie imena polovetskikh kniazei: Mezhdinasticheskie kontakty skvoz' prizmu antroponimiki* [Russian names of Cuman princes: Interdynastic contacts through the prism of anthroponymy]. Polimedia. (In Russian).
- Murguliia, M., & Shusharin, V. (1998). *Polovtsy, Gruzii, Rus' i Vengriia v XII–XIII vekakh* [The Cumans, Georgia, Rus' and Hungary in the 12th–13th centuries]. Rossiiskaia akademiia nauk, Institut slavianovedeniia i balkanistiki. (In Russian).
- Nikolaishvili, S. (2011). Byzantine imperial ideology and political thinking: Model for the 12th-century Georgian kingship. *Phasis*, 13–14, 345–352.
- Tolochko, A. P. (1999). Pokhvala ili Zhitie? (Mezhdu tekstologiei i ideologiei kniazheskikh panegirikov v drevnerusskom letopisanii) [Encomium or vita? Between the textology and ideology of princely panegyrics in Old Russian chronicles]. *Palaeoslavica*, 7, 26–38. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Каролина Игоревна Гуревич

ассистент, образовательная программа
«Филология», Школа филологических
наук, Факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая
Басманная ул., д. 21/4, стр. 1
Тел.: +7 (495) 772-95-90, *22731
✉ kgurevich@hse.ru

Information about the author

Karolina I. Gurevich

Teaching Assistant, Bachelor's Programme
Philology, School of Philological Studies,
Faculty of Humanities, National Research
University Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4, Bld. 1
Tel.: +7 (495) 772-95-90 *22731
✉ kgurevich@hse.ru

А. В. Майоров

ORCID: 0000-0001-8212-7467

✉ a.v.maiorov@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)

ЖЕНЩИНА, ДИПЛОМАТИЯ И ВОЙНА: РУССКИЕ КНЯЗЬЯ В ПЕРЕГОВОРАХ С БАТУ НАКАНУНЕ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Аннотация. Заметный в новейшей литературе скепсис в отношении «Повести о разорении Рязани Батыем» обусловлен, с одной стороны, недоказанным мнением о позднем происхождении памятника, с другой — отношением к нему только как к литературному произведению, порожденному художественным вымыслом автора. Ключевые эпизоды повести, касающиеся мирных переговоров с предводителем монголов и полученных от него брачных предложений, находят прямые и косвенные соответствия с историческими реалиями времен монгольских завоеваний и создания универсальной империи монголов. Требования, касавшиеся жены рязанского князя, и убийство последнего за отказ от их исполнения могли быть целенаправленной провокацией, предпринятой Бату, чтобы создать повод для выгодного Джучидам изменения направления главного удара монголов. Описанная в повести атака рязанцев на ставку Бату, предпринятая в ответ на убийство князя Федора, не противоречит, а скорее, наоборот, согласуется с общей картиной монгольского завоевания Рязанской земли, подтверждаемой совокупностью данных всех известных ныне источников. В ответ на эту атаку предводители монголов должны были отказаться от первоначального плана мирного подчинения Северо-Восточной Руси и существенно скорректировать стратегию Западной кампании в целом.

Ключевые слова: Великий Западный поход монголов, «Повесть о разорении Рязани Батыем», русские летописи, Чингисхан, Угэдэй

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 21-18-00166. Эта статья представляет собой расширенную версию другой моей статьи, готовящейся к публикации на английском языке [Maiorov 2021a]. Благодарю А. А. Горского, Ю. И. Дробышева, Д. А. Коробейникова, Н. Н. Крадина, Стивена Поу, Р. Ю. Почакаева, В. В. Трепавлова и Романа Хауталу за ценные советы и помощь в работе.

Для цитирования: Майоров А. В. Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 124–199. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-124-199>.

Статья поступила в редакцию 23 августа 2020 г.

Принято к печати 9 марта 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 7. No. 3. 2021

Articles

A. V. Maiorov

ORCID: 0000-0001-8212-7467

✉ a.v.maiorov@gmail.com

*St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)*

WOMAN, DIPLOMACY AND WAR: RUS PRINCES IN NEGOTIATIONS WITH BATU ON THE EVE OF THE MONGOL INVASION

Abstract. The scepticism found in recent publications with regard to the *Tale of the Destruction of Ryazan by Batu* is due, on the one hand, to the unsubstantiated opinion about the late origin of the tale, and, on the other hand, to its treatment exclusively as a literary work created by the artistic imagination of the author. Key episodes of the tale, concerning peace negotiations with the leader of the Mongols and the marriage proposals received from him, find direct and indirect correspondence with the historical realities present in the times of the Mongol conquest and the establishment of the global Mongol empire. The demands concerning the wife of the Ryazan prince and the murder of the latter for refusing to comply with them could have been a deliberate provocation undertaken by Batu in order to create a pretext for changing the direction of the main attack of the Mongols to the advantage of the Jochids. The attack of the Ryazan princes on Batu's headquarters in response to the murder of Prince Fedor, described in the tale, does not contradict, but rather, quite the opposite, conforms to the general picture of the Mongol conquest of the Ryazan land, supported by the cumulative evidence from all currently known sources. In response to this attack, the leaders of the Mongols had to abandon their original plan for peaceful subjugation of Northeast Rus' and substantially change the strategy of the Western Campaign as a whole.

Keywords: Great Western campaign of the Mongols, "Tale of the destruction of Ryazan by Batu", Russian chronicles, Chinggis Khan, Ögedei

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (Rossiiskii nauchnyi fond), Project 21-18-00166. This article is an expanded version of another article of mine, which is being prepared for publication in English [Maiorov 2021a]. I am grateful to Anton A. Gorsky, Yuri I. Drobyshev, Dimitri Korobeinikov, Nikolai N. Kradin, Stephen Pow, Roman Yu. Pochekaev, Vadim V. Trepavlov, and Roman Hautala for valuable advice and help in the work.

To cite this article: Maiorov, A. V. (2021). Woman, diplomacy and war: Rus princes in negotiations with Batu on the eve of the Mongol invasion. *Shagi / Steps*, 7(3), 124–199. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-124-199>.

Received August 23, 2020

Accepted March 9, 2021

Введение

Как полагал Томас Оллсен, Северо-Восточная Русь — Рязанская и Владимиро-Суздальская земли — не являлась главной стратегической целью Великого Западного похода монголов (1236–1242 гг.), направленного прежде всего против западных кипчаков (куманов, или половцев). Подчинение Волжской Булгарии и русских княжеств, а также вторжение в Центральную Европу были лишь вспомогательными мерами, способствовавшими достижению этой главной стратегической цели [Allsen 1983a: 22].

Подобные идеи высказывали также Л. Н. Гумилев и другие исследователи: Западный поход монголов лишь на некоторое время должен был отклониться от своего прямого пути по причине упорного сопротивления на Дону половцев, которых завоеватели разбили, обойдя через земли Северо-Восточной Руси и ударив с тыла, после чего вернулись к своему основному маршруту [Гумилев 1989: 506–508] (см. также: [Кривошеев 2015: 140–141]). Высказывались также предположения, что «монголы Бату-хана, планировавшие поход в глубь Европы, в 1237–1240 гг. не рассматривали Русь как свое будущее владение; их заботила лишь добыча да потребность обезопасить свой правый фланг и тыл, поэтому нашествие носило чрезвычайно опустошительный характер» [Хорошкевич, Плигузов 1989: 21].

В самом деле, покрытые густыми лесами и болотами земли Северо-Восточной Руси были непригодны для скотоводства, а их сравнительно бедное население, рассредоточенное на огромных и труднопроходимых для степняков пространствах, не могло обеспечить завоевателям таких доходов, какие они получали с богатых и густонаселенных областей Китая, Ирана и Средней Азии. Это значит, что выгоды от завоевания Руси для монголов (которых на Руси, как и вообще на Западе, называли татарами) были бы не столь очевидными в сравнении с неизбежно возникавшими при этом затратами и потерями.

Однако эта общая оценка, верная с точки зрения глобальных интересов Монгольской империи, не учитывает, что наряду с общемонгольскими задачами судьбу Западного похода в значительной мере определяли более локальные силы, связанные с политическими интересами Джучидов — потомков старшего из сыновей Чингисхана. Для этих последних подчинение Руси не могло быть лишь вспомогательной операцией, обеспечивавшей успех на главном направлении наступления на запад. С самого начала планирования Западного похода Русь была выбрана как одна из главных его целей. Вместе с Волжской Булгарией она непосредственно граничила с территорией улуса Джучи, расширение которого было столь же важной задачей всей кампании, как и завоевание кипчаков [May 2018: 108]. Не случайно главным предводителем похода был назначен Бату (Батый), сын и наследник Джучи. В результате именно Джучиды оказались главными выгодоприобретателями, присвоившими в конечном счете почти все плоды Западной кампании, которая по своим целям и составу участников носила общемонгольский характер.

Сакральный идеал глобальной империи, созданный Чингисханом и питавший претензии на мировое господство его преемников, предполагал постоянное расширение сферы монгольских завоеваний. Альтернативой военному подчинению могло быть только добровольное признание власти великого хана (подробнее см.: [Maiorov (forthcoming)]). В случае Северо-Восточной Руси мирная альтернатива для монголов, как кажется, была более предпочтительной, и первоначально они намеревались следовать ей, сохранив свои силы для войны с куманами и их главным союзником на Западе — Венгерским королевством. Этим объясняются мирные предложения, сделанные Бату в адрес рязанского и владими́ро-суздальского князей.

Однако, несмотря на проявленное в ходе обмена послами взаимное стремление русских князей и монголов избежать военного столкновения и готовность русской стороны обсуждать требования завоевателей, казавшиеся более легкими, чем возможные последствия их отклонения, мирные переговоры с Бату, едва начавшись, закончились полным провалом. В результате главные силы монголов, мобилизованные для войны с куманами и похода в Центральную Европу, были переброшены на север, — Рязанская, а затем Владимиро-Суздальская земли подверглись самому тяжелому в своей истории разрушению, сопровождавшемуся массовой гибелью населения.

Закономерный вопрос, как и почему отношения с монголами стали развиваться по самому тяжелому для Северо-Восточной Руси сценарию, давно интригует историков. Однако он по-прежнему остается нерешенным. Это объясняется главным образом состоянием первоисточников. Русские летописи содержат лишь скудные и часто противоречивые свидетельства, недостаточные для понимания причины, предопределившей срыв мирной альтернативы русско-монгольских отношений.

Некоторые дополнительные сведения о первых контактах русских князей с монголами, дошедшие до нас в памятниках средневековой литературы и фольклора, большинством современных исследователей воспринимаются как позднейший вымысел, далекие от исторической реальности анекдоты, возникшие в результате тотальной переоценки истории русско-монгольских отношений, происходившей уже после освобождения от монгольского вла-

дычества. Конечно, для этой общей оценки существуют весомые основания. Однако, на наш взгляд, в каждом подобном случае требуется индивидуальный и более взвешенный подход, при котором ни один средневековый источник не может быть отброшен без тщательной и всесторонней проверки.

Предлагаемый нами подход состоит в том, чтобы оценивать факты русско-монгольских отношений, известные главным образом по русским источникам, в общемонгольской имперской перспективе. Такая возможность обеспечивается существованием нескольких монгольских или промонгольских исторических нарративов XIII–XIV вв., главными из которых являются «Тайная история монголов» (ок. 1240 или 1252 г.), «История завоевателя мира» Джувейни (ок. 1260 г.), «Сборник летописей» Рашид ад-Дина (ок. 1310 г.) и китайская официальная история династии Юань («Юань-ши», ок. 1370 г.).

Необходимым дополнением и одновременно важной альтернативой для них могут быть отчеты латинских послов и миссионеров, прежде всего членов францисканской миссии во главе с Плано Карпини, посетившей ставки Бату и Гуюка во второй половине 1240-х годов, а также другие свидетельства западных современников, переживших монгольское нашествие. Кроме того, одновременно с завоеванием Руси и походом в Центральную Европу разворачивались активные действия на южном театре монгольского наступления на Запад — в Закавказье, Малой Азии, Северной Сирии и Южном Иране, — где с большим или меньшим успехом были реализованы те же завоевательные стратегии, что и в Европе. Возможность сравнительного изучения в данном случае обеспечивается существованием нескольких армянских, грузинских, персидских и арабских исторических нарративов, важнейшими из которых являются «История Армении» Киракоса Гандзакеци (ок. 1265 г.) и хроника Сельджукского султаната Насиреддина Яхьи ибн Меджедеддина Мехмеда, более известного как Ибн Биби (ок. 1285 г.).

Монгольские ультиматумы

Готовясь к большой войне с половцами и стремясь обезопасить свой северный фланг и тыл, монголы одновременно рассчитывали увеличить свои материальные и людские ресурсы. Это объясняет требования захватчиков, которые русские князья никогда ранее не получали от степняков: подойдя к границам Рязанской земли (конец лета 1237 г.), предводитель монголов через послов потребовал «десятой доли от всего: людей, князей и лошадей» [ПСРЛ (3): 74]. Тем самым рязанцам была предоставлена возможность мирно подчиниться путем мобилизации своего народа и скота в монгольскую армию, а также предоставления заложников из числа князей.

По мнению побывавшего на Руси брата Иоанна (Джованни дель Плано Карпини), папского посланника к монголам, подобный ультиматум был обычной практикой завоевателей, которые в обмен на мир требовали от своих противников, «чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества» [ПК: 55 (VII.2); РС: 285].

Это сообщение почти дословно повторяет Симон де Сен-Квентин, участник еще одного папского посольства к монголам:

...вот что они требуют от тех, кого они покоряют: а именно, чтобы они шли с ними в их армии против всякого человека и чтобы они отдавали татарам десятую часть всего, даже людей или любых других вещей [SQ XXX.83].

Правда, отчет Симона дошел до нас только в изложении Винсента из Бове, который не только отредактировал его, но и дополнил сведениями, взятыми из отчета Плано Карпини. В итоге оба текста нередко очень близки и даже повторяют друг друга.

Однако в нашем распоряжении есть несколько независимых свидетельств из других синхронных источников. Одновременно с вторжением в Восточную Европу монголы, как уже говорилось, начали наступление на Кавказе и в Малой Азии. Примерно за год до того, как рязанский и владими́ро-суздальский князья получили ультиматум Бату, подобные требования были предъявлены правителям Грузии и Румского султаната.

В год Обезьяны, соответствовавший 633 году хиджры (16 сентября 1235 г. — 3 сентября 1236 г.) в Рум прибыло монгольское посольство во главе с эмиром Шамс ад-Дином Умаром Казвини, доставившее послание великого хана Угэдея султану Кей-Кубаду. Текст этого документа воспроизводит персидский историк Румского султаната Ибн Биби. Хан потребовал от султана признания вассальной зависимости в обмен на сохранение своей власти и интеграцию султаната в глобальную империю монголов. Чтобы выразить свою покорность, Кей-Кубад должен был совершить личный визит в Каракорум, новую столицу империи, и принести присягу на верность хану. Благодаря скрупулезности Ибн Биби мы знаем, что послание хана именовалось *ярлыком* (*Jarlig*) и содержало следующий текст:

Мы слышали хорошие слова о том, как ты правишь и обращаешься с подданными, мы весьма одобряем, что грядущие и прошедшие тобой довольны. И мы выражаем тебе нашу благосклонность и желаем, чтобы ты в правлении твоём оставался радостен и благополучен. Поскольку Всевышний Бог создал нас великими и могущественными и даровал нашему племени поверхность Земли, а ты идешь по одобренному пути, то мы сочли за благо объявить тебе нашу волю и пригласить на путь союза и подчинения. Поскольку мы объявили нашу волю, то пусть наша армия не вторгнется в твою землю, как это будет сделано с теми, кто не пойдет на союз с нами и окажет неповиновение, — они будут убиты, а их женщин и детей обратят в рабство, имущество разграбят, а владения уничтожат, и всем им причинят зло. Писано в год Обезьяны [IB: 194–195].

Прочитав это послание, султан провел тайные переговоры с главным монгольским послом, рассчитывая на его откровенность как единоверца. В ходе разговора Кей-Кубад высказал свои подозрения в отношении действительных намерений монголов: «Как только мы станем союзниками, они возжелают нашего королевства». В ответ Шамс ад-Дин стал всячески убеждать султана, что его опасения напрасны и что выгоды от мирного подчинения монголам перевесят потери:

Союз с ними будет означать только то, что каждый год посольство должно приходить к ильхану, и тот, кто будет приносить им малую часть от одежды, гниющей в кладовых, от лошадей, стареющих в грязи на конюшнях, и от золота, что портится под землей, будет считаться равным им внешне и внутренне [Ibid.: 195–196].

В итоге султан принял решение признать верховную власть хана.

В том же 1236 г. монголам подчинился атабек Аваг, один из правителей Грузинского царства. Этому предшествовали его мирные переговоры с завоевателями, в ходе которых выдвигались требования, подобные тем, что были предъявлены румскому султану. Согласно Киракосу Гандзакеци, к Авагу, укрывшемуся в труднодоступной горной местности, монголы «посылали посольства [с предложением] покориться и без страха служить им. Посылали много раз и говорили одно и то же. А тот, желая смягчить их, отдал им дочь свою и много сокровищ, надеясь, что они ослабят осаду. Но они, приняв посланное, с еще большей строгостью требовали его [покорности]» [КГ: 164; КГ: 217].

Когда же после долгих колебаний Аваг, наконец, согласился подчиниться монголам, его доставили к их предводителю, нойону Чормагану. Аваг принес ему присягу, после чего монголы стали относиться к нему как к союзнику. В честь Авага был устроен пир, и Чормаган «велел всем войскам своим не осаждать крепости и города, принадлежащие ему. И страна его вздохнула спокойнее, множество пленных ради него было отпущено на свободу. [Чормаган] возвратил [Авагу] всю его страну и даже, более того, утвердил нерасторжимую дружбу с ним. И, взяв с собой [Авага] и все свое войско, пошел на город Ани» [КГ: 165; КГ: 219–220].

Оба приведенные нами свидетельства показывают, что мирное подчинение монголам, предлагавшееся в качестве альтернативы разрушительному и губительному завоеванию, предполагало исполнение нескольких обязательных условий. Прежде всего подчинившийся правитель должен был совершить визит и принести личную присягу правителю монголов (или его наместнику). Другими обязательными условиями были выплата ежегодной дани и /или участие в дальнейших завоеваниях монголов во главе воинских формирований, мобилизованных из своих соплеменников. В некоторых случаях дополнительным условием мог стать брачный союз, связывающий вновь подчинившегося правителя с одним из правителей монголов.

Как будет показано ниже, подобную стратегию мирного подчинения монголы одновременно пытались реализовать в Северо-Восточной Руси, предъявляя ультиматумы рязанскому и владими́ро-суздальскому князьям. Как и рязанцы, великий князь Юрий Всеволодович вступил в мирные переговоры с монголами и продемонстрировал свою готовность или по меньшей мере заинтересованность в установлении мира, которое было возможным тогда только на условиях, продиктованных Бату. Такой вывод следует из сообщения Лаврентьевской летописи о том, что владими́ро-суздальский князь неоднократно принимал послов от Бату и в ответ на переданные ими мирные предложения отправил свои дары предводителю Западного похода [ПСРЛ (1): 468] (см. также: [Прохоров 1974: 87; Рудаков 2014: 73]).

Кроме того, владими́ро-сузда́льский князь согласился выполнить важное дипломатическое поручение монгольского предводителя — передать венгерскому королю ультиматум с требованием о мирном подчинении. Иначе трудно объяснить, каким образом оригинал этого документа оказался в руках Юрия Всеволодовича и зачем великому князю понадобилось приглашать к себе венгерского доминиканца Юлиана (который не был королевским послом к нему, а скорее случайным миссионером, находившимся на Руси проездом), чтобы передать ему этот оригинал. В своем отчете Юлиан сообщает, что он не только лично встречался с великим князем, но и видел монгольских послов, доставивших ультиматум хана. Этот последний был сильно раздражен, не получив никакого ответа на свои многочисленные послания к венгерскому королю, отправленные прежде, и, видимо, поэтому решил прибегнуть к услугам русского князя. Скрывая свои намерения, Юрий Всеволодович сказал Юлиану, что он будто бы взял в плен монгольских послов и перехватил бывшее при них послание [Dörrie 1956: 178; Хаутала 2015: 388–389]. Не сумев доставить его в Венгрию более коротким путем через половецкие степи, монголы использовали владими́ро-сузда́льского князя, заинтересованного в мире с ними, как своего дипломатического агента. Завоеватели особо ценили дипломатических посредников, которые могли убедить правителей других государств принять мирные условия подчинения и неоднократно обращались к помощи таких посредников в период своей экспансии на Запад (см.: [Jackson 2016: 76–77]).

Поздний анекдот или достоверное свидетельство?

Старшие русские летописи содержат только краткие сведения о судьбе Рязани: на мирные предложения монголов рязанские князья ответили решительным отказом и погибли в неравном бою с захватчиками. Другую, более разработанную в деталях версию передает «Повесть о разорении Рязани Батыем», известная как часть цикла рязанских повестей о Николе Зарайском (составленного из текстов различного происхождения в 1530–1560-е годы) [Поппэ 1985]. Эта версия существенно дополняет общую картину борьбы рязанцев с монголами, но вместе с тем ставит перед исследователем новые трудноразрешимые задачи.

Прежде всего остается открытым вопрос о времени создания повести: его предполагают в широком хронологическом интервале от второй половины XIII до второй половины XVI в. Аргументы Б. М. Клосса [2001: 411–456] в пользу поздней датировки памятника (1560-е годы) подверглись обстоятельной критике, выявившей их слабость, обусловленную недостатками в методике исследования [Лобакова 2005]. Изучение взаимоотношений повести с другими произведениями древнерусской литературы, проведенное Д. С. Лихачевым и его последователями, с не меньшими основаниями позволяет заключить, что этот памятник складывался поэтапно, и его древнейшая основа может быть датирована первой половиной XIV или даже второй половиной XIII в. [Лобакова 1993; 2006 (здесь же обзор предшествующей литературы)].

То же самое следует сказать и о других произведениях Николозарайского цикла. Комплексный анализ всех известных ныне источников позволяет ут-

верждать, что в основе заглавной «Повести о перенесении чудотворного образа Николы Заразского» лежат реальные факты: в частности, устанавливается почитание образа Николы Корсунского (Зарайского) уже в предмонгольские десятилетия и в середине — второй половине XIII в. (см.: [Мазуров 2020]).

Хотя в целом «Повесть о разорении Рязани» была окончательно оформлена, скорее всего, только в XVI в. и поэтому изобилует неточностями и недостоверными сведениями, она создавалась на основе более ранних источников. По мнению А. А. Горского [1992: 136–137], один из них представлял собой поэтическое повествование о монгольском нашествии, с которым мог быть знаком автор «Задонщины» — еще одной воинской повести Древней Руси, посвященной борьбе с монголами, — и с этим не дошедшим до нас памятником рязанской литературы может быть связано «поминовение» автором «Задонщины» Софония Рязанца.

Разумеется, «Повесть о разорении Рязани Батыем» не является документальным описанием борьбы рязанцев с монголами. Перед нами литературное произведение, созданное по своим жанровым законам. Вместе с тем давно установлено, что рассказ о нашествии монголов на Рязань, читающийся в Новгородской первой летописи (Синодальный список), содержит целый ряд текстуальных совпадений с «Повестью о разорении Рязани Батыем». Нельзя исключать, что оба эти повествования восходят к общему источнику, который в Новгородской первой летописи был значительно сокращен, а в «Повести о разорении Рязани» расширен вставками [Лихачев 1963: 51].

Жанровой основой «Повести о разорении Рязани» является летописная повесть. Этим обстоятельством, на наш взгляд, объясняется особый интерес к ней со стороны историков, которые со времен Н. М. Карамзина в целом воспринимают это литературное произведение как исторический источник, сопоставимый по своему значению с летописями, хотя и требующий осторожности и критической проверки (из новейших работ см.: [Fennell 1983: 78–79, 88; Halperin 2009: 37–42; Кривошеев 2015: 125–127, 136–140; Хрусталеv 2015: 137–141, 143–145]). Особой бдительности, разумеется, требуют те эпизоды повести, которые не имеют прямого подтверждения в русских летописях и как бы дополняют ее древнейшую основу, отразившуюся в Новгородской первой летописи. Некоторые из них мы рассмотрим ниже.

Прежде всего наше внимание привлекают сохранившиеся в повести оригинальные сведения, которые позволяют объяснить, почему монголы изменили свои первоначальные планы военных действий на Западе и, отложив на несколько лет войну с половцами и венграми, обрушили свой главный удар на Рязанскую и Владимиро-Суздальскую земли. В тщательно отредактированных русских летописях не найти объяснения этому неожиданному повороту. Недоумение еще более усиливается, если учитывать, что рязанские князья и их сюзерен, великий князь Юрий Всеволодович, вступили в мирные переговоры с монголами и готовы были обсуждать предложенные Бату условия мирного подчинения.

Вне зависимости от того, в какое время и с какой целью была создана повесть, содержащиеся в ней уникальные сведения о мирных переговорах рязанцев с монголами и их провале сегодня предоставляют единственную возможность найти ответ на главный вопрос нашего исследования: почему русским

князьям и предводителю монголов не удалось договориться о мире, несмотря на взаимную заинтересованность и даже некоторую готовность русской стороны к поиску компромисса, чтобы избежать тем самым более тяжелых последствий от прямого столкновения с превосходящими силами захватчиков.

Рязанская повесть и новгородская летопись

В «Повести о разорении Рязани» говорится, что в 7645 (1237) г. «пришел безбожный царь Батый на Русскую землю», стал лагерем на реке Воронеж и прислал к рязанскому князю Юрию Ингваревичу (Игоревичу) послов, «прося десятины во всем: в князьях, и во всяких людях, и во всем». Обратившись за помощью к великому князю Юрию Всеволодовичу Владимиро-Суздальскому и не получив ответа, рязанский князь, собрав своих братьев, на общем совете с ними решил начать мирные переговоры с монголами. Для переговоров в ставку Бату прибыл молодой князь Федор, сын Юрия Ингваревича, «с дарами и великими мольбами не воевать Рязанской земли». По началу переговоры с монголами шли успешно: Бату благосклонно принял дары и «обещал не ходить войной на Рязанскую землю».

Однако затем Бату предъявил новые требования: «И начал просить у рязанских князей дочери или сестры себе на ложе». В этот момент кто-то из «рязанских вельмож из зависти нашептал» Бату, что князь Федор Юрьевич «имеет княгиню царского рода, прекрасную собой». И тогда Бату, обуреваемый плотской страстью, потребовал: «Дай мне, князь, познать красоту твоей жены!» В ответ благоверный князь Федор засмеялся и сказал: «Не годится нам, христианам, приводить тебе, нечестивому царю, своих женщин на блуд, — когда нас одолеешь, тогда и будешь властен над нашими женщинами». Услышав это, Бату «разъярился и оскорбился и сразу же приказал убить» Федора. Когда Юрий Ингваревич узнал об убийстве сына, то вместе со своими братьями «начал собирать войско и расставлять полки» и затем первым атаковал татар «близ границ рязанских». Силы были неравными, и почти все рязанские князья и их воины погибли в «сече жестокой и ужасной». После этого татары начали разорять Рязанскую землю и «взяли город Рязань в декабре месяце в 21 день» [Повесть: 140–145].

Если сравнить этот рассказ с кратким сообщением Новгородской первой летописи, можно заметить, что между ними не только нет противоречий, но и оба повествования совпадают в основных пунктах. Согласно летописи, первым делом монголы захватили небольшой пограничный городок Нузлу (Нужа, Онуза), откуда и направили своих послов в Рязань. По поводу локализации Нузлы высказываются различные предположения [Хрусталева 2015: 334, примеч. 466; Андреев 2008, гл. 2]. На наш взгляд, она должна была располагаться где-то по течению реки Воронеж, вероятнее всего, в месте слияния Лесного и Польного Воронежа, в районе нынешнего села Новоникольское Мичуринского района Тамбовской области, где раскопано несколько поселений древнерусского времени (см.: [Андреев 2005]). У этого места заканчивалась древняя Ногайская дорога, которой пользовались средневековые кочевники для набегов на Русь, и здесь проходил первый рубеж русской обороны [Попов 2019: 95].

Получив мирные предложения, рязанские князья вышли навстречу монголам и вместе со своими союзниками стали лагерем на другом берегу той же пограничной реки, вероятно, напротив Нузлы:

Князья же рязанские Юрий, брат Ингваря, Олег, Роман Ингваревич, и муромские, и пронские [князья], не пуская [татар] к городам [своим], выехали против них на [реку] Воронеж [ПСРЛ (3): 74].

Едва ли русские князья собирались тогда воевать с монголами — военные действия в Рязанской земле начнутся позже, и о них в летописи сказано отдельно. Поэтому в приведенном сообщении скорее всего имелось в виду намерение рязанских, муромских и пронских князей провести переговоры с предводителем монголов. Прибывшие со своими боярами и дружинами русские князья одновременно должны были продемонстрировать свою военную силу и боеготовность. О самих переговорах летописец ничего не сообщает, ограничившись только финальным заявлением русских, почти полностью совпадающим со словами князя Федора в «Повести о разорении Рязани»: «Когда нас всех не будет, то все это ваше будет» [Там же].

На переговоры рязанские князья прибыли в сопровождении монгольских послов, ранее отправленных к ним Бату, и затем, вероятно по просьбе последнего, перенаправили этих послов к владими́ро-суздальскому князю Юрию Всеволодовичу. Летопись упоминает также рязанское посольство к Юрию Всеволодовичу с просьбой о помощи против татар: «Послали же рязанские князья к Юрию Владимирскому, прося [прислать] помощь, или самому прийти». Наконец, в финале повествования рязанцы отослали к Бату его представителей, находившихся в русском лагере, что должно было обозначать окончание мирных переговоров: «...и оттуда пустили татар к Нузле (в летописи — Нухле. — А. М.) в Воронеж» [Там же].

Изобилующее многочисленными деталями сообщение Новгородской первой летописи должно было возникнуть на основе какого-то рязанского источника, возможно, не дошедшей до нас рязанской летописи, рассказ которой, в свою очередь, мог быть составлен со слов непосредственного очевидца или даже участника описываемых событий. Об этом свидетельствуют слова, завершающие рассказ о переговорах с монголами, приведенные от первого лица: «Господь отнял у нас силу и вложил в нас недоумение, и грозу, и страх, и трепет за грехи наши» [Там же: 75].

Вместе с тем остается неясным, по какой причине переговоры рязанских князей с Бату были прерваны, что помешало сторонам договориться о мире и почему, сделав мирные предложения рязанцам, монголы в итоге обрушились на них всей своей военной мощью. Свойственная русским летописцам XIII — начала XIV в. концепция Божьего гнева, трактующая монгольское нашествие как наказание за грехи, приводила к тому, что некоторые факты сопротивления захватчикам оставались без должного внимания, понимаемые как тщетные попытки воспротивиться Божьей воле. Однако по мере политического усиления Руси и освобождения от власти монголов интерес к таким фактам усиливался, и как следствие этого в более поздних источниках стали появляться различные сведения о сопротивлении захватчикам, происходившем уже во времена Батыева нашествия. В Никоновской летописи, например, рязанские

князья вышли к Воронежу, чтобы вступить в бой с монголами, но силы оказались неравными:

...была злая сеча, и одолели безбожные Измаильтяне, и бежали князья в свои города. Татары же, сильно рассвирепев, с великой яростью стали завоевывать Рязанскую землю... [ПСРЛ (10): 106].

Благодаря дополнительным сведениям «Повести о разорении Рязани», конкретизирующим краткое сообщение Новгородской первой летописи, мы получаем более полное представление о мирных переговорах с Бату и знаем о еще одном их участнике с русской стороны — молодом рязанском князе Федоре Юрьевиче, лично встречавшемся с Бату в его походном лагере в Нузле и выполнявшем роль посредника между ним и своими старшими родственниками, находившимися где-то неподалеку.

Насколько достоверны сообщения рязанской повести? В какой мере они могут соответствовать историческим реалиям середины XIII в.? Несколько попыток найти ответы на эти и подобные вопросы пока не дали убедительных результатов. В новейшей литературе в целом преобладает скептическое отношение к оригинальным известиям «Повести о разорении Рязани».

Преодолеть эту тенденцию недавно попытался Ю. В. Кривошеев. По мнению историка, требование женщин покоренной страны было обычной практикой монголов. Не получив от русских добрых коней, Бату «в полном соответствии со степными законами решил восполнить этот недостаток “прекрасными девами” рязанцев». Монголы могли отнимать и замужних женщин у тех, кого считали своими врагами. Вместе с тем исследователь замечает: в требовании, касавшемся рязанских княжон, «проглядывается стремление к породнению, что высоко ценилось у монголов, как знак дружественных, мирных отношений» [Кривошеев 2015: 137–138] (см. также: [Хрусталев 2015: 139–140]).

Заметим, однако, что подобные построения не лишены внутренних противоречий. Согласно повести, монголы потребовали у рязанских князей их женщин еще до того, как начались военные действия и произошли первые боевые столкновения. Следовательно, рязанские князья и Рязанская земля еще не были побеждены и завоеваны монголами, и, значит, последние еще не могли обращаться с рязанцами как с покоренными. В своем ответе князь Федор прямо указывает на это Бату: «...когда нас одолеешь, тогда и будешь властен над нашими женщинами». Если же видеть в требованиях Бату не только грубое унижение рязанских князей, но еще и «стремление к породнению» с ними, то последнее явно противоречит первому и даже исключает его. Выходит, что Бату, относясь к рязанцам как к завоеванному народу, обязанному поставлять ему своих женщин, одновременно подавал знаки дружбы рязанским князьям и даже имел намерение породниться с ними. Эти странные несоответствия остаются без разъяснения.

Таким образом, действительные намерения Бату в отношении рязанцев и сущность мирных переговоров с ними все еще остаются неразгаданными историками. Тем не менее выработанные в последнее время подходы к решению этой трудной проблемы создают важные предпосылки к тому, чтобы увидеть в русско-монгольских отношениях не только столкновение военно-

политических интересов, но и их более глубокие ментально-психологические основания, при том, что последние существенно влияли, а иногда даже предопределяли первые.

Династические браки в политической системе Монгольской империи

Описывая переговоры с монголами, средневековый русский автор, несомненно, исходил из своего понимания происходящего и поэтому вольно или невольно мог приписать монголам и их правителю побуждения и поступки, не соответствовавшие их действительным намерениям и поведению. В распоряжении исследователя нет альтернативного описания переговоров Бату с рязанским князем, с помощью которого можно было бы подтвердить, скорректировать или опровергнуть версию, изложенную в «Повести о разорении Рязани». Вместе с тем к настоящему времени накоплен значительный объем фактических данных, позволяющих установить типологическое соответствие рассказа рязанского книжника политической практике монголов периода великих завоеваний и создания универсальной империи — практике, включавшей не только грубую военную силу, но и различные технологии мирного подчинения, среди которых особую роль играли матримониальные связи и отношения.

Адресованные рязанцам требования, касавшиеся их женщин, складываются как бы из двух частей. Во-первых, Бату пожелал взять «себе на ложе» дочерей и сестер рязанских князей. С точки зрения монголов это означало, что их предводитель заявлял о намерении взять в свой гарем нескольких рязанских княжон в качестве новых жен или наложниц, часть из них, возможно, предназначалась для других монгольских принцев, участников Западного похода. Во-вторых, Бату потребовал себе замужнюю женщину, состоявшую в браке с молодым рязанским князем Федором, прибывшим к нему для переговоров.

Эти требования различаются между собой как по существу, так и по тону: если в первом случае Бату «просит» рязанских княжон у их отцов и братьев, что как бы соответствует этикету сватовства и напоминает брачное предложение (пусть даже и не отвечающее канонам христианского брака), то во втором случае его требование звучит безапелляционно и выглядит как грубое нарушение законности и приличия. Не удивительна и разница в реакции рязанцев: если против первого требования не последовало заметных возражений, то второе вызвало решительный протест и было отвергнуто как «блуд», т. е. грубое попрание христианского закона.

Рассмотрим требования Бату подробнее, в той последовательности, как они представлены в повести. Первое из них было адресовано, очевидно, не столько Федору Юрьевичу, сколько его отцу, старшему рязанскому князю Юрию Игоревичу, и его братьям, имевшим дочерей на выданье или незамужних сестер. Такая ситуация типологически близка или даже полностью соответствует практике мирного подчинения посредством брачных союзов, установленной самим Чингисханом, которой затем следовали его потомки.

Чингисхан широко использовал связи и обязательства, заложенные в отношениях между родственниками по браку, для подчинения других племен и народов, таких как онгуты, ойраты, уйгуры и карлуки, без необходимости их завоевания; подобные подчинения происходили путем браков дочерей и внуков Чингисхана с правителями указанных народов. Многие из собственных жен Чингисхана были дочерьми «завоеванных» народов, в том числе Хулан, Ибака, Есуй и Есугэн, а также цзиньская и тангутская принцессы, а среди «завоеванных» женщин, которые вышли замуж за его сыновей и внуков, были Дорегене, Огул-Гаймыш и Сорхатхани [Broadbridge 2018: 37, 40] (см. также: [Zhao 2008: 35–40]).

Одна из современных теорий состоит в том, что великие кочевые империи, предшествовавшие монголам, были конфедерациями различных народов во главе с правителями, которые поддерживали свою власть главным образом посредством брачных связей. Хотя Чингисхану приписывают разрушение системы конфедерации, в действительности он сам заключал браки в стиле конфедерации. Неудивительно, что самые важные из этих союзов были резервированы для детей его старшей жены. Пять дочерей Бортэ, все имена которых известны потомкам, заключили выгодные или даже блестящие браки с точки зрения богатства и статуса, а их мужья стали верными вассалами Чингисхана (см.: [Holmgren 1986: 164–167; Miyawaki-Okada 2007: 143]).

У правителей оседлых народов монголы брали их дочерей и других близких родственников, становившихся женами или наложницами ханов и принцев, что укрепляло легитимность власти последних над вновь подчиненными народами. В конце своей первой крупной кампании против тангутского государства Си Ся (1209–1210) Чингисхан женился на принцессе Чахэ, дочери императора тангутов Сянцзуна, после того как правитель тангутов согласился стать вассалом Чингисхана, выплачивать ему значительную дань и обеспечивать военные поставки для будущих кампаний монгольской армии [Dunnell 2010: 64]. Еще одним приобретением такого же рода для Чингисхана в 1214 или 1215 г. стала дочь цзиньского императора Ваньяня Юнцзи, свергнутого и убитого в результате дворцового переворота [Martin 1950: 161–162, 170–171]. Принц Джучи, старший сын Чингисхана и отец Бату, женился на одной из дочерей свергнутого монголами хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда II, две других его дочери стали наложницами Чагатая, а остальные — женами второстепенных Чингизидов [Juvaini: 468] (см.: [Broadbridge 2018: 100, note 120]).

С другой стороны, дочери и внуки Чингисхана также внесли существенный вклад в создание Монгольской империи и в формирование ее вооруженных сил, выходя замуж за крупных представителей правящих династий, которые затем служили непосредственно Чингисхану в качестве командиров особых тысячных подразделений или вспомогательных армейских частей, а также становились губернаторами соответствующих территориальных единиц империи. Эти стратегические браки были важнейшим элементом реформ Чингисхана, в результате которых сформировался новый слой имперской элиты — *гурганы* ‘зятя’, составлявший как бы ее второй ярус после членов «золотого рода». С помощью своих женщин Чингизиды фактически создали небольшую конфедерацию (или очень большую расширенную семью) внутри

империи — конфедерацию Чингизидов, — тогда как остальная часть кочевого общества была раздроблена военными реформами армии. В отличие от этнического распыления, которое происходило в обычных армейских частях, солдатам имперских зытьев было позволено оставаться единым народом. Чингизиды предпочитали заключать многочисленные браки-«созвездия» с определенными правящими династиями. Это соответствовало степным традициям обмена браками, когда предпочтение отдавалось множественным связям между двумя семьями. После родственного слияния с важнейшими правящими семействами и «покорения» их народов без кровопролития Чингисхан с помощью своих зытьев смог затем завоевать менее податливые народы более кровопролитным путем [Broadbridge 2018: 107–109].

Таким образом, династические браки и породнение с Чингизидами правителей других народов, хотя и не отменяли факта подчинения последних, позволяли им избежать губительного столкновения с армией монголов. Становясь «семейными конфедератами» Чингизидов и отказываясь от своего внешнеполитического суверенитета, иностранные правители взамен получали возможность интеграции в правящую элиту Монгольской империи и сохраняли некоторую часть внутреннего суверенитета, оставаясь правителями своих народов в качестве вассалов хана. Одновременно становясь командирами соответствующих армейских подразделений, сформированных из своих соплеменников, они принимали участие в дальнейших завоеваниях монголов, получая свою долю военной добычи.

Стратегия семейной конфедерации на Западе

Подобную стратегию, неоднократно и с успехом применявшуюся в отношении различных народов и государств Центральной и Внутренней Азии, монголы, по всей видимости, намеревались использовать и в Европе, в том числе для подчинения русских княжеств. Альянсы с правителями граничащей со степью Рязанской земли, скрепленный узами сразу нескольких браков с рязанскими князьями (которые, насколько можно судить, предлагал им Бату), по замыслу монгольских стратегов должны были обеспечить их надежными союзниками как для последующего подчинения других русских земель, так и для участия в походе в Центральную Европу. Прозрачный намек на такую перспективу содержится в «Повести о разорении Рязани», согласно которой Бату, обещая не ходить войной на Рязанскую землю, «грозился-хвалился воевать землю Русскую», т. е. воевать против других русских земель [Повесть: 140–141].

Став зятьями Бату, рязанские князья получили бы возможность привилегированной интеграции в глобальную имперскую систему монголов не только в качестве командиров армейских частей, сформированных на основе этнической общности (т. е. в данном случае из жителей Рязанской земли), но и в качестве губернаторов соответствующих территориальных единиц.

По всей видимости, стратегия семейной конфедерации была использована монголами также в отношении других народов, населявших Восточную и Центральную Европу. Во время (или, возможно, накануне) Великого Западного похода Бату заключил союз с неким князем Карбоном (Carbon, Kartan),

скрепленный браком: тот женился на сестре Бату. Об этом зяте Бату как о местном правителе, кочевавшем вдоль течения Дона, дважды сообщает Плано Карпини (IX.13, IX.49), проезжавший через земли куманов в 1246–1247 гг. [РС: 309, 330–331; ПК: 70, 81–82]. И хотя личность Карбона не поддается идентификации [Pelliot 1973: 56], ясно, что речь идет о губернаторе одной из новых территориальных единиц Улуса Джучи, возникшей в результате завоевания степей Северного Причерноморья и Приазовья, ранее подконтрольных куманам [Трепавлов 2016b: 154; Черкас 2016: 160, 164].

Маловероятно, что Карбон мог быть Чингизидом. Скорее всего, перед нами случай брачного альянса старшего Джучида с предводителем одного из племен, признавших власть монголов. Учитывая разницу в написании у Карпини и Ц. де Бридиа (*Catran*, *Carton*, *Carbon*, *Tirbon*), В. В. Трепавлов предположил, что это не личное имя, а искаженный в латинской передаче титул, обозначающий зятя монгольского правителя — монг. *кюрген*, тюрк. *гур(а)ган*¹. Таковым зятем Бату, на наш взгляд, мог быть один из местных кипчакских/куманских вождей, с помощью которого монголы нанесли поражение другим куманам и вытеснили их из Северного Причерноморья. В источниках неоднократно отмечены случаи перехода некоторых кипчакских племен на сторону монголов с последующей мобилизацией в монгольскую армию. По предложению Субедэя, одобренному Чингисханом, вскоре после победы над объединенным русско-половецким войском в битве на Калке в монгольской армии были созданы новые подразделения («тысячи»), состоявшие в том числе из кипчаков [Pow, Liao 2018: 58 (§ 121); Храпачевский 2009: 228]. Во время Великого Западного похода в армии Бату было сформировано еще одно кипчакское подразделение, состоявшее из *ольбери* (племя, обитавшее между реками Волгой и Уралом) (см.: [Allsen 1983a: 21]). У Чингизидов к тому же не было запрета на браки с кипчаками, о чем, в частности, свидетельствуют зафиксированные в источниках случаи браков Джучидов и Чагатаидов с различными представителями кипчакских династий (см.: [Broadbridge 2018: 253, 254]).

Другой случай такого же рода имел место во время нового наступления на Запад, предпринятого золотоордынским правителем Берке в 1259–1260 гг. Масштабная европейская кампания монголов, затронувшая Западную Русь, Польшу, Литву, Пруссию и, возможно, Трансильванию, скорее всего, представляла собой попытку Берке завершить завоевание Европы, прерванное в 1242 г. смертью Угэдэя. О масштабах предприятия свидетельствуют, в частности, письма-ультиматумы, отправленные Берке французскому и венгерскому королям [Jackson 2005a: 123–124] (см. также: [Sarnowsky 1994: 256–257; Sălăgean 2016: 70–71; Uzelac 2020]).

Из письма папы Александра IV, отправленного венгерскому королю в ответ на его просьбу о помощи, известно о мирных предложениях, сделанных Беле IV золотоордынским правителем. По сути дела, венгерскому королю был предложен военный союз на монгольских условиях, главным из которых было заключение брака между детьми золотоордынского и венгерского правителей и участие венгерского воинского контингента, равного четверти от

¹ Это мнение В. В. Трепавлов высказал в письме ко мне от 4 июля 2020 г.

всех вооруженных сил королевства, под командованием будущего зятя Берке в монгольской армии, наступающей на Запад. Тем самым королю Беле были предложены стандартные условия мирной интеграции в глобальную империю монголов, гарантировавшие не только сохранение его власти над Венгрией, но и получение пятой части всех будущих трофеев, захваченных в Европе. В противном случае Берке грозил Беле IV новой войной и полным уничтожением Венгерского королевства [VMH (1): 239–240, doc. no. 454].

На этот раз Бела не стал игнорировать монгольский ультиматум и отправил на переговоры с Берке своего посла, а сам тем временем обратился за помощью к папе, попросив у него тысячу лучников или, возможно, арбалетчиков (*de mille Balistariorum*). Эта характерная деталь отражает распространившееся на Западе в середине XIII в. преувеличенное представление, что татары более всего боятся луков и арбалетов и с помощью такого оружия их можно победить [Székely 1988: 63]. Папа отвечал королю, что не может отправить лучников ему на помощь, и вместе с тем предостерегал от любых договоренностей с татарами. Трудно сказать, чем бы закончилось новое военное столкновение венгров с монголами, если бы не произошедшая вскоре смерть великого хана Менгу и последовавший за ней глубокий внутренний кризис империи, заставивший Берке прекратить военные действия на Западе [Jackson 2005a: 124]. Тем не менее еще несколько лет венгерский король чувствовал угрозу нового монгольского вторжения и продолжал обращаться за помощью к папе (см.: [Хаутала 2016: 296–298]).

По-видимому, осенью 1237 г. рязанские князья оказались перед такой же дилеммой, как и Бела IV через два десятилетия, — подчиниться монголам или искать помощи для борьбы с ними.

В современной научной литературе распространено ошибочное, на наш взгляд, мнение, что осенью 1237 г. Бату потребовал от рязанских князей выплаты дани или какой-то контрибуции в обмен на отказ от войны с ними [Allsen 1987: 145] (см. также: [Кривошеев 2015: 133]). Размер этой дани-контрибуции оценивается как исключительно высокий: она в десять раз превышала дань, взимаемую, например, с населения Северного Китая [Хрусталева 2015: 135–136; Özcan 2017: 70]. Некоторые исследователи и вовсе сомневаются в реальности требований, предъявленных рязанцам. По мнению Чарльза Гальперина, требование десятой части от людей и от всего имущества предполагало проведение переписи населения Рязанской земли, которую монголы не могли провести во время военной кампании. Следовательно, весь этот эпизод является позднейшей выдумкой летописца, возникшей после того, как монголы действительно провели перепись населения Северо-Восточной Руси и установили регулярное взимание дани [Halperin 2009: 34–35].

Заметим еще раз, что свои требования к рязанским князьям Бату предъявлял, когда Рязань еще не была завоевана, а ее князья даже не начали мирных переговоров с монголами. В этих условиях было бы преждевременно говорить о капитуляции и выплате контрибуции, ведь монголы не одержали еще ни одной победы над русскими.

Сравнивая требования Бату к рязанским князьям (как они переданы в Новгородской первой летописи) с требованиями, которые через два десятилетия Берке предъявлял венгерскому королю, мы можем заключить, что осенью

1237 г. на переговорах с рязанцами обсуждались не дань или ее огромный размер, а готовность рязанских князей к мирному подчинению Бату в формате семейной конфедерации. В обстановке военного похода одним из главных требований монголов должно было стать участие русского контингента — конного корпуса, сформированного из жителей Рязанской земли, — в монгольской армии, наступавшей на Запад. При этом условия союза, предложенного монголами, для русских были менее обременительными, чем для венгров. Если от короля Белы Берке потребовал мобилизации четверти его воинских сил, или, как следует из ответного письма папы, четвертой части народа (*quarta populi tui parte*), то от русских князей Бату требовал для своей армии только десятую часть их людей и лошадей.

Стратегия семейной конфедерации в подчинении Кавказа и Малой Азии

Одновременно с началом Великого Западного похода активизировались наступательные действия на южном театре монгольской экспансии на Запад. В течение 1236 г. монголы под командованием нойона Чормагана, назначенного великим ханом Угэдеем в качестве своего наместника в Северо-Западном Иране и на Кавказе, захватили грузинские владения Закаридов, а также районы Гегаркуник (Севан), Арцах, Сивник, Хачен и Утик; города Ани, Карс и Кайан; Ширван с городом Шамаха; Арран с городами Гандзак (Гянджа) и Шамкор; Муган и Азербайджан. В целом эти завоевания осуществлялись не столько силой оружия, сколько путем переговоров и мирного подчинения [Dashdondog 2012: 65].

Первым кавказским правителем, прекратившим сопротивление и подчинившимся монголам еще в 1236 г., был атабек Аваг (1213–1250), сын атабека Грузии Иванэ из рода Закарян-Мхаргрдзели. Став вассалом хана, Аваг со своими войсками должен был принимать участие в дальнейших завоеваниях монголов на Кавказе и в Малой Азии, а также совершить личный визит в Каракорум и принести присягу великому хану [KG: 216–220, 224–226; КГ: 163–165, 167–168] (см.: [Dashdondog 2011: 71–74]).

Подчинение Авага вызвало эффект домино среди других правителей Кавказа, признавших власть монголов [Dashdondog 2012: 70–71]. Еще через некоторое время, особенно после победы монголов в битве при Кёсе-даге (26 июня 1243 г.) и подчинения Румского султаната, все главные христианские правители Кавказа и Анатолии, включая грузинских царей, правителей Киликийской Армении и князей древней Кавказской Албании, или Хаченского княжества, признали сюзеренитет монголов.

Еще в 1242 г. грузинская царица Русудан (1223–1245) по требованию Бату направила к нему своего сына Давида, признавшего сюзеренитет монголов. Когда Бату потребовал от грузинской царицы лично прибыть к нему для принесения вассальной присяги, Русудан предпочла покончить жизнь самоубийством. После этого грузинские принцы Давид Нарин и Давид Лаша, соответственно сын и племянник Русудан, вместе посетили Каракорум и присягнули великому хану Гуюку, который решил, что они будут править поочередно; это фактически означало раздел Грузинского царства на две части [KG: 262–264; КГ: 194–196] (см.: [Conrad 2012: 88–90]).

Царь Киликийской Армении Хетум I (1226–1270), благоразумно не оказавший поддержки румскому султану Кей-Хосрову II (1237–1245) в войне против монголов, сразу после поражения последнего признал монгольский сюзеренитет, обязавшись снабжать продовольствием и предоставлять армянские войска для новых завоевательных походов монгольской армии. Затем Хетум отправил своего старшего брата Смбата Спарапета в Каракорум для принесения присяги хану Гуюку, а еще через несколько лет лично присягнул новому великому хану Менгу [KG: 265–266; КГ: 196].

После поражения при Кёсе-даге султан Кей-Хосров II признал сюзеренитет монголов, отправив своих послов к Бату (конец 1243 или начало 1244 г.) [IB: 236–237] (см.: [Cahen 2001: 174]). Его преемник Кей-Кавус II для подтверждения своего статуса отправил к великому хану Гуюку своего брата Рукн ад-Дина. Однако, чтобы подорвать влияние Бату в Малой Азии, Гуюк назначил Рукн ад-Дина новым султаном Рума в обход его старшего брата (см.: [Korobeinikov 2014: 180–182]).

Летом 1244 г. монгольский корпус под командованием нойона Ясаура вторгся в Северную Сирию. Айюбидские правители Алеппо, Хомса и Дамаска признали власть монголов и обязались платить дань. Монголы также захватили Харран и аль-Руху (Эдессу), мирно подчинили Мардин и др. Вскоре правители Алеппо и Мосула отправили своих родственников к Гуюку (см.: [Jackson 2017: 84]).

Помимо личной присяги и обязательств военной службы условием мирной инкорпорации в универсальную империю монголов для правителей Кавказа и Анатолии было заключение браков с родственниками монгольских правителей различных рангов. Источники фиксируют немало случаев, подтверждающих это правило, ставшее почти обязательным в отношениях с христианскими правителями региона.

Браки носили двусторонний характер. Монгольских жен, подаренных великими ханами, имели атабек Аваг и Смбат Спарапет; грузинский царь Давид VII (1247–1270) женился на родственнице Чормагана. Впоследствии браки с монголками заключали цари Восточной Грузии Деметре II (1270–1289) и его сыновья: Вахтанг III (1302–1308) женился на сестре ильхана Аргуна (1284–1291), которая впоследствии вышла за его преемника Давида VIII (1293–1302, 1308–1311). С другой стороны, кавказские цари и князья нередко выдавали своих дочерей и сестер за монгольских правителей: дочь хаченского князя Гасана-Джалала Дола (ум. 1261) была замужем за сыном Чормагана; дочь атабека Авага стала женой Шамс ад-Дина Мухаммеда Джувейни, великого визиря ильхана Хулагу и брата знаменитого персидского историка; сестра и дочь царя Деметре II были выданы соответственно за сына ильхана Аргуна и сына эмира Буги (см.: [Bedrosian 1979: 189–190; Dashdondog 2011: 74, 76–77, 81–82, 94]).

Некоторые исследователи полагают, что брачные предложения были сделаны монголами в адрес грузинской царицы Русудан. Получить их она могла от нойона Байджу (сменившего Чормагана в 1241 г.) и даже от самого Бату, настойчиво требовавшего ее личного визита в свою ставку [Baum 2012: 41].

Едва ли можно сомневаться, что возможность породниться с представителем правящего в Монгольской империи рода Чингизидов многими прави-

телями, попавшими в зависимость от монголов, могла восприниматься как политическая удача, способствовавшая стабилизации отношений с завоевателями. К подобным брачным союзам так или иначе стремились не только христианские правители Кавказа и Малой Азии, но и некоторые русские князья, в частности, московские, приобретая таким путем важное конкурентное преимущество в соперничестве с другими князьями (см., например: [Горский 1995]). Впрочем, на Руси подобная практика не была массовой: за всю историю отношений с Монгольской империей и Золотой Ордой в русских источниках можно найти лишь пять или шесть случаев (все они относятся к периоду между 1257 и 1317 гг.), когда русские князья брали в жены родственниц монгольских правителей или знатных монголов (см.: [Экземплярский 1889–1891 (1): 69; (2): 34, 78, 83, 155–157, 396–397; Baumgarten 1934: 13 (tabl. II, no. 1), 36 (tabl. VII, no. 2), 60 (tabl. XI, no. 6, 12), 69 (tabl. XII, no. 3), 94 (tabl. XVII, no. 5), 150])². Вместе с тем, насколько нам известно, в источниках не зафиксировано ни одного случая, когда сестры или дочери русских князей были бы выданы замуж в Орду. По-видимому, это было связано с ограничениями или прямыми запретами, существовавшими на религиозно-ментальном уровне.

Примечательно, что подобных запретов не заметно в матримониальной практике других восточнохристианских правителей — не только Кавказа и Малой Азии, но и византийских императоров, неоднократно выдававших своих дочерей, правда, только незаконнорожденных или приемных, за монгольских правителей различных рангов (подробнее об этом мы скажем ниже). Полный отказ русских князей от браков своих дочерей и других родственниц с монголами, по-видимому, являлся продолжением более ранней практики, сформировавшейся в отношениях с другими степняками, и прежде всего с половцами, допускавшей только односторонние браки. Несмотря на очевидную заинтересованность в браках с половцами самых могущественных князей Руси, неоднократно бравших в жены дочерей половецких ханов или женившихся на них своих сыновей, не было случаев (при единственном исключении), когда русская княжна была бы выдана за половецкого правителя или его сына (см.: [Литвина, Успенский 2020: 219–220]).

Казалось бы, предложение о брачном союзе, полученное от самого Бату, было выгодно рязанским князьям, и если они действительно искали мира с монголами, то лучших условий для этого трудно было найти. С точки зрения монголов, намерение их правителей взять себе в жены русских княжон могло предполагать более привилегированные условия интеграции, чем брачное предложение, направленное в обратную сторону. Став женами Бату (или других принцев, участников Западного похода), рязанские княжны и рожденные от них дети становились членами рода Чингизидов, тогда как выданные за правителей других народов и государств монгольские принцессы и их будущие дети, наоборот, теряли этот высокий статус. В своих брачных отношениях Чингизиды придерживались определенных правил и, например, никогда не брали себе в жены представительниц некоторых племен и народов, даже если монгольские принцессы регулярно выходили замуж за правителей этих

² Данные о женитьбе ярославского князя Федора Ростиславича Черного на дочери правителя Золотой Орды некоторые исследователи считают недостоверными, см.: [Lenhoff 1997: 117–120].

народов. По мнению некоторых исследователей, таким образом потомки Чингисхана соблюдали чистоту своей крови [Zhao 2008: 24–25].

Если в «Повести о разорении Рязани» действительно отразился факт брачного предложения, сделанного самим Бату, то это предложение в глазах монголов могло восприниматься как более выгодное, в сравнении с другими брачными предложениями Чингизидов. Прося в жены дочерей или сестер рязанских князей, Бату как бы давал понять, что верит в их мирные намерения и со своей стороны предлагает почетные условия мирной инкорпорации в универсальную империю монголов.

Однако, в отличие от христианских правителей Кавказа и Византии, для русских в отношениях с монголами, как и с другими степняками-иноверцами, могли быть приемлемы только брачные союзы, направленные в противоположную сторону. Совершаемые по христианскому закону, такие браки предполагали бы обязательное крещение монгольских невест. В итоге предложения Бату, выгодные в политическом отношении, оказались ментально неприемлемыми для русских и, похоже, были восприняты ими как оскорбительные.

Замужняя женщина и власть монгольского правителя

К открытому конфликту с рязанцами привело второе из требований Бату. Выбор Бату пал на замужнюю женщину, супругу молодого рязанского князя, которую он намеревался отнять у ее здравствующего мужа.

На первый взгляд, требование, касавшееся жены князя Федора, выходит за рамки описанной выше практики брачных союзов и создаваемой на их основе конфедерации. Оно даже может показаться неправдоподобным, так как внешне не соответствует задаче мирного подчинения рязанцев и не находит прямых аналогий в монгольской практике мирной инкорпорации других народов и государств.

Вместе с тем требование Бату к Федору Юрьевичу, поправшее христианский закон и унизившее достоинство князя, вызвав негодование как со стороны автора «Повести о разорении Рязани», так и его многочисленных читателей в России, вполне соответствовало представлениям о браке и нормам морали, которых придерживались Чингизиды и которые, несомненно, имели для них приоритет перед любыми другими нормами и ограничениями.

Бату покусился на жену молодого рязанского князя, прельстившись рассказами о ее необыкновенной красоте и высоком происхождении: если верить нашему русскому источнику, жена Федора происходила из «царского рода», т. е., надо думать, состояла в каком-то родстве с византийским (никейским) императором. Именно эти качества — красоту и высокое происхождение — монгольские правители особенно ценили в женщинах и добивались таких женщин, исходя из собственного понимания привилегий Чингизидов.

В 1325 г. Абу Саид, девятый правитель Ильханата, потребовал себе в жены знатную замужнюю женщину Багдад-хатун, состоявшую в браке с Хасаном Бузургом из могущественного рода Джелаиридов. Очарованный этой выдающейся женщиной, ильхан пошел против мусульманского закона и потребовал от улусного эмира Чопана, отца Багдад-хатун, согласия на брак. Чтобы убедить Чопана, Абу Саид процитировал Ясу Чингисхана, согласно которой

«любая женщина, разыскиваемая ханом, должна быть разведена с мужем и отправлена в гарем императора» [НА: 117; *Ḥwāndamīr*: 119] (см. также: [Gilli-Elwey 2012: 713–717]). Чопан, однако, считал себя оскорбленным и отказался подчиниться этому требованию. Только после того, как эмир Чопан был побежден и убит, Абу Саид смог жениться на его дочери. Хасан Бузург сменил Чопана на посту улусного эмира, уступив свою жену ильхану. В результате Абу Саид нейтрализовал слишком влиятельного эмира Чопана и его сыновей, что, однако, не избавило Ильханат от новых потрясений [Melville 1999: 12, 29; Hope 2016: 192; Wing 2016: 82–83].

Маловероятно, чтобы Яса Чингисхана действительно содержала правило, на которое ссылался Абу Саид. В литературе высказывалось предположение, что последний имел в виду, скорее, какой-то более древний тюркский обычай [Boyle 1968: 410, note 2]. По мнению Дэвида Моргана, Великая яса вообще не была записана в какой-либо последовательной форме, и поэтому ей можно было приписать широкий спектр положений, считавшихся необходимыми или желательными [Morgan 1986; 2005] (см. также: [Pochekaev 2016]). Если же вслед за Джувейни считать, что Яса существовала реально и в виде свитков тайно хранилась в сокровищницах главных монгольских правителей [Juvaini: 25], придется признать, что она не предназначалась для широкого использования [Ayalon 1971: 100–105]. В любом случае у Абу Саида, как и у других Чингизидов, равных ему по статусу, была полная возможность использовать ее положения желательным для себя образом.

Обращение к монгольскому традиционному праву на столь позднем этапе монгольского правления в Иране показывает, что, несмотря на свои мусульманские имена, правители Ильханата все еще чувствовали связь с имперским прошлым и на этой основе готовы были к противостоянию с более исламизированными членами высшей администрации, такими как эмир Чопан [De Nicola 2017: 122, note 76]. Даже через столетие после смерти Чингисхана монгольский правитель считал себя вправе отнять законную жену у своего вассала, ссылаясь на традиционные привилегии Чингизидов, освященные авторитетом основателя династии.

В распоряжении Абу Саида, как и Бату, требовавших себе замужних женщин, было немало веских прецедентов, созданных Чингисханом, которые, вероятно, имел в виду ильхан, когда ссылался на Великую ясу. Согласно «Тайной истории монголов», когда Чингисхан пожелал взять в жены Есуй, дочь татарского князя Еке-Церена, прельстившись рассказами о ее выдающихся женских достоинствах, она уже была замужем (молодая пара жила в доме свекра как муж и жена, соблюдая древний монгольский обычай) [SHM: 574–575]. Это обстоятельство не остановило Чингисхана, отнявшего Есуй у законного мужа и приказавшего убить последнего [SHM: 78–79, 573–580; ТИМ: 124–125 (§ 155–156)].

Подобным же образом поступал Есугай-Баатур, отец Чингисхана, когда отнял Оэлун-учжин у ее предыдущего законного мужа. Прежде чем стать женой Есугая и, соответственно, матерью Чингисхана, Оэлун была выдана своими родителями за Эке-Чиледу, брата меркитского вождя Тохтоа-беки. Семья Чиледу должным образом договорилась об этом браке и заплатила соответствующую цену за невесту. Согласно обычаю, Чиледу некоторое время жил вместе с Оэлун в семье ее родителей. Затем, очевидно, была проведена официальная

брачная церемония с соблюдением всех ритуалов и праздничным угощением для гостей [Broadbridge 2018: 45] (см. также: [Zhao 2008: 98]). Когда после свадьбы Чиледу повез молодую жену в свой дом, на них напали Есугай и его братья и, привлеченные необыкновенной красотой Оэлун, силой отняли ее у законного мужа, чтобы сделать женой Есугая [SHM: 11–12, 304–310; ТИМ: 84–85 (§ 54–56)].

Похищенной женщиной, на несколько месяцев отнятой у своего законного мужа, была Бортэ, старшая жена Чингисхана, мать Джучи и, соответственно, бабушка Бату. В «Тайной истории монголов» (§ 110–112) приводится рассказ о мести меркитов за похищение Оэлун, совершенное отцом Чингисхана, которая спустя полтора или два десятилетия настигла его сына. Бортэ была силой захвачена меркитами, чтобы стать женой Чильгир-Бобо, младшего брата покойного к тому времени Чиледу, в качестве компенсации за потерю Оэлун. Однако, в отличие от Чиледу, Чингисхан с помощью родственников и друзей сумел вернуть себе Бортэ [ТИМ: 103–104]. Через некоторое время после спасения Бортэ родила своего первого сына Джучи; личность его отца всегда оставалась под сомнением, даже несмотря на то, что Чингисхан принял его как своего родного сына [Broadbridge 2018: 59] (см. также: [Ratchnevsky 1993: 36; Togan 1998: 78–80]).

Неудивительно, что Чингисхан признавал за собой и своими потомками право отнимать замужних женщин, если их мужей по каким-то причинам он считал своими врагами. Об этом можно заключить из наставления основателя империи, пересказанного Рашид ад-Дином: «величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том», говорил Чингисхан, чтобы унижить своего врага, превратив «животы его прекрасноликих супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды [‘унаб] сосать!» [РД (1/2): 265]. Приведенная сентенция (доступна нам в русском переводе О. И. Смирновой, выполненном по Ташкентской и Стамбульской рукописям начала XIV в., отсутствует в английском переводе Уилера Такстона) подразумевает любого противника или соперника монгольского правителя, который, лишенный своих жен, должен был испытать личное унижение, чтобы в полной мере ощутить могущество императора. Это и другие поучения Чингисхана, имевшие, очевидно, прецедентное значение, не только сохранилось до времени Рашид ад-Дина, но и было включено им в специальный сборник наставлений великого правителя — своего рода моральный кодекс для его потомков.

Именно к этому кодексу заповедей Чингисхана и отразившейся в нем древней монгольской практике добычи женщин с помощью силы, вероятнее всего, апеллировал Абу Саид. При этом он пошел дальше своего прародителя, утверждая за собой право требовать и забирать в свой гарем любую замужнюю женщину, не делая различия между женами своих врагов и добропорядочных подданных.

Процитированную заповедь Чингисхана мог иметь в виду Бату, когда потребовал для себя жену рязанского князя Федора Юрьевича. При этом не имеет значения, воспринимал ли Бату рязанского князя Федора как своего врага или нового подданного. И в одном, и в другом случае монгольский правитель мог найти необходимые правовые основания, достаточные для оправдания своих требований.

Сексуальные привилегии или террор?

Неприемлемые для западных христиан сексуальные привилегии монгольских правителей, которые должны были обеспечивать подданные, отмечают члены францисканской миссии, возглавляемой Плато Карпини. Один из них, называвший себя братом Ц. де Бридиа, сообщает, что император татар «может взять себе дочерей, жен или сестер у кого пожелает, и после того, как он обладал ими, если не захочет оставить их для себя, он отдает их любому, кому пожелает» [НТ: 31 (§ 50)]. По словам самого Карпини, когда император татар, обращаясь к своим подданным, «просит дочь-девицу или сестру, они дают ему без всякого противоречия; мало того, каждый год или по прошествии нескольких лет он собирает девиц из всех пределов татар и, если хочет удержать каких-нибудь себе, удерживает, а других дает своим людям, как ему кажется удобным» [ПК: 45 (V.22); РС: 267–268].

Некоторые исследователи вносят поправку в сообщение Ц. де Бридиа: император татар «может взять себе в жены» только дочерей и сестер своих подданных [Кнееркенис 1979: 276] (см. также: [Юрченко и др. 2002: 95]). Подобное вмешательство в текст первоисточника, на наш взгляд, ничем не оправдано, кроме желания привести его в соответствие с текстом аналогичного сообщения Плато Карпини, по старой традиции считающегося более надежным автором. Между тем неоднократно высказывавшиеся ранее сомнения насчет достоверности отчета брата Ц. де Бридиа опровергнуты в результате недавнего открытия еще одной, более ранней версии этого отчета, содержащейся в рукописи, датированной 1339 г. [Guzman 2006].

В сущности, между сообщениями Карпини и Ц. де Бридиа нет противоречия. Если монгольский правитель был вправе брать у своих подданных их дочерей и сестер, то едва ли что-то могло помешать ему взять и других женщин, включая замужних, когда на то была его воля. Более того, как мы покажем ниже, замужество не давало полной защиты от принудительной мобилизации женщин для нужд ханского гарема и двора.

Достоверность сведений, сообщаемых участниками францисканской миссии, подтверждается промонгольскими источниками. В жизнеописании Угэдэя, приведенном в «Юань-ши», упоминается необычный случай, произошедший в девятый год правления императора (год дин-ю):

В шестую луну (24 июня — 23 июля 1237 г.) племена левого крыла распространяли беспочвенные слухи о реквизиции женщин. Император разгневался на это и, приказав реквизировать их [женщин], подарил их своим подчиненным [SHM: 1034] (ср. [Abramowski 1976: 132–133; Храпачевский 2009: 174]).

Это сообщение, несомненно, связано с более подробным рассказом, читающимся у Джувейни и Рашид ад-Дина [SHM: 1034–1036]. В правление Угэдэя в одном из монгольских племен распространился слух, что дочери этого племени будут выданы замуж за неких людей, определенных императором. Тогда люди этого племени обручили большую часть своих дочерей с мужчинами из того же племени, а некоторых даже успели выдать замуж. Узнав об этом,

император «приказал собрать вместе всех девушек старше семи лет и забрать у мужей тех, кого выдали замуж в тот год». В результате было собрано четыре тысячи девушек. Прежде всего император «приказал отделить от остальных дочерей эмиров, и всем присутствующим было приказано насиловать их». Оставшиеся «были взяты в гарем, а другие были отданы людям, присматривающим за гепардами и другими дикими животными, и разным слугам при дворе, а еще другие были отправлены в публичный дом и на постоянный двор развлекать путешественников. А тех, кто остался, всем присутствующим, монголам и мусульманам, разрешено было забрать себе» [Juvaini: 235–236] (см. также: [RD: 345; РД (2): 63–64]).

Этот экстраординарный случай заслуживает особого внимания. Джек Уэзерфорд оценивает его как «самое ужасное преступление» Угэдэя за все время его двенадцатилетнего правления и «одно из самых страшных зверств, совершенных монголами». «Персидские летописцы зафиксировали всю жестокость и явное зло, стоящее за преступлением, причиненным этим невинным “звездным девам, каждая из которых по-своему поражала сердца людей”. Все знали, что этот варварский поступок нарушил по духу и в конкретных пунктах длинный список законов, принятых Чингисханом в отношении женщин. Девочки могли вступать в брак в юном возрасте, но не могли заниматься сексом до шестнадцати лет, и только потом они начинали половую жизнь со своими мужьями. Их нельзя было захватить, изнасиловать, похитить, обменять или продать. Угэдэй нарушил каждый из этих законов» [Weatherford 2010: 89–90].

Название племени, пострадавшего от произвола императора, в двух основных рукописях Джувейни передано неясно, и только в одной рукописи (манускрипт D, по классификации Бойла), а также у Рашид ад-Дина указывается, что это были ойраты. Данную версию принимают некоторые новейшие исследователи. Согласно Уэзерфорду, персидские хроники объясняют, что эпизод с изнасилованием «был наказанием ойратам за то, что они не посылали девушек в гарем Угэдэя» [Ibid.: 90–91].

Сопоставление рассказа Джувейни и приведенного выше сообщения «Юань-ши» показывает, что экспроприация девушек и женщин происходила среди «племен левого крыла», которые едва ли можно отождествлять с ойратами. Похоже, речь здесь должна идти о каком-то другом племени или племенах, обитавших в Восточной Монголии [Broadbridge 2018: 187, note 123]. Об этом же свидетельствует, вероятно, и «Тайная история монголов» (§ 281), где сообщается о наборе девушек, произведенном Угэдэем во владениях Темуге-отчигина (брата Чингисхана), который никогда не был правителем ойратов: «...привести в дом девушек моего дяди Отчигина, — говорил будто бы сам Угэдэй, — было безусловной ошибкой» [SHM: 217, 1034–1036] (ср. [ТИМ: 199]). По-видимому, весь параграф 281, повествующий о четырех добрых делах и четырех ошибках императора, является посмертной оценкой, выражающей официальную точку зрения на его правление. В этой общей оценке нет даже намек на массовое изнасилование малолетних монгольских девушек. Однако не вызывает сомнения, что в «Тайной истории» речь идет о том же случае, который приводят Джувейни и официальная биография Угэдэя в «Юань-ши» [SHM: 1032–1035].

Если поводом для Угэдэя стал отказ ойратов или каких-то других племен Восточной Монголии добровольно отдать своих девушек в гарем императора, то весьма вероятно, что проведенная им в 1237 г. насильственная экспроприация монгольских женщин находится в связи с другим подобным событием, происходившим в то же самое время. Мы имеем в виду установление новых повинностей для покоренного недавно населения Северного Китая, одна из которых состояла в мобилизации женщин для императорского гарема.

В приведенной в «Юань-ши» биографии Елюй Чуцая (ум. 1243), главного китайского советника Чингисхана и Угэдэя и фактического главы монгольской гражданской администрации в Северном Китае в 1230-е годы, отмечается, что он задержал исполнение приказа Угэдэя о повсеместном наборе китайских девушек для императорского гарема под предлогом того, что 28 девушек, отобранных ранее, еще не были доставлены в гарем. Это мудрое решение упомянуто среди наиболее важных заслуг выдающегося китайского администратора в пространной эпитафии на его надгробной стеле, составленной предположительно в первой половине 1260-х годов. Елюй Чуцай, по его собственным словам, боялся спровоцировать народные волнения в Китае, которые должен был вызвать массовый набор девушек для императора, и, несмотря на недовольство последнего, сумел убедить его отменить или, точнее, приостановить это рискованное нововведение [Humble n. d.: 8; De Rachewiltz 1960: 118; Мункуев 1965: 80].

Описанный случай, вероятнее всего, произошел вскоре после проведения в 1235–1236 гг. под руководством того же Елюй Чуцая всеобщей переписи населения Северного Китая (подробнее см.: [De Rachewiltz 1993: 154–155]), необходимой для установления новой системы налогов и натуральных повинностей в пользу монгольского императора, одна из которых заключалась в предоставлении девушек для гарема.

Хотя сохранившиеся источники не дают возможности утверждать, что проведенная по приказу Угэдэя экспроприация женщин у «племен левого крыла» была попыткой распространить соответствующую повинность на часть монгольских племен, не вызывает сомнения, что среди последних могли возникнуть подобные подозрения и панические слухи, которые не были полностью беспочвенными, если судить по последовавшей реакции императора. По своей жестокости и масштабу предпринятые им меры намного превосходили то, что мы видели в Северном Китае. Ясно, что Угэдэй наказывал своих монгольских подданных за массовое неповиновение и противодействие какому-то важному для него нововведению. Так или иначе, монгольский император считал себя вправе отнимать женщин у любых своих подданных, включая даже монголов, не делая исключений для замужних женщин или женщин с высоким социальным статусом, дочерей эмиров, как их именует Джувейни.

Когда Бату потребовал себе замужнюю женщину, супругу молодого рязанского князя, он мог пытаться осуществить подобную практику на Руси, оправдывая свои действия недавними прецедентами, созданными императором. Действуя в стиле своего императора, предводитель Западного похода, как кажется, мог рассчитывать на одобрение и поддержку Угэдэя. И хотя последний вскоре частично отказался от своего нововведения, в то время, когда Бату предъявлял брачные требования рязанским князьям, оно, судя по всему, было в самом разгаре.

Византийские принцессы в матримониальной стратегии монголов

Возвращаясь к основной линии нашего исследования, подведем некоторые итоги наблюдениям, сделанным в предыдущих экскурсах.

В период монгольской экспансии как на Востоке, так и на Западе успех завоевателей определяла не только военная сила, но и умелое сочетание ее с технологиями мирного подчинения, среди которых важное значение имела широкая сеть военно-политических союзов, создаваемых на основе брачных отношений и обязательств, связываемая новейшими исследователями со стратегией семейной конфедерации, общие основы которой были заложены еще Чингисханом.

Ключевую роль в этой системе играли женщины — прежде всего дочери и внучки самого Чингисхана и его преемников, а также родственницы правителей других народов, вступающих в альянс с монголами. Конфедерация никогда не предполагала союз равных партнеров. В какой бы форме она ни была реализована, монгольские ханы или принцы всегда выступали в ней в качестве сюзеренов. Их доминирующая роль проявлялась в том числе в праве выдвигать свои условия, которые не всегда могли полностью устраивать другую сторону, принимавшую их только в силу военно-политической необходимости. По мере усиления Монгольской империи и успехов ее экспансии условия мирного подчинения, предлагаемые завоевателями, становились все более жесткими и по своему стилю более походили на ультиматумы.

Обладая огромной властью и руководствуясь собственными представлениями о законе и морали, ханы и принцы считали себя вправе потребовать у своих подданных и взять в свой гарем не только юных девушек, но и замужних женщин, если находили это желательным или необходимым. Это право, вероятно, было связано с древними брачными обычаями монголов и прецедентами, созданными Чингисханом и его первым преемником Угэдэем, а в дальнейшем воспринималось как одна из исключительных привилегий Чингизидов. В мусульманской и христианской культурной среде подобная практика провоцировала острые конфликты, что до известной степени должно было сдерживать ее. Поэтому в источниках отражены только единичные случаи, которые можно с ней связывать. Один из них мы находим в «Повести о разорении Рязани».

Осенью 1237 г. рязанские князья столкнулись с новой для себя политической реальностью, поставившей их перед выбором: либо, подчиняясь Бату, стать частью созданной монголами машины завоевания и грабежа других народов, либо, не имея сил для эффективного сопротивления, самим стать объектом военной добычи. По стечению обстоятельств и в первом, и во втором случае молодой князь Федор должен был расстаться со своей красавицей женой. Не только красота, но и высокое происхождение (из «царского рода») этой женщины представляли особый интерес для завоевателей.

В сохранившихся источниках нет подтверждения существования брачных связей рязанских князей с правителями Византии или Никеи. Рязанские летописи, о существовании которых можно догадываться по некоторым косвенным признакам, до нас не дошли, и поэтому о рязанских князьях и их браках известно очень мало. Заметим, однако, что из Старой Рязани происходят

несколько кладов драгоценных предметов византийской и русской работы, в том числе набор лучших из известных сегодня произведений филигранного искусства XII–XIII вв. — уникальный комплекс женских украшений из золота с драгоценными камнями и эмалью, часть которых по своему уровню соответствует работам столичных византийских эмальеров [Кондаков 1896: 59; Даркевич, Борисевич 1995: 70; Жилина 2020: 115].

Кроме того, мы знаем, что на рубеже XII–XIII вв. ослабленная внутренними противоречиями и внешним давлением Византия усиленно искала союзников в том числе среди русских князей (см.: [Maiorov 2015a]), и правители империи проявляли большую готовность к династическим бракам с северными «варварами», чем в предыдущее время (см.: [Maiorov 2014]). Не только галицко-волынские, но и владимиристо-суздальские князья поддерживали контакты с властями Никеи, участвуя в инициированных ими экуменических процессах первой половины XIII в. (см.: [Maiorov 2015b; 2018]). Монгольское нашествие на Русь не прервало эти контакты, а, наоборот, способствовало их усилению (см.: [Maiorov 2020]).

Как бы то ни было, отсутствие прямых свидетельств источников не дают возможности подтвердить родственную связь рязанской «царевны» с кем-либо из византийских (никейских) императоров, во всяком случае близкую. Однако вне зависимости от того, была ли жена князя Федора действительно родственницей императора, один слух об этом мог возбудить у Бату желание завладеть ею.

Правители западных монгольских улусов — Ильханата и Золотой Орды — особенно стремились к бракам с византийскими принцессами. В период между 1265 и 1340 гг. известно не менее пяти браков незаконнорожденных дочерей византийских императоров с монгольскими правителями различных рангов: две дочери Михаила VIII (1261–1282) были выданы соответственно за Абакухана, второго правителя Ильханата, и за Ногаю, правителя части Золотой Орды к западу от Днепра [GP: 202–203] (см. также: [Vásáry 2005: 79; Korobeinikov 2014: 111, 195–196, 209]); две дочери Андроника II (1282–1328) стали женами ильхана Олджейту [Korobeinikov 2014: 212] и золотоордынского хана Тохты [GP: 316–317; Vásáry 2005: 91], а дочь Андроника III (1328–1341) — третьей женой золотоордынского хана Узбека [IBt: 498] (см.: [Vásáry 2005: 131]).

Монгольские правители, и прежде всего ильханы, действительно были заинтересованы в браках с византийскими деспинами, поскольку таким способом стремились подчеркнуть свою легитимность как «правопреемников» великих монархий Ближнего Востока и Ирана. Византийские императоры почувствовали этот специфический интерес и наладили целую индустрию по производству невест для монголов. Иоанн VI Кантакузин (1347–1354) раскрыл мотивы обеих сторон, цинично показав уловки, которыми пользовались византийцы:

Понимая, что не могут нанести варварам поражение в битве, императоры ромеев избегали разгрома, умиротворяя их подарками и любезностью. Они [монголы] были особенно сговорчивы и дружелюбны по отношению к ромеям, получая невест из императорской семьи, и, таким образом, думали, что через связь с императором ромеев они станут преемниками Александра Македонского и импера-

тора Персии. Поэтому девушек исключительной красоты, не только аристократок, но и низкого происхождения, воспитывали в императорском дворце как принцесс и, когда возникала необходимость, выдавали за монгольских сатрапов [IC: 188; Bryer 1981: 481] (см. также: [Lippard 1984: 219]).

Родственная связь с Александром Македонским, достигаемая через браки с византийскими «царевнами», очевидно, имела политическое значение для монгольских правителей. В XI–XIII вв. Александр Великий выступал в качестве центральной фигуры в ряде этиологических легенд, существовавших у кочевников Центральной и Внутренней Азии (см.: [Boyle 1974]). Образ Александра был хорошо известен монголам имперского периода, о чем может свидетельствовать существование монгольской версии «Романа об Александре», несколько фрагментов которой сохранилось в дошедшей до нас рукописи начала XIV в., выполненной уйгурским письмом (см.: [Porpe 1957; Cleaves 1959]).

Уже в XIII в. монголы могли использовать сюжеты и символы «Романа об Александре» для обоснования своей собственной коллективной идентичности [Kamola 2015: 563–564]. Как показал Кристофер Этвуд, этот текст был известен автору «Тайной истории монголов»: финальная сцена романа между Александром и Дарием стала литературной моделью для изображения взаимоотношений Чингисхана с Джамухой (см.: [Atwood 2015: 163–164, 171–172]).

В отчетах христианских миссионеров и дипломатов, побывавших при дворе великого хана и других монгольских правителей, прежде всего Плано Карпини, баснословные подвиги Александра регулярно приписываются Чингисхану (подробнее см.: [Guéret-Laferté 1994: 299–302; Tanase 2013: 195–196; Aigle 2015: 51–52]). При этом нет никаких доказательств, что брат Иоанн или его спутники были знакомы с какой-либо из многочисленных версий «Романа об Александре», распространенных в их время. Похоже, францисканцы воспринимали записанные ими сведения как оригинальную монгольскую историю Чингисхана. В любом случае, они не заметили сходства и, кажется, даже не осознавали, что невероятные подвиги, приписываемые ими монгольскому государю, уже были частью набора легенд, накопленных за столетия — как на Западе, так и на Востоке — вокруг фигуры другого правителя [Daffinà 1989: 424].

Некоторые атрибуты и символы верховной власти, связанные с Александром Великим, проникли в придворную культуру монголов. Одним из цветовых обозначений монгольского императора со времен Чингисхана наряду с золотом становится пурпур, широко использовавшийся также византийскими императорами. Так, согласно «Тайной истории», уйгурский правитель, признавая над собой власть Чингисхана, просит для себя клочок его «малиновой (= пурпурной) мантии» (§ 238). Тот же цветовой термин, эквивалентный пурпуру (*al de'el*), применялся для обозначения одной из императорских печатей (*al tamgha*), которой пользовались Чингисхан и его преемники [Allsen 1997: 64–65].

Использование большого количества предметов из золота при погребении монгольских правителей также могло быть следствием знакомства с «Романом об Александре», в монгольской версии которого Александр, чувствуя прибли-

жение смерти, просит похоронить себя с большим количеством золота. Наряду с тысячей золотых сосудов, наполненных жемчугом и золотом, Александр перед смертью хочет взять с собой также тысячу прекрасных девушек, тысячу борцов и музыкантов, тысячу юношей и стариков. По словам Джона Эндрю Бойла, это, безусловно, отсылка к человеческим жертвоприношениям, совершавшимся над могилой монгольского хана, который здесь приравняется к Александру [Boyle 1979: 131–132; Allsen 1997: 68].

Сравнивая отчеты Плано Карпини и Ц. де Бридиа, можно заметить, что у последнего изложение легендарной истории походов Чингисхана лучше организовано и производит впечатление целостного литературного произведения. Кроме того, при переводе на латынь здесь сохранились монгольские названия стран и народов, через которые прошли армии Чингисхана. Наконец, в отличие от Карпини, Ц. де Бридиа постоянно ссылается на монголов (татар) как на главных своих информаторов. Многие его сообщения начинаются вводными фразами, такими как «сами татары рассказывают...». Поскольку Ц. де Бридиа не упоминает никаких европейских купцов, ремесленников или пленников среди татар, можно заключить, что вся или большая часть его информации была получена непосредственно от монголов (см.: [Painter 1965: 63 (note 3), 65 (note 5), 67 (note 2), 68 (note 16), 69 (note 4)]).

Как показал Мариан Плезя, Ц. де Бридиа сопровождал Карпини только на первом этапе поездки к монголам. Вместе с другим францисканцем по имени Чеслав (Стефан) он был задержан в ставке Бату на Нижней Волге 8 апреля 1246 г. и только 25 мая 1247 г. смог вновь присоединиться к основной экспедиции, возвращавшейся из Монголии, встретив Карпини где-то на левом берегу Днепра. Таким образом, Ц. де Бридиа более года вынужденно провел во владениях Бату. За это время он, по-видимому, успел выучить монгольский язык, что позволило ему собрать дополнительные сведения о монголах, отсутствующие в более пространном отчете Карпини [Plezia 1970: 18–21] (см. также: [Jackson 2005a: 88, 114, 135, 151; Guzman 2010: 134–135]).

Переданная францисканцами баснословная история походов Чингисхана, вероятнее всего, возникла на основе «Романа об Александре» и была дополнена новыми вымышленными эпизодами. При этом часть из них — истории о поражениях Чингисхана и его полководцев — могли быть получены от иноземных пленников, в том числе от русских [De Rachewiltz 1971: 107; Daffinà 1989: 423–424; Guéret-Laferté 1994: 261–262]. Некоторые исследователи высказывают предположение, что к середине XIII в. среди монголов мог сложиться целый цикл легенд и преданий, условно именуемый «Сагой» или «Романом о Чингисхане», существовавший не только в устной, но и в письменной форме [Painter 1965: 49–50; Tanase 2013: 195–196 (note 48); Aigle 2015: 52; ср. Yourtchenko 1998].

Старший внук Чингисхана и предводитель Западного похода, Бату, всегда имевший далекие политические амбиции, не только понимал, но и, похоже, сам культивировал идеологическое значение образа Александра, способствуя развитию легенды о нем в своих владениях. Первым из монгольских правителей войдя в непосредственное соприкосновение с византийским миром, он первым должен был оценить перспективы и мог попытаться воспользоваться браком с византийской принцессой как средством укрепления своего личного престижа и политического статуса в империи.

Потребовав жену у своего нового вассала, рязанского князя Федора, происходившую будто бы из «царского рода», Бату прибегнул к самой простой и, казалось бы, доступной возможности для брака с византийской принцессой. Мотивировав свое скандальное требование исключительными привилегиями Чингизидов, основатель Золотой Орды, может быть, обещал Федору взамен блестящую карьеру при своем дворе, подобную той, которую сделал Хасан Бузург при дворе Абу Саида.

С другой стороны, к сближению с правителями Никейской империи Бату могла подталкивать военно-политическая ситуация, складывавшаяся на южном фланге монгольского наступления на Запад. Накануне нашествия на Северо-Восточную Русь произошли важные события, изменившие расстановку сил на Кавказе и в Малой Азии. Как уже говорилось, на сторону монголов перешел атабек Аваг, представитель одного из самых влиятельных армянских кланов, состоявших на службе у грузинских царей. Его примеру последовали другие кавказские правители, что позволило монголам в короткий срок овладеть главными армянскими городами Грузинского царства (см.: [Korobeinikov 2014: 174–175]; подробнее см.: [Dashdondog 2011: 55–60]).

Тогда же власть монголов согласился признать правитель Румского султаната Кей-Кубад I (1220–1237). В 1236 г. султану было доставлено послание великого хана Угэдея, текст которого передает Ибн Биби. Хан потребовал от султана признания вассальной зависимости в обмен на сохранение своей власти и интеграцию в глобальную империю монголов на привилегированных условиях. Чтобы выразить свою покорность, султан должен был совершить визит в Каракорум и принести присягу на верность хану. После смерти Кей-Кубада I (30 мая 1237 г.) его сын и преемник Кей-Хосров II направил великому хану письмо, первоначально составленное его отцом, в котором он заявил: «Я также обязуюсь идти по пути согласия и послушания» [IB: 196] (см.: [Cahen 2001: 65; Korobeinikov 2014: 173–174; Jackson 2017: 250]).

Бату, готовившийся в это время к завоеванию Восточной Европы, очевидно, должен был знать об успехах монгольской дипломатии на юге, сумевших мирное подчинение одного из крупнейших государств Анатолии, ближайшего соседа Никейской империи. В этих условиях «женитьба» на предполагаемой византийской принцессе обещала бы Бату заманчивые предпосылки для продолжения мирной экспансии в Малой Азии: у монгольских правителей мог появиться удобный повод сделать мирные предложения властям Никеи, подобные тем, которые готовы были принять правители Рума, а перед Бату открывалась возможность взять инициативу в этом деле непосредственно в свои руки. Разумеется, все это не более чем предположения, и сегодня нам остается лишь оценивать степень их вероятности. Как бы то ни было, у нас нет сомнения в том, что предводитель Западного похода монголов имел реальные причины потребовать для себя византийскую царевну, если бы он нашел таковую в лице одной из рязанских княгинь, разумеется при условии, что ее муж заявил о готовности подчиниться завоевателю.

Рязанский князь на переговорах с Бату

Убийство князя Федора за отказ отдать свою жену монгольскому правителю может показаться чрезмерным и даже неправдоподобным ответом со стороны последнего, не столько реальным, сколько приписанным ему древнерусским книжником, стремившимся придать образу Бату черты закоренелого злодея, дикого варвара, буруеваемого звериными страстями. Более того, если учитывать, что Федор был послан к Бату другими рязанскими князьями для мирных переговоров, его убийство противоречило монгольскому обычаю неприкосновенности посла, любое нарушение которого считалось недопустимым и сурово наказывалось. Если же Федор прибыл к Бату в качестве заложника, то и в этом случае его убийство не находит удовлетворительного объяснения, ведь, согласно «Повести о разорении Рязани», русские князья не предпринимали враждебных действий против монголов, пока Федор был жив.

Объяснить эти противоречия мы можем, допустив, что в ставке Бату Федор выступал не только в качестве посла или что в результате переговоров с монголами статус русского князя существенно изменился. Только при таких условиях могли возникнуть требования, касавшиеся лично Федора и его жены, которые едва ли было бы возможно предъявлять обычному послу или заложнику.

Любого иностранного короля или князя, который лично или через своих послов обращался к монгольскому правителю с просьбой о мире, последний воспринимал как своего подданного, приступившего к процедуре принятия суверенитета монгольского хана. Достаточно было одного заявления о готовности к миру, чтобы монголы начали переговоры с любым правителем, который при этом не мог выступать в качестве равного партнера, а, признавая свою зависимость, должен был занять предписанное ему положение в структуре глобальной империи, создаваемой монголами. В политическом словаре монголов тюрко-монгольский термин *el/il* (персидский *ilī*) обозначал одновременно 'мир' и 'подчинение' [Mostaert, Cleaves 1952: 485, 492–493; Ruotsala 2001: 106–108. Jackson 2005a: 46]. Никакого исключения не было сделано даже для послов римского папы, от которых монголы требовали не только прохождения очистительных обрядов, но и обрядов, выражавших покорность монгольскому правителю, а мирное послание Иннокентия IV хан Гуюк однозначно интерпретировал как выражение покорности (подробнее см.: [Jackson 2012: 229–231]).

Плано Карпини (VII.2) и Ц. де Бридиа (§ 41) сообщают, что, согласно закону, установленному Чингисханом, монголы, покоряя другие страны, могли заключать мир только с теми, кто сдавался и подчинялся им безусловно и безоговорочно [РС: 285; ПК: 55; НТ: 26–27; Painter 1965: 90]. Только на таких условиях, следовательно, они готовы были вести переговоры с любым прибывшим к ним в поисках мира русским князем, о чем побывавшие на Руси и во владениях монголов францисканцы могли слышать от многих информаторов.

Рязанского князя, прибывшего для мирных переговоров в ставку Бату, последний должен был воспринимать как своего нового подданного, начавшего процедуру признания монгольского суверенитета. Подчиняясь необходимости договориться о мире, Федор со своей стороны в ходе переговоров с Бату дол-

жен был так или иначе признать себя вассалом монгольского правителя. Такое признание, пусть даже вынужденное, делало русского князя подданным хана и вводило в уже сложившуюся в Монгольской империи систему вассальных отношений, когда сюзерен считал себя вправе распоряжаться личностью вассала, его имуществом и семьей.

Побывавшие во владениях Бату и в ставке великого хана всего через несколько лет после описываемых здесь событий Плано Карпини и его спутники были поражены невозможными на Западе размерами власти, которую имели над своими подданными монгольский император и его князья, — власти, показавшейся францисканцам беспредельной. Шокировавшие монахов сексуальные привилегии монгольских правителей были не более как одно из частных проявлений этой абсолютной власти. «Вышеупомянутые люди, то есть татары, — сообщал Карпини, — более повинуются своим владыкам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире или духовные, или светские...» [РС: 245 (IV.2); ПК: 34]. «Они более послушны своим господам, чем другие народы, — вторит Карпини Ц. де Бридиа, — даже более, чем священники епископам, так как преступникам не оказывается никакой милости, император полностью держит их в своей власти; посланы ли они на смерть или на жизнь, они должны выполнять порученное им со всем поспешанием» [НТ: 31 (§ 50); Painter 1965: 94].

Неоднократно возвращаясь к этой теме, Карпини уточняет и дополняет данную им ранее характеристику:

Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. <...> во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они [подданные] повинуются без всякого противоречия. <...> Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми <...>, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и лично-стью их они располагают во всем, как им будет угодно [ПК: 45–46; РС: 267, 269 (V.22, V.24)].

У нас нет оснований сомневаться в достоверности приведенных сведений. Силу власти монгольских ханов над их подданными подчеркивают и другие современники, происходящие как из промонгольского, так и из антимонгольского лагеря. Вспомним приведенные выше сообщения Джувейни и Рашид ад-Дина об экспроприации императором молодых женщин у «племен левого крыла». Свое описание Джувейни завершает характерным замечанием:

...их отцы, братья, близкие и дальние родственники и мужья смотрели на это, не смея вздохнуть и не произнеся ни слова. И это несомненное доказательство их безусловной покорности его [императора] приказам и повиновения его армии [Juvaini: 235–236].

Джудзжани приводит требование Чингисхана, которое он предъявлял своим будущим вассалам перед тем, как они приносили ему клятву верности:

Если вы подчиняетесь моей власти, то это значит, что вы все обязаны повиноваться, даже если я прикажу сыновьям убивать отцов, а отцам убивать своих сыновей [Juzjani: 952–953, note 2].

По словам Джувейни:

Повиновение и послушание их таковы, что если начальник тумена, будь он от хана на расстоянии, отделяющем восход от заката, совершит оплошность, хан посылает одного-единственного всадника, чтобы наказать его, согласно приказу; если требуется голова, он отрубит голову, а если золото, то возьмет его у него [Juvaini: 31].

Если даже в этих сообщениях содержится некоторое преувеличение, ни один из передающих их средневековых авторов не заметил этого и не выразил никаких сомнений в надежности передаваемых сведений. Насколько нам известно, таких сомнений не высказал ни один из новейших исследователей. В кочевых империях власть правителя напрямую зависела от того, насколько он был способен обеспечивать своих подданных богатой военной добычей. Простые кочевники получали в целом немалую долю трофеев: в армии Бату, например, она составляла 40%. До тех пор, пока завоевательные походы обеспечивали постоянный поток военной добычи, перераспределяемой ханом, соотношение сил в империи действительно складывалось в его пользу, делая непререкаемыми его власть и авторитет. Тем опаснее для монгольских правителей было любое ослабление указанного ресурса, способное разрушить хрупкий баланс сил, разнонаправленных по своему действию [Крадин, Скрынникова 2006: 322].

Вассальная присяга и ее нарушение

В обмен на мир и интеграцию в структуру монгольской имперской элиты Бату должен был потребовать от рязанских князей, и прежде всего от Федора Юрьевича, принесения вассальной присяги. Такое же требование предъявлялось впоследствии всем русским князьям, прибывавшим в ставку Бату в поисках мира и одновременно с выражением покорности новому правителю (см.: [Горский 2018: 35–37]). И если рязанские князья еще могли ошибаться насчет истинных намерений Бату, то после монгольского нашествия ни у кого из русских князей уже не могло быть сомнений или недопонимания в отношении значения и последствий мирных переговоров с монголами.

Монгольская практика мирного подчинения не только кочевых, но и оседлых народов уже вполне сложилась ко времени завоевания Руси. Об этом свидетельствует ее четко отработанная процедура, предполагавшая определенную последовательность ритуальных действий. Прежде всего в ставку монгольского хана или принца должен был лично прибыть один из правителей народа, искавшего мира, принеся с собой обильные и ценные дары. Следующим этапом должна была стать клятва верности новому сюзерену, ответом на которую в некоторых случаях становилось брачное предложение со стороны последнего, а также наложение обязательств по выплате податей и поставке воинов в монгольскую армию.

Промонгольские источники, и в первую очередь «Тайная история монголов», дают немало примеров, подтверждающих наши наблюдения. Останемся лишь на некоторых из них. В 1211 г. был оформлен союз монголов с уйгурами: уйгурский князь прибыл к Чингисхану, преподнес богатые дары, признавая свою зависимость, в ответ монгольский правитель обещал выдать за него свою дочь [SHM: 845–849; ТИМ: 174 (§ 238)] (см. также: [Allsen 1983b: 246–247; Zhao 2008: 166–167]). Одновременно власти монголов подчинились карлуки: их князья один за другим присягнули Чингисхану и получили в жены его родственниц [SHM: 842–843; ТИМ: 174 (§ 235)] (см. также: [Jackson 2017: 66]).

Бату, вероятно, должен был помнить крупный успех своего отца, принца Джучи, сумевшего мирно подчинить кыргызов, ойратов и другие «лесные народы» Южной Сибири, удостоившись за это похвалы Чингисхана. Зимой 1218/1219 г. во время военной экспедиции на территорию современных Тувы и Хакасии Джучи был встречен представителями кыргызской знати, которые преподнесли ему богатые дары и присягнули на верность. Ранее, в 1207 г., ойраты в первый раз мирно подчинились монголам, их правители прибыли к Чингисхану с дарами и получили в жены монгольских принцесс [SHM: 164, 849–857; ТИМ: 174 (§ 239)] (см. также: [Zhao 2008: 127–129; Broadbridge 2018: 115–116]).

Проявляя готовность к миру с рязанцами, Бату в какой-то мере мог стремиться повторить успех отца, начинавшего создание своего улуса с мирного подчинения «лесных народов» Южной Сибири [Миргалеев 2016: 73–74; Трепавлов 2016а: 138]. Рязанцев, как и других обитателей Северо-Восточной Руси, проживавших в труднодоступной для кочевников лесной зоне, Бату также мог воспринимать как своего рода «лесные народы», населявшие западные окраины улуса Джучи, готовые к мирному подчинению, подобно своим воображаемым собратьям на востоке.

Рязанцы на первых порах, похоже, старались соответствовать этим ожиданиям, последовательно исполняя элементы ритуала мирного подчинения монголам, о котором отчасти могли быть осведомлены заранее. Во всяком случае, в «Повести о разорении Рязани» отражены три из этих элементов: прибытие в ставку Бату рязанского князя Федора, принесение им «великих даров» и брачное предложение от Бату. Русский источник опускает еще одно существенно важное звено ритуала, без которого он не мог состояться, — вассальную присягу на верность монгольскому правителю. Однако наличие брачного предложения, последовавшего со стороны Бату, предполагает, что такая присяга, скорее всего, была принесена.

Некоторое представление о содержании вассальной присяги, приносимой монгольскому правителю, дает «Тайная история монголов», где в своеобразной поэтической форме отразились наиболее значимые государственные ритуалы и церемонии, сложившиеся еще при жизни Чингисхана (см.: [Балданмаксарова 2003; Базаров, Ням-Осор 2004]). При избрании Темучжина великим ханом его родственники и соратники приносят клятву, в которой предусматривалась специальная санкция на случай нарушения условий присяги (§ 123). В мирное время отступник наказывался лишением всего имущества, отлучением от семьи и изгнанием в чужие земли. Во время

войны нарушителя клятвы ждала высшая мера наказания: «В дни битв, если мы в чем нарушим твой устав, — говорили вассалы хана, — отлучай нас от наших стойбищ, жен и женщин, а черные головы наши разбросай по земле» [ТИМ: 109; SHM: 49].

В правление Чингисхана принесение вассальной клятвы стало повсеместным и обязательным требованием, что позволило объединить разрозненные и враждебные друг другу монгольские племена в единый народ. Один из современников отмечает: «Чингисхан связал племена в единый народ обязательствами и клятвами повиноваться ему во всем и подчиняться его приказу» [Juzjani: 948–949]. Кроме того, соблюдение клятвы верности не основывалось более на одних только моральных принципах. Произнесение вассалом ритуального самопроклятия в момент присяги отныне влекло за собой реальные юридические последствия, общие для всех подданных императора. Чингисхан, как правило, казнил всех, кто покинул, обманул или предал своего сюзерена, даже в тех случаях, когда нарушители вассальной присяги действовали в пользу самого основателя империи [Barkmann 1991: 207] (см. также: [Ratchnevsky 1987: 66–67]).

Со временем сфера применения присяги расширялась и принимала характер односторонних письменных обязательств высокопоставленных должностных лиц или военачальников перед своим сюзереном, сохраняя самые суровые меры наказания, вплоть до смертной казни, за их нарушение (см.: [Subtelny 2011]). Установлению такой практики способствовал также основатель Золотой Орды. В цитируемом Рашид ад-Дином письме к своему младшему брату Берке, представлявшему Джучидов на выборах нового великого хана, Бату требовал, чтобы каждый, кто посмеет нарушить Ясу, был лишен головы [РД (2): 131]. Тем самым старший внук Чингисхана добивался подчинения младших родственников, необходимого для победы своего ставленника Менгу, приравнивая неповиновение своей воле к нарушению Ясы. Не вызывает сомнений, что в понимании Бату подобная мера наказания должна была применяться к любому вассалу, нарушившему присягу, т. е. посягнувшему на один из фундаментальных устоев империи.

Если принять во внимание значение вассальной присяги для Чингисхана и его преемников, убийство князя Федора приобретает характер закономерного следствия его отказа повиноваться Бату. Вину Федора усугубляло то обстоятельство, что нарушение присяги было совершено во время военной кампании, когда к нарушителю применялась высшая мера наказания.

Таким образом, требование Бату, касавшееся жены рязанского князя, могло иметь реальную основу, соответствующую идеологии и практике Монгольской империи периода великих завоеваний. Вместе с тем такое требование можно оценить как особое и почти исключительное, к подобным мерам в отношении своих христианских и мусульманских подданных монгольские правители прибегали очень редко. Пересказанная в «Повести о разорении Рязани» история могла отразить такой редкий случай, произошедший при первом контакте русских князей с Бату, в условиях взаимной настороженности, недоверия и недопонимания, спровоцировавших острый конфликт.

Плата за мир

Впрочем, строго следуя показаниям нашего единственного источника — «Повести о разорении Рязани», — мы не можем утверждать, что присяга верности монгольскому правителю действительно была принесена Федором и что Бату потребовал от него покорности как от своего вассала. Возможно, молодой рязанский князь не имел разрешения на это от своих старших родственников. Однако, прибыв в ставку Бату с дарами и вступив в мирные переговоры, он вольно или невольно принимал на себя определенные обязательства, от которых нельзя было безнаказанно отказаться.

Отказ от принесения вассальной присяги во время мирных переговоров, когда уже была запущена процедура признания монгольского суверенитета, не мог остаться без последствий: отступник должен был понести такое же наказание, как и нарушитель вассальной присяги. Об этом свидетельствует случай с другим русским князем, Михаилом Всеволодовичем Черниговским, прибывшим искать милости Бату и казненным по его приказу в сентябре 1246 г. за отказ от исполнения ритуала, символизировавшего покорность монгольскому правителю (см.: [Горский 2006]). Через год судьбу князя Михаила едва не разделил папский посол Асцелин Ломбардский за аналогичный отказ. Насколько можно судить, от неминуемой расправы Асцелина спасло то обстоятельство, что он был не правителем, а только простым послом [SQ XXXII.42–44].

Возможно, рязанские князья имели лишь приблизительное и неполное представление о требованиях монголов, обязательных для заключения мира, и по этой причине сочли, что главное из них — богатые дары для хана: «...нечестивого надлежит утолить дарами», — говорят на своем совете старшие князья, отправляя Федора к Бату [Повесть: 140–141]. Однако монголы смотрели на дело иначе. Для них главным условием мира были отнюдь не дары, а следовавшая за ними по сценарию ритуала присяга на верность, предполагавшая полное и безусловное подчинение сюзерену.

В отличие от рязанцев, никаких сомнений на этот счет уже не мог иметь новый великий князь Ярослав, брат убитого монголами Юрия Всеволодовича. Как можно заключить по нескольким намекам в отчете Плано Карпини, во время очередного визита в ставку Бату Ярослав Всеволодович женился третьим браком на родственнице (вероятнее всего, сестре) основателя Золотой Орды (зима 1245/1246 г.) [Домбровский 2015: 560; Горский 2020: 34–37]. Тем самым новый правитель Владимира, Суздаля и Киева рассчитывал укрепить свое положение старшего князя Руси и главного союзника монголов. Однако родство с Джучидами не принесло удачи этому русскому князю, меньше чем через год убитому в Каракоруме, когда к власти в империи пришел Гуюк, непримиримый враг Бату (см.: [Горский 2014]).

Примечательно, что в дальнейшем, вопреки обычной монгольской практике, Бату никогда не делал никаких брачных предложений в адрес кого бы то ни было из русских князей. Насколько нам известно, в русских летописях, для которых тема отношений с монголами становится одной из главных, не зафиксировано ни одного случая такого рода. Этот факт предполагает существование какого-то негласного запрета на браки монголов с русскими (или на упоминание о них в летописях), возникшего еще в начальный период правления Бату,

который никогда не был отменен полностью. Как мы уже говорили, во второй половине XIII — начале XIV в. известны лишь несколько случаев односторонних браков русских князей с родственницами монгольских правителей.

Трагическая история, отразившаяся в «Повести о разорении Рязани», обнаруживающая глубокое несоответствие в отношении к браку у монголов и русских, до некоторой степени объясняет этот загадочный феномен. Если монгольские правители считали возможным подарить свою жену боевому соратнику за его особые заслуги перед сюзереном (как это сделал однажды сам Чингисхан, подаривший Чжурчедаю одну из своих старших жен Ибаку [SHM: 140–141, 789–792; ТИМ: 162 (§ 208)] (см. также: [Togan 1998: 100–106; Broadbridge 2018: 81–83]), то для русских князей подобное поведение было неприемлемым.

Брачные союзы и политическая лояльность

В источниках неоднократно отмечаются случаи, когда монгольские правители требовали от своих вассалов (вне зависимости от их культурной или религиозной принадлежности) принятия и соблюдения определенных норм морали и права, в том числе регулирующих сферу брачных отношений, даже если последние воспринимались как неприемлемые и прямо противоречили брачным нормам и культурным запретам реципиентов. Собственно говоря, именно случаи такого рода прежде всего получили отражение в источниках, происходящих как из христианской, так и из мусульманской культурной среды.

По-видимому, стратегическое значение, которое Чингизиды придавали семейно-брачным отношениям как действенному инструменту формирования военной и политической структуры глобальной империи, предписывало особые требования к соблюдению монгольских брачных законов. Чтобы занимать определенное место в имперской иерархии, нужно было стать родственниками Чингизидов по браку или по меньшей мере безусловно принимать установленные ими брачные законы и ритуалы и подчиняться им. Такой путь, с одной стороны, обеспечивал приобщение к монгольскому политическому классу, воспринимавшемуся как большой родственный коллектив или одна расширенная семья, живущая по единым законам (см.: [Рыкин 2003]). С другой стороны, принимая брачные нормы Чингизидов и отрекаясь от своих прежних законов, новые вассалы монгольских правителей демонстрировали им свою безусловную лояльность.

Атабек Аваг был первым кавказским правителем, покорившимся монголам (1236 г.). После этого он стал самой влиятельной фигурой при грузинском королевском дворе и де-факто правителем Армении. В 1240 или 1241 г. монгольские администраторы отправили его к Великому хану, который благосклонно принял Авага и подарил ему монгольскую жену (см.: [Dashdondog 2011: 71–74]). Смбат Спарпет, старший брат короля Киликийской Армении Хетума I, также имел монгольскую жену и сына от нее, известного как Василий Татарин, который стал главнокомандующим киликийскими войсками и погиб в битве с султаном Египта в 1269 г. [Галстян 1962: 9, 122; Der Nersessian 1973: 373, 374].

Вступив в брак с монголками, оба упомянутых представителя армянской аристократии имели одновременно монгольских и христианских жен, т. е. поступали сообразно монгольскому закону, допускавшему полигамные браки. Во всяком случае, ко времени женитьбы на монголках Аваг и Смбат уже были женатыми людьми, имевшими детей от христианских жен, и ничто не указывает на прекращение этих прежних браков. Армянская церковь, хотя и осуждала такие отступления от христианского закона, вынуждена была мириться с ними под давлением политических обстоятельств [Dashdondog 2011: 94]. Правивший в Восточной Грузии царь Деметре II одновременно был женат на трех женщинах: дочери трапезундского императора и двух монголок [Vashalomidze 2012: 318; Dashdondog 2011: 180, note 232]. Отказывавшийся признавать такой брак католикос Николоз II вынужден был сложить с себя сан и передать полномочия другому, более уступчивому иерарху [Цулая 2005: 123–124].

Роберт Бедросян отмечает, что к концу XIII в., несмотря на протесты со стороны церкви, многие представители армяно-грузинской знати полностью переняли монгольскую практику многоженства, что способствовало укреплению их политических связей не только с монголами, но и с другими правителями региона [Bedrosian 1979: 190, note 7].

С большой вероятностью мы можем предполагать, что от русских князей, бравших в жены монгольских женщин, в том числе родственниц ханов, последние могли ожидать или даже требовать подобного брачного поведения. Правда, в источниках не найти прямых доказательств на этот счет, однако едва ли для русских могли быть сделаны какие-то исключения. Тем более если учитывать, что основатель Золотой Орды специально требовал от русских князей подчинения монгольскому брачному закону, когда они женились на русских женщинах.

Плано Карпини и Ц. де Бридиа передают важный для нас случай, произошедший во время их пребывания во владениях Бату. По приказу последнего был казнен черниговский князь Андрей (вероятно, Андрей Мстиславич, погибший в 1245 г. [ПСРЛ (15): 31]), обвиненный в краже монгольских лошадей. После этого Бату приказал младшему брату Андрея «взять в жены вдову его брата и даже публично уложил их вместе в одну постель на глазах у остальных», — сообщает Ц. де Бридиа [НТ: 28 (§ 42); Painter 1965: 92].

Более подробно эту сцену описал Карпини. Младший брат и вдова казненного русского князя прибыли к Бату «с намерением упросить его не отнимать у них земли».

Бату сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья согласно обычаю Татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным [ПК: 30; РС: 238–239 (III.6)].

Вероятно, этот случай передан францисканцами со слов и в интерпретации русского очевидца. Однако у нас нет оснований сомневаться насчет ре-

альности описанного происшествия, поскольку оно полностью соответствует хорошо известному у монголов обычаю левирата, по которому каждая вдова имела право или даже была обязана вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь с его братьями (см.: [Holmgren 1986: Birge 1995]).

Реалистичность описанной Карпини сцены подчеркивается наличием двух характерных деталей: монголы принуждают юного черниговского князя к полному, а не условному совокуплению с вдовой его брата, и это совокупление происходит на глазах у множества свидетелей. Таким способом навязанный монголами брак был надежно зафиксирован, и от него новым супругам невозможно было отказаться после их возвращения из ставки Бату в Черниговскую землю.

Как видно из приведенного описания, Бату не только требовал, но и насильно принуждал своих русских подданных подчиняться монгольскому брачному закону. По-видимому, это была повсеместная практика, действовавшая в Монгольской империи. Известно, что в правление Хубилая монголы жестко требовали соблюдения левирата от своих подданных в Китае [Birge 1995: 120–124]. Питер Джексон отмечает, что монголы, хотя и не преследовали своих подданных на религиозной почве, усиленно насаждали среди завоеванных оседлых народов некоторые обычаи и практики, характерные для кочевников Внутренней Азии, в том числе левират. Это воспринималось как способ установления политического господства [Jackson 2005b: 259–260].

В свою очередь, неукоснительное соблюдение монгольских обычаев должно было обеспечить русским князьям, как и другим подданным хана, сохранение, а в некоторых случаях и повышение их прежнего статуса, поскольку должным образом удостоверяло их лояльность в отношении нового сюзерена.

Требуя себе жену рязанского князя Федора Юрьевича, Бату утверждал свое право вмешиваться в семейно-брачные отношения русских князей, грубо ломая их традиционный порядок и добиваясь тем самым полного подчинения своей власти.

Может быть, эта трагическая история, известная, по-видимому, не только в Рязанской земле, предопределила отмеченное нами выше осторожное отношение к взаимным брачным связям со стороны как монгольских правителей, так и русских князей, последовательно отказывавшихся отдавать своих женщин замуж в Орду. Строго говоря, и сами русские князья женились на монгольских принцессах только в первое, наиболее тяжелое для Руси столетие отношений с Золотой Ордой. Кроме того, мы не знаем ни одного подтвержденного случая добровольного следования русскими князьями монгольским брачным обычаям, будь то полигамия или левират, если не считать случаев силового принуждения, подобных описанному францисканцами эксцессу с молодым черниговским князем.

Нечестная игра

Несмотря на то что Великий Западный поход, санкционированный курултаем 1235 г., имел общеимперский характер и в нем участвовали монгольские принцы, происходившие из семей всех четырех старших сыновей Чингисхана

(включая старшего сына правящего императора), участники кампании преследовали не только общеимперские цели. Наряду с подчинением кипчаков и дальнейшим расширением Монгольской империи на Запад, предполагавшим завоевание Венгерского королевства и, возможно, других стран Центральной Европы, уже на этапе планирования Западного похода цель кампании была ограничена расширением территории улуса Джучи за счет его ближайших соседей. Конечно, улус Джучи оставался частью Монгольской империи, но в силу особого положения своего основателя обладал определенной автономией.

Согласно Джувейни и Рашид ад-Дину, хан Угэдэй первоначально собирался лично возглавить Западный поход, главной целью которого считал подчинение кипчаков. Однако в ходе дальнейшего обсуждения участники курултая существенно скорректировали этот первоначальный замысел: во главе кампании были поставлены Бату, Менгу и Гуюк, а ее целями помимо кипчаков были определены также Русь, Волжская Булгария и некоторые другие области и народы Поволжья и Северного Кавказа [Juvaini: 268–269].

Согласно «Тайной истории монголов», общее командование походом в итоге было возложено на Бату [SHM: 201, 989–991; ТИМ: 191–192]. Однако его возможности как главнокомандующего были ограничены. Монгольская армия, предназначенная для похода на Запад, фактически состояла из нескольких автономных дивизий или корпусов во главе со своими весьма амбициозными командирами, двое из которых — Гуюк и Менгу — претендовали на верховную власть в империи и через некоторое время стали императорами. Кроме того, структурно западная армия делилась на две части — левое и правое крылья. Левое крыло состояло из тех, кто был призван из «центра» (*ghol*) Монгольской империи, т. е. из владений Угэдэидов и Толуидов, и находился под командованием Гуюка. Правое крыло, которым непосредственно командовал Бату, формировалось во владениях Джучидов и Чагатаидов. Эти два крыла обычно действовали отдельно друг от друга, за исключением нескольких случаев. Еще одним фактором, ограничивавшим роль Бату, было назначение Субэдэя, самого опытного и авторитетного из монгольских генералов, в качестве координатора всей кампании [Kim 2005: 314].

Тем не менее благодаря своему положению главнокомандующего, которое, несомненно, было важнейшим политическим успехом Джучидов, достигнутым в результате закулисной борьбы и компромисса между старшими Чингизидами, Бату получил возможность влиять на общий ход кампании и выбор ее тактических целей, исходя из собственных интересов, которые не всегда и не во всем совпадали с интересами других участников похода. Разумеется, Бату прежде всего был заинтересован в расширении территории своего улуса. В конце 1220-х — начале 1230-х годов такую задачу Джучиды пытались решать собственными силами, развернув экспансию в Нижнем Поволжье и Волго-Уральском регионе. Однако этих сил не хватало, чтобы добиться решающего успеха (см.: [Korobeinikov 2008: 389–390; Измайлов 2009: 138–141]).

Другие Чингизиды, участники Западного похода, разумеется, чувствовали в действиях Бату эгоистический интерес и выражали свое недовольство его односторонними решениями на посту главнокомандующего, а также стремле-

нием направить кампанию и распределить ее результаты в пользу своей семьи. Однажды Бату даже должен был пожаловаться Угэдэю на неподобающее поведение двух из четырех главных участников похода — Гуюка (сына Угэдэя) и Бури (внука Чагатая), публично оскорбивших Бату во время пира и заявивших, что он дискредитировал себя как главнокомандующий [SHM: 206; ТИМ: 194 (§ 275)] (см. также: [Kim 2005: 314–320; Porsin 2020]). Третий из главных участников Западного похода — Менгу (сын Толуя) — вместе с другими эмирами вступился за Гуюка и Бури перед Угэдэем (§ 276–277), что позволило им избежать наказания за неповиновение своему командиру во время войны, которое при других обстоятельствах могло быть расценено как тяжкое преступление (см.: [Ratchnevsky 1987: 89–90]).

Бату не простил своих обидчиков и сумел покончить с одним из них: по его настоянию в 1251 г. был казнен Бури. Гильом де Рубрук, проезжавший через бывшие владения Бури в 1254 г., слышал историю о том, как этот последний публично негодовал по поводу доставшихся ему после Западного похода бедных пастбищ, тогда как лучшие пастбища на Волге Бату взял себе. Узнав об этом, Бату приказал людям Бури доставить их господина к нему и спросил, произносил ли тот подобные слова. Бури признал вину, оправдываясь тем, что был пьян. Раскаяние и оправдания не помогли, и Бури был казнен [GR: 112–113; BP: 125] (см. также: [Atwood 2007: 13–14]).

Сообщение «Тайной истории монголов» о ссоре Бату и Гуюка (§ 275–277) почти наверняка является поздней вставкой, имевшей целью бросить тень на Угэдэидов, чтобы тем самым оправдать насильственное отстранение их от власти, совершенное в начале 1250-х годов Толуидами и Джучидами [SHM: 1014]. Поэтому обвинения, предъявленные Гуюком в адрес Бату, выглядят как грубые и немотивированные личные оскорбления, компрометирующие не столько Бату, сколько его обвинителей. Однако из приведенных далее слов Угэдэя, отчитавшего Гуюка за неповиновение Бату как старшему военачальнику, явствует, что претензии к последнему имели реальные основания и касались его роли в русской кампании: «По всему видно, что ты возмнил себя единственным и непобедимым покорителем Русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата», — выговаривал Угэдэй Гуюку [SHM: 208; ТИМ: 195].

Таким образом, проведенный с большим размахом и внешним блеском Великий Западный поход монголов, завершившийся грандиозными завоеваниями и огромной добычей, привел к острому конфликту между его главными участниками. Мы можем определить, на каком этапе возник этот конфликт. Если проведенная Чингизидами в 1236–1237 гг. кампания против Волжской Булгарии и других стран и народов Волго-Уральского региона не вызвала заметных разногласий или нареканий в адрес Бату как главнокомандующего, то в ходе завоевания Руси монгольские принцы поссорились друг с другом и часть из них отказала в доверии своему предводителю. Попробуем выяснить причину ссоры.

Как известно, через некоторое время после завоевания Средней Азии Чингисхан разделил свои владения между сыновьями. Джувейни сообщает:

Своему старшему сыну Туши (Джучи. — *А. М.*) он передал территорию, простирающуюся от районов Каялыка (современная Алматин-

ская область Казахстана. — А. М.) и Хорезма до самых отдаленных частей Саксина (в низовьях Волги. — А. М.) и Булгара (территория волжских болгар. — А. М.), настолько далеко, насколько сможет проникнуть копыто татарского коня [Juvaini: 42].

Таким образом, по воле основателя империи в состав улуса Джучи были переданы территории к западу от Иртыша и Нижней Амударьи вплоть до Волги [Кляшторный, Султанов 2004: 200]. Поэтому передача Бату и членам его семьи территорий между Уралом и Волгой, завоеванных на первом этапе Западного похода, другими Чингизидами воспринималась как справедливая мера, восстанавливающая наследственные права Джучидов, подтвержденные курултаем 1235 г.

Однако территории, располагавшиеся к западу от Волги, включая земли куманов и русские княжества, не могли считаться достоянием одних только Джучидов, поскольку были завоеваны общими силами всех участвовавших в Западном походе монгольских принцев. Когда Бату начал заявлять претензии также и на завоеванные под его руководством земли к западу от Волги, допуская произвольные трактовки завещания Чингисхана, это вызвало недовольство других Чингизидов и привело к острому конфликту с Гуюком, Бури и другими участниками кампании.

Южная Русь и ее главный и самый богатый город Киев были заранее определены в качестве целей монгольских завоеваний на Западе (ТИМ. § 262, 270; подробнее см.: [Maierov 2021b]). Непосредственно граничащие со степью земли Южной Руси, князья которых были родственниками и военными союзниками западных кипчаков (половцев), естественным образом входили в зону монгольской экспансии. Однако удаленная от степи, покрытая лесами и болотами Северо-Восточная Русь, как мы уже видели, едва ли могла быть привлекательной для завоевателей с точки зрения их общих интересов. Это обстоятельство заставляет предполагать, что именно в ходе завоевания Северо-Восточной Руси должны были начаться противоречия между Бату и другими монгольскими принцами.

Обман и провокация

Почувствовав колебания рязанских князей и не будучи уверенным в их полной лояльности, Бату мог намеренно спровоцировать срыв мирных переговоров, предъявляя заведомо невыполнимые требования. Не случайно мотив провокации отчетливо звучит в «Повести о разорении Рязани». Орудием провокации выступают рязанские бояре, которые вольно или невольно предают своего князя Федора Юрьевича и, принимая сторону захватчиков, раскрывают перед Бату тайну Федора, имевшего красавицу жену из царского рода. Воспользовавшись этим предательством, Бату не только потребовал себе жену рязанского князя, но и казнил последнего за отказ от повиновения.

Несомненно, Бату мог найти оправдания своим действиям в обычном праве монголов, прецедентах, созданных Чингисханом и Угэдзем, и особых привилегиях, которыми пользовались Чингизиды. Однако враждебные Бату монгольские принцы, такие как Гуюк и Бури, могли увидеть в его действиях

превышение полномочий и воспользоваться этим для сведения личных счетов. Косвенным подтверждением нашему предположению служат встречные обвинения в адрес Гуюка, очевидно, сделанные Бату, которые затем повторил Угэдэй: «Говорят про тебя, что ты в походе не оставлял у людей и задней части, у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица» [SHM: 208; ТИМ: 195]. Такую неслыханную жестокость Гуюк будто бы проявлял как раз во время русской кампании. Сообщив об этом Угэдэю, Бату как бы дезавуировал подобные обвинения в свой адрес.

Разумеется, оппонентов Бату меньше всего волновала судьба рязанских князей, как и Северо-Восточной Руси вообще. Однако атака рязанцев на ставку Бату, вызванная провокационными действиями последнего, позволила предводителю Западного похода внести существенные изменения в общий план кампании и добиться того, чтобы силы всех монгольских принцев были перенаправлены на Северо-Восточную Русь. Тем самым свое положение главнокомандующего Бату в полной мере использовал для расширения и укрепления собственного улуса, вопреки интересам других Чингизидов, стремившихся прежде всего к захвату кипчакских степей и дальнейшему продвижению на Запад. Потратив значительные силы и время на завоевание Северо-Восточной Руси, Гуюк, Бури и другие участники похода не получили для себя тех выгод, на которые в праве были рассчитывать.

Сейчас уже нельзя в точности сказать, что именно побудило Бату прибегнуть к провокации в разгар мирных переговоров с рязанцами. Если допустить, что недостаточно опытный в дипломатических делах Федор так или иначе согласился с требованиями Бату и готов был принять выдвинутые им условия мирного подчинения, то оставались еще старшие рязанские князья, которые, согласно «Повести о разорении Рязани», не участвовали в переговорах с монголами, а только наблюдали за ними со стороны. Никто из старших князей ничего не обещал Бату лично и, находясь где-то неподалеку, даже не посетил его ставку.

Какими бы ни были первоначальные намерения Бату, его переговоры с рязанцами в конечном итоге были проведены в соответствии с тактикой, детально описанной в отчете Плано Карпини, которую можно было бы назвать тактикой обмана и провокации.

Папский посланник сообщает, что поначалу татары предъявляют мягкие требования, но, как только кто-то подчинится им, требования становятся все более жесткими, и давление усиливается:

Сначала они действительно гладкие, но в конце концов они жалят, как скорпион (...) Любое зло, которое они собираются причинить другим, они замечательно скрывают, чтобы последние не могли принять никаких мер предосторожности и никаких средств против их хитрости (IV.6).

В дальнейшем Карпини неоднократно возвращается к этой характеристике и дополняет ее новыми яркими штрихами:

Когда они [татары] имеют полную власть над ними [покоренными народами], если они дают им какие-либо обещания, то не выполняют

их; скорее они находят причины предъявлять к ним все возможные чрезвычайные требования, какие только могут найти (VII.3).

Кроме того,

...они [татары] нарушают любые обещания, которые они дают, как только видят, что ситуация повернулась в их пользу, и они полны обмана во всех своих делах и заверениях (VIII.3).

Чтобы удержать покорившихся им людей в повиновении, татары не жалеют ложных обещаний и посулов всевозможных благ:

...они доходят до того, что обещают сделать их могущественными владыками. Но после того, как могут быть уверенными, что они не уйдут, превращают их в самых несчастных рабов и точно также поступают с их женщинами, которых хотят взять себе в качестве слуг и наложниц (VIII.6) [ПК: 35, 55, 60–61; РС: 247, 285, 294, 296].

Последняя характеристика как будто специально списана Карпини с истории, произошедшей во время мирных переговоров Бату с рязанскими князьями, как она представлена в версии средневекового русского книжника. Во всяком случае, Федор Юрьевич и другие рязанские князья, как кажется, могли бы полностью подтвердить правоту западного наблюдателя. Это и не удивительно, ведь Карпини в значительной мере основывал свой анализ на фактах, о которых он узнал во время пребывания на Руси или получил от христиан, найденных при дворах Бату и Гуюка, среди которых заметную роль играли венгры, «знающие латынь и галльский», а также русские — князья, священники и искусные ремесленники, захваченные монголами в результате успешных походов в Восточную Европу (см.: [Guzman 1996: 58–60; 2010: 131–133; Горский 2014: 185]).

Эта общая особенность информации о монголах, собранной францисканцами, несомненно, была обусловлена лингвистической квалификацией участников экспедиции, и в частности брата Бенедикта Поляка. Его, как знавшего русский язык, Карпини взял с собой, решив ехать к монголам через русские земли [РС: 228; ПК: 24] и поначалу надеясь, что его путь закончится если не в самой Руси, то где-то неподалеку, во владениях ближайшего к ней монгольского правителя. В действительности Бенедикту пришлось сопровождать Карпини до самого Каракорума, оставаясь его переводчиком и едва ли не единственным источником или, точнее, ретранслятором информации, которую руководитель и другие участники миссии могли воспринимать более или менее адекватно.

Вскрывая истинные цели монголов на Западе, Карпини утверждал, что у них был тайный план полного уничтожения правителей и знати у всех покоренных народов:

Их цель — стереть с лица земли всех государей, вельмож, рыцарей и людей благородного происхождения, как уже было сказано, и они коварно и искусно делают это с теми, кто был в их власти (VIII.4).

Еще раз подчеркнем, что это и подобные заключения Карпини сделал, прежде всего анализируя факты взаимоотношений монголов с русскими князьями, которые он систематически собирал и последовательно описывал для обоснования своих выводов:

Против некоторых также они фабрикуют причины, чтобы их казнить, как было сделано с Михаилом [Черниговским] и с другими; некоторым же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других; некоторых они убивают с помощью снадобий или яда; ибо намерение татар состоит в том, чтобы они одни правили миром (VII.5) [ПК: 55–56, 60; РС: 286, 295].

Последнее умозаключение сделано непосредственно на основе фактов отношений монголов с русскими князьями, будь то Михаил Черниговский или Ярослав Владимиро-Суздальский, с которым Карпини встречался лично накануне его трагической гибели в Каракоруме (см.: [Горский 2014]). О судьбе князей Михаила и Ярослава известно также по русским источникам, сведения которых в целом соответствуют показаниям папского посланника. Ограничиваясь только фактами, непосредственно относящимися ко времени своей поездки на Восток, Карпини не упоминает никого из рязанских князей, погибших десятью годами ранее. Однако едва ли можно сомневаться, что их трагический опыт также отразился в его отчете. Этим мы можем объяснить постоянные упоминания Карпини о коварстве и лживости монголов, его уверенность в том, что любые их обещания и мирные предложения ничего не стоят, так как преследуют лишь одну цель — сбить с толку, запутать и обмануть их противников.

Именно в таком свете должны были воспринимать монголов рязанские князья, а вслед за ними и многие другие русские современники Батыева нашествия. Первоначально «гладкие» и даже заманчивые мирные предложения монголов сменились новыми «чрезвычайными требованиями», как только рязанские князья согласились вступить в переговоры с завоевателями, в итоге последние стали обращаться с рязанцами и их женщинами как с рабами. Монголы не собирались исполнять своих обещаний, жестоко обманув поверивших им рязанских князей, поскольку изначально имели целью убить их, чтобы захватить их землю и править ею.

Такой, в сущности, взгляд на мирные предложения Бату представлен автором «Повести о разорении Рязани». Посольство, доставившее мирные предложения Бату в Рязань, названо здесь бездельным («послы бездѣльны»), т. е. пустым, бесполезным, напрасным, поскольку пустыми и напрасными оказались обещания, которым поверили рязанцы. Сам Бату постоянно характеризуется в повести как «безбожный царь», который был «лжив и немилосерд», и его обещания не воевать с рязанцами были ложью от начала и до конца («охапися лестию не воевати Резанския земли»).

Описывая завоевательную стратегию монголов, сводившуюся будто бы к истреблению правителей всех подчинившихся им народов, Карпини не заметил никаких признаков существования стратегии семейной конфедерации, которую монголы, как мы видели, систематически использовали со времен Чингисхана. Маловероятно, что эта стратегия, сыгравшая существенную

роль в создании Монгольской империи, ко времени Великого Западного похода утратила актуальность и отошла в прошлое. Ее следы, как уже отмечалось, заметны в практике подчинения правителей Кавказа и Анатолии, а также в требованиях к венгерскому королю Беле IV золотоордынского правителя Берке.

Более вероятно, на наш взгляд, другое объяснение: в своей общей характеристике завоевательной стратегии монголов Карпини следовал тому ее пониманию и толкованию, которое сформировалось тогда на Руси и которое он мог слышать от своих русских информаторов. В основе этого понимания лежали реальные факты взаимоотношений монголов с русскими, в том числе передаваемые автором «Повести о разорении Рязани». Этот русский книжник, хотя и знал подробности мирных переговоров рязанских князей с Бату, в том числе знал о его брачных предложениях, не придавал им значения, так как после гибели рязанских князей и разорения Рязани воспринимал переговоры с монголами исключительно как обман и провокацию последних. В сообщении Новгородской первой летописи детали мирных переговоров рязанских князей с Бату и вовсе пропущены как несущественные.

Таким образом, часть общих выводов о монголах Карпини сделал на основе своего «русского досье», а также под впечатлением от ужасной смерти великого князя Ярослава Всеволодовича, отравленного в Каракоруме. Поэтому в отчете папского посла отразилось прежде всего русское понимание завоевательной концепции монголов, сложившееся в первые годы русско-монгольских отношений, когда казалось, что завоеватели стремятся к полному истреблению правителей всех стран и народов, которые могли представлять реальную или потенциальную угрозу их власти.

Узнав о требованиях Бату, рязанские князья, как и венгерский король Бела, не спешили принимать условия завоевателей. Возможно, рязанцы уже что-то слышали о коварстве и лживости монголов. В любом случае они должны были помнить, как в 1223 г. монголы обманули великого князя Мстислава Романовича Киевского и других князей Южной Руси, выманив их из укрепленного лагеря на берегу злосчастной реки Калки ложными обещаниями сохранить жизнь и освободить за выкуп, а вместо этого жестоко убили [ПСРЛ (3): 63]. Общая настороженность и недоверие, которое, скорее всего, заранее испытывали рязанцы к монголам, разумеется, влияла на их договороспособность и ограничивала возможность взаимопонимания, тем более что русские вообще мало знали тогда о монголах и их обычаях.

Убедившись в невозможности подчинения всех рязанских князей мирными средствами, Бату должен был форсировать переговоры выгодным для себя образом. Выдвигая новое требование, касавшееся жены князя Федора, монгольский предводитель скорее всего понимал, какую реакцию оно должно вызвать. Весьма вероятно, что со стороны Бату это была заранее подготовленная провокация, проведенная с помощью кого-то из предателей-бояр. Спровоцировав рязанцев первыми атаковать свой лагерь, монгольский предводитель получил законный повод обратиться за военной помощью ко всем участникам Западного похода.

Последний ответ рязанцев

Вернемся к содержащемуся в «Повести о разорении Рязани» эпизоду русской атаки на ставку Бату, альтернативному ранней летописной версии борьбы рязанцев с монголами. Если в Новгородской первой летописи сообщается, что князья бились в осаде, защищая Рязань, когда ее уже обступили вражеские войска, то в повести рассказано о том, что рязанцы выступили навстречу монголам и дали им бой на границе Рязанской земли. Узнав о гибели своего сына Федора, рязанский князь Юрий Игоревич вместе со своими братьями первым атаковал монголов, когда они еще находились в своем лагере на реке Воронеж. Силы были неравными, и большинство рязанских «удальцов» во главе со своими князьями погибли в бою [Повесть: 144–145].

В более сжатом виде сообщение о первом боевом столкновении русских с монголами, произошедшем у границ Рязанской земли, встречается в некоторых поздних летописях [ПСРЛ (10): 105–106; ср. (6/1): 288–289; (4): 215; (15): 366; (25): 126].

Нет сомнений в том, что эта поздняя версия, прежде всего в том виде, как она представлена в «Повести о разорении Рязани», возникла в результате переоценки действительности, литературной переработки с элементами художественного переосмысления и героизации подвига рязанцев. Тем не менее мы не станем полностью отрицать, что приведенный выше эпизод мог иметь реальную основу.

Как мы уже видели, из сообщения Новгородской первой летописи следует, что во время переговоров с Бату рязанские князья находились где-то неподалеку от его ставки в Нузле, расположившись походным лагерем на реке Воронеж. Чтобы переговоры могли состояться, кому-то из них нужно было лично прибыть к Бату и затем обеспечивать постоянную связь между двумя лагерями — монгольским и русским, устроенными друг против друга по течению одной и той же реки. В отличие от новгородской летописи рязанская повесть сохранила имя этого князя-переговорщика.

Прежде чем получить личную аудиенцию у монгольского правителя, любому иностранцу нужно было совершить специальный очистительный обряд. Старшие князья, возможно, не пожелали пройти через эту языческую процедуру, обычно вызывавшую настороженность у русских, и в результате перед Бату оказался молодой и неопытный князь Федор. Его, как, очевидно, и других князей, прибывших на переговоры с монголами, сопровождали их бояре и дружины. Следовательно, русские князья могли иметь под рукой некоторую военную силу, чтобы ответить на убийство своего парламентаря.

Более того, если допустить, что какой-то рязанский отряд действительно атаковал монголов у реки Воронеж, мы получим возможность представить общий ход событий, предопределивший печальную судьбу Рязанской земли, восстанавливаемый на основе свидетельств всех известных нам источников.

Локальная пограничная стычка, каковой в действительности могла быть описанная в повести атака рязанцев, когда они еще могли, пусть даже от отчаяния, ответить на убийство своего князя, не имела заметного военного результата, но должна была кардинально изменить политическую обстановку. После этого инцидента Бату прекратил мирные переговоры с русскими князьями и начал готовиться к военной операции.

Насколько можно судить, перемену в планах монголов относительно Руси заметил венгерский доминиканец Юлиан, проведший лето и часть осени 1237 г. во Владимиро-Суздальской и Рязанской землях. Ранее посетивший Рим и принятый папой Григорием IX (1236 г.), Юлиан, очевидно, имел полномочия главы специальной доминиканской миссии, которая, подобно другим папским миссиям на Восток, имела двойное назначение: под прикрытием внешне заявленных прозелитических целей она должна была собрать необходимую для Запада разведывательную информацию о монголах. Поэтому отчет Юлиана изобилует сведениями о монгольских тактических приемах ведения войны; о предшествующих военных кампаниях Чингисхана и Джучи и о монгольских завоеваниях в начальной стадии Западного похода [Хаутала 2015: 50].

Побывав при дворе великого князя Юрия Всеволодовича и получив от него монгольский ультиматум с угрозами в адрес венгерского короля, Юлиан был уверен, что целью начатого монголами похода на Запад является Венгерское королевство. В то же время, ссылаясь на информацию, полученную из других источников, Юлиан утверждает, что монголы приняли решение напасть на Русь и только «ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских» [Dörrie 1956: 173–174; Хаутала 2015: 386].

Рашид ад-Дин приводит важное для нас сообщение, отсутствующее в других источниках и позволяющее представить более полную картину происходящего. Осенью 1237 г. все монгольские принцы, участвовавшие в Западном походе, собрались на курултай, на котором было принято решение начать войну против Руси: «Осенью того же года все князья, которые были в этих краях, провели курултай, и все вместе отправились на войну против орусов» [РД (2): 38; RD: 327]. Ранее, как мы уже видели, Рашид ад-Дин вслед за Джувейни говорит о том, что первоначально целью Западного похода монголов, обсуждавшейся курултаем 1235 г., были западные кипчаки [Juvaini: 196–200; RD: 324] (см. также: [Göckenjan 1991: 38–39; Zimonui 2014: 329–332]). Анализ свидетельств, представленных официальной историографией династии Юань, приводит нас к такому же выводу. По словам Томаса Оллсена, «...имперские указы, инициировавшие Западную кампанию, по крайней мере в той форме, в которой они зафиксированы в китайских источниках, неизменно называют кипчаков в качестве ее цели, за исключением тех случаев, когда перечисляются все территории, предоставленные Джучи и его наследникам (т. е. *Кипчак, Русь, Алания* и т. п.). Более того, в излагаемых “Юань-ши” биографиях тех военных командиров, кто служил на западе, операции 1236–1241 гг. обычно именуются *Кипчакской кампанией*. Русичи тоже упоминаются в этих источниках, но это название никогда само по себе не используется для обозначения походов на запад <...> Следовательно, покорение кипчаков, а не завоевание Руси было главной целью Западной кампании, начавшейся в 1236 г.» [Allsen 1983a: 22].

Очевидно, созыв нового курултая, внесшего важные коррективы в первоначальные планы монголов и, по сути, перенаправившего их главный удар на Русь, был вызван соответствующими изменениями стратегической обстановки на Западном фронте.

По всей видимости, в начале осени 1237 г. Бату выбирал между двумя возможными сценариями подчинения Северо-Восточной Руси — мирным (через переговоры и брачный союз) и военным. В подобных случаях монголы всегда начинали с мирных переговоров, подкрепляя свои требования о добровольном подчинении демонстрацией военной силы, готовой к боевому применению.

Согласно Новгородской первой летописи, монголы подошли к русским границам «безвестно», т. е. скрытно от рязанцев, поскольку прошли «лесом» и появились там, где их не ждали [ПСРЛ (3): 74] (см. также: [Хрусталеv 2015: 135]). Обманув таким образом русских, они имели возможность для неожиданного нападения на главные рязанские города, но не воспользовались ею, как бы подчеркивая свое намерение решить дело миром. И только после провала переговоров с рязанцами, используя свое военное превосходство, монголы реализовали военный сценарий.

По данным русских источников, монгольские войска подошли к Рязани 16 декабря 1237 г. и окружили ее частоколом, за которым расположили свои метательные машины, обстреливавшие город камнями и зажигательными снарядами [ПСРЛ (3): 286–287; Повесть: 144–145]. Эту картину дополняют несколькими важными деталями промонгольские источники. Согласно Рашид ад-Дину, в штурме Рязани вместе с Бату принимали участие еще шесть монгольских принцев — Орда, Гуюк, Менгу, Кулкан, Кадан и Бури [RD: 327; РД (2): 38–39]. Следовательно, на Рязань были брошены главные монгольские силы, и это обстоятельство выдвигает штурм Рязани в число важнейших операций всей Западной кампании. В нескольких разделах «Юань-ши» находим сведения о том, что штурм города продлился семь дней и потребовал личного участия в схватке монгольских принцев: в одном рукопашном бою отличился будущий хан Менгу [Abramowski 1979: 17; Храпачевский 2009: 181, 208]. В штурме города участвовал также высокопоставленный тангутский военачальник Hsi-li Ch'ien-pu (*Širi Gambu) [Храпачевский 2009: 242] (см.: [Кычанов 2002: 80]). Если учитывать, что монголы, вероятнее всего, сами не производили селитру и не овладели навыками применения огнестрельного оружия в бою, эти задачи в монгольской армии решали прежде всего выходцы из Северного Китая, бывшие подданные империи Цзинь и тангутского государства Си Ся (см.: [Нав 2013]). Впрочем, нельзя точно сказать, применялось ли пороховое оружие в монгольской армии во время Великого Западного похода. Согласно Карпини, при штурме городов монголы использовали «греческий огонь» (*ignis Graecus*) (VI.15). Новейшие исследователи считают, что таким термином могла обозначаться горячая смесь, созданная на основе сырой нефти [Pow 2019: 239]. Как бы то ни было, ясно, что, стремясь во что бы то ни стало уничтожить Рязань, монголы использовали против нее все преимущества своей армии.

Еще одна женщина

Ранние русские летописи, кратко сообщающие о судьбе Рязани, не содержат сведений о личном участии Бату в мирных переговорах с рязанскими князьями. Лаврентьевская и Новгородская первая летописи вообще не упоминают предводителя захватчиков в своих повествованиях о монгольском нашествии на Русь. Версия «Повести о разорении Рязани» и некоторых поздних летопи-

сей, представляющая Бату в качестве главного действующего лица, выглядит более основательной, если исходить из того, что монгольский главнокомандующий должен был лично принимать решения, определявшие цели, общие для всех участников кампании, а также выбор средств для достижения этих целей.

В то же время при более внимательном рассмотрении сообщения Новгородской первой летописи о мирных переговорах рязанцев с монголами замечен некоторый след, непосредственно ведущий нас к Бату. Этот след оставила еще одна женщина, важная участница описываемых событий, сыгравшая не последнюю роль в судьбе Рязани. По словам летописи, монголы, прийдя к Нузле, «послали оттуда к рязанским князьям своих послов, женщину-чародейку и двух мужчин с нею» [ПСРЛ (3): 74]. Со времен И. Н. Березина принято считать, что главным участником монгольского посольства в Рязань была женщина-шаманка [Березин 1855: 113] (см. также: [Кривошеев 2015: 128–129]).

Христианские наблюдатели свидетельствуют о важной роли шаманов, прорицателей и колдунов, состоявших при монгольских правителях в период великих завоеваний на Западе. Согласно Плано Карпини, монголы «усиленно предаются гаданиям вообще (...) чародействам и волшебствам» [ПК: 31; РС: 240]. Гильом де Рубрук отмечает: колдуны и волшебники «указывают наперед дни счастливые и несчастные для производства всех дел, отсюда Татары никогда не собирают войска и не начинают войны без их решительного слова» [ВР: 176; GR: 262–265]. Ему вторит Киракос Гандзакец: «Без повеления своих колдунов и кудесников [татары] не пускались в путь — [делали это] только с их разрешения». Этот же автор уточняет, что колдунами и прорицателями у монголов нередко были женщины: «Женщины их были колдуньи и гадали обо всем» [Boyle 1963: 208; KG: 236].

Бату был тем монгольским предводителем, кто сверял свои важнейшие решения с откровениями колдунов и прорицателей. Вместе с тем, следуя примеру Чингисхана, он мог обращаться к монгольским божествам непосредственно и получать от них необходимые указания и помощь перед решающими сражениями, как, например, перед битвой с венграми на реке Шайо (см.: [Pow, Laszlovsky 2019: 270–272]). По всей видимости, подобные религиозно-магические практики были важной частью завоевательной стратегии монголов, пока еще недооцененной исследователями.

По сообщению Симона де Сен-Квентина, накануне вторжения в Венгрию Бату провел магический сеанс, обратившись к «демонам» и призвав их на помощь:

Собираясь войти в Венгрию, Бату принес жертвы демонам, советуясь с ними относительно того, смеет ли он пойти туда. Демон, обитавший в идоле, ответил ему: «Действуй смело. Потому что я пошлю перед тобой трех духов, благодаря которым твои противники не смогут противостоять тебе». Так и случилось [SQ XXXI.149] (см.: [Göckenjan 1991: 50]).

Плано Карпини, главный западный эксперт по монголам, описывая магические практики последних, приводит дополнительные сведения, которые выглядят как своего рода комментарий к сообщению Симона де Сен-Квентина:

И, когда им [Тартарам] отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог. Этого Бога они называют *Итога* (*Utoga*), а Команы именуют его *Кам* (*Kam*); они удивительно боятся и чтут его и приносят ему много даров и начатки пищи и питья, и делают все согласно его ответам [ПК: 31; РС: 240–241 (III.10)] (ср. [НТ: 28–29 (§ 42–43); [Painter 1965: 92]]).

Доржи Банзаров первым показал, что Итога — это искажение монгольского названия богини земли Этуген. Не зная монгольского языка, Плано Карпини смешал имя богини земли со словом *удаган* (*идоган*), которым монголы называли женщину-шаманку, и поэтому отождествил имена *Итога* и *Кам*. В действительности речь здесь должна идти о двух различных понятиях — имени богини Этуген и тюркском слове *qat*, обозначавшем шамана [Банзаров 1891: 16–17; Pelliot 1963: 791–792] (ср. [Lubsangdorji 2010: 97]). Ошибка, сделанная Карпини, сама по себе имеет важное значение, так как лучше всего указывает на близкую фонетическую и семантическую связь слов, обозначающих богиню земли и шаманок, обеспечивавших общение с духами земли.

Едва ли можно сомневаться, что накануне нашествия на Русь предводитель монголов также обращался за помощью сверхъестественных сил, используя практики, подобные тем, какие описывали братья Симон и Иоанн. Если магические сеансы, устраиваемые предводителем монголов, были связаны с Этуген и духами земли, то вполне вероятно, что в них могли участвовать шаманки, в том числе та из них, которой Бату доверил руководить посольством в Рязань.

Остается открытым вопрос, мог ли монгольский предводитель отправить женщину в качестве посла в еще не завоеванный и не подчинившийся город. Хотя монгольские женщины, особенно жены или вдовы ханов, пользовались большим влиянием в решении важнейших политических и дипломатических вопросов, нет никаких подтверждений, чтобы хотя бы одна из них могла быть отправлена в качестве посланника во враждебную страну [Halperin 2009: 34]. Также нет достоверных фактов, подтверждающих, что в качестве посла могла бы выступать женщина-шаманка. Признавая реальным описанный в новгородской летописи случай, мы должны оценивать его как совершенно исключительный. Такой вывод сделал еще Н. И. Веселовский: «Если в стане Батыя находилась шаманка, то надо допустить, что в глазах его она обладала великой духовной силой и была способна вести дипломатические переговоры, на которые женщины обыкновенно не посылаются» [Веселовский 1916: 84].

Отправляя шаманку в Рязань, а затем во Владимир, Бату, очевидно, рассчитывал не только использовать ее дипломатические способности, но и употребить ее колдовские чары против русских князей и Русской земли (ср. [Кривошеев 2015: 129–132, 168]), применяя одну из магических практик, о которой сегодня невозможно судить более определенно. Поначалу шаманка действовала вполне успешно. Рязанские и владими́ро-суздальский князья вступили в мирные переговоры с Бату и принесли ему свои дары, что, как мы видели, в глазах монголов свидетельствовало о готовности к подчинению. В какой-то момент, однако, ситуация вышла из-под контроля, и Бату должен был искать помощи других Чингизидов, чтобы общими усилиями подчинить Северо-Восточную Русь военным путем.

В приведенном выше рассказе «Тайной истории монголов» о ссоре Бату с Гуюком и Бури, произошедшей после русской кампании, есть одна очень примечательная деталь. Недовольные Бату как военачальником Гуюк и Бури в гневе называют его «старухой с бородой (бородатой бабой), прикидывающейся равной нам» и «старухой с колчаном (луком)», причем в оригинале используется множественное число: «старухи с бородой» (*saqaltan emeged*) и «старухи с луками» (*tede qortan emeged*) (§ 275). Следовательно, слова Гуюка и Бури были адресованы не одному только Бату, но и каким-то его сторонникам. Иногда считается, что недовольные Чингизиды высказывали свое презрение сразу всей армии, состоявшей под командованием Бату [Kim 2005: 319].

Для лучшего понимания этого фрагмента имеет значение его вторая часть: демарш монгольских принцев поддержал Аргасун, сын Эльджигидея, видного военачальника и администратора. В добавок к оскорблениям, произнесенным Гуюком и Бури, Аргасун с издевкой предложил привязать Бату и его последователям деревянные хвосты: «Давайте мы вправим им деревянные хвосты!» (пер. С. А. Козина) или «Let's attach a wooden tail to them!» (пер. Игоря де Рахевильца) [ТИМ: 194; SHM: 206]. Привязывание к себе хвоста животного было в обычае у монгольских шаманов, что неоднократно отмечено в «Тайной истории» и других источниках. Похоже, что именно этот обычай подразумевали враги Бату, насмехаясь над ним (см.: [SHM: 652–653]). Следовательно, издевательски уподобляя Бату женщине и предлагая привязать ему хвост, Гуюк, Бури и Аргасун могли иметь в виду чрезмерное увлечение Бату гаданиями и колдовством и неоправданное доверие некой реально существовавшей женщине-шаманке. Подчинить русских своими силами Бату не смог, за него это должны были сделать другие Чингизиды, которые затем жестоко высмеивали своего незадачливого командира, оказавшегося в их глазах еще и плохим прорицателем.

Поворот на север

Участие в штурме Рязани сразу всех монгольских принцев, задействованных в Западном походе, несомненно, было следствием коллективного решения, принятого новым курултаем, изменившим первоначальный план Западного похода. Эти изменения должны были произойти в ответ на неудачу мирных переговоров и боевое столкновение с дружинами русских князей, произошедшее на границе Рязанской земли. Новый план кампании, предполагавший нанесение удара по Рязани главными силами монголов, с учетом его возможного согласования с императором, мог быть окончательно принят и утвержден в конце осени или начале зимы 1237 г.

Ранее, согласно донесению брата Юлиана, монгольские войска, разделенные на несколько частей, были рассредоточены на широком пространстве вдоль восточных и юго-восточных границ Руси: «Теперь же, пребывая на границах Руси, мы изведали истинное положение дел, что все войско тартар, пришедшее в западные края, разделено на четыре части». Однако далее Юлиан называет только три из этих частей:

Первая часть расположилась у реки Итиль [Волга] на границах Руси, с восточной стороны от Суздаля. Другая же часть — уже на юге, на границах Рязани, другого княжества рутенов, на которое они никогда не нападали. Третья же часть располагается напротив реки Дон, рядом с крепостью Оргенхусин, другим княжеством рутенов [Dögtie 1956: 173–174, 175; Göckenjan, Sweeney 1985: 104–105, 117–118; Хаутала 2015: 386] (ср. [Sinor 2002: 1163–1164, 1166]).

Ниже, характеризуя общий план Западной кампании монголов, Юлиан говорит, что первоначально монгольский император разделил свои силы на три армии, и только одну из них он намеревался использовать против Руси:

...он направил свое войско в разные земли, а именно, за море, как мы полагаем, и что он там сделал, вы также уже слышали. Другое же многочисленное войско он послал к морю против всех куманов, которые перебежали в края Венгрии. Третье же войско осадило всю Русь, как я говорил [Dögtie 1956: 175; Göckenjan, Sweeney 1985: 105; Хаутала 2015: 387].

Первая из упомянутых здесь монгольских армий, отправленная «за море», — это, несомненно, кавказская армия Чормагана, начавшая военные действия в 1236 г. и в короткий срок подчинившая основные центры Великой Армении [May 1996: 49–50, 52; Хаутала 2015: 372 (примеч. 31), 395 (примеч. 32)]. Вторая армия, наиболее многочисленная, должна была наступать вдоль северных берегов Азовского и Черного морей против «всех куманов». И только третью армию первоначально предполагалось использовать против Руси. Причем эта третья армия должна была не атаковать, а осаждать «всю Русь». Видимо, поэтому она была разделена на части и рассредоточена вдоль границ Рязанской и Владимиро-Суздальской земель.

Не реализовав своих прозелитических целей, касавшихся заволжских мадьяров, Юлиан достиг впечатляющих результатов как военный разведчик, собирая сведения из всех доступных источников, среди которых были как русские информаторы — суздальские и рязанские — во главе с великим князем Юрием Всеволодовичем, так и половцы. Возвращаясь в Венгрию через земли куманов, Юлиан, несомненно, пользовался поддержкой местных князей. Как известно, часть из них накануне монгольского вторжения приняла христианство, принесла вассальную присягу венгерскому королю, и венгерские доминиканцы активно способствовали обращению куманов (см.: [Berend 2001: 213–215; Vásáry 2005: 137–138; Kovács 2005; Spinei 2009: 152–155; Хаутала 2014]). Не случайно поэтому, что с помощью куманов Юлиан смог перевести текст монгольского ультиматума, адресованного королю венгров [Dögtie 1956: 177; Göckenjan, Sweeney 1985: 107; Хаутала 2015: 388–389]. Очевидно, куманы не только консультировали папского эмиссара в языковых вопросах, но и снабдили новыми сведениями в отношении военного дела и завоевательных планов монголов.

Представленный Юлианом генеральный план дислокации монгольских сил, мобилизованных для участия в Западной кампании, показывает, что главным направлением предстоящего наступления, на котором были сосредото-

ны основные силы монголов, должны были стать половецкие степи Северного Приазовья и Причерноморья, а главными противниками — куманы (западные кипчаки) и союзное им Венгерское королевство. При этом две вспомогательные армии — кавказская и русская — должны были прикрывать соответственно южный и северный фланги главной наступающей армии.

Следовательно, на первоначальном этапе планирования Западной кампании не предполагалось активных наступательных действий против княжеств Северо-Восточной Руси, лежавших далеко в стороне от направления главного удара. Монгольские стратеги планировали ограничиться только блокированием основных коммуникаций, связывавших эти княжества со степью, как по Волге, так и по Дону. Очевидно, с этой целью несколько сравнительно небольших монгольских соединений летом 1237 г. выдвинулись к южным и восточным границам Рязанской и Владимиро-Суздальской земель.

Одно из них подошло к верховьям Воронежа и, взяв Нузлу, перекрыло проходившую здесь дорогу в степь. Второе, по словам Юлиана, расположилось «напротив реки Дон», рядом с крепостью *Orgenhusin* (вариант *Ovcheruch*). Оба эти названия, читающиеся в различных версиях отчета Юлиана, не находят соответствия в древнерусской топонимии, что существенно затрудняет локализацию крепости. Чаще всего ее отождествляют с городом Воронеж, расположенным при впадении в Дон одноименной реки [Dörrie 1956: 174; Göckenjan, Sweeney 1985: 116, note 29] (ср. [Sinor 2002: 1166]). Однако крепость и город Воронеж были основаны на этом месте только в конце XVI в. (см.: [Загоровский 1977]). Если учитывать, что упомянутая Юлианом крепость на Дону была русской, так как принадлежала «княжеству рутенов», то для отождествления с ней более всего подходит древнерусское городище XII–XIII вв., раскопанное на территории нынешнего города Семилуки Воронежской области (см.: [Пряхин, Цыбин 1991; 1996]). Это укрепленное поселение, располагавшееся на правом берегу Дона, примерно в 20 км от впадения в него Воронежа, является самым южным из известных сегодня древнерусских форпостов в Среднем Подонье. Отсюда монголы могли блокировать водные пути в степь, проходившие по Воронежу и Дону.

Как специально отмечает Юлиан, та часть монголов, которая расположилась у южной границы Рязанского княжества, никогда не нападала на него (*quam nunquam expugnabant*). Очевидно, ко времени своего отъезда из Руси наш информатор, с одной стороны, знал, что задачей монголов было не атаковать, а блокировать рязанскую границу, а с другой — уже не исключал или даже предполагал возможность атаки.

Получив от владими́ро-суздальского князя монгольский ультиматум, адресованный венгерскому королю, Юлиан поспешил отправиться в обратный путь, проходивший через Рязань. Здесь он встретил двух собратьев по ордену, которые параллельно с ним вели свою прозелитическую деятельность и тщетно пытались добраться до Великой Венгрии. Летом 1237 г. с миссионерскими целями они отправились к мордовским племенам и к самим монголам. В одном из мордовских племен остались два других доминиканца, пропавшие без вести после того, как эта часть мордвы подчинилась власти монголов. Уцелевшие братья сделали попытку разыскать пропавших и «в празднование ближайшего Михайлова дня» (6 сентября) отправили на поиски одного из своих

переводчиков, погибшего от рук «вторгшейся мордвы» (*quem etiam Morducani invadentes occiderunt*), т. е., надо думать, той части мордовских племен, которая, добровольно подчинившись монголам, уже вторглась в пределы Рязанской земли [Dörrie 1956: 180–181; Göckenjan, Sweeney 1985: 123, notes 54–55; Хаутала 2015: 389–390, 396–397, примеч. 47–51].

Итак, Юлиан прибыл в Рязань вскоре после 6 сентября 1237 г. По-видимому, уже находясь в Рязани, он узнал, что монголы изменили свой первоначальный план войны на Западе и не намерены немедленно атаковать куманов и Венгерское королевство, а вместо этого собираются напасть на Русь. Эти сведения Юлиан, по его словам, получил от множества беженцев, спасавшихся от монголов. Торопясь поскорее предоставить Римской церкви и венгерскому королю новую информацию о завоевателях, а также заботясь о собственной безопасности, Юлиан не стал тратить время на выяснение причин, вызвавших изменения в планах монголов.

Как можно видеть из приведенных свидетельств, мирные переговоры, которые Бату вел с рязанскими князьями, находясь в своем лагере на реке Воронеж, происходили в начале сентября 1237 г., а их провал сопровождался каким-то громким конфликтом, вызвавшим переполох во всей Рязанской земле, потоки беженцев и начало вторжения мордвы, новых союзников монголов, а также множества других «разбойников», которых повстречал Юлиан, проезжая через рязанские земли. В то же время главные монгольские силы отложили свое наступление на Рязань до прихода зимы и начала ледостава.

Появление Бату на периферийном участке расположения монгольских войск, удаленном от их основных сил, показывает, что именно этот участок он считал наиболее важным для себя, тогда как остальные монгольские принцы в это время пребывали в других местах, главным образом на юге, в низовьях Дона, готовясь к выступлению против куманов.

Поначалу на реке Воронеж вместе с Бату находилось, очевидно, только сравнительно небольшое монгольское подразделение, которое и решились атаковать рязанцы. После этой атаки Бату призвал на помощь всех Чингизидов, участвовавших в Западном походе. Стянутые в единый кулак, монгольские войска обрушились на Рязанскую землю всей своей сокрушительной мощью.

Рязань была разрушена, а ее жители подверглись тотальному истреблению. Этот печальный факт подтверждают как письменные, так и археологические свидетельства [Чернецов, Стрикалов 2003: 30]. Кроме того, результаты археологических раскопок демонстрируют тотальное разорение основной и наиболее населенной территории Рязанского княжества по руслам рек Пронь и Ока. Многие поселения в этих местах прекратили свое существование [Монгайт 1961: 359]. Систематическое разрушение городов и убийство жителей Рязанской земли наводит на мысль, что монголы целенаправленно мстили за какое-то преступление против себя. Это косвенно подтверждает сведения, содержащиеся в «Повести о разорении Рязани», в частности, об атаке рязанского отряда на ставку Бату на реке Воронеж, когда под угрозу была поставлена жизнь предводителя монголов.

В результате нашествия Рязанская земля потеряла почти всех своих князей и оказалась под непосредственным управлением завоевателей. В летописях упоминается лишь один уцелевший рязанский князь Олег Ингваревич, оказав-

шийся в монгольском плену и вернувшийся на родину только в 1252 г. [ПСРЛ (1): 450]. Но и после возвращения князя Олега часть территории Рязанского княжества по-прежнему оставалась под властью монголов: в результате среди владений рязанских и владими́ро-суздальских (впоследствии московских) князей появились «татарские земли», включавшие города Тулу, Коломну, Лопасню и другие территории [Шебанин 2005: 463–464].

Выводы

Итак, наши наблюдения показывают, что заметный в новейшей литературе скепсис в отношении сведений, содержащихся в «Повести о разорении Рязани Батыем», обусловлен, с одной стороны, недоказанным мнением о позднем происхождении памятника, и, с другой, — отношением к нему только как к литературному произведению. Разумеется, мы далеки от того, чтобы воспринимать эту повесть в качестве полноценного исторического источника. Вместе с тем некоторые ее эпизоды, рассмотренные выше, обнаруживают соответствие историческим реалиям времен монгольских завоеваний и создания универсальной империи монголов.

Прежде всего мы имеем в виду отсутствующие в других источниках подробности мирных переговоров рязанских князей с Бату, полученные от него брачные предложения, а также дополнительные требования к князю Федору, затронувшие честь его жены, отказ от исполнения которых стоил жизни молодому князю. Все эти эпизоды, отражающие в своей основе политические реалии Монгольской империи первой половины XIII в., могли возникнуть в результате непосредственных контактов с завоевателями.

Беспрецедентное в своем роде намерение Бату отнять у русского князя его законную жену является наиболее характерной деталью, свидетельствующей в пользу достоверности передаваемого повестью рассказа о мирных переговорах рязанцев с монголами. Подобных требований ни сам Бату, ни другие правители Золотой Орды никогда не предъявляли ни русским князьям, ни, насколько нам известно, кому бы то ни было еще. Однако именно такое требование могло возникнуть в короткий период, непосредственно совпадающий с началом Великого Западного похода, когда в Монгольской империи была введена новая повинность, выразившаяся в принудительном наборе девушек и женщин для гарема и двора великого хана. Очень скоро приостановленная или отмененная, эта повинность произвела сильное впечатление на современников и нашла отражение как в китайских, так и монгольских источниках; кроме того, она была замечена участниками францисканской миссии, возглавляемой Плано Карпини.

Убийство по приказу Бату рязанского князя Федора, противоречащее монгольскому обычаю неприкосновенности посла, также находит объяснение в характерных для Монгольской империи середины XIII в. повышенных требованиях к соблюдению вассальной присяги, которую должен был принести Федор, чтобы исполнить навязанные монголами условия мирного соглашения.

Мирное подчинение монголам для рязанского (и, возможно, владими́ро-суздальского) князя предполагало принесение вассальной присяги хану, а также мобилизацию десятой части боеспособного населения и лошадей в мон-

гольскую армию для участия в Западном походе, т. е. для войны против половцев и Венгерского королевства. Мирному подчинению рязанских князей Бату, по-видимому, придавал особое значение, предлагая им привилегированные условия интеграции в глобальную империю монголов в формате семейной конфедерации. Испытывая недоверие к монголам и почти ничего не зная об их дипломатических и семейно-брачных обычаях, рязанские князья, вступив в мирные переговоры с Бату, отвергли сделанные им брачные предложения, что неминуемо должно было вызвать конфликт.

Вместе с тем нельзя исключать, что требования, касавшиеся жены рязанского князя, и убийство последнего за отказ от их исполнения, могли быть целенаправленной провокацией, предпринятой Бату, чтобы создать повод для выгодного Джучидам изменения направления главного удара монголов. Односторонние действия Бату вызвали недовольство других монгольских принцев, участников Западного похода.

Описанная в повести атака рязанцев на ставку Бату, предпринятая в ответ на убийство князя Федора, не противоречит, а скорее, наоборот, согласуется с общей картиной монгольского завоевания Рязанской земли, подтверждаемой совокупностью данных всех известных ныне источников. В ответ на эту атаку предводители монголов должны были отказаться от первоначального плана мирного подчинения Северо-Восточной Руси и существенно скорректировать стратегию Западной кампании в целом. Гибель принца Кулкана, единственного из сыновей Чингисхана, кто участвовал в Западном походе, произошедшая в столкновении с рязанцами, поддержанными отрядом великого князя Юрия Всеволодовича, окончательно похоронила любую мирную альтернативу в отношениях с монголами и предопределила трагическую судьбу Владимиро-Суздальской земли (подробнее см.: [Maiorov 2021c]).

Источники

- Галстян 1962 — Армянские источники о монголах: извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер., предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. М.: Вост. лит., 1962.
- ВР — Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодати 1253 / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н. П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 87–194.
- Мункуев 1965 — Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цай: Перевод и исследование. М.: Наука, 1965.
- ПК — Иоанна де Плано Карпини, архиепископа Антиварийского, История Монгалов, именуемых нами Татарами / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н. П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 23–86.
- Повесть — Повесть о разорении Рязани Батыем / Подгот. текста, пер. и коммент. И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII в. / Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. С. 140–155.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки рус. культуры, 1997; Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 4: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода.

- М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки рус. культуры, 2004.
- РД — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Ч. 2 / Пер. О. И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1952; Т. 2 / Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1960.
- ТИМ — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol-un niγuša tobčiyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник: Введ. в изучение памятника, пер., тексты, глоссарий. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1941.
- Хаутала 2015 — *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индии» до «ненавистного плебса сатаны»: Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.
- Храпачевский 2009 — Китайская династийная история «Юань ши» // Золотая Орда в источниках. Т. 3: Китайские и монгольские источники / Пер. и коммент. Р. П. Храпачевского. М.: Центр по изучению воен. и общ. истории, 2009. С. 121–291.
- Цулая 2005 — Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Пер. и коммент. Г. В. Цулая. М.: Ин-т этнографии и антропологии РАН, 2005.
- Abramowski 1976 — *Abramowski W.* Die chinesischen Annalen von Ögödei und Güyük: Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-shih // Zentralasiatische Studien. Bd. 10. 1976. P. 117–167.
- Abramowski 1979 — *Abramowski W.* Die chinesischen Annalen des Möngke: Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-shih // Zentralasiatische Studien. Bd. 13. 1979. P. 7–71.
- Dörrie 1956 — *Dörrie H.* Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O. P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Abt. 1. Philologisch-Historische Klasse. Nr. 6. 1956. P. 125–202.
- Göckenjan, Sweeney 1985 — *Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen, 1235–1250* / Hrsg. H. Göckenjan, J. Sweeney. Graz; etc.: Styria, 1985.
- GP — *Georges Pachymeres*. Relationes Historicas, lib. III / Ed. et trad. A. Failler, V. Laurent. Paris: Les Belles Lettres, 1984.
- GR — *Guglielmo di Rubruk*. Viaggio in Mongolia / Ed. e trad. P. Chiesa. Rome; Milan: Fondazione Lorenzo Valla; A. Mondadori, 2011.
- HA — *Ḥāfiẓ Abrū*. Chronique des rois mongols en Iran / Ed. et trad. K. Bayani: 2 vols. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1936.
- Humble n. d. — The biography of Yelü Chucai, *Yuanshi* 146.3455–65 / Trans. by G. Humble: [Unpublished translation]. URL: https://www.academia.edu/38936635/Yelu_Chucai_Yuanshi_Biography.
- HT — *Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi* / Hrsg. A. Önnersfors. Berlin: De Gruyter, 1967.
- Ḥwāndamīr — *Ḥabīb al-siyar Ḥwāndamīr*. The reign of the Mongol and Turk Genghis Khan, Amir Temur / Trans. by W. M. Thackston. Vol. 3. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1994.
- IB — *Ibn Bībī*. Die Seltschukengeschichte / Hrsg. und Übers. von H. W. Duda. Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1959.
- IBt — *Ibn Battuta*. The travels, 1325–1354: 5 vols. / Trans. by H. A. R. Gibb. Vol. 2. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1962.
- IC — *Ioannes Cantacuzenos*. Eximperatoris Historiarum, lib. I / Ed. L. Schopen. Bonn: Weber, 1828.

- Juvaini — *Juvaini*. The history of the World-Conqueror / Trans. by J. A. Boyle: 2 vols. Manchester: Manchester Univ. Press, 1958.
- Juzjani — *Jūzjānī*. Tabakāt-i Nāstrī: A general history of the Muhammadan dynasties of Asia / Trans. by H. G. Raverty: 2 vols. Calcutta: Asiatic Society, 1881.
- KG — *Kiriakos Ganjaketsi*. History of the Armenians / Trans. by R. Bedrosian. New York: Sources of the Armenian Tradition, 1986.
- Painter 1965 — The Tartar relation / Trans. and comment. by G. D. Painter // The Vinland map and the Tartar relation / Ed. by R. A. Skelton, T. E. Marston, G. D. Painter. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1965. P. 54–101.
- PC — *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei Mongoli / Ed., trad. e com. E. Menestò et al. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo, 1989.
- Pow, Liao 2018 — *Pow S., Liao J.* Subutai: Sorting fact from fiction surrounding the Mongol Empire's greatest general (with translations of Subutai's two biographies in the *Yuan Shi*) // Journal of Chinese Military History. Vol. 7. 2018. P. 37–76.
- RD — *Rashiduddin Fazlullah*. Jami'u't-tawarikh: Compendium of chronicles / Trans. by W. M. Thackston: 3 vols. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999.
- SHM — The secret history of the Mongols: A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century / Trans. and comment. by I. de Rachewiltz: 2 vols. Leiden; Boston: Brill, 2004.
- SQ — *Simon of Saint-Quentin*. History of the Tartars / Ed. and trans. by S. Pow. URL: <http://www.simonofstquentin.org/website/framework.htm>.
- VMH (1) — *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia* / Ed. A. Theiner. T. 1. Rome: Typis Vaticanis, 1859.

Литература

- Андреев 2005 — *Андреев С. И.* Комплекс средневековых памятников в верховьях р. Воронеж // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ун-та, 2005. С. 192–196.
- Андреев 2008 — *Андреев С. И.* На юго-восточном рубеже Древней Руси: Этнополитическая история населения Окско-Донской равнины в XII–XV вв. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2008.
- Базаров, Ням-Осор 2004 — *Базаров Б. В., Ням-Осор Н.* К истории государственной символики и церемониала монголов // Восток. 2004. № 1. С. 28–36.
- Балданмаксарова 2003 — *Балданмаксарова Е. Е.* Раннемонгольская поэзия и ее связь с ритуалом // Altaica: Сб. ст. и материалов. [Вып.] 8. М.: ИВ РАН, 2003. С. 12–29.
- Банзаров 1891 — *Банзаров Д.* Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1891.
- Березин 1855 — *Березин И. Н.* Нашествие Батыя на Россию // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 86. [№ 2]. 1855. С. 79–114.
- Веселовский 1916 — *Веселовский Н. И.* О религии татар по русским летописям // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 64. 1916. С. 81–101.
- Горский 1992 — *Горский А. А.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1992.
- Горский 1995 — *Горский А. А.* Москва, Тверь и Орда в 1300–1339 годах // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 34–46.
- Горский 2006 — *Горский А. А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. [Вып.] 6. 2006. С. 138–154.

- Горский 2014 — Горский А. А. Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодовича // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В. А. Кучкина / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Индрик, 2014. С. 179–190.
- Горский 2018 — Горский А. А. Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодовича // Исторический вестник. Т. 25. 2018. С. 30–39.
- Горский 2020 — Горский А. А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37.
- Гумилев 1989 — Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.
- Даркевич, Борисевич 1995 — Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ, 1995.
- Домбровский 2015 — Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015.
- Жилина 2020 — Жилина Н. В. Древнерусские клады IX–XIII вв.: Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS, 2020.
- Загоровский 1977 — Загоровский В. П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1977.
- Измайлов 2009 — Измайлов И. Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. / Отв. ред. М. Усманов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 133–161.
- Клосс 2001 — Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М.: Языки рус. культуры, 2001.
- Кляшторный, Султанов 2004 — Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: древность и средневековье. СПб.: Петерб. востоковедение, 2004.
- Кондаков 1896 — Кондаков Н. П. Русские клады. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1896.
- Крадин, Скрынникова 2006 — Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006.
- Кривошеев 2015 — Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Академия исследования культуры, 2015.
- Кычанов 2002 — Кычанов Е. И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши») // Тюркологический сборник. 2001. М.: Вост. лит., 2002. С. 75–83.
- Литвина, Успенский 2020 — Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Династический мир домонгольской Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020.
- Лихачев 1963 — Лихачев Д. С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Археографический ежегодник за 1962 год. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 48–51.
- Лобакова 1993 — Лобакова И. А. Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 46 / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб.: Наука, 1993. С. 36–52.
- Лобакова 2005 — Лобакова И. А. Заметки по текстологии «Повестей о Николе Заразском» (Отклик на концепцию Б. М. Клосса) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 761–784.
- Лобакова 2006 — Лобакова И. А. К полемике о соотношении «Повести о разорении Рязани Батыем» со Словом о житии и преставлении Дмитрия Ивановича и Повестью о нашествии Тохтамыша // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 57 / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 519–542.

- Мазуров 2020 — *Мазуров А. Б.* Существовала ли в XIII–XV вв. чудотворная икона Николы Корсунского (Зарайского)? // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 140–158.
- Миргалеев 2016 — *Миргалеев И.* Джучи — первый правитель улуса // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 72–77.
- Монгайт 1961 — *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1961.
- Попов 2019 — *Попов П. А.* Первые летописные упоминания о Воронеже в контексте комплексного изучения древней топонимики // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. № 4 (21). С. 88–99.
- Поппэ 1985 — *Поппэ А.* К начальной истории культа св. Николы Заразского // Essays in Honor of A. A. Zimin / Ed. by D. C. Waugh. Columbus: Slavica, 1985. P. 289–304.
- Прохоров 1974 — *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 28 / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1974. С. 77–98.
- Пряхин, Цыбин 1991 — *Пряхин А. Д., Цыбин М. В.* Древнерусское Семилуцкое городище XII–XIII вв. на р. Дон (Итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского Юго-Востока / Отв. ред. А. Г. Дьяченко. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1991. С. 93–106.
- Пряхин, Цыбин 1996 — *Пряхин А. Д., Цыбин М. В.* Древнерусское Семилуцкое городище (Материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. С. 29–62.
- Рудаков 2014 — *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников. М.: Квадрига, 2014.
- Рыкин 2003 — *Рыкин П. О.* Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст // Mongolica-VI / Отв. ред. С. Г. Кляшторный; Сост. И. В. Кульганек. СПб.: Петерб. востоковедение, 2003. С. 28–38.
- Трепавлов 2016a — *Трепавлов В.* Образование Улуса Джучи // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 137–147.
- Трепавлов 2016b — *Трепавлов В.* Административное устройство. Организация управления // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 148–157.
- Хаутала 2014 — *Хаутала Р.* Исторический контекст основания католической епархии Кумании 1227 года // Золотоордынская цивилизация. № 7. 2014. С. 111–139.
- Хаутала 2016 — *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (1) // Золотоордынское обозрение = Golden Horde Review. Т. 4. № 2. 2016. P. 272–313.
- Хорошкевич, Плигузов 1989 — *Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И.* Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела // Феннел Дж. Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. С. 5–27.
- Хрусталеv 2015 — *Хрусталеv Д. Г.* Русь и монгольское нашествие. СПб.: Евразия, 2015.
- Черкас 2016 — *Черкас Б.* Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 157–179.
- Чернецов, Стрикалов 2003 — *Чернецов А. В., Стрикалов Я. Ю.* Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 18–33.

- Шебанин 2005 — *Шебанин Г. А.* Историческая география западной части Рязанского княжества XII — начала XVI в. // *Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы* / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники ист. мысли, 2005. С. 458–479.
- Экземплярский 1889–1891 — *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, 1238–1505 гг.: В 2 т. СПб.: Изд. графа И. И. Толстого, 1889–1891.
- Юрченко и др. 2002 — *Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года* / Пер. и коммент. А. Г. Юрченко и др. СПб.: Евразия, 2002.
- Aigle 2015 — *Aigle D.* The Mongol Empire between myth and reality: Studies in anthropological history. Leiden; Boston: Brill, 2015.
- Allsen 1983a — *Allsen T. T.* Prelude to the Western campaigns: Mongol military operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 3. 1983. P. 5–24.
- Allsen 1983b — *Allsen T. T.* The Yüan dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th century // *China among equals: The Middle Kingdom and its neighbors, 10th–14th centuries* / Ed. by M. Rossabi. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1983. P. 243–280.
- Allsen 1987 — *Allsen T. T.* Mongol imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia and the Islamic lands, 1251–1259. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1987.
- Allsen 1997 — *Allsen T. T.* Commodity and exchange in the Mongol Empire: A cultural history of Islamic textiles. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.
- Atwood 2007 — *Atwood Ch. P.* The date of the “Secret History of the Mongols” reconsidered // *Journal of Song-Yuan Studies*. Vol. 37. 2007. P. 1–48.
- Atwood 2015 — *Atwood Ch. P.* Alexander, Ja’a Gambo and the origin of the Jamugha figure in the *Secret History of the Mongols* // *Neilu Ouya lishi wenhua guoji xueshu yantaohui lunwenji: Proceedings of the International Conference on History and Culture of Central Eurasia* / Ed. by Teligeng [= Terigün], Li Jinxiu. Hohhot: Nei Menggu renmin chubanshe, 2015. P. 161–176.
- Ayalon 1971 — *Ayalon D.* The Great Yasa of Chingiz Khan: A reexamination. Part A // *Studia Islamica*. No. 33. 1971. P. 97–140.
- Barkmann 1991 — *Barkmann U. B.* Einige Bemerkungen zum Problem des Eides in der “Geheim-Geschichte der Mongolen” // *Central Asiatic Journal*. Vol. 35. No. 3/4. 1991. S. 200–208.
- Baum 2012 — *Baum W.* Die Mongolen und das Christentum // *Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit* / Ed. by J. Tubach, S. G. Vashalomidze, M. Zimmer. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. S. 13–52.
- Baumgarten 1934 — *Baumgarten N. de.* Généalogies des branches régnantes des Rurikides: du XIIIe au XVIe siècle. Roma: Pontificium institutum orientalium studiorum, 1934.
- Bedrosian 1979 — *Bedrosian R.* The Turco-Mongol invasions and the lords of Armenia in the 13–14th centuries: PhD Dissertation / Columbia University. New York, 1979.
- Berend 2001 — *Berend N.* At the gate of Christendom: Jews, Muslims and ‘pagans’ in medieval Hungary, c. 1000 — c. 1300. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Birge 1995 — *Birge B.* Levirate marriage and the revival of widow chastity in Yüan China // *Asia Major*. Vol. 8. No. 2. 1995. P. 107–146.
- Boyle 1963 — *Boyle J. A.* Kirakos of Ganjak on the Mongols // *Central Asiatic Journal*. Vol. 8. No. 3. 1963. P. 199–214.
- Boyle 1968 — *Boyle J. A.* Dynastic and political history of the Il-Khans // *The Cambridge history of Iran*. Vol. 5: The Saljuq and Mongol periods / Ed. by J. A. Boyle. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1968. P. 303–420.

- Boyle 1974 — *Boyle J. A.* The Alexander legend in Central Asia // *Folklore*. Vol. 85. No. 4. 1974. P. 217–228.
- Boyle 1979 — *Boyle J. A.* Alexander and the Mongols // *Journal of the Royal Asiatic Society*. Vol. 111. No. 2. 1979. P. 124–136.
- Broadbridge 2018 — *Broadbridge A. F.* Women and the making of the Mongol empire. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018.
- Bryer 1981 — *Bryer A. M.* Greek historians on the Turks: The case of the first Byzantine-Ottoman marriage // *The writing of history in the Middle Ages: Essays presented to Richard William Southern* / Ed. by R. H. C. Davis, J. M. Wallace-Hadrill. Oxford: Oxford Univ. Press, 1981. P. 471–493.
- Cahen 2001 — *Cahen C.* The formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rûm. Eleventh to fourteenth century. Harlow: Longman, 2001.
- Cleaves 1959 — *Cleaves F. W.* An early Mongolian version of the Alexander Romance // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 22. No. 3–4. 1959. P. 1–99.
- Conrad 2012 — *Conrad H.* Beobachtungen und Notizen zur Situation der armenischen Fürsten unter der Mongolenherrschaft // *Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit* / Ed. by J. Tubach, S. G. Vashalomidze, M. Zimmer. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. P. 83–106.
- Daffinà 1989 — *Daffinà P.* Note // *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli* / Ed., trad. e com. E. Menestò et al. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo, 1989. P. 401–496.
- Dashdondog 2011 — *Dashdondog B.* The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden; Boston: Brill, 2011.
- Dashdondog 2012 — *Dashdondog B.* The Mongol conquerors in Armenia // *Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit* / Ed. by J. Tubach, S. G. Vashalomidze, M. Zimmer. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. P. 53–82.
- De Nicola 2017 — *De Nicola B.* Women in Mongol Iran: The Khatuns, 1206–1335. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2017.
- De Rachewiltz 1960 — *De Rachewiltz I.* Sino-Mongol culture contacts in the XIII century: A study of Yeh-lü Ch'u-ts'ai: PhD Dissertation / The Australian National University. Canberra, 1960.
- De Rachewiltz 1971 — *De Rachewiltz I.* Papal envoys to the Great Khan. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1971.
- De Rachewiltz 1993 — *De Rachewiltz I.* Yeh-lü Ch'u-ts'ai (1189–1243), Yeh-lü Chu (1221–1285) // *In the service of the Khan: Eminent personalities of the early Mongol-Yüan period* / Ed. by I. de Rachewiltz et al. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. P. 136–175.
- Der Nersessian 1959 — *Der Nersessian S.* The Armenian Chronicle of the Constable Smbad or of the “Royal Historian” // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 13. 1959. P. 141–168.
- Dunnell 2010 — *Dunnell R.* Chinggis Khan: World conqueror. Boston: Longman, 2010.
- Fennell 1983 — *Fennell J.* The crisis of medieval Russia, 1200–1304. London; New York: Longman, 1983.
- Gilli-Elewy 2012 — *Gilli-Elewy H.* On women, power, and politics during the last phase of the Ilkhanate // *Arabica*. T. 59. Fasc. 6. 2012. P. 709–723.
- Göckenjan 1991 — *Göckenjan H.* Der Westfeldzug (1236–1242) aus mongolischer Sicht // *Wahlstatt 1241. Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen* / Hrsg. U. Schmilewski. Würzburg: Bergstadtverlag Wilhelm Gottlieb Korn, 1991. S. 35–76.
- Guéret-Laferté 1994 — *Guéret-Laferté M.* Sur les routes de l'Empire Mongol: ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siècles. Paris: Honoré Champion, 1994.
- Guzman 1996 — *Guzman G. G.* European clerical envoys to the Mongols: Reports of Western merchants in Eastern Europe and Central Asia, 1231–1255 // *Journal of Medieval History*. Vol. 22. No. 1. 1996. P. 53–67.

- Guzman 2006 — *Guzman G. G.* The Vinland map controversy and the discovery of a second version of the *Tartar Relation*: The authenticity of the 1339 text // *Terrae Incognitae*. Vol. 38. No. 1. 2006. P. 19–25.
- Guzman 2010 — *Guzman G. G.* European captives and craftsmen among the Mongols, 1231–1255 // *The Historian*. Vol. 72. No. 1. 2010. P. 122–150.
- Halperin 2009 — *Halperin Ch.* The Tatar Yoke: The image of the Mongols in medieval Russia. 2nd ed. Bloomington: Indiana Univ., 2009.
- Haw 2013 — *Haw S. G.* The Mongol Empire — the first “gunpowder empire”? // *Journal of the Royal Asiatic Society*. Third Series. Vol. 23. No. 3. 2013. P. 441–469.
- Holmgren 1986 — *Holmgren J.* Observations on marriage and inheritances practices in early Mongol and Yüan society, with particular reference to the levirate // *Journal of Asian History*. Vol. 20. 1986. P. 127–192.
- Hope 2016 — *Hope M.* Power, politics, and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.
- Jackson 2005a — *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow: Pearson Longman, 2005.
- Jackson 2005b — *Jackson P.* The Mongols and the faith of the conquered // *Mongols, Turks and others: Eurasian nomads and the sedentary world* / Ed. by R. Amitai, M. Biran. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 245–290.
- Jackson 2012 — *Jackson P.* Franciscans as papal and royal envoys to the Tartars, 1245–1255 // *The Cambridge companion to Francis of Assisi* / Ed. by M. J. P. Robson. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. P. 224–239.
- Jackson 2016 — *Jackson P.* Testimony of the Russian Archbishop Peter concerning the Mongols (1244/5): Precious intelligence or timely disinformation? // *Journal of the Royal Asiatic Society*. Third Series. Vol. 26. No. 1–2. 2016. P. 65–77.
- Jackson 2017 — *Jackson P.* The Mongols and the Islamic world: from conquest to conversion. New Haven; London: Yale Univ. Press, 2017.
- Kamola 2015 — *Kamola S.* History and legend in the *Jāmi’ al-tawārikh*: Abraham, Alexander, and Oghuz Khan // *Journal of the Royal Asiatic Society*. Third Series. Vol. 25. No. 4. 2015. P. 555–577.
- Kim 2005 — *Kim H.* A reappraisal of Güyüg Khan // *Mongols, Turks and others: Eurasian nomads and the sedentary world* / Ed. by R. Amitai, M. Biran. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 309–338.
- Kneepkens 1979 — *Kneepkens C. H.* Randbemerkungen zum Text der *Hystoria Tartarorum* C. de Bridia monachi // *Mittelateinisches Jahrbuch*. Bd. 14. 1979. S. 273–277.
- Korobeinikov 2008 — *Korobeinikov D.* A broken mirror: The Kipchak world in the thirteenth century // *The other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans* / Ed. by F. Curta. Leiden; Boston: Brill, 2008. P. 379–412.
- Korobeinikov 2014 — *Korobeinikov D.* Byzantium and the Turks in the thirteenth century. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
- Kovács 2005 — *Kovács Sz.* Bortz, a Cuman chief in the 13th century // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*. Vol. 58. No. 3. 2005. P. 255–266.
- Lenhoff 1997 — *Lenhoff G.* Early Russian hagiography: The lives of Prince Fedor the Black. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997.
- Lippard 1984 — *Lippard B. G.* The Mongols and Byzantium, 1243–1341: PhD Dissertation / Indiana University. Bloomington, 1984.
- Lubsangdorji 2010 — *Lubsangdorji J.* The *Secret History of the Mongols* in the mirror of metaphors (3), Venus of the Khorchin Mongols and Etügen // *Mongolo-Tibetica Pragensia*. Vol. 3. No. 1. 2010. P. 61–104.

- Maiorov 2014 — *Maiorov A. V.* The daughter of a Byzantine Emperor — the wife of a Galician-Volhynian Prince // *Byzantinoslavica*. Vol. 72. No. 1–2. 2014. P. 188–233.
- Maiorov 2015a — *Maiorov A. V.* The alliance between Byzantium and Rus' before the conquest of Constantinople by the crusaders in 1204 // *Russian History*. Vol. 42. No. 3. 2015. P. 272–303.
- Maiorov 2015b — *Maiorov A. V.* Ecumenical processes in the mid-13th century and the first union between Russia and Rome // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. Bd. 126. 2015. P. 11–34.
- Maiorov 2018 — *Maiorov A. V.* Church-union negotiations between Rome, Nicaea and Rus', 1231–1237 // *Orientalia Christiana Periodica*. Vol. 84. No. 2. 2018. P. 385–405.
- Maiorov 2020 — *Maiorov A. V.* The Rus Archbishop Peter at the first council of Lyon // *Journal of Ecclesiastical History*. Vol. 71. No. 1. 2020. P. 20–39.
- Maiorov 2021a — *Maiorov A. V.* Diplomacy, war, and a witch: Peace negotiations before the Mongol invasion of Rus' // *The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe* / Ed. by A. V. Maiorov, R. Hautala. London; New York: Routledge, 2021. P. 36–81.
- Maiorov 2021b — *Maiorov A. V.* The first Mongol invasion of Europe: Goals and results // *Journal of the Royal Asiatic Society*. (Forthcoming).
- Maiorov 2021c — *Maiorov A. V.* The Mongol conquest of Rus' // *The Mongol world* / Ed. by T. May, M. Hope. London; New York: Routledge, 2021. (Forthcoming).
- Maiorov (forthcoming) — *Maiorov A. V.* “They intend to come and attack Rome...”: The real and sacred space of the Mongol conquests. Forthcoming.
- Martin 1950 — *Martin H. D.* The rise of Chingis Khan and his conquest of North China. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1950.
- May 1996 — *May T.* Chormaqan Noyan: The first Mongol military governor in the Middle East: Master's Thesis / Indiana Univ. Bloomington, 1996.
- May 2018 — *May T.* The Mongol empire. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2018.
- Melville 1999 — *Melville Ch.* The fall of Amir Chupan and the decline of the Il-Khanate, 1327–1337: A decade of discord in Mongol Iran. Bloomington: Indiana Univ., Research Institute for Inner Asian Studies, 1999.
- Miyawaki-Okada 2007 — *Miyawaki-Okada J.* The role of women in the imperial succession of the nomadic empire // *The role of women in the Altaic world: Permanent International Altaistic Conference, 44th Meeting, Walberberg, 26–31 August 2001* / Ed. by V. Veit. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. P. 143–149.
- Morgan 1986 — *Morgan D. O.* The “Great Yasa” of Chingiz Khan and Mongol law in the Ilkhanate // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 49. No. 1. 1986. P. 163–176.
- Morgan 2005 — *Morgan D. O.* The “Great Yasa of Chinggis Khan” Revisited // *Mongols, Turks and others: Eurasian nomads and the sedentary world* / Ed. by R. Amitai, M. Biran. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 291–308.
- Mostaert, Cleaves 1952 — *Mostaert A., Cleaves Fr. W.* Trois documents mongols des Archives secrètes vaticanes // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 15. No. 3–4. 1952. P. 419–506.
- Özcan 2017 — *Özcan A. T.* Mogol-Rus İlişkileri (1223–1341). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2017.
- Pelliot 1963 — *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. Vol. 2. Paris: Imprimerie Nationale, 1963.
- Pelliot 1973 — *Pelliot P.* Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient. Paris: Imprimerie nationale, 1973.
- Plezia 1970 — *Plezia M.* L'apport de la Pologne à l'exploration de l'Asie Centrale au milieu du XIIIe s. // *Acta Poloniae Historica*. No. 22. 1970. P. 18–35.

- Pochekaev 2016 — *Pochekaev R.* Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid states of the 13th–14th centuries: Legal code or ideal “law and order”? // Золотоордынское обозрение = Golden Horde Review. Т. 4. 2016. P. 724–733.
- Poppe 1957 — *Poppe N.* Eine mongolische Fassung der Alexandersage // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 107. 1957. S. 105–129.
- Porsin 2020 — *Porsin A.* Anti-Jochid motives in “The Secret History of the Mongols” // Medieval History of Central Eurasia. 2020. No. 1. P. 95–106.
- Pow 2019 — *Pow S.* Hungary's castle defense strategy in the aftermath of the Mongol invasion (1241–1242) // Fortifications, defence systems, structures and features in the past / Ed. by T. Tkálčec, T. Sekelj Ivančan, S. Krznar, J. Belaj. Zagreb: Institute of archaeology, 2019. P. 239–250.
- Pow, Laszlovsky 2019 — *Pow S., Laszlovsky J.* Finding Batu's hill at Muhi: Liminality between rebellious territory and submissive territory, earth and heaven for a Mongol prince on the eve of battle // Hungarian Historical Review. Vol. 8. No. 2. 2019. P. 261–289.
- Ratchnevsky 1987 — *Ratchnevsky P.* Die Rechtsverhältnisse bei den Mongolen im 12.–13. Jahrhundert // Central Asiatic Journal. Vol. 31. No. 1/2. 1987. P. 64–110.
- Ratchnevsky 1993 — *Ratchnevsky P.* Genghis Khan: His life and legacy. London: Wiley-Blackwell 1993.
- Ruotsala 2001 — *Ruotsala A.* Europeans and Mongols in the middle of the thirteenth century: Encountering the Other. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2001.
- Sălăgean 2016 — *Sălăgean T.* Transylvania in the second half of the thirteenth century: The rise of the congregational system. Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Sarnowsky 1994 — *Sarnowsky J.* The Teutonic Order confronts Mongols and Turks // The military orders: Fighting for the faith and caring for the sick / Ed. by M. Barber. Aldershot: Ashgate, 1994. P. 253–262.
- Sinor 2002 — *Sinor D.* Le rapport du Dominicain Julien écrit en 1238 sur le péril mongol // Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Vol. 146. No. 4. 2002. P. 1153–1168.
- Spinei 2009 — *Spinei V.* The Romanians and the Turkic nomads North of the Danube delta from the tenth to the mid-thirteenth century. Leiden; Boston: Brill, 2009.
- Subtelny 2011 — *Subtelny M. E.* The binding pledge (*möchälgä*): A Chinggisid practice and its survival in Safavid Iran // New perspectives on Safavid Iran: Empire and society / Ed. by C. P. Mitchell. London; New York: Routledge, 2011. P. 9–29.
- Székely 1988 — *Székely Gy.* Egy elfeledett rettegés: a második tatárjárás a magyar történeti hagyományokban és az egyetemes összefüggésekben // Századok. T. 122. 1988. P. 52–88.
- Tanase 2013 — *Tanase T.* “Jusqu'aux limites du monde”: la papauté et la mission franciscaine, de l'Asie de Marco Polo à l'Amérique de Christophe Colomb. Rome: École française de Rome, 2013.
- Togan 1998 — *Togan I.* Flexibility and limitation in Steppe formation: The Kerait Khanate and Chinggis Khan. Leiden: Brill, 1998.
- Uzelac 2020 — *Uzelac A.* Saint Louis and the Jochids // Золотоордынское обозрение = Golden Horde Review. Т. 8. № 4. 2020. P. 662–674.
- Vásáry 2005 — *Vásáry I.* Cumans and Tatars: Oriental military in the pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Vashalomidze 2012 — *Vashalomidze S.* Mongol invasions in the Caucasus and the Georgian source *Kartiis cxovreba* // Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit / Ed. by J. Tubach, S. G. Vashalomidze, M. Zimmer. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. P. 309–320.

- Weatherford 2010 — *Weatherford J.* The secret history of the Mongol queens: how the daughters of Genghis Khan rescued his empire. New York: Crown, 2010.
- Wing 2016 — *Wing P.* The Jalayirids: Dynastic state formation in the Mongol Middle East. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2016.
- Yourtchenko 1998 — *Yourtchenko A.* Ein asiatisches Bilderrätsel für die westliche Geschichtsschreibung. Ein unbekanntes Werk aus dem 13. Jahrhundert (der “Tschingis Khan Roman”) // *Zentralasiatische Studien*. Bd. 28. 1998. P. 45–85.
- Zhao 2008 — *Zhao G. Q.* Marriage as political strategy and cultural expression: Mongolian royal marriages from world empire to Yuan Dynasty. New York: Peter Lang, 2008.
- Zimonyi 2014 — *Zimonyi I.* The Mongol campaigns against Eastern Europe // Zimonyi I. *Medieval Nomads in Eastern Europe: Collected studies*. Bucharest: Brăila, 2014. P. 325–352.

References

- Aigle, D. (2015). *The Mongol Empire between myth and reality: Studies in anthropological history*. Brill.
- Allsen, T. T. (1983a). Prelude to the Western campaigns: Mongol military operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 3, 5–24.
- Allsen, T. T. (1983b). The Yüan dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th century. In M. Rossabi (Ed.). *China among equals: The Middle Kingdom and its neighbors, 10th–14th centuries* (pp. 243–280). Univ. of California Press.
- Allsen, T. T. (1987). *Mongol imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia and the Islamic lands, 1251–1259*. Univ. of California Press.
- Allsen, T. T. (1997). *Commodity and exchange in the Mongol Empire: A cultural history of Islamic textiles*. Cambridge Univ. Press.
- Andreev, S. I. (2005). Kompleks srednevekovykh pamyatnikov v verkhov'iyakh r. Voronezh [The complex of medieval sites in the upper reaches of the Voronezh River]. In A. T. Siniuk (Ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoi Evropy* (pp. 192–196). Izdatel'stvo Voronezhskogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russian).
- Andreev, S. I. (2008). *Na iugo-vostochnom rubezhe Drevnei Rusi: Etnopoliticheskaia istoriia naseleniia Oksko-Donskoi ravniny v XII–XV vv.* [On the Southeastern border of Ancient Russia: Ethnopolitical history of the population of the Oka-Don Plain in the 12th–15th centuries]. Izdatel'stvo Tambovskogo universiteta. (In Russian).
- Atwood, Ch. P. (2007). The date of the “Secret History of the Mongols” reconsidered. *Journal of Song-Yuan Studies*, 37, 1–48.
- Atwood, Ch. P. (2015). Alexander, Ja'a Gambo and the origin of the Jamugha figure in the *Secret History of the Mongols*. In Teligeng [= Terigün], & Li Jinxiu (Eds.). *Neilu Ouya lishi wenhua guoji xueshu yantaohui lunwenji: Proceedings of the International Conference on History and Culture of Central Eurasia* (pp. 161–176). Nei Menggu renmin chubanshe.
- Ayalon, D. (1971). The Great Yasa of Chingiz Khan: A reexamination. Part A. *Studia Islamica*, 33, 97–140.
- Baldanmaksarova, E. E. (2003). Rannemongol'skaia poeziia i ee svyaz' s ritualom [Early Mongolian poetry and its connection with ritual]. In *Altaica: Sbornik statei i materialov* (Vol. 8, pp. 12–29). IV RAN. (In Russian).
- Banzarov, D. (1891). *Chernaia vera ili shamanstvo u mongolov i drugie stat'i* [Black faith or shamanism among the Mongols, and other articles]. Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian).
- Barkmann, U. B. (1991). Einige Bemerkungen zum Problem des Eides in der “Geheime Geschichte der Mongolen”. *Central Asiatic Journal*, 35(3/4), 200–208. (In German).

- Baum, W. (2012). Die Mongolen und das Christentum. In J. Tubach, S. G. Vashalomidze, & M. Zimmer (Eds.). *Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit* (pp. 13–52). Reichert Verlag. (In German).
- Baumgarten, N. de. (1934). *Généalogies des branches régnautes des Rurikides: du XIIIe au XVIe siècle*. Pontificum institutum orientalium studiorum. (In French).
- Bazarov, B. V., Niam-Osor, N. (2004). K istorii gosudarstvennoi simvoliki i tseremoniala mongolov [To the history of state symbols and ceremonial of the Mongols]. *Vostok*, 2004(1), 28–36. (In Russian).
- Bedrosian, R. (1979). *The Turco-Mongol invasions and the lords of Armenia in the 13–14th centuries* (PhD Dissertation, Columbia University).
- Berend, N. (2001). *At the gate of Christendom: Jews, Muslims and 'pagans' in medieval Hungary, c. 1000 — c. 1300*. Cambridge Univ. Press.
- Berezin, I. N. (1855). Nashestvie Batyia na Rossiю [Batu's Invasion of Russia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 86(2), 79–114. (In Russian).
- Birge, B. (1995). Levirate marriage and the revival of widow chastity in Yüan China. *Asia Major*, 8(2), 107–146.
- Boyle, J. A. (1963). Kirakos of Ganjak on the Mongols. *Central Asiatic Journal*, 8(3), 199–214.
- Boyle, J. A. (1968). Dynastic and political history of the Il-Khans. In J. A. Boyle (Ed.). *The Cambridge history of Iran*, (Vol. 5) *The Saljuq and Mongol Periods* (pp. 303–420). Cambridge Univ. Press.
- Boyle, J. A. (1974). The Alexander legend in Central Asia. *Folklore*, 85(4), 217–228.
- Boyle, J. A. (1979). Alexander and the Mongols. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 111(2), 124–136.
- Broadbridge, A. F. (2018). *Women and the making of the Mongol Empire*. Cambridge Univ. Press.
- Bryer, A. M. (1981). Greek historians on the Turks: The case of the first Byzantine-Ottoman marriage. In R. H. C. Davis, & J. M. Wallace-Hadrill (Eds.). *The writing of history in the Middle Ages: Essays presented to Richard William Southern* (pp. 471–493). Oxford Univ. Press.
- Cahen, C. (2001). *The formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rûm. Eleventh to fourteenth century*. Longman.
- Cherkas, B. (2016). Territorial'noe ustroistvo Ulusa Dzhuchi (territoriia zapadnee Dona) [Territorial structure of Ulus Jochi (territory West of the Don)]. In I. Mirgaleev, & R. Hautala (Eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii* (pp. 157–179). Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russian).
- Chernetsov, A. V., & Strikalov, Ia. Iu. (2003). Staraia Riazan' i mongolo-tatarskoe nashestvie v svete novykh issledovanii [Old Ryazan and the Mongol-Tatar invasion in the light of new research]. In N. A. Makarov, & A. V. Chernetsov (Eds.). *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni* (pp. 18–33). Nauka. (In Russian).
- Cleaves, F. W. (1959). An early Mongolian version of the Alexander Romance. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 22(3–4), 1–99.
- Conrad, H. (2012). Beobachtungen und Notizen zur Situation der armenischen Fürsten unter der Mongolenherrschaft. In J. Tubach, S. G. Vashalomidze, & M. Zimmer (Eds.). *Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit* (pp. 83–106). Reichert Verlag. (In German).
- Daffinà, P. (1989). Note. In E. Menestò et al. (Eds.). *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli* (pp. 401–496). Centro italiano di studi sull'alto medioevo. (In Italian).
- Darkevich, V. P., & Borisevich, G. V. (1995). *Drevniaia stolitsa Riazanskoi zemli* [The ancient capital of the Ryazan land]. (In Russian).

- Dashdondog, B. (2011). *The Mongols and the Armenians (1220–1335)*. Brill.
- Dashdondog, B. (2012). The Mongol conquerors in Armenia. J. Tubach, S. G. Vashalomidze, & M. Zimmer (Eds.). *Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit* (pp. 53–82). Reichert Verlag.
- De Nicola, B. (2017). *Women in Mongol Iran: The Khatuns, 1206–1335*. Edinburgh Univ. Press.
- De Rachewiltz, I. (1960). *Sino-Mongol culture contacts in the XIII century: A study of Yeh-lü Ch'u-ts'ai* (PhD Dissertation, The Australian National University).
- De Rachewiltz, I. (1971). *Papal envoys to the Great Khan*. Stanford Univ. Press.
- De Rachewiltz, I. (1993). Yeh-lü Ch'u-ts'ai (1189–1243), Yeh-lü Chu (1221–1285). In I. de Rachewiltz et al. (Eds.). *In the service of the Khan: Eminent personalities of the early Mongol-Yüan period* (pp. 136–175). Harrassowitz.
- Der Nersessian, S. (1959). The Armenian Chronicle of the Constable Smbad or of the “Royal Historian”. *Dumbarton Oaks Papers*, 13, 141–168.
- Dombrovskii, D. (2015). *Genealogiia Mstislavichei: pervye pokoleniia (do nachala XIV v.)* [Genealogy of the Mstislavichi: First generations (before the beginning of the XIV century)]. Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Dunnell, R. (2010). *Chinggis Khan: World conqueror*. Longman.
- Ekzempliarskii, A. V. (1889–1891). *Velikie i udel'nye kniaz'ia severnoi Rusi v tatarskii period, 1238–1505 gg.* [Great and Appanage Princes of Northern Rus' in the Tatar period, 1238–1505] (2 Vols.). Izдание grafa I. I. Tolstogo. (In Russian).
- Fennell, J. (1983). *The crisis of medieval Russia, 1200–1304*. Longman.
- Gilli-Elewy, H. (2012). On women, power, and politics during the last phase of the Ilkhanate. *Arabica*, 59(6), 709–723.
- Göckenjan, H. (1991). Der Westfeldzug (1236–1242) aus mongolischer Sicht. In U. Schmilewski (Ed.). *Wahlstatt 1241. Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen* (pp. 35–76). Bergstadtverlag Wilhelm Gottlieb Korn. (In German).
- Gorskii, A. A. (1992). “Slovo o polku Igoreve” i “Zadonshchina”: *Istochnikovedcheskie i istoriko-kul'turnye problemy* [The “Tale of Igor’s Campaign” and “Zadonshchina”: Source study and historical-cultural problems]. Institut rossiiskoi istorii RAN. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (1995). Moskva, Tver' i Orda v 1300–1339 godakh [Moscow, Tver and the Horde in 1300–1339]. *Voprosy istorii*, 1995(4), 34–46. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (2006). Gibel' Mikhaila Chernigovskogo v kontekste pervykh kontaktov russkikh kniaziei s Ordoi [The death of Mikhail Chernigovsky in the context of first contacts of the Rus' princes with the Horde]. *Srednevekovaiia Rus'*, 6, 138–154. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (2014). Ob obstoiatel'stvakh gibeli velikogo kniazia Iaroslava Vsevolodovicha [On the circumstances of the death of Grand Prince Yaroslav Vsevolodich]. In B. N. Floria (Ed.). “Po liubvi v pravdu, bezo vsiakiie khitrosti”: *Druz'ia i kollegi k 80-letiiu V. A. Kuchkina* (pp. 179–190). Indrik. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (2018). Ustanovlenie vzaimootnoshenii Mongol'skoi imperii i Rusi: kazus Iaroslava Vsevolodicha [Establishment of relations between the Mongol Empire and the Ancient Rus': A special case of Yaroslav II Vsevolodich]. *Istoricheskii vestnik*, 25, 30–39. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (2020). Nasledovanie velikogo kniazheniia v seredine XIII v. Batyi i machekha Aleksandra Nevskogo [Inheritance of a great reign in the mid-13th century, Batu and step-mother of Alexander Nevsky]. *Rossiiskaia istoriia*, 2020(4), 31–37. (In Russian).
- Guéret-Laferté, M. (1994). *Sur les routes de l'Empire Mongol: ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siècles*. Honoré Champion. (In French).
- Gumilev, L. N. (1989). *Drevniaia Rus' i Velikaia step'* [Ancient Rus' and the Great Steppe]. Mysl'. (In Russian).

- Guzman, G. G. (1996). European clerical envoys to the Mongols: Reports of Western merchants in Eastern Europe and Central Asia, 1231–1255. *Journal of Medieval History*, 22(1), 53–67.
- Guzman, G. G. (2006). The Vinland map controversy and the discovery of a second version of the *Tartar Relation*: The authenticity of the 1339 text. *Terrae Incognitae*, 38(1), 19–25.
- Guzman, G. G. (2010). European captives and craftsmen among the Mongols, 1231–1255. *The Historian*, 72(1), 122–150.
- Halperin, Ch. (2009). *The Tatar Yoke: The image of the Mongols in medieval Russia* (2nd ed.). Indiana Univ.
- Hautala, R. (2014). Istoricheskii kontekst osnovaniia katolicheskoi eparkhii Kumanii 1227 goda [Historical context of the Cuman Catholic bishopric foundation in 1227]. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, 7, 111–139. (In Russian).
- Hautala, R. (2016). Ot Batu do Dzhani-beka: voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol'shei i Vengrii (1) [From Batu to Janybek: Military conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary (1)]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*, 4(2), 272–313. (In Russian).
- Haw, S. G. (2013). The Mongol Empire — the first “gunpowder empire”? *Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series*, 23(3), 441–469.
- Holmgren, J. (1986). Observations on marriage and inheritances practices in early Mongol and Yüan society, with particular reference to the levirate. *Journal of Asian History*, 20, 127–192.
- Hope, M. (2016). *Power, politics, and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran*. Oxford Univ. Press.
- Izmailov, I. (2009). Pokhody v Vostochnuiu Evropu 1223–1240 gg. [The Eastern European campaigns of 1223–1240]. In M. Usmanov (Ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen*, (Vol. 3) *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v.* (pp. 133–161). Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russian).
- Jackson, P. (2005a). *The Mongols and the West, 1221–1410*. Pearson Longman.
- Jackson, P. (2005b). The Mongols and the faith of the conquered. In R. Amitai, & M. Biran (Eds.). *Mongols, Turks and others: Eurasian nomads and the sedentary world* (pp. 245–290). Brill.
- Jackson, P. (2012). Franciscans as papal and royal envoys to the Tartars, 1245–1255. In M. J. P. Robson (Ed.). *The Cambridge companion to Francis of Assisi* (pp. 224–239). Cambridge Univ. Press.
- Jackson, P. (2016). Testimony of the Russian Archbishop Peter concerning the Mongols (1244/5): Precious intelligence or timely disinformation? *Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series*, 26(1–2), 65–77.
- Jackson, P. (2017). *The Mongols and the Islamic world: From conquest to conversion*. Yale Univ. Press.
- Kamola, S. (2015). History and legend in the Jāmi' al-tawārikh: Abraham, Alexander, and Oghuz Khan. *Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series*, 25(4), 555–577.
- Khoroshkevich, A. L., & Pliguzov, A. I. (1989). Rus' XIII stoletii v knige Dzh. Fennela [13th century Russia in J. Fennell's book]. In Dzh. [= J.] Fennel. *Krizis srednevekovoi Rusi, 1200–1304* (pp. 5–27). Progress. (In Russian).
- Khrustalev, D. G. (2015). *Rus' i mongol'skoe nashestvie* [Rus' and the Mongol invasion]. Evraziia. (In Russian).
- Kim, H. (2005). A reappraisal of Güyüg Khan. In R. Amitai, & M. Biran (Eds.). *Mongols, Turks and others: Eurasian nomads and the sedentary world* (pp. 309–338). Brill.
- Kliashchornyi, S. G., & Sultanov, T. I. (2004). *Gosudarstva i narody evraziiskikh stepei: drevnost' i srednevekov'e* [States and peoples of the Eurasian steppes: Antiquity and the Middle Ages]. Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

- Kloss, B. M. (2001). *Izbrannye trudy* [Selected works], (Vol. 2) *Ocherki po istorii russkoi agiografii XIV–XVI vekov. Agiografiia Moskv, Tveri, Iaroslavlia, Suzdalia. Skazaniia o chudotvornykh ikonakh* [Essays on the history of Russian hagiography of the 14th–16th centuries. Hagiography of Moscow, Tver, Yaroslavl, Suzdal. Legends about miraculous icons]. Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).
- Kneepkens, C. H. (1979). Randbemerkungen zum Text der *Hystoria Tartarorum* C. de Bridia monachi. *Mittellateinisches Jahrbuch*, 14, 273–277. (In German).
- Kondakov, N. P. (1896). *Russkie klady* [Russian treasures] (Vol. 1). Tipografiia Glavnogo upravleniia udelov. (In Russian).
- Korobeinikov, D. (2008). A broken mirror: The Kipchak world in the thirteenth century. In F. Curta (Ed.). *The other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans* (pp. 379–412). Brill.
- Korobeinikov, D. (2014). *Byzantium and the Turks in the thirteenth century*. Oxford Univ. Press.
- Kovács, Sz. (2005). Bortz, a Cuman chief in the 13th century. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*, 58(3), 255–266.
- Kradin, N. N., & Skrynnikova, T. D. (2006). *Imperiia Chingis-khana* [Empire of Genghis Khan]. Vostochnaia literatura. (In Russian).
- Krivosheev, Iu. V. (2015). *Rus' i mongoly: Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoi Rusi XII–XIV vv.* [Rus' and Mongols: Research on the history of North-Eastern Rus' 12th–14th centuries]. Akademiia issledovaniia kul'tury. (In Russian).
- Kychanov, E. I. (2002). O nekotorykh obstoiatel'stvakh pokhoda mongolov na zapad (po materialam "Iuan shi") [On some circumstances of the march of the Mongols to the west (based on the materials of 'Yuan shi')]. *Tiurkologicheskii sbornik 2001* (pp. 75–83). Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).
- Lenhoff, G. (1997). *Early Russian hagiography: The lives of Prince Fedor the Black*. Harrassowitz.
- Likhachev, D. S. (1963). K istorii slozheniia "Povesti o razorenii Riazani Batyem" [Towards the history of composition of "The Tale of the Destruction of Ryazan by Batu"]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1962 god* (pp. 48–51). Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Lippard, B. G. (1984). *The Mongols and Byzantium, 1243–1341* (PhD Dissertation, Indiana University).
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2020). *Dinasticheskii mir domongol'skoi Rusi* [The dynastic world of pre-Mongol Rus']. Izdatel'stvo Olega Abyshko. [In Russian].
- Lobakova, I. A. (1993). Problema sootnosheniia starshikh redaktsii "Povesti o razorenii Riazani Batyem" [The problem of the correlation of older versions of the "Tale of the Destruction of Ryazan"]. In D. S. Likhachev (Ed.). *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* (Vol. 46, pp. 36–52). Nauka. (In Russian).
- Lobakova, I. A. (2005). Zametki po tekstologii "Povestei o Nikole Zarazskom" (Otklik na kontseptsiiu B. M. Klossa) [Notes on the textual criticism of the "Tales of Nikola Zarazsky" (Response to the concept of B. M. Kloss)]. In S. A. Semiachko (Ed.). *Russkaia agiografiia: Issledovaniia. Publikatsii. Polemika* (pp. 761–784). Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Lobakova, I. A. (2006). K polemike o sootnoshenii "Povesti o razorenii Riazani Batyem" so Slovom o zhitii i prestavlenii Dmitriia Ivanovicha i Povest'iu o nashestvii Tokhtamysha [Towards the polemic about the relationship between the "Tale of the Ruin of Ryazan by Batu" with the "Word about the Life and Death of Dmitry Ivanovich" and the "Tale of the Invasion of Tokhtamysh"]. In O. V. Tvorogov (Ed.). *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* (Vol. 57, pp. 519–542). Nauka. (In Russian).
- Lubsangdorji, J. (2010). The *Secret History of the Mongols* in the mirror of metaphors (3). Venus of the Khorchin Mongols and Etügen. *Mongolo-Tibetica Pragensia*, 3(1), 61–104.

- Maiorov, A. V. (2014). The daughter of a Byzantine Emperor — the wife of a Galician-Volhynian Prince. *Byzantinoslavica*, 72(1–2), 188–233.
- Maiorov, A. V. (2015). The alliance between Byzantium and Rus' before the conquest of Constantinople by the crusaders in 1204. *Russian History*, 42(3), 272–303.
- Maiorov, A. V. (2015). Ecumenical Processes in the mid-13th century and the first union between Russia and Rome. *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, 126, 11–34.
- Maiorov, A. V. (2018). Church-union negotiations between Rome, Nicaea and Rus', 1231–1237. *Orientalia Christiana Periodica*, 84 (2), 385–405.
- Maiorov, A. V. (2020). The Rus Archbishop Peter at the first council of Lyon. *Journal of Ecclesiastical History*, 71(1), 20–39.
- Maiorov, A. V. (2021a). Diplomacy, war, and a witch: Peace negotiations before the Mongol invasion of Rus'. In A. V. Maiorov, & R. Hautala (Eds.). *The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe* (pp. 36–81). Routledge.
- Maiorov, A. V. (2021b). The first Mongol invasion of Europe: Goals and results. *Journal of the Royal Asiatic Society*. (Forthcoming).
- Maiorov, A. V. (2021c). The Mongol conquest of Rus'. In T. May, & M. Hope (Eds.). *The Mongol world*. Routledge. (Forthcoming).
- Maiorov, A. V. (Forthcoming). "They intend to come and attack Rome...": The real and sacred space of the Mongol conquests.
- Martin, H. D. (1950). *The rise of Chingis Khan and his conquest of North China*. Johns Hopkins Univ. Press.
- May, T. (1996). *Chormaqan Noyan: The first Mongol military governor in the Middle East* (Master's Thesis, Indiana University).
- May, T. (2018). *The Mongol empire*. Edinburgh Univ. Press.
- Mazurov, A. B. (2020). Sushchestvovala li v XIII–XV vv. chudotvornaia ikona Nikoly Korsunskogo (Zaraiskogo)? [There was the miraculous icon of Nikola Korsunsky (Zaraisky) in the 13–15th centuries, wasn't there?]. *Paleositiia. Drevniaia Rus' vo vremeni, v lichnostiakh*, 2020(1(12)), 140–158. (In Russian).
- Melville, Ch. (1999). *The fall of Amir Chupan and the decline of the Il-Khanate, 1327–1337: A decade of discord in Mongol Iran*. Indiana Univ., Research Institute for Inner Asian Studies.
- Mirgaleev, I. (2016). Dzhuchi — pervyi pravitel' ulusa [Jochi — the first ruler of the Ulus]. In I. Mirgaleev, & R. Hautala (Eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii* (pp. 72–77). Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russian).
- Miyawaki-Okada, J. (2007). The role of women in the imperial succession of the nomadic empire. In V. Veit (Ed.). *The role of women in the Altaic world: Permanent International Altaistic Conference, 44th Meeting, Walberberg, 26–31 August 2001* (pp. 143–149). Harrassowitz.
- Mongait, A. L. (1961). *Riazanskaia zemlia* [Ryazan land]. Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (In Russian).
- Morgan, D. O. (1986). The "Great Yasa" of Chingiz Khan and Mongol law in the Ilkhanate. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 49(1), 163–176.
- Morgan, D. O. (2005). The "Great Yasa of Chinggis Khan" Revisited. In R. Amitai, & M. Biran (Eds.). *Mongols, Turks and others: Eurasian nomads and the sedentary world* (pp. 291–308). Brill.
- Mostaert, A., & Cleaves, Fr. W. (1952). Trois documents mongols des Archives secrètes vaticanes. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 15(3–4), 419–506.
- Özcan, A. T. (2017). *Mogol-Rus İlişkileri (1223–1341)*. Türk Tarih Kurumu. (In Turkish).
- Pelliot, P. (1963). *Notes on Marco Polo* (Vol. 2). Imprimerie Nationale. (In French).

- Pelliot, P. (1973). *Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient*. Imprimerie nationale. (In French).
- Plezia, M. (1970). L'apport de la Pologne à l'exploration de l'Asie Centrale au milieu du XIIIe s. *Acta Poloniae Historica*, 22, 18–35. (In French).
- Pochekaev, R. (2016). Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid states of the 13th–14th centuries: Legal code or ideal “law and order”? *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*, 4(4), 724–733.
- Popov, P. A. (2019). Pervye letopisnye upominaniia o Voronezhe v kontekste kompleksnogo izucheniia drevnei toponimiki [The first chronicle mentions of Voronezh in the context of a comprehensive study of ancient toponymy]. *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk*, 2019(4(21)), 88–99. (In Russian).
- Poppe, A. (1985). K nachal'noi istorii kul'ta sv. Nikoly Zarazskogo [Towards the initial history of the cult of St. Nikola Zarazsky]. In D. C. Waugh (Ed.). *Essays in honor of A. A. Zimin* (pp. 289–304). Slavica. (In Russian).
- Poppe, N. (1957). Eine mongolische Fassung der Alexandersage. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 107, 105–129. (In German).
- Porsin, A. (2020). Anti-Jochid motives in “The Secret History of the Mongols”. *Medieval History of Central Eurasia*, 2020(1), 95–106.
- Pow, S. (2019). Hungary's castle defense strategy in the aftermath of the Mongol invasion (1241–1242). In T. Tkalcic, T. Sekelj Ivančan, S. Krznar, & J. Belaj (Eds.). *Fortifications, defence systems, structures and features in the past* (pp. 239–250). Institute of archaeology.
- Pow, S., & Laszlovsky, J. (2019). Finding Batu's hill at Muhi: Liminality between rebellious territory and submissive territory, earth and heaven for a Mongol prince on the eve of battle. *Hungarian Historical Review*, 8(2), 261–289.
- Priakhin, A. D., & Tsybin, M. V. (1991). Drevnerusskoe Semiluskoe gorodishche XII–XIII vv. na r. Don (Itogi raskopok 1984–1986 gg.) [Old Russian Semiluskoye settlement of the 12th–13th centuries on the River Don (Results of excavations 1984–1986)]. In A. G. D'iachenko (Ed.). *Arkheologiya slavianskogo Iugo-Vostoka* (pp. 93–106). Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).
- Priakhin, A. D., & Tsybin, M. V. (1996). Drevnerusskoe Semiluskoe gorodishche (Materialy raskopok 1987–1993 gg.) [Old Russian Semiluskoe settlement (Materials of Excavations 1987–1993)]. In A. D. Priakhin (Ed.). *Na Iugo-Vostoke Drevnei Rusi: Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia* (pp. 29–62). Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).
- Prokhorov, G. M. (1974). Povest' o Batyevom nashestvii v Lavrent'evskoi letopisi [The Tale of the Batu Invasion in the Laurentian Chronicle]. In D. S. Likhachev (Ed.). *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* (Vol. 28, pp. 77–98). Nauka. (In Russian).
- Ratchnevsky, P. (1987). Die Rechtsverhältnisse bei den Mongolen im 12.–13. Jahrhundert. *Central Asiatic Journal*, 31(1/2), 64–110. (In German).
- Ratchnevsky, P. (1993). *Genghis Khan: His life and legacy*. Wiley-Blackwell.
- Rudakov, V. N. (2014). *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov* [Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian scribes]. Kvadriga. (In Russian)
- Ruotsala, A. (2001). *Europeans and Mongols in the middle of the thirteenth century: Encounter-ing the Other*. Finnish Academy of Science and Letters.
- Rykin, P. O. (2003). Mongol'skaia kontseptsiiia rodstva kak faktor otnosheniia s russkimi kniaz'iami: sotsial'nye praktiki i kul'turnyi kontekst [Mongol concept of kinship as a factor in relations with Rus' princes: Social practices and cultural context]. In S. G. Kliashchornyi, & I. V. Kul'ganek (Eds.). *Mongolica-VI* (pp. 28–38). Peterburgskoe vostokovedenie (In Russian).

- Sălăgean, T. (2016). *Transylvania in the second half of the thirteenth century: The rise of the congregational system*. Brill.
- Sarnowsky, J. (1994). The Teutonic Order confronts Mongols and Turks. In M. Barber (Ed.). *The military orders: Fighting for the faith and caring for the sick* (pp. 253–262). Ashgate.
- Shebanin, G. A. (2005). Istoricheskaia geografiia zapadnoi chasti Riazanskogo kniazhestva XII — nachala XVI v. [Historical geography of the Western part of the Ryazan Principality of the 12th — early 16th centuries]. In A. V. Chernetsov (Ed.). *Velikoe kniazhestvo Riazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniia i materialy* (pp. 458–479). Pamiatniki istoricheskoi mysli. (In Russian).
- Sinor, D. (2002). Le rapport du Dominicain Julien écrit en 1238 sur le péril mongol. *Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*, 146(4), 1153–1168. (In French).
- Spinei, V. (2009). *The Romanians and the Turkic nomads North of the Danube delta from the tenth to the mid-thirteenth century*. Brill.
- Subtelny, M. E. (2011). The binding pledge (*möchälgä*): A Chinggisid practice and its survival in Safavid Iran. In C. P. Mitchell (Ed.). *New perspectives on Safavid Iran: Empire and society* (pp. 9–29). Routledge.
- Székely, Gy. (1988). Egy elfeledett rettegés: a második tatárjárás a magyar történeti hagyományokban és az egyetemes összefüggésekben. *Századok*, 122, 52–88. (In Hungarian).
- Tanase, T. (2013). 'Jusqu'aux limites du monde': la papauté et la mission franciscaine, de l'Asie de Marco Polo à l'Amérique de Christophe Colomb. *École française de Rome*. (In French).
- Togan, I. (1998). *Flexibility and limitation in Steppe formation: The Kerait Khanate and Chinggis Khan*. Brill.
- Trepavlov, V. (2016a). Obrazovanie Ulusa Dzhuchi [Formation of Ulus Jochi]. In I. Mirgaleev, & R. Hautala (Eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii* (pp. 137–147). Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russian).
- Trepavlov, V. (2016b). Administrativnoe ustroistvo. Organizatsiia upravleniia [Administrative device. Organization of management]. In I. Mirgaleev, & R. Hautala (Eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii* (pp. 148–157). Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russian).
- Uzelac, A. (2020). Saint Louis and the Jochids. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*, 8(4), 662–674.
- Vásáry, I. (2005). *Cumans and Tatars: Oriental military in the pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge Univ. Press.
- Vashalomidze, S. (2012). Mongol invasions in the Caucasus and the Georgian source *Kartiis cxovreba*. In J. Tubach, S. G. Vashalomidze, & M. Zimmer (Eds.). *Caucasus during the Mongol period = Der Kaukasus in der Mongolenzeit* (pp. 309–320). Reichert Verlag.
- Veselovskii, N. I. (1916). O religii tatar po russkim letopisiam [About the religion of the Tatars according to Russian chronicles]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia, New Ser.*, 64, 81–101. (In Russian).
- Weatherford, J. (2010). *The secret history of the Mongol queens: How the daughters of Genghis Khan rescued his empire*. Crown.
- Wing, P. (2016). *The Jalayirids: Dynastic state formation in the Mongol Middle East*. Edinburgh Univ. Press.
- Yourtchenko, A. (1998). Ein asiatisches Bilderrätsel für die westliche Geschichtsschreibung. Ein unbekanntes Werk aus dem 13. Jahrhundert (der "Tschingis Khan Roman"). *Zentral-asiatische Studien*, 28, 45–85. (In German).
- Yourtchenko, A., et al. (2002). *Khristianskii mir i "Velikaia Mongol'skaia imperiia": Materialy frantsiskanskoi missii 1245 goda* [Christendom and the "Great Mongol Empire": Materials of the Franciscan mission of 1245]. Evraziia (In Russian).

- Zagorovskii, V. P. (1977). *O drevnem Voronezhe i slove "Voronezh"* [About ancient Voronezh and the word 'Voronezh']. Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).
- Zhao, G. Q. (2008). *Marriage as political strategy and cultural expression: Mongolian royal marriages from world empire to Yuan Dynasty*. Peter Lang.
- Zhilina, T. V. (2020). *Drevnerusskie klady IX–XIII vv.: Klassifikatsiia, stilistika i khronologiia ukrashenii* [Old Russian hoards of the 9th–13th centuries: Classification, style and chronology of jewelry]. URSS. (In Russian).
- Zimonyi, I. (2014). The Mongol campaigns against Eastern Europe. In I. Zimonyi. *Medieval nomads in Eastern Europe: Collected studies* (pp. 325–352). Brăila.

* * *

Информация об авторе

Александр Вячеславович Майоров

доктор исторических наук
профессор, заведующий кафедрой
музеологии, Санкт-Петербургский
государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7/9
Тел.: +7 (812) 323-52-06
✉ a.v.maiorov@gmail.com

Information about the author

Alexander V. Maiorov

Dr. Sci. (History)
Professor, Head of the Department
of Museology, St. Petersburg State University
Russia, 199034, St. Petersburg,
Universitetskaya Emb., 7/9
Tel.: +7 (812) 323-52-06
✉ a.v.maiorov@gmail.com

А. В. Лаврентьев

ORCID: 0000-0003-1476-0759

✉ laurentius@list.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

«ДЮДЕНЕВА РАТЬ» И МЕДНЫЕ ПОЛЫ ХРАМОВ ВЛАДИМИРСКОЙ ЗЕМЛИ (К ИСТОРИИ РУССКО- ОРДЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIII в.)

Аннотация. Зимой 1293–1294 гг. земли Северо-Восточной Руси пережили «Дюденеву рать» — набег отрядов татар во главе с Туданом (Дюдением русских летописей), присланных ханом Тохтой с целью изгнания великого князя Дмитрия Александровича и утверждения на великокняжеском столе во Владимире его брата, городецкого князя Андрея Александровича, ставленника Орды. В ходе беспрецедентной по охвату территории «Дюденовой рати» разгрому подверглись 14 городов Руси, включая Владимир. При описании материальных потерь, понесенных во время военных действий, летописи особо подчеркивают тот факт, что нападающие вывезли в Орду медные плиты пола главного храма Руси, Успенского собора Владимира (обычно во время грабежа храмов забирали только предметы из драгоценных металлов и дорогие ткани). Очевидно, в ходе этого же набега своих медных полов лишился и другой храм Владимирской земли, собор Рождества Богородицы города Боголюбovo. Суммарная стоимость вывезенной в Орду меди равнялась трети суммы ежегодной дани («выхода»), выплачиваемой великими князьями Орде. Судя по всему, городецкий князь, за неимением средств, расплатился с Тохтой за ярлык на великое княжение в том числе и медными полами храмов Владимирской земли.

Ключевые слова: Русь XIII в., княжеские междоусобицы, Владимир, Боголюбovo, медь, «Дюденева рать», «выход» в Орду

Для цитирования: Лаврентьев А. В. «Дюденева рать» и медные полы храмов Владимирской земли (к истории русско-ордынских отношений в XIII в.) // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 200–218. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-200-218>.

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2020 г.
Принято к печати 14 ноября 2020 г.

A. V. Lavrentyev

ORCID: 0000-0003-1476-0759

✉ laurentius@list.ru

National Research University

Higher School of Economics (Russia, Moscow)

“DIUDENEV HOST” AND THE COPPER FLOORS OF CHURCHES OF THE VLADIMIR REGION (TOWARDS THE HISTORY OF RUSSIAN-HORDE RELATIONS IN THE 13TH CENTURY)

Abstract. During the winter of 1293–1294 the lands of North-Eastern Rus’ survived the “Diudenev host”, the raid of Tatar detachments led by Tudan (Diuden’ in the Russian chronicles), sent by Khan Tokhta with the aim of expelling Grand Duke Dmitry Alexandrovich and establishing his brother, Prince Andrei Alexandrovich, a Golden Horde *protégé*, on the grand duke’s seat in Vladimir. In the course of an unprecedented sweep of territory by the Diuden’ troops, fourteen Russian cities, including Vladimir, were captured and plundered. Among the material losses incurred during the hostilities, the chronicles especially emphasize the fact that the attackers took out to the Horde the copper slabs of the floor of the main church of Russia, the Assumption Cathedral of Vladimir (usually Tatar robbery of churches included only items made of precious metals and expensive fabrics). Obviously, during the same raid, another church of the Vladimir region, the Cathedral of the Nativity of the Virgin in the city of Bogolyubovo, lost its copper floors. The total cost of copper exported to the Horde was equal to a third of the annual tribute paid by the grand dukes to the Horde. Apparently the Gorodets prince, for lack of funds, included the copper floors of the churches of the Vladimir region as part of his payment to Khan Tokhta for the yarlyk for the title of Grand Duke.

Keywords: 13th century Russia, princely civil strife, Vladimir, Bogolyubovo, copper, “Diudenev hosrt”, tribute to the Horde

To cite this article: Lavrentyev, A. V. (2021). “Diudenev host” and the copper floors of churches of the Vladimir region (towards the history of Russian-Horde relations in the 13th century). *Shagi / Steps*, 7(3), 200–218. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-200-218>.

Received September 25, 2020

Accepted November 14, 2020

...А в прежних временех землю орали мед[ь]ю, тако же и оружие в мѣди дѣлали, а в тѣх временех золото и серебро ни во что мнѣли быша. Нѣ же паки мѣд[ь] ни во что ж[е], а золото и серебро всѣх металей одолѣваетъ.

Травник в переводе Николая Любчанина. 1534 г.

«**В**ъ лѣто 6801 приведе Андреи изъ Орды Дюдения ратію на великого князя Дмитриа и много зло бысть Руси» [ПСРЛ (15): 35]. «Дюденева рать» 1293 г. стала завершающим событием долгой, более чем десятилетней борьбы за великое княжение владимирское между сыновьями Александра Невского, Дмитрием Александровичем, державшим великокняжеский стол, и младшим братом-соперником, городецким князем Андреем Александровичем. В 1293 г. хан Тохта, поддерживавший претензии последнего, отправил на Русь «рать» во главе с собственным братом Туданом (Дюдением русских летописей), изгнавшую великого князя и посадившую во Владимире ордынского протезе¹.

В ходе «Дюденовой рати» разорению подверглись 14 городов Северо-Восточной Руси — ровно столько же, сколько было разгромлено в течение месяца полувеком ранее, в феврале 1238 г. Батыем², что наглядно демонстрирует масштабы катастрофы.

Новгородский летописец характеризовал разгромленные в 1293 г. русские «города» как «безвинныя» [Н1Л: 327], а Н. М. Карамзин в свое время обратил внимание, что ордынцы «могли бы сделать то (посадить Андрея Александровича на великое княжение. — А. Л.) без всякого кровопролития: ибо никто не думал сопротивляться» [Карамзин 1992: 84]. Кровопролитие — неминуемое и естественное следствие «рати»³, обычно сопровождавшейся штурмом и разрушением городов и сельской округи, угоном пленных, изъятием запасов и имущества, от церковных сокровищ до содержимого житниц и угона скота. Однако при ближайшем рассмотрении события 1293 г. выглядели несколько по-иному и из всего вышеперечисленного включали, если летописный рассказ точен, только один «компонент» — грабеж материальных ценностей⁴.

Самый подробный рассказ о «Дюденовой рати» содержит Симеоновская летопись [ПСРЛ (18): 82–83]⁵. Из него следует, что ни один из «градов» как будто бы не подвергался штурму. Более того, в Москву, например, татары «ввехаша» после того, как «обольстиша» князя Даниила Александровича. Обманывать, вводить в заблуждение московского суверена, имея «рать» возможность взять город военной силой, наверное, не потребовалось бы, независимо

¹ Подробнее о «Дюденовой рати» см.: [Насонов 1940: 70–77; Горский 1996: 74–92; 2000: 16–18; Селезнев 2017: 125–127]. Б. Д. Греков ошибочно считал Тудана-Дюдения братом не Тохты, а Ногай [Греков, Якубовский 1950: 235].

² «Татарове <...> взяша городовъ дѣи опрочъ слободъ и погостовъ во одинъ мѣць февраль» [ПСРЛ (1): 464].

³ *Рать* — «война, бой, битва» [Сл. РЯ XI–XVII вв. (22): 118].

⁴ Ср.: «Грабеж <...> был явлением обычным главным образом в момент завоевания. В дальнейшем <...> грабеж <...> превратился в систему выкачивания <...> дани» [Греков, Якубовский 1950: 229].

⁵ В Лаврентьевской летописи, имеющей лауну в тексте между 1287 и 1293 гг., содержится только конечная часть рассказа об этих событиях [ПСРЛ (1): 483].

от того, держал Даниил Александрович, младший брат соперничавших князей, сторону изгнанного великого князя Дмитрия Александровича или же подержанного Ордой Андрея Александровича Городецкого (в последнем случае он должен был быть лоялен Дюдению)⁶.

Нет сомнений, что Москву в 1293 г. защищали деревянные укрепления⁷, но вряд ли они были сопоставимы по оборонительным качествам с каменным Кремлем, выстроенным в 1367 г., который в 1382 г., тем не менее, был «преlestью бесерменская» и «лживыми рѣчи и миромъ лживымъ» захвачен и разграблен армией хана Тохтамыша. Осажденные сами «отвориша врата градныя» и не оказали сопротивления ни ворвавшимся через них в Москву татарам, ни тем из нападавших, кто проник в город, так сказать, «традиционным» в таких случаях путем, взобравшись на «забрала» по приставным лестницам [Повесть 1981: 198]. В 1293 г., повторимся, штурм деревянной крепости, несопоставимой по боевым качествам с каменным Кремлем, не было.

Если же существовала вероятность того, что «обольстити» город не получится, «Дюденева рать» на военное обострение не шла и на штурм не решалась. Так дело обстояло с Тверью, к которой татары направились напрямик после разорения Москвы. Тверичи и собравшееся под защиту городских укреплений население уезда и «иныхъ княженей и волостей», к которым присоединился вернувшийся из Орды буквально накануне появления Дюдены князь Михаил Ярославич, постановили взаимным крестным целованием «стати съ единого, битися с Татары», вследствие чего последние «не поидоша ратию к Тѡери». Правда, немного позже, «тое же зимы», Тверь все-таки была взята штурмом, но не «Дюденовой ратью», а отрядами «царя Токтомера». На этот раз татары, как это бывало с русскими городами ранее и как неоднократно будет позже, разгромили и сожгли Тверь «и овѣхъ посече, а овѣхъ в полонъ поведе» [ПСРЛ (18): 83]⁸. Так что штурм изначально входил в реализованный в конечном итоге план «царя Токтомера», но, надо думать, не входил в задачу Дюдены.

Другое обычное следствие татарских «ратей», описываемое летописями, — захват «полона», как в вышеприведенном рассказе о разгроме Твери отрядами «царя Токтомера» и не только в нем. Так, в 1252 г. при погроме «Неврюевой ратью» владимирских и переяславль-залесских земель нападающие «люди бещисла поведоша до конь и скота» [ПСРЛ (1): 473]. В 1281 г., в начале борьбы за великокняжеский стол с братом Дмитрием Александровичем, Андрей Александрович с отрядом татар («первая рать» русских летописей) пошел к Переславлю, «татарове же разсыпашося по земли (...) около Володимера, около Юрьева, около Суздаля, около Переяславля все пусто сътвориша пограбиша (...) мужи и жены, и дѣти, и младенци (...) поведоша въ полонъ» [ПСРЛ (18): 78]. «Полонъ», наряду с материальными ценностями, достался

⁶ М. Н. Тихомиров считал московского князя союзником Андрея Александровича [Тихомиров 1947: 22–23], противоположного мнения придерживается А. А. Горский [2000: 17].

⁷ В 1305 г. тверской князь Михаил Ярославич не смог взять Москву, поскольку, как полагал С. Н. Бартенев, в 1293 г. во время «Дюденовой рати» деревянные укрепления города не пострадали [Бартенев 1912: 13–14].

⁸ В данном случае даже неважно, отправился ли «царь Токтомеръ» походом на Тверь из Сарая или от отколовшейся от волжских ханов орды Ногая. Первого мнения придерживался А. Н. Насонов [1940: 77], второго — А. А. Горский [2000: 21].

татарам Тохтамыша и в Москве в 1382 г. после штурма города, сопровождавшегося массовым избиением горожан, и после разгрома Владимира 1410 г. объединенным нижегородско-татарским отрядом [ПСРЛ (15): 145; (25): 240]. В противоположность этой печальной «традиции» среди трофеев «Дюденевой рати» Симеоновская летопись, как было сказано выше, «полонъ» не называет [ПСРЛ (4/1): 248; (43): 102]⁹.

Таким образом, «зло» (определение событий 1293 г., трижды повторенное в тексте Симоновской летописи) свелось к банальному ограблению («церкви пограбиша», в «селах, и волостях, и погостах, и монастырях <...> и люди, и кони, и скоты, и имѣние <...> все пограбиша») и неизбежным в таких случаях актам насилия («попадѣи и жены оскверниша»). Такого рода уточнения «зла» присутствуют в летописном рассказе применительно только к двум городам, Владимиру и Юрьеву-Польскому, но нет оснований думать, что в прочих городах, равно как и в «волостяхъ и погостахъ и монастыряхъ» Северо-Восточной Руси, дела обстояли как-то иначе.

Поведение Дмитрия Александровича в 1293 г. выглядит несколько неожиданно. «Рать» не только не застала его врасплох, но, похоже, нападающие и не ставили вообще задачи пленения великого князя, дав ему возможность скрыться.

Поход «Дюденевой рати» начался с Суздаля и Владимира, но Дмитрий Александрович находился в этот момент не в столице великого княжения, а в родовом Переяславле-Залесском, из которого, «слышавше <...> рать Татарскую», «розбѣгошася розно люди черныя <...> Послѣ же и самъ князь великий и з своею дружиною побѣжѣ» в Новгородскую землю. «Эвакуация» населения из Переяславля-Залесского, хотя и вынужденная, похоже, носила «плановый» характер, а сам великий князь покинул город вместе со своей дружиной, если верить летописному рассказу, только после того, как город оставили его подданные. Более того, Дмитрий Александрович имел время и возможность вывезти из города великокняжескую казну. Когда год спустя, в 1294 г., великий князь решил вернуться из Новгорода «въ свою отчину», то при переправе через Волгу около Торжка «князь <...> Андрѣи перея его на броду. Самъ же князь Дмитрѣи перепровадиса черес рѣку, а казны, ючного товару не успели перепровадити, и князь Андрѣи казну отгяль и товаръ весь поималъ» [ПСРЛ (18): 83].

С бегства великого князя из Переяславля-Залесского, резюмирует летописец, «замятеся вся земля Суждалская». Неудивительно, что «земля» пришла в недоумение и замешательство, — суверен покинул ее вместе с казной и дружиной, по сути сдав великое княжение на волю брата-претендента и «Дюденевой рати», фактически исполнившей при последнем роль великокняжеской дружины.

В планах «Дюденевой рати», о чем уже шла речь, особая роль отводилась городам как сосредоточиям материальных ценностей. Симеоновская летопись сначала приводит список взятых городов в, условно говоря, иерархическом порядке: «столный градъ <...> Володимеръ и Суждаль и Муромъ, Юрьевъ, Переяславль, Коломну, Москву, Можаяескъ, Волокъ, Дмитровъ, Угличе поле, а всѣхъ городовъ <...> 14» (перечислено, как видим, однако, только 11), — а чуть

⁹ На наличие «плена» («крестьянъ посѣкоша, а иныхъ плениша») указывает только рассказ о «рати» новгородского происхождения [ПСРЛ (4/1): 248; (43): 102].

ниже описывает маршрут похода, называя «грады», правда, не все, уже в порядке их взятия «Дюденевою ратью».

Сначала «рать <...> Татарская <...> пришедше в Суждаль», затем во Владимир, потом «взяша» Юрьев-Польской, далее Переяславль-Залесский, потом Москву и «оттолѣ въсхотѣша ити на Тѡерь», которую не решилась штурмовать, после проследовала к новгородскому Волоку и, взяв его, «поидоша паки к Переславлю», оттуда «поидоша въсвоеси» [ПСРЛ (18): 83], на Волгу.

Поход Дюдены, как подметил В. Л. Егоров, не относился к числу кратковременных набегов, а «представлял собой длительную <...> акцию, заранее рассчитанную на охват значительной территории, для реализации задач которой предварительно «выбиралась наиболее удобно расположенная в географическом отношении опорная база <...> куда свозилось награбленное и стоялся полон и скот. Этим достигалась маневренность отрядов, освобожденных от громоздких обозов» [Егоров 1985: 186]¹⁰. Такой «базой» в 1293 г. стал полностью опустевший с уходом великого князя и жителей Переяславль-Залесский, к которому татары «прїдоша», повторимся, только после взятия Суздаля, Владимира и Юрьева-Польского и где «стояли <...> много днеи, понеже люди нѣсть, выбѣгли ис Переславля» [ПСРЛ (18): 82]. Совершив оттуда походы на Москву и Тверь, татары вернулись в город из-под Волока, чтобы затем покинуть с добычей пределы Руси. Ранее, в 1252 г., Переяславлю-Залесскому уже пришлось как минимум единожды сыграть такую же роль опорной базы набега, на этот раз «Неврюевой рати». Заняв город, татары «россунушася по земли» и отсюда же, сосредоточив добычу, «людеи бес числа въ полонъ поведоша, и до конь, и до скота» [ПСРЛ (1): 473].

Возвращаясь к событиям 1293 г., есть основания думать, что «рать» не представляла собой собственно военной силы, о чем как будто бы говорит отказ от штурма Твери и «обольщение» московского князя Даниила Александровича, держателя Москвы, не самого большого города. Возможно, это было связано с изначально поставленными перед «ратью» «хозяйственными» задачами, связанными только с изъятием материальных ценностей.

Ордынцы пришли «на Суждалскую землю» в качестве военных союзников претендента на великое княжение, князя Андрея Александровича, — более того, уже не в первый раз по его, а не по ханской инициативе¹¹. Трудно сказать, имело ли благоволение Тохты городецкому князю какую-то политическую мотивацию, — возможно, речь надо вести об элементарной расплате за военную поддержку. «Татарам было все равно, кому (из русских князей. — А. Л.) они передавали власть, выдача ярлыка на великое княжение зависела от стоимости <...> подарков» [Шпулер 2018: 177]. Возможно, грабеж как основная цель «Дюденевою рати» был изначально согласован с Андреем Александровичем, явившись своеобразной платой хану Тохте за великокняжеский ярлык.

¹⁰ Ср.: «Походы монголов на Русь в XIII–XIV вв. нельзя представлять в качестве простых грабительских нападений <...> Это были хорошо подготовленные военные акции, перед руководителями которых ставились определенные задачи» [Егоров 1985: 181].

¹¹ В 1281 г. городецкий князь «испроси себѣ» у хана «княженъ вѣликое подѣ братомъ <...> и приведе съ собою рать татарскую»; в 1293 г. «Дюденева рать» ходила на Русь по жалобе хану городецкого князя и его союзников на Дмитрия Александровича [ПСРЛ (25): 152, 157].

Особым объектом интереса приходивших на русские земли «ратей» всегда были храмы, соборные и церковные ризницы, места сосредоточения изделий из драгоценных металлов, дорогих тканей и пр., в первую очередь подвергавшиеся разграблению. Об этом свидетельствуют многочисленные летописные рассказы. Так, в начале княжеской междоусобицы, зимой 1281–1282 гг., приведенные Андреем Александровичем отряды Кавгадыя «испустишиша и города <...> и монастыри, и церкви <...> иконы и кресты честныя, и сосуды <...> служебныя, и пелены, и книги, и всяко узорочье пограбиша». Нападение имело место за неделю до Рождества, храмы обобрали так тщательно, что в канун праздника они лишились всего необходимого для церковных служб, и «въ Рождество <...> Христово пѣнниа не было по всѣмъ церквамъ» [ПСРЛ (18): 78.]. В 1382 г. после взятия Москвы ханом Тохтамышем нападающие «церкви зборныя разграбиша и иконы <...> одраша, украшенныя златомъ и серебромъ, и женчюгомъ, и бисеромъ, и каменіемъ драгимъ, и пелены златомъ шитыя и саженыя одраша, кузнь с иконъ одраша <...> и ссуды церковныя <...> поимаша, и ризы поповскыя пограбиша» [ПСРЛ (15): 144].

В 1410 г. при нападении на Владимир объединенных отрядов татар царевича Талыча и нижегородцев князя Даниила Борисовича ризница Успенского собора — редчайший случай — частично, а может быть и целиком, уцелела («сосуды <...> церковныя златыя и серебряныя и елико кузни») от врагов спрятал соборный ключарь Патрикей, поплатившийся жизнью за отказ открыть место тайника); прочие же храмы и монастыри города были разграблены. Нападающим досталось «множество злата и сребра», «не имаша портъ, ни иные ничто же, но токмо златое и серебряное и кузни многое и безчисленное <...> множество» [ПСРЛ (25): 240]. Такое невнимание к «иному» объясняется тем, что отряд нападающих был немногочисленным — всего 300 всадников, пришедших «безвестно», «изгономъ», — и быстро отступившим с добычей, не имея возможности для вывоза «инога», кроме «златое и серебряное и кузни многое». Тем не менее они увезли с собой и «полон», и «конское стадо» [ПСРЛ (18): 160; (25): 240].

С этой точки зрения интересно оценить владимирские «трофеи» «Дюденевой рати». Итак, среди них отсутствует «плен», состав прочего для «грабежей» стандартен («книги, и иконы, и кресты <...> и сосуды священные, и всяко узорочье») за одним исключением, обозначенным в перечне владимирских потерь 1293 г., что характерно, первым: «дно чюдное мѣдяное выдраша» (разрядка моя) [ПСРЛ (18): 82]. Тут показателен, кроме прочего, даже употребленный летописцем глагол *выдрати* — в Русской Правде он имеет еще и значение 'выкрасть' применимо к бортям [Правда Русская 1940: 112].

Медные полы Успенского собора Владимира¹² охарактеризованы летописью как нечто удивительное и редкое, что целиком соответствует действительности. На самом деле в практике древнерусского церковного зодчества известны всего три примера использования меди в качестве покрытия храмовых полов [Подъяпольский 2000: 257]. Об одном таком храме, находившемся в Галицко-Волынской Руси, в г. Холме, сообщает Ипатьевская летопись под

¹² Строго говоря, речь в летописном рассказе идет об ограблении всех владимирских церквей, но то, что «дно» могло принадлежать только кафедральному храму, кажется очевидным.

1259 г.: «въ церкви св. Иоанна <...> внутренний ей помост бе слит от меди и от олова чиста» [ПСРЛ (2): 196]. Храм располагался в детинце города, основанного князем Даниилом Романовичем Галицким в 1223 г. [Куза 1996: 154]. П. А. Раппопорт полагал, что, детинец Холма «строился как <...> княжеский дворец» и был сходен по назначению с Боголюбовом [Раппопорт 1962: 625–626]. Последнее наблюдение особенно любопытно, поскольку второй древнерусский медный пол тоже существовал в храме дворцового комплекса, на этот раз владимирских князей. В письменных источниках он не упоминается — о нем известно из результатов археологических обследований Боголюбова, предпринятых Н. Н. Ворониным.

Выстроенная между 1158 и 1165 гг. в 10 км от стольного Владимира резиденция великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского представляла собой каменную крепость с комплексом дворцовых построек и соборным храмом Рождества Богородицы. При проведении в храме архитектурно-археологических работ выяснилось, что его пол как в алтарной части, так и в основном объеме целиком покрывали полированные медные плиты (их контуры отпечатались на цемяночной подоснове), запаянные на стыках смесью свинца и олова. Был также найден фрагмент одной из медных плит, что дало возможность реконструировать ее параметры, 116 × 135 см при толщине 0,5 см, и вычислить вес, 45 кг [Воронин 1961: 227–228; Раппопорт 1982: 66–67]. Периметр внутреннего пространства церкви Н. Н. Воронин определил приблизительно в 15 × 10 м [Воронин 1961: 220]; следовательно, площадь медного пола соборного храма Боголюбова равнялась, условно, 150 м². Когда и при каких обстоятельствах Богородице-Рождественский собор лишился медного «дна», летописи не сообщают.

Третий известный на Руси храмовый пол из меди, «дно чюдное мѣдяное» Успенского собора Владимира, упоминается только в связи с «выдиранием» его «Дюденовой ратью». Время появления «дна» неизвестно, Н. Н. Воронин констатировал лишь очевидное, что в 1293 г. медные плиты покрывали «какую-то часть храма» [Там же: 376].

Строительная история Успенского собора состоит из двух этапов, в ходе которых сформировался его современный облик.

Первый храм, возведенный между 1158 и 1161 гг. в великое княжение Андрея Боголюбского, серьезно пострадал во время страшного владимирского пожара 1185 г., «сборнаѣ ц(е)ркви с(вя)таѣ Б(огороди)ца Златоверхаѣ <...> сгорѣ» [ПСРЛ (1): 630]. Летописец не уточняет характер повреждений, но они могли как вести к полной потере храма, так и предполагали сохранение постройки. Например, если вследствие пожара 1408 г. в Ростове «съборня церковь изгорѣ <...> яко и камене распадеся» [Приселков 2002: 467], то в Москве, преданной огню в 1382 г. Тохтамышем, деревянные церкви «запалени <...> падошася, а каменные стояша, выгорѣвши внутри и огорѣвши внѣ», что отмечено в Софийской первой летописи старшего извода [ПСРЛ (6/1): 481]¹³. Очевидно, владимирский пожар 1185 г. отразился и на состоянии первого Успенского собора.

¹³ Цитируемая фраза отсутствует в соответствующей части текста летописной Повести о нашествии Тохтамыша [Повесть 1981: 202].

В ходе начавшихся вскоре строительных работ уцелевшую часть храма Андрея Боголюбского обстроили с трех сторон галереями, значительно увеличили алтарную часть, превратив его, по существу, в новое здание, которое было освящено в 1189 г. В итоге уцелевшие после пожара стены оказались включенными в новую постройку Всеволода Большое Гнездо. Н. Н. Воронин отметил, что полы пристроенных между 1185 и 1189 гг. частей Успенского собора, согласно археологическим наблюдениям, покрывали майоликовые плитки [Воронин 1961: 375–376].

Есть основания предполагать, что храм Всеволода Большое Гнездо мог унаследовать «дно медяное», выданное «Дюденевой ратью» в 1293 г., от предшественника, Успенского собора Андрея Боголюбского. Возможно, оно было выполнено теми же мастерами, что изготовили медные плиты для покрытия пола собора Боголюбова, строившегося в одно время с владимирским храмом. Несмотря на разрушительные последствия пожара во Владимире 1185 г., вероятность сохранения в Успенском соборе медного пола кажется реальной. До наших дней дошли, например, фигуры пророков в рост — часть фресковых росписей храма Андрея Боголюбского [Лазарев 1973: 35], так или иначе переживших бедствие.

Изготовление свинцовых и медных плит (в ремесленной лексике русского средневековья — «досок») относилось к «котельному делу»; продукция мастеров-котельников шла на покрытие «верхов» церквей [Аристов 1866: 117–120; Рыбаков 2015: 555], и, как видим, медные листы иногда использовались также в качестве покрытия пола. Мастера «олову лыжти <...> не <...> отъ Немець <...> но отъ клеверть Стое Ёци», т. е. «слуг» Рождественского собора Суздаля, упоминаются в летописном рассказе о ремонте храма в 1194 г. [ПСРЛ (1): 411]¹⁴. Успенский собор Владимира — и первый, Андрея Боголюбского, и второй, Всеволода Большое Гнездо, — летописи называют «златоверхим», поскольку храмовые «верхи» были крыты амальгамированными листами меди (об этом ниже), а одни из ворот укреплений Владимира, построенных при Андрее Боголюбском, носили название Медяных [Там же: 518], надо думать потому, что либо их «верхи», либо двери, либо то и другое были обиты листами меди. Так что изготовление медных «досок» для покрытия полов соборных храмов Боголюбова и Владимира технически было во Владимиро-Суздальском княжестве вполне исполнимой задачей.

Параметры первого Успенского собора 1158–1160 гг. в публикациях выглядят по-разному. У Н. Н. Воронина приведены цифры 16×33 м [Воронин 1961: 220]; согласно П. А. Раппопорту, это 17,6 м ширины и около 27,5 м длины [Раппопорт 1982: 51]; по обмерным чертежам Успенского собора 1950-х годов, хранящимся во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике, они выглядят как 15×25 м¹⁵. Если взять последние цифры как минимальные, то площадью пола Успенского собора Андрея Боголюбского, «унаследованного» новым собором Всеволода Большое Гнездо, можно условно считать 375 м².

Чем медный пол Успенского собора мог привлечь внимание нападающих? Очевидным образом, как и прочие «трофеи», материальной ценностью. На фоне захваченных при грабеже Успенского собора «сосудов» и «крестов»

¹⁴ Олово в данном контексте означает свинец [Сл. РЯ XI–XVII вв. (12): 359].

¹⁵ Сведениями автор обязан любезности Т. П. Тимофеевой (Владимир).

из драгоценных металлов и дорогих тканей («узорочьа») медь как будто не должна была заинтересовать «Дюденеву рать», но это совсем не так. И, как представляется, «выдиране» «дна чюдного» вполне объяснимо с материальной точки зрения. Если площадь пола владимирского Успенского собора постройки Андрея Боголюбского принять за, еще раз повторимся, минимально условные 375 м² при толщине плит, аналогичной боголюбовским 0,5 см, то объем меди, израсходованной на «дно чюдное», составлял около 2 м³, а вес металла, исходя из удельного веса меди 8900 кг на м³, — около 17000 кг, или 17 т¹⁶. В стоимостном выражении речь шла о серьезных суммах. По ситуации с ценами на XV в. 15 золотников меди были эквивалентны 1 г серебра [Колызин 2018: 54], т. е. стоимость одной весовой единицы серебра на Руси была равна 60 с небольшим единицам меди [Аристов 1866: 307], причем соотношение это было устойчивым и сохранялось без изменения до XVII в. включительно [Базилевич 1936: 13–14]. Исходя из веса золотника в 4,2 г, «дно чюдное мѣдяное» Успенского собора было эквивалентно по стоимости 260 с лишним кг серебра. Серебром, как известно, оплачивался русский «выход» в Орду.

Об абсолютных размерах дани с русских княжеств в XIII в. ничего неизвестно; на время великого княжения Дмитрия Ивановича Донского (1363–1389 гг.) ее суммарно определяют в 5000 рублей серебром [Павлов 1958: 100–101; Каштанов 1988: 6–9]. Рубль А. М. Колызин [1988: 54] считает эквивалентным 196–205 г серебра, Н. П. Бауэр [2014: 342–346] — 190 г, С. Н. Кистерев [1999: 72–73, 77] — 183,6 г. Нетрудно подсчитать, взяв последнюю цифру как минимальную, что стоимость меди «дна» Успенского собора Владимира составляла около 1500 рублей серебром.

Однако ограничивалась ли добыча татар в 1293 г. только одним владимирским «дномъ мѣдянымъ чюднымъ»? Как помним, такого же медного пола в какой-то момент лишился и Богородице-Рождественский собор Боголюбова. Не случилось ли это тогда же, в ходе «Дюденовой рати»?

Боголюбова нет в списке 14 «градов», пострадавших в 1293 г., но летописный рассказ приводит, как помним, на три названия городов меньше, только 11. В. Л. Егоров предположил, что тремя «градами», названия которых не попали в летописный рассказ, могли быть Серпухов, Клин и Звенигород [Егоров 1985: 186]. Представляется, однако, что ни один из них объектом грабежа «Дюденовой рати» быть не мог, поскольку данные о городском статусе Серпухова, Клина и Звенигорода относятся только к XIV в.

На самом деле Звенигород впервые упоминается в духовной великого князя Ивана Даниловича Калиты (ок. 1339 г.), но неясно в каком статусе, городском или сельском. Несомненно, в качестве города («Звенигород со всѣми волостми») он фигурирует только в духовной его сына, великого князя Ивана Ивановича (1358 г.) [ДДГ: 7, 15]. Дата первого упоминания Клина как города, 1319 г., есть в Никоновской летописи [ПСРЛ (10): 181]. «Серпоховъ» той же духовной Калиты [ДДГ: 7] — не «град», а село, центр одноименной волости [Мазуров, Никандров 2008: 30]; собственно город был основан только в 1374 г. [ПСРЛ (15): 106].

¹⁶ Глубоко признателен за консультацию И. Н. Юркину (Институт истории естествознания и техники РАН).

Если предложенные В. Л. Егоровым города жертвами «Дюденовой рати» быть не могли, то вопрос о трех «анонимных» «градах» летописной статьи 1293 г. остается открытым. Рискнем предположить, что одним из них могло быть Боголюбово, явным образом сохранившее городской статус и после того, как в 1174 г. здесь был убит его строитель — великий князь Андрей Боголюбский, а в дворцовых постройках основан монастырь [Маштафаров 2002: 465]. «Боголюбное» значится среди Залесских «градов» («А се Залеский») в известном «Списке русских городов дальних и ближних» конца XIV в. [Тихомиров 1979: 124], и от Владимира, напомним, его отделяет всего 10 км. Так что Богородице-Рождественский собор Боголюбова мог лишиться своего медного пола тогда же, когда и Успенский собор Владимира, в 1293 г., во время «Дюденовой рати».

Вес и стоимость медного «дна» Боголюбовского храма поддается исчислению, как и в случае с «дном чюдным» Владимира. Цифры здесь тоже очень условны, но так или иначе это около 6700 кг меди, эквивалентной более 100 кг серебра, или около 550 рублей.

Таким образом, если высказанные выше предположения верны, «Дюденовой рати» в 1293 г. досталось более 25 т меди, по стоимости равной не менее чем 2000 рублям серебра Эта сумма, во времена великого княжения Дмитрия Донского составлявшая более трети «выхода» в Орду, тем не менее, надо думать, удовлетворила Тохту¹⁷.

Очевидный вопрос — почему на медные полы покусилась только «Дюденева рать», ведь между 1238 и 1293 гг. татары грабили Владимир неоднократно [Кучкин 1984: 106–109; Селезнев 2010: 35–60]. Возможно, к этому времени соборная ризница уже не представляла собой того сосредоточения ценностей, каковым была перед разгромом города Батыем. Регулярные набеги ордынцев и выплата «выхода» неминуемо вели к оскудению и Владимирской земли в целом¹⁸, и самого города [Жарнов 2003: 48–57], равно как и ризницы Успенского собора. «Виждь <...> како велиции князи, твои прадѣды и дѣды и отецъ твои великий князь Олександръ оукрасили церковь Божию <...> книгами и богатили дома великими десятинами по всѣмъ градомъ <...> А нынѣ <...> самъ <...> вѣдаешъ, оже церкви та ограблена и дома ѿнѣ поусты», — писал в поучении одному из соперничающих братьев владимирский епископ [Памятники 1908: 117].

Храм, сожженный и разграбленный при штурме 7 февраля 1238 г., тогда же, очевидно, лишился золоченой меди — как «золотых верхов», так и из интерьера. В 1280 г. на средства митрополита Кирилла собор был крыт листами свинца [Лаврентьев 2018: 184–185]¹⁹, но внимания «Дюденовой рати», через 13 лет в очередной раз ограбившей Успенский собор, свинцовые «верхи» не привлекли, в отличие от меди «дна чюдного», до этого пережившего и владимирский пожар 1185 г., и Батыево нашествие.

¹⁷ Интересно, что «окуп», взятый Едигеем с Москвы в 1408 г., был в два с лишним раза меньше ежегодной дани с великого княжения [Горский 2004: 293], т. е. приблизительно равнялся суммарной стоимости медных полов в серебряном эквиваленте.

¹⁸ Как писал двумя десятилетиями ранее «Дюденовой рати» владимирский епископ Серапион, «...се уже к 40 лѣтъ приближеет томление и мука, и дане тяжкыя на ны не престануть <...> и в сласть хлѣба своего изѣсти не можемъ <...> Ни единого лѣта или зимы прииде, коли быхомъ не казними от Бога» [Слова 1981: 444, 446].

¹⁹ О золоченой меди в интерьере Успенского собора см.: [Воронин 1961: 157–158].

«Дно», и владимирское, и, скорее всего, боголюбовское, было «выдрано», надо думать, в связи с острой нехваткой иных средств, которыми Андрей Александрович мог бы расплатиться с ханом Тохтой за великокняжеский ярлык. Как помним, «Дюденовой рати» не досталась в 1293 г. даже великокняжеская казна, которую Дмитрий Александрович ухитрился вывезти из Переяславля-Залесского перед захватом города татарами.

В отличие от «золотой и серебряной кузни» и иных легко перевозимых портативных драгоценных предметов, медные полы должны были доставить «рати» множество хлопот.

Во-первых, их «выдиране» невозможно произвести голыми руками. Для того чтобы распаять или иным образом отсоединить стыки плит, требуются ремесленники-профессионалы и соответствующий инструмент. Вряд ли этим занимались сами татары, скорее жители Владимира, которым к тому же пришлось спешно заменять «дно мѣдяное» Успенского собора каким-то иным покрытием²⁰.

Во-вторых, 25 тонн меди надо было вывезти в Орду. В связи со слабым развитием сухопутной дорожной сети это легче всего было сделать по рекам — Клязьме, Оке и Волге. Вообще перевозка тяжелых грузов по рекам была решаемой задачей, что известно из истории каменного строительства в Северо-Восточной Руси середины XII — начала XIII в. Все храмы Владимиро-Суздальской земли возводились из известняка, добывавшегося в Мячковских каменоломнях вблизи современного Домодедова под Москвой, откуда расстояние речным путем до стройплощадок составляло около 500 км. Камень возили летом на речных судах, а зимой по льду замерзших рек [Заграевский 2002: 15–16; 2008: 5–28]. С этой точки зрения интересен вопрос, в какое время года «Дюденева рать» явилась на Русь.

Ю. В. Селезнев [2010: 58] относит набег к лету — осени 1293 г., А. Н. Насонов, также, надо понимать, считавший набег имевшим место в теплое время года, полагал, что не исключен приход татар на Русь водным путем, на судах [Насонов 1940: 76], тем более что таковые в Орде имелись [Аристов 1866: 193, примеч. 599; Загоскин 1909: 411; Греков, Якубовский 1950: 142]. В. Л. Егоров, наоборот, считает водный путь «вряд ли возможным» в силу того, что перевозка судами значительного конного воинского контингента «не только не выгодна, но и затруднительна с практической стороны (движение против течения, кормление лошадей и сооружение большого числа кораблей)» [Егоров 1985: 185]. Разделяя полностью скепсис исследователя, тем не менее заметим, что о времени года, когда мог состояться набег, он не высказался.

Как представляется, ближе к истине А. А. Горский, отнесший «рать» к зиме 1293–1294 гг. [Горский 2001: 35]. Последнее представляется очевидным. Татары «царя Токтомера» разгромили Тверь «тое же зимы», когда под ее стенами побывала не рискнувшая штурмовать город «Дюденева рать» [ПСРЛ

²⁰ Четыре года спустя, в 1297 г., в городе проходил княжеский съезд, собравший вместе противоборствующие коалиции князей, которых примирили владимирский и сарайский епископы, «и малымъ не бысть межи ими кровопролитья, сведоша бо ихъ въ любовь владыка Семень и владыко Измаило» [ПСРЛ (25): 158]. В кафедральном Успенском соборе наверняка имели место и взаимные крестные целования участников съезда, и службы по случаю примирения князей, что в отсутствии пола было невозможно.

(18): 83]. Если это так, то Дюдень привел на Русь свои отряды по льду замерзшей Волги и ее притоков не позднее ноября 1293 г. и так же, по льду, вернулся в Сарай не позднее марта следующего, 1294 г. На Руси XIII в. замерзшие реки служили «дорогами войны, дорогами завоевания и порабощения»; армия Батыя в 1237–1238 гг. двигалась по скованным льдом рекам — конные отряды не смогли бы пройти по дремучим и заснеженным лесам Залесского края [Дубов 1989: 13, 39].

Возвращаясь к 25 тоннам меди полов Успенского собора Владимира и Богородице-Рождественского Боголюбова, можно представить и размеры обмена, мобилизованного «Дюденовой ратью» для вывоза медных плит в Орду. По нормам XIX в., вряд ли отличным от средневековых, грузоподъемность вьючной крестьянской лошади составляла от 6 до 10 пудов, а телеги или саней — 30 пудов [Де Рошефор 1916: 646, 648]. Если «дно медяное» храмов Владимирской земли вывозили зимой 1408–1409 гг. в Орду первым способом, то для этого понадобилось бы от 150 до 280 лошадей, если же санями или телегами — то обоз состоял не менее чем из 50 транспортных средств.

На Руси и в XIII в., и ранее, и много позднее собственной добычи меди не было. Металл относился к числу импортных товаров, поступавших через Новгород из Западной Европы, и это был, во всяком случае с XIV в., единственный канал притока на Русь цветных металлов [Хорошкевич 1963: 309–310, 317], который оставался таковым еще очень долго²¹.

В домонгольское время известны случаи попадания в Новгород меди в виде лома или многократно переплавленной продукции, пришедших в негодность медных изделий из Волжской Булгарии [Олейникова, Руденко 2017: 326–327, 337]. Многолетние археологические работы в городе показывают, что именно такой была основная категория цветных металлов, поступавших в Новгород [Там же: 327, примеч. 1].

Высказывалось мнение, что в ордынское время, в XIII–XV вв., медную руду добывали в Приуралье [Хабаков 1950: 26], однако никаких конкретных доказательств наличия разработки медных руд и выплавки меди в регионе в это время как будто бы нет. Современные исследования так называемых чудских копей в Пермском крае показывают, что они использовались в эпоху бронзы, потом были заброшены и вторично открыты только в XVII в. [Прокин 2008: 101–102].

Данные химического анализа медных изделий золотоордынских мастеров позволяют допустить возможность ввоза меди на территорию Золотой Орды, как и на Русь, из Западной Европы [Недашковский 2002: 335–347; 2013: 143]. Итальянские письменные источники XIV в. прямо указывают на вывоз купцами, уроженцами Аппенинского полуострова, цветных металлов, меди («уточенная медь кусками») и олова из Европы непосредственно в Сарай на продажу [Хаутала 2019: 835, 861–862].

Одним из источников поступления меди в Орду могли быть и действовавшие на Руси татарские «рати». В 1521 г. хан Сеид Ахмед отправил за Оку «изгоном» армию во главе с царевичем Мазовшей, прорвавшуюся к Москве. Осада продолжалась всего сутки (летописец назвал ее «скорой татарщиной»). Следующим утром «отступиша татары от града», и узнавшие об этом осажа-

²¹ Ср. известие британского дипломата конца XVI в.: «Здесьнее железо несколько ломко, но его весьма много <...> Других руд в России нет» [Флетчер 2002: 27].

денные москвичи «послаша вѣстники в станы ихъ, они же пришедше никого же обрѣтоша, но и еже тяжкая взяша, Татари пометаша, от мѣди и желѣза и прочего множества товара» [ПСРЛ (12): 76].

Так что даже в XVI в. нападающие не преминули прихватить с собой трофейную медь, которую на этот раз вынуждены были бросить, не имея, в отличие от «Дюденовой рати», возможности вывезти «тяжкий товар»²².

Источники

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. /

Подгот. к печати Л. В. Черепнин; Под ред. С. В. Бахрушина. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.

Де Рошефор 1916 — *Рошефор Н. И. де*. Иллюстрированное Урочное положение. Пособие при составлении и проверке смет, проектировании и исполнении работ. Пг.: Склад издания у К. Л. Риккера, 1916.

Н1Л — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред.

А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.

Памятники 1908 — Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою археографическою комиссией. Т. 6. Ч. 1: Памятники XI–XV вв. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.

Повесть 1981 — Повесть о нашествии Тохтамыша / Подгот. текста, пер. и коммент.

М. А. Салминой // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М.: Худ. лит., 1981. С. 190–207.

Правда Русская 1940 — Правда Русская / Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. Т. 1.

Приселков 2002 — Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб.: Наука, 2002.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Вост. лит., 1962; Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843; Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 18: Симеоновская летопись. М.: Знак; Языки славян. культуры, 2007; Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949; Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М.: Языки славян. культуры, 2004.

Слова 1981 — «Слова» Серапиона Владимирского / Подгот. текста, пер. и коммент.

В. В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Худ. лит., 1981. С. 440–455.

Сл. РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Отв. ред. С. Г. Бархударов и др. Вып. 1–. М.: Наука; и др., 1975–2019.

Флетчер 2002 — *Флетчер Дж.* О государстве Русском / Пер. М. А. Оболенского. М.: Захаров, 2002.

²² «Тяжким товаром» медь называет Ипатьевская летопись, в статье под 1146 г. рассказывающая о княжеской междоусобице в ходе борьбы за Киев. Во время военных действий одной из противоборствующих сторон было захвачено «селще» черниговского князя Игоря Ольговича, где его владелец «устроиль дворъ добръ, бѣ же ту готовизны много», в том числе «тяжкого товара <...> желѣза и <...> мѣди» [ПСРЛ (2): 26].

Литература

- Аристов 1866 — *Аристов Н. Я.* Промышленность Древней Руси. СПб.: Тип. Королева и К°, 1866.
- Базилевич 1936 — *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936.
- Бартенев 1912 — *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. Ч. 1: Исторический очерк Московских укреплений. М.: Изд. Мин-ва Имп. двора, 1912.
- Бауэр 2014 — *Бауэр Н. П.* История древнерусских денежных систем. IX в. — 1533 г. М.: Рус. слово, 2014.
- Воронин 1961 — *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков: В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
- Горский 1996 — *Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3. С. 74–92.
- Горский 2000 — *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000.
- Горский 2004 — *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Греков, Якубовский 1950 — *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
- Дубов 1989 — *Дубов И. В.* Великий Волжский путь. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1989.
- Егоров 1985 — *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985.
- Жарнов 2003 — *Жарнов Ю. Э.* Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке. Древности темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 48–58.
- Загоскин 1909 — *Загоскин Н. П.* Русские водные пути и судоходное дело в допетровской России. Казань: Лито-тип. И. Н. Харитонов, 1909.
- Заграевский 2002 — *Заграевский С. В.* Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество. М.: АЛЕВ-В, 2002.
- Заграевский 2008 — *Заграевский С. В.* Организация добычи и обработки белого камня в Древней Руси // Сергей Заграевский: [Офиц. сайт]. URL: <http://zagraevsky.com/stone.htm>. [Атрибуция на сайте: Опул. в Русское общество спелестологических исследований. М., 2008. С. 5–28].
- Карамзин 1992 — *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1992.
- Каштанов 1988 — *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М.: Наука, 1988.
- Кистерев 1999 — *Кистерев С. Н.* Рубль Северо-Восточной Руси до начала XV века // Очерки феодальной России. Вып. 3 / Ред. С. Н. Кистерев. М.: УРСС, 1999. С. 31–84.
- Колызин 1988 — *Колызин А. М.* О весовых нормах монет, рубле-слитке и счетном рубле великого княжества Московского последней четверти XIV — первой половины XV века // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 98: Новейшие исследования в области нумизматики / Отв. ред. А. С. Мельникова. М.: Стрелец, 1998. (Нумизматический сборник ГИМ; Ч. 13). С. 53–58.
- Колызин 2018 — *Колызин А. М.* Цены в средневековой Москве // Историк и источник: Сб. ст. к юбилею Сергея Николаевича Кистерева / Сост. Л. А. Тимошина. СПб.: Искусство России, 2018. С. 49–58.
- Куза 1996 — *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв.: Свод археологических памятников. М.: Христианское изд-во, 1996.
- Кучкин 1984 — *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984.

- Лаврентьев 2018 — *Лаврентьев А. В.* Гроза во Владимире 13 июля 1340 г. и кровельные работы в Успенском соборе // «Вертоград многоцветный»: Сб. к 80-летию Бориса Николаевича Флори / [Отв. ред. А. А. Турилов]. М.: Индрик, 2018. С. 179–200.
- Лазарев 1973 — *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв. М.: Искусство, 1973.
- Недашковский 2002 — *Недашковский Л. Ф.* Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. 2002. С. 335–347.
- Недашковский 2013 — *Недашковский Л. Ф.* Ремесло Золотой Орды // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3. С. 136–154.
- Мазуров, Никандров 2008 — *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV вв. М.: Инлайт, 2008.
- Маштафаров 2002 — *Маштафаров А. В.* Боголюбский в честь Явления Боголюбской иконы Божией Матери (Рождества Богородицы) монастырь // Православная энциклопедия. Т. 5. М.: Церк.-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2002. С. 465–471.
- Насонов 1940 — *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940.
- Олейников, Руденко 2017 — *Олейников О. М., Руденко Н. А.* Находки медных ковшей XII века в Великом Новгороде (к вопросу об источниках и составе сырья на новгородском рынке цветных металлов) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 247 / Гл. ред. Н. А. Макаров. М.: Изд. дом ЯСК; Языки славян. культуры, 2017. С. 326–341.
- Павлов 1958 — *Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. 13: Сер. историко-филологическая. Вып. 2. Красноярск: Красноярск. гос. пед. ин-т, 1958. С. 71–110.
- Подъяпольский 2000 — Реставрация памятников архитектуры: Учеб. пособ. / Под общ. ред. С. С. Подъяпольского. М.: Стройиздат, 2000.
- Прокин 2008 — *Прокин В. А.* История изучения и промышленного освоения рудных месторождений Урала // Литосфера. 2008. № 1. С. 110–119.
- Раппопорт 1962 — *Раппопорт П. А.* Оборонительные сооружения Западной Волыни XIII–XIV вв. // *Światowit*. T. 24. 1962. С. 619–627.
- Раппопорт 1982 — *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л.: Наука, 1982.
- Рыбаков 2015 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Академ. проект, 2015.
- Селезнев 2010 — *Селезнев Ю. В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков: Справочник. М.: Квадрига, 2010.
- Селезнев 2017 — *Селезнев Ю. В.* Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017.
- Тихомиров 1947 — *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва (XII–XV вв.). М.: Изд. МГУ, 1947.
- Тихомиров 1979 — *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 83–136.
- Хабаков 1950 — *Хабаков А. В.* Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России (Материалы по истории геологии). Ч. 1 / Под ред. А. Л. Яншина. М.: Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1950.
- Хаутала 2019 — *Хаутала Р. В.* В землях «Северной Тартарии». Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019.
- Хорошкевич 1963 — *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.

Шпулер 2018 — Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России: 1223–1502 гг. СПб.: Евразия, 2018.

References

- Aristov, N. Ia. (1866). *Promyshlennost' Drevnei Rusi* [Industry of Ancient Rus']. Tipografiia Koroleva i K°. (In Russian).
- Bartenev, S. P. (1912). *Moskovskii Kreml' v starinu i teper'* [Moscow Kremlin in the old days and now], (Vol. 1) *Istoricheskii ocherk Moskovskikh ukreplenii* [Historical study of Moscow fortifications]. Izdanie Ministerstva Imperatorskogo dvora. (In Russian).
- Bauer, N. P. (2014). *Istoriia drevnerusskikh denezhnykh sistem. IX v. — 1533 g.* [History of old Russian monetary systems. 9th century — 1533]. Russkoe slovo. (In Russian).
- Bazilevich, K. V. (1936). *Denezhnaia reforma Alekseia Mikhailovicha i vosstanie v Moskve v 1662 g.* [Monetary reform of Alexei Mikhailovich and the uprising in Moscow in 1662]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Dubov, I. V. (1989). *Velikii Volzhskii put'* [Great Volga way]. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian).
- Egorov, V. L. (1985). *Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical geography of the Golden Horde in the XIII–XIV centuries]. Nauka. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (1996). *Politicheskaiia bor'ba na Rusi v kontse XIII veka i otnosheniia s Ordoi* [Political struggle in Russia at the end of the 13th century and relations with the Horde]. *Otechestvennaia istoriia*, 1996(3), 74–92. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (2000). *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Nauka. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (2004). *Rus': ot slavianskogo rasseleniia do Moskovskogo tsarstva* [Rus': From Slavic settlement to Muscovy]. Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Grekov, B. D., & Iakubovskii, A. Iu. (1950). *Zolotaia Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its fall]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Karamzin, N. M. (1992). *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State] (Vol. 4). Nauka. (In Russian).
- Kashtanov, S. M. (1988). *Finansy srednevekovoi Rusi* [Finances of medieval Rus']. Nauka. (In Russian).
- Khabakov, A. V. (1950). *Ocherki po istorii geologo-razvedochnykh znaniy v Rossii (Materialy po istorii geologii)* [Essays on the history of geological-exploration knowledge in Russia (Materials on the history of geology)] (Vol. 1). Izdatel'stvo Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. (In Russian).
- Khautala, R. V. (2019). *V zemliakh "Severnoi Tartarii". Svedeniia latinskikh istochnikov o Zolotoi Orde v pravlenie khana Uzbeke (1313–1341)* [In the lands of "Northern Tartary". Evidence from Latin sources about the Golden Horde during the reign of Khan Uzbek (1313–1341)]. Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russian).
- Khoroshkevich, A. L. (1963). *Torgovlia Velikogo Novgoroda s Pribaltikoi i Zapadnoi Evropoi v XIV–XV vekakh* [Trade of Veliky Novgorod with the Baltic states and Western Europe in the 14th–15th centuries]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Kisterev, S. N. (1999). *Rubl' Severo-Vostochnoi Rusi do nachala XV veka* [Ruble of North-Eastern Russia until the beginning of the 15th century]. In S. N. Kisterev (Ed.). *Ocherki feodal'noi Rossii* (Vol. 3, pp. 31–84). URSS. (In Russian).
- Kolyzin, A. M. (1988). *O vesovykh normakh monet, ruble-slitke i schetnom ruble velikogo kniazhestva Moskovskogo poslednei chetverti XIV — pervoi polovine XV veka* [On the weight norms of coins, the ruble-ingot and the counting ruble of the Grand Duchy of Moscow in the last quarter of the 14th — first half of the 15th centuries]. In A. S. Melnikova (Ed.). *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia*, (Vol. 98) *Noveishie issledovaniia v oblasti numizmatiki* (pp. 53–58). Strelets. (In Russian).

- Kolyzin, A. M. (2018). Tseny v srednevekovoi Moskve [Prices in medieval Moscow]. In L. A. Timoshina (Ed.). *Istoriik i istochnik: Sbornik statei k iubileiu Sergeia Nikolaevicha Kis-tereva* (pp. 49–58). Iskustvo Rossii. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. (1984). *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv.* [Formation of the state territory of North-Eastern Rus' in the 10th–14th centuries]. Nauka. (In Russian).
- Kuza, A. V. (1996). *Drevnerusskie gorodishcha X–XIII vv.: Svod arkheologicheskikh pamiatnikov* [Old Russian settlements of the 10th–13th centuries: A collection of archaeological sites]. Khristianskoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Lavrent'ev, A. V. (2018). Groza vo Vladimire 13 iulia 1340 g. i krovel'nye raboty v Uspenskom sobore [Thunderstorm in Vladimir on July 13, 1340 and roofing work in the Assumption cathedral]. In A. A. Turilov (Ed.). *"Vertograd mnogotsvetnyi": Sbornik k 80-letiiu Borisa Nikolaevicha Flori* (pp. 179–200). Indrik. (In Russian).
- Lazarev, V. N. (1973). *Drevnerusskie mozaiki i freski XI–XV vv.* [Old Russian mosaics and frescoes of the 11th–15th centuries]. Iskustvo. (In Russian).
- Mashtafarov, A. V. (2002). Bogoliubskii v chest' Iavlennia Bogoliubskoi ikony Bozhiei Materi (Rozhdestva Bogoroditsy) monastyr' [Bogoliubsky in honor of the Appearance of the Bogoliubskaia icon of the Theotokos (Nativity of the Virgin) Monastery]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. 5, pp. 465–471). Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia Entsiklopediia. (In Russian).
- Mazurov, A. B., & Nikandrov, A. Iu. (2008). *Russkii udel epokhi sozdaniia edinogo gosudarstva: Serpukhovskoe kniazhenie v seredine XIV — pervoi polovine XV vv.* [A Russian appanage of the time of the creation of a unified state: The Serpukhov principality in the middle of the 14th — first half of the 15th centuries]. Inlait. (In Russian).
- Nasonov, A. N. (1940). *Mongoly i Rus' (istoriia tatarskoi politiki na Rusi)* [Mongols and Rus' (History of Tatar politics in Rus')]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Nedashkovskii, L. F. (2002). Khimicheskii sostav izdelii iz tsvetnykh metallov s zolotoordynskikh poselenii tsentral'noi chasti Saratovskoi oblasti [Chemical composition of non-ferrous metal products from the Golden Horde settlements in the central part of the Saratov Region]. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, 5, 335–347. (In Russian).
- Nedashkovskii, L. F. (2013). Remeslo Zolotoi Ordy [Golden Horde craft]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2013(3), 136–154. (In Russian).
- Oleinikov, O. M., & Rudenko, N. A. (2017). Nakhodki mednykh kovshei XII veka v Velikom Novgorode (K voprosu ob istochnikakh i sostave syr'ia na novgorodskom rynke tsvetnykh metallov) [Finds of copper ladles of the 12th century in Novgorod the Great (On the issue of sources and composition of raw materials in the Novgorod market of non-ferrous metals)]. In N. A. Makarov (Ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii Nauk* (Vol. 277, pp. 326–340). Izdatel'skii dom IaSK; Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Pavlov, P. N. (1958). K voprosu o russkoi dani v Zolotuiu Ordu [On the issue of Russian tribute to the Golden Horde]. In *Uchenye zapiski Krasnoiarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, (Vol. 13) *Seriia istoriko-filologicheskaiia* (Part 2, pp. 71–110). Krasnoiarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian).
- Pod'iapol'skii, S. S. (Ed.). *Restavratsiia pamiatnikov arkhitektury: Uchebnoe posobie* [Restoration of architectural monuments: A handbook]. Stroizdat. (In Russian).
- Prokin, V. A. (2008). Istoriia izucheniia i promyshlennogo osvoeniia rudnykh mestorozhdenii Urala [History of the study and industrial development of ore deposits in the Urals]. *Litosfera*, 2008(1), 110–119. (In Russian).
- Rappoport, P. A. (1962). Oboronitel'nye sooruzheniia Zapadnoi Volyni XIII–XIV vv. [Defensive structures of Western Volyn in the 13th–14th centuries]. *Światowit*, 24, 619–627. (In Russian).

- Rappoport, P. A. (1982). *Russkaia arkhitektura X–XIII vv.: Katalog pamiatnikov* [Russian architecture of the 10th–13th centuries: Monuments catalog]. Nauka. (In Russian).
- Rybakov, B. A. (2015). *Remeslo Drevnei Rusi* [Craft of Ancient Rus']. Akademicheskii proekt. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2010). *Russko-ordynskie konflikty XIII–XV vekov: Spravochnik* [Russian-Horde conflicts of the 13th–15th centuries: A guide]. Kvadriga. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2017). *Russkie kniaz'ia pri dvore khanov Zolotoi Ord'y* [Russian princes at the court of the Khans of the Golden Horde]. Lomonosov". (In Russian).
- Shpuler, B. (2018). *Zolotaia Orda. Mongoly v Rossii: 1223–1502 gg.* [Golden Horde. Mongols in Russia, 1223–1502]. Evraziia. (In Russian).
- Tikhomirov, M. N. (1947). *Drevniaia Moskva* [Ancient Moscow]. Izdanie MGU. (In Russian).
- Tikhomirov, M. N. (1979). "Spisok russkikh gorodov dal'nikh i blizhnikh" ["List of Russian Cities Far and Near"]. In M. N. Tikhomirov (Ed.). *Russkoe letopisanie* (pp. 83–136). Nauka. (In Russian).
- Voronin, N. N. (1961). *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vekov* [The architecture of North-Eastern Rus' in the 12th–15th centuries] (Vol. 1). Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Zagoskin, N. P. (1909). *Russkie vodnye puti i sudokhodnoe delo v dopetrovskoi Rossii* [Russian waterways and shipping in pre-Petrine Russia]. Lito-tipografiia I. N. Kharitonova. (In Russian).
- Zagraevskii, S. V. (2002). *Iurii Dolgorukii i drevnerusskoe belokamennoe zodchestvo* [Yuri Dolgoruky and Old Russian white stone architecture]. ALEV-V. (In Russian).
- Zagraevskii, S. V. (2008). Organizatsiia dobychi i obrabotki belogo kamnia v Drevnei Rusi [Organization of extraction and processing of white stone in ancient Rus']. <http://zagraevsky.com/stone.htm>. (In Russian).
- Zharnov, Iu. E. (2003). Arkheologicheskie issledovaniia vo Vladimire i "problema 1238 goda" [Archaeological research in Vladimir and the "problem of 1238"]. In N. A. Makarov, & A. V. Chernetsov (Eds.). *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni* (pp. 48–58). Nauka. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Александр Владимирович Лаврентьев

кандидат исторических наук
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория лингво-семиотических
исследований, Школа филологических
наук, факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, Мясницкая ул.,
д. 20

Тел.: +7 (495) 772-95-90

✉ laurentius@list.ru**Alexandr V. Lavrentyev**

Cand. Sci. (History)
Associate Professor, Laboratory of Linguo-
Semiotic Studies, The School of Philology,
Faculty of Humanities, National Research
University Higher School of Economics
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya Str., 20
Tel.: +7 (495) 772-95-90
✉ laurentius@list.ru

С. В. Полехов

ORCID 0000-0001-7866-7663

✉ sergey.polekhov@gmail.com

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

Когда Свидригайло держал Галич?

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о том, когда литовский князь Свидригайло Ольгердович мог держать Галич, находившийся на территории Польского королевства. До недавнего времени об этом было известно лишь из краткого упоминания в документе начала XV в., поэтому оставалось неясным, как вписать этот эпизод в его бурную биографию. Документы, выявленные в архивах Варшавы и Львова и публикуемые в приложении к статье, позволяют определить, что речь идет о периоде между октябрём 1405 г. и июлем 1408 г., когда Свидригайло отъехал в Москву на службу к Василию I, где он получил Владимир и другие владения. Показано, что недолгое держание Галича позволило Свидригайлу установить и укрепить связи со знатью коронной Руси; даже в мае 1408 г. (если дата документа точно воспроизведена в списке XVI в.), т. е. накануне отъезда в Москву, Свидригайло жаловал земли под Галичем местной шляхте. Впоследствии он использовал эти связи, в частности, для примирения со своим родным братом, польским королем Владиславом II Ягайлом и возвращения во владения Гедиминовичей.

Ключевые слова: Свидригайло, Галич, Владислав II Ягайло, Данило Дажбогович, Грицко Кирдеевич, средневековая дипломатика

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

За ценные указания и всевозможную помощь благодарю Мирослава Волощука (Ивано-Франковск), Сергея Городилина (Москва), Сергея Жемайтиса (Санкт-Петербург), Виталия Михайловского (Киев), Антанаса Петрилёниса (Вильнюс), Андрея Стасюка (Галич — Ивано-Франковск), Игоря Тесленко (Киев), Адама Шведу (Торунь), Собеслава Шибковского (Гданьск), а также Алексея Онищука (Калущ), сообщившего мне о публикуемом ниже документе № 1.

Для цитирования: Полехов С. В. Когда Свидригайло держал Галич? // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 219–237. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-219-237>.

*Статья поступила в редакцию 9 февраля 2021 г.
Принято к печати 10 апреля 2021 г.*

S. V. Polekhov

ORCID 0000-0001-7866-7663
sergey.polekhov@gmail.com

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

WHEN DID ŠVITRIGAILA POSSESS HALYCH?

Abstract. The paper is an attempt to answer the question: when could prince Švitrigaila, son of Algirdas (Świdrygiello Olgierdowicz, Svidrigailo Olgerdovich), possess Halych, situated in the territory of the Kingdom of Poland, along with the adjacent territory? Until recently this fact was known only from a short mention in a document from the beginning of the 15th century, and it remained unclear, how to date this page in his riotous biography. Documents found in the archives of Warsaw and Lviv and published in the appendix allow us to date his Halych tenure to the period between October, 1405 and June, 1408, when Švitrigaila deserted to Moscow for Vasily I's service, where he was granted the town of Vladimir and other possessions. It is shown that his short tenure in Halych allowed Švitrigaila to establish and strengthen his ties with the Ruthenian nobility under the rule of the Polish king. Even in May, 1408 (if the date of the document surviving in a 16th-century copy is correct), i. e., on the eve of his departure for Moscow, Švitrigaila was granting land near Halych to local nobles. Later he would use these ties to reconcile with his brother, king Władysław II Jagiełło of Poland, and to return to the dominions of the Gediminids, as he certainly did later.

Keywords: Švitrigaila, Halych, Władysław II Jagiełło, Danilo Dažbogovič, Hryćko Kierdejowicz, medieval diplomatics

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

The author would like to thank Sergey Gorodilin (Moscow), Vitaliy Mykhailovskiy (Kyiv), Antanas Petrilonis (Vilnius), Andrii Stasiuk (Halych — Ivano-Frankivsk), Adam Szwe-da (Toruń), Sobiesław Szybkowski (Gdańsk), Ihor Teslenko (Kyiv), Myroslav Voloshchuk (Ivano-Frankivsk), Sergey Zhemaitis (St. Petersburg) for their help, as well as Oleksiy Onishchuk (Kalush) who informed me about the document No. 1 published below.

To cite this article: Polekhov, S. V. (2021). When did Švitrigaila possess Halych? *Shagi / Steps*, 7(3), 219–237. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-219-237>.

*Received February 9, 2021
Accepted April 10, 2021*

© S. V. POLEKHOV

В 1914 г. украинский историк искусства Йосип Пеленский (1879–1957) опубликовал по списку XVIII в. разграничительный документ галицкого старосты Анджея Цёлека начала XV в., сохранившийся в польском переводе XVI в. [Peleński 1914: 105–106] (украинский перевод: [Пеленський 2017: 153–154]). Из приведенных в документе слов пана Данилы Задеревецкого о временах, когда он был Свидригайловым старостой в Галиче, следовало, что князь Свидригайло Ольгердович некогда держал этот город. Зная его биографию и политическую историю Польского королевства, отсюда можно было заключить, что он получил Галич от родного брата, польского короля Владислава II Ягайла. Это известие долго не привлекало внимания исследователей. Лишь недавно украинский историк Виталий Михайловский обратил внимание на более ранний список этого документа в Коронной метрике, из которого выяснилось, что он был написан не в 1420 г., как значилось в списке, использованном Й. Пеленским, а в 1412 г. [Михайловський 2010]. Это позволило заключить, что Свидригайло держал Галич за некоторое время до 1412 г. Впрочем, верхнюю хронологическую границу можно дополнительно скорректировать с учетом того, что с осени 1409 г. до весны 1418 г. Свидригайло находился в заточении в Кременецком замке.

Чтобы уточнить, когда младший Ольгердович мог распоряжаться в Галиче, оставалось сопоставлять его биографию с данными о галицких старостах конца XIV — начала XV в. Королевский брат мог действовать в Юго-Западной Руси между возвращением из Венгрии (1398 или 1399 г.) и эмиграцией в Пруссию (конец 1401 г.), возвращением оттуда (начало 1404 г.) и отъездом в Москву (июль 1408 г.), менее вероятно — между весной и октябрём — ноябрём 1409 г., когда он вернулся из Орды, но еще не был посажен в заточение в Кременецкий замок. В перечне галицких старост, составленном Казимежем Пшибосем, в этот период упоминаются Бенько (с осени 1398 г.¹ по 11 марта 1401 г.), Пётр из Харбиновиц (с 24 августа 1401 г. по 8 октября 1404 г.) и Ян из Щекоцин (с 12 сентября 1408 г. по 1 сентября 1409 г.) [Urzędnicy 1987, № 325, 326, 327]. Для дальнейших рассуждений важно отметить неточность, вкравшуюся в этот перечень: Пётр из Харбиновиц именуется галицким старостой еще 12 октября 1405 г.; более того, в этот день он присягнул на верность польскому королю [AGZ (2), № 32; Halecki 1919: 154; Sperka 2001: 230–231].

Казалось бы, исследователям не оставалось ничего другого, как выбрать подходящий хронологический отрезок. Так, В. Н. Михайловский отнес Свидригайлово пребывание в Галиче к периоду между 11 марта и 24 августа 1401 г.: по его мнению, Свидригайло столь широким образом понимал свою власть над Западным Подолем, в состав которого Галич никогда не входил [Михайловський 2010: 526; 2012: 78] (хотя говорится, что Свидригайло держал Галич по воле короля). Но напрашивалось предположение, что Свидригайло мог получить Галич уже после возвращения из Пруссии, т. е. между 1404 и 1408 гг. [Полехов 2015а: 137; 2015b: 546]. Это предположение, высказанное мною, поддержал украинский историк Станислав Келембет [2018: 23].

Между тем сохранились по меньшей мере два документа, выданные самим Свидригайлом, которые проливают свет на его пребывание в Галиче

¹ Поскольку наиболее ранняя известная грамота этого галицкого старосты датирована «оу тыжд[е]нь по с[вя]т[е]мъ Михаилѣ» 1398 г., то возможные варианты датировки — 13 сентября, 6 октября или 15 ноября [Розов 1928: 56–58, № 31].

(позволяя сузить его датировку), а также на проблематику взаимоотношений правителей Восточной Европы между собой, со своим окружением и подданными. Оба они заслуживают введения в научный оборот, что и будет сделано в настоящей публикации.

Первая из этих грамот² была предъявлена во львовском градском суде в 1774 г. и записана в градскую книгу в польской транскрипции. Необычна ее дата: «A sey lyst pysan w Hałyczu, pod letom Rozdestwa Chrystowa tysiecza sorok sotnoho, dany sey lyst na perwey den». Когда эта статья готовилась к печати, документ был опубликован [Стасюк 2020: 53–54]. Публикатор отмечает способ записи даты в галицких грамотах конца XIV — начала XV в., сохранившихся в подлинниках — например, в грамоте галицкого старосты 1409 г.: «*А лѣт и Д-ста лѣт Ё*»; на основании этой аналогии он датирует Свидригайлову грамоту 1 января 1400 г. [Там же: 49–51]. Соответственно, к 1400 г. А. Стасюк приурочивает обнаруживаемое в этом документе древнейшее упоминание Калуша (ныне город, центр Калушского района Ивано-Франковской области Украины). Однако эта интерпретация не лишена проблем. Во-первых, если в дате подлинной грамоты стояло «Д-ста», то почему копиист XVIII в. передал это место как «*sorok sotnoho*»? (Напомню, что число 40 обозначалось буквой «М».) А во-вторых, относя грамоту с упоминанием Свидригайлова старосты к 1400 г., А. Стасюк вынужден прибегать к допущению, что Бенько из Жабокрук был на какое-то время смещен с этой должности, а затем возвращен на нее.

Строго говоря, неизвестно, как дата была записана в подлиннике — буквенными обозначениями цифр или словами. Можно лишь предположить, что копиист на каком-то этапе (при преобразовании кириллических букв в слова?) искажил ее часть. Возможно, вместо *sorok* в подлиннике стояло «*Ÿ*», а вместо *sotnoho* могло стоять *szostoho* или *semoho* (в буквенном обозначении соответственно «*Ź*» или «*З*»). Но все это лишь умозрительные предположения. Можно вспомнить и об особенностях датировки некоторых галицких и волынских грамот конца XIV — середины XV в., из-за которых в литературе сломано немало копий [Halecki 1915: 285–296; Розов 1928, № 9; Полехов, Крысько 2021: 27–30].

По этим причинам решающее значение для датировки галицкого периода жизни Свидригайла приобретает другая его грамота, публикуемая ниже под № 2. Она была предъявлена во время ревизии имущественных прав шляхты Русского воеводства Польского королевства в 1564 г., а ее текст сохранился в книге, в которой собраны такие привилеи. Как свидетельствует латинская пометка, приведенная после текста документа, он предъявлялся уже во время подобной ревизии 1467–1469 гг. В 1920-е годы эта книга вместе с некоторыми другими была возвращена Польше и передана в Главный архив древних актов в Варшаве, где хранится по сей день. Хотя ее материалы достаточно широко использовались в исследованиях и публикациях историков (М. С. Грушевского, С. Курася, В. Н. Михайловского, Я. Куртыки), единственным известным мне ученым, обратившим внимание на этот документ, был Сергей Александрович Бершадский (1850–1896). В конце XIX в. он подготовил сборник материалов Литовской метрики, куда включил и Свидригайлов документ

² Впрочем, самоназвание обоих документов — *лист*; термин *грамота* использую в силу историографической традиции.

[Бершадский б. д.: 25–26]; этот сборник, однако, так и не был опубликован³. В годовой дате документа искажено лишь число сотен — *триста* вместо *четыреста*; в остальном она не вызывает подозрений. Воскресенье Сошествия Св. Духа (Пятидесятница) в 1408 г. приходилось на 3 июня. Поэтому грамоту, опубликованную А. Стасюком, я датирую хронологическими рамками октября 1405 г. — июня 1408 г., а в публикации помещаю под № 1, располагая грамоты по нижней хронологической дате.

Формуляр двух грамот существенно различается: если в № 1 он более архаичный, то в № 2 — более развернутый, испытавший сильное влияние формуляра латинских документов (ср. о нем: [Wojtkowiak 1976: 273–274]) и включающий обстоятельную промุลгацію, подробное перечисление объектов владения и прав в диспозиции. Не исключено, что грамоту № 1 писал писец старшего поколения, а № 2 — более «продвинутый».

Столь же различны сведения о получателях галицких пожалований. Никаких сведений о Семёне-Волчке Завозиче⁴ (№ 2) мне выявить не удалось. Во второй половине XV в. Перевозец принадлежал галицкому хоружему Петру Годовскому [Bona regalia: 34; AGZ (12), № 3391, 3429, 3633, 3698], но неясно, как он его получил (унаследовал, получил от жены, купил, выменял и т. д.). Зато хорошо известен получатель пожалования, о котором идет речь в грамоте № 1. Им был Грицко Кирдеевич — шляхтич родом из коронной Руси, один из первых известных представителей известного рода Кирдеев. В 1400 г. он упоминается как каменецкий староста Свидригайла. В 1402 г., когда Свидригайло перебрался в Пруссию и оттуда пытался разжечь бунт против польского короля на Подолье, Грицко передал подольские замки королю и присягнул ему на верность [MTB: 128, 129, 167, ср. с. 251; CESXV (2), № 26]. Впоследствии король вознаградил его пожалованиями в Галицкой земле и на Подолье. Немаловажно, что Студенка, полученная им от Свидригайла, находится буквально по соседству с селом Завой, где находились соляные источники, с которых тот же Грицко в 1404 г. получил от короля 100 коп. грошей [ZDM (6), № 1666]. Благодаря публикуемому документу № 1 выясняется, каким образом Грицку досталась Студенка, упоминаемая в документе его сыновей о разделе владений 1423 г. [Szyszka 2020: 165–166].

Под статью получателям пожалований и состав свидетелей публикуемых документов. Почти все они — представители местной знати, владевшие имениями или получавшие доходы под Галичем (иногда в непосредственной близости от него, как Костко Головенчич), или, во всяком случае, упоминаемые в галицких документах. В обоих случаях присутствуют представители старшего поколения галицких бояр, служившие еще князю Владиславу Опольскому в 1372–1378 гг., а то и королю Казимиру Великому (1333–1370), — Данило Дажбогович Задеревецкий и Костко Головенчич⁵. Очевидно, общественный вес и авторитет первого из них поспособствовал тому, что Свидригайло назначил его

³ История подготовки и «неиздания» этого сборника источников будут рассмотрены мною в специальной статье.

⁴ Его патроним, записанный в формах *Szawoczicz*, *Zawoczicz*, транскрибирую условно, с учетом того, что сочетанием букв *sz* в текстах, написанных в Польше, часто передавался звук [з] в именах собственных.

⁵ Биографические данные о свидетелях пожалований см. в примечаниях к их публикации ниже.

галицким старостой⁶. Еще одним «тяжеловесом» местного общества с долгой карьерой был Васько Тяптюкович, упоминаемый в № 2. Неизвестно, когда некоторые из свидетелей — Ходко Чемерь, Татомир Балицкий, Драгомير Володимерецкий — связали свою судьбу с Жидачовом, расположенным примерно в 60 км к северо-западу от Галича, — при Фёдоре Любартовиче или раньше (уже к моменту составления грамоты?). Перечень свидетелей грамоты № 2 явно менее представлен. Поскольку эта грамота составлялась достаточно поспешно, незадолго до выезда Свидригайла в Москву (о чем речь пойдет ниже), то с учетом отмеченных выше особенностей формуляра и расхождений в составе свидетелей весьма вероятно, что грамота № 1 написана раньше, чем № 2.

Итак, все указывает на то, что оба документа были выданы Свидригайлом между октябрем 1405 г. и июнем 1408 г., а значит, он держал Галич именно в этот промежуток времени. Можно предположить, что король отозвал оттуда своего старосту Петра из Харбиновиц и пожаловал Галич брату во время одного из осенних визитов в коронную Русь [Gašiorowski 2015: 59–63]⁷. Из трех вариантов — 1405, 1406 или 1407 г. — мне представляется наиболее вероятным первый. Еще в начале августа великий магистр Конрад фон Юнгинген просил Свидригайла похлопотать перед королем, чтобы тот сохранил за Яном Рашем должность хорунжего Добжинской земли, которую Польша незадолго до этого выкупила у Тевтонского ордена⁸ (стало быть, князь сопровождал короля вместе с сановниками), а с 17 по 31 августа, когда король был в Вислице, расходы на его брата отмечены в расходных записях стаций корчинско-вислицкого вице-прокураторства [Rachunki dworu: 302–316]⁹. После этого его имя исчезает из расходных записей, доходящих до конца ноября 1405 г. Дополнительным аргументом может служить присяжный акт на верность королю галицкого старосты Петра из Харбиновиц от 12 октября 1405 г. Впрочем, этот аргумент — такой же гипотетический, поскольку ни текст присяжного акта, ни известные аналогии [Sperka 2001] ничего не сообщают о причинах его выдачи.

Итак, Свидригайло получил от короля город Галич — столицу одной из земель коронной Руси, место остановки короля во время его владений, городской центр с самоуправлением на немецком праве. Напомню, что официальный перенос столицы католической митрополии (архиепископства) во Львов состоялся лишь в 1412 г., а последняя попытка Ягайла добиться поставления галицкого митрополита относится к самому концу XIV в., однако уже в начале XV столетия Галич находился под церковной властью митрополита Киприана [Стасюк 2018; Скочиляс 2011: 271–274]. Вместе с Галичем королевский брат получил и близлежащие земли: ср. формулировку «в Галицком повете» (№ 2). Из того же документа выясняется, что в его владения входило село Пере-

⁶ На то, что галицким старостой Данилу назначил Свидригайло, а не король, указывают слова Данилы: «...kiedym był starostą na Haliczu od księdza Swidrigaila...» [Михайловский 2010: 533] (цитирую польский текст в транскрипции).

⁷ О назначении сановников польским королем см.: [Gašiorowski 1970: 126–143, 241–247; Szybkowski 2006: 112–125].

⁸ GStAPK. OF 3, S. 208. Опубликованный регест этого послания [CEV, № 322] неточен. О Яне Раше и историческом контексте послания см.: [Szybkowski 2011a; 2011b; 2018; Urzędniczy 2014: 249–250].

⁹ Термином латинского происхождения *виценпрокураторство* я передаю польское *podrządztwo / podrzęctwo*.

возец в нескольких километрах к юго-западу от Галича. Документ помещает Перевозец на реке Чечве («na Czwy rziczy»), однако сейчас он находится на Ломнице ниже впадения в нее Чечвы. Согласно № 1, Свидригайло пожаловал Грицку Кирдеевичу Студенку — село, также расположенное близ Галича, к юго-западу от него. Наконец, из разграничительного документа 1412 г. выясняется, что Свидригайло несколькими годами ранее распоряжался в Подгородье, Комарове и Сапогове. Подгородье было частью Крылоса, а села Комаров и Сапогов расположены неподалеку от него, к юго-западу (ныне в Галицком районе Ивано-Франковской области). Таким образом, все три документа показывают, что владения Свидригайла включали Галич и земли к юго-западу от него, составляя компактный, сравнительно небольшой территориальный массив¹⁰.

Было бы неверно на основании этих данных считать Свидригайла галицким «удельным» (полусуверенным) князем. Сам он в обоих документах титулуется просто князем, без всякой объектной (территориальной) части титула. Королевский брат был всего лишь держателем всех этих владений. Об этом недвусмысленно говорят ссылки на королевскую волю в № 1 и на королевский приказ в разграничительном документе 1412 г. В таком качестве Свидригайло мог жаловать земли за службу местным землянам, осуществлять обмен владениями и разграничивать их, назначил своего старосту — влиятельного Данилу Задеревецкого; можно вспомнить не только то, что одновременно Свидригайло княжил в Брянске, но и аналогичных сановников князей, державших соседний Жидачов, — Фёдора Любартовича и Семовита V.

Случай Свидригайла — вчерашнего полусуверенного князя, оказавшегося при дворе польского короля, а затем на землях, полученных от него же в держание, — отнюдь не уникален. Наиболее известный пример такого рода — судьба князя Фёдора Любартовича, который в самом начале своей политической карьеры утратил Луцкое княжество, а впоследствии вынужден был довольствоваться гораздо более скромным Жидачовом [Szyszka 2016: 138–142; Келембет 2020]¹¹. Это позволяло позаботиться о материальном обеспечении князей, которые оказались неудобными или ненужными в Великом княжестве Литовском, в какой-то степени ограничивало их амбиции и умеряло опасность того, что они захотят поискать себе счастья за пределами владений Гедиминовичей, у их противников (см., например: [Korba 2009; Полехов 2015: 89–91]).

Свидригайло неоднократно находил приют при дворе или по крайней мере во владениях польского короля Владислава Ягайла, своего родного брата; сам Ягайло в 1431 г. вспоминал, что воспитывал Свидригайла после смер-

¹⁰ Вопрос о том, получил ли Свидригайло в сь Галицкий повет в его границах, известных в более позднее время [Dąbkowski 1939], оставляю открытым из-за состояния источников начала XV в.

¹¹ Биографию Фёдора Любартовича см. в [Келембет 2018] (здесь же указана литература, за исключением книги Я. Шишки). К источникам, собранным в этой статье, можно добавить жалованную грамоту Фёдора, тогда еще луцкого князя, подданым кн. Пржемки Опавского на беспоплинную торговлю в его владениях от 25 марта 1386 г. и упоминание о его действиях в интересах польского короля в разгоравшемся польско-литовском конфликте в Луцкой земле в письме вроцлавского каноника Томаса Маса неназванному прелату начала 1431 г. [Полехов 2021]. Менее известен пример князя Сигизмунда Корибутовича, который долгое время провел в Чехии: в 1431–1432 гг. в Тевтонском ордене ходили слухи, что Ягайло хочет пожаловать ему Добжинскую землю на границе с орденовыми владениями в Пруссии [Szweda 2009: 52].

ти Ольгерда [CESXV (2), № 191]. Отношения Свидригайла с Витовтом были гораздо более прохладными: так, в 1409 г., узнав о контактах младшего Ольгердовича с крестоносцами и ссылаясь на неоднократные измены, великий князь литовский готов был его казнить [Arbusow 1913: 265–266], а в 1419 г. Свидригайло примирился сначала с Ягайлом, и лишь спустя более года — с Витовтом, в обстановке сохранявшегося взаимного недоверия [CEV, № 835, 889, 890; LC (1), № 37; GStAPK. OBA 3206]. Все это позволяет думать, что, вернувшись из Пруссии, поначалу Свидригайло какое-то время находился при королевском дворе, затем получил от короля владения в Польском королевстве, и лишь впоследствии Витовт пожаловал ему северские владения¹². Надо думать, Галичем Свидригайловы владения в Польском королевстве не ограничивались: Ян Длугош сообщает о пожаловании ему Стрыя (на Руси), Шидлова, Стопницы, Другни и Уйся (в Сandomирском воеводстве) с их поветами, а также 1400 гривен ежегодного дохода с королевских соляных жуп; при этом польский историк связывает его с возвращением князя из Пруссии, но объединяет с передачей ему Западного Подолья, которая в действительности состоялась в 1399 г. [Długosz (X): 254]¹³.

Однако ни галицкие, ни сandomирские, ни северские владения не удержали Свидригайла от очередного выступления: в 1408 г., в разгар московско-литовской войны¹⁴, он с брянским епископом Исаакием и большой группой князей и бояр, главным образом разных чернигово-северских земель, выехал на службу к Василию I по предварительной договоренности с ним [ПСРЛ (15/1): 180; (18): 156–157]. Согласно рассказу хроники помезанского официала (возможно, суммировавшего в одном эпизоде события нескольких месяцев), Витовт стал опасаться, что Свидригайло перейдет на сторону Василия I, и отправил к нему послов с поручением заковать его в оковы; тот заявил, что Витовт, если не доверяет ему, может передать его замки и землю кому хочет. Когда же Витовт прислал к нему своих бояр с таким поручением, Свидригайло сам заковал их, сжег замки и отъехал к московскому князю [SRP (3): 291]. О сожжении замков Свидригайлом накануне выезда к Василию I упоминает и Ян Длугош [Długosz (X, XI): 20]. В Троицкой летописи сообщалось, что Свидригайло выехал в Москву 8 июля, а прибыл туда 26 июля [ТЛ: 467]. От московского правителя литовский перебежчик и его спутники получили обширные пожалования, включая Владимир-на-Клязьме¹⁵.

¹² Такую точку зрения см. в недавних работах: [Келембет 2018: 21–23; 2019: 12–13].

¹³ О том, что эти пожалования, за исключением Западного Подолья, Свидригайло получил после возвращения из Пруссии в 1404 г., может дополнительно свидетельствовать его пребывание в Вислице с королем в августе 1405 г., отмеченное выше.

¹⁴ Мнение Р. А. Беспалова, который делит московско-литовскую войну 1406–1408 гг. на две войны — 1406–1407 гг. и 1408 г. — представляется неубедительным [Беспалов 2016: 166–169]. Причины московско-литовского вооруженного столкновения были более многообразными, чем измены тех или иных князей литовскому господарю (достаточно вспомнить о значении Новгорода и Пскова для обеих сторон), надежных данных о заключении мира в 1407 г. нет, а приводимые белёвским исследователем данные о расходах на войну, датируемые июнем 1408 г. [Там же: 168], однозначно свидетельствуют, что Витовт и его союзники готовились к очередному походу еще до выезда Свидригайла в Москву.

¹⁵ На мой взгляд, нет оснований считать, что в 1408 г. Свидригайло фактически получил Великое княжение Владимирское (такая мысль проводится в статье [Лаврентьев 2020: 148, 149

Таким образом, документ № 2 был выдан чуть более чем за месяц до отъезда Свидригайла в Москву. Получается, что на протяжении этого времени младший Ольгердович, пожаловав галицкому земянину Перевозец (и, надо полагать, уже установив контакты с Василием I), спешно отправился в Брянск, взял в плен великокняжеских бояр и выехал с ними в Москву. Расстояние от Галича до Брянска — более 900 км. При обычной для Средних веков скорости княжеской поездки, 35–40 км/день, преодолеть его можно было примерно за месяц. Но если очень спешить, то сделать это можно было и быстрее. На мой взгляд, именно скоростью развития событий можно объяснить отсутствие в этом документе ссылки на королевскую санкцию: Свидригайло осуществил пожалование галицкому земянину быстро, не тратя времени на контакты с королем, находившимся в это время в Великой Польше [Gašiorowski 2015: 64].

Если сожжение замков и выезд с большой группой князей, бояр и даже одним епископом свидетельствуют о серьезности намерений королевского брата на службе у Василия I (перефразируя слова, приписываемые королю Франции Генриху IV, «Владимир стоил Брянска и Галича»), то публикуемый документ заставляет задаться вопросом: каковы были политические планы Свидригайла? На что он рассчитывал, отъезжая к Василию I, и зачем буквально накануне жаловал земли под Галичем?¹⁶

Полагаю, младший Ольгердович понимал или во всяком случае не исключал, что рано или поздно ему придется вернуться к Ягайлу и Витовту, как это уже было в 1398/1399 и 1404 гг. Можно было ожидать, что Василий I и Витовт рано или поздно примирятся, тем более что московский правитель был зятем великого князя литовского, а в окружении Василия, как можно заключить из рассказа современника, далеко не все одобряли конфликт с Литвой [ПСРЛ (15/1): 179–184; (18): 155–159]. Двор польского короля и коронная Русь — вот те места, где Свидригайло с большой вероятностью мог оказаться после

et passim]). Лишь двумя десятилетиями ранее Дмитрий Донской «благословил» им Василия I, а тот в 1406–1407 гг. в своем первом завещании предусмотрел возможность его перехода к своему сыну Ивану. Московский правитель и его окружение, жалую Свидригайлу Владимир, Переяславль, Юрьев Польский, Волок Лямский, Ржеву и половину Коломны, скорее руководствовались утилитарными потребностями (оборона от Литвы, Орды и суздальских князей) и стремлением продемонстрировать, что теперь они вправе как угодно распоряжаться бывшим яблоком раздора — территорией великого княжения Владимирского вместе с его стольным городом.

¹⁶ Заманчиво было бы видеть намек на политические планы Свидригайла в письме верховного маршала великому магистру, в котором не указан год («Gegeben czu Konigisberg am dinstage noch Reminiscere») — «Дано в Кёнигсберге во вторник после воскресенья *Reminiscere*», т. е. второго воскресенья Великого поста) и которое Август фон Коцебу и Антоний Прохаска относили к марту 1408 г. [GStAPK. OBA 3679; Kotzebue 1820: 36; Коцебу 1835: 60–61; CEV, № 375], как это сделано в недавней статье [Лаврентьев 2020: 149]. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что это не так. Послание не могло быть написано в 1408 г., поскольку на Руси тогда не было митрополита, о котором в нем идет речь. В послании упоминаются договор ливонского отделения Ордена с Русью (т. е. с Великим Новгородом), заключенный 27 января 1421 г., и объезд митрополитом Фотием епархий Великого княжества Литовского и Польши после примирения с Витовтом: в конце 1420 — начале 1421 г. он побывал и в Литовской земле [ПСРЛ (35): 78]. Слова Свидригайла о его нежелании оставаться далеко на Руси следует связывать с его недавним примирением с Витовтом (август 1420 г.). На то же время указывает и почерк послания: тем же или очень близким почерком написаны послания верховного маршала от 9 мая и 23 октября 1420 г., 24 июля 1421 г. и 28 января 1422 г. [GStAPK. OBA 3166, 3266, 3495, 3663]. Уже в мае 1422 г. и позже послания верховного маршала писал другой писец [GStAPK. OBA 3729, 3782, 3804, 3806]. Все это позволяет датировать письмо 13 февраля 1421 г., а его содержание никак не связано с делами 13-летней давности.

возвращения из Москвы. С учетом таких перспектив стоило установить контакты не только с их правителями Польши и Литвы, но и с их подданными. О том, что такие контакты сохранялись надолго и проявлялись спустя многие годы, свидетельствует ряд примеров из биографии Свидригайла. Богатая история его взаимоотношений с венгерским, а впоследствии римским королем Сигизмундом Люксембургским и сановниками Тевтонского ордена хорошо известна [Petrauskas 2017: 228–232]. Еще один подобный пример можно почерпнуть из публикуемого документа № 1: Свидригайло жалует Студенку Грицку Кирдеевичу, несмотря на то что тот несколькими годами ранее не оправдал его расчетов и перешел на королевскую службу. Можно привести и другие примеры. Так, в 1431 г. его послом к гуситам был некий Ностевиц (судя по всему, из известного силезского рода), упомянутый в качестве Свидригайлова посла еще в 1420-м [GStAPK. OBA 5875; CEV, № 883; Petrauskas 2017: 354–355]. Одним из свидетелей Свидригайлова судебного документа, выданного на Покутье в 1424 г., был Немира Рязанович, занимавший весьма почетное место в его окружении в 1432–1452 гг. [Полехов 2015: 614–615]. А в 1431 г. сандомирский воевода и краковский староста Пётр Шафранец, перечисляя свои заслуги перед Свидригайлом, вспоминал, как уговорил Ягайла призвать его из Венгрии и передать владения, которые держали Шафранец (в Опочне) и другие польские пань [CESXV (2), № 203]: речь идет о примирении Свидригайла с Ягайлом в 1419 г.

Хорошо известно, сколь путаны свидетельства позднесредневековых хронистов, даже относительно хорошо информированных, о распределении владений между многочисленными князьями из рода Гедиминовичей. Тем ценнее любой документальный источник, сообщающий сведения об этом. Публикуемые источники позволяют заключить, что Свидригайло держал Галич между октябрём 1405 г. и июнем 1408 г. Представляется весьма вероятным, что контакты, установленные со шляхтой коронной Руси в 1405–1408 гг., пригодились Свидригайлу впоследствии — в особенности в годы войны с Сигизмундом Кейстутовичем, последующего изгнания и возвращения оттуда в 1440 г., которое началось именно с коронной Руси [Halecki 1915: 19–26].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Древнерусские тексты грамот публикуются в том виде, в каком они сохранились, — в транслитерации буквами польского алфавита. Латинские сопроводительные записи публикуются с раскрытием сокращений, которое не обозначается.

1

[1405 г. октября 13 — 1408 г. июнь]. Галич. — Кн. Свидригайло жалует Грицку Кирдеевичу «с королевскою волею» село Студенку [в Галицком повете].

Коп.: Центральний державний історичний архів України (Львів). Ф. 5. Оп. 1. Спр. 303. С. 102. Облята в галицком гродском суде 1774 г. Заголовок: Juris collati a principe Szwydrigał nobili Hrycko Kierdejewicz super villam Studzianka servientis cum specificatione situs locorum oblata. *Перед текстом:* Ad officium et acta praesentia castrensia capitanealia Haliciensia personaliter veniens generosus Onuphrius Rafałowski obtulit et ad acticandum ei-

dem officio porrexit jus collatum, a principe Szwydrygał nobili Hrycko Kerdejewicz super vil-lam Studzianka cum specificatione situs locorum serviens, manibus magnificorum dominorum subscriptum, tenoris sequenti. *После текста (с. 102–103)*: Post inductionem vero originale fidem offerens ad se recepit et de recepto officium praesens quietavit quietatque praesentibus.

Публ.: [Стасюк 2020: 53–54].

A se az, kniaz Szwydrykhał, widoczno czyniu o swoim łystu, komu ieho nadobe, cztuczcy seho naszeho łystu, koł jesmy derzał Hałycz, tohdy dał iesmy Hrycku Kyrdyiewiczu¹⁷ Studenku¹⁸ zo wsemy zemlamy. Także kazał nam Połotsnyckyi¹⁹ y ukazał, iz to iest Kałuskoie²⁰, Ternowoie, Berezowoie y Czyrykow²¹; także ukazał nam Babyнку potok²², iz to wse w Kałusz przysłuchaiet. Y my iesmy iemu iechał od reky Łomnycy²³ prosto od Połosznyczków czerez horu az do Ternowoho, sztokolwek k tomu sełu przysłuchaiet, y uiechał iesmy iemu po tot potok Babyнку hory do werhowysz, a od Babyanky czerez toie połe az u Łomnycu. A to iesmy uczynyl z korolewoju wołeu. A przy nas były panowe naszi: starosta nasz Danyło Zadroweckyi²⁴, a Chodko Czemer²⁵, Mychayło Procewycz²⁶, Tatomyr Bałyckyi²⁷, Drahomyr Wołodymerskyi²⁸, Kostka Hołowenczyz²⁹. A sey łyst pysan w Hałyczu, pod łetom Rozdestwa Chrystowa tysieczya sorok sotnoho, dany sey łyst na perwey den.

¹⁷ Грицко Кирдеевич († ок. 1414), каменецкий (подольский) староста Свидригайла (1400–1402), после его отъезда в Пруссию передал подольские замки королю Владиславу Ягайлу, от которого получил вознаграждения в Галицкой земле и на Подолье [Kurtyka 2011: 85, прzur. 3; Szyszka 2020: 163–165].

¹⁸ Студенка, село, ныне село Студинка (Студінка) в Калушском районе Ивано-Франковской области Украины.

¹⁹ Полотсницкий, по другим источникам не известен.

²⁰ Калуш, село, ныне город, центр Калушского района Ивано-Франковской области Украины.

²¹ Населенные пункты, от которых образованы прилагательные, идентифицировать не удалось.

²² «Поток» Бабинку идентифицировать не удалось; ср. нынешнее с. Средний Бабин (Середній Бабин) в Калушском районе Ивано-Франковской области Украины, на р. Ломнице, между с. Студника и Перевозец.

²³ Ломница (Лімниця), река, правый приток Днестра.

²⁴ Данило Дажбогович Заdereвецкий († после 1424), влиятельный боярин Червонной Руси (валашского происхождения?), служил Казимиру Великому, Елизавете Локетковне, Владиславу Опольскому и Владиславу Ягайлу, от которых получил ряд пожалований; вероятно, участвовал в Грюнвальдской битве 1410 г.; родоначальник Даниловичей [Капраль 2020; Полехов, Крысько 2021].

²⁵ Ходко Чемерь (Чемеревич), упоминается в документах Кориатовичей на Подолье в 1388–1391 гг., с 1399 г. упоминается в коронной Руси, где получил село от Ягайла; в 1411–1412 гг. упоминается в жидачовских грамотах Фёдора Любартовича. В Перемышльской земле есть село Чемеровичи [Михайловский 2012: 46–47; Пашин 2001: 73].

²⁶ Михайло Процевич, галицкий боярин, участвовал в процессе 1404 г. между Ягайлом и Ядвигой Пилецкой с дочерью Елизаветой из-за Тычина и Залесской волости [Розов 1928, № 38].

²⁷ Татомир Балицкий, упоминается в жидачовских грамотах 1411–1424 гг., владел землями близ Жидачова [Розов 1928, № 43, 45, 56; Купчинский 1997, № 9].

²⁸ Драгомир Володимерецкий, упоминается в грамотах кн. Фёдора Любартовича 1411–1413 гг. [Розов 1928, № 43, 45; Купчинский 1997, № 9].

²⁹ Костко Головеннич, владел селом Комаров под Галичем, которое получил от Владислава Опольского в 70-е годы XIV в. Упоминается в 1401–1411 гг., в том числе среди свидетелей грамоты галицкого старосты Петра из Харбинович [Михайловский 2010: 537, примеч. 4].

1408 г. июня 3. Галич. — Кн. Свидригайло жалуует Семёну-Волчку Завозичу (?) село Перевозец в Галицком повете.

Кон.: Archiwum Główne Akt Dawnych, tzw. Metryka Litewska, ks. IV B 9, k. 321v – 322. Заголовков: 21. Dubrawczeci. Przewoziecz.

Мы, knyasz Swidrigalo, znaomo y swydoczno czynimo szym nassym listom kazdomu dobromu, kto koly na ssesz lyst wzdryth ylie ioho slysith cztucz, komu ioho budeth potrzebizna, ize, ubacziwssi wyrnuiją sluzbu sliachothnego semyanina Wolczka Szawoczicza³⁰, ysz nam sluzil, daly iesmi yemu y dithem y szcathkom ieho didnyo na ymie Przewozetz³¹, na Czwy rzicz³², w Haliczkim powythy, na wyeky wyeczni, zo wssym prawom, s pansthwm zemly tyą, z lukamy, sinozothmy, z dubrowamy, z lyssi, s potoky, z rzikamy, z hranyczamy, s wodamy, s potoky, zo wsimi pozithky, sto koly starodawna przysluszaieth k toy didnyni k Perewoszewy. A thot pan Semyon Wloczko Zawoczicz moczen yesth y yeho szcathkowye to-thu didnyu Perewozecz prodati komu хочzeth, dathy, darowathy, prominyty i ku swoym dobrowolnym lypsim pozithkom powernuthy, yako yemu lubo budeth, a s thoho nam i szcethkom nassym, pothomkom buduczim sluzithy. Y na tho yessmo nassu peczeth weilily przywyssythy na pothwerzeneye. Y na tho swydczy: pan Danylo Zaderewyczky, starosta haliczky³³, pan Wasko Thenthukowycz³⁴, pan Chrlen Martynowsky³⁵, pan Koza, podskarby³⁶, pan Wasko Holowanczyz³⁷, pan Kostko Holowynicziz³⁸, // pan Olesko Chmorycz³⁹, y ynich dobrych prze them bylo do-sstith. Pissan lysth w Haliczu, na Swienthego Ducha den nyedyliu, litha Rozestwa Crystowa thysieczy lyth trzysta lith y osmoho lyta.

Lectum per Albertum de Zychlyn Regni Polonie vicecancellarium⁴⁰.

³⁰ Семён-Волчко Завозич (?), по другим источникам неизвестен.

³¹ Перевозец (Перевозець), село, ныне в Калушском районе Ивано-Франковской области Украины.

³² Чечва, река, левый приток Ломницы.

³³ Данило Задеревецкий, см. примеч. к № 1.

³⁴ Васько Тептюкович (Тяптюкович; † между 26 мая 1416 г. и 22 сентября 1417 г.), происходил из рода Корчаков, в 70-е годы XIV в. входил в окружение Владислава Опольского, после 1387 г. служил Владиславу Ягайлу и неоднократно им вознаграждался. Оставил сыновей Васька и Прокопия [Sperka 2006: 340–342; Михайловский 2010: 539–540, примеч. 19; см. также: Михайловский 2018: 406–407, 412].

³⁵ Хрещен Мартиновский, упоминается в галицких документах 1401–1409 гг. [Розов 1928, № 36, 38, 40].

³⁶ Коза, подскарбий Свидригайла, по другим источникам неизвестен.

³⁷ Васько Головенчик, брат Костки Головенчика, упоминается в разграничительной грамоте галицкого старосты Анджея Чёлека 1412 г. [Михайловский 2010: 533, 538].

³⁸ Костко Головенчик, см. примеч. к № 1.

³⁹ Олеско Хморич, возможно, идентичен львовскому судье Олешке (?) [Розов 1928, № 51].

⁴⁰ Войцех из Жихлина, королевский нотариус с 1448 г., секретарь с 1455 г., подканцлер в 1464–1471 гг., организатор ревизии королевских пожалований 1467–1469 гг. [Górski 1930; Sułkowska-Kurasiowa 1967a: 13; 1967b].

Источники

Опубликованные

- Купчинський 1997 — *Купчинський О.* Забуті та невідомі староукраїнські грамоти XIV — першої половини XV ст. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 233: Пр. Іст.-філософ. секції. Львів: Наук. товариство ім. Шевченка, 1997. С. 333–359.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1–43. СПб./Пг./Л.: М.: Тип. Э. Праца; и др., 1841–2004.
- ТЛ — *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб.: Наука, 2002.
- Розов 1928 — *Розов В.* Українські грамоти. Т. 1: XIV і перша половина XV в. Київ: Друкарня Укр. Акад. Наук, 1928.
- AGZ — Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie. Т. 1–25. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich [i in.], 1868–1935.
- Arbusow 1913 — *Arbusow L.* Zwölf Urkunden zu O. Stavenhagen: “Livland und die Schlacht bei Tannenberg” // Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1911. Riga: Druck von W. F. Häcker, 1913. S. 265–277.
- Bona regalia — Bona regalia onerata in terris Russiae etc. Lustratio 1469 r. // Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Т. 7. Cz. 1: Ziemie ruskie. Ruś Czerwona opisana przez A. Jabłonowskiego. Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna, 1902. S. 1–72.
- CESXV — Codex epistolaris saeculi XV. Т. 1–3 / Ed. A. Sokołowski, J. Szujski, A. Lewicki. Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum, 1876–1894.
- CEV — Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae, 1376–1430 / Ed. A. Prochaska. Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum, 1882.
- MTB — Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409 / Hrsg. von E. Joachim. Königsberg i. Pr.: Verlag von Thomas & Oppermann, 1896.
- Długosz — *Długossius J.* Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber X (1370–1405). Varsaviae: Wyd. Nauk. PWN, 1985. Liber X et liber XI (1406–1412). Varsaviae: Wyd. Nauk. PWN, 1997.
- LC — Liber cancellariae Stanislai Ciołek. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der husitischen Bewegung / Hrsg. von J. Caro. Bd. 1–2. Wien: In Commission bei Karl Gerold’s Sohn, 1871–1874.
- Rachunki dworu — Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420 / Wyd. F. Piekosiński. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1896.
- SRP — Scriptores Rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / Hrsg. von Th. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. 3. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1866.
- ZDM — Zbiór dokumentów małopolskich. Cz. 1–8 / Wyd. I. Sułkowska-Kuraś, S. Kuraś. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wyd. PAN, 1962–1975.

Неопубликованные

- Бершадский б. д. — *Бершадский С. А.* Западно-русские акты. Б. д. Присланная Афанасию Фёдоровичу [Бычкову] корректура (ОР РНБ. Ф. 120 (Бычковы). № 3808).
- GStAPK, OBA 3166, 3206, 3266, 3495, 3663, 3679, 3729, 3782, 3804, 3806, 5875.
- GStAPK, OF 3.

Сокращения

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
GStAPK — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Berlin), XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv).
OBA — Ordensbriefarchiv.
OF — Ordensfoliant.

Литература

- Беспалов 2016 — *Беспалов Р. А.* Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I // Средневековая Русь. Вып. 12. М.: Индрик, 2016. С. 129–182.
- Капраль 2020 — *Капраль М.* Данило Дажбогович Задеревецкий — засновник роду Даниловичів // Academia. Terra Historiae: Студії на пошану Валерія Смолія / Відп. ред. Г. Боряк. У 2 кн. Кн. 1. Київ: Ін-т історії України Нац. акад. наук України; ДУ «Ін-т всесвітньої історії Нац. акад. наук України», 2020. С. 389–402.
- Келембет 2018 — *Келембет С.* Федір-Федот (Федюшко) Любартович, князь луцький і володимирський, державця сіверський // Сіверянський літопис. 2018. № 6 (144). С. 13–36.
- Келембет 2019 — *Келембет С.* Литовсько-католицькі князі в Сіверській землі: 1401–1452 pp. // Сіверянський літопис. 2019. № 4–5 (148–149). С. 8–32.
- Келембет 2020 — *Келембет С.* Князь Федір (Федюшко) Любартович: володіння в коронній Русі та їх державно-правовий статус // Український історичний журнал. 2020. № 4. С. 4–20.
- Коцебу 1835 — *Коцебу А.* Свитригайло, Великий Князь Литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб.: В тип. Медицинского департамента Мин-ва внутр. дел, 1835.
- Лаврентьев 2020 — *Лаврентьев А. В.* К истории появления фресок Андрея Рублева и Даниила Черного в Успенском соборе Владимира // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 2. С. 141–158.
- Михайловський 2010 — *Михайловський В.* Історія одного розмежування біля Крилоса в 1412 році // Вісник Львівського університету. Сер. історична. Вип. 45. 2010. С. 521–544.
- Михайловський 2012 — *Михайловський В.* Еластична спільнота: Подільська шляхта в другій половині XIV — 70-х роках XVI століття. Київ: Темпора, 2012.
- Михайловський 2018 — *Михайловський В.* Жереб як спосіб визначення меж володінь: декілька міркувань про довіру до середньовічних документів, відомих за пізнішими копіями // Inter Regnum et Ducatum: Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiąt rocznicę urodzin / Pod red. P. Guzowskiego, M. Liedke, K. Borody. Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2018. S. 397–412.
- Пашин 2001 — *Пашин С. С.* Перемышльская шляхта второй половины XIV — начала XVI века: Историко-генеалогическое исследование. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001.
- Пеленський 2017 — *Пеленський Й.* Галич в історії середньовічного мистецтва на основі археологічних досліджень і архівних джерел. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2017.
- Полехов 2015a — *Полехов С. В.* Наследники Витовта: Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: Индрик, 2015.
- Полехов 2015b — *Полехов С. В.* Свидригайло // Большая Российская энциклопедия: В 35 т. Т. 29. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2015. С. 546.

- Полехов 2021 — *Полехов С. В.* Древнерусские пометки на латинских документах в Великом княжестве Литовском и Польском королевстве второй половины XIV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 2 (84). С. 27–40.
- Полехов, Крысько 2021 — *Полехов С. В., Крысько В. Б.* Жалованная грамота князя Владислава Опольского Даниле Дажбоговичу 1375 г. // Die Welt der Slaven. Bd. 66. № 1. 2021. S. 19–45.
- Скочиляс 2011 — *Скочиляс І.* Галицька митрополія XIV — першої половини XV століть: особливості еклезіального, правового та суспільного статусу // Княжа доба: історія і культура. Вип. 4. Львів: Нац. акад. наук України, Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, 2011. С. 246–279.
- Стасюк 2018 — *Стасюк А.* Галич періоду магдебурзького права (XIV–XVIII ст.) // Атлас українських історичних міст. Т. 2: Галич / Наук. ред. М. Капраль. Львів: Нац. акад. наук України, 2018. С. 9–18.
- Стасюк 2020 — *Стасюк А.* Князь Свидригайло в Галичі і перша письмова згадка про Калущ // Галич: 36. наук. праць. Вип. 5. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2020. С. 45–54.
- Dąbkowski 1939 — *Dąbkowski P.* Podział administracyjny województwa ruskiego i bełzkiego w XV wieku. Lwów: Towarzystwo Nauk., 1939.
- Gąsiorowski 1970 — *Gąsiorowski A.* Urzędnicy zarządu lokalnego w późnośredniowiecznej Wielkopolsce. Poznań: Państwowe Wyd. Nauk., 1970.
- Gąsiorowski 2015 — *Gąsiorowski A.* Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386–1434. Warszawa: Państwowe Wyd. Nauk., 2015.
- Górski 1930 — *Górski K.* Wojciech z Żychlina, Wielkopoleanin w kancelarii królewskiej. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1930.
- Halecki 1915 — *Halecki O.* Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiełłończyka. Kraków: Akademia Umiejętności, 1915.
- Halecki 1919 — *Halecki O.* Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materiały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku // Archiwum Komisji Historycznej. T. 12. Cz. 1. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1919. S. 146–218.
- Korba 2009 — *Korba M.* Goście z rodów książęcych i królewskich na dworze Władysława Jagiełły w latach 1385–1420 // Curia Jagiellonica: Studia z dziejów dworu i kultury dworskiej w XV–XVI wieku / Red. A. Januszek-Sieradzka. Lublin; Sandomierz: Wyd. Diecezjalne i Drukarnia w Sandomierzu, 2009. S. 9–44.
- Kotzebue 1820 — *Kotzebue A.* Switrigail. Ein Beytrag zu den Geschichten von Lithauen, Rußland, Polen und Preussen. Leipzig: bey Paul Gotthelf Kummer, 1820.
- Kurtyka 2011 — *Kurtyka J.* Najstarsze dokumenty dla Franciszkanów kamienieckich z lat 1400 i 1402 // Kurtyka J. Podole w czasach jagiellońskich. Studia i materiały. Kraków: Societas Vistulana, 2011. S. 67–89.
- Peleński 1914 — *Peleński J.* Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej na podstawie badań archeologicznych i źródeł archiwalnych. Kraków: Akademia Umiejętności, 1914.
- Petrauskas 2017 — *Petrauskas R.* Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė. Politika ir visuomenė vėlyvaisiais Viduramžiais. Vilnius: Lietuvių katalikų Mokslo akademija; Naujasis Židinys — Aidai, 2017.
- Sperka 2001 — *Sperka J.* Osobiste akty hołdownicze panów polskich z okresu panowania Władysława Jagiełły // Społeczeństwo Polski średniowiecznej: Zbiór studiów. T. 9 / Pod red. S. K. Kuczyńskiego. Warszawa: DiG, 2001. S. 221–255.
- Sperka 2006 — *Sperka J.* Otoczenie Władysława Opolczyka w latach 1370–1401: Studium o elicie władzy w relacjach z monarchą. Katowice: Wyd. Uniw. Śląskiego, 2006.
- Sułkowska-Kurasiowa 1967a — *Sułkowska-Kurasiowa I.* Polska kancelaria królewska w latach 1447–1506. Wrocław i in.: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wyd. PAN, 1967.

- Sułkowska-Kurasiowa 1967b — *Sułkowska-Kurasiowa I.* Rewizje nadań królewskich na przełomie XV/XVI wieku // *Kwartalnik Historyczny*. R. 74. Nr 2. 1967. S. 289–297.
- Szweda 2009 — *Szweda A.* Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454. Toruń: Wyd. Nauk. Uniw. Mikołaja Kopernika, 2009.
- Szybkowski 2006 — *Szybkowski S.* Kujawska szlachta urzędnicza w późnym średniowieczu (1370–1501). Gdańsk: Wyd. Uniw. Gdańskiego, 2006.
- Szybkowski 2011a — *Szybkowski S.* Elita ziemi dobrzyńskiej na przełomie XIV i XV wieku. Między zakonem krzyżackim a Królestwem Polskim // *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. T. 3. 2011. S. 87–119.
- Szybkowski 2011b — *Szybkowski S.* Od pozorów amnestii do politycznego rewanżu. Elita szlachecka ziemi dobrzyńskiej w latach 1405–1409 // *A Pomerania ad ultimas terras: Studia ofiarowane Barbarze Popielas-Sztulce w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdestoletcie pracy naukowej* / Pod red. J. Sochackiego, A. Teterycz-Puzio. Słupsk: Wyd. Nauk. Akademii Pomorskiej, 2011. S. 440–457.
- Szybkowski 2018 — *Szybkowski S.* W krzyżackiej służbie: Dobrzyńscy dinerzy wielkich mistrzów i urzędników zakonnych na przełomie XIV i XV wieku // *Inter Regnum et Ducatum: Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin* / Pod red. P. Guzowskiego, M. Liedke, K. Borody. Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2018. S. 577–597.
- Szyska 2016 — *Szyska J.* Formowanie i organizacja dóbr monarszych w ziemi lwowskiej od połowy XIV do początku XVI wieku. Kraków: Societas Vistulana, 2016.
- Szyska 2020 — *Szyska J.* Dobra pomorzańskie Kierdejów (Kierdejowiczów) w ziemi lwowskiej w XV wieku // *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. T. 12. 2020. S. 161–208.
- Urzędnicy 1987 — *Urzędnicy województwa ruskiego XIV–XVIII wieku (ziemie halicka, lwowska, przemyska, sanocka): Spisy / Oprac. K. Przyboś. Wrocław i in.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wyd. PAN, 1987.*
- Urzędnicy 2014 — *Urzędnicy kujawscy i dobrzyńscy XII–XV wieku. Spisy / Oprac. J. Bieniak, S. Szybkowski. Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 2014.*
- Wojtkowiak 1976 — *Wojtkowiak Z.* Dyplomatyka a polityka litewska w końcu XV wieku // *Acta Baltico-Slavica*. T. 9. S. 267–281.

References

- Bespalov, R. A. (2016). Litovsko-moskovskie otnosheniia 1392–1408 godov v sviazi so smolenskoi, chernigovskoi i riazanskoi politikoi Vitovta i Vasiliia I [Lithuanian-Muscovite relations in connection to the Smolensk, Chernigov and Ryazan' policies of Vytautas and Vasily I]. *Srednevekovaia Rus'* (Vol. 12, pp. 129–182). Indrik. (In Russian).
- Bieniak, J., & Szybkowski, S. (2014). *Urzędnicy kujawscy i dobrzyńscy XII–XV wieku. Spisy*. Biblioteka Kórnicka. (In Polish).
- Dąbkowski, P. (1939). *Podział administracyjny województwa ruskiego i belzkiego w XV wieku*. Towarzystwo Naukowe. (In Polish).
- Gąsiorowski, A. (1970). *Urzędnicy zarządu lokalnego w późnośredniowiecznej Wielkopolsce*. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. (In Polish).
- Gąsiorowski, A. (2015). *Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386–1434*. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. (In Polish).
- Górski, K. (1930). *Wojciech z Żychlina, Wielkopolanin w kancelarii królewskiej*. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. (In Polish).
- Halecki, O. (1915). *Ostatnie lata Świdrygielły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka*. Akademia Umiejętności. (In Polish).

- Halecki, O. (1919). Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materiały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku. *Archiwum Komisji Historycznej* (Vol. 12, Part 1, pp. 146–218). (In Polish).
- Kapral', M. (2020). Danylo Dazhbohovykh Zaderevets'kii — zasnovnyk rodu Danylovychiv [Danilo Dažbogovič Zaderevetskii — the founder of the family of Danilovič]. In H. Boriak (Ed.). *Academia. Academia. Terra Historiae: Studiï na poshanu Valerii Smoliia* (Vol. 2, pp. 389–402). Instytut istoriï Ukraïny Natsional'noi akademii nauk Ukraïny; DU "Instytut vsesvitn'oi istoriï Natsional'noi akademii nauk Ukraïny". (In Ukrainian).
- Kelembet, S. (2018). Fedir-Fedot (Fediushko) Liubartovych, kniaz' luts'kyi i volodymyrs'kyi, derzhavtsia sivers'kyi [Theodor-Theodot (Fedyushko) Lyubartovich, Prince of Lutsk and Volodimir, ruler of Siver]. *Siverians'kyi litopys*, 2018(6(144)), 13–36. (In Ukrainian).
- Kelembet, S. (2019). Lytovs'ko-katolyts'ki kniazi v Sivers'kii zemli: 1401–1452 rr. [Lithuanian-Catholic princes in Siver Land: 1401–1452]. *Siverians'kyi litopys*, 2019(4–5(148–149)), 8–32. (In Ukrainian).
- Kelembet, S. (2020). Kniaz' Fedir (Fediushko) Liubartovych: volodinnia v koronniï Rusi ta ikh derzhavno-pravovyi status [Prince Fedir (Fediushko) Liubartovych: Possessions in Crown Rus and their state and legal status]. *Ukraïns'kyi istorychnyi zhurnal*, 2020(4), 4–20. (In Ukrainian).
- Korba, M. (2009). Goście z rodów książęcych i królewskich na dworze Władysława Jagiełły w latach 1385–1420. In A. Januszek-Sieradzka (Ed.). *Curia Jagiellonica: Studia z dziejów dworu i kultury dworskiej w XV–XVI wieku* (pp. 9–44). Wydawnictwo Diecezjalne i Drukarnia w Sandomierzu. (In Polish).
- Kotsebu, A. (1835). *Svitrigailo, Velikii Kniaz' Litovskii, ili Dopolnenie k istoriiam Litovskoi, Rossiiskoi, Pol'skoi i Prusskoi* [Švitrigaila, Grand Duke of Lithuania, or a supplement to the history of Lithuania, Russia, Poland and Prussia]. V tipografii Meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Kotzebue, A. (1820). *Switrigail. Ein Beytrag zu den Geschichten von Litthauen, Rußland, Polen und Preussen*. Bey Paul Gotthelf Kummer. (In German).
- Kurtyka, J. (2011). Najstarsze dokumenty dla Franciszkanów kamienieckich z lat 1400 i 1402. In J. Kurtyka. *Podole w czasach jagiellońskich. Studia i materiały* (pp. 67–89). Societas Visulana. (In Polish).
- Lavrent'ev, A. V. (2020). K istorii poiavleniia fresok Andreia Rubleva i Daniila Chernogo v Uspenskom sobore Vladimira [Towards the history of the appearance of frescoes by Andrey Rublev and Daniil Cherniy in the Assumption Cathedral of Vladimir]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020(2), 141–158. (In Russian).
- Mikhailovs'kyi, V. (2010). Istoriiia odnogo rozmezhuvannia bilia Krylosa v 1412 rotsi [History of a land delimitation near Krylos in 1412]. *Visnyk L'vivs'koho universytetu, Seriiia istorychna*, 45, 521–544. (In Ukrainian).
- Mikhailovs'kyi, V. (2012). *Elastychna spil'nota: Podil's'ka shliakhta v druhii polovyni XIV — 70-kh rokakh XVI stolittia* [Elastic community: Podolian nobility from the mid-14th century to the 70s of the 16th century]. Tempora. (In Ukrainian).
- Mikhailovs'kyi, V. (2018). Zhereb iak sposib vyznachennia mezh volodin': dekil'ka mirkuvan' pro doviru do seredn'ovichnykh dokumentiv, vidomykh za piznishymy kopiiamy [Lot as a way of establishing the borders of estates: Some remarks on trust in medieval documents known from later copies]. In P. Guzowski, M. Liedke, & K. Boroda (Eds.). *Inter Regnum et Ducatum: Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiąt rocznicę urodzin* (pp. 397–412). Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy. (In Ukrainian).
- Pashin, S. S. (2001). *Peremysl'skaia shliakhta vtoroi poloviny XIV — nachala XVI veka: Istoriko-genealogicheskoe issledovanie* [The Przemyśl nobility from the second half of the 14th century to the beginning of the 16th century: A study on historical genealogy]. Izdatel'stvo Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).

- Pelens'kyi [=Peleński], Y. (2017). *Halych v istorii seredn'ovichnoho mystetstva na osnovi arkeolohichnykh doslidzhen' i arkhivnykh dzherel* [Halych in the history of medieval art on the basis of archaeological research and archival sources]. Lileia-NV. (In Ukrainian).
- Peleński, J. (1914). *Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej na podstawie badań archeologicznych i źródeł archiwalnych*. Akademia Umiejętności. (In Polish).
- Petrauskas, R. (2017). *Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė. Politika ir visuomenė vėlyvaisiais Viduramžiais*. Lietuvių katalikų Mokslo akademija; Naujasis Židinys — Aidai. (In Lithuanian).
- Polekhov, S. V. (2015a). *Nasledniki Vitovta: Dinasticheskaja voina v Velikom kniazhestve Litovskom v 30-e gody XV veka* [Vytautas' successors: The dynastic war in the Grand Duchy of Lithuania in the 1430s]. Indrik. (In Russian).
- Polekhov, S. V. (2015b). Svidrigailo [Švitrigaila]. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia* (In 35 Vols., Vol. 29, p. 546). Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia. (In Russian).
- Polekhov, S. V. (2021). Drevnerusskie pometki na latinskikh dokumentakh v Velikom kniazhestve Litovskom i Pol'skom korolevstve vtoroi poloviny XIV veka [Old Russian notes on Latin documents in the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland in the second half of the 14th century]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2021(2(84)), 27–40. (In Russian).
- Polekhov, S. V., & Kryś'ko, V. B. (2021). Zhalovannaia gramota kniazia Vladislava Opol'skogo Danile Dazhbogovichu 1375 g. [Prince Władysław Opolczyk's grant document for Danilo Dažbogovič (1375)]. *Die Welt der Slaven*, 66(1), 19–45. (In Russian).
- Przyboś, K. (Ed.). (1987). *Urzednicy województwa ruskiego XIV–XVIII wieku (ziemie halicka, lwowska, przemyska, sanocka): Spisy*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN. (In Polish).
- Skochyliś, I. (2011). Halyts'ka mytropoliiia XIV — pershoi polovyny XV stolit': osoblyvosti eklezial'noho, pravovoho ta suspil'noho statusu [Metropolitanate of Halych in the 14th — first half of the 15th century: Peculiarities of ecclesiastical, legal and social status]. In *Kniazha doba: istoriia i kul'tura* (Vol. 4, pp. 246–279). Natsional'na akademiia nauk Ukraïny, Instytut ukraïnoznavstva im. I. Kryp'iakevycha. (In Ukrainian).
- Sperka, J. (2001). Osobiste akty hołdownicze panów polskich z okresu panowania Władysława Jagiełły. In S. K. Kuczyński (Ed.). *Spółeczeństwo Polski średniowiecznej: Zbiór studiów* (Vol. 9, pp. 221–255). DiG. (In Polish).
- Sperka, J. (2006). *Otoczenie Władysława Opolczyka w latach 1370–1401: Studium o elicie władzy w relacjach z monarchią*. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. (In Polish).
- Stasiuk, A. (2018). Halych periodu magdeburz'koho prava (XIV–XVIII st.) [Halych in the period of Magdeburg Law (14th–18th centuries)]. In M. Kapral (Ed.). *Atlas ukrains'kykh istorichnykh mist*, (Vol. 2) *Halych* (pp. 9–18). Natsionalna akademiia nauk Ukraïny. (In Ukrainian).
- Stasiuk, A. (2020). Kniaz' Svydrygailo v Halychi i persha pys'mova zhadka pro Kalush [Prince Svydrygailo in Halych and the first written mention of Kalush]. *Halych: Zbirnyk naukovykh prats'* (Vol. 5, pp. 45–54). Lileia-NV. (In Ukrainian).
- Sułkowska-Kurasiowa, I. (1967a). *Polska kancelaria królewska w latach 1447–1506*. Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo PAN. (In Polish).
- Sułkowska-Kurasiowa, I. (1967b). Rewizje nadań królewskich na przełomie XV/XVI wieku. *Kwartalnik Historyczny*, 74(2), 289–297. (In Polish).
- Szweda, A. (2009). *Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w latach 1386–1454*. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. (In Polish).
- Szybkowski, S. (2006). *Kujawska szlachta urzędnicza w późnym średniowieczu (1370–1501)*. Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. (In Polish).

- Szybkowski, S. (2011a). Elita ziemi dobrzyńskiej na przełomie XIV i XV wieku. Między zakonem krzyżackim a Królestwem Polskim. *Średniowiecze Polskie i Powszechne*, 3, 87–119. (In Polish).
- Szybkowski, S. (2011b). Od pozorów amnestii do politycznego rewanżu: Elita szlachecka ziemi dobrzyńskiej w latach 1405–1409. In J. Sochacki, & A. Teterycz-Puzio (Eds.). *A Pomera-nia ad ultimas terras: Studia ofiarowane Barbarze Popielas-Sztulce w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej* (pp. 440–457). Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej. (In Polish).
- Szybkowski, S. (2018). W krzyżackiej służbie: Dobrzyńscy dinerzy wielkich mistrzów i urzę-dników zakonnych na przełomie XIV i XV wieku. In P. Guzowski, M. Liedke, & K. Boroda (Eds.). *Inter Regnum et Ducatum. Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin* (pp. 577–597). Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturo-wym Europy. (In Polish).
- Szyska, J. (2016). *Formowanie i organizacja dóbr monarszych w ziemi lwowskiej od połowy XIV do początku XVI wieku*. Societas Vistulana. (In Polish).
- Szyska, J. (2020). Dobra pomorzańskie Kierdejów (Kierdejowiczów) w ziemi lwowskiej w XV wieku. *Średniowiecze Polskie i Powszechne*, 12, 161–208. (In Polish).
- Wojtkowiak, Z. (1976). Dyplomatyka a polityka litewska w końcu XV wieku. *Acta Baltico-Sla-vica*, 9, 267–281. (In Polish).

* * *

Информация об авторе

Сергей Владимирович Полехов

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория древнерусской культуры,
Школа актуальных гуманитарных
исследований, Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского,
д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ sergey.polekhov@gmail.com

Information about the author

Sergey V. Polekhov

Cand. Sci. (History)
Senior Researcher, Center for Ancient
Russia Studies, School for Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ sergey.polekhov@gmail.com

Б. А. Успенский

ORCID: 0000-0002-2018-587X

✉ borisusp@gmail.com

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

ОТЧИЧ И ДЕДИЧ В ТИТУЛЕ РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ

Аннотация. Статья посвящена выражению *отчич и дедич* (*отчичь и дѣдичь*) в титуле русских государей (московских великих князей и царей). Это выражение, западнорусское по своему происхождению, в середине XV в. было усвоено в административном языке Московской Руси. В Западной Руси выражение *отчич и дедич* означало то же, что каждый компонент этого сочетания. Как *отчич*, так и *дедич* обозначали наследственного владельца или властителя: эти слова здесь не противопоставлялись одно другому, а скорее дополняли друг друга. То же означало и плеонастическое сочетание *отчич и дедич*; наличие двух слов с одинаковым значением создавало эффект амплификационного усиления. В Московской Руси в контексте междоусобной борьбы за московский великокняжеский стол рассматриваемое выражение оказывается связанным с наследственной передачей власти в соответствии с принципом примогенитуры. В этих условиях выражение *отчич и дедич* означает легитимного наследника по прямой линии, получившего власть от отца, который, в свою очередь, получил ее от деда и т. п.; наследник по боковой линии является *дедичем*, но не *отчичем*. С установлением царской власти, когда междоусобная борьба перестает быть актуальной, выражение *отчич и дедич* оказывается связанным с борьбой за признание за московским великим князем царского титула и таким образом становится фактором не внутренней, а международной политики. Используя это выражение, русские цари утверждают, что царский титул достался им от прародителей. Это открывает широкие возможности для генеалогической мифологии.

Ключевые слова: титул, герб, царь, великий князь, соправитель, преемственность власти, престолонаследие, венчание на царство, генеалогия, Рюриковичи

Для цитирования: Успенский Б. А. *Отчич и дедич* в титуле русских государей // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 238–286. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-238-286>.

Статья поступила в редакцию 29 сентября 2020 г.
Принято к печати 25 октября 2020 г.

© Б. А. УСПЕНСКИЙ

B. A. Uspenskij

ORCID: 0000-0002-2018-587X

✉ borisusp@gmail.com

National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)

OTCHICH I DEDICH (‘PATERNAL AND ANCESTRAL SUCCESSOR’) IN THE TITLE OF RUSSIAN MONARCHS

Abstract. The article dwells on the terms *otchich i dedich* (отчич и дѣдичъ) in the royal style and titles of Muscovite grand princes and tsars. This collocation of West Russian origin was adopted in the administrative language of Muscovy in the mid-14th century. In West Rus’ the phrase *otchich i dedich* had the same meaning as a whole as each of its components separately. Both *otchich* and *dedich* meant a hereditary lord or ruler: these words complemented, rather than contrasted with, each other. The pleonastic collocation *otchich i dedich* had the same meaning; two words of the same meaning created an amplification effect. In Muscovy, within the context of infighting for the grand-princely throne, this collocation has proven to be related to the hereditary transfer of power according to the principle of primogeniture. In these circumstances the phrase *otchich i dedich* means a legitimate linear heir that inherited the power from his father who, in turn, had inherited the power from his grandfather, etc.; a collateral heir is a *dedich* but not an *otchich*. After the power of the tsars was established and infighting became obsolete, the phrase *otchich i dedich* became connected to the struggle for recognizing the Muscovite grand prince in his capacity as the tsar and thus was not longer a factor in internal politics, but became a factor in foreign policy. By using this phrase, Russian tsars assert that they have inherited their title of tsar from their ancestors. This, in turn, opens a wide field for genealogical mythology.

Keywords: title, crest, tsar, grand prince, co-ruler, continuity of power, succession to the throne, coronation, genealogy, Rurikids

To cite this article: Uspenskij, B. A. (2021). *Otchich i dedich* (‘paternal and ancestral successor’) in the title of Russian monarchs. *Shagi / Steps*, 7(3), 238–286. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-238-286>.

Received September 29, 2020

Accepted October 25, 2020

I. Отчич и дедич в великокняжеском титуле: «един правый господарь»

§ I.1. Освобождение от татарского господства (1480 г.) незамедлительно сказывается на титулатуре великого князя московского (Ивана III). Характерным образом это проявляется прежде всего в посланиях на Восток, именно в сношениях с татарскими странами. Так, в интитуляции Ивана III впервые появляется слово *царь*: оно фигурирует в посланиях в Крым 1484–1487 гг., обращенных, однако, не к самому крымскому хану, а к его подданным или вассалам. Вот как выглядит его титул в послании Захарии Евреянину, князю Таманскому, 1484 г.:

Божією милостию, великій осподарь Русскіе земли, велики князь Иванъ Васильевич, *царь всеа Руси*, Володимерьски и Московски и Новгородски и Псковски и Югорьски и Вятски и Пермьски и иныхъ [Сб. РИО (41): 41, № 10], грамота с золотой печатью).

Аналогичный титул содержится в посланиях Хозе Асану 1485 г. и тому же Захарии 1487 г. [Сб. РИО (41): 45, № 12; 71, № 19]¹. Поскольку ханы на Руси назывались *царями*, можно предположить, что русский великий князь пользуется в этих случаях языком, знакомым его адресатам, т. е. уподобляется татарскому хану. Ивана III к этому времени могли уже называть *царем*², однако сам себя ранее он так не называл. Это был первый случай интитуляции такого рода: впервые русский монарх называл себя царем, используя это слово в своем титуле. Слово *царь* означает при этом то же, что *хан*; впоследствии ориентация на татарского хана сменяется на Руси ориентацией на образ византийского императора.

Отсюда, собственно говоря, начинается история царского титула на Руси, поскольку интитуляция (самонаименование) является необходимой предпосылкой титула.

В переписке с восточными правителями Иван III *царем* не называется, однако мы находим здесь новый титул великого князя, также достаточно характерный. В посланиях крымскому хану (Менгли-Гирею), турецкому султану (Баязету II) и кафинскому наместнику (Мехмеду Шехзаде) 1492–1500 гг. Иван III называет себя *единым правым господарем*, а также *отчичем и дедичем*:

Іоаннъ Божією милостию *единъ правой государь* [или: *осподарь*] *всея* [или: *всей*] *Руссии отчичъ* [или: *вотчичъ*] и *дѣдичъ* и инымъ многимъ землямъ отъ сѣвера и до востока государь [или: и инымъ многимъ землямъ восточнымъ и сѣвернымъ государь и велики князь] (послания Менгли-Гирею 1492 г. [СГГД (5): 12, № 22; Сб. РИО (41): 161,

¹ Об адресатах этих посланий см.: [Огородников 1913; Лурье 1960: 130–133].

² Иван III вместе со своим сыном и соправителем Иваном Ивановичем Молодым именуется *царем всеа Руси* или *царем русским* в документах, связанных с Новгородом и Псковом: см. договор Новгорода и Пскова с Дерптом 1474 г. [ГВНП: 133, № 78], послание Пскова Ивану III и Ивану Молодому 1477 г. [СГГД (2): 24, № 19; ГВНП: 324, № 338; ПСРЛ (12, 1901): 173; (25, 1949): 312], договор Новгорода с Ливонским орденом 1481 г. [Акты Зап. России (1): 95, № 75]. О Иване Ивановиче Молодом, сыне и соправителе Ивана III, см. примеч. 61.

№ 36], 1493 г. [Сб. РИО (41): 184, № 41]; послания Баязету 1492 г. [СГГД (5): 13, № 23; Сб. РИО (41): 162, № 36], 1499 г. [Сб. РИО (41): 281, № 60]; послания Мехмеду Шехзаде 1499 г. [СГГД (5): 22, № 36; Сб. РИО (41): 280, № 60], 1500 г. [Сб. РИО (41): 293, № 63]]³.

В одном, исключительном случае он именует себя *единым правым отчичем и дедичем*:

Иоанъ, Божією милостью государь всеа Руси, *единъ правой вотчичъ и дѣдичъ*, и инымъ многимъ землямъ сѣвернымъ и восточнымъ государь (послание Менгли-Гирею 1495 г. [Сб. РИО (41): 212, № 47]).

Выражение *един правый государь (господарь)* означает ‘единственный прямой (подлинный, истинный, настоящий) правитель’, тогда как слова *отчич и дедич* выступают в этом контексте как поясняющий комментарий к данному выражению. Иван III заявляет о себе как о единственном подлинном государе Русской земли, и право называться таким образом подтверждается словами *отчич и дедич*: он является единственным господарем в силу наследственных прав на Русскую землю. Как мы увидим (см. ниже, § IV.2), *отчичем и дедичем* именовали уже отца Ивана III, великого князя Василия Васильевича (Василия II), хотя это выражение не отразилось на его интитуляции (и тем самым не может считаться компонентом его титула). О возможном происхождении эпитета *правый* в великокняжеском титуле будет сказано ниже (в § I.2).

Общее значение слова *правый* в выражении *един правый государь (господарь)* может конкретизироваться в зависимости от контекста. В разгар русско-литовской войны и борьбы за пограничные русские территории, когда появляется данный титул, определение *правый* может выступать в значении ‘законный’; *един правый господарь, отчич и дедич* означает тогда ‘единственный законный правитель, по праву наследства’, и такое значение отразилось, может быть, в сочетании *правый отчич и дедич*⁴. Вместе с тем, судя по целому ряду признаков, слово *правый* в государевом титуле может означать ‘правоверный, православный’. Одно другому, вообще говоря, не противоречит: ‘законный’ и ‘православный’ выступают в титуле как взаимосвязанные семантические характеристики.

³ Слово *государь* в титуле Ивана III здесь и далее принадлежит публикаторам; в оригинале, надо полагать, во всех этих случаях стоит сокращенная форма, которая должна раскрываться как *господарь*. Слово *государь* появляется только в царском титуле, возможно, в связи с венчанием Ивана Грозного на царство (1547 г.) и во всяком случае не ранее этого времени; свидетельства о существовании такого слова восходят к эпохе Бориса Годунова (см. в этой связи: [Золтан 2014: 46–72; 2002 / 1983; Успенский 2020: 167–168, примеч. 6]). В дальнейшем, цитируя публикации, в которых русские великие князья (не цари!) называются *государями*, мы не делаем соответствующей оговорки; по умолчанию каждый раз предполагается, что слово *государь* в подобных случаях следует читать как *господарь*.

Формулировка *землямъ восточнымъ и сѣвернымъ государь и велики князь* (вместо *землямъ отъ сѣвера и до востока государь*) появляется в посланиях 1499–1500 гг. (Баязету и Мехмеду Шехзаде). В этих посланиях, и только в них, имя Ивана III помещено впереди имени адресата.

⁴ Отметим, что крымский хан Менгли-Гирей был союзником русского великого князя как в борьбе с Большой Ордой, так и в войне с Великим княжеством Литовским.

Показательна в этом плане инскрипция (формулярное наименование адресата) в посланиях Ивана III крымскому хану Менгли-Гирею и турецкому султану Баязету от 31 августа 1492 г. — первых документах с такого рода титулом. Называя себя *единым правым государем (господарем) всей Руссии*, Иван III обращается к своему адресату как к великому *бесерменскому государю (господарю)*. Ср.:

Государь еси великой справедливой и премудрой, *межи Бесерменскими Государи прехвальной еси Государь* брать мои Менли Гирей Царь, Богъ бы государство твое свыше учинилъ. Иоаннъ Божіею милостію *единъ правой Государь всея Руссии* отчичъ и дѣдичъ и инымъ многимъ землямъ отъ сѣвера и до востока Государь [СГГД (5): 12, № 22; Сб. РИО (41): 161, № 36]⁵.

Салтану великому Царю: *межи Бесерменскихъ Государей, великой еси Государь*, надъ Турскими и надъ Азямскими Государи воленъ еси, польской и морской Государь еси, Салтанъ Баязить Величеству твоему. Иоаннъ, Божіею милостію *единъ правой Осподарь всей Руссии* вотчичъ и дѣдичъ и инымъ многимъ землямъ отъ сѣвера и до востока Государь [СГГД (5): 13, № 23; Сб. РИО (41): 162, № 36]⁶.

Слово *бесерменский* означает ‘мусульманский’. Противопоставление *правого господаря* и *бесерменского господаря* отвечает, таким образом, противопоставлению православного и мусульманского (или христианского и нехристианского) правителя. В дальнейшем, как мы увидим, слово *правый* в государевом титуле заменяется на *православный* (см. ниже, § 1.3).

§ 1.2. В качестве православного государя (господаря) Иван III именуется *отчичем* и *дѣдичем* задолго до того, как это выражение вошло в его титул. Так его называет митрополит Филипп I в послании в Новгород (22 марта 1471 г.), убеждающем новгородцев сохранять православие, соблюдая верность великому князю московскому как своему *отчичу* и *дѣдичу*. То и другое оказывается прямо и непосредственно связанным; признание Ивана III *отчичем* и *дѣдичем* выступает здесь как условие правильного (православного) вероисповедания. Ср.:

Вѣсте, убо, сынове, и по святымъ писаніемъ добръ разумѣте о сихъ, како въ началѣ святое крещеніе и вѣру православія пріяли есте отъ сущаго въ насъ и равного Апостоломъ боговѣнчаннаго великого князя Владимира, въ немъ же благочестіи неподвижно пребываемъ, доколѣ и Богъ повелить; а святая великая наша зборная церкви православія, Богомъ съблюдаема, якоже солнце сіяше благочестіемъ

⁵ Аналогичная инскрипция и интитуляция (обращение и самонаименование) в послании Ивана III к Менгли-Гирею от 16 июня 1493 г. [Сб. РИО (41): 184, № 41].

⁶ Восточных правителей, как и русских князей, называли *господарями*, а не *государями*; слово *государь* в цитированных сейчас посланиях к хану Менгли-Гирею и султану Баязету, несомненно, принадлежит публикаторам (ср. выше, примеч. 3). В записках Маржерета (1607 г.) сообщается, что русские называют турецкого султана «*великим господарем Турским*» (*Veliqui Ospodartursk*) [Margeret 1855: 8–9].

въ всѣхъ русскихъ земляхъ, истиннаго нашего великаго православія, *отчины* господина и сына моего великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, вашего господина, *отчича и дѣдича*. «...» И вы, сынове, смиритесь подѣ крѣпчюю руку благовѣрнаго и благочестиваго государя русскихъ земель, подѣ своего господина подѣ великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, по великой старинѣ вашего *отчича и дѣдича*... [РИБ (6). Стлб. 723, 730, № 102] (ср. фрагмент этого послания: [СГГД (2): 24, № 18] — с неверной датировкой)⁷.

Речь идет о наследственных прерогативах московского великого князя как *отчича и дедича*, которые определяют религиозную принадлежность на подвластных ему территориях. Все это ближайшим образом напоминает *род правых*, о котором говорится в Псалтыри: «Сильно на земли будетъ сѣма его, родъ правыхъ благословится» (Пс. 111:2); не исключено, что к этому источнику восходит слово *правый* в титуле Ивана III⁸. Именно на этом основании государь всея Руси может вмешиваться в дела церкви. Так, апеллируя к своим наследственным правам — к отцовскому и дедовскому обычаю, — Иван III меняет порядок избрания и поставления новгородских архиепископов⁹; дру-

⁷ В более ранней увещательной грамоте к новгородцам (начало 1471 г.) митрополит Филипп писал: «Вѣдаете, сынове, сами, от коликихъ временъ Господари православные, Великие Князи Русьские почались: Великий Князь Володимѣрь, познавши православную истинную христианскую вѣру и крестивши всю Рускую землю святымъ крещеніемъ, и опослѣ его сынъ его Ярославъ, и потомъ Всеволодъ, Великий Князь Александръ, и до Великаго Князя до Дмитрея Ивановича, и до Великаго Князя Василья, и до нынѣшняго Господаря до господина и сына моего Великаго Князя Ивана Васильевича; отъ тѣхъ мѣсть и до сѣхъ мѣсть они естъ Господари Христианстїи Рустїи и ваши господа, *отчичи и дѣдичи*, а вы ихъ *отчина* изъ старины, мужи волные» [АИ (1): 512, № 280]. Ср.: «...отъ своего господина, *отчича и дѣдича*, отъ христианскаго Господаря Рускаго, отступаете «...» да приступаете «...» къ чужему к Латыньскому Господарю къ Королю» [Там же: 513].

⁸ См. в этой связи наблюдения А. Золтана [2014: 62, 72] о роли духовенства в формировании государственного титула.

⁹ После покорения Новгорода летом 1471 г. новгородцы обещают впредь ставить избранного ими архиепископа только в Москве [ГВНП: 46, № 26; ААЭ (1): 99, № 91; договорная грамота от 11 августа 1471 г.]. Иван III говорил новгородцам: «Что *отчина* моя, Великий Новгород, прислали ко мнѣ бити челомъ о томъ, что взял Богъ отца их, а нашего богомолца, архиепископа Иону, а избрали себѣ по своему обычаю по жребию священноинюка Феофила, и яз их, князь великий, и жалую и того нареченного Феофила, и велю ему быти к собѣ на Москву и къ отцу своему митрополиту Филиппу, стати на архиепископию Новагорода и Пскова безо всякихъ зацеповъ, но по прежнему обычаю, какъ было при отцы моемъ, великомъ князи Василье, и при дѣдѣ, и при прадѣдѣ моемъ, и прежде бывшихъ всѣхъ великихъ князей, их же родъ есмы, Володимѣрскихъ и Новагорода Великаго и всея Руси» [ПСРЛ (27, 1962): 129]. Перед тем новгородские владыки совсем не всегда ставились в Москве (см. в этой связи: [Успенский 1998: 299–302]).

В дальнейшем Иван III меняет новгородскую практику избрания архиерея. Ранее новгородские архиепископы избирались в Новгороде по жребию. В 1483 г. по распоряжению Ивана III архиепископ Феофил был смещен, и следующий архиепископ, Сергей, был прислан в Новгород из Москвы; при этом он был избран в Москве по жребию, согласно новгородской традиции (хотя процедура избрания при этом отличалась от новгородской). На этом практика избрания новгородского архиепископа по жребию заканчивается: начиная с Геннадия Гонзова (1484–1504), новгородские архиепископы избираются митрополитом, а затем патриархом, так же как и все прочие архиереи Московского государства [Успенский 1998: 302–303].

Московские великие князья рассматривали Новгород как свою *отчину* и *едину*, ср. послание митрополита Ионы новгородскому архиепископу Евфимию II (1453–1458): «Благосло-

гими примерами являются поставление и смещение митрополита Зосимы (см.: [Успенский 1998: 56–57] и вмешательство в обрядовые вопросы (спор с митрополитом Геронтием при освящении Успенского собора в 1479 г., см.: [Успенский 2006: 117–159]).

В сущности, по той же логике Иван Грозный обвиняет затем князя Андрея Курбского в измене православию, поскольку тот оставил православную землю и стал служить иноземному (инославному) государю:

...не токмо свою едину душу, но и своих прародителей души погубил еси, понеже Божиим изволением деду нашему, великому государю, Бог их поручил в работу, и они, дав свои души, и до своей смерти служили, и вам, своим детям, приказали служити деда нашего детям и внучатам. <...> Тако ли убо навекл еси, христианин будучи, христианскому государю подобно служити? [Переписка 1981: 15]¹⁰.

Православный человек, говорит Иван Грозный, должен жить в православном государстве, возглавляемом православным государем; истинное православие определяется наличием православного царя, который обладает наследственными правами на престол¹¹. Так же, по-видимому, полагал и Иван III.

§ 1.3. После Ивана III выражение *един правый государь (господарь)* становится устойчивым компонентом титула великого князя в сношениях с Востоком, причем клаузула *отчич и дедич* опускается. Эта клаузула появляется впоследствии в царском титуле, когда, в свою очередь, выходит из употребления формула *един правый государь (господарь)*.

Так, у сына и внука Ивана III, великих князей Василия III и Ивана IV (до венчания на царство в 1547 г.), мы встречаем сокращенный титул *един правый государь (господарь) всея Руси* (без клаузулы *отчич и дедич*). Этот титул используется теперь в сношениях с православным Востоком, т. е. с монастырями и православными правителями, находящимися на территории

вание Ионы, митрополита Киевского и всея Руси, о Святем Дусе возлюбленному сыну и брату нашему и съслужебнику нашего смирения, архиепископу Великого Новгорода, *отчины дедины* великого государя, и о Святем Дусе возлюбленного сына нашего смирения и благоверного великого князя Василья Васильевича, боголюбивому владыце Евфимью» [Плигузов 2008: 162, № 35]. Напротив, новгородцы могли считать новгородские земли своей собственной *отчиной и дединой*, т. е. независимой и самостоятельной территорией. Новгородский летописец передает под 1398 г. обращение веча к архиепископу: «не можемъ, господине отче, сего насилья терпети от своего князя великого Василья Дмитриевича, оже отнять у святей Софеи и у великого Новгорода пригороды и волости, *нашу отчину и дедину*» [ПСРЛ (3, 2000): 391].

¹⁰ И сам Курбский называет Русь *землей Божией*: «всего лишен бых и от земли Божия тобою туне отогнан бых» (Первое послание к Ивану Грозному [Переписка 1981: 8, ср. 9]). В «Истории о великом князе Московском» он говорит о «Святоруской земле» [Курбский 1914. Стлб. 216, 267, 271, 305, 306], «Святоруском царстве» [Там же. Стлб. 262], «империи Святоруской» [Там же. Стлб. 305, 308]. Православие, сохраняющееся на Руси, противопоставляется здесь полуверию или маловерию жителей страны, куда ему пришлось бежать [Там же. Стлб. 343, 346]. О «Святоруской земли» говорится и в Третьем послании Курбского к царю [Переписка 1981: 110].

¹¹ В свою очередь, ливонцы считали русского царя «наследственным врагом всего христианства» (*erbfeindt gemeiner Christenheit*) (письмо жителей Ревеля датскому королю Фредерику II, 1560 г. [Scherbacev 1915: 149, № 76]).

Османской империи; здесь, возможно, отражается понимание эпитета *правый* в великокняжеском титуле как 'православный'. Таковы послания Василия III в афонские монастыри, на Синай и в артский деспотат:

Беликии г^дрь Василен, Бж^ею млт^ию *единъ правый г^дрь всеа Рус^и*, и ины^и многи^и земля^и В^осточны^и и С^вверны^и г^дрь... (послания проту Святой горы 1515 г. [Каштанов, Столярова 2004: 157, № 39; СГД (5): 68, № 68]; ему же 1515 г. [Каштанов, Столярова 2004: 158, № 40]; игумену Синайской горы 1519 г. [Там же: 163, № 45]; деспоту артскому и сербскому 1519 г. [Там же: 164, № 46]).

Ср. ответное обращение к Василию III иноков афонского Пантелеймонова монастыря (1516 г.):

млт^ию Бж^ею единому самодержавному правому г^дрю все^и землямъ Рускыи^и, Восточны^и и С^вверны^и... [Там же: 127, № 2].

Совершенно так же жалованная грамота великого князя Ивана IV (будущего царя) Пантелеймонову монастырю 1543 г. начинается словами:

Мы, великий государь Иван, Бож^ею милост^ию *един правый государь всеа Рус^и*, и инымъ многимъ землямъ восточным и с^ввернымъ государь... [Акты юридического быта (1). Стлб. 128, № 40]¹².

Ср. затем послание к царю афонских иноков (Хиландарского монастыря) 1548 г.

...бл^гоу^тивому и х^олюбивому и самодержавному, великому ц^рю Московскому, единому правому г^дрю, б^лгом^у ц^рю Восточны^и и С^вверны^и страна^и, и все^и православны^и х^рт^ианомъ, наипаче же на^и, гр^ѣшны^и б^гомолец^и, ц^рь и г^дрь, сл^нцу х^рт^ианскому, с^ияющу на Востокъ и С^вверъ, и озирающу всю по^лс^лн^нч^ную... [Каштанов, Столярова 2004: 182, № 65; Муравьев 1858: 62]¹³.

То, что Василий III не именовал себя *отчичем* и *дедичем*, по-видимому, не случайно: когда к нему перешла власть (это случилось еще при жизни Ивана III), как *отчичем*, так и *дедичем* мог по праву считаться Дмитрий Иванович, сын великого князя Ивана Ивановича Молодого и внук Ивана III, венчанный на великое княжение в 1498 г. (см. подробнее ниже, § IV.2)¹⁴. Дмитрий Ива-

¹² Слово *царь* здесь не упомянуто, поскольку грамота была написана до венчания Ивана Грозного на царство.

¹³ О наименовании русского царя *белым царем* см.: [Успенский 1996/1994: 412–414, примеч. 29–31; Трепавлов 2017: 41–69]; к названным здесь источникам следует добавить [Рейтенфельс 1905: 77]. Ср. начало грамоты сибирского хана Кучума к Ивану Грозному (1570 г.), содержащая инвокацию, интитуляцию и инскрипцию: Б^гъ богатъ. Болнои ул^къ Кочюмъ Ц^рь, Великии Князь Б^лон Ц^рь [СГД (2): 52, № 42]; другая его грамота (1571 г.) открывается инскрипцией: Кр^тьянскомъ Б^лому Ц^рю ї Великому Кн^зю Ивану Васильевичу всеа Р^ус^и [Там же: 63, № 45].

¹⁴ Василий III фактически управлял государством, по-видимому, с 1503 г., еще при жизни Ивана III. Весной 1502 г. Иван III положил опалу на своего внука Дмитрия Ивановича и «пожаловал сына своего Василиа, благословилъ и посадилъ на великое княжение

нович умер в 1509 г. (возможно, насильственной смертью), когда Василий III давно уже занимал великокняжеский стол. Характерно, что, став полновластным правителем Русского государства, Василий III не венчался на великое княжение (см. § IV.3); точно так же он не называл себя *отчичем и дедичем* (как, вероятно, он мог бы себя называть, если бы он прямо унаследовал власть своего отца). Усеченный великокняжеский титул (без *отчича и дедича*) перешел затем к сыну Василия III, великому князю Ивану Васильевичу, будущему царю Ивану Грозному; впоследствии эти слова появляются уже в царском титуле последнего.

После венчания Ивана Грозного на царство выражение *един правый государь (господарь)* исчезает из титула¹⁵. Исключением является грамота игумену Пантелеймонова монастыря от 30 мая 1554 г. со словами *царь и единъ правый государь*¹⁶; однако уже в грамоте, выданной на следующий день тому же адресату¹⁷, фигурирует другое выражение: *царь и великий князь*. Ср.:

Мы, великий гдѣрь Іва", Бжїею млтїю цѣрь ї единъ правый гдѣрь всеа Русїи, и инымъ многимъ землямъ Восточнымъ и Сѣвернымъ гдѣрь ї великий князъ... [Каштанов, Столярова 2004: 195, № 77].

Бжїею млтїю, цѣрь и великий князъ Іва" Басиѣви" всеа Русїи... [Там же: 195, № 78].

Вместе с тем в грамотах турецкому султану Сулейману 1549–1551 гг. выражение *един правый государь* преобразуется в титуле Ивана Грозного в формулу *един православный царь*:

Володимерское и Московское и всеа Руси самодержцом» [Иоас. лет.: 144]; в следующем, 1503 г. Василий III принял бразды правления государством. См. подробнее: [Лаврентьев 2014: 98–102].

¹⁵ Еще раньше это выражение исчезает из грамот Василия III, где последний именует себя *царем*. Ср. послание императору Максимилиану I (1514 г.): «Мы, великий гдѣрь Василей Божїею милостию. царь и гдѣрь всеа Русїи и великий князъ...» [Santifaller 1949: 53, прилож., № 34; СГГД (5): 66, № 67]; такой же титул в посланиях императору Карлу V (1521 г.) [Лобин 2013: 135, № 1] и папе Клименту VII (1526 г.) [Глушаклова 1974: 128, № 1], ср. близкий вариант титула в посланиях великому магистру Альбрехту (1515 г.) [Лобин 2012: 147, 149, № 3, 5]. На золотой печати, приложенной к грамоте 1514 г., значится: Великий Господарь Василей Божїею Милостию Царь и Гдѣрь всеа Русїи і Великий Князь Володимерьски, Московскї, Новгородскї Псковскї Тверски и Югорски и Пермьскї и многихъ земель господарь [Снимки 1880, № 2]. Вопреки утверждениям исследователей (см., в частности: [Соловьев 1959–1966 (3): 303, ср. 145; Агоштон 2004: 10–13]), Василий III называл себя *царем* не только в посланиях за границу; он именуется таким образом в жалованных грамотах псковским монастырям (1510 г.) (см.: [Каштанов, Робинсон 1961: 252, 255]).

¹⁶ Это исключение имеет объяснение. Грамоте от 30 мая 1554 г. предшествовало челобитие Пантелеймонова монастыря (мая 1554 г.), где говорилось, что в полученных монастырем проезжих грамотах не обозначен царский титул; монастырь просил эти грамоты переписать: «И государь бы ихъ пожаловал, велел те ихъ грамоты переписати и написати в нихъ велель свое цареву имя» [Каштанов 2004: 33, со ссылкой: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 74]. В результате в ответной грамоте царя перед словами *единъ правый государь* появляется слово *царь*.

¹⁷ В первой грамоте игумен Пантелеймонова монастыря назван Гавриилом, во второй Геннадием, но это, скорее всего, недоразумение.

Беликѣи гѣдрь Ива", Бжѣю млѣтью еди" правосла"ныи црѣ всеа Русѣи, и ины" многи" земля" Восточны" и Сѣверны" гѣдрь... [Там же: 171, № 53 (1549 г.); 191, № 71 (1551 г.)].

Бжѣи велѣ"е", великѣи гѣдрь Ива", Бжѣю млѣтью еди" православныи црѣ, по-велите" всеа Русѣи, и ины" многи" земля" Восточны" и Сѣверны" гѣдрь... [Там же: 187, № 67 (1550 г.)].

Позднее в посланиях польскому королю Сигизмунду Августу, написанных от имени бояр (1567 г.), Иван Грозный называет себя *государем правым христианским*, при том что это выражение не входит в его титул: «И он, как есть государь правый, христианский...»; «А государь наш, как есть государь правый, христианский, сияя во благочестии...» [Иван Грозный 1951: 244, 251].

Итак, с появлением слова *царь* в государственном титуле опускаются слова *един правый государь (господарь)*. Вместе с тем в нем появляются слова *отчич* и *дедич*. Если в великокняжеском титуле Ивана III клаузула *отчич* и *дедич* была привязана к наименованию *един правый государь (господарь)*, то в царском титуле его внука эта клаузула приобретает самостоятельное значение и обрывается собственными атрибутами.

II. *Отчич* и *дедич* в царском титуле Ивана Грозного: концепция коренного (природного) государя

§ II.1. Слова *отчич* и *дедич* появляются в полном титуле Ивана Грозного; они сопровождаются словами *наследник* и *обладатель*. Слово *наследник* повторяет и усиливает содержание слов *отчич* и *дедич*¹⁸; слово *обладатель* служит для выражения абсолютной власти: *обладатель* значит здесь не что иное, как 'обладатель власти'¹⁹. Все сочетание в целом означает наследственного властителя; при этом наименование *дедич* подразумевает просто наследственную власть, а *отчич* — власть, полученную от отца. Так, в послании Ивана Грозного шведскому королю Юхану III (1572 г.) полный титул русского царя заканчивается словами:

...и инымъ многимъ землямъ восточнымъ и западнымъ и сѣверным
отчича и *дѣдича* и *наслѣдника* и *облаадаателя* [РИБ (22). Стлб. 31–32, № V; Иван Грозный 1951: 144].

Почти такой же титул фигурирует и во втором послании Ивана IV Юхану III (1573 г.) [РИБ (22). Стлб. 35, № V; Иван Грозный 1951: 148], но слова и *облаадаателя* в конце титула здесь отсутствуют.

¹⁸ Ср. в словаре Спарвенфельда 1684–1705: «Наслѣдникъ: дѣдичъ, отчичъ, стяжатель, державца. Haeres (...) possessor, qui defuncto succedit in jus univrsum quod habebat» [Sparwenfeld 1987–1990 (2): 204, № 3928]. Георгий Давид в сочинении «Status modernus Magnae Russiae seu Moscoviae» (1690 г.) и И. Г. Корб в описании путешествия в Московию в 1688–1699 гг. переводят выражение *отчичъ* и *дѣдичъ* в царском титуле как «paternus et avitus haeres» [David 1965: 76; Korb 1700: 2].

¹⁹ О значении слова *обладатель* в царском титуле, его сакрализации и особом правописании мы подробно говорим в другом месте [Успенский 2020].

Выражение *отчич и дедич, и наследник, и обладатель* появляется в царском титуле в эпоху Ливонской войны после завоевания Лифляндии, которая объявляется наследственной вотчиной русского царя²⁰. Вместе с тем это выражение отвечает идее природного государя, сформулированной Иваном Грозным в полемике со своими недругами, королями Польши и Швеции. В своих посланиях Иван Грозный настойчиво подчеркивает, что он является подлинным («коренным») государем, государем по своей природе, противопоставляя себя правителям, которые не получили власть по наследству, а были избраны: естественный порядок получения власти, установленный самим Богом, противопоставляется при этом людскому желанию. Так, в послании польскому королю Стефану Баторию (1581 г.) он называет себя «царем и великим князем всеа Русии <...> по Божью изволенью, а не по многмятежному человек хотенью» ([Иван Грозный 1951: 213], ср. Гал. 1:1). В другом послании (1579 г.) Иван Грозный писал Баторию:

...Господь <...> поставляет и царя и князя и властеля во вся страны и дает власть ему же хочет. И никто же приемлет честь о себе, токмо званный от Бога приемлет. <...> Государствуем от великаго Рюрика 717 лет, а ты вчера на таком великом государстве. В своем роду первое [т. е. впервые в твоём роду] тебя по Божей милости обрали народи и ст[р]аны королевства Польскаго, да посадили тебя на те государства устраивати их, а не владети ими. А они люди во свое[й] повольности, а ты им на маистате все земли присягаешь, а нам всемогущая десница Божия дала государство, а от человек ниhto же, и Божиею десницею и милостию владеем своим государством сами, а не от человек приемлем государство. Разве сын от отца отеческое наследие по благословению приемлет самовластно и самодержавно? [Уо 1972: 360–361].

Особенно выразительна в этом отношении — как по содержанию, так и по форме — речь Ивана Грозного к литовским послам в начале Ливонской войны (1558 г.):

...занеже Божіих овецъ пастырство вручено намъ есть отъ Бога, а не на емническое, занеже, по Божью слову, всякъ пастырь душу свою полагаетъ о овцахъ и иныхъ въ паству привести желаетъ <...> и будетъ едино стадо и единъ пастырь [Ин. 10:16] [Сб. РИО (59): 580, № 37].

²⁰ В послании кн. Александру Полубенскому (1577 г.) Иван Грозный говорит: «Нашия честныя царские заповеди слово то, что не от коликих лет Лифлянская земля отчина наша от великого Ярослава...» [Иван Грозный 1951: 202]. Он называет себя *государем отчиннымъ земли Лифлянскіе* [РИБ (22). Стлб. 31, 75, № V, X; ПДС (1): 585, 615, 621, 639, 652] или *государем отчинные земли Лифлянскіе* [ПДС (1): 491], ср. *гдѣрь отчинный обладатель земли Ливлянскіе немѣтцкогго чину* [Щербачев 1893: 111, № 409 (365); ср. Переписка 1981: 103] и т. п. Ср. печати Ивана Грозного 1562 г. (повелите^а і гдѣрь Ливонскіе земли) и 1583 г. (повелитель и гдѣрь земли Ливонскіе) [Снимки 1880, № 12, 19].

Этот текст заканчивается словами Христа из Евангелия от Иоанна; говоря устами евангелиста, Иван Грозный уподобляет себя Христу, а Российское царство — Церкви Христовой.

То же говорится в послании Ивана Грозного королю Сигизмунду Августу, написанном от имени кн. М. И. Воротынского (1567 г.):

...потому ты своим паном и послушен, что есте не коренные государи <...> Подобае[т] [вам] панов своих послушывати, зан[е]же есте государи не коренные, а наши великие государи <...> от Августа кесаря, обладающего всею вселенною, и брата его Пруса и даже до великого государя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя, его царьского самодержьства, все государи самодержьцы, и ниhto же им ничем не может указу учинити и волны добрых жаловати, а лихих казнити; а ты по делу не волен еси, что еси посаженной государь, а не вотчинной, как тебя захотели паны твои, так тебе в жалованье государьство и дали [Иван Грозный 1951: 260]²¹.

Сигизмунд Август, в частности, попрекается тем, что он не получил власть непосредственно от своего отца, Сигизмунда I Старого, а стал королем по инициативе своей матери, королевы Боны Сфорца²². Ср. наказ посланнику в Польшу Федору Васильевичу Вокшерину (1554 г.):

Да память Оедору. Нѣчто ему учнуть говорити: напередь сего государи московские отъ многих лѣтъ писались великими князи, а нынѣ государь которымъ обычаемъ пишетца царемъ? И Оедору говорити: государь нашъ учинился на царствѣ по прежнему обычаю, какъ прародитель его, великій князь Владимир Маномахъ вѣнчанъ на царство Русское, такъ и государь нашъ вѣнчался на свои государства; а нынѣ государю нашему Богъ далъ къ его государству великіе два мѣста царскіе, на которыхъ государствахъ и вѣчно цари же были [имеются в виду царства Казанское и Астраханское]; и что государю нашему

²¹ Ср. во втором послании Ивана Грозного Юхану III (1573 г.): «Мы от Августа Кесаря родством ведемся, а ты усужаешь нам противно Богу...» [Иван Грозный 1951: 158]. Притязания Рюриковичей на генеалогическую связь с императором Августом восходят к «Посланию» Спиридона-Саввы (первая четверть XVI в.) и к созданному на его основе «Сказанию о великих князьях Владимирских» (первая половина XVI в.) (см.: [Дмитриева 1955: 162, 175, 188–189, ср. 197, 208]). Еще ранее, в чине коронования Дмитрия-внука (1498 г., см. ниже, § IV.2) в качестве наследственных регалий московских князей фигурирует чаша Августа, которая выступает как знак царского достоинства; позднее, наряду с шапкой Мономаха, она упоминается во вступлении к чинам венчания Ивана Грозного и Федора Ивановича [Дмитриева 1955: 183–184, 194].

Первоначально утверждалось, что Рюрик, родоначальник Рюриковичей, происходит от легендарного Пруса, брата императора Августа (см.: [Дмитриева 1955]). Впоследствии, однако, Рюриковичи возводят свой род непосредственно к Августу. Ср. слова патриарха Иосифа в чине венчания на царство Алексея Михайловича (1645 г.): «Изыде Великих Государей, Царей Росіискихъ корень, и самодержавствовали въ величїѣ Росїи отъ превысочайшего перваго Великого Князя Рюрика, еже ото Августа кесаря обладающаго всею вселенною» [ДРВ (7): 260].

²² Королева Бона Сфорца добилаь избрания Сигизмунда Августа на польский престол и его коронации в 1531 г. при жизни Сигизмунда I Старого. Сигизмунд Август был соправителем своего отца до смерти последнего (1548 г.).

Богъ даль, то у насъ кто возметь? А ваши государи и неизвѣчные короли, да досталось место королевское по женѣ, и они нынѣ короли зовутца и пишутца, и то у нихъ отняти же ли? что кому Богъ даль, тотъ то и держить [Сб. РИО (59): 452, № 29]²³.

Итак, польские и шведские короли, власть которых определялась не наследственными прерогативами, а избранием на престол, не могли считаться *отчичами*. Уязвленный выпадами Ивана Грозного, шведский король Юхан III указывал, что не только сам он, но и его родители (Густав I Ваза и Маргарита Лейонхувуд) были коронованы. В ответ царь писал (в 1573 г.):

А то правда истинная, а не ложь, что ты мужичей родъ, а не государственной. А пишешь къ намъ, что отецъ твой венчанный король, а мати твоя также венчанная королева, — ино то отецъ твой и мати твоя и венчанныя, а дотолѣ не бывалъ ни кто, уже такъ сказываеши государственной родъ. И ты скажи, отецъ твой Густавъ чей сынъ, и какъ дѣда твоего звали, и гдѣ на государстве сидѣлъ, и с которыми государи былъ въ братстве, и которого ты роду государственного? Пришли родству своему писмо, и мы по тому разсудим [РИБ (22). Стлб. 41, № V; Иван Грозный 1951: 153].

Как видим, Иван Грозный отказывает своему оппоненту в праве быть не только *отчичем*, но и *дедичем*.

§ II.2. Обосновывая свое собственное право быть *отчичем*, Иван Грозный в посланиях за границу называет своего отца (Василия III), в отличие от деда (Ивана III), *царем*. Так, в послании Стефану Баторию (1581 г.) говорится:

Также и к деду нашему, блаженные памяти *великому государу Иоанну*, и к отцу нашему, блаженные памяти к *великому государу Василью, царю всея Руси*, и к нам многіжда присылали бити чолом... [Иван Грозный 1951: 226–227].

Ср. в послании кн. Александру Полубенскому (1577 г.):

...и прадеду нашему *великому государю и царю Василью* и деду нашему *великому государю Ивану* и отцу нашему *великому государю и царю всея Руси блаженные памяти Василию* присылавали неоднократно бити челом... [Там же: 203]²⁴.

Соответственно, в Первом послании Курбскому (1564 г.) читаем:

²³ Легенда о венчании на царство Владимира Мономаха восходит к «Посланию» Спиридона-Саввы и «Сказанию о великих князях Владимирских» (см.: [Дмитриева 1955: 159–170, 165, 177, 191]). На основании этой легенды наследственные реликвии московских великих князей, шапка и бармы, стали ассоциироваться с именем Владимира Мономаха (ср. ниже, § IV.3).

²⁴ Любопытно, что *царем* именуется в данном случае как Василий III, так и Василий II (в отличие от Ивана III).

...не восхотехом ни под ким же царства, но Божиим изволением и прародителей своих и родителей благословением, яко же родихомся *в царствии*, тако и воспитахомся и возрастохом и воцарихомся Божиим велением и прародителей своих и родителей благословением свое взяхом, а чюжаго не восхотехом [Переписка 1981: 12–13]²⁵.

Отец Ивана Грозного, как уже упоминалось не был венчан на царство (ср. ниже, § IV.3), и сам Иван Грозный связывал свой царский титул именно с рядом венчания на царство²⁶. Тем не менее, в переписке с Польшей он считал нужным указывать, что он унаследовал этот титул от своего отца — это отвечало позднему определению *отчич* в его титуле²⁷.

III. *Отчич и дедич* в титуле царя Алексея Михайловича («отчич и дедич» и византийское наследие)

§ III.1. Сочетание *отчичь и дедич*, и *наследник*, и *обладатель*, появляющееся в царском титуле Ивана Грозного, приобретает особые коннотации как выражение легитимности русского царя и прерогатив царской власти. При этом отнюдь не все цари могли именоваться таким образом. Так мог еще называться сын Ивана Грозного, царь Федор Иванович, ср. его послание афонскому Хиландарскому монастырю 1585 г.:

...и инных многих государств государь, Восточных, и Западных, и Северных, *отчичь*, и *дедичь*, и *наследник* [Каштанов 2004: 36; 1997: 132].

Последующие русские цари так называться не могли — вплоть до Алексея Михайловича, который после почти полувекового перерыва вновь называет себя *отчичем и дедичем*. Так, Борис Федорович Годунов, не будучи ни княжеского, ни царского рода, никак не мог претендовать на это наименование. *Отчичем*, по-видимому, не мог считаться и Лжедмитрий: хотя он называл себя сыном Ивана Грозного, он не унаследовал власть своего отца; он мог считаться только *дедичем*, и, действительно, как Лжедмитрий I, так и Лжедмитрий II

²⁵ Ср. во Втором послании к Курбскому (1577 г.): «Яз восхищенъ ли, или ратью, или кровью сел на государство? Народилъся есми Божиим изволением на царстве; и не мною [т. е. не помню] того, как меня батюшка пожаловал благословил государством, да и взрос есми на государстве» [Переписка 1981: 104].

²⁶ Так, послание Ивана Грозного к шведскому королю Юхану III 1573 г. заканчивается словами: «Писано в нашей вотчинѣ Лиолянскіе земли города Пайды лѣта 7081-го мѣсяца генваря в 6, индикта 1-го, государства нашего 40-го, а царств наших Россійского 26-го, Казанского 21-го, Астороханского 18-го» [РИБ (22). Стлб. 52, № V], ср. аналогичные концовки в других посланиях: [Сб. РИО (129): 359; ПДС (1): 585, 614, 660]. *Государем* он стал после смерти своего отца (1533 г.), *царем Россійским* — после венчания на царство (1547 г.), *царем Казанским* — после завоевания Казани (1552 г.), *царем Астраханским* — после победы над Астраханью (1555 г.). Астрахань была окончательно завоевана в 1556 г., но Иван Грозный указывает 1555 г.

²⁷ Слово *царь* появляется в титуле Ивана Грозного уже в русско-ливонском договоре 1535 г. (см.: [Каштанов, Баранов 2005: 465]).

именуют себя таким образом²⁸. Равным образом и Василий Иванович Шуйский, как Рюрикович и потомок суздальско-нижегородских великих князей, в принципе мог бы считать себя *дедичем*²⁹, но во всяком случае не был *отчичем*. Власть не перешла к нему от его отца; при его поставлении сообщалось, что он является *по родству братом* царя Федора Ивановича³⁰. Наконец,

²⁸ Они называют себя *Государь и дѣдичь*, по-польски *Pan y Dziedzic*, что соответствует польской титулатуре. Лжедмитрий I называет себя таким образом в грамотах 1604 г., до вступления на царский престол [СГГД (2): 159, 165, № 76, 79], Лжедмитрий II — в грамотах 1608–1609 гг. [Там же: 337–340, 348, 352, 361, 362, № 161–164, 169, 172, 179, 180; ср. Кузнецов, Кулакова 2001: 346–356]. В цитируемых нами изданиях орфография подлинника, как правило, не передается и сокращения раскрываются; единственным исключением является грамота Лжедмитрия I 1604 г., ср. здесь: Дмитрен Ивановичъ, Бжїею мл̃тїю Црѣвїчь великои Рѣсїи, Зглѣтцїи, Дмитровскїи и нїхнѣхъ, Кнѣзѣ ѿ колѣна предковѣ своихѣ и всѣхѣхъ Гд̃рствѣ Московскихѣхъ Гд̃рь и дѣдичѣ [СГГД (2): 159, № 76]; в другом случае слово *Государства* (род. п.) в этой грамоте представлено в полном написании: конѣ часѣхъ доступлю наслѣдственнаго нашего Московскаго Государства [Там же: 160; Золтан 2014: 69]. В отличие от других документов Лжедмитрия I на русском языке, опубликованных в [СГГД (2): 165–167, 195–289, № 79, 87–137], которые основываются на списках и переводах с польского неизвестного происхождения, эта грамота (брачный договор, написанный 25 мая 1604 г. в Самборе), воспроизводит, по-видимому, автограф самозванца (ср. [Ульяновский 1991: 82–84]). Сокращения под титулом в публикации этого текста сохраняются, и это заставляет отнестись с доверием к написанию слова *государство* (не *господарство*!); таким образом, форма Гд̃рь в титуле Лжедмитрия скорее всего должна читаться *государь*, а не *господарь* (ср. выше, примеч. 3).

Данная грамота дошла до нас в двух версиях, дословно соответствующих друг другу: русской и польской; как под русским, так и под польским текстом стоит подпись Лжедмитрия. Есть основания полагать, что польский текст был переведен с русского, а не наоборот. На это может указывать следующая фраза в начале грамоты: «...за призывнемъ Гда Бга всемогущаго, отъ котораго живеть начало и конецъ, а жена и смерть бываеѣтъ отъ негожѣ». Ср. в польской версии документа: «...za przeirzenim Pana Boga wszechmogącego, od ktorego wszitkie rzeczy dobre początki, szrodki y koniecz swoj biorą, a malzonka y smierec naznasona bywa». Выражение *жена и смерть* восходит, по-видимому, к фразеологизму *жизнь и смерть*, ожидаемому в этом контексте; в свою очередь, соответствующий польский текст («a malzonka y smierec naznasona bywa») с глаголом в ед. ч. (*bywa*) выглядит как буквальный перевод с русского. Иначе говоря, ошибка в русском тексте, возникшая под влиянием фразеологического оборота (*larsus linguae*), отразилась в польском переводе.

²⁹ Ср. речь новгородского митрополита Исидора, обращенная к Василию Шуйскому во время его венчания на царство (1 июня 1606 г.): «Тебѣ, великому Государю, довлѣтъ быти на престолѣ прародителей своихъ и вѣнчати царскимъ вѣнцемъ, по древнему вашему царскому обычаю» [ААЭ (2): 105, № 47]. Сам Василий Шуйский еще до венчания на царство (20 мая 1606 г.) писал в Великую Пермь: «Божїею милостию мы великій Государь Царь и Великій Князь Василий Ивановичъ всеа Русїи, щедротами и челоуколюбїемъ славимаго Бога, и за моленїемъ всего осященнаго Росїйскаго собора, и по челоубїю и прошенїю всего православнаго христіанства, учинили есмя на отчинѣ прародителей нашихъ, на Росїйскомъ государстве Царемъ и Великимъ Княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему, Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего Великаго Князя Александра Ярославича Невскаго на семъ Росїйскомъ государствѣ быша прародители мои, и по семъ на Суздальской удѣлѣ раздѣлишась, не отнятіемъ и не отъ неволи, но по родству, яко же обыкли болшая братѣ на болшемъ мѣстѣ сѣдати...» [Там же: 102, № 44].

³⁰ См. соборное послание российских владык кн. Василию Константиновичу Острожскому (июня 1606 г.): «...Великій государь нашъ изъ древнихъ лѣтъ отъ корене великихъ государей царей и великихъ князей Росїйскихъ, отъ великаго князя Рюрика, иже отъ колѣна Августа кесаря Римскаго, и отъ великаго князя Владимера Святославича Кїевского и всеа Русїи, просвѣтившаго Рускую землю святымъ крещенїемъ, и отъ великаго достохвалнаго великаго князя Александра Ярославича, иже многіе побѣды на всѣхъ вразѣхъ своихъ показавшаго, отъ него же великаго государя нашего прародители на Суздальское княженіе

ни *отчичем*, ни *дедичем* не был и Михаил Федорович Романов: в Окружной грамоте Земского собора, оповещающей о его избрании на царство (1613 г.), Михаил Федорович определяется как *племянник* «блаженные памяти Федора Ивановича всея России» [СГГД (3): 13–14, № 4; ср. Титулярник 1672 г. Л. 10]. Слово *племянник* как производное от *племя* может иметь значение ‘родич’ [Сл. РЯ XI–XVII вв. (15): 84], но в данном случае оно означает сына брата: царь Федор Иванович был двоюродным братом Федора Никитича Романова (патриарха Филарета), отца Михаила Федоровича³¹. Расширенное понимание преемственности, сопровождающееся манипулированием терминами родства, как мы видели, имело место уже при поставлении Василия Шуйского.

Вместе с тем при венчании на царство Алексея Михайловича (1645 г.) патриарх Иосиф объявил, что Михаил Федорович перед кончиной велел своему сыну именоваться «отчичем и дедичем и наследником Великого Российского царствія по древнему <...> Царскому чину», т. е. так, как именовались цари Иван Грозный и Федор Иванович. Ср.:

раздѣлишася, якоже обычай въ Російскомѣ государствѣ великихъ государей меншимъ братьямъ на удѣлы садитись, а великому государю царю и великому князю Ѳеодору Ивановичу, всея Русіи самодержцу, великій государь нашъ царь и великій князь Василей Ивановичъ всея Русіи *по родству брать...*» [Доп. АИ (1): 261, № 151].

³¹ Дьяк Федор Грибоедов в «Истории о царях и великих князях земли Русской» (1669 г.), написанной, по мнению исследователей, для детей Алексея Михайловича, говорит о его отце и их деде (Михаиле Федоровиче): «Избранъ бысть на Московское государство царемъ и государемъ благовѣрный и благородный Богомъ избранный и Богомъ помазанный великій государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, *племянникъ, сирѣчь братучадо* блаженного великого государя царя и великого князя Ѳеодора Ивановича всея Русіи» [Платонов, Майков 1896: 40]; о возможном предназначении этого сочинения см.: [Там же: xi–xii]; выражение *братучадо* заимствовано, по всей вероятности, из печатной московской Кормчей 1653 г. (54-е правило Трулльского собора, статья патриарха Сисиния II «О беззаконных браках»; см.: [Кормчая 1653 г. Л. 195, 555 об., 556 об., 561 об., 564 об.]; так передается здесь греч. *ἐξαδελφῆ*, см.: [Троицкий 1929]). Царь Михаил Федорович в послании во Францию герцогу д’Эпернону (d’Ерепнон) и маркизу де Руайаку (de Rouillac) 1613 г. — они именуются «удельными князьями Фионмарконом и Руляком», — сообщая о своем избрании на царский престол, называет Федора Ивановича своим *дядей*: «...дяди нашего Ѳеодора Ивановича, всея Русіи Самодержца, не стало (оставя земное царство отыде в вѣчное блаженство безчаден)» [АИ (3): 5, № 6]; об адресатах этого послания и их связи с Россией см.: [Жордания 1959: 332–370]. В чине венчания на царство Алексея Михайловича (1645 г.) Федор Иванович называется его *дедом* [ДРВ (7): 256–257, 260–261].

По словам С. М. Соловьева, отец Михаила Федоровича, Филарет (в миру Федор Никитич Романов), в 1608 г. был объявлен Лжедмитрием II патриархом всея Руси «из уважения к его родству с мнимым братом своим, царем Феодором» [Соловьев 1959–1966 (4): 516]; о наречении Филарета, митрополита ростовского, патриархом при Лжедмитрии II см.: [Смирнов 1874: 51–52, 127]. Патриарх Филарет приходился родным племянником царице Анастасии, жене Ивана Грозного («*всея Росіи матери*, Великія Государыни Царицы и Великія Княгини Анастасіи Романовнѣ Юрьева», как называет ее царь Михаил Федорович в цитированном послании во Францию, см.: [АИ (3): 7, № 6]. См. еще о том же в извете самозванца Тимофея Акиндинова (Лже-Шуйского) 1646–1647 гг.: «А пр[е]стол его [Василия Ивановича Шуйского] ц[а]рскии вышеимянованной тирановы ц[а]рицы [Анастасии Романовны] племянников с[ы]нъ Михаило митрополитов, от торговых людей роду, злохитрством похитиль» [Дубовик 2010: 156, 167]; Тимофей говорит о Михаиле Федоровиче как о сыне митрополита Филарета (будущего патриарха).

Восприятие царицы Анастасии как «всея России матери» — родоначальницы дома Романовых, благодаря которой они стали царствующей династией, — проявилось в том, что невеста Михаила Федоровича, Мария Хлопова была переименована в Анастасию (1617 г.); когда же брак не состоялся, она вновь стала Марией, см. «Дело о Марии Хлоповой» 1623 г.: «...а нарекли ее царицею, а имя ей дали Настасья» [СГГД (3): 261, № 63].

Егда же судьбами неизреченнаго смотрѣнія Божія приближися кончина лѣтъ благого житія его, и тогда онъ Великій Государь, Царь и Великій Князь Михайль Ѳеодоровичъ, всеа Росіи Самодержецъ, призвалъ меня богомольца вашего и Царскій свой синглитъ, васъ Богомъ дарованнаго и Благороднаго и Богомъ возлюбленнаго сына своего, Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа Росіи, при насъ благословилъ царствомъ и великимъ княжествомъ Владимирскимъ, и Московскимъ, и Новгородскимъ, и царства Казанскимъ, и Астараханскимъ, и Сибирскимъ и всѣми великими и преславными государствами и всѣми хоругви правленія скиѣтра всеа Великія Росіи, и велѣлъ тебѣ сыну своему Великому Государю нашему послѣ себя на царство и на великое княжество помазаться святымъ мѣромъ, и вѣнчаться Царскимъ вѣнцемъ и діадимомъ, сирѣчь святыми Бармами, ими же прародители ваши Великіе Государи вѣнчавшися, и повелѣлъ тебѣ именоваться и въ титулахъ описываться *Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ и отчичемъ и дѣдичемъ и наслѣдникомъ* Великого Россійскаго царствія по древнему вашему Царскому чину [ДРВ (7): 263–264].

Слова умирающего Михаила Федоровича, обращенные к его сыну, приведены в «Царском титулярнике»:

Да тебе же Прелюбезнаго и Дража^аша^а сѣна Своего и наслѣдника Блгословляю Своимъ Црскіи^а престоломъ, Цртвомъ^а і великии^а княствомъ Владимирскимъ, и Московскимъ і Новгороцкимъ. И Цртвы Казански^а, і астараханскимъ і сибирски^а, і всѣми великими і преславными Гдртвы, і всѣми хорд^авми і скифетроправленіи, всеа великия Росіи, іми же а^а самодержавствовахъ. И повелеваю тебѣ іменоватися, і въ титуле описоватися, *Великимъ Гдремъ цремъ і великимъ кнзю^а, і ѡтчичемъ і дѣдичемъ и наслѣдникомъ* всего ншгѡ росіиско-го Цртвина Самодержце^а, по древнемъ ншмъ Црскомъ чинъ [Титулярник 1672 г. Л. 12].

Строго говоря, Алексей Михайлович мог быть только *отчичем*, поскольку унаследовал власть отца, а не своих прародителей. Тем не менее он называется *отчичем и дедичем*, и это открывает возможность нового понимания слова *дедич*.

§ III.2. С восшествием на престол Алексея Михайловича сочетание *отчич и дедич, и наследник, и обладатель* в царском титуле подвергается существенному переосмыслению. Алексей Михайлович очевидным образом стремился уподобиться византийскому императору (см.: [Живов, Успенский, 1996/1987: 221–228])³²; власть, полученная от отца, т. е. наследственные prerogatives на

³² Это проявляется в целом ряде значимых признаков. Так, Алексей Михайлович выписывает из Константинополя яблоко (державу) и диадему, сделанную «против образца благочестиваго Греческаго царя Константина» [Барсов 1883: 138; Бобровницкая, Мартынова 2005: 127, 129, кат. 157, 158, ил.]. Подобно византийскому императору, царь во время венчания на царство начинает причащаться в алтаре по чину священнослужителей (так, как причащаются священнослужители, а не миряне) (см.: [Успенский 2002/1996: 234–238]). Царя начинают титуловать «святым», как это было принято в Византии; до этого так могли назы-

московский престол, позволяла ему считать себя преемником византийских василевсов. В соответствии с таким пониманием выражение *отчич и дедич, и наследник, и обладатель* начинает восприниматься как формула, выражающая иерархическое превосходство русского царя над другими христианскими монархами³³.

Об этом свидетельствует прежде всего иностранная реакция на новый титул царя, которого не было у его непосредственных предшественников.

Так, в 1666–1667 гг. Григория Котошихина спрашивали в Швеции, почему русский царь обращается к христианским монархам как повелитель к своим подданным, именуюя себя *отчичем и дедичем, и наследником, и государем, и обладателем*:

Для чего ц[а]рь московской пишется онъ в хр[и]стианские г[о]с[у]-
д[а]рства полными болшими титулами (от повелителя) <...> *отчичемъ*

вать русского царя или великого князя греческие иерархи, но не сами русские (см.: [Савва 1901: 147; Живов, Успенский 1996/1987: 235–239]). Так же объясняется и эпитет *тшшай-тшшй* при наименовании царя — калька с *γαληνότατος* (= *serenissimus, tranquillissimus*) (см.: [Strakhov 1998: 17–18]). Как подражание деятельности византийских императоров следует рассматривать и издание Уложения (1649 г.), т. е. нового свода законов: введение нового законодательства характерно для многих византийских императоров (Феодосий I, Юстиниан, Лев и Константин) (см.: [Живов 2002/1988: 239–240]).

Показателен в этом отношении «византийский» золотой Алексея Михайловича, где царь изображен с нимбом, держащим державу и скипетр (вопреки обыкновению держава в правой руке, а скипетр в левой!): он был изготовлен по образцу византийской золотой монеты X–XI вв. с изображением Василия III и Константина VIII; при этом имя Василий (*Βασίλειος*) было понято, по-видимому, русскими книжниками не как собственное имя, а как слово *царь*, относящееся к императору Константину, и, соответственно, сама монета была понята в Москве как монета Константина Великого [Спасский 2013/1982: 300, 304, 307]. Константин Великий воспринимался тем самым как прообраз Алексея Михайловича — нового Константина. На иконе «Кийский крест с предстоящими» из Распятской дворцовой церкви Московского Кремля 1656–1658 гг. (ныне в Музеях Московского Кремля, см.: [Древности 1851: ил. 1; Бобровницкая, Мартынова 2005: 133]) святые Константин и Елена изображены вместе с Алексеем Михайловичем и его женой Марией Ильиничной; здесь же изображен коленопреклоненный патриарх Никон, который был, очевидно, заказчиком (ктитором) этой иконы. Икона эта обычно датируется 1670-ми годами или относится к эпохе царя Федора Алексеевича; ее принято приписывать иконописцу Оружейной палаты Богдану Салтанову; ни с датировкой иконы, ни с ее атрибуцией согласиться невозможно (см. в этой связи: [Комашко 2003: 51–52]). Ср. аналогичную икону из Новодевичьего монастыря, которую следует датировать приблизительно 1656 г.; Мария Ильинична держит в правой руку люльку с маленьким царевичем, обращенным спиной к зрителю; по-видимому, это наследник престола, царевич Алексей (см. репродукцию: [Трутовский 1913: 40]). В 1658 г. Никон заказывает две иконы к большому кипарисному кресту Голгофской церкви Воскресенского («Новый Иерусалим») монастыря, которые вместе представляют ту же композицию; у ног Марии Ильиничны здесь изображен пятилетний царевич Алексей (см.: [Переписная книга 1658 г.: 113; Амфилохий 1863. Стлб. 48–52]; прориси этих икон хранятся в музее «Новый Иерусалим», см. репродукцию: [Зеленская 2002: 10]). *Образы* святых (Константина и Елены) объединяются на всех этих иконах с *персонами* живущих людей (царя, царицы, царевича и патриарха).

³³ Ср. речь патриарха Иосифа при венчании на царство Алексея Михайловича (1645 г.): «...воеже быти вамъ Государю на вселеннѣи Царю и Самодержцу Христіанскому и совозсяти яко солнце посреди звѣздъ» [ДРВ (7): 266]. Представление о русском царе как наследнике византийских императоров шло, возможно, от греческого духовенства, ср. послание к царю Федору Ивановичу 1591 г.: «И чтобы Бог подаровал облаадати всюю Вселенною от конца и до конца...» [Посольская книга 1988: 59].

и дѣдичемъ, и наслѣдником и г[о]с[у]д[а]рем и облаадателем, а в бусурманские г[о]с[у]д[а]рства тѣми титлами не пишется. Что есть тому за причина?

На этот вопрос Котошихин отвечал, что царь называет себя так «для славы своей, ни по чему» и что в некоторых странах принято обращаться к царю таким образом из вежливости (поскольку там существует вообще обычай величать друг друга *господином*, а себя именовать *службой*), — притом что страны эти отнюдь не находятся в его подданстве:

...а в ыные г[о]с[у]д[а]рства пишетьца онъ ц[а]рь для славы своеі, ни по чему, а ис тѣхъ г[о]с[у]д[а]рствъ обычаі писатися к ц[а]рю, себя низиті, а его выситі и называтися холопам[и] его, ако і в ыных г[о]с[у]д[а]рствахъ обычаі писаті г[о]с[по]д[и]ну к г[о]с[по]д[и]ну, отдаючи себя слугою поволным. А они [русские] по тѣм ихъ униженным писмамъ разумѣют, бутто и правда тому есть, что они [эти страны] вѣчные подданные, а то нѣсть правда <...>. А хотя на востокѣ и на западе ыные г[о]с[у]д[а]рства и землі есть многіе, однако они ему не поддани, но вовемя против него і войну держать. И тѣмъ всѣмъ многимъ землямъ восточнымъ и западнымъ разумѣтца, что не есть *отчичъ* и *дѣдичъ* и *наслѣдникъ* и *г[о]с[у]д[а]рь* и *облаадатель*, и негораздо тѣхъ двухъ сторонъ г[о]с[у]д[а]рства и землі поддаются ему во облаадателство і в подданство [Котошихин. Л. 56 об.—57]³⁴.

Аналогичную реакцию вызывало рассматриваемое выражение и в других странах. Так, в том же 1667 г. царь Алексей Михайлович и французский король Людовик XIV обменялись дружественными посланиями. В послании Алексея Михайловича был написан его титул, включающий слова *самодержецъ, отчичъ и дедичъ, и наследникъ, и государь, и облаадатель*; в соответствии с дипломатическим протоколом, тот же титул должен был быть использован в ответном по-

³⁴ В этой связи обсуждается вопрос об обращении к карталинским (т. е. картвельским) и грузинским царям, а также к крымскому хану [Котошихин. Л. 56 об., ср. Л. 40].

Одной из причин вопроса, заданного Котошихину, могли быть прецеденты, когда договоры с Швецией и Ливонией ратифицировались не самим государем, а выступавшим от его имени наместником. Так, «во время ратификации договоров в Швеции наместники, а потом и шведский король (в 1527 г.) в присутствии российских послов целовали крест и скрепляли документ своей печатью. Этой процедурой шведский король для российской стороны был приравнен к новгородским наместникам великого князя московского. В результате статус Швеции и Ливонии приравнивался в Кремле к статусу одной из земель, вошедших в состав Российского государства. В 1554 г. предложено для начала шведско-русской войны стал отказ московского государя иметь дипломатические отношения с шведским королем непосредственно, а не через новгородских воевод» [Дзярнович 2006: 292]; см. также: [Хорошкевич 1980b: 167–168]. В 1573 г. Иван Грозный писал шведскому королю Юхану III: «...что ты пишешь свое имя наперед нашего, и то не попригоже, потому что намъ цысарь Римскій братъ и ыныя великія государи, а тебѣ тѣмъ братомъ назватись невозможно, потому что Свѣйская земля тѣхъ государствъ честию ниже <...> А писали есмь по своему самодержеству, какъ пригоже быть, и по твоему королевству, зан[е]же прежь того не бывало, что великимъ государемъ всеа Русіи съ Свѣйскими правителями ссылатись, а ссылались Свѣйскіе правители съ Новымъ городомъ» [РИБ (22). Стлб. 35, 41; Иван Грозный 1951: 148, ср. 149–150, 152–154, 158–159].

слании — при обращении короля к царю. Тем не менее в ответной королевской грамоте (на латинском языке) слова *самодержец, отчич и дедич, и наследник, и государь, и обладатель* были опущены (не были переведены): подлинная грамота короля Людовика не содержала этих слов, хотя в списке, врученном русским послам (на русском языке), они значились. Это несоответствие было замечено, и посланники (стольник Петр Иванович Потемкин и дьяк Семен Румянцев) выразили протест французским властям, заявив о том, что в подлинной королевской грамоте «самые высокие титулы прописаны [т. е. пропущены]»:

Великий государь ваш, его королевское величество к великому государю нашему, к его царскому величеству, любительную свою грамоту и список с той своей королевской грамоты на латинском языке отдал нам из своих королевского величества рук. И в том списке именованье и титулы великого государя нашего, его царского величества, написаны сполна против его царского величества достоинства; а у подлинной грамоты на подписи в первых и великих самых титулах великого государя нашего, его царского величества, написаны не сполна, самые высокие титулы прописаны: «самодержца, отчича и дедича, и наследника, и государя, и обладателя» у той грамоты на подписи не написано. И великий б государь ваш, его королевское величество, велел тое свою королевского величества грамоту исправить, и велел бы в ней великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества, именованье и титулы написать сполна, как великий государь наш, его царское величество, к великому государю вашему, его королевскому величеству, в своей царского величества грамоте писал и как великого государя нашего, его царского величества, все великие государи, христианские и мусульманские, описуют по его царского величества достоинству, что ему, великому государю нашему, от прародителей ево, от великих государей, царей и великих князей российских, Бог дал [Путешествия 1954: 288; ср. ДРВ (4): 529–533]³⁵.

Вообще едва ли не основной задачей посольств, направляемых Алексеем Михайловичем в страны Западной Европы вместе с «любительными» посланиями и дорогими подарками, было подтверждение нового титула русского царя: в ответных грамотах иностранных монархов должен был быть повторен тот титул, который значился в направляемых им посланиях³⁶.

³⁵ Отчасти сходный эпизод случился перед тем (весной того же года) во время посольства П. И. Потемкина и С. В. Румянцева в Испанию; в королевской грамоте на испанском языке, выданной послам, царский титул был написан не полностью [ДРВ (4): 422–432; пагинация в изд. спутана]. В ответ на протест послов было сказано: «У Королевского де Величества с Думными людьми о томъ сидѣнье было, и Королевскія Величества велѣли вамъ сказать, что лучше того никакими мѣрами на Испанскомъ языкѣ написать Граматы не мочно, И Посланники Приставу говорили: Если Королевское Величество не велитъ тое своя Граматы исправить, и вновь переписать, и намъ такія Граматы къ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величеству, не имывать; и Грамату ему отдавали. И Приставъ Граматы не взялъ, а сказалъ что онъ извѣститъ о томъ Королевское Величество» [Там же: 431].

³⁶ В 1655 г. в Москве было получено послание венецианского дожа Франческо Молино, в котором титул Алексея Михайловича был написан недостаточно полно. Царь объ-

Итак, интересующая нас формулировка воспринималась иностранными контрагентами Алексея Михайловича как претензия на абсолютное доминирование в христианском мире. Надо полагать, что такое понимание шло от русской стороны: русский царь был единственным независимым православным государем, т. е. единственным хранителем подлинной христианской веры: православная вера, как это явствовало уже из ее названия, признавалась на Руси единственно правильной. Называя себя *отчичем и дедичем, и наследником, и государем, и обладателем*, русский царь заявлял о преемственном праве на власть в христианском мире. Ранее это наименование определялось наследственным преемством власти по отношению к московским великим князьям, теперь оно определяется преемством власти по отношению к византийским императорам: Алексей Михайлович считал себя преемником византийских императоров, и это определяло его отношение к другим христианским монархам. Поскольку Алексей Михайлович не был *дедичем* в прямом (генеалогическом) смысле этого слова, соответствующие наименования в его титуле приобретают широкий и расплывчатый смысл, начиная означать не столько прародителя, сколько предшественника. В конечном счете речь идет теперь о наследственном праве на власть, которым обладает царь как преемник византийских императоров.

§ III.3. Титульные наименования Алексея Михайловича, обусловленные его притязаниями на преемственность по отношению к Византии, отразились в гербе Российского государства. Так, в 1667 г. появляется указ «О титуле Царском и Государственной печати» [ПСЗ (1): 734–738, № 421], куда вошла статья «Описание печати Российского государства». В ней говорилось:

Под орломъ знак *отчича и дѣдича*; на персѣхъ изображеніе *наслѣдника*; в пазноктѣхъ скипетръ и яблоко и являють милостивѣйшаго Государя Его Царскаго Величества *Самодержца и Обладателя* [Там же: 737–738, № 421]³⁷.

яснил это простым невежеством и не поставил промах в вину своему корреспонденту; в ответной грамоте он писал: «Да в грамоте своей к нам, великому г[о]с[у]д[а]рю, к н[а]шему ц[а]рскому величеству, писали вы н[а]ше ц[а]рского величества имянованье и титуло не по н[а]шему г[о]с[у]д[а]рскому достоинству, не такъ, что нам, великому г[о]с[у]д[а]рю, свыше от Б[о]га дано и какъ мы, великий г[о]с[у]д[а]рь, н[а]ше царское величество, свое г[о]с[у]д[а]рское имянованье и титуло опишем и как к нам, великому г[о]с[у]д[а]рю, к н[а]шему ц[а]рскому величеству, изо окр[е]стных хр[и]стианских и бусурманских государствъ великие г[о]судари цесарь хр[и]стианский и султан турский и шах персидский и иные г[о]с[у]д[а]ри, цари и короли, в грамотах своих пишут с полным н[а]шим г[о]с[у]д[а]рским имянованьем и титулы. Только то мы, великий г[о]с[у]д[а]рь, н[а]ше ц[а]рское величество, положили то на неведение ваше и, показуя к вам н[а]шу г[о]с[у]дарскую дружбу и любовь и чая в том от васъ вперед исправленья, того вам в оскорбленье не положили. И вам бы н[а]ше ц[а]рского величества имянованье и титуло впред к намъ, великому г[о]с[у]д[а]рю, к н[а]ш[е]му ц[а]рскому величеству, писати против того, какъ в сей нашей ц[а]рского величества грамоте выше сего писано» [Карданова 2004: 861].

³⁷ Ср. объяснение печати Российского государства при посылке царских грамот в Бранденбург и Курляндию (4 июня 1667 г.): «Подъ орломъ знакъ: отчича и дѣдича. На персѣхъ его изображеніе: наслѣдника. Въ пазноктѣхъ скипетръ [sic!] и яблоко изъявляютъ: милостивѣйшаго нашего Государя Его Царскаго Величества Самодержца и Обладателя» [СГГД (4): 209, № 57].

См. также позднейшее описание печати в «Царском титулярнике» 1672 г.:

Описание печати Російско^{го} Г^одрства. Орел двое главой есть гербъ державы великого Г^одра Ц^{ар}я і великого князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя і бѣлыя Росіи самодержца его ц^{ар}скаго величества Російског^о ц^{ар}ствія. Надъ которымъ три короны изображены знаменующіе три великіе, Казан^{ское}, Аста^{раханское}, Сибирское, славные ц^{ар}ства, покаряющіися Б^огомъ хранимой высокайшей его Ц^{ар}скаго величества мл^чтивѣишаго Г^одра державъ, и повелѣнію. На правой странѣ орла три града при которыхъ сѣтъ буквы В. М. Б. по описанию в титулѣ, великия, малыя и бѣлыя Росіи. На лѣвой странѣ орла три града своими на^писанными и^зобра^же^ніи восточныхъ западныхъ і сѣверныхъ. Под орломъ знакъ о^тчичъ и дѣдичъ. На персѣхъ изображеніе Наслѣдника. В^ъ пазнакѣхъ скипетръ, и яблоко и^збавляю^т мл^чтивѣишаго Г^одра его ц^{ар}скаго величества самодержца и ов^{ла}дателя [Титулярник 1672 г. Л. 70].

Речь идет о символике двуглавого орла как герба Российского государства: *самодержца*, т. е. *государя*³⁸, изображал скипетр, *обладателя* — яблоко (держава)³⁹, тогда как *наслѣдника* представлял ездец-змееборец, изображенный на груди орла (всадник, поражающий копьем змея, традиционная эмблема московских великих князей)⁴⁰. Двуглавый орел определенно ассоциировался при этом с византийским наследием: он понимался как герб константинопольского императора, унаследованный русским царем⁴¹. Неслучайно Котошихин утверждает, что двуглавый орел, в отличие от ездца, не является «истинным» и «прямым» гербом московских государей, т. е. является не природным их гербом, а гербом заимствованным (см. ниже).

³⁸ Слово *самодержец* замещает здесь слово *государь*. Ср. обычное окончание полного царского титула: ...*отчич и дедич, и наследник, и государь, и обладатель*: слова *самодержец* и *государь* предстают в этой части титула как взаимозменяемые наименования.

³⁹ Слово *обладатель* связывается здесь с *державой* (яблоком) как царской инсигнией. Слово *держава* в этом значении появляется в середине XVII в.; *обладатель* выступает при этом как *держатель* власти (см.: [Успенский 2020: 167]).

⁴⁰ Слово *ездец* как обозначение всадника на коне (позднее к нему прибавляется изображение змея и он становится всадником-змееборцем) — термин, принятый в русской геральдике, см.: [Сл. ц.-сл. и рус. яз. (4). Стлб. 991 (s. v. *ѣздець, -дца*)]. Ср. упоминание этого слова в указах «О государственных печатях и о перемене на оных царского имени» от 29 апреля 1682 г. [ПСЗ (2): 388, № 915; СГГД (4): 414, № 133] и «О сделании новой государственной печати» от 11 марта 1726 г. [ПСЗ (7): 584, № 4850]. См. вообще об этой эмблеме: [Лакиер 1855 (1): 117–118, 120, 128–133, 230–231, § 41, 43, 62; Агоштон 2005: 47–56, 132–136, 318–378; Спасский 1955: 265–270].

⁴¹ Вопрос о происхождении русского двуглавого орла является предметом полемики. Со времен Карамзина утвердилось представление о его византийском происхождении; Карамзин (так же, как до него и Татищев) считал, что Иван III принял гербовую эмблему Византийской империи после женитьбы на Софье Палеолог (1472 г.), «по свойству с царями греческими» [Карамзин 1842–1843 (6). Стлб. 46]. Противники этого мнения указывают, что Византийская империя не знала эмблематики геральдического характера; в противовес мнению Карамзина было выдвинуто предположение о том, что двуглавый орел был заимствован из символики Священной Римской империи [Алеф 2002/1966]. Существовало, однако, что с начала XV в. в Европе бытовало представление о двуглавом орле «императора константинопольского». Миф о двуглавом орле как гербе Константина Великого и отразился в русской государственной эмблематике (см. [Агоштон 2005: 376–447; 2006]. Характерным образом двуглавый орел по сей день красуется на гербе константинопольского патриарха.

Выражение *отчич и дедич*, которое упоминается в «Описании печати Российского государства», не входит в изображение орла, т. е. не изображается на самом гербе, и в геральдических композициях может быть представлено по-разному. Так, на большой государственной печати, приложенной к жалованной грамоте Богдану Хмельницкому и всему войску Запорожскому на принятие их в Российское подданство от 27 марта 1654 г.⁴², под лапами и хвостом орла изображены запорожские казаки, приносящие присягу русскому царю [Снимки 1880: 51, № 50]; именно это изображение, по-видимому, имеется в виду в описании печати 1667 г., т. е. эти группы людей представляют здесь царя как *отчича и дедича* (см.: [Пчелов 2017: 151–153]. В другом случае под орлом изображены воины, охраняющие знамена ([Арсеньев 1908: 284], ср. [Эскин 2007: 30])⁴³. В московской печатной Библии 1663 г., которую открывает изображение герба Российского государства, под орлом помещен план Москвы — иначе говоря, символическое изображение Москвы, представленное в виде плана, — с надписью из Псалтыри: градъ цря великаго (Пс. 17:4); таким образом, царь выступает здесь как *отчич и дедич* Москвы. Судя по всему, актуальный смысл данного выражения менялся в зависимости от ситуации, и это изменение должно было отражаться при изображении герба (но не на самом гербе, а под ним); в результате царь представал как *отчич и дедич* по отношению к разным

⁴² В этой грамоте царь едва ли не впервые именует себя царем «Великия и Малыя Росии». Ср.: «Божією милостію, мы Великіи Государь Царь и Великіи Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя Росіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій <...> и инымъ многимъ Государствамъ и Землямъ восточнымъ и западнымъ и сѣвернымъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и Государь и Обладатель» [СГГД (3): 511–512, № 170]. Ср. сходный титул в жалованной грамоте гражданам городов Киева, Канева и Стародуба от 29 ноября 1665 г. «в подтверждение Магдебургских прав и привилегий, дарованных оным городам Королями Польскими» [СГГД (4): 163, № 44]; царь называет себя здесь царем «Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи», причем к списку подвластных ему территорий добавляются новые земли (он представлен здесь, как «Великий князь Литовский, Смоленский, <...> Волынский, Подольский, <...> Полоцкий, Витебский, Мстиславский»). Печать здесь такая же, как на грамоте 1654 г.

⁴³ Ю. В. Арсеньев писал о гербах времени Алексея Михайловича: «Под орлом помещен эмблематический знак „отчича и дедича“ (два прапора, между которыми помещены в столб 4 равноконечных крестика), охраняемый с каждой стороны 5-ю вооруженными воинами» [Арсеньев 1908: 284]. Ср. такого рода изображения на больших государственных печатях Ивана и Петра Алексеевичей [Владимирская 2001: 90, № 119] и затем самого Петра [Каменцева, Устюгов 1963: 156, рис. 40]. Печать Ивана и Петра Алексеевичей была переделана из печати Федора Алексеевича, см. указ «О государственных печатях и о перемене на оных царского имени» от 29 апреля 1682 г.: [ПСЗ (2): 387–388, № 915; СГГД (4): 412–414, № 133]. В свою очередь, печать Федора Алексеевича, восходит к печати Алексея Михайловича: в 1676 г. Федор Алексеевич указал «боярину и дворецкому Богдану Матвеевичу Хитрову да дяку Андрею Юдину сделать свою Великого государя большую печать с своим Великого государя именованіем и титулы, также изображением на печати, какое отца его Государя, блаженные памяти Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича было» (см. описание на сайте Государственного исторического музея: <https://nav.shm.ru/exhibits/680>; [Каменцева, Устюгов 1963: 156], ср. [Викторов 1877–1883 (2): 519, № 1028]). Таким образом, печать Алексея Михайловича явилась прототипом для позднейших печатей Федора, Ивана и Петра Алексеевичей; ее, по-видимому, и имеет в виду Ю. В. Арсеньев.

Как печать 1676 г., так и печать 1682 г. была изготовлена мастером серебряного дела Федором Микулаевым (см. о нем: [Троицкий 1928–1930 (2): 77–78]); он же, вероятно, делал в свое время и печать Алексея Михайловича. За консультации об этих печатях мы должны поблагодарить А. В. Лаврентьева и Е. В. Пчелова.

народам и землям или же к государственному устройству в тех или иных его проявлениях. Так, на гербе 1654 г. Алексей Михайлович выступает как *отчич и дедич* «Малой России» (Киевской земли), на гербе 1663 г. — как *отчич и дедич* Москвы, стольного града Российского государства, еще на одном гербе — как *отчич и дедич* русского войска; знамена как эмблема отчича и дедича символизируют, очевидно, традицию воинской славы.

Таким образом, титульное наименование *отчич* и *дедич*, в отличие от таких названий, как *наследник*, *самодержец* и *обладатель*, не имеет стабильного геральдического соответствия.

Изображение езды на царском гербе (соответствующее титульному наименованию *наследник*) понималось как изображение самого государя. Показательна в этом отношении гравюра с гербом Российского государства в московской Библии 1663 г.: в ездце на груди орла нетрудно узнать портрет самого Алексея Михайловича с бородой, в царственной шапке и кафтане поверх лат (см.: [Овчинникова 1955: 79]), обнаруживающий разительное сходство с его парсунными изображениями. При этом он уподобляется библейскому царю Соломону и «царю праведному», о котором говорит пророк Исайя⁴⁴.

Такое понимание изображения ездца имеет давнюю традицию (см.: [Лакиер 1855 (1): 128–131; Сонцов 1860: 70–73; Агоштон 2005/2003: 7–8; 2005: 318–322]; о предыстории этой традиции см.: [Молчанов 2008]). В «Хож-деннии на восток гостя Василия Познякава» рассказывается о приеме русских

⁴⁴ Над орлом надпись: ꙗѣꙗ ꙑѣꙗ гл҃ъ .г̄. Дщери Сїони изыдите і видите в' цр҃ь Соломонѣ в' вѣнцѣ е[го] в неѣ же вѣнца мѣи в' день женивы (Песн. 3:11). Далее следует: Се цр҃ь правдыи царствуетъ і на чаланицы с' судоу владѣти начну Ісаіа (Ис. 32:1). По сторонам написано: Азъ возставихъ ца́ка с' правдою і вси путіе его прави Ісаіа гл. ме (Ис. 45:13). Внизу у лап орла, рядом со скипетром и державой — нечитаемый текст (имитация еврейских букв?). Под орлом изображен план Москвы, о котором мы уже упоминали; над ним надпись из Псалтыри (с неправильным указанием 45-го псалма вместо 17-го): градъ ца́ка великаго бг҃ъ силъ [въ] таже стех' его знаемъ есть ѿмы ме (Ps. 17:4). Патриарх Никон не без основания видел здесь приписывание себе царем Божественной славы, т. е. неправое использование sacralных образов: «...да научимся і мы не преписовати на ся Божественную славу, глаголаную отъ Пророкъ і Апостолъ, ниже написоватися, разширяя посреди Божественныхъ тайнствъ вѣтхаго завѣта і новаго, яко же есть написано в Библиі Московскаго друку царское изображение на орлѣ і на конѣ гордо велми і съ приписаниі пророческими иже о Христѣ проречествоваша» [ЗОРСА (2): 464].

Ср. Стихи на гербъ на оборотной стороне титульного листа: Орла сѣгъБогъавство, овра³ сѣгъБодержавства, / Алеѣа цѣа ѿ многими странами начаства. / В' денѣиѣ скипетрѣ, занаменіе цѣтвѣа, / В' шѣен же, держава еѣа самодержетвіѣа. / Выспрѣ главѣ, трегъѣи вѣтвѣи, / Троицѣи, содержащѣа земли концы. / Посылаемѣи на главы повѣждающихъ враги, / Просащихъ ѿ нѣа помощи крѣпкѣа рѣки. / Оуспѣвай и цѣтвѣѣи, великій цѣю в' новомѣи іілтѣ, / Наставляи и оуправляи и, во Хрѣтѣв спситель. / Повѣждай копѣмѣз сопротивнаго ти змѣя, / Наипачѣ же мѣчѣм⁴ (симѣз) дѣѣа еретики злыѣа. Согласно этим стихам, царь держит в правой руке скипетр, в левой державу (яблоко). Это относится не к изображению ездца (с копьем в правой руке), а к изображению орла (со скипетром и державой в когтях); таким образом царь здесь отождествляется с орлом: орел изображает как государство, так и самого государя. *Меч духа*, о котором говорится в последней строке, отсылает к словам апостола Павла: «меч духовный, иже есть глагол Божий» (Еф. 6:17); имеется в виду Библия, с помощью которой побеждаются *еретики злые* (раскольники). *Меч духа* сравнивается с копьем, которым царь поражает змия; таким образом, царь выступает как хранитель веры. В 1666 г. Лазарь Баранович издает в Киеве книгу «Меч духовный», где на титульном листе изображен царь Алексей Михайлович на аргемаке в нимбе, с мечом в левой руке [Запаско, Исавич 1981–1984 (1): 78, № 431, репродукция на с. 81].

послов александрийским патриархом Иоакимом в 1559 г. (который перед тем обратился к царю с просьбой о материальной помощи).

И онъ возревъ на образъ, прѣкрестися и посмотревъ печати царьские и воспроси нас: «Благовѣрный, де, царь на сей печати на конѣ?». Мы же рекохомъ ему: «На кони государь». Он же воставъ с кресла и поклонился до земли Прѣчистые образу, ото очию же его слезы вельми течаху. И глаголюще: «Укрѣпи, Господи, православного царя!» [Хож-деніе 2000: 50]⁴⁵.

Сто лет спустя, в 1659 г., тосканский герцог Фердинанд II Медичи спрашивал у русских послов (посланника Василия Богдановича Лихачева и дьяка Ивана Фомина):

Печать на грамотѣ, какову В[еликий] Г[осуда]рь вашъ, Е[го] Цар[ское] В[еличест]во, прислалъ с вами (...): орель двоеглавой съ коруною, а в немъ на лошади которой святой напечатанъ, а подобенъ онъ святому Георгію?

И Цар[ского] В[еличест]ва посланники сказали: печать В[еликого] Г[осуда]ря нашего (...): орель двоеглавой, а в срединѣ В[еликий] Г[осуда]рь нашъ, Е[го] Цар[ское] В[еличест]во, а в рукахъ держитъ на непріятеля своего копіе, а надъ нимъ (...) царскій венецъ, а около печати написано [sic!] ево В[еликого] Г[осуда]ря титла [ПДС (10). Стлб. 591–592; ср. Чертков 1840: 338].

После этого на торжественном обеде, устроенном в честь русских послов, на столе красовался сделанный из сахара двуглавый орел, в середине которого был изображен царь на коне:

...орель сделанъ на сахарѣ вышиною въ аршинъ, устроенъ жемчугомъ большимъ и каменіемъ драгимъ, в срединѣ онаго изображенъ великій Государь нашъ на аргамакѣ, въ рукѣ скипетръ держитъ [ДРВ (4): 349] (в другом списке: «...в[еликий] Г[осуда]рь нашъ (...) на лошади, а въ рукахъ держитъ мечъ обнаженъ» [ПДС (10). Стлб. 592])⁴⁶.

⁴⁵ Ср. печати Ивана Грозного с изображением всадника-змееборца [Снимки 1880, № 7, 9, 16]. На большой государственной печати Ивана Грозного такой всадник изображен на груди двуглавого орла [Там же, № 12, 13, 18]. Именно при Иване Грозном появляются печати такого рода. Ср. в Никоновской летописи под 1561 г.: «Того же году (...) царь и великий князь [Иван IV] печать старую меншую, что была при отцѣ его великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ перемѣнилъ, а учинилъ печать новую складную: орель двоеглавой, а среди его *человѣкъ на конѣ*, а на другой сторонѣ орель же двоеглавой, а среди его *иньрогъ*» [ПСРЛ (13, 1904): 331].

⁴⁶ Таким же образом мог восприниматься ездец на московских монетах. Так, по сообщению IV Новгородской летописи, в 1535 г. «государь князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Руси, въ третье лѣто государьства своего, по преставлени отца своего великого князя Василья Ивановича всеа Руси, повѣле дѣлати денги серебряные новые на свое имя (...) А при великомъ князе Василѣе Ивановичѣ бысть знамя на денгахъ *князь велики на коне, а имѣя мечъ въ руке*; а князь велики Иванъ Васильевичъ учини знамя на денгахъ *князь велики на конѣ, а имѣя конь въ руке*, и оттолѣ прозвашеся денги *копѣйные*» [ПСРЛ (4/1, вып. 3, 1929): 570; (6, 1853): 296; Карамзин 1842–1843 (8): стлб. 14, примеч. 67]. Соот-

По словам Котошихина, именно изображение царя на коне, побеждающего змея, является и с т и н н ы м гербом московских государей. Двуглавый орел, который значится на царских печатах, таковым не является: это, говорит Котошихин, н е п р я м о й (заимствованный) герб. Ср.:

...сам ц[а]рь гербом своимъ московским печатаетца на грамотах в хр[и]стианские г[о]с[у]д[а]рства не истинным своимъ прямым, а печатаетца своимъ истинным гербом к крымскому хану... [Котошихин. Л. 41].

Это сообщение дополняется замечанием о том, что на крымских грамотах ставится «самаа істиннаа московского кн[а]жения печать», где вырезано «царь на конѣ побѣдиль змиа»:

А крымские [грамоты] печатают печатью, вырезано: *царь на конѣ побѣдиль змиа*, около подпись царская, титла самая малая по «и иныхъ» [т. е. до слов *и иных* в царском титуле]. То есть самая істинная Московского княжения печать; она жъ вырѣзана и на самой болшой печати «...» в сєреди самого орла [Там же. Л. 55]⁴⁷.

Котошихин описывает здесь большую и малую государственные печати: на малой печати был вырезан ездец, а на большой — государственный герб, как он описан в цитированном нами царском указе 1667 г. (см.: [Спаский 2013/1982: 311, примеч. 3])⁴⁸.

ответственно, описывая серебряные копейки с изображением ездца, Котошихин говорит: «на одной сторонѣ ц[а]рь на конѣ, а на другой сторонѣ подпис[ь] *ц[а]рь і великіи кн[я]зь*, има ц[а]рское и титла самаа короткая» [Котошихин. Л. 143]; ср. описание серебряных монет у Рейтенфельса: «на одной стороне «...» оттиснуто изображение царя, на другой — всадник с копьем» [Рейтенфельс 1905: 135].

Любопытно вместе с тем, что, говоря о полушках (полкопейках), Котошихин выражается иначе: «на одной сторонѣ *ч[е]л[о]в[ѣ]къ на конѣ с саблею*, на другой подпись ц[а]рскаа такая ж, что и на копейках» [Котошихин. Л. 143]. По-видимому, в данном случае — на полушках — не имеется в виду изображение царя, и «подпись царская» на оборотной стороне монеты не относится к изображению на ее лицевой стороне, но имеет самостоятельное значение (между тем как в случае серебряных копеек надпись на реверсе соотносится с изображением на аверсе). Показательно в этом смысле, что в 1724 г. всадник на м е д н ы х копейках называется «сздоком с копьем» [Спаский 1955: 266]. Похоже, что со временем ездец перестает считаться изображением государя на дешевых деньгах (мелкого номинала или сделанных из простого материала).

Изображение всадника с опущенным копьем, отвечающее названию *копейка*, впервые встречается на монетах и печатях Василия I (см.: [Федоров 1949: 170–171; Спаский 1955: 265]).

⁴⁷ Таким образом, двуглавый орел как символ Российского государства оказывается противопоставленным у Котошихина эмблематическому изображению государя. Это восприятие двуглавого орла в какой-то мере сопоставимо с западноевропейским восприятием короны как персонифицированного государства: с XIII в. корона выступает на Западе (прежде всего в Англии, Франции, Арагоне и Венгрии) как символ государства, отделившийся от короля, ср. такие обращения короля, как *Nos et Santa Corona*, а также современные выражения, такие как *служить Короне, присягать Короне* и т. п. (см.: [Soloviev 1934: 30–32, passim; Канторович 2014/1957: 87, 237, 254, 257, 265, 453–503]).

⁴⁸ Ср.: «А бывает та печать у думног[о] дьяка беспрестанно повѣшена на вороту і в дому, а вырезано на тої печаті орель двоєглавої всєреді *ц[а]рь на конѣ побѣдиль змиа*, около подпись ц[а]рская, титла самая короткая...» [Котошихин. Л. 168]. В описании «гербовного» знамени Алексея Михайловича говорится: «Знамя «...» в сєрєдинє в клєймѣ орель двоєглавої с карунами; в правой ногѣ держитъ скипетръ, в лѣвой ногѣ держава с крєстомъ;

Помещая ездца на грудь двуглавого орла, Иван Грозный соединял изображение государя с символом государства. Изображение ездца имело конкретный и индивидуальный характер, тогда как изображение орла выступало как обобщенный (абстрактный) символ.

IV. История выражения *отчич* и *дедич* в связи с вопросом о преемственности власти

§ IV.1. Мы рассмотрели историю сочетания *отчич* и *дедич* в царском титуле. Как мы видели, это выражение появляется в титуле Ивана Грозного и восходит к титулу его деда, великого князя Ивана Васильевича (Ивана III) (см. выше, § I.1, II.1). Но каково происхождение этого выражения? Где и когда оно впервые появляется? Каким образом оно появляется в титуле Ивана III?

А. Золтан в основополагающей работе по истории русской деловой лексики [Золтан 2014] продемонстрировал отражение западнорусской традиции в великорусском приказном языке XV в. В частности, было показано западнорусское происхождение такого важного элемента титула московских великих князей, как *господарь* (*осподарь*), которое восходит к титулу великих князей литовских [Золтан 2014: 67–72; 2002/1983: 572–575]. Такое же происхождение имеет, как он полагает, и другой компонент великокняжеского и затем царского титула: *отчичь* и *дѣдичь* [Золтан 2014: 75–76; 2002/1983: 577–578; 2002/1988: 784].

Слово *дѣдичь* представляет собой распространенную форму титульного наименования в Западной Руси [Золтан 2014: 73–74; ср. Срезневский 1893–1912 (1). Стлб. 782–783; Пешак 1974: 20, 61, 79, 85, 89, № 6, 29, 41, 44, ср. 104, № 51]; это слово было постоянным элементом титула польских королей и употреблялось в их «русских» грамотах в соответствии с лат. *haeres*; западнорусское *дѣдичь* восходит к польскому *dziedzic*⁴⁹. Что касается слова *отчичь*

в середине орла Ц[а]рь на конѣ колетъ змя копиемъ» (Опись Оружейной палаты 1687 г., см.: [Яковлев 1865 (Отд. 2): 33, № 3583]).

⁴⁹ Слово *дѣдичь* встречается уже в Киевской летописи — при описании галицких событий 1190 г.: «Галичкий же моужи срътоша его [Владимира Ярославича] с радостью великою, князю своего и *дѣдича*, а королевича [Андрея II, сына короля Белы III] прогнаша из землѣ своеѣ, а Володимѣрь сѣде на столѣ *дѣда своего* [Владимира Володаревича] и *оца своего* [Ярослава Владимировича]» [ПСРЛ (2, 1908). Стлб. 666–667]. Владимир Ярославич был единственным законным сыном Ярослава Владимировича Осмомысла, князя Галицко-го в 1153–1187 гг.; отец Ярослава Владимировича (дед Владимира Ярославича), правивший в Галиче в 1141–1153 гг., был основателем династии галицких князей (первый галицкий князь, Иван Василькович (1124–1141) потомства не оставил). Таким образом, Владимир Ярославич имел все основания именоваться *дедичем*; любопытно, вместе с тем, что здесь подчеркивается последовательный переход власти по нисходящей линии (от отца к сыну).

В Галицко-Волынской летописи встречается и слово *отчичь* — в рассказе о призвании Даниила Романовича на княжение (под 1208 г.): «наидоша Данила в Оугорьской земли, дѣтска соуща, и просиша у короля Оугорьского: даи намъ *отчича* Галичю Данила» [Там же. Стлб. 724]. Слово *отчичь* объясняется в данном случае тем, что отец Даниила Романовича, князь Роман Мстиславич († 1205), был первым князем галицко-волынским (в 1199–1205 гг.): таким образом, к Даниилу Романовичу должна была перейти власть его отца. Ср. еще грамоту киевского князя Александра (Олелько) Владимировича митрополиту Исидору 1441 г.: «Се язъ, кѣзь Алексан^нръ Володимирови^н, г^дрь *отчичь* Киевскы^н...» [Щапов 1976: 180; Золтан 2014: 76]; Александр Владимирович был сыном Владимира Ольгердовича,

(*вотчичь*), то оно представлено как в западнорусских, так и в великорусских источниках⁵⁰ и является общевосточнославянским дериватом от *отць* (см.: [ЭССЯ (39): 174]). Сочетание *отчичь* и *дѣдичь* со значением ‘наследник, наследственный владетель’, согласно А. Золтану, возникает на западнорусской почве «как результат глоссирующей синонимии, т. е. толкования заимствован-

ставшего первым киевским князем после завоевания Киева Гедимином в 1324 г. Как в том, так и в другом случае *отчицем* называется сын и наследник основателя династии, выступающего в роли родоначальника.

⁵⁰ Слово *отчич* (*вотчич*) означает владетеля земли, имущества или угодья, унаследованного от отца, или же вообще наследника вотчины [Сл. РЯ XI–XVII вв. (3): 76; (14): 66]. По отношению к князьям это слово обычно употребляется в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть наследственные права: в великорусских документах оно выступает как наименование законного правителя в ситуации конкурентной борьбы или вообще какого-то противостояния в сфере властных полномочий. Так, житие ярославского князя Федора Ростиславича Черного († 1299 г.), написанное иеромонахом Арсением в начале XVI в., рассказывает о том, как этот князь возвращается в Ярославль после долгого пребывания в Золотой Орде: «Святыи же Феодоръ прииде къ граду Ярославлю. Бяше же въ градѣ сынъ его князь Михайль, и теща его княгини Аксения, и бояре его. Онъ же хотяше въ градѣ внити, и не приаша его, и рекоша ему съ града княгини и бояре тако же: “Мы не имамы такового обычая, что приѣзжихъ нам примати на княжение; есть у нас *вотчич* князь Михайль”. Святыи же Феодоръ поиде в Орду къ царю з жалобою, и сказа царю свою обиду. Царь же абие отпусти посла своего къ Ярославлю съ грозою и опалою великою, дабы его приали на столъ. Они же посла царева не послушаша и его не приаша на столъ» [Lenhoff 1997: 252]. — В Воскресенской летописи читаем: «Того же лѣта [1401 г.], мѣсяца августа, князь Юрій Святославичъ да князь Олегъ Рязанскій приидоша къ городу Смоленску; а въ Смоленскѣ бысть въ то время мятежь и крамола, овии хотяху Витофта, а друзии *отчича* своего (...) И тако князь Юрьи взя Смоленескъ, и съде въ свои *отчинѣ*, въ Смоленскѣ» [ПСРЛ (8, 1859): 75; (34, 1978): 152]. *Отчицем* называется здесь Юрий Святославич, сын и преемник великого князя Смоленского Святослава Ивановича († 1386), который был изгнан из Смоленска и которому пришлось бороться за восстановление своих прав с помощью своего тестя Олега Рязанского. — В договорной грамоте Дмитрия Ивановича Донского с тверским князем Михаилом Александровичем (1376 г.) говорится: «А въ Кашинѣ ти ся не вступати, и что потягло хъ Кашину, вѣдаетъ то *вотчичь* кн[а]зь Василей» [ДДГ: 26, № 9; ср. Янин 1991: 165–168, № 89]. Речь идет о князе Василии II Михайловиче († 1382), который унаследовал кашинское княжество от своего отца, князя Михаила Васильевича (1331–1373); по договору 1376 г. кашинский удел становился отдельным, самостоятельным княжеством, независимым от Твери. — В правой грамоте Саввино-Сторожевского монастыря второй половины XV в. истца спрашивают, почему он не подавал иска раньше (в течение шести лет), и тот отвечает: «не вереме намъ было, господине, Татарове у насъ были, господине, да ждали есмя, господине *вотчича*» [Акты юридические 1838: 13, № 7]. Речь идет об Андрее Васильевиче Большом, князе Звенигородском († 1493). Ранее Звенигородом владел татарский царевич Касим, которого и имеет в виду истец, говоря о татарах. После того как Касиму в 1452 г. был пожалован Низовой Городец (нынешний Касимов) и было создано Касимовское ханство, звенигородским князем стал Андрей Васильевич. Он получил звенигородский удел от своего отца, Василия II, почему и называется *во[т]чицем* — в противовес татарскому царевичу (грамота была, следовательно, написана около 1458 г.). — Ср. вместе с тем в I Новгородской летописи по Комиссионному списку: «Того же лѣта [1410 г.] князь Данилѣи Борисовичъ, Нижняго Новагорода *отчичь* старыи, взя столныи град Володимиръ» [ПСРЛ (3, 2000): 402]. Даниил Борисович был в это время старшим среди живых потомков Константина Васильевича († 1355), основателя Нижегородско-Суздальского великого княжества. Его отец, Борис Константинович († 1394) был князем Нижегородско-Суздальским, которое в 1392 г. было захвачено великим князем московским (Василием I) и временно прекратило свое существование. Слово *отчичь* не относится к титулу Даниила Борисовича; оно лишь говорит о нем как о законном претенденте на Нижегородско-Суздальский княжеский стол: *отчицем* именуется в данном случае законный наследник при том, что его наследственные права не были реализованы.

ного из польского слова *дѣдичь* ‘наследник’ собственно восточнославянским синонимом *отчичь*»: это выражение «хорошо засвидетельствовано в западнорусских памятниках первой половины XV в., между тем как мы не находим его ни в древнепольских, ни в великорусских памятниках этого времени» [Золтан 2014: 74–75].

Другая возможность объяснения сочетания *отчич* и *дѣдич*, которую не исключает А. Золтан, состоит в том, что это выражение возникло по аналогии с выражением *отчина* и *дѣдина*, которое нередко встречается — в этой или близких формах — как в западнорусских документах⁵¹, так и в великорусских, преимущественно новгородских⁵². Но и согласившись с таким объяснением, необходимо также признать, что выражение *отчич* и *дѣдич* является западнорусским по своему происхождению: в самом деле, это выражение хорошо засвидетельствовано в западнорусских текстах первой половины XV в., в великорусских же текстах появляется позже и только в текстах книжного происхождения [Там же: 73–75].

Здесь необходимо отметить, что выражение *отчина* и *дѣдина* относится к обычному семейному праву, а выражение *отчич* и *дѣдич* — к феодальному, так называемому «княжому» праву. В обычном праве имущество переходит от отца к детям, если таковые имеются, — по прямой линии. В «княжом» праве родовое владение может переходить от старшего брата к младшему — по боковой линии. Если владение наследуется по прямой линии, слова *отчич* и *дѣдич* непосредственно (как взаимоисключающие понятия) друг другу не противопоставляются; в противном случае возникает такое противопоставление. В Литовской Руси не было, насколько известно, практики наследования по боковой линии, поэтому титульные наименования *отчич* и *дѣдич* не были здесь явным образом противопоставлены по своему значению: значение слова *отчич* в обычном случае покрывалось значением слова *дѣдич* — иначе говоря, наименование *дѣдич* в принципе не означало, что именуемый таким образом человек не унаследовал родовое владение от отца (т. е. не был *отчичем*)⁵³.

Остается добавить, что в обычном праве слово *отчина* (*вотчина*) означает ‘имущество, унаследованное от отца’; между тем в феодальном («княжом»)

⁵¹ Ср. многочисленные примеры XIV–XV вв., s. v. *отчина*, *отчизна*, *отнина*, *дѣдина*, *дѣднина*, *дѣдинина*, *дѣдична*, *дидизна* [Сл. ст.-укр. яз. (1): 299–300, 335–336, (2): 106, 111–112]. Ср.: *прадѣдину* и *дѣдину* и *отчизну*, 1487 г. [Там же (1): 335].

⁵² Ср., например: *отчина моя* и *дѣдина* в духовной грамоте 1398–1410 гг. [ГВНП: 166, № 110]; ср. [Янин 1991: 217, № 131], *оцтина наша* и *дидѣна* в берестяной грамоте № 248 второй половины XIV в. [Зализняк 2004: 623], *се купи <...> оцину* и *дѣдину* ихъ в купчей середины XV в. [ГВНП: 233, № 203]; в I Новгородской летописи говорится, что новгородцы в 1333 г. дали князю Нормунту (Глебу) в кормление земли: «даша ему Ладогу <...> въ *отцину* и въ *дѣдѣну*, и его дѣтемъ» [ПСРЛ (3, 2000): 346]; в Никоновской летописи рассказывается, что новгородцы в 1200 г. говорят Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо: «*Отчина* твоя и *дѣдина* Новгородъ Великий просятъ у тебя сына княжить Новгороду» [Там же (10, 1885): 32]; ср. в Симеоновской летописи под 1360 г.: «...иде изъ орды на великое княженіе князь Суждальскій Дмитрей Константиновичъ, а не по *отчинѣ*, ни по *дѣдинѣ*, и въѣха въ Володимерь...» [Там же (18, 1913): 100]. См. еще примеры: [Срезневский 1893–1912 (1). Стлб. 782]; ср. также выше, примеч. 9.

⁵³ *Отчич* не является *дѣдичем*, если отец именуемого таким образом князя признается основателем династии (ср. выше, примеч. 49). *Дѣдич* не является *отчичем*, если князь унаследовал власть не по прямой линии.

праве родовое владение может быть от отца не унаследовано и тем не менее именуется *отчиной* (*вотчиной*). В этих условиях выражения *отчич* и *дедич* и *отчина* и *дедина* не обязательно соотносятся друг с другом.

§ IV.2. Из Западной Руси выражение *отчич* и *дедич* приходит в Великую Русь. Характерным образом впервые оно засвидетельствовано здесь в послании в Псков митрополита Ионы середины XV в.⁵⁴ Как показано в работах А. Золтана, именно через канцелярию митрополита Ионы осуществлялось освоение западнорусской лексики и фразеологии в великорусском административном языке [Золтан 2014: 98–128, 151; 2002/1983: 577–583; 2002/1988]. Митрополит Иона заимствует интересующий нас фразеологизм из западнорусского лексического инвентаря, но, как мы увидим, в великорусском контексте он получает новый смысл, актуальный именно для Московской Руси.

Интересующее нас выражение относится здесь к Василию II, который именуется *великим господарем*, *царем*, *великим князем* и, наконец, *отчичем* и *дѣдичем*; очевидно, что перед нами элементы титула московского великого князя. Речь не идет в данном случае об интитуляции (самонаименовании) Василия II, но в дальнейшем именно таким образом называют себя Иван III и Иван Грозный; похоже, что Иона формирует титул московских государей. Митрополит Иона обращается к псковичам как к подданным великого князя московского, он пишет в Псков именно как в его «вотчину» («отчину»):

...въ *вотчину великого господаря, царя* рускаго, а нашего господина и о Святѣмъ Душѣ възлюбленнаго сына нашего смиренія, благороднаго и благочестиваго *великого князя* Василья Васильевича, а вашего, нашихъ дѣтей, *отчича* и *дѣдича*, по родству, великаго его господства дръжаву, по изначалству прежнихъ великихъ *господарей*, *великихъ князей русскихъ*, а его праотець <...>. А что есте, сынове, присылали къ *великому господарю*, а къ нашему сыну, къ своему *отчичю* и *дѣдичю*, къ *великому князю* Василью Васильевичю <...> А на чем есте, сынове, рѣкли къ нашему сыну, а къ своему *отчичю* и *дѣдичю*, къ *великому князю*, и въ томъ бы то есте къ нему о всемъ правили и стояли въ томъ; а сынъ нашъ *великий князь* къ вамъ, къ своей *отчинѣ*, жалованье свое по той же вашей доброй *старинѣ* держать о всемъ [РИБ (6). Стлб. 673–676, № 90]⁵⁵.

⁵⁴ А. И. Плигузов датирует это послание 1456–1457 гг. (со знаком вопроса), см.: [Плигузов 2008: 178]. О различных (уточняющих) датировках этого документа см.: [РФА (5): 982–983, ср. (1): 169, № 43].

⁵⁵ В цитируемом нами издании А. С. Павлов опубликовал послание митрополита Ионы по рукописи: ГИМ. Увар. 512. Л. 179 об.–183. По другому списку (ГИМ. Син. 562. Л. 119–121) этот документ был опубликован Я. И. Бередниковым [АИ (1): 107–108, № 60] и А. И. Плигузовым [2008: 178–180, № 43]. Я. И. Бередников и А. И. Плигузов читают в первой фразе не *господаря*, а *государя*: ...во *отчину великого государя, царя русьскаго, а нашего господина*; далее у них следует *великихъ господарей, великихъ князей русских* и къ *великому господарю*. Это ошибка: в начале рукописи стоит сокращенная форма *гѣдра* (во ѡчинѣ велико^ѣ гѣдра цѣра русьска^ѣ, а наше^ѣ гѣдна), после чего следуют формы *господареи* (велики^ѣ господа^{рен}) и *госпо^ѣрю* (къ великом^ѣ госпо^ѣрю). Очевидно, что сокращение *гѣдра* должно читаться в этом тексте как *господара*, однако издатели поняли сокращенную форму как обозначение слова *государь*. В формулярном изводе послания митрополита (Филиппа) к

Итак, сочетание *отчич* и *дедич* появляется, по-видимому, при определении властных полномочий Василия II и становится основой для дальнейшего титула московских государей. Полагаем, что появление этого выражения непосредственно связано с междоусобной борьбой за великое княжение Василия II со своим дядей (Юрием Дмитриевичем) и затем с его сыновьями (Василием Юрьевичем Косым и Дмитрием Юрьевичем Шемякой) в 1425–1453 гг. Эта княжеская междоусобица отражала, как известно, существование на Руси двух конкурирующих традиций престолонаследия: по прямой линии (от отца к сыну) и по боковой (от старшего брата к младшему); в случае борьбы за княжеский стол дяди с племянником, традиционной для Древней Руси, один из них (дядя) оказывался только *отчичем*, тогда как другой (племянник) был *отчичем* и *дедичем*. Таким образом, выражение *отчич* и *дедич* означало право наследования по прямой линии; именно этот смысл имело данное выражение в титуле Василия II: очевидным образом оно декларировало его преимущественное право на московский великокняжеский стол⁵⁶.

Совершенно так же *отчичем* и *дедичем* был Иван III, старший из выживших сыновей Василия II⁵⁷, унаследовавший право своего отца на великокняжеский стол; вполне закономерно поэтому, что это выражение появляется в его титуле (см. выше, § I.1). В правление Ивана III порядок передачи власти по прямой, а не по боковой линии был узаконен и объявлен единственно возможным: именно такой порядок был провозглашен в 1498 г. при венчании на великое княжение Дмитрия Ивановича, внука и соправителя Ивана III. Ср. речь Ивана III к митрополиту (Симону) при поставлении Дмитрия Ивановича (Дмитрия-внука):

Отче митрополите! Божиимъ изволением от наших прародителей, великих князей, старина наша то и до сех мест: отцы, великие князи, *сыном своим пръвым* давали великое княжество. И отецъ мой, князь велики, меня при себе еще благословил великимъ княжеством, и аз был *своего сына пръваго* Иоанна при себе же благословил великимъ княжеством. Божия паки воля състалася — сына моего Иоанна не стало, а у него остался *сынъ первой* Дмитрей, и мне дал его бог в сына моего место, и яз его ныне благословляю при себе и княжеством Володимерьским и Новгородцким. И ты бы его, отче, на великое княжество благословил [РФА (3): 615, № 17, ср. 609, 622, № 16, 18]⁵⁸.

епископу тверскому (Геннадию Кожину) 1468 г., опубликованном Я. И. Бередниковым [АИ (1): 99–100, № 51] и А. И. Плигузовым [2008: 191–192, № 50] по той же рукописи (ГИМ. Син. 562. Л. 128 об.–130), чередуются полное и сокращенное обозначения слова *господарь*; соответственно, в этих публикациях мы находим — в одном и том же тексте — как *великий господарь*, так и *великий государь* (Я. И. Бередников ошибочно приписал это последнее послание митрополиту Ионе и произвольно вставил в текст недостающие в нем имена, см.: [РФА (5): 96]. Ср. в этой связи: [Золтан 2002/1983: 587, примеч. 168].

⁵⁶ Достойно внимания, что уже в 1454 г. митрополит Иона называет московского великого князя (Василия II) не *старейшим братом* удельных князей, а их *осподарем* (см.: [РФА (5): 1016]).

⁵⁷ Старшим сыном Василия II был Юрий Большой (1437–1441), скончавшийся в малолетстве.

⁵⁸ Во время венчания Дмитрия Ивановича обоим великим князьям было провозглашено многолетие, причем старший князь (Иван III) был назван *самодержцем*: «И возшед на амбон священник, на [то] уготованный, и глаголетъ велегласно многолетье великому князю Ивану: “Благоверному и христолюбивому и Богом избранному великому князю Иоану Ва-

Речь идет, таким образом, о последовательной передаче власти по вертикали, от отца к старшему сыну, и это очень отчетливо выражено в чине венчания Дмитрия-внука. В 1498 г. старшего сына и соправителя Ивана III, Ивана Ивановича Молодого (1458–1490), не было в живых, и великий князь (Иван III) передает власть своему внуку (старшему сыну Ивана Молодого) в обход другого своего сына Василия Ивановича (будущего великого князя Василия III), который после смерти своего старшего брата мог бы претендовать на то, чтобы стать наследником великого князя. Вместе с тем, если бы Василий Иванович стал соправителем Ивана III, это означало бы передачу власти от старшего брата к младшему по боковой линии: передача власти самого великого князя осуществилась бы в этом случае по прямой линии, но передача власти соправителя — по боковой. Заметим, что Василий Иванович был дядей Дмитрия Ивановича, т. е. их конкуренция отношения вписывалась в традиционный конфликт дяди и племянника в борьбе за княжеский стол.

Ситуация была беспрецедентной: впервые на Руси преемником великого князя становился его внук при наличии сына, у которого были законные основания для того, чтобы стать наследником правящего государя. Поставление Дмитрия-внука, беспрецедентное само по себе, устанавливало новый порядок передачи власти, фактически провозглашая при этом отказ от старых норм престолонаследия⁵⁹.

§ IV.3. Порядок передачи власти по прямой линии породил институт соправителей, обеспечивая таким образом переход власти от отца к сыну. Соправители как последовательное явление появляются на Руси при Василии II, и это обусловлено, несомненно, именно междоусобной войной, о которой шла речь выше. Так, Василий II делает своим соправителем своего сына, Ивана Васильевича (Ивана III)⁶⁰, при Иване III соправителем великого князя становится

ильевичу, Владимирскому и Ноугородскому, всея Роси[и] *самодержцу* — многа лета!»» [РФА (3): 611, № 16, ср. 618, № 17]. Обычай называть самодержцем (αὐτοκράτωρ) императора, но не его соправителя, отвечает тому, что имело место в Византии (см.: [Острогорский 1935: 168]).

В более поздней редакции чина поставления Дмитрия Ивановича (составленной после 1498 г.) каждый князь во время многолетия провозглашается *самодержцем* — как Иван III, так и его внук [РФА (3): 624, № 18]; см. подробнее: [Успенский 1998: 334–335, примеч. 116].

⁵⁹ В 1533 г. Василий III на смертном одре делает преемником своего старшего сына (Ивана IV), ссылаясь именно на традицию примогенитуры: «...а прародители наши великие князи благословляли болших своих дѣтей, которымъ быти на государствѣ. Меня благословилъ отецъ мой князь велики Иванъ, такожде и азъ благословляю тебя сына своего старѣйшаго (...). Также и вручаю тебѣ сій скипетръ великіа Русіа; да буди благословенъ на великомѣ государствѣ нашеа державы отнынѣ и до вѣка» [ПСРЛ (8, 1859): 285; (34, 1978): 166]. Старший из братьев Василия III, Юрий Иванович, который согласно старому обычаю мог претендовать на престол, насильно был приведен к присяге (крестному целованию) новоизбранному наследнику [Там же (8, 1859): 286; (34, 1978): 167].

⁶⁰ С конца 1440-х годов — после поставления митрополита Ионы в 1448 г. — Иван Васильевич выступает в документах вместе с отцом (Василием II) как *великий князь* (см. докончание Василия II с суздальским князем Иваном Васильевичем конца 1448 — начала 1449 г. [ДДГ: 155–157, № 52]; ср. также позднейшие грамоты [ДДГ: 168–173, 175, 179–183, 186–187, 189–191, № 56–59]). Не исключено, что именно по совету митрополита Ионы великий князь (Василий II) сделал своего сына соправителем (ср. ниже, примеч. 62). В Яжелбицком договоре с Новгородом 1456 г. как Василий II, так и его сын именуются

сначала его сын (Иван Иванович Молодой)⁶¹, а затем, после смерти последнего, внук (Дмитрий Иванович). В дальнейшем, при Иване Грозном, соправителем царя становится его сын, Иван Иванович (ср. [Успенский, Успенский 2017: 225, примеч. 6]). Так осуществляется переход власти от отца к сыну. Венчание Дмитрия-внука на великое княжение в 1498 г. формально закрепляет эту традицию.

Этот порядок передачи власти московских князей — через соправителей — разительно напоминает Византию, где поставление соправителей было

великими князьями вся Русь [ГВНП: 39, 41, 43, № 22–23]. В послании митрополита Ионы новгородскому архиепископу Ионе (1459 г.) они называются только *великими князьями* [РИБ (6). Стлб. 644, № 86]; вместо *Василия Васильевича* в рукописи стоит *Ивана Васильевича*, но это несомненная описка (ср. [Плигузов 2008: 161, № 34; РФА (5): 970]). Известны монеты, выпущенные в Москве от имени обоих великих князей, где они обозначены как *осподари*, в частности, *осподари вса Руси* (см.: [Чертков 1834, № 67, 83, 84; 1837, № 450; Орешников 1896, № 615, 617, 632, 634; Алеф 2002/1959: 601; Мец 1974: 35]); на некоторых из этих монет сохранилось имя Василия, Иван же по имени, по-видимому, назван не был.

В духовной грамоте Василия II 1461–1462 гг. [ДДГ: 193–199, № 61] говорилось: «А сына своего старѣишаго Ивана бл[а]гословляю своею отчиною, великим княжением» [Там же: 194]; при этом «территория Владимирского великого княжества уже не отличается от великокняжеского “удела” в московской вотчине» [Пресняков 1920: 415]. По словам А. Е. Преснякова, «духовная великого князя Василия Васильевича завершает слияние московской вотчины с территорией великого княжения, и к ее содержанию лишь весьма условно применимо представление об удельно-вотчинном разделе...» [Там же: 414].

⁶¹ Иван Иванович Молодой стал соправителем своего отца не позднее 1471 г. (в 1471 г. Иван III пошел в поход на Новгород, «на столѣ своей вотчины великого княжения во свое мѣсто посадивъ на Москвѣ сына своего благовѣрнаго и благочестиваго великого князя Ивана Ивановича, блюсти своея отчины и оуправляти Русьские земли» [ПСРЛ (39, 1994): 154; (20/1, 1910): 290]; см., однако, другую формулировку: [Там же (8, 1859): 163; (12, 1901): 132]. В 1472 г. был заключен брак Ивана III с Софьей Палеолог; провозглашение Ивана Молодого великим князем и соправителем, предшествующее этому браку, было, видимо, непосредственно с ним связано: оно должно было обеспечить старшему сыну Ивана III права наследования (см.: [Спаский 2013/1976: 256]). В договорах с Новгородом 1471 г. Иван Иванович назван, так же как и его отец, *великим князем вся Русь* [ГВНП: 44, 45, 48, 154, № 25–27, 98]. В 1472–1473 гг. младшие братья Ивана III, князья Борис и Андрей Васильевичи, признают своим «братом старейшим» не только своего старшего брата (Ивана III), но и своего племянника Ивана Ивановича [ДДГ: 225, 227, 229, 232, 234, 235, 237, 239, 241, 244, 247, 249, № 69–70]; прецедентом является договор великого князя рязанского Олега Ивановича с Дмитрием Ивановичем Донским и Владимиром Андреевичем Храбрым в 1381–1382 гг. [Там же: 29–30, № 10; ср. Хорошкевич 1980а: 174]. В 1474, 1477 и 1481 гг. новгородцы и псковитяне именуют как Ивана III, так и его сына (Ивана Ивановича) *царями вся Русь* или *царями русскими* (см. выше, примеч. 2). В записи на Буслаевской псалтыри последней четверти XV в. (РГБ. Ф. 304.1. № 308. Л. 202) оба великих князя названы *самодержцами Руския земля*: Книга сия по дару и по благодати Го[с]под[а] и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа написана в лѣта велик[и]хъ князми Ивана Васильеви и Ивана Ивановича самодержецъ Рѣсская земля [Борисова 1992: 111]; другие авторы читают: *...самодержцев Руския земля* [Иларию, Арсений 1878–1879 (2): 81; Кучкин 1972: 222]; запись на Буслаевской псалтыри написана сложной вязью и с трудом поддается расшивке, конец ее остается непрочитанным.

Ср. московский «золотой угорский» 1478–1488 гг. с именем Ивана III на аверсе и Ивана Ивановича на реверсе: оба названы *великими князьями*, причем к имени Ивана Ивановича добавлено *вся Русь* [Лихачев 1897: 3–4; Спаский 2013/1976: 256; Лаврентьев 2014: 95–96]. Как отмечает А. В. Лаврентьев, «оба великих князя, отец и сын, исповедовались у одного духовника, который был еще и общим, одним на двоих, печатником, т. е. хранителем двух великокняжеских печатей» [Лаврентьев 2014: 96]. А. Контарини, бывший в Москве в 1476–1477 гг., говорит, что князь Иван Молодой находился в немилости у своего отца из-за плохого обхождения со своей мачехой, т. е. Софьей Палеолог [Скржинская 1971: 205]; ничто, однако, не говорит о том, что он перестал быть соправителем.

обычным способом передачи власти и обеспечения ее преемственности (см. о Византии, в частности: [Ostrogorsky 1952: 87]). Едва ли можно видеть здесь простое совпадение: скорее всего московские князья были осведомлены о византийской практике (ср. [Пресняков 1920: 417; Nitsche 1972: 60])⁶². Нельзя не отметить при этом, что Василий II первым из русских князей более или менее последовательно именуется *царем* и *самодержцем*, уподобляясь при этом византийскому императору (ср. [Водов 2002/1988: 550–551])⁶³; в частности, *царем руским* его называет митрополит Иона в цитированном послании во Псков (см. § IV.2).

Венчание Дмитрия-внука было первым — и единственным — венчанием на великое княжение на Руси: оно преобразуется затем в венчание на царство. Дмитрий Иванович был венчан великокняжеской шапкой, известной в дальнейшем как шапка Мономаха, и на него были возложены бармы, которые стали называться затем Мономаховыми: наследственные реликвии московских князей выступают при этом как знаки великокняжеского, а затем и царского достоинства. Чин поставления Дмитрия-внука послужил вообще образцом для последующих царских венчаний: позднее он целенаправленно редактиру-

⁶² Не исключено, что Василию II сообщил об этой практике митрополит Исидор, бывший в Москву в 1437 г., в разгар междоусобной войны (Исидор приехал в Москву 2 апреля и уехал из нее осенью 1437 г. для того, чтобы принять участие в Ферраро-Флорентийском соборе [ПСРЛ (6/1, 2001). Стлб. 73–74; (12, 1901): 24]. Это случилось еще до рождения Ивана III, но у Василия II перед приездом Исидора (22 января 1437 г.) родился первенец (Юрий Большой), и великий князь был, конечно, озабочен тем, чтобы обеспечить преемственность власти. Митрополит Исидор, по всей вероятности, мог указать ему на то, как это можно было сделать, рассказав про византийские прецеденты (непосредственно или же через рязанского епископа Иону, будущего митрополита, с которым Исидор встречался еще в Константинополе в 1436 г. [Успенский 1998: 247]). В дальнейшем проводником этой линии мог стать митрополит Иона. Митрополиты всея Руси, традиционно жившие в Москве (начиная с митрополита Петра), несомненно, были заинтересованы в преемственности московских великих князей.

⁶³ В «Слове избранном от святых писаний еже на латыню...» 1461–1462 гг. Василий II неоднократно называется *русским царем* или *царем всея Руси* [Попов 1875: 379, 382, 384, 392, 393, 395]. Соответственно, московский летописный свод конца XV в. прославляет «Богом вразумляемаго великодержавнаго Василя Васильевича, в благочестии цветущаго *царя всея Руси*» [ПСРЛ (25, 1949): 260]. Вместе с тем тот же свод, вкладывая в уста императора Иоанна VIII Палеолога похвалу Василию II, своему шурина, сообщает, что Василий II из смирения и благочестия не зовется *царем*, а зовется *великим князем* [Там же (25, 1949): 254; ср. (6, 1853): 151; (6/2, 2001). Стлб. 75; (8, 1859): 100; (12, 1901): 26].

Самодержцем Василий II именуется в соборной грамоте русских епископов о верности их митрополиту Ионе и непризнании митрополита Григория (1459 г.): «...сниходомся в церковь <...> к своему господину великому князю имярек, *всея Русския земли самодержцу* <...> по повелению господина нашего великого князя имярек, *рускаго самодержца*...» [Плигузов 2008: 108–109, № 14; ср. РИБ (6). Стлб. 627, 630, № 83]; Василий II не называется здесь по имени, так как в цитируемых изданиях опубликован формулярный список (ГИМ. Син. 562). Ср. запись на апокрифическом «Иерусалимском свитке» в сборнике XV в. Кирилло-Белозерского собрания (старый шифр: 11-1088): «Написажесе сие послание въ лѣто 6956 [= 1448] индикта 12 въ градѣ Іерусалимѣ; преписажесе сей списокъ въ богоспасаемомъ градѣ славномъ Москвѣ при державѣ *великаго самодержца* князя Василя Васильевича, а по благословенію господина нашего преосвященнаго митрополита Іоны кievскаго и всея Руси, в лѣто 6960 [= 1452] индикта 15 мѣсяца марта въ 2 день, того году, коли пошель князь великій Иванъ Василювичъ со всѣмъ своимъ воинствомъ на князя Дмитрія Юрьевича на Шемяку» [Тихонравов 1898: Примечания, с. 18].

ется, постепенно обрастая царскими атрибутами [Успенский 1996: 88–90]; см. также: [Успенский 1998: 20, 109, 111, 136, 140]. Уже в Летописной редакции этого чина, составленной около 1518 г., в титулатуре Ивана III появляется слово *царь*, а в более поздней Чудовской редакции троны обоих великих князей (Ивана III и Дмитрия) называются *царскими* [Синицына 1989: 190, 195; РФА (3): 621, № 18, ср. 607]. Достоинно внимания вместе с тем, что впервые был венчан на царство не сын Ивана III (Василий III), а его внук (Иван Грозный), который, подобно своему деду, именуется *отчичем и дедичем*⁶⁴.

Итак, наименование *отчич и дедич* появляется при Василии II, переходит от него к Ивану III и затем к Ивану IV (Грозному). В дальнейшем, как мы видели, это наименование вновь появляется (после большого перерыва) при Алексее Михайловиче.

Титул *отчич и дедич* появляется при Алексее Михайловиче в новых условиях, когда нет междоусобных войн и борьба между дядей и племянником теряет свою актуальность. Молодая династия Романовых не успела еще разветвиться, и после Алексея Михайловича на царский престол могли претендовать только его наследники по прямой линии (если не говорить о самозванцах)⁶⁵. Соответственно, это наименование подвергается переосмыслению. У предшественников Алексея Михайловича слова *отчич и дедич* имели непосредственный и вполне конкретный генеалогический смысл: у каждого из тех, кто назывался таким образом, как отец, так и дед были полноправными монархами, т. е. переход власти в каждом из этих случаев последовательно осуществлялся от деда к отцу, а от отца к сыну. Алексей Михайлович не был *дедичем* в том же смысле, что его предшественники (от которых он унаследовал само это титульное наименование): слово *дедич* никак не могло относиться к родному деду Алексея Михайловича и означало вообще не столько прародителя, сколько предшественника. Речь идет теперь о праве на власть, которое принадлежит царю как преемнику византийских императоров.

⁶⁴ Согласно Герберштейну, Василий III не был венчан на царство ввиду того, что соответствующий обряд был осуществлен над Дмитрием Ивановичем [Герберштейн 1988: 66, 68, ср. 79]; при этом Герберштейн указывает, что Василий Иванович принял царский титул [Там же: 74, ср. 65] (см. подробнее в этой связи: [Успенский 1996: 107–108, примеч. 11]).

Василий III мог называть себя царем (см. выше, примеч. 15; ср. также § II.2), но характерно, что слово *царь* может быть представлено на его печатях и в его посланиях в полном написании (без титула).

⁶⁵ У Алексея Михайловича не было соправителя (институт соправителей вообще исчезает при Романовых), и назначение наследника осуществлялось через его «объявление», см. Чин объявления царевича Алексея Алексеевича 1 сентября 1667 г. [ПСЗ (1): 719–724, № 415] и Чин объявления царевича Федора Алексеевича 1 сентября 1674 г. [СГГД (4): 316–321, № 97; ПСЗ (1): 987–991, № 586]. В обоих случаях наследник объявлялся в первый день года, в котором он достигал совершеннолетия: обоим наследникам в соответствующем году исполнялось 13 лет.

Проблемы престолонаследия очень скоро возникают и в династии Романовых. После смерти Федора Алексеевича (27 апреля 1682 г.) царем был провозглашен Петр Алексеевич в обход старшего брата Ивана Алексеевича [ПСЗ (1): 384, № 914]. Нечто подобное случается затем после смерти Александра I, когда императором становится Николай Павлович, а не его старший брат Константин Павлович. В обоих случаях нарушение традиции приюгенитур приводит к восстанию.

§ IV.4. Резюмируем сказанное о сочетании *отчич* и *дедич* в титуле русских государей (московских великих князей и царей). Это выражение, западнорусское по своему происхождению, в середине XV в. было усвоено в административном (приказном) языке Московской Руси (посредующим звеном была, видимо, канцелярия митрополита Ионы).

В Западной Руси выражение *отчичь* и *дѣдичь* означало то же, что каждый компонент этого сочетания. Как *отчичь*, так и *дѣдичь* обозначали наследственного владельца или властителя: эти слова, судя по всему, не противопоставлялись здесь одно другому, а скорее дополняли друг друга (явление «гlossирующей синонимии», по определению А. Золтана). То же означало и плеонастическое сочетание *отчичь* и *дѣдичь*; наличие двух слов с одинаковым значением создавало эффект амплификационного усиления.

В Московской Руси в контексте междоусобной борьбы за московский великокняжеский стол это выражение оказывается связанным с наследственной передачей власти в соответствии с принципом примогенитуры. В этих условиях выражение *отчич* и *дедич* означает легитимного наследника по прямой линии, получившего власть от отца, который в свою очередь получил ее от деда и т. п.

С установлением царской власти, когда междоусобная борьба перестает быть актуальной, выражение *отчичь* и *дедич* оказывается связанным с борьбой за признание за московским великим князем царского титула и таким образом становится фактором не внутренней, а международной политики.

Используя это выражение, русские цари утверждают, что царский титул достался им от прародителей. Это открывает широкие возможности для генеалогической мифологии. Так, Рюриковичи могут утверждать, что царский венец унаследован ими от Владимира Мономаха. Романовы не имеют кровной связи с династией Рюриковичей, поэтому Алексей Михайлович связывает свое царство с Византийской империей. Слово *отчич* в его титуле относится к Михаилу Федоровичу, первому царю в династии Романовых; между тем слово *дедич* может относиться как к русским великим князьям, так и к византийским василевсам.

Источники

ААЭ — Акты, собранные ... Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. 1–4. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1–5. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Гос. бумаг; и др., 1841–1842.

Акты Зап. России — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1–5. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии; и др., 1846–1853.

Акты юридические 1838 — Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Изданы Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1838.

Акты юридического быта — Акты, относящиеся до юридического быта Древней России / Изд. Археогр. комиссиею под ред. Николая Калачова. Т. 1–3. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1857–1864.

- Амфилохий 1863 — Выписка из подробной описи имуществу Воскресенского Новоерусалимского монастыря, 1680 года / Доставлена архмандритом Амфилохием // Известия Имп. Археологического общества. Т. 4. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1863. Стлб. 25–60.
- Барсов 1883 — *Барсов Е. В.* Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. М.: Университет. тип., 1883. (Отгиск из: ЧОИДР. 1883. Кн. 1).
- Бобровницкая, Мартынова 2005 — Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. «Премудрая двоица»: [Каталог выставки] / Авт.-сост. И. А. Бобровницкая, М. В. Мартынова. М.: Художник и книга, 2005.
- Викторов 1877–1883 — Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов / Сост. зав. архивом Оружейной палаты А. Викторов. Вып. 1. М.: Тип. С. П. Архипова и К°, 1877. Вып. 2. М.: Тип. М. П. Щепкина, 1883.
- Владимирская 2001 — Орел и лев: Россия и Швеция в XVII веке: Каталог выставки: Гос. Ист. музей 4.04–1.07.2001 / [Отв. ред. Н. С. Владимирская]. М.: [б. и.], 2001.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949.
- Герберштейн 1988 — *Герберштейн С.* Записки о Московии / [Пер. с нем. А. И. Малеина, А. В. Назаренко]. М., 1988.
- Глушакова 1974 — *Глушакова Ю. П.* Неопубликованные русские грамоты из ватиканского архива // Вопросы истории. 1974. № 6. С. 128–132.
- Гордеева и др. 2004 — Русский исторический портрет. Эпоха парсуны: [Изд. к выставке Гос. Ист. музея 26 дек. 2003 г. — 31 мая 2004 г.] / [Авт. ст. О. Г. Гордеева и др.]. М.: Художник и книга, [2004].
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин; под ред. С. В. Бахрушина. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
- Дмитриева 1955 — *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955.
- Доп. АИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 12 т. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии; и др., 1846–1875.
- ДРВ — Древняя российская вивлиофика ... изданная Николаем Новиковым. 2-е изд., вновь испр. Ч. 1–20. М.: Тип. Комп. типографической, 1788–1791.
- Древности 1851 — Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению Государя Императора Николая I. Отд. 4: Древние великокняжеские, царские, боярские и народные одежды. [Прилож.:] Альбом. [М.]: [б. и.], 1851. [Автором текста является И. М. Снегирев, см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета ... Ч. 2. М.: Университет. тип., 1855. С. 427. Литографии воспроизводят рисунки Ф. Г. Солнцева].
- Забелин 2001 — *Забелин И.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Языки рус. культуры, 2001.
- Запаско, Исаевич 1981–1984 — *Запаско Я., Исаевич Я.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків виданих на Україні: В 3 кн. Львів: Вища школа, 1981–1984.
- ЗОРСА (2) — Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. Т. 2. СПб.: Тип. И. Огризко, 1861.
- Иван Грозный 1951 — Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.

- Илари́й, Арсе́ний 1878–1879 — [Илари́й и Арсе́ний, иеромонахи]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры: В 3 ч. М.: Тип. Т. Рис, 1878–1879. (Оттиск из: ЧОИДР. 1878. Кн. 2, 4; 1879. Кн. 2; 1880. Кн. 4).
- Иоас. лет. — Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957.
- Каштанов, Баранов, 2005 — Русско-ливонский договор 1535 г. / Подгот. С. М. Каштанов, К. В. Баранов // Археографический ежегодник за 2004 год / Отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 2005. С. 451–515.
- Каштанов, Робинсон, 1961 — Две жалованные грамоты 1510 г. псковским монастырям / Вступ. ст. С. М. Каштанова, подгот. текста и примеч. С. М. Каштанова, А. Н. Робинсона // Записки Отдела рукописей [Гос. б-ки им. В. И. Ленина]. Вып. 24 / [Отв. ред. С. В. Житомирская]. М.: [б. и.], 1961. С. 221–258.
- Каштанов, Столярова 2004 — Посольская книга 1509–1571 гг. по связям русского государства с Балканами и Ближним Востоком («Греческие дела». Книга № 1) / Подгот. к изд. С. М. Каштанов, Л. В. Столярова // Россия и греческий мир в XVI веке / Отв. ред. С. М. Каштанов. Т. 1. М.: Наука, 2004. С. 127–380.
- Кормчая 1653 г. — Кормчая. М., 1653. (Ср. изд. буква в букву, слово в слово, строка в строку, лист в лист: Кормчая. Напечатана с подлинника Патриарха Иосифа. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912. Репринт последнего изд.: СПб.: [б. и.], 1997). [Кормчая 1653 г. готовилась к изданию при патриархе Иосифе, но издана была при патриархе Никоне].
- Котошихин — *Kotošixin Grigorij*. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Text and commentary / Ed. by A. E. Pennington. Oxford: Clarendon Press; Oxford Univ. Press, 1980. Ср. также: О России в царствование Алексея Михайловича / Соч. Григорья Котошихина; Изд. Археограф. комиссии. 4-е изд. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1906. [Ссылаемся на листы издаваемой рукописи, а не на страницы издания].
- Кузнецов, Кулакова 2001 — Памятники Смутного времени. Тушинский вор: Личность, окружение, время: Документы и материалы / Сост., вступ. ст. и коммент. В. И. Кузнецова, И. П. Кулаковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
- Курбский 1914 — Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные / [Под ред. Г. С. Кунцевича]. СПб.: [б. и.], 1914.
- Лобин 2012 — *Лобин А. Н.* Послание Василия III Великому магистру Альбрехту 1515 г. из собрания исторического Кенигсбергского секретного архива // Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 1. С. 141–152.
- Лобин 2013 — *Лобин А. Н.* Послание государя Василия III Ивановича императору Карлу V от 26 июня 1522 года: Опыт реконструкции текста // Петербургские славянские и балканские исследования. 2013. № 1. С. 130–141.
- Мец 1974 — *Мец Н. Д.* Монеты великого княжества Московского (1425–1462 гг.). М.: [б. и.], 1974.
- Муравьев 1858 — [Муравьев А. Н.]. Сношения России с Востоком по делам церковным. [Ч. 1]. СПб.: Тип. 3-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858.
- Орешников 1896 — Императорский Российский исторический музей имени императора Александра III. Описание памятников. Вып. 1: Русские монеты до 1547 г. / Описание сост. А. Орешников. М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1896.
- ПДС — Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными. Т. 1–10. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1851–1871.
- Переписка 1981 — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М.: Наука, 1981. (Репринт: М.: Наука, 1993).

- Переписная книга 1658 г. — Переписная книга домово́й казны Патриарха Никона, составленная в 7166 по велению царя Алексея Михайловича / Сообщ. И. Д. Беляевым // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 15. Ч. 2. М.: Университет. тип., 1852. С. 1–136. (Паг. отд.).
- Пешак 1974 — Грамоты XIV ст. / Упоряд., вступ. ст., комент. і словники-показчики М. М. Пешак. Київ: Наук. думка, 1974.
- Платонов, Майков, 1896 — Федора Грибоедова История о царях и великих князьях земли Русской: По списку Санкт-Петербургской духовной академии № 306 / Сообщ. С. Ф. Платонова, В. В. Майкова. СПб.: Синод. тип., 1896.
- Плигузов 2008 — Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Сост. А. И. Плигузов. М.: Языки славян. культур, 2008.
- Посольская книга 1988 — Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588–1594 гг. / Подгот. текста М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина. М.: Ин-т истории СССР, 1988.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. [Собр. 1-е: с 1649 по 12 декабря 1825 г.]: В 45 т. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1–43. СПб./Пг./Л.; М.: Тип. Э. Праца; и др., 1841–2004.
- Путешествия 1954 — Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / Подгот. Я. С. Лурье, Р. Б. Мюллер. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954.
- Рейтенфельс 1905 — *Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуа, 1680 / Изданием книгопродавца Петра Мария Фрамботти. С разрешения старших. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг ..., 1905.
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 1–39. СПб./Пг./Л.: Печатня В. И. Головина; и др., 1872–1927.
- РФА — Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / [Под ред. В. И. Буганова]. Вып. 1–5. М.: Ин-т истории СССР; и др., 1986–1992. (Продолж. паг. во всех выпусках).
- Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества. Т. 1–148. СПб./Пг.: Тип. А. Траншеля; и др., 1867–1916.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1–5. М.: Тип. Н. С. Всеволожского; и др., 1813–1894.
- Скржинская 1971 — Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971.
- Снимки 1880 — Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. Вып. 1. М.: Тип. А. Гатцука, 1880.
- Титулярник 1672 г. — Царский титулярник. Кн. 1: Титулярник 1672 г. [Факсимил. воспроизв.]. М.: Фонд Столярова, 2007.
- Троицкий 1928–1930 — *Троицкий В. И.* Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII века / Издан под наблюдением А. В. Орешникова. Вып. 1–2. Л.: Academia, 1928–1930.
- Трутовский 1913 — *Трутовский В.* «Романовская» церковно-археологическая выставка в Москве // Старые годы. 1913. Июнь. С. 36–43.
- Уо 1972 — Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси к Степану, королю польскому» [Псков, 1 октября 1579 г.] / Подгот. Д. К. Уо // Археографический ежегодник за 1971 год / [Отв. ред. С. О. Шмидт]. М.: Наука, 1972. С. 357–361.

- Федоров 1949 — *Федоров Г. Б.* Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359–1425) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2 / Под ред. А. В. Арциховского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. С. 144–185.
- Хождение 2000 — Хождение на восток гостя Василия Позняка с товарищи / Подгот. текста, пер. и коммент. О. А. Белобровой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10: XVI век. СПб.: Наука, 2000. С. 48–93, 569–578 (коммент.).
- Чертков 1834 — *Чертков А. Д.* Описание древних русских монет. М.: Тип. С. Селивановского, 1834.
- Чертков 1837 — *Чертков А. Д.* Описание древних русских монет. Прибавление первое. М.: Тип. С. Селивановского, 1837.
- Чертков 1840 — *Чертков А. [Д.]*. Описание посольства, отправленного в 1659 году при царе Алексее Михайловиче к Фердинанду II-му, Великому герцогу Тосканскому // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей Российских. Т. 3. Кн. 4. М.: Университет. тип., 1840. С. 311–369.
- Щапов 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976.
- Щербачев 1893 — *Щербачев Ю. Н.* Датский архив: Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. М.: Университет. тип., 1893.
- Яковлев 1865 — Русские старинные знамена / Сост. Лукиан Яковлев, помощник директора московской Оружейной палаты. М.: [б. и.], 1865.
- David 1965 — *David Georgius S. J.* Status modernus Magnae Russiae seu Moscoviae (1690) / Ed. with introduction and explanatory index by A. V. Florovskij. London; The Hague; Paris: Mouton, 1965.
- Korb 1700 — *Diarium itineris in Moscoviam ... Descriptum a Joanne Georgio Korb ... Viennae Austriae: Voigt, [1700].*
- Margeret 1855 — *Estat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est passé de plus memorable et tragique pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590, iusques en l'an 1606, en Septembre / Par le Capitaine Margeret. Nouvelle édition procedé d'une Notice biographique et bibliographique par Henri Chevreul. Paris: Chez L. Potier, 1855.*
- Scerbacev 1915 — *Acta Hafniensia ad historiam Rossicam pertinentia / Collegit et typis imprimenda curavit G. Scerbacev. Fasc. 1: A[nni] MCCCXXVI–MDLLXIX = [Щербачев Ю. Н.]. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 1: 1326–1569 гг. М.: Синод. тип., 1915.*

Словари

- Сл. РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Отв. ред. С. Г. Бархударов и др. Вып. 1–. М.: Наука; и др., 1975–2019.
- Сл. ст.-укр. яз. — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: У 2 т. / Уклад.: Д. Г. Гринчишин та ін. Київ: Наук. думка, 1977–1978.
- Сл. ц.-сл. и рус. яз. — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук: В 4 т. 2-е изд. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1867–1868.
- Срезневский 1893–1912 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1903. Дополнения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. А. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–. М.: Наука, 1974–.

Sparwenfeld 1987–1992 — *Sparwenfeld J. G.* Lexicon Slavonicum / Ed. and comment. by U. Birgegård. Vol. 1–4. Uppsala: Uppsala Univ. Library Slavic manuscript collection, 1987–1990. Index. Uppsala: Uppsala Univ. Library Slavic manuscript collection, 1992.

Литература

Агоштон 2004 — *Агоштон М.* Титул правителя Московского государства (1474–1533 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 2004. Вып. 9. С. 6–36.

Агоштон 2005 — *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики / Пер. Д. Л. Семушин. М.: Древлехранилище, 2005.

Агоштон 2005/2003 — *Агоштон М.* Символы Российского государственного герба: Происхождение двуглава и эмблематика. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. (1-я публ. под др. названием: 2003 г.).

Агоштон 2006 — *Агоштон М.* К проблеме происхождения русского двуглавого орла // Труды кафедры истории России [Санкт-Петербургского гос. ун-та] с древнейших времен до XX в. [Т. 1] / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2006. С. 87–94.

Алеф 2002/1959 — *Алеф Г.* Политическое значение надписей на московских монетах эпохи Василия II / Пер. с англ. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М.: Языки славян. культуры, 2002. С. 591–609. (1-я публ.: 1959 г.).

Алеф 2002/1966 — *Алеф Г.* Заимствование Москвой двуглавого орла: точка зрения несогласного / Пер. с англ. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М.: Языки славян. культуры, 2002. С. 621–641. (1-я публ.: 1966 г.).

Арсеньев 1908 — *Арсеньев Ю. В.* Геральдика: Лекции, читанные в Московском Археологическом Институте в 1907/8 году. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1908.

Борисова 1992 — *Борисова Т. С.* О составе Буслаевской Псалтыри // Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур: Инф. бюллетень. Вып. 25: Спец. вып. в честь праздника славянской письменности 1992 года в Москве. М.: [б. и.], 1992. С. 98–114.

Водов 2002/1988 — *Водов В. А.* Титул «царь» в Северо-Восточной Руси в 1440–1460 гг. и древнерусская литературная традиция / Пер. с фр. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М.: Индрик, 2002. С. 543–553. (1-я публ.: 1988 г.).

Дзярнович 2006 — *Дзярнович О. И.* Казус с заменой имени: Союзнический договор 1501 г. Великого княжества Литовского с Ливонией и династический кризис 1497–1499 гг. в России // Труды кафедры истории России [Санкт-Петерб. гос. ун-та] с древнейших времен до XX в. [Т. 1] / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2006. С. 284–293.

Дубовик 2010 — *Дубовик В. В.* Родословные росписи «Иоанна Тимофея Шуйского» — самозванца Тимофея Акиндинова // Самозванцы и самозванчество в Московии: Материалы междунар. науч. семинара (25 мая 2009 г., Будапешт) / Ред. Д. Свак. Будапешт: *Rusica Pannonicana*, [2010]. С. 155–184.

Живов 2002/1988 — *Живов В. М.* История русского права как лингвосемиотическая проблема // Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славян. культуры, 2002. С. 187–305. (1-я публ.: 1988 г.).

Живов, Успенский 1996/1987 — *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и перераб. Шк. «Языки рус. культуры», 1996. С. 205–336. (1-я публ.: 1987 г.).

- Жордания 1959 — *Жордания Г.* Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв.: В 2 ч. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1959.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Зеленская 2002 — *Зеленская Г. М.* Прижизненные изображения святейшего патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. Г. М. Зеленская. М.: Сев. паломник, 2002. С. 7–14.
- Золтан 2002/1983 — *Золтан А.* К предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М.: Индрик, 2002. С. 554–590. (1-я публ.: 1983 г.).
- Золтан, 2002/1988 — *Золтан А.* Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М.: Индрик, 2002. С. 766–804. (1-я публ.: 1988 г.).
- Золтан 2014 — *Золтан А.* *Interslavica*: Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М.: Индрик, 2014.
- Каменцева, Устюгов 1963 — *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высш. школа, 1963.
- Канторович 2014/1957 — *Канторович Э. Х.* Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. (1-я публ.: 1957 г.).
- Карамзин 1842–1843 — *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. 5-е изд. СПб.: Тип. Э. Праца, 1842–1843. [Ср.: Ключ, или Алфавитный указатель к Истории государства Российского ... сост. П. Строевым. СПб.: Тип. Э. Праца, 1844].
- Карданова 2004 — *Карданова М. Б.* Грамота царя Алексея Михайловича и современный ей перевод на итальянский язык // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 11 / Отв. ред. М. Ю. Люстров. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 828–865.
- Каштанов 1997 — *Каштанов С. М.* Эволюция великокняжеского и царского титула в грамотах афонских монастырей XVI в. // Россия и христианский Восток. Вып. 1. М.: Индрик, 1997. С. 105–134.
- Каштанов 2004 — *Каштанов С. М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // Россия и греческий мир в XVI веке / Отв. ред. С. М. Каштанов. Т. 1. М.: Наука, 2004. С. 8–40.
- Комашко 2003 — *Комашко Н. И.* Живописец Богдан Салтанов в контексте художественной жизни Москвы второй половины XVII века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 44–54.
- Кучкин 1972 — *Кучкин В. А.* О времени написания Буслаевской Псалтири // Древнерусское искусство: Рукописная книга. [Сб. 1]. М.: Наука, 1972. С. 218–225.
- Лаврентьев 2014 — *Лаврентьев А. В.* Принадлежал ли Ивану Грозному «шлем Ивана Грозного»? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 2. С. 92–111.
- Лакиер 1855 — Русская геральдика / Соч. А. Лакиера: В 2 кн. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1855. (Продолж. паг. в обеих книгах).
- Лихачев 1897 — *Лихачев Н.* Московский золотой. [М., 1897]. (Оттиск из: Археологические известия и заметки. 1897. № 7–8).
- Лурье 1960 — *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
- Молчанов 2008 — *Молчанов А. А.* Предыстория московского герба // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год: Рюриковичи и российская государственность / Отв. ред. М. В. Бибииков. М.: Индрик, 2008. С. 457–464.
- Овчинникова 1955 — *Овчинникова Е. С.* Портрет в русском искусстве XVII века: Материалы и исследования. М.: Искусство, 1955.

- Огородников 1913 — *Огородников В. И.* Иван III и зарубежные евреи // Сборник статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова по поводу сорокалетия его ученой и пятидесятилетия учено-литературной деятельности: История, история литературы, археология, языковедение, философия, педагогика. Казань: 1-й кн. маг. М. А. Голубева, 1913. С. 52–75.
- Острогорский 1935 — *Острогорский Г.* Автократор и самодержца: Прилог за историју владалачке титулатуре у Византији и у јужних Словена // Глас Српске Краљевске Академије. Т. 164. Други разред, 84. 1935. С. 95–187.
- Попов 1875 — *Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.). М.: Тип. Т. Рис, 1875.
- Пресняков 1920 — *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг.: 9-я Гос. тип., 1920.
- Пчелов 2017 — *Пчелов Е. В.* Государственная печать Алексея Михайловича 1667 г.: к 350-летию герба Московского царства // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 147–157.
- Савва 1901 — *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и Сыновья, 1901.
- Синицына 1989 — *Синицына Н. В.* О происхождении понятия «шапка Мономаха» (К вопросу о концепциях римско-византийского преемства в русской общественно-политической мысли XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987 год / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. С. 189–196.
- Смирнов 1874 — *Смирнов А.* Святейший патриарх Филарет Никитич, московский и всея России. М.: Тип. и лит. А. В. Кудрявцева, 1874. (Оттиск из: Чтения О-ва любителей духовного просвещения. 1873. Январь, март, июнь, октябрь; 1874. Февраль — май).
- Соловьев 1959–1966 — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. М.: Соцэкгиз, 1959–1966.
- Сонцов 1860 — *Сонцов Д.* Деньги и пулы Древней Руси, великокняжеские и удельные. М.: Университет. тип., 1860.
- Спаский 1955 — *Спаский И. Г.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.: Историко-нумизматическое исследование // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 3 / Под ред. А. В. Арциховского. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1955. С. 214–363.
- Спаский 2013/1976 — *Спаский И. Г.* Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Спаский И. Г. Русское золото: Сб. избр. ст. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 254–277. (1-я публ.: 1976 г.).
- Спаский 2013/1982 — *Спаский И. Г.* «Византийский» золотой царя Алексея Михайловича // Спаский И. Г. Русское золото: Сб. избр. ст. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 298–314. (1-я публ.: 1982 г.).
- Тихонравов 1898 — Сочинения Н. С. Тихонравова. Т. 1. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1898.
- Трепавлов 2017 — *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. 2-е изд, испр. и доп. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017.
- Троицкий 1929 — *Троицкий С. В.* Значение слова ἐξαδέλφη в 54 правиле Трулльского собора // Труды IV-го съезда русских академических организаций в Белграде, 16–23 сентября 1928 года. Ч. 1. Белград: [Изд. Рус. науч. ин-та], 1929. С. 291–304.
- Ульяновский 1991 — *Ульяновский В. А.* Дело пана маршалка Йозефа Вандалина из Великих Кончиц Мнишка и тайные документы Лжедмитрия I // Советское славяноведение. 1991. № 3. С. 81–87.

- Успенский, 1996 — *Успенский Б. А.* Восприятие истории в древней Руси и доктрина «Москва — третий Рим» // Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и перераб. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. С. 83–123.
- Успенский 1996/1994 — *Успенский Б. А.* Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и перераб. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. С. 381–432. (1-я публ.: 1994 г.).
- Успенский 1998 — *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Языки рус. культуры, 1998.
- Успенский, 2002/1996 — *Успенский Б. А.* Литургический статус царя в русской церкви: Историко-литургический этюд // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. С. 229–278. (1-я публ.: 1996 г.).
- Успенский 2006 — *Успенский Б. А.* Крест и круг: Из истории христианской символики. М.: Языки славян. культур, 2006.
- Успенский 2020 — *Успенский Б. А.* Загадочная форма в титуле русских царей // *Slověne*. Т. 9. № 1. 2020. С. 163–184.
- Успенский, Успенский, 2017 — *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
- Хорошкевич 1980a — *Хорошкевич А. Л.* К взаимоотношениям князей Московского дома во второй половине XIV — начале XV века // Вопросы истории. 1980. № 6. С. 170–174.
- Хорошкевич 1980b — *Хорошкевич А. С.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М.: Наука, 1980.
- Эскин 2007 — *Эскин Ю. М.* Титулярник — тексты и изображения // Царский титулярник. Кн. 2: Тексты, исследование и комментарии. М.: Фонд Стоялова, 2007. С. 12–35.
- Янин 1991 — *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М.: Наука, 1991.
- Lenhoff 1997 — *Lenhoff G.* Early Russian hagiography: The lives of Prince Fedor the Black. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997.
- Nitsche 1972 — *Nitsche P.* Grossfürst und Thronfolger: Die Nachfolgepolitik der Moskauer Herrscher bis zum Ende des Rjurikidenhauses. Köln; Wien: Böhlau, 1972.
- Ostrogorsky 1952 — *Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. 2 Aufl. München: Beck, 1952.
- Santifaller 1949 — 1100 Jahre österreichische und europäische Geschichte in Urkunden und Dokumenten des Haus-, Hof- und Staatsarchivs: 100 Lichtdrucktafeln mit Transkriptionen und Erläuterungen / In Verbindung mit Fachgenossen und unter Mitarbeit der Beamten des Haus-, Hof- und Staatsarchivs herausgegeben von Leo Santifaller. Wien: Druck und Kommissionsverlag der Österreichischen Staatsdruckerei, 1949.
- Soloviev 1934 — *Soloviev A.* [Соловьев А.]. Corona regni (Развитие идеи государства в славянских монархиях XIV века) // *Przewodnik historyczno-prawny* = *Revue d'histoire du droit* = *Zeitschrift für Rechtsgeschichte* [Lwów]. Roc. 4 (za rok 1933). 1934. S. 27–48.
- Strakhov 1998 — *Strakhov O. B.* The Byzantine culture in Muscovite Rus': The case of Evfimii Chudovskii (1620–1705). Köln; Wien: Böhlau, 1998.

Сокращения

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

References

- Agoshton [= Ágoston], M. (2003). *Zmeeborets i dvuglav: K probleme formirovaniia Rossiiskoi gosudarstvennoi simvoliki* [The Dragon Slayer and the two-headed eagle: On the problem of the origin of Russian state symbols]. Szilv Történeti és Filológiai Társaság; Savaria Press. (In Russian).
- Agoshton [= Ágoston], M. (2004). Titul pravitelia Moskovskogo gosudarstva (1474–1533 gg.) [The title of the ruler of Muscovy (1474–1533)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. 4*, 2004(9), 6–36. (In Russian).
- Agoshton [= Ágoston], M. (2005). *Velikokniazheskaia pechat' 1497 g.: K istorii formirovaniia russkoi gosudarstvennoi simvoliki* [The grand-princely seal of 1497: On the history of the origin of Russian state symbols]. Drevlekhranilishche. (In Russian).
- Agoshton [= Ágoston], M. (2006). K probleme proiskhozhdeniia russkogo dvuglavogo orla [On the problem of the origin of the Russian two-headed eagle]. In A. Iu. Dvornichenko (Ed.). *Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishikh vremen do XX v.* (Vol. 1, pp. 87–94). Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).
- Alef, G. (1959). The political significance of the inscriptions on Muscovite coinage in the reign of Vasilii II. *Speculum*, 34(1), 1–18.
- Alef, G. (1966). The adoption of the Muscovite two-headed eagle: A discordant view. *Speculum*, 41(1), 1–21.
- Arsen'ev, Iu. V. (1908). *Geral'dika: Lektsii, chitannye v Moskovskom arkheologicheskom institute v 1907/8 godu* [Heraldry: The lectures given at the Moscow Institute of Archaeology in 1907/8]. Pechatnia A. I. Snegirevoi. (In Russian).
- Borisova, T. S. (1992). O sostave Buslaevskoi Psaltyri [On the contents of the Buslaev Psalter]. In *Mezhdunarodnaia assotsiatsiia po izucheniiu i rasprostraneniui slavianskikh kul'tur: Informatsionnyiulleten'* (Issue 25, pp. 98–114). [n. p.]. (In Russian).
- Dubovik, V. V. (2010). Rodoslovnye rospisi “Ioanna Timofeia Shuiskogo” — samozvantsa Timofeia Akindinova [The genealogical tables of “Ioann Timofei Shuiskii” — the impostor Timofei Akindinov]. In G. Szvák (Ed.). *Samozvantsy i samozvanchestvo v Moskovii: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara (25 maia 2009 g., Budapesht)* (pp. 155–184). Rusica Pannonicana. (In Russian).
- Dziarnovich, O. I. (2006). Kazus s zamenoi imeni: Soiuznicheskii dogovor 1501 g. Velikogo kniazhestva Litovskogo s Livoniei i dinasticheskii krizis 1497–1499 gg. v Rossii [The name change incident: The treaty of alliance between the Grand Duchy of Lithuania and Livonia and the Russian dynastic crisis of 1497–1499]. In A. Iu. Dvornichenko (Ed.). *Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishikh vremen do XX v.* (Vol. 1, pp. 284–293). Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).
- Eskin, Iu. M. (2007). Tituliarnik — teksty i izobrazheniia [The Book of Titles — texts and images]. In *Tsarskii tituliarnik*, (Book 2) *Teksty, issledovanie i kommentarii* (pp. 12–35). Fond Stoliarova. (In Russian).
- Ianin, V. L. (1991). *Novgorodskie akty XII–XV vv.: Khronologicheskii kommentarii* [Novgorod deeds of the 12th–15th cc.: A chronological commentary]. Nauka. (In Russian).
- Kamentseva, E. I., & Ustiugov, N. V. (1963). *Russkaia sfragistika i geraldika* [Russian sphragistics and heraldry]. Vysshiaia shkola. (In Russian).
- Kantorowicz, E. H. (1957). *The king's two bodies: A study in medieval political theology*. Princeton Univ. Press.
- Karamzin, N. M. (1842–1843). *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian state] (12 Vols.). Tipografiia E. Pratsa. (In Russian).
- Kardanova, M. B. (2004). Gramota tsaria Alekseia Mikhailovicha i sovremennyi ei perevod na ital'ianskii iazyk [The charter by tsar Aleksei Mikhailovich and its contemporary translation into Italian]. In M. Iu. Liustrov (Ed.). *Germenevtika drevnerusskoi literatury* (Vol. 11, pp. 828–865). Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

- Kashtanov, S. M. (1997). Evoliutsiia velikokniazheskogo i tsarskogo titula v gramotakh afonskikh monastirei XVI v. [The evolution of the title of grand princes and tsars in 16th c. cloisteral charters on Mt. Athos]. In *Rossiia i khristianskii Vostok* (Issue 1, pp. 105–134). Indrik. (In Russian).
- Kashtanov, S. M. (2004). Sostav i sodержanie dokumentov “grecheskikh” posol’skikh knig № 1 i 2 [The layout and contents of the documents contained in the first and second “Greek” ambassadorial books]. In S. M. Kashtanov (Ed.). *Rossiia i grecheskii mir v XVI veke* (Vol. 1, pp. 8–40). Nauka. (In Russian).
- Khoroshkevich, A. L. (1980a). K vzaimootnosheniiam kniazei Moskovskogo doma vo vtoroi polovine XIV — nachale XV veka [On the relationships between the princes of the Muscovite dynasty in the second half of the 14th century — early 15th century]. *Voprosy istorii*, 1980(6), 170–174. (In Russian).
- Khoroshkevich, A. S. (1980b). *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XV — nachala XVI v.* [The Russian state in the system of international relations in the late 15th — early 16th c.] Nauka. (In Russian).
- Komashko, N. I. (2003). Zhivopisets Bogdan Saltanov v kontekste khudozhestvennoi zhizni Moskvy vtoroi poloviny XVII veka [The painter Bogdan Saltanov within the context of Moscow art life in the second half of the 17th century]. *Drevniaia Rus’*. *Voprosy medievistiki*, 2003(2(12)), 44–54. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. (1972). O vremeni napisaniia Buslaevskoi Psaltiri [On the date of creation of the Buslaev Psalter]. In *Drevnerusskoe iskusstvo: Rukopisnaia kniga* (Vol. 1, pp. 218–225). Nauka. (In Russian).
- Lakier, A. (1855). *Russkaia geraldika* [Russian heraldry] (Vol. 2). Tipografiia 2-go otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. kantseliarii. (In Russian).
- Lavrent’ev, A. V. (2014). Prinadlezhal li Ivanu Groznomu “shlem Ivana Groznogo”? [Did “the helmet of Ivan the Terrible” belong to Ivan the Terrible?]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2014(2), 92–111. (In Russian).
- Lenhoff, G. (1997). *Early Russian hagiography: The lives of Prince Fedor the Black*. Harrassowitz.
- Likhachev, N. (1897). Moskovskii zolotoi [A Muscovite gold coin]. [A print from *Arkheologicheskie izvestiia i zametki*, 1897(7–8)]. (In Russian).
- Lur’e, Ia. S. (1960). *Ideologicheskaiia bor’ba v russkoi publitsistike kontsa XV — nachala XVI veka* [Ideological struggle in Russian publicism in the late 15th — early 16th c.]. Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Molchanov, A. A. (2008). Predystoriia moskovskogo gerba [The background history of the Moscow crest]. In M. V. Bibikov (Ed.). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2005 god: Riurikovichi i rossiiskaia gosudarstvennost’* (pp. 457–464). Indrik. (In Russian).
- Nitsche, P. (1972). *Grossfürst und Thronfolger: Die Nachfolgepolitik der Moskauer Herrscher bis zum Ende des Riurikidenhauses*. Böhlau. (In German).
- Ogorodnikov, V. I. (1913). Ivan III i zarubezhnye evrei [Ivan III and foreign Jews]. In *Sbornik statei v chest’ Dmitriia Aleksandrovicha Korsakova po povodu sorokaletii ego uchenoi i piatidesiatiletiiia ucheno-literaturnoi deiatel’nosti: Istoriia, istoriia literatury, arkheologiiia, iazykovedenie, filosofiiia, pedagogika* (pp. 52–75). 1-i knizhnyi magazin M. A. Golubeva. (In Russian).
- Ostrogorskii, G. (1935). Avtokrator i samodrzhat: Prilog za istoriju vladalachke titulature u Vizantiji i u juzhnikh Slovena [The autocrat and the autocrat: An essay on the history of rulers’ titles in the Byzantine Empire and among the South Slavs]. *Glas Srpske Kraljevske Akademije*, 164, Drugi razred (84), 95–187. (In Serbian).
- Ostrogorsky, G. (1952). *Geschichte des byzantinischen Staates* (2nd ed.). Beck. (In German).

- Ovchinnikova, E. S. (1955). *Portret v russkom iskusstve XVII veka: Materialy i issledovaniia* [Portrait in 17th century Russian art: Materials and studies]. Iskusstvo. (In Russian).
- Pchelov, E. V. (2017). Gosudarstvennaia pechat' Alekseia Mikhailovicha 1667 g.: k 350-letiiu gerba Moskovskogo tsarstva [The 1667 state seal of Aleksei Mikhailovich: To mark the 350th anniversary of the crest of the Tsardom of Muscovy]. *Vestnik arkhivista*, 2017(4), 147–157. (In Russian).
- Popov, A. (1875). *Istoriko-literaturnyi obzor drevnerusskikh polemicheskikh sochinenii protiv latinian (XI–XV v.)* [A historical and literary overview of Old Russian polemics against Catholicism (11th–15th cc.)]. Tipografiia T. Ris. (In Russian).
- Presniakov, A. E. (1920). *Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva: Ocherki po istorii XIII–XV stoletii* [The emergence of the Great Russian state: Essays on Russian history in the 13th–15th cc.]. 9-ia Gosudarstvennaia tipografiia. (In Russian).
- Santifaller, L. (Ed.) (1949). *1100 Jahre österreichische und europäische Geschichte in Urkunden und Dokumenten des Haus-, Hof- und Staatsarchivs: 100 Lichtdrucktafeln mit Transkriptionen und Erläuterungen*. Druck und Kommissionsverlag der Österreichischen Staatsdruckerei. (In German).
- Savva, V. (1901). *Moskovskie tsari i vizantiiskie vasilevsy: K voprosu o vliianii Vizantii na obrazovanie idei tsarskoi vlasti moskovskikh gosudarei* [The tsars of Moscow and the basileis of the Byzantine Empire: On the issue of Byzantine influence on the origin of the idea of the Tsar's power among Muscovite rulers]. Tipografiia i litografiia M. Zil'berberg i Synov'ia. (In Russian).
- Sinit'syna, N. V. (1989). O proiskhozhdenii poniatiiia "shapka Monomakha" (K voprosu o kontseptsiiakh rimsko-vizantiiskogo preemstva v russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XV–XVI vv.) [On the origin of the "Monomakh's cap" concept (On the concepts of Roman-Byzantine continuity in Russian sociopolitical thought in the 15th–16th cc.)]. In A. P. Novosel'tsev (Ed.). *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR: Materialy i issledovaniia*. 1987 god (pp. 189–196). Nauka. (In Russian).
- Smirnov, A. (1874). *Sviateishii patriarkh Filaret Nikitich, moskovskii i vseia Rossii* [His Holiness Filaret Nikitich, the Patriarch of Moscow and All Russia]. Tipografiia i litografiia A. V. Kudriavtseva. [A print from *Chteniiia Obshchestva liubiteli dukhovnogo prosveshcheniia*, 1873 (January, March, June, October), 1874 (February — May)]. (In Russian).
- Solov'ev, S. M. (1959–1966). *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [The history of Russia from the earliest times] (15 Vols.). Sotsekgiz. (In Russian).
- Soloviev, A. (1934). Corona regni (Razvitie idei gosudarstva v slavianskikh monarkhiakh XIV veka) [Corona regni (The evolution of the idea of the state in 14th century Slavic monarchies)]. *Przewodnik historyczno-prawny = Revue d'histoire du droit = Zeitschrift für Rechtsgeschichte*, 2, 27–48. (In Russian).
- Sontsov, D. (1860). *Den'gi i puly Drevnei Rusi, velikokniazheskie i udel'nye* [Half-kopeck coins and mites of Old Rus', grand-princely and apanage]. Universitetskaia tipografiia. (In Russian).
- Spasskii, I. G. (1955). Denezhnoe obrashchenie v Moskovskom gosudarstve s 1533 po 1617 g.: Istoriko-numizmaticheskoe issledovanie [Currency circulation in Muscovy from 1533 to 1617: A study in history and numismatics]. In A. V. Artsikhovskii (Ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Moskvy* (Vol. 3, pp. 214–363). Akademiia nauk SSSR. (In Russian).
- Spasskii, I. G. (2013a). Monetnoe i monetovidnoe zoloto v Moskovskom gosudarstve i pervye zoloty Ivana III [Crown gold and coin-shaped gold in Muscovy and the first gold pieces of Ivan III]. In I. G. Spasskii. *Russkoe zoloto: Sbornik izbrannykh statei* (pp. 254–277). Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. (In Russian).
- Spasskii, I. G. (2013b). "Vizantiiskii" zolotoi tsaria Alekseia Mikhailovicha [The "Byzantine" gold piece of tsar Aleksei Mikhailovich]. In I. G. Spasskii. *Russkoe zoloto: Sbornik izbrannykh statei* (pp. 298–314). Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. (In Russian).

- Strakhov, O. B. (1998). *The Byzantine culture in Muscovite Rus': The case of Evfimii Chudovskii (1620–1705)*. Böhlau.
- [Tikhonravov, N. S.] (1898). *Sochineniia N. S. Tikhonravova* [N. S. Tikhonravov's works] (Vol. 1). Izdanie M. i S. Sabashnikovykh. (In Russian).
- Trepavlov, V. V. (2017). *"Belyi tsar'": Obraz monarkha i predstavleniia o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* ["The white tsar": The image of the monarch and ideas regarding allegiance among the nations of Russia in the 15th–18th cc.] (2nd ed.). Izdatel'stvo Olega Abyshko. (In Russian).
- Troitskii, S. V. (1929). Znachenie slova ἐξαδέλφῃ v 54 pravile Trull'skogo sobora [The meaning of the word ἐξαδέλφῃ in Rule 54 of the Council in Trullo]. In *Trudy IV-go s'ezda russkikh akademicheskikh organizatsii v Belgrade, 16–23 sentiabria 1928 goda* (Part 1, pp. 291–304). [Izdanie Russkogo nauchnogo instituta]. (In Russian).
- Ul'ianovskii, V. A. (1991). Delo pana marshalka Iozefa Vandalina iz Velikikh Konchits Mnishka i tainye dokumenty Lzhedmitriia I [The case of marshal Iozef Vandalin of Velikie Konchitsy of Mnieszek and the secret documents of False Dmitry I]. *Sovetskoe slavianovedenie, 1991*(3), 81–87. (In Russian).
- Uspenskij, B. A. (1996a). Dualisticheskii kharakter russkoi srednevekovoi kul'tury (na materiale "Khozheniia za tri moria" Afanasiia Nikitina) [The dualist nature of medieval Russian culture (based on "A journey beyond the three seas" by Afanasii Nikitin)]. In B. A. Uspenskij. *Izbrannye trudy*, (Vol. 1) *Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* (2nd ed., pp. 381–432). Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". (In Russian).
- Uspenskij, B. A. (1996b). Vospriatie istorii v drevnei Rusi i doktrina "Moskva — tretii Rim" [The perception of history in Old Rus' and the "Moscow, third Rome" doctrine]. In B. A. Uspenskij. *Izbrannye trudy*, (Vol. 1) *Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* (2nd ed., pp. 83–123). Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". (In Russian).
- Uspenskij, B. A. (1998). *Tsar' i patriarch: Kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie)* [The tsar and the patriarch: The charisma of power in Russia (The Byzantine model and its Russian reinterpretation)]. Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).
- Uspenskij, B. A. (2002). Liturgicheskii status tsaria v russkoi tserkvi: Istoriko-liturgicheskii etiud [The liturgical status of the tsar in the Russian church: A historical and liturgical study]. In B. A. Uspenskij. *Etiudy o russkoi istorii* (pp. 229–278). Azbuka. (In Russian).
- Uspenskij, B. A. (2006). *Krest i krug: Iz istorii khristianskoi simboliki* [The cross and the circle: From the history of Christian symbolism]. Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian).
- Uspenskij, B. A. (2020). Zagadochnaia forma v titule russkikh tsarei [An enigmatic form in the title of Russian tsars]. *Slověne, 9*(1), 163–184. (In Russian).
- Uspenskij, B. A., & Uspenskij, F. B. (2017). *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic names in Rus']. Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Vodoff, W. (1988). Le titre *tsar'* dans la Russie du nord-est vers 1440–1460 et la tradition littéraire vieux-russe. In *Studia Slavico-byzantina et mediaevalia Europensia* (Vol. 1, pp. 54–60). Centre for Slavo-Byzantine Studies. (In French).
- Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect] (2nd ed.). Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Zelenskaia G. M. (2002). Prizhiznennye izobrazheniia sviateishego patriarcha Nikona [Intravital images of His Holiness Patriarch Nikon]. In G. M. Zelenskaia (Ed.). *Nikonovskie chteniia v muzee "Novyi Ierusalim"*: *Sbornik statei* (pp. 7–14). Severnyi palomnik. (In Russian).
- Zhivov, V. M. (1988). Istoriia russkogo prava kak lingvosemioticheskaiia problema [Russian legal history as a linguosemiotic problem]. In M. Halle, K. Pomorska, E. Semeka-Pankratov, & B. Uspenskij (Eds.). *Semiotics and the history of culture: In honor of Jurij Lotman. Studies in Russian* (pp. 46–128). Slavica. (In Russian).

- Zhivov, V. M., & Uspenskij, B. A. (1996). Tsar' i Bog (Semioteskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii) [The tsar and God (Semiotic aspects of sacralization of the monarch in Russia)]. In B. A. Uspenskij. *Izbrannye trudy*, (Vol. 1) *Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* (2nd ed., pp. 205–336). Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". (In Russian).
- Zhordaniia, G. (1959). *Ocherki iz istorii franko-russkikh otnoshenii kontsa XVI i pervoi poloviny XVII vv.* [Essays on the history of French-Russian relations in late 16th — first half 17th cc.] (2 Vols.). Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta. (In Russian).
- Zoltan [= Zoltán], A. (2002a). K predystorii russk. "gosudar'" [On the prehistory of the Russian word "gosudar'" ("lord")]. In A. F. Litvina, & F. B. Uspenskij (Eds.). *Iz istorii russkoi kul'tury*, (Vol. 2, Book 1) *Kievskaiia i Moskovskaiia Rus'* (pp. 554–590). Indrik. (In Russian).
- Zoltan [= Zoltán], A. (2014). *Interslavica: Issledovaniia po mezhslovianskim iazykovym i kul'turnym kontaktam* [Interslavica: Studies in inter-Slavic linguistic and cultural contacts]. Indrik, 2014. (In Russian).
- Zoltan [= Zoltán], A. (2002b). Puti proniknoveniia zapadnorusskoi leksiki v velikorusskii delovoi iazyk v XV v. [Routes of borrowing of West Russian vocabulary into business Great Russian in the 15th c.]. In A. F. Litvina, & F. B. Uspenskij (Eds.). *Iz istorii russkoi kul'tury*, (Vol. 2, Book 1) *Kievskaiia i Moskovskaiia Rus'* (pp. 766–804). Indrik. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Борис Андреевич Успенский

доктор филологических наук
зав. Лабораторией лингвосемiotических
исследований, Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая
Басманная ул., д. 21/4, А–118
✉ borisusp@gmail.com

Boris A. Uspenskij

Dr. Sci. (Philology)
Head, Laboratory of Linguo-Semiotic Studies,
National Research University Higher School
of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4, A–118
✉ borisusp@gmail.com

А. Л. Корзинин

ORCID: 0000-0003-3249-1249

✉ a.korzinin@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)

Путь к власти САБУРОВЫХ и ГОДУНОВЫХ

Аннотация. Статья посвящена роли представителей рода Сабуровых и Годуновых при великокняжеском дворе в XV–XVI вв. Путь к власти Сабуровых и Годуновых исследуется через различные служебные назначения, представительство в Боярской думе и дворцовой администрации, рассмотрение брачных и семейных связей. Рассматривая биографии потомков костромского боярина Дмитрия Зерна в контексте внутривосполитических событий, автор акцентирует внимание на царствовании Ивана Грозного, когда клан Годуновых значительно усиливается и опережает Сабуровых. По мнению автора, главными причинами внезапного роста могущества Годуновых стали сплоченность и корпоративность рода, умелое использование Годуновыми сложившейся политической конъюнктуры и удачно подвернувшегося шанса продвижения по службе в опричном царском дворе, женитьба Бориса Федоровича Годунова на дочери ближайшего соратника царя Малюты Скуратова, за которой последовала свадьба царевича Федора на родной сестре Бориса Ирине Федоровне. Сюжеты, связанные со служебными успехами Сабуровых и Годуновых, дополняются экскурсами в область антропоники, исследованием специфики наречения крестильными и монашескими именами женщин — представительниц изучаемых родов.

Ключевые слова: генеалогия, антропоники, Сабуровы, Годуновы, Государев двор, Василий III, Иван Грозный, Борис Годунов, Софья Витовтовна, Софья Палеолог, Соломония Сабурова

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

Автор выражает искреннюю признательность Ф. Б. Успенскому за помощь в антропоникическом исследовании.

Для цитирования: Корзинин А. Л. Путь к власти Сабуровых и Годуновых // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 287–311. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-287-311>.

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2020 г.
Принято к печати 24 ноября 2020 г.

A. L. Korzinin

ORCID: 0000-0003-3249-1249

✉ a.korzinin@spbu.ru

St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)

THE PATH TO POWER OF THE SABUROVS AND THE GODUNOVs

Abstract. The article is devoted to the analysis of the political role of Saburovs and Godunovs at the Sovereign's court in the 15th–16th centuries. The path to power of the Saburov and Godunov clans is analyzed through various official appointments, representation in the Boyar Duma and in the Court administration, by examining the marriage and family ties of persons belonging to these clans. The author focuses his main attention on the reign of Ivan the Terrible, when the Godunov clan was significantly strengthened and outstripped the Saburovs. The author proposes an explanation for the suddenly increasing influence of the Godunovs, which involves such factors as cohesion and corporatism of the clan, a skillful use of the current political situation and the unexpected chance for promotion in the Oprichny Court, the marriage of Boris Fedorovich Godunov to the daughter of the favorite of the Tsar, Malyuta Skuratov, which was followed by the wedding of Tsarevich Fyodor to Boris's sister Irina Fyodorovna. Plots related to the service of the Saburovs and the Godunovs are complemented by excursions into the field of anthroponymy, the study of secular and monastic names of female representatives of these clans.

Keywords: genealogy, anthroponymy, Saburovs, Godunovs, Sovereign Court, Vasily III, Ivan the Terrible, Boris Godunov, Sofia Viotovtovna, Sophia Paleologue, Solomoniia Saburova

Acknowledgements. The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00247 "Court of Russian Princesses in the System of Power Structures of Ancient Russia and Western Europe during the Middle Ages and Early Modern Times (11th–16th cc.)".

The author expresses sincerely gratitude to F. B. Uspensky for the help in anthroponymic research.

To cite this article: Korzinin, A. L. (2021). The path to power of the Saburovs and the Godunovs. *Shagi / Steps*, 7(3), 287–311. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-287-311>.

Received September 25, 2020

Accepted November 24, 2020

© A. L. KORZININ

История древнерусского рода Дмитрия Александровича Зерна получила отражение в ряде работ российских историков. С. Б. Веселовский реконструировал генеалогию Сабуровых и Годуновых в XV–XVII вв. на основе изучения землевладения и биографий членов рода [Веселовский 1946; 1969: 162–195]. Р. Г. Скрынников [1979] и В. Н. Козляков [2011] посвятили Борису Годунову монографические исследования, написанные в научно-популярном жанре. Эволюция Государева двора, специфика политической борьбы в правление Федора Ивановича и Бориса Годунова освещены в монографии А. П. Павлова [1992]. Л. Е. Морозова проанализировала вопросы брачной политики великих князей московских Ивана III, Василия III, Ивана IV, путь к престолу Бориса Годунова [Морозова 1997; 2014; 2017; 2018: 13–381]. И. Тайрет изучила целый комплекс вопросов, связанных с политической, социокультурной и идеологической ролью Соломонии Сабуровой в системе властных структур Московского государства, проанализировала обстоятельства ее пострижения и ссылки в Суздальский Покровский монастырь [Thyret 2001: 34–39]. Интересные антропонимические сюжеты, раскрывающие христианскую двуименность в семьях Федора Ивановича и Бориса Годунова, тщательно изучены в публикациях А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского [2018; 2019; 2020].

Однако в перипетиях жизненного пути потомков Дмитрия Зерна все еще остается немало неясного и дискуссионного. Внимание исследователей привлекали в первую очередь фигура царя Бориса Годунова и загадка усиления Годуновых при великокняжеском дворе. Подробно исследован поздний период возвышения представителей клана Годуновых, начиная с их службы в опричнине и заканчивая смертью царя Бориса, однако не в полной мере изучены обстоятельства, способствовавшие росту их влияния в Государевом дворе во второй половине XVI в. В истории рода Сабуровых также остается немало лакун и спорных сюжетов, в особенности относящихся к раннему периоду их службы Калитовичам.

* * *

Сабуровы выводили свое родословие от мурзы Чета, выехавшего на службу к Ивану Даниловичу Калите. Возникновение этой легенды, как показала М. Е. Бычкова, относится к 30–40-м годам XVI в., к периоду боярского правления. Распространение среди аристократии преданий о выездах исследовательница связывает с закрепившейся традицией московских Рюриковичей считать своими родоначальниками римского императора Октавиана Августа, его брата Пруса и их потомка Рюрика, пришедшего на Русь из Прусской земли [Бычкова 1975: 136]. Уже в Летописной редакции родословных книг (ее протограф, по мнению М. Е. Бычковой, появился в период между 1538 г. и 1550 г.) [Там же: 26–29] сказано о выезде Чета из Орды:

В лето 6838 (1330 г.) прииде из Орды ко князю Ивану Даниловичю князь именем Чет, а во крещение имя ему Захарья. А у Захарья сын Олександр. А у Александра Дмитреи Зерно [Редкие источники 1977: 49–50].

В родословце Сабуровых (составленном в конце XVI в.) и в поколенной росписи Сабуровых, поданной в Палату родословных дел в 80-е годы XVII в.,

говорится о выезде из Орды к Ивану Калите Чета при митрополите Феогносте, после чего добавлено: «А крестиша его Петр митрополит Чудотворец» [Родословие Сабуровых. Л. 58; Роспись Сабуровых. Л. 103; Веселовский 1969: 162]. С. Б. Веселовский убедительно доказал хронологические неувязки в сведениях о выезде Чета: митрополит Петр умер в декабре 1325 г., а Феогност приехал в Москву после поставления митрополитом только в 1333 г. Кроме этого, историк отметил, что время жизни Захария-Чета должно приходиться на вторую половину XIII в. (к 1330 г. он давно умер). Маловероятен и выезд родоначальника Сабуровых из Орды в 1330 г., когда у власти находился хан Узбек, на время которого пришлось расцвет Золотой Орды [Веселовский 1969: 163].

Показательно, что в раннем родословце, отразившемся в Синодальном списке Типографской летописи (он был составлен, по предположению Б. Н. Клосса, в 1530-е годы, однако генеалогические сведения в нем доведены до конца XV в.) [ПСРЛ (24): 227–232; Клосс 2000: vi; Веселовский 1969: 12–13; Бычкова 1975: 149–150; Пономарева 2013] нет данных о Чете, родословие начинается с сыновей Дмитрия Зерна: «А се род Костянтина Дмитриевича: Костянтин Дмитриев сын Зернова, брат Ивану Дмитриевичу Зернову меньшей» [ПСРЛ (24): 231]. В Государевом родословце 1555 г., сохранившемся в составе Бархатной книги 1688 г., родоначальником Сабуровых и Годуновых также отмечен Дмитрий Зерно: «У Дмитрея у Зерна были 3 сына: Иван, да Константин Шея, бездетен, да Дмитрей» [Бархатная книга 1787: 240]. Следует согласиться с выводом С. Б. Веселовского о сравнительно позднем происхождении легенды о Чете и о несоответствии ей исторической действительности. Выезд Сабуровых из Орды ставят под сомнение Р. Г. Скрынников [1979: 5], А. В. Кузьмин [2014: 72], Л. Е. Морозова [2018: 135], В. Н. Козляков [2011: 39–43] (ср. [Веселовский 1969: 162–165]).

Зерновы происходили из Костромы. Известие об их родоначальнике встречается в летописи под 1304 г., когда во время вечевого бунта против бояр Давыда Явидовича и Жеребца в Костроме был убит Александр Зерно [ПСРЛ (18): 86; (23): 96]. А. В. Кузьмин оспаривает это свидетельство Симеоновской и Ермолинской летописей, ссылаясь на иное написание убитых в Костроме, читающееся в Воскресенской и Львовской летописях: «Тогда ж Зерна убиша и Александра» [ПСРЛ (20/1): 173; (7): 184; Кузьмин 2014: 72–76]. Он полагает, что речь шла о двух лицах, и допускает, что упомянутого Зерна можно соотносить с одним из предков Чихачевых, Горсткиных, Линевых — Дмитрием Григорьевичем по прозвищу Зерно, а Александра следует отождествить не с предком Зерновых, а с другим великокняжеским боярином, например, с отцом Андрея Кобылы. Полагаем, что речь идет об одном человеке — Александре, сыне Захария. Вероятно, он носил прозвище Зерно, также как его сын Дмитрий. А. В. Кузьмин в качестве одного из аргументов в пользу своего мнения приводит довод, что отца Дмитрия Александра вечники не могли убить в 1304 г., так как сам Дмитрий стал боярином спустя 50–60 лет после этого [Кузьмин 2014: 73–74]. Однако боярство Дмитрия Зерна при Иване Ивановиче Красном либо при Дмитрии Донском не находит надежной опоры в источниках. Приведенное в перемирной грамоте (от июля — октября 1371 г.) великого князя московского Дмитрия Ивановича и великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича указание на боярина Дмитрия Александровича —

послуха, целовавшего крест на грамоте [ДДГ: 22], — не подтверждает этой точки зрения. По мнению С. Б. Веселовского [1969: 489], речь идет о боярине удельного князя Владимира Андреевича Храброго Дмитрии Александровиче. А. Л. Грязнов [2019: 79], напротив, считает, что Дмитрий Александрович был великокняжеским боярином и носил фамилию Монастырев. Полагаем, что точка зрения А. Л. Грязнова ближе к действительности. В настоящее время мы не располагаем данными о службе Дмитрия Александровича Зерна и о его боярстве. Трудно определенно говорить о том, что убитый в Костроме в 1304 г. отец Дмитрия, Александр Зерно, входил в великокняжескую думу. В летописях сообщение о боярах Давыде Явидовиче, Жеребце «и иных», против которых поднялось вече в Костроме, отделено от известия об убийстве Александра Зерна: «Того же лета бысть вече на Костроме на бояр на Давыда Явидовича да на Жеребца и на иных; тогда же и Зерна убили Александра» [ПСРЛ (18): 86; (23): 96]. Александр, несомненно, относился к числу слуг высокого ранга при дворе Юрия Даниловича, но не являлся боярином московского князя. Скорее всего, Александр был костромским боярином, принадлежал к боярской корпорации Костромы, к старинным местным служилым вотчинникам. В родословце Сабуровых, где указания на боярство членов рода отличаются некоторой точностью, ни Александр, ни его сын Дмитрий Зерно не обозначены боярами, первые сведения о боярском звании относятся к Константину Шее [Родословие Сабуровых. Л. 58]. Термин *боярин* в великом княжестве Московском XIV–XV вв. имел различные значения и использовался не только в отношении членов великокняжеской думы, но и для указания на 1) светских землевладельцев; 2) знатных лиц, находившихся на службе у великого князя и выполнявших поручения особой важности; 3) именитых мужей, занимавших боярские должности в великокняжеской администрации, например, должности судей высшей инстанции по земельным делам, которым докладывались судные списки, предназначенные для рассмотрения великим князем; 4) руководителей и их заместителей в посольских миссиях в иностранные государства. В связи с этим для доказательства использования термина в значении высшего думного чина для конкретного лица необходим тщательный перекрестный анализ ряда источников.

О реальном существовании Захария и Дмитрия Зерна свидетельствуют покровы на гробницах в родовой усыпальнице Годуновых в Костромском Ипатьевском монастыре. В переписной книге обители конца XVI в. перечислены «над родители на гробницах покровов на Захаре, на Дмитрее на Зерне, на Иване на Годуне, на Иване на Красном, на Иване на Подольском» [Переписные книги 1890: 44]. В синодике Ипатьевского монастыря второй половины XVII в. в роду Стефана и Ивана Васильевичей Годуновых перечислены Захарий, Александр, Димитрий, Феодор, Данил, Иоанн и др. [Синодик Ипатьевского монастыря. Л. 16]. Дмитрий Дмитриевич, его отец Дмитрий Александрович со старшим сыном Иваном записаны в древнейший синодик Успенского собора Московского Кремля [Синодик Успенского собора. Л. 71 об.; Список с синодика Успенского собора. Л. 154 об., 155 об.; ДРВ (8): 453].

Историки не всегда критично воспринимают показания источников, в особенности родословных книг, где боярский чин отмечен у целого ряда лиц из рода Сабуровых. В работах С. Б. Веселовского боярами указаны почти все

старшие представители рода, начиная с Александра Зерна, что вызывает возражения. Боярство потомков Александра Зерна и его самого нуждается в дополнительных аргументах и на проверку выглядит сомнительным. Неизвестно, был ли Константин Шея боярином Дмитрия Донского или нет, известия о его боярстве относятся только к началу XV в., к княжению Василия Дмитриевича [Кузьмин 2014: 78–79]. Нет надежных сведений о принадлежности к думцам Дмитрия Донского и Федора Сабура. Он отмечен как костромитин, один из воевод в полку боярина Ивана Родионовича Квашни в Куликовской битве 8 сентября 1380 г. [ПСРЛ (43): 136].

Очевидно, что возвышение потомков Дмитрия Александровича Зерна и включение Сабуровых в Боярскую думу имели место не в княжение Юрия Даниловича и не при Дмитрии Донском, как считается, а позже, в правление Василия I в начале XV в. Константин Дмитриевич записан как свидетель (вторым по счету после князя Ю. И. Патрикеева) в первой духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича, составленной между 16 сентября 1406 г. и 7 июня 1407 г. С. Б. Веселовский и вслед за ним А. В. Кузьмин справедливо отождествляют его с Константином Шеей [ДДГ: 57; Веселовский 1969: 169; Кузьмин 2014: 76–80]. Племянник Константина Федор Сабур фигурирует как послух во втором и третьем завещаниях Василия I (датируются 1420 г. — до 27 февраля 1425 г.) [ДДГ: 57, 59, 62; Мазуров, Никандров 2008: 232–238; Горский 2017: 20–33; Пономарева 2012: 110; Полехов 2015; Кучкин 2016]. В первом завещании Василия I на четвертом месте среди послухов записан боярин Иван Дмитриевич. С. Б. Веселовский [1969: 168–169] отождествляет его с Сабуровым, а И. Г. Пономарева [2011: 97–98] и А. В. Кузьмин [2014: 77–80] — с Всеволодом. Соотнесение свидетеля первой духовной грамоты великого князя с Иваном Дмитриевичем Всеволодом представляется более обоснованным. В раннем родословце, отразившемся в Типографской летописи, как и в семейном родословце Сабуровых, Константин Шея отмечен младшим братом Ивана Дмитриевича [ПСРЛ (24): 231]. В духовной грамоте Василия I Константин Шея записан на втором месте, а Иван Дмитриевич на четвертом [Пономарева 2011: 97–98]. Иван Дмитриевич (Всеволод) зафиксирован после Константина Шеи и в Забелинском списке Тверского сборника среди бояр, оставленных для обороны Москвы во время ее осады эмиром Едигеем в декабре 1408 г. [Конявская 2007: 240]. Известно, что Иван Дмитриевич (Зернов) погиб в бою рязанской и московской ратей с войском князя Ивана Владимировича Пронского возле стен Вeneвского монастыря 1 июня 1408 г. [ПСРЛ (11): 203–204; (15): 481]. С точки зрения А. В. Кузьмина [1999: 161–163], Иван Дмитриевич Зерно обладал чином боярина и в конце XIV — начале XV в. был великокняжеским наместником в Великом Новгороде вместе с Константином Ивановичем Добрыньским. Сведения о боярстве Ивана Дмитриевича подтверждаются лишь данными родословца Сабуровых: «А у Дмитрея у Зерна 3 сына, 1-й сын Иван, боярин был. 2-й сын Костентин, а прозвище ему Шея, боярин был у великого князя Дмитрея Ивановича у Донского. 3-й сын Дмитрей» [Родословие Сабуровых. Л. 58].

В родословце Сабуровых боярином великого князя Василия Дмитриевича указан и родной брат Федора Сабура Данила Подольский, о котором известно только, что он был писцом в Костроме при митрополите Фотии в 1410–1425 гг. [Родословие Сабуровых. Л. 58 об.; Веселовский 1969: 169; АФЗХ (1): 228].

В тексте семейного родословца боярами великого князя Василия I записаны все дети Федора Сабура: Михаил, Иван, Данила и Василий [Родословие Сабуровых. Л. 58 об.–59]. Но это явная ошибка, так как сыновья Федора могли начать службу только после смерти Василия Дмитриевича при его преемнике. Некоторое время в 1425–1427 гг. боярином Василия Васильевича оставался их отец Федор Сабур [АСЭИ (1): 53, 595].

Старший сын Федора Сабура Михаил Федорович во время династической войны принял сторону Дмитрия Шемяки и присоединился к Василию Темному лишь в феврале 1448 г. Когда Дмитрий Юрьевич решил освободить из заточения в Каргополе свою тетку, великую княгиню Софью Витовтовну, то вместе с ней отправил в Москву своего боярина Михаила Сабурова «да детей боярских с ним». Кончилось тем, что «Михайло Сабуров и с прочими добив челом великому князю, не възвратишася к Шемяке, но остахся у великого князя служить ему» [ПСРЛ (12): 73]. В Румянцевской редакции родословных книг в отношении М. Ф. Сабурова сказано: «А был у великого князя Василья дворецкой» [Редкие источники 1977: 119]. В родословце Сабуровых напротив имени Михаила Федоровича стоит такая помета: «Боярин был и дворецкой у великаго князя у Василья Дмитриевича» [Родословие Сабуровых. Л. 58 об.–59]. В третьем завещании Василия Дмитриевича (датируется февралем — мартом 1423 г.) на пятом месте среди послухов фигурирует боярин Михаил Федорович. Однако было бы поспешно отождествлять его с Сабуровым, так как после него записан Федор Иванович (Сабур), отец Михаила. Скорее всего, в завещании Василия I упомянут Михаил Федорович Крюк Фоминский [ДДГ: 62; АСЭИ (1): 26; Веселовский 1969: 363–364; Мазуров, Никандров 2008: 237–239; Пономарева 2012: 108]. Сохранилась жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича Ивану Кафтыреву на земли «в Костромском уезде в Оседцком стану» от 30 января 1424 г. с подписью на обороте: «Михаил Федорович» [АСЭИ (3): 260]. С. Б. Веселовский сомневался в подлинности грамоты, хотя и допускал упоминание в ней М. Ф. Сабурова и наличие у него боярского чина [Веселовский 1969: 188 (примеч. к сноске 68)]. Вызывает вопросы как лексика документа, нехарактерная для деловой письменности XV в., так и использование слова *уезд* в первой четверти XV в. (термин *уезд* более позднего происхождения, в сочетании со *станом* употреблялся не ранее последней четверти XV — начала XVI в.). В связи с этим идентификация Михаила Федоровича, приказавшего грамоту, с Сабуровым, и соотнесение времени выдачи грамоты с 1424 г. могут быть поставлены под сомнение. И. Г. Пономарева [2012: 110], признавая текст жалованной грамоты Ивану Кафтыреву вполне достоверным (хотя и сохранившимся в поздней копии конца XVII в.), считает, что подпись на акте могла принадлежать только Михаилу Федоровичу Крюку Фоминскому.

Таким образом, Михаил Федорович Сабуров входил в состав двора Василия Темного, а не его отца. Судя по информации источников, он был боярином Дмитрия Шемяки, а затем стал боярином Василия Темного. В правой грамоте властям Чудова монастыря, которую И. А. Голубцов датирует 1448–1452 гг., Михаил Федорович выступает в роли судьи великого князя, которому было доложено дело [АСЭИ (3): 58]. Обычно функции судей высшей инстанции в это время выполняли великокняжеские бояре [Корзинин 2017: 338]. С. Б. Ве-

селовский обратил внимание на то, что Сабуров был близок к великой княгине Марии Ярославне. Он завещал жене Василия Темного село Чухистово в Коломне, луг Юрьевский Казначеев под Москвой, колдомские села в Костроме. Историк задавался вопросом о том, не являлся ли этот земельный дар актом «благодарности» за прощение ему измены и за покровительство в дальнейшей службе [Веселовский 1969: 171, 189]. На самом деле Михаил до 1451 г. передал село Чухистово Софье Витовтовне (владение упоминается в ее духовной грамоте), а к 1461 г. дал в дар колдомские села и луг Юрьевский Казначеев великой княгине Марии Ярославне [ДДГ: 176, 196, 198]. Следовательно, Михаил Федорович испытывал чувство благодарности по отношению к обеим государыням: и к Софье Витовтовне, и к Марии Ярославне. Л. Е. Морозова допускает, что М. Ф. Сабуров «служил боярином и дворецким именно этим княгиням», но для этого предположения недостаточно доказательств [Морозова 2018: 138–139]. Михаил Сабуров принял постриг в московском Симоновом монастыре в 1460 г. и вскоре скончался [Ивина 1979: 59]. Его переход в конце феодальной войны от Дмитрия Шемяки к Василию Темному позволил Сабуровым усилить позиции в великокняжеском дворе. При Иване III боярами стали младшие братья Михаила Федоровича Иван и Василий.

Иван Федорович Сабуров имел боярский чин в 1465–1469 гг. [АСЭИ (2): 380; Веселовский 1969: 189; Зимин 1988: 191]. В данной грамоте душеприказчиков И. М. Крюкова Фоминского (около 1430 г.) Иван Федорович Сабуров записан как послух. На основании упоминания Ивана Сабурова в роли свидетеля в земельном акте С. Б. Веселовский посчитал его великокняжеским боярином [Там же (1): 63, 597]. По мнению же А. И. Голубцова, И. Ф. Сабуров был боярином не Василия Темного, а его матери, великой княгини Софьи Витовтовны [Там же (2): 558, примеч. к № 323]. Имя и отчество Ивана Федоровича, боярина Софьи Витовтовны, встречается на обороте жалованных грамот великой княгини Троице-Сергиеву, Кирилло-Белозерскому, Ферапонтову и Чудовым монастырям, выданных в 1441–1451 гг. [Там же (1): 152–154; (2): 60, 305–306, 558; Антонов, Баранов 1998: 33–34]. А. И. Голубцов объяснял службу Ивана Сабурова Софье Витовтовне тем, что родной брат Ивана Михаил в 1448 г. сопровождал Софью к Василию Темному и после этого перешел на московскую службу. Что касается Ивана Старкова, то Голубцов [АСЭИ (2): 558, примеч. к № 323] вслед за Веселовским [1969: 398–402] полагал, что тот повергся опале после победы Василия II над Шемякой, вследствие чего лишился части своих вотчин. Полагаем, что боярином Софьи Витовтовны был не Сабуров, а Иван Федорович Старков. Во-первых, Старков упоминался в завещании Софьи (1451 г.) как один из ее приближенных. Именно со Старковым великая княгиня обменялась и получила купленный им ранее двор Степана Дмитриевича Минина и его сыновей на Подоле за свое дворовое место *Фоминское Ивановича* в Москве, полученное ею от сына великого князя Василия Васильевича. Известно, что ко времени обмена Иван Старков, очевидно с согласия великой княгини, на ее дворе уже поставил собственные «хоромы» [ДДГ: 177]. Во-вторых, Иван Старков вопреки точки зрения С. Б. Веселовского все-таки не попадал в немилость к Василию Темному, несмотря на отмеченные летописцем симпатии к Дмитрию Шемяке. А. В. Кузьмин оспорил факт опалы Старкова, обратив внимание на то, что он после перехода во двор к московскому

государю сохранил за собой многочисленные вотчины, расположенные вокруг Москвы. Что касается переданных Василием II Марии Ярославне по завещанию 1462 г. сел и деревень вдов бояр Ф. А. Старка Серкизова и А. И. Жеребцова, то они были не конфискованы, а куплены у придворных на законных основаниях самой великой княгиней [ДДГ: 198; Кузьмин 2014: 228–232, 243–246].

Василий Федорович Сабуров, о котором в семейном родословце говорится, что он был боярином Василия Дмитриевича и его сына (так!), великого князя Ивана Васильевича, в действительности входил в Боярскую думу Ивана III в 1465–1470 гг. и 1472–1485 гг. Около 1471 г. он сменил сюзерена и на время перешел во двор князя Юрия Васильевича, став его боярином [АСЭИ (2): 390; Веселовский 1969: 189]. После смерти Юрия Дмитровского (12 сентября 1472 г.) В. Ф. Сабуров вернулся на великокняжескую службу и был восстановлен в боярском чине [Корзинин 2017: 328–329]. О боярстве Д. Ф. Сабурова никаких сведений не сохранилось. В родословце Сабуровых боярами Ивана III указаны Семен Федорович Пешек Сабуров и его брат Константин Сверчок [Родословие Сабуровых. Л. 59]. На самом деле Сверчок Сабуров в правление Ивана III занимал должность воеводы [Разрядная книга 1966: 19, 20], а Пешек был боярином великой княгини Марии Ярославны около 1462–1466 г. и в 1477–1485 г. [Корзинин 2020: 22, 23] и не входил в великокняжескую думу.

Длительная служба Сабуровых московским князьям и их представительство в Боярской думе могли повлиять на выбор Иваном III невесты для старшего сына. Василий III был провозглашен великим князем владимирским, московским и всея Руси 14 апреля 1502 г. [ПСРЛ (13): 255; Морозова 2014: 157]. 4 сентября 1505 г. была сыграна свадьба Василия Ивановича и Соломонии Юрьевны Сабуровой, дочери Ю. К. Сверчкова Сабурова [Зимин 1972: 67; Кучкин 2013: 45–46]. В апреле 1506 г. служилый князь Василий Семенович Стародубский, родственник Василия III, женился на Марии, родной сестре Соломонии Сабуровой [Разрядная книга 1966: 16].

По мнению Л. Е. Морозовой, выбор Иваном III жены для сына был обусловлен особенностью службы Сабуровых великим княгиням. В качестве примеров, подтверждающих эту точку зрения, помимо пребывания С. Ф. Пешка Сабурова и М. Ф. Сабурова при дворе Марии Ярославны и Софьи Витовтовны, приводятся данные об отправке в Литву в январе 1495 г. в свите великой княгини Елены Ивановны для бракосочетания с великим князем литовским Александром Казимировичем дворецкого Д. С. Пешкова Сабурова и стольника А. В. Сабурова [СбРИО (35): 163; Морозова 2018: 138–139]. Однако сыновья бояр С. Ф. Пешка Сабурова и В. Ф. Сабурова, имевшие чины соответственно дворецкого и стольника, входили не во двор Елены Ивановны, а в великокняжеский двор. После миссии в Литву они вернулись в Москву и продолжили службу московскому государю. Из всех Сабуровых Марии Ярославне служил лишь С. Ф. Пешек.

Н. Ш. Коллманн считает, что выбор невесты из младшей линии клана Сабуровых был безопасен для Василия III, поскольку Сверчковы-Сабуровы были недостаточно влиятельны для того, чтобы нарушить баланс между князьями Холмскими, Захарьиными-Кошкиными, Булгаковыми-Щенятевыми, Оболенскими, Челяднинными. Свадьба Василия Ивановича и Соломонии Сабуровой означала разрыв с обычаем московских великих князей, потомков Даниила

Александровича, выбирать себе невест либо из знатных иностранных родов, либо из удельных княжеских родов, либо из первостепенных боярских кланов [Kollmann 1987: 142–144]. С этой точкой зрения согласен Р. Мартин, по мнению которого если в XIV и XV вв. для князей московского правящего дома были предпочтительными женихи и невесты из удельных княжеских родов, иностранных династий (в большинстве случаев происходивших из Великого княжества Литовского) и выдающихся боярских родов, то уже в XVI в. браки с представителями удельных домов полностью исчезли (вместе с самими удельными княжествами) и свободное место быстро оказалось занято брачными союзами с представительницами местных дворянских родов [Martin 2012: 43–44].

Можно допустить, что Иван III отказался от идеи женить сына на представительнице первостатейной московской знати и остановил свой выбор на дворянах Сабуровых для того, чтобы не провоцировать местнические столкновения среди высшей придворной аристократии, с которой Сабуровы не были связаны родственными узами.

* * *

Соломония (Соломонида) Сабурова, первая жена Василия III, получила в крещении имя в честь святой Соломонии (Саломии), матери семи братьев Маккавеев, известных ветхозаветных мучеников. Саломия погибла вместе с сыновьями во время еврейского восстания против греческого господства в Иудее при греко-сирийском царе Антиохе IV Эпифане в 166 г. до Р. Х. Память святых мучеников Маккавеев и матери их Саломии совершается 1 августа по старому стилю (см.: [Сергий 1901: 412, 415, 421, 439, 443]). В этот день Соломония Сабурова праздновала свои именины. Об особом почитании Соломонией своей тезоименитой святой свидетельствует центральное нижнее клеймо на пелене великой княгини, вложенной ею вместе с мужем Василием III в Троице-Сергиев монастырь в 1524 г. [Петров 2010: 239]; на клейме вышиты св. Соломония, семь ее сыновей Маккавеев и их учитель Елеазар. Во Владимирском летописце говорится о том, что по возвращении Василия III в Москву из Смоленского похода «князь велики церковь постави святого Спаса, Происхождение честнаго креста господня и святых мученик Маковеи по плоти и учителя их Елеозара и матери их Соломонии, от реки поставлена на рве» [ПСРЛ (30): 141]. Церковь была возведена в честь взятия Смоленска 1 августа; это знаменательное событие чудесным образом совпало с праздниками Всемилоственного Спаса и Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня, а также с именинами жены великого князя. В 1510–1520-е годы, вероятно по распоряжению Соломонии Сабуровой, была написана икона, запечатлевшая святых братьев Маккавеев, их мать Саломию и их учителя Елеазара. По преданию, икона была вложена Василием III в церковь Происхождения честных древ Креста Господня в Покровском монастыре Суздаля [Быкова и др. 2006: 150–155, кат. № 23]. Любопытно, что этот монастырский собор, построенный во второй половине 1510-х годов, представлял собой копию домово-церкви великих князей московских Благовещенского собора Московского Кремля [Петров 2016: 75]. В тот же собор Василием III была вложена икона «Происхождение честных древ», связанная с праздниками Всемилоственного

Спаса и Происхождения Честнаго Креста Господня, отмечавшимися 1 августа. Композиция этой иконы состоит из двух сцен: 1) деисусное предстояние Богородицы, Иоанна Предтечи и святых Спасителю и 2) освящение ангелами колодца Честным Крестом и больные, жаждущие исцеления [Быкова и др. 2006: 146–149, кат. № 22; Маркина 2016: 144].

В иночестве Соломония приняла имя *София* по первой букве светского имени согласно установившейся традиции иноческого именования [Успенский, Успенский 2017: 238–239]. Можно высказать еще одно объяснение выбора монашеского имени: при его помощи Соломония подчеркивала принадлежность к московской великокняжеской семье. Ее свекровью была византийская принцесса Софья Палеолог¹, а бабушкой — литовская княгиня Софья Витовтовна. Имя *София* органично вошло в последовательный ряд великих княгинь московских — жен Василия I и Ивана III.

Основательницей линии Софий в московском великокняжеском доме явилась литовская княгиня Софья Витовтовна, жена Василия Дмитриевича. В династической войне второй четверти XV в. авторитет и твердость великой княгини помогли ее сыну Василию Темному взять верх над своими противниками. В связи с этим понятно, почему Софья Витовтовна стала знаковой фигурой для жен великих князей московских, сменивших на престоле ее сына.

Не только Соломонии Сабуровой необходимо было подчеркнуть антропонимическую связь с Софьей Витовтовной. В 1472 г., вероятно сразу после венчания, византийская принцесса Зоя Палеолог была наречена именем Софья [Литвина, Успенский 2006: 613]. Исследователи не задумывались над причиной выбора имени. Обычно отмечают, что Зоя венчалась с Иваном III 12 ноября 1472 г., на день памяти св. Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского. На следующий день, 13 ноября, праздновалась память Иоанна Златоуста, небесного покровителя Ивана III; службы в честь Иоанна Златоуста начинались уже в канун праздника, 12 ноября [Матасова 2016: 114; Борисов 2006: 317]. Однако день венчания и свадьбы Зои не был связан с поминанием святой Софии, по которой она получила второе имя. Память святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии приходится на 17 сентября [Сергий 1901: 433], но 17 сентября 1472 г. Зоя Палеолог еще не достигла Москвы, а плыла на корабле из Любека к Ревелю [Матасова 2016: 105]. Вероятно, Зоя была наречена Софьей в честь Софьи Витовтовны, бабушки супруга; к тому же следует отметить сходство ее исконного имени *Зоя* с польским произношением имени *София* (супруга Василия I была родом из великого княжества Литовского; на польском языке ее имя (*Zofia Witoldówna*) звучит как «Зофия Витольдовна»).

В кормовой книге Спасо-Ярославского монастыря память двух Софий (Софьи Витовтовны и Софьи Палеолог) приходилась на 17 сентября, в тексте источника между прочим отмечалось, что «панахида по ним в Вознесенском монастырь (где великие княгини были похоронены. — А. К.) списная; в указном спискѣ царя Ивана Васильевича понахиды правлены порознь» [Книга кормовая 1896: 2]. Другой день поминания Софьи Фоминичны Палеолог приходился на день ее кончины, 7 апреля, и «на тот день правят о ней память,

¹ О почитании Соломонией свекрови свидетельствует упомянутая пелена великой княгини 1524 г. (за основу произведения была взята композиция с пелены Софьи Палеолог, которую та подарила Троице-Сергиеву монастырю в 1499 г. [Петров 2010: 236–239].

понахиды и обедни архимарит служит собором и кормы на братию болшие по вся годы непременно» [Вкладная и кормовая книга 2006: 19; Книга кормовая 1896: 10].

* * *

К началу княжения Василия III Сабуровы занимали не самое высокое место среди столичной знати. После смерти в 1485 г. Василия Федоровича они не были представлены в Боярской думе, не получали крупных придворных назначений. С. Б. Веселовский объяснял отсутствие пожалований в бояре не упадком Сабуровых, а увеличением в думе титулованной аристократии, выходящей из княжеских родов, прибывших на службу к Ивану III и потеснивших старомосковское боярство, а также бездетностью старших представителей рода (бездетными умерли Данила и Михаил Сабуровы, а также сыновья В. Ф. Сабурова) [Веселовский 1969: 190].

Стоит обратить внимание на то, что старший сын К. Ф. Сверчка Сабурова, зять Василия III, Юрий Константинович Сверчков, получил боярский чин не сразу после свадьбы дочери, но только к сентябрю 1509 г., а младший сын боярина В. Ф. Сабурова, А. В. Сабуров, к осени того же года стал окольничим. Пожалование Сабуровых думными чинами было приурочено не к свадебным торжествам, а к выступлению Василия Ивановича на Псков с целью его присоединения к Москве [Корзинин, Штыков 2017: 332, 336–337]. Несмотря на родственные связи с великокняжеской семьей, сложившийся местнический порядок не позволил костромичам Сабуровым занять первые места в придворной иерархии. В апреле 1519 г. — 1525 г. пост новгородского дворецкого занимал И. К. Сабуров, родной брат Юрия Сверчкова. В мае 1522 г. в великокняжеских рындах (телохранителях) упоминались И. Ю. и М. А. Сабуровы (старший сын боярина Ю. К. Сверчкова и средний сын окольничего А. В. Сабурова) [Разрядная книга 1966: 68]. А. В. Сабуров был пожалован в бояре из окольничих незадолго перед кончиной в октябре 1531 г. [Зимин 1958: 96, примеч. 96].

В правление Василия III Сабуровы не смогли возвыситься и занять лидирующие позиции. Одна из главных причин этого заключалась в неплотности Соломонии Сабуровой, невозможности родить наследника престола. 20-летие совместной жизни супругов завершилось разводом с Соломонией Василия Ивановича в 1525 г. В результате Сабуровы утратили влияние при дворе и на длительное время оказались на вторых ролях.

В период боярского правления никто из Сабуровых не входил ни в Боярскую думу, ни в дворцовую администрацию. Даже в начале самостоятельного правления Ивана IV в 1549–1551 гг. в должности новгородского дворецкого упоминался лишь А. Ю. Сверчков Сабуров (младший сын Ю. К. Сабурова) [ППК. Л. 16 об.; Самоквасов 1905: 110], а к августу 1550 г. окольничим стал С. Д. Пешков-Сабуров [Зимин 1958: 64]. К середине XVI в. Сабуровы численно увеличились, часть из них владела поместьями в различных пятинах Новгородской земли и упоминалась среди дворовых детей боярских Новгорода, Пскова, Торопца. Некоторые Сабуровы продолжали нести службу из Костромы, где у них имелись родовые вотчины [ТКДТ 1950: 59, 86, 99, 101, 148]. В целом служебный ранг старших потомков Дмитрия Зерна при дворе Ивана Грозного заметно понизился по сравнению с первой третью XVI в.

С учреждением опричнины в начале 1565 г. Сабуровы попали в земщину. Отсутствие Сабуровых в опричном корпусе свидетельствует о том, что особым расположением и доверием Ивана IV они не пользовались. Никита и Семен Борисовичи Вислоуховы и Замятня Иванович Сабуров были казнены в период опричнины [Родословие Сабуровых. Л. 61 об.; Веселовский 1963: 438, 439]. Высоких чинов Сабуровы не получали до тех пор, пока 4 ноября 1571 г. не была сыграна свадьба старшего сына Ивана IV Ивана Ивановича и Евдокии Богдановны, дочери Богдана Юрьевича Вислоухова-Сабурова [ПСРЛ (3/2): 107–108]. Трудно однозначно ответить на вопрос, почему выбор царя остановился на дочери дворового сына боярского из Мелетовской Засады Пскова, дворянина первой статьи на Земском соборе 1566 г. Можно предположить, что важную роль сыграло дальнейшее родство Евдокии Богдановны и Соломонии Юрьевны Сабуровой, которая приходилась Евдокии троюродной бабушкой. Бракосочетание с наследником престола вновь открыло Сабуровым дорогу в высший правительственный совет. Василий Борисович Сабуров, двоюродный брат Богдана, отца царевны, к весне 1572 г. получил чин боярина в земщине [Разрядная книга 1982: 307]. Тесть царевича Ивана Богдан-Феофан Юрьевич Вислоухов-Сабуров упомянут в чине земского боярина зимой 1573 г. [Там же: 335].

Кратковременный фавор Сабуровых внезапно был прерван решением Ивана IV расторгнуть брак старшего сына и Евдокии Сабуровой. Причиной стало неплодие царевны, отсутствие детей в семье [Морозова 2018: 337]. Царь повелел сослать Евдокию Богдановну в Суздальский Покровский девичий монастырь, как когда-то Василий III отправил в ту же обитель свою жену Соломонию Сабурову (обе княгини закончили свой жизненный путь в Покровском монастыре [Курганова 2007: 50, 58; Антонов, Маштафаров 2019: 404]), а сына обязал жениться вторично. Новой женой Ивана в 1574 г. стала Феодосия Михайловна, дочь рязанского сына боярского М. Т. Петрова-Солового.

Первая жена царевича Ивана Ивановича имела крестильное имя *Евдокия* и была наречена в честь Евдокии Илиопольской, раннехристианской святой, день памяти которой приходится на 1 марта [Сергий 1901: 419, 437; Лукашевич, Шевченко 2008]. Евдокия Богдановна впервые упомянута в тексте Новгородской летописи в день своей свадьбы: «Да мѣсяца ноября в 4 день, в недѣлю, женился царевич Иван Болшей на царевне Евдокѣи у Сабуровых» [ПСРЛ (3/2): 107–108]. После пострижения Евдокия приняла иноческое имя *Александра* [Антонов, Маштафаров 2019: 178, 180, 193]; монашеское имя Евдокии совпадает с обиходным вариантом ее крестильного имени — *Авдотья* (*Овдотья*) [Успенский, Успенский 2017: 240–241]. Любопытно, что в семье царицы Ирины Годуновой монашеское имя *Александра* было весьма популярным. Его получили в иноческом постриге первая жена Д. И. Годунова Агриппина (Аграфена), скончавшаяся 7 декабря 1588 г.; Ирина Федоровна Годунова (племянница Д. И. Годунова); вторая жена Дмитрия Ивановича Стефанида-Матрона [Литвина, Успенский 2018: 67–68]. Непросто ответить на вопрос, являлось ли наречение иноческим именем *Александра* у Сабуровых и их однородцев Годуновых случайным совпадением или за этим стоят семейная традиция и преемственность. Несомненно, что Сабуровы и Годуновы между собой общались, присутствовали на дворцовых церемониях, принимали деятельное

участие в жизни двора. Младшую родную сестру Евдокии Сабуровой звали Домна. Впервые ее имя упоминается в записи о свадьбе Ивана IV и М. В. Собакиной 28 октября 1571 г.: «А на государеве месте сидеть Богданове дочери Сабурове Домне» [Разрядная книга 1981: 287, 290; Морозова 2018: 336]. Впоследствии Домна Сабурова вышла замуж за князя Ивана Андреевича Ноготкова-Оболенского [Selin 2016: 73]. Известно, что Домна Богдановна была адресатом послания царевны Ксении Годуновой (дочери Б. Ф. Годунова), составленного 29 марта 1609 г. в осажденном поляками Троице-Сергиевом монастыре [АИ (2): 212–213]. Домна обращалась к Ксении как к «государынѣ моей свѣту-тетушкѣ». Д. Ф. Кобеко убедительно раскрыл нюансы в употреблении терминов родства в семьях Сабуровых и Годуновых: «Царевна Ксения имела родною теткою сестру своего отца, Ирину Федоровны, бывшую в замужестве за царем Федором Ивановичем, приходившимся таким образом, по свойству, дядею царевны Ксении. Согласно этому, брат царя Федора, царевич Иван Иванович, приходился царевне Ксении также дядею, а его жена (первая) Евдокия Богдановна, — теткою» [Кобеко 1905: 3–4].

* * *

Годуновы, младшая ветвь потомков Дмитрия Зерна, происходили от сына Ивана Дмитриевича Зернова, Ивана Годуна, жившего в конце XIV в. [Веселовский 1974: 81]. Годуновы начали службу при великокняжеском дворе сравнительно поздно, только в княжение Василия III. В это время на воеводских должностях упоминались дети Григория Ивановича Годунова Василий Большой и Петр, а также сыновья Дмитрия Ивановича Андрей, Василий и Иосиф Асан Годуновы [Разрядная книга 1966: 55–56, 58–59, 64, 76, 80]. В списке детей боярских, «которые в думе не живут, а при послах в избе были», от марта 1542 г. указано, что Андрей Дмитриев сын Годунов служил из Вязьмы [СБРИО (59): 148]. Как показывают Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х годов, Годуновы к середине XVI в. владели землями (в первую очередь поместьями) в Вяземском уезде и служили из Вязьмы [ТКДТ 1950: 60, 187, 188]. В Вяземском уезде, присоединенном к Русскому государству в 1492/1493 г., впервые помещики появились уже в конце XV в. Годуновы получили земли под Вязьмой в первой трети XVI в. Правда, некоторые Годуновы (например, Василий и Михаил Асановы Годуновы) выступали в походы из Костромы, где у них имелись родовые вотчины [Там же: 148]. Благодаря реализации Тысячной реформы 1550 г. в великокняжеском дворе в доопричное время служили не менее семи Годуновых, однако численно они существенно уступали Сабуровым (в 1550-е — первой половине 1560-х годов воеводские должности занимали не менее 23 Сабуровых).

В период опричнины Годуновы занимают важнейшие должности в опричном дворе, попадают в опричную Боярскую думу. Д. И. Годунов, старший представитель рода, впервые упомянут опричным постельничим в сентябре 1567 г. Тогда же опричным стряпчим (правда, пока еще последним в списке стряпчих) указан Б. Ф. Годунов [Разрядная книга 1981: 222]. К сентябрю 1570 г. рындами стали Федор Иванович Годунов, в мае 1571 г. — Яков Афанасьев сын и Василий Федоров сын Годуновы [Там же: 268, 279; Кобрин 2008: 36–37; Козляков 2011: 52–54].

На свадьбу царя Ивана IV с Марфой Собакиной, праздновавшуюся в октябре 1571 г. в Александровой слободе, были приглашены трое Годуновых. Друзьями царицы были выбраны Б. Ф. Годунов и его тесть М. Л. Скуратов; в мыльне с царем находился Б. Ф. Годунов, у царской постели стоял дядя Бориса Д. И. Годунов, «с царевым подножием в церкви» был старший брат Бориса В. Ф. Годунов [Разрядная книга 1981: 286, 288–290; Зимин 2000: 215].

После отмены опричнины Годуновы были включены в Особый двор Ивана Грозного. К апрелю 1574 г. Д. И. Годунов стал окольничим Особого двора: в царском полку в Серпухове он в чине окольничего ходил «за постелею», т. е. также обладал и некоторыми функциями постельничего [Разрядная книга 1981: 363]. Б. Ф. Годунов упоминался в марте 1573 г. как дворовый удельного двора Ивана IV (получал средний денежный оклад в размере 50 руб.), в 1574/1575 г. был дружкой государя на свадьбе с Анной Васильчиковой [Список опричников 2003: 56; Васильчиков 1900: 8]. В Особый двор входили Яков Афанасьевич и Андрей Никитич Годуновы [Список опричников 2003: 56; Лихачев 1903: 45]. А. Л. Станиславский и С. П. Мордовина допускают принадлежность к дворовым Степана Васильевича, Никиты и Петра Васильевичей Асановых, Константина и Якова Михайловичей Годуновых и др. [Мордовина, Станиславский: 1977: 171].

По мнению В. Н. Козлякова, «решение, навсегда изменившее значение рода Годуновых, было принято царем в конце 1574-го — начале 1575 года», когда состоялась женитьба сына Ивана Грозного царевича Федора на Ирине Годуновой, племяннице Б. Ф. Годунова [Козляков 2011: 54]. Полагаем, что судьбоносное событие в жизни Бориса Федоровича случилось немного раньше этой даты. К фавору его привела женитьба на Марии — дочери ближайшего сподвижника Ивана Грозного, Малюты Скуратова-Бельского. Свадьба Марии Скуратовой и Бориса Годунова могла произойти между началом 1570 г. (когда Малюта Лукьянович возвращается из Новгородского похода, после которого получает расположение со стороны государя, и начинается взлет его карьеры [Башнин, Корзинин 2017: 179, 180]) и бракосочетанием Ивана IV с Марфой Собакиной 28 октября 1571 г. В записи о царской свадьбе Мария Григорьевна, сваха царицы, указана женой Бориса Федоровича [Разрядная книга 1981: 286; Володихин 2012: 190, 258; Козляков 2011: 46–48, 279–280, 308]. Б. Ф. Годунову в 1570 г. исполнилось 18 лет [Козляков 2011: 45, 46, 279, 308] — возраст, для того времени подходящий для вступления юноши в брак. Через свойство с Малютой Скуратовым Годуновы породнились с московской придворной аристократией. Вторая дочь Малюты Екатерина стала женой князя И. М. Глинского, третья дочь Екатерина (носившая еще одно мирское имя *Христина*) вышла замуж князя Д. И. Шуйского, а четвертая (имя которой неизвестно) — за князя Ивана Келмамаевича [ПСРЛ (14/1): 97; (5/1): 125; Антонов, Маштафаров 2019: 404; Башнин, Корзинин 2017: 184; Беляков 2017: 18].

Усиление при дворе Годуновых совпало по времени с ростом кратковременного влияния Сабуровых. На свадебных торжествах царя и Марфы Собакиной в октябре 1571 г. присутствовали не только Годуновы, но и их однокоренные Сабуровы. На «государево место» была приглашена девица Домна Сабурова (родная сестра Евдокии Вислоуховой-Сабуровой, невесты царевича Ивана), в дружках у государя был троюродный брат Евдокии и Домны Иван

Васильевич Вислоухов-Сабуров (он же держал царский головной убор во время свадебных торжеств), свахой царя была жена Ивана Сабурова, против боярынь сидел Григорий Федорович Папин Сабуров (двоюродный дядя Евдокии и Домны) [Разрядная книга 1981: 285, 287–288]. Вспомним свадьбу Евдокии Сабуровой и Ивана Ивановича, отпразднованную 4 ноября 1571 г. Очевидно, семейные связи, отношения родства Годуновых и Сабуровых играли определенную роль в придворной политике, несмотря на то что члены одного рода служили в разных ведомствах: Годуновы в опричном, а Сабуровы в земском.

* * *

По средневековым представлениям о чести (достоинстве) и старшинстве преимущество в продвижении по службе принадлежало Сабуровым, старшим потомкам древнего костромского рода Дмитрия Зерна. Вхождение Сабуровых в великокняжескую думу как длительный итог их верной и удачливой службы московским князьям осуществилось к концу княжения Василия Дмитриевича, когда к 1406/1407 г. боярином стал Константин Шея. В годы феодальной войны второй четверти XV в. Михаил Федорович Сабуров неосмотрительно принял сторону Дмитрия Шемяки. Но в конечном счете переход в 1448 г. М. Ф. Сабурова во двор Василия Темного определил рост материального положения и влияния Сабуровых в правление его преемника Ивана III. Выбор Иваном Васильевичем в жены Василию III Соломонии Сабуровой открыл Сабуровым путь к престолу и дал шанс надолго упрочить позиции. Однако отсутствие долгожданного наследника и последовавший за этим вынужденный развод великого князя с Соломонией Юрьевной в 1525 г. стали роковыми событиями для Сабуровых, пагубно повлияв на дальнейшую карьеру членов рода. Еще одним обстоятельством, затруднявшим продвижение по службе Сабуровых, было стремительное увеличение численности рода к середине XVI в. и, как следствие этого, измельчание, оседание на поместьях в Новгородском и Псковском уездах, удаленных от столицы. Говоря о возрастании количества лиц из клана Сабуровых, служивших в середине XVI в. в составе государева двора, мы имеем в виду старшие линии рода, поскольку численность младшей ветви Сверчковых-Сабуровых (из которой происходила Соломония) к этому времени сильно сократилась (до трех представителей), а в конце XVI — середине XVII в. в родословцах значится только по одному представителю этой ветви. Служба Сабуровых в земщине в 1565–1572 гг. и после 1573 г. свидетельствовала о недоверии к ним Ивана Грозного. Укрепить позиции Сабуровых был призван брак старшего сына государя царевича Ивана и Е. Б. Сабуровой в 1571 г., однако и он завершился неудачей. Евдокия, как и Соломония Сабурова, не сумела оставить потомство. Это не позволило Сабуровым закрепиться на вершине власти.

В отличие от представителей рода Сабуровых, сильно разросшегося ко второй половине XVI в. и владевшего землями в разных уездах, потомки Ивана Годуна, младшего представителя рода Дмитрия Зерна, служили сплоченной группой из Вязьмы. При учреждении опричнины в 1565 г. Годуновы умело использовали новую политическую конъюнктуру и открывшиеся возможности для служебного роста в опричном дворе. В других обстоятельствах Годуновым, начавшим служить при Василии III на воеводских должностях,

путь к вершинам власти был закрыт. Возвышению Годуновых способствовали два обстоятельства: назначение Дмитрия Ивановича к осени 1567 г. царским опричным постельничим, а к весне 1574 г. дворовым окольничим, и женитьба его племянника Бориса Федоровича на дочери ближайшего соратника царя, худародного дворянина Малюты Скуратова, в 1570/1571 г., за которой последовала свадьба царевича Федора на родной сестре Бориса Ирине Федоровне. Благоприятные условия, при которых старомосковские боярские роды и титулованные кланы были оттеснены от управления худародными дворянами, умелая брачная политика, личные амбиции стали решающими факторами для Годуновых в борьбе за власть и влияние.

Источники

Архивные

ППК — Приправочная писцовая книга дворцовых земель Водской пятины письма Ф. А. Курчебина 1550/1551 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 781).

Родословие Сабуровых — Родословие Сабуровых, Годуновых, Пильменовых и Вельяминовых. Конец XVI в. (РГАДА. Ф. 181. № 63/86).

Роспись Сабуровых — Роспись Сабуровых (Материалы для родословий). Начало XX в. (НИА СПбИИ РАН. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 109).

Синодик Ипатьевского монастыря — Синодик Ипатьевского монастыря второй половины XVII в. (КГИАХМЗ. КОК-24534).

Синодик Успенского собора — Синодик Успенского собора Московского Кремля. XV в. (ОР ГИМ. Синод. собр. № 330. Л. 1–126 об.).

Список с синодика Успенского собора — Список с синодика Успенского собора Московского Кремля. Конец XV в. (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 289. Л. 146–162 об.).

Опубликованные

АИ (2) — Акты исторические. Т. 2. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841.

Антонов, Маштафаров 2019 — Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI — начала XVII века / Сост. А. В. Антонов, А. В. Маштафаров. М.: Фонд «Связь Эпох», 2019.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1 / Сост. С. Б. Веселовский. М.: Изд-во АН СССР, 1952; Т. 2 / Сост. И. А. Голубцов. М.: Изд-во АН СССР, 1958; Т. 3 / Сост. И. А. Голубцов. М.: Наука, 1964.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1–3. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951–1961.

Бархатная книга 1787 — Бархатная книга (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих). Ч. 1. М.: Университет. тип., 1787.

Быкова и др. 2006 — Иконы Владимира и Суздаля / Гос. Владимиро-Суздальский ист.-архитектурный и худ. музей-заповедник; Авт.-сост. М. А. Быкова, Е. В. Гладышева, А. А. Горматюк. и др. М.: Сев. паломник, 2006.

Васильчиков 1900 — *Васильчиков А. А.* Чин бракосочетания царя Ивана Васильевича с царицею Анною Васильчиковою // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 1. Отд. 3. СПб.: Тип. П. В. Мартынова, 1900. С. 1–13.

Вкладная и кормовая книга 2006 — Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. текста А. И. Алексеев, А. В. Маштафаров // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184.

- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
- ДРВ (8) — Древняя Российская вивлиофика. Ч. 8. М.: Тип. Компании Типографической, 1788.
- Книга кормовая 1896 — Книга кормовая из Ярославля Поволгского Спасова монастыря // Вахрамеев И. А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 3. М.: Синод. тип., 1896. С. 1–36.
- Переписные книги 1890 — Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 г. М.: Университет. тип., 1890.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 3. Вып. 2: Новгородские летописи. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1879; Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. М.: Языки славян. культуры, 2003; Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1856; Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897; Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901; Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М.: Языки славян. культуры, 2000; Т. 14. 1-я пол.: Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. Новый летописец. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910; Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 18: Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913; Т. 20. 1-я пол.: Львовская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910; Т. 23: Ермолинская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910; Т. 24: Типографская летопись. Пг.: 2-я Гос. тип., 1921; Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965; Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Разрядная книга 1966 — Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966.
- Разрядная книга 1981 — Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М.: Ин-т истории СССР, 1981.
- Редкие источники 1977 — Редкие источники по истории России. Вып. 2 / [Сост. З. Н. Бочкарева, М. Е. Бычкова]. М.: Ин-т истории СССР, 1977.
- Самоковасов 1905 — Самоковасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. Т. 1. Отд. 1. М.: Университет. тип., 1905.
- СБРИО — Сборник Русского исторического общества Т. 35. СПб.: Тип. Елеонского, 1882; Т. 59. СПб.: Тип. Елеонского, 1887.
- Сергий 1901 — *Сергий, архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1: Восточная агиология. 2-е изд. Владимир: Типо-Лит. В. А. Паркова, 1901.
- Список опричников 2003 — Список опричников Ивана Грозного / Подгот. текста и предисл. Д. Н. Альшица. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2003. (Рукописные памятники; Вып. 7)
- ТКДТ 1950 — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.

Сокращения

- КГИАХМЗ — Костромской государственный историко-архитектурный художественный музей-заповедник.
- НИА СПб ИИРАН — Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

- Антонов, Баранов 1998 — Антонов А. В., Баранов К. В. Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. Вып. 3. М.: Древлехранилище, 1998. С. 3–44.
- Башнин, Корзинин 2017 — Башнин Н. В., Корзинин А. Л. Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Российская история. 2017. № 2. С. 172–188.
- Беляков 2017 — Беляков А. В. Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. № 9. 2017. С. 15–20.
- Борисов 2006 — Борисов Н. С. Иван III. М.: Мол. гвардия, 2006.
- Бычкова 1975 — Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1975.
- Веселовский 1946 — Веселовский С. Б. Из истории древнерусского землевладения: Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы) // Исторические записки. Т. 18 / Отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. С. 56–91.
- Веселовский 1963 — Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М.: Наука, 1963.
- Веселовский 1969 — Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969.
- Веселовский 1974 — Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974.
- Володихин 2012 — Володихин Д. М. Малюта Скуратов. М.: Мол. гвардия, 2012.
- Горский 2017 — Горский А. А. Завещание Василия I Дмитриевича: проблемы последовательности и датировки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 20–33.
- Грязнов 2019 — Грязнов А. Л. Белозерские акты XIV–XVI вв.: Исследование и перечень. Вологда: Древности Севера, 2019.
- Зимин 1972 — Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972.
- Зимин 2000 — Зимин А. А. Опричнина. М.: Территория, 2000.
- Зимин 1958 — Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 г. М.: Наука, 1958. С. 41–81.
- Ивина 1979 — Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XV — первой половины XVI в. Л.: Наука, 1979.
- Клосс 2000 — Клосс Б. Н. Предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 24. М.: Языки славян. культуры, 2000. С. v–xi.
- Кобеко 1905 — Кобеко Д. Ф. Сабуровы и князья Ноготковы // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 2. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1905. С. 3–6.
- Козляков 2011 — Козляков В. Н. Борис Годунов. Трагедия о добром царе. М.: Мол. гвардия, 2011.
- Конявская 2007 — Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М.: Свой круг, 2007.
- Кобрин 2008 — Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избр. тр. М.: Изд-во РГГУ, 2008.
- Корзинин 2020 — Корзинин А. Л. Двор великой княгини Марии Ярославны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Т. 66. Вып. 1. 2020. С. 19–48.
- Корзинин 2017 — Корзинин А. Л. Состав Боярской думы и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Ч. I: Думные чины // Древняя Русь: во времени, в личностях,

- в идеях = Παλαιωροσια: εν χρονο, εν προσωπω, εν ειδει: Альманах. Вып. 8 / Под ред. П. И. Гайденко. СПб.: [п. е.], 2017. С. 318–356.
- Корзинин, Штыков 2017 — *Корзинин А. Л., Штыков Н. В.* Состав Боярской думы и дворцовых чинов в княжение Василия III // Былые годы: Российский исторический журнал. Т. 44. № 2. 2017. Р. 330–341.
- Кузьмин 1999 — *Кузьмин А. В.* Московские наместники Новгорода Великого в конце XIV–начале XV в. (заметки по древнерусской генеалогии и сфрагистике) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф. / Сост. В. Ф. Андреев. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 1999. Ч. 2. С. 161–163.
- Кузьмин 2014 — *Кузьмин А. В.* На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014.
- Курганова 2007 — *Курганова Н. М.* Страницы истории некрополя города Суздаля. М.: Отдел внеш. церк. связей Моск. Патриархата, 2007.
- Кучкин 2013 — *Кучкин В. А.* Московские Рюриковичи (генеалогия и демография) // Исторический вестник. Т. 4. № 151. 2013. С. 45–46.
- Кучкин 2016 — *Кучкин В. А.* Три завещания Василия I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2 (64). С. 33–53.
- Литвина, Успенский 2006 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006.
- Литвина, Успенский 2018 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Манифестация связи с правящим домом в женских именах: ранние Романовы и семья Дмитрия Годунова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 63–79.
- Литвина, Успенский 2019 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* К уточнению имен и дат в семье царя Федора Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 61–66.
- Литвина, Успенский 2020 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Подлинные и мнимые имена Бориса Годунова // Slověne. Т. 9. № 1. 2020. С. 185–231.
- Лихачев 1903 — *Лихачев Н. П.* Дело о приезде Антония Поссевина // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 11. СПб.: Тип. «С. В. Балашев и К», 1903. С. 3–231.
- Лукашевич, Шевченко 2008 — *Лукашевич А. А., Шевченко Э. В.* Евдокия // Православная энциклопедия. Т. 17. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2008. С. 119–121.
- Мазуров, Никандров 2008 — *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого Русского государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV вв. М.: Инлайт, 2008.
- Маркина 2016 — *Маркина Н. Ю.* Навратный образ на Спасской башне Московского Кремля. Вопросы иконографии и происхождения памятника // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 133–152.
- Матасова 2016 — *Матасова Т. А.* Софья Палеолог. М.: Мол. гвардия, 2016.
- Мордовина, Станиславский 1977 — *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав Особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977. С. 153–193.
- Морозова 1997 — *Морозова Л. Е.* Род Годуновых: на пути к престолу // История московского боярства XIV–XVII вв.: Тезисы докладов и выступлений науч. конф. Ноябрь 1997 / Сост. К. А. Аверьянов. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. С. 9–11.
- Морозова 2014 — *Морозова Л. Е.* К вопросу об обстоятельствах женитьбы Василия III на Соломонии Сабуровой // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Т. 4. № 2. 2014. С. 156–167.

- Морозова 2017 — *Морозова Л. Е.* Годуновы у царского трона // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях = Παλαιὸς ῥωσία: ἐν χρόνῳ, ἐν προσώπῳ, ἐν εἰδέι: Альманах. Вып. 8 / Под ред. П. И. Гайденко. СПб.: [б. и.], 2017. С. 384–401.
- Морозова 2018 — *Морозова Л. Е.* Женщины и власть в Московском царстве XV — начала XVII в. М.: Академ. проект, 2018.
- Павлов 1992 — *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992.
- Петров 2010 — *Петров А. С.* Иконографическая программа пелен Софьи Палеолог и Соломонии Сабуровой и их место в убранстве Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря // Церковное шитьё в Древней Руси / Ред.-сост. Э. С. Смирнова. М.: Галарт, 2010. С. 236–242.
- Петров 2016 — *Петров Д. А.* Отражение в церковном строительстве 1510–1520-х гг. присоединения Василием III Пскова и Смоленска // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. Вып. 4 (24). С. 67–80.
- Полехов 2015 — *Полехов С. В.* Последнее завещание Василия I и политическая ситуация в Восточной Европе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 97–98.
- Пономарева 2011 — *Пономарева И. Г.* Боярское окружение московского великого князя Василия Васильевича в 1425–1432 годах // Российская история. 2011. № 1. С. 96–107.
- Пономарева 2012 — *Пономарева И. Г.* К хронологии завещаний московского великого князя Василия Дмитриевича // Русское средневековье: Сб. ст. в честь профессора Ю. Г. Алексеева. М.: Древлехранилище, 2012. С. 103–110.
- Пономарева 2013 — *Пономарева И. Г.* О датировке ранних боярских родословных // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. — 2 февр. 2013 г. / Отв. ред. Ю. Е. Шустова. Ч. 2. М.: РГТУ, 2013. С. 481–483.
- Скрынников 1979 — *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М.: Наука, 1979.
- Успенский, Успенский 2017 — *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
- Kollmann 1987 — *Kollmann N. Sh.* Kinship and politics: The making of the Muscovite political system, 1345–1547. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1987.
- Martin 2012 — *Martin R. E.* A bride for the tsar: Bride-shows and marriage politics in early modern Russia. Illinois: Illinois Univ. Press, 2012.
- Selin 2016 — *Selin A. A.* The archives of the two Sapiehas and the two letters by Xenia Godunova // Пяты Міжнародны Кангрэс даследчыкаў Беларусі: Прац. матэрыялы = The Fifth International Congress of Belarussian Studies: Working papers / [Навук. рада: А. Казакевіч і інш.]. Т. 5. Kaunas: Vytautas Magnus Univ. Press, 2016. С. 72–76.
- Thyret 2001 — *Thyret I.* Between God and Tsar: Religious symbolism and the royal women of Muscovite Russia. DeKalb, ILL: Northern Illinois Univ. Press, 2001.

References

- Antonov, A. V., & Baranov, K. V. (1998). Akty XV–XVI veka iz arkhivov russkikh monastyreĭ i tserkvei [Acts of the XV–XVI centuries from the archives of Russian monasteries and churches]. *Russkii diplomatarii* (Vol. 3, pp. 3–44). Drevlekhranilishche. (In Russian).
- Bashnina, N. V., & Korzinin, A. L. (2017). Novye dannye k biografii oprichnika Maliuty Skuratova [New data for the biography of Malyuta Skuratov]. *Rossiiskaia istoriia*, 2017(2), 172–188. (In Russian).
- Beliakov, A. V. (2017). Kanbarovy (Kambarovy) v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. [The Kanbarovs (Kambarovs) in the Moscow State of the 16th–17th centuries]. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva*, 9, 15–20. (In Russian).

- Borisov, N. S. (2006). *Ivan III. Molodaia gvardiia*. (In Russian).
- Bychkova, M. E. (1975). *Rodoslovnye knigi XVI–XVII vv. kak istoricheskii istochnik* [Genealogical books of the 16th–17th centuries as a historical source]. Nauka. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (2017). Zaveschchanie Vasiliiia I Dmitrievicha: problemy posledovatel'nosti i datirovki [The testament of Vasily I Dmitrievich: Problems of sequence and dating], *Drevniaia Rus'*. *Voprosy medievistiki*, 2017(1(67)), 20–33. (In Russian).
- Griaznov, A. L. (2019). *Belozerskie akty XIV–XVI vv.: Issledovanie i perechen'* [Belozersky acts of the XIV–XVI centuries: Research and inventory]. Drevnosti Severa. (In Russian).
- Ivina, L. I. (1979). *Krupnaia votchina Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XV — pervoi poloviny XVI v.* [Large patrimony in North-Eastern Russia at the end of the 15th — first half of the 16th century]. Nauka. (In Russian).
- Kloss, B. N. (2000). Predislovie k izdaniuu 2000 g. [Preface to the 2000 year edition]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* (Vol. 24, pp. v–xi). Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Kobeko, D. F. (1905). Saburovy i kniaz'ia Nogotkovy [The Saburovs and the Nogotkov princes]. *Letopis' Istoriko-rodoslovnogo obshchestva v Moskve* (Vol. 2, pp. 3–6). Pechatnia S. P. Iakovleva. (In Russian).
- Kobrin, V. B. (2008). *Oprichnina. Genealogiia. Antroponimika. Izbrannye trudy* [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy: Selected works]. Izdatel'stvo RGGU. (In Russian).
- Kollmann, N. Sh. (1987). *Kinship and politics: The making of the Muscovite political system, 1345–1547*. Stanford Univ. Press.
- Koniavskaia, E. L. (2007). *Ocherki po istorii tverskoi literatury XIV–XV v.* [Essays on the history of Tver literature of the 14th–15th centuries]. Svoi krug. (In Russian).
- Korzinin, A. L., & Shtykov, N. V. (2017). Sostav Boiarskoi dumy i dvortsovykh chinov v kniazhenie Vasiliiia III [The structure of the Boyar Duma and the court administration in Vasily III's reign]. *Bylye gody: Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 44(2), 330–341. (In Russian).
- Korzinin, A. L. (2017). Sostav Boiarskoi dumy i dvortsovykh chinov v pravlenie velikogo kniazia Ivana III. Chast' I: Dumnye chiny [The composition of the Boyar Duma and the palace administration during the reign of Grand Duke Ivan III. Part 1: Duma ranks]. In P. I. Gaidenko (Ed.). *Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh = Palaiorösia: en chrono, en prosöpo, en eidei: Al'manakh* (Vol. 8, pp. 318–356). (In Russian).
- Korzinin, A. L. (2020). Dvor velikoi kniagini Marii Iaroslavny [The Court of the Grand Duchess Maria Yaroslavna]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Ser. 2*, 66(1), 19–48. (In Russian).
- Kozliakov, V. N. (2011). *Boris Godunov. Tragediia o dobrom tsare* [Boris Godunov: The tragedy of the good king]. Molodaia gvardiia. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. (2013). Moskovskie Riurikovichy (genealogiia i demografiia) [Moscow Rurikovichy (genealogy and demography)]. *Istoricheskii vestnik*, 4(151), 45–46. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. (2016). Tri zaveschchaniia Vasiliiia I [Three testaments of Basil I]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2016(2(64)), 33–53. (In Russian).
- Kurganova, N. M. (2007). *Stranitsy istorii nekropolia goroda Suzdalia* [Pages of the history of the necropolis of the city of Suzdal]. Otdel vneshnikh tserkovnykh svyazei Moskovskogo Patriarkhata. (In Russian).
- Kuz'min, A. V. (1999). Moskovskie namestniki Novgoroda Velikogo v kontse XIV — nachale XV v. (zametki po drevnerusskoi genealogii i sfragistike) [Moscow governors of Novgorod the Great in the late 14th — early 15th centuries (notes on ancient Russian genealogy and sphragistics)]. In V. F. Andreev (Ed.). *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoi zemli: Materialy nauchnoi konferentsii* (Part 2, pp. 161–163). Novgorodskii gos. un-t im. Iaroslava Mudrogo (In Russian).

- Kuz'min, A. V. (2014). Na puti v Moskvu. *Ocherki genealogii voenno-sluzhiloi znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII — seredine XV v.* [On the way to Moscow. Essays on the genealogy of the military-service nobility of North-Eastern Russia in the 13th–mid-15th centuries] (Vol. 1). Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. (In Russian).
- Likhachev, N. P. (1903). Delo o priezde Antonii Possevina [The case regarding the arrival of Anthony Possevino]. *Letopis' zaniatii Arkheograficheskoi komissii* (Vol. 11, pp. 3–231), Tipografiia "S. V. Balashev i K^o". (In Russian).
- Litvina, A. F. & Uspenskij, F. B. (2006). *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaiia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of a name among Russian princes in the 10th–16th centuries: Dynastic history through the prism of anthroponymy]. Indrik. (In Russian).
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2018). Manifestatsiia sviazi s praviashchim domom v zhen'skikh imenakh: rannie Romanovy i sem'ia Dmitriia Godunova [The manifestation of connection with the ruling house in female names: the early Romanovs and the family of Dmitry Godunov]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2018(4(74)), 63–79. (In Russian).
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2019). K utochneniiu imen i dat v sem'e tsaria Fedora Ivanovicha [To clarify the names and dates in the family of Tsar Fyodor Ivanovich]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2019(1(75)), 61–66. (In Russian).
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2020). Podlinnye i mnimye imena Borisa Godunova [The true and fake names of Boris Godunov]. *Slověne*, 9(1), 185–231. (In Russian).
- Lukashevich, A. A., & Shevchenko E. V. (2008). Evdokiia [Evdokia]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. 17, pp. 119–121), TsNTs "Pravoslavnaia entsiklopediia". (In Russian).
- Markina, N. Iu. (2016). Nadvratnyi obraz na Spasskoi bashne Moskovskogo Kremliia. Voprosy ikonografii i proiskhozhdeniia pamiatnika [The gate image on the Spasskaya Tower of the Moscow Kremlin. Questions of iconography and the origin of the monument]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2016(3(65)), 133–152.
- Martin, R. E. (2012). *A bride for the tsar: Bride-shows and marriage politics in early modern Russia*. Illinois Univ. Press.
- Matasova, T. A. (2016). *Sof'ia Paleolog* [Sophia Paleologue]. Molodaia gvardiia. (In Russian).
- Mazurov, A. B., & Nikandrov, A. Iu. (2008). *Russkii udel epokhi sozdaniia edinogo Russkogo gosudarstva: Serpukhovskoe kniazhenie v seredine XIV — pervoi polovine XV vv.* [A Russian appanage from the period of creation of a unified Russian state: the Serpukhov principality in the middle of the 14th — first half of the 15th centuries]. Inait. (In Russian).
- Mordovina, S. P., & Stanislavskii, A. L. (1977). Sostav Osobogo dvora Ivana IV v period "velikogo kniazheniia" Simeona Bekbulatovicha [The composition of the Special Court of Ivan IV during the "great reign" of Simeon Bekbulatovich]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1976 god* (pp. 153–193). Nauka. (In Russian).
- Morozova, L. E. (1997). Rod Godunovykh: na puti k prestolu [The Godunov family: on the path to the throne]. In K. A. Aver'ianov (Ed.). *Istoriia moskovskogo boiarsva XIV–XVII vv.: Tezisy dokladov i vystuplenii nauchnoi konferentsii. Noiaabr' 1997* (pp. 9–11). Institut rossiiskoi istorii RAN. (In Russian).
- Morozova, L. E. (2014). K voprosu ob obstoiatel'stvakh zhenit'by Vasiliiia III na Solomonii Saburovoi [On the question of the circumstances of Vasily III's marriage to Solomonii Saburova]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 4(2), 156–167. (In Russian).
- Morozova, L. E. (2017). Godunovy u tsarskogo trona [Godunovs by the royal throne]. In P. I. Gaidenko (Ed.). *Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh = Palaiorōsia: en chronō, en prosōpō, en eidei: Al'manakh* (Vol. 8, pp. 384–401). [N. e.]. (In Russian).
- Morozova, L. E. (2018). *Zhenshchiny i vlast' v Moskovskom tsarstve XV — nachala XVII v.* [Women and power in the Muscovy of the 15th — early 17th century]. Akademicheskii proekt. (In Russian).

- Pavlov, A. P. (1992). *Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.)* [The Tsar's Court and the Political Struggle under Boris Godunov (1584–1605)]. Nauka. (In Russian).
- Petrov, A. S. (2010). Ikonograficheskaya programma pelen Sof'i Paleolog i Solomonii Saburovoi i ikh mesto v ubranstve Troitskogo sobora Troitse-Sergieva monastyrja [The iconographic program of the shrouds of Sophia Palaeologue and Solomonii Saburova and their place in the decoration of the Trinity Cathedral of the Trinity-Sergius Monastery]. In E. S. Smirnova (Ed.). *Tserkovnoe shit'e v Drevnei Rusi* (pp. 236–242). (In Russian).
- Petrov, D. A. (2016). Otrazhenie v tserkovnom stroitel'stve 1510–1520-kh gg. prisoedineniia Vasiliem III Pskova i Smolenska [Reflection of the annexation of Pskov and Smolensk by Vasily III in church building in the 1510–1520s.]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta, Ser. 5: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva*, 2016(4), 67–80. (In Russian).
- Polekhov, S. V. (2015). Poslednee zaveshchaniye Vasiliia I i politicheskaya situatsiia v Vostochnoi Evrope [The last testament of Basil I and the political situation in Eastern Europe]. *Drevniiia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2015(3(61)), 97–98. (In Russian).
- Ponomareva, I. G. (2011). Boiarskoe okruzhenie moskovskogo velikogo kniazia Vasiliia Vasil'evicha v 1425–1432 godakh [Boyar entourage of the Moscow Grand Duke Vasily Vasilyevich in 1425–1432]. *Rossiiskaya istoriia*, 2011(1), 96–107. (In Russian).
- Ponomareva, I. G. (2012). K khronologii zaveshchaniia moskovskogo velikogo kniazia Vasiliia Dmitrievicha [On the chronology of the testaments of the Moscow Grand Duke Vasily Dmitrievich]. In A. Iu. Dvornichenko (Ed.). *Russkoe srednevekov'e: Sbornik statei v chest' professora Iu. G. Alekseeva* (pp. 103–110). Drevlekhranilishche. (In Russian).
- Ponomareva, I. G. (2013). O datirovke rannikh boiarskikh rodoslovnykh [On the dating of early boyar genealogies]. In Iu. E. Shustova (Ed.). *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 31 ianvaria — 2 fevralia 2013 g.* (Part 2, pp. 481–483). RGGU. (In Russian).
- Selin, A. A. (2016). The archives of the two Sapiehas and the two letters by Xenia Godunova. In A. Kazakevich et al. (Eds.). *Piaty Mizhnarodny Kangres dasledchykau Belarusi: Pratsounyia materyialy = The Fifth International Congress of Belarussian Studies: Working papers* (Vol. 5, pp. 72–76). Vytautas Magnus Univ. Press.
- Skrynnikov, R. G. (1979). *Boris Godunov*. Nauka. (In Russian).
- Thyret, I. (2001). *Between God and Tsar: Religious symbolism and the royal women of Muscovite Russia*. Northern Illinois Univ. Press.
- Uspenskij, B. A., & Uspenskij, F. B. (2017). *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic names in Russia]. Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Veselovskii, S. B. (1946). Iz istorii drevnerusskogo zemlevladieniia: Rod Dmitriia Aleksandroviicha Zernova (Saburovy, Godunovy i Vel'i aminovy-Zernovy) [From the history of ancient Russian land tenure: The genus of Dmitry Alexandrovich Zernov (Saburovy, Godunovy and Velyaminovy-Zernovy)]. In B. D. Grekov (Ed.). *Istoricheskie zapiski* (Vol. 18, pp. 56–91). Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Veselovskii, S. B. (1963). *Issledovaniia po istorii oprichniny* [Research on the history of the oprichnina]. Nauka. (In Russian).
- Veselovskii, S. B. (1969). *Issledovaniia po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Studies in the history of the service class]. Nauka. (In Russian).
- Veselovskii, S. B. (1974). *Onomastikon: Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii* [Onomasticon: Old Russian names, nicknames and surnames]. Nauka. (In Russian).
- Volodikhin, D. M. (2012). *Maliuta Skuratov* [Malyuta Skuratov]. Molodaia gvardiia. (In Russian).

Zimin, A. A. (1958). Sostav Boiarskoi dumy v XV–XVI vekakh [The composition of the Boyar Duma in the 15th–16th centuries]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1957 g.* (pp. 41–81). Nauka. (In Russian).

Zimin, A. A. (1972). *Rossii na poroge Novogo vremeni (Ocherki politicheskoi istorii Rossii pervoi treti XVI v.)* [Russia on the threshold of the New Time (Essays on the political history of Russia in the first third of the 16th century)]. Mysl'. (In Russian).

Zimin, A. A. (2020). *Oprichnina* [The Oprichnina]. Territoriia. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Александр Леонидович Корзинин

доктор исторических наук
профессор, кафедра истории России
с древнейших времен до XX века,
Институт истории, Санкт-
Петербургский
государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7/9
Тел.: +7 (812) 328-94-47
✉ a.korzinin@spbu.ru

Information about the author

Alexander L. Korzinin

Dr. Sci. (History)
Professor, Department of Russian History
from Ancient Times to the 20th Century,
The Institute of History,
St. Petersburg State University
Russia, 199034, St. Petersburg,
Universitetskaya Emb., 7/9
Tel.: +7 (812) 328-94-47
✉ a.korzinin@spbu.ru

С. Г. Зюзева

ORCID: 0000-0002-6499-0811

✉ zuzeva@kremlin.museum.ru

Государственный историко-культурный музей-заповедник
«Московский Кремль» (Россия, Москва)

Дробницы киота иконы «Святитель Николай», созданные по заказу Евдокии Сабуровой

Аннотация. В статье анализируется программа дробниц, размещенных на полях киота иконы «Святитель Николай» из коллекции Музеев Московского Кремля. Икона находилась в Покровском суздальском монастыре; вероятно, после 1598 г. по заказу инокини Александры (Евдокии Сабуровой) была украшена резными пластинами с образами избранных святых. В статье сконцентрировано внимание на анализе изображений патрональных святых двух царских династий — Рюриковичей и Годуновых. Состав дробниц уникален: на киоте изображены патрональные святые царевича Ивана Ивановича, инокини Александры, царя Федора Ивановича, царицы Ирины Годуновой, семьи Бориса Годунова. Украшенная икона является ярким примером истории русского позднесредневекового благочестия; кроме того, в программе дробниц подчеркивается и высокий статус заказчицы, связанной родственными узами с обеими династиями.

Ключевые слова: русское ювелирное искусство, средневековая Русь, иконы, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители

Для цитирования: Зюзева С. Г. Дробницы киота иконы «Святитель Николай», созданные по заказу Евдокии Сабуровой // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 312–322. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-312-322>.

Статья поступила в редакцию 2 декабря 2020 г.
Принято к печати 10 января 2021 г.

S. G. Ziuzeva

ORCID: 0000-0002-6499-0811

✉ zuzeva@kremlin.museum.ru

*The Moscow Kremlin State Historical
and Cultural Museum and Heritage Site
(Russia, Moscow)*

THE PLAQUES ON THE ICON CASE OF ST. NICHOLAS CREATED BY ORDER OF EVDOKIA SABUROVA

Abstract. The article analyses the program of the plaques placed on the icon case of St. Nicholas found in the Moscow Kremlin collection. The icon belonged to Evdokia Saburova (nun Alexandra after 1572), the first wife of Tsarevich Ivan Ivanovich. The decorated icon was kept in the convent of the Intercession in Suzdal. Presumably the toreutic icon case was supplemented with plaques with carved images after 1598. On the narrow margins of the icon case are placed the plaques with the image of the Deisis, of ecumenical and Russian saints, as well as of the holy patrons of the customer and the Rurikid and Godunov dynasties. The article focuses on the analysis of images of saints of the two dynasties. On the icon case there are the holy patrons of the Tsarevich Ivan Ivanovich (John Climacus and Mark of Arethusa), the nun Alexandra (St. Alexandra), Tsar Fedor Ivanovich (St. Theodore Stratelates and St. Martyr Hermias), Tsarina Irina (Great Martyr Irene) and Boris Godunov's family (St. Boris, Mary Magdalene, Theodotus of Ancyra, Xenia of Rome). The decorated icon is not only a vivid example of the history of Russian medieval piety, the program also emphasizes the high status of the customer, who is related by kinship with both tsars' dynasties.

Keywords: Russian jewelry, Medieval Russia, icons, saints' cult, dual naming of lay Christians, holy patrons

To cite this article: Ziuzeva, S. G. (2021). The plaques on the icon case of St. Nicholas created by order of Evdokia Saburova. *Shagi / Steps*, 7(3), 312–322. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-312-322>.

Received December 2, 2020

Accepted January 10, 2021

Особое значение в истории ювелирного искусства XVI столетия занимает украшенная икона «Святитель Николай» из коллекции Музеев Московского Кремля. Это редкий сохранившийся памятник, дающий представление о многосоставности драгоценного убранства моленного образа. Икона в золотом окладе, украшенном цветными камнями и жемчугом, помещена в окованный серебром киот. В данной статье мы подробно остановимся на резных изображениях, представленных на дробницах киота. Чеканный оклад и киот со сценами жития святителя Николая (ил. 1) были выполнены в 1570-е годы; вероятно, создание драгоценной иконы было приурочено к свадьбе царевича Ивана Ивановича и Евдокии Богдановны Сабуровой [Стерлигова 2010: 398]. После пострижения Евдокии Сабуровой под именем Александры в суздальском Покровском монастыре икона находилась в ее келье (перемещена в храм после смерти инокини Александры). На рубеже XVI–XVII вв. (вероятно, после венчания на царство Бориса Годунова в 1598 г.) по воле инокини Александры узкие поля киота были дополнены резными дробницами, выполненными московским серебряником [Зюзева 2020: 69]. Мастер мог работать и в монастыре, поскольку известны случаи, когда московские серебряники выполняли заказы монастырей на месте [Никольский 1897: 97, 105, примеч. 1]. Однако, учитывая близкую расположенность Суздаля к Москве и привилегированное положение «царицы Авдотьи Богдановны», можно предположить, что дробницы были изготовлены в придворных мастерских¹.

На полях киота представлены дробницы овальной формы с изображением избранных святых всех чинов святости — святители, преподобные, мученики и святые жены; в расположении дробниц соблюдена символическая иерархия образов. Состав святых на дробницах и их расположение на киоте келейной иконы был определен заказчицей. По верхнему краю киота помещены пять дробниц с поясным изображением Деисуса — Спасителя, Богоматери, Иоанна Предтечи и архангелов Михаила и Гавриила. На створках размещены дробницы с ростовыми фронтальными изображениями избранных святых. В настоящее время дробницы расположены следующим образом:

Правая створка (левая от зрителя)		Левая створка (правая от зрителя)	
Иоанн Лествичник		Василий Великий	
Марк Арефусийский	Иоанн Златоуст	Евфросиния Суздальская	Борис и Глеб
Александра	Евфросин Псковский	Всеволод Псковский	Феодор Стратилат
Никита Новгородский	Иоанн Новгородский	Ермий	Феодот Анкирский
Мария Магдалина	Ирина	Евфросиния Александрийская	Ксения Римлянка
Григорий Богослов		Леонтий Ростовский	

¹ Документы, детально фиксирующие все этапы работы мастеров-серебряников, сохранились лишь от второй половины XVII в. Мы можем только предполагать, как осуществлялась работа по украшению киота. Наиболее вероятным представляется следующий вариант: монахиня Александра заказала работы придворному ювелиру, который мог зафиксировать размеры) на месте дробницы были изготовлены в московских мастерских и смонтированы на киот в монастыре.

Ил. 1. Икона «Святитель Николай» в окладе и киоте. 1570-е годы
Дробницы на киоте — конец XVI — начало XVII в. Музеи Московского Кремля

Fig. 1. Icon of St. Nicholas. Icon case — 1570s.
Plaques — late 16th — early 17th century. Moscow Kremlin Museums

Изображения рассчитаны на рассматривание с очень близкого расстояния. У святых схожий тип лица, единообразная передача жестов, трактовка складок и манера сетчатой штриховки, придающей образам объем и светотеневую моделировку. На дробницах присутствует несколько видов изображения земли — позем в основном изображен одинарной или двойной линией. На трех дробницах с образами Василия Великого, Григория Богослова и Лeonтия Ростовского, расположенными в центре верхнего и нижнего полей, позем изображен в виде мелкой сетчатой штриховки. Таков же позем на дробнице с образом Иоанна Златоуста, которая в настоящее время находится на боковом поле правой створки. Поэтому нельзя исключать, что изначально она должна была располагаться в центре верхнего поля, а изображение Иоанна Лествичника находилось напротив образа Марка Арефусийского, на правой стороне правой створки². Как и на других украшенных иконах второй полови-

² Возможно, дробницы были переставлены в XIX в., когда с памятниками средневекового искусства обращались вольно. Так, с конца XIX в. в киоте находилось Евангелие в окладе, а икона св. Николая хранилась отдельно [Борисова, Зюзева 2019: 70].

ны XVI в., центральный образ святителя Николая сопровождают вселенские святители³. На киоте иконы, подробно иллюстрирующем житие святителя Николая, предстает собирательный образ Церкви, столпом которой является Мирликийский чудотворец, подчеркивается роль Церкви и московских государей в прославлении вселенских и русских святых. На дробницах изображен сонм небесных покровителей двух царских династий — Рюриковичей и Годуновых⁴. На правой створке киота (ил. 2), в верхней его части, расположены образы Иоанна Лествичника и св. Марка — небесных покровителей царевича Ивана Ивановича, мужа Евдокии Богдановны. Подобное сочетание дробниц является уникальным⁵. Под дробницей с изображением св. Марка находится патрональный образ инокини Александры — св. царицы Александры (в царском одеянии и городчатом венце, с крестом в руке). Вероятно, по воле заказчицы святая представлена рядом с небесными патронами царевича Ивана Ивановича, а не с другими святыми женами, чьи изображения расположены в нижней зоне киота. Дробница киота — единственный известный нам на сегодняшний день артефакт, указывающий, что инокиня Александра избрала в свои небесные покровительницы царственную святую. Отметим, что позже царица Ирина Годунова, принявшая постриг с именем Александры, выбрала в качестве покровительницы ту же святую⁶. В нижней зоне полей киота размещена пластина с образом великомученицы Ирины — соименной святой царицы Ирины Годуновой. Святая представлена в царственном одеянии, на накладном чеканном нимбе вырезана корона. Небесной покровительницей Ирины Годуновой была мученица Ирина Иллирийская [Литвина, Успенский 2020: 194]. Изображение великомученицы Ирины присутствует и на другом произведении, связанном с заказом царя Федора Ивановича и царицы Ирины Годуновой, — на крышке раки преподобного Сергия Радонежского, созданной в 1585 г. [Стерлигова 2014b: 244]. Учитывая этот факт, можно предположить, что великомученица Ирина почиталась в придворных кругах как патрональная святая царицы Ирины Годуновой. На другой стороне от дробницы со св. Ириной находится изображение Марии Магдалины, соименной святой другой царицы — Марии Григорьевны Скуратовой, жены Бориса Годунова. Не исключено, что такое близкое расположение дробниц с образами соименных святых жен царицам было задумано «царицей Авдотьей Богдановной» изначально.

На левой створке киота (ил. 3) размещены образы небесных покровителей царя Федора Ивановича, Бориса Годунова и его детей — Федора Борисовича и Ксении Борисовны. В верхней части створки расположены дробницы с

³ Ср., например, несохранившийся оклад иконы «Никола Великорекский» 1555 г. [Зюзева 2020: 64–66] и оклад иконы «Св. Николай» конца XVI в. [Зюзева 2014: 426–428].

⁴ Евдокия Сабурова находилась в родстве с Годуновыми.

⁵ В Музеях Московского Кремля хранится панagia с рельефным образом преподобного Иоанна Лествичника, созданная в память рождения царевича Ивана Ивановича по заказу царя Ивана IV. На ее несохранившейся золотой оправе находилось черное изображение Марка Арефусийского и диакона Кирилла [Стерлигова 2014а: 343]. В жертвеннике Успенского собора Московского Кремля хранилась икона, представляющая свв. Марка и Кирилла [Описи 1876. Стлб. 334]. Е. А. Осташенко предположила, что икона могла быть вложена в Успенский собор после смерти царевича Ивана Ивановича в 1581 г. [Толстая 2016, № 23].

⁶ На напрестольной пелене «Похвала Богородицы» конца XVI в., выполненной в мастерской царицы-инокини Александры, в нижней части изображены царица Александра и мученица Ирина — патрональные святые Ирины Годуновой [Маясова 2004: 42].

Ил. 2. Правая створка киота иконы «Святитель Николай»
Fig. 2. Right leaf of the icon case of St. Nicholas

изображениями святых князей Бориса и Глеба — небесных патронов Бориса Годунова, напротив — изображение княгини Евфросинии Суздальской, под образом св. Евфросинии представлен князь Всеволод Псковский. В подборе персонажей акцентируется идея божественного покровительства всему царскому роду, поскольку святые князья воспринимались как личные заступники царя и его рода, а через него — и как покровители всего Русского государства и самой русской святости. В нижней зоне створки киота находится изображение преподобной Евфросинии Александрийской. День памяти Евфросинии Суз-

Ил. 3. Левая створка киота иконы «Святитель Николай»

Fig. 3. Left leaf of the icon case of St. Nicholas

дальской и Евфросинии Александрийской приходится на 25 сентября⁷. Размещение дробницы с изображением Евфросинии Суздальской в самой важной — верхней зоне киота, рядом с ликом святителя Николая, а также помещение на киоте крайне редкого для русского ювелирного искусства рубежа XVI–XVII вв. образа соименной ей Евфросинии Александрийской, свидетельствуют об особом почитании суздальской святой инокиней Александрой.

⁷ Евфросиния Суздальская — княжна Феодулия — приняла постриг в день памяти Евфросинии Александрийской и была погребена 25 сентября [Георгиевский 1900: 35–36, 56].

В центральной части левой створки киота размещены изображения святых мучеников. На правой стороне створки образ св. Феодота Анкирского — небесного покровителя царевича Федора Борисовича Годунова [Литвина, Успенский 2020: 204–219]. Напротив — изображение мученика Ермия⁸. Святой представлен в длинных одеяниях (хитоне, украшенном поясом, и гиматии), правая его рука поднята к груди в благословляющем жесте, в левой — меч в ножнах. Изображение святого на дробнице совпадает с описанием в иконописных подлинниках конца XVI в.⁹, а также находит близкие аналогии в минейных иконах на май месяц конца XVI — начала XVII в.¹⁰ Небесными покровителями царя Федора Ивановича являлись св. Феодор Стратилат (его изображение размещено над образом св. Феодота) и апостол Ермий, епископ Далматский [Мартынова 1999: 334, примеч. 26]. Образ апостола присутствует на нескольких памятниках прикладного искусства, связанных с царем Федором [Вилкова 2019: 173–174; Мартынова 1999: 330]. Царь Федор родился 31 мая, в день памяти двух святых — апостола Ермия и мученика Ермия [Литвина, Успенский 2019: 62–63]. Последний мог почитаться в придворной среде как еще один небесный покровитель царя Федора Ивановича. В жертвеннике Успенского собора Московского Кремля находилась икона с образами обоих святых (не сохранилась)¹¹. Выскажем предположение, что определенная последовательность в «сдвиге» патрональных святых царя Федора Ивановича и царицы Ирины в программе дробниц киота иконы «Святитель Николай» может быть связана с тем, что дни памяти великомученицы Ирины и мученика Ермия приходятся на май, когда празднуется важнейшее событие для православной Церкви — перенесение мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бари.

Важной фигурой в программе дробниц является св. Феодор Стратилат, который представлен здесь как патрональный святой царя Федора Ивановича и одновременно царевича Федора Борисовича. Упомянем, что на другом памятнике, связанном с царским заказом Бориса Годунова, — окладе иконы «Богоматерь Смоленская» — Феодор Стратилат представлен дважды: в паре с Феодотом Анкирским и мученицей Ириной [Мартынова 1999: 319].

Учитывая значительное количество изображенных на киоте соименных представителям царской семьи святых и ярко выраженную патрональную направленность программы дробниц, нельзя исключать, что образы Василия Великого и Иоанна Златоуста в данном случае могут быть представлены как соименные святые великих князей Василия III и Ивана III. В верхней части

⁸ Ранее мы ошибочно указали, что на дробнице размещено изображение пророка Иереми [Зюзева 2020: 71]. Нас ввела в заблуждение именующая надпись: «ПРОРОК ЕРМИЙ». Не исключено, что надпись «пророк» была выполнена позднее либо является ошибкой мастера-словописца. Сердечно благодарю Ф. Б. Успенского за консультацию.

⁹ Самое подробное описание приведено в иконописном подлиннике новгородской редакции конца XVI в.: «Ермий мученик; рус аки Флор, риза кеноварь, испод празелен, препоясан ширинкою; в правой руке крест, в левой меч в ножнах» [Иконописный подлинник 1873: 108]. Изображение мученика Ермия помещено в Строгановском иконописном лицевом подлиннике конца XVI — начала XVII в. [Строгановский иконописный лицевой подлинник 1869: 83].

¹⁰ См.: [Каткова, Комашко 2004: № 27], минея конца XVI — начала XVII в. (ГИМ, Инв. № НД ИИ-410. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/113002>).

¹¹ «Образ мученика Христова Еремии, да апостола Еремии же на одной цке, обложены серебром, оклад басменной, венцы серебряны сканные» [Описи 1876. Стлб. 334].

киота присутствует и дробница с изображением небесного покровителя царя Ивана IV — пророка Иоанна Предтечи¹².

Украшенная икона является ярким памятником истории русского благочестия. Дробницы киота несут и значимые смысловые функции. Каждый из избранных святых при сопоставлении с центральным изображением акцентировал различные аспекты почитания святого образа, но прежде всего имел важнейшее значение для заказчицы, подчеркивая многогранность ее молитвенного обращения. Согласно византийской традиции, в эпоху Московского царства «устройство» убора высокочтимой иконы являлось подтверждением высокого места вкладчика в государственной иерархии [Стерлигова 2006: 628]. Украшенные иконы с патрональными святыми демонстрировали статус заказчиков, что стало одной из причин широкого распространения этого вида церковного убранства в придворных кругах. Дробницы киота не только иллюстрируют особенности почитания «персональных» святых в элитарной среде, но главным образом являются свидетельством амбициозного замысла инокини Александры, «соединившей» в программе небесных патронов династий Рюриковичей и Годуновых.

Источники

Иконописный подлинник 1873 — Иконописный подлинник новгородской редакции по софийскому списку конца XVI века. С вариантами из списков Забелина и Филимонова. М.: Университет. тип., 1873.

Описи 1876 — Описи Московского Успенского собора от начала XVII века по 1701 г. включительно // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1876. Стлб. 295–874.

Строгановский иконописный лицевой подлинник 1869 — Строгановский иконописный лицевой подлинник (конца XVI и начала XVII столетий). М.: Изд. литографии; при худ.-пром. музее, 1869.

Литература

Борисова, Зюзева 2019 — Рукописные и печатные Евангелия XIII — начала XX века в собрании Музеев Московского Кремля: В 3 т. Т. 2 / Отв. сост. Т. С. Борисова, С. Г. Зюзева. М.: Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль», 2019.

Вилкова 2019 — Вилкова М. В. Дробницы «Годуновской» фелони из Архангельского собора // Московский Кремль XVII столетия: Древние святыни и исторические памятники: Сб. ст. Кн. 2. / Сост. и отв. ред. С. А. Беляев, И. А. Воротникова. М.: БуксМАрт, 2019. С. 171–179.

Георгиевский 1900 — Георгиевский В. Т. Суздальский Ризположенский женский монастырь: Историко-археологическое описание. Владимир: Типо-лит. Губ. прав., 1900.

Зюзева 2014 — Зюзева С. Г. Оклады двух кремлевских икон второй половины XVI века с лицевыми изображениями на полях // Московский Кремль XVI столетия: Древние святыни и исторические памятники: Сб. ст. Кн. 2 / Сост. и отв. ред. С. А. Беляев, И. А. Воротникова. М.: БуксМАрт, 2014. С. 418–429.

Зюзева 2020 — Зюзева С. Г. О двух царских украшенных иконах святителя Николая XVI в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 39. 2020. С. 63–75.

¹² Отметим, что деисусный чин размещен в верхней части киота на узкой полосе чеканного орнамента и по отношению к размеру полей дробницы выглядит очень большим, нарушая соразмерность частей убора.

- Каткова, Комашко 2004 — Костромская икона XIII–XIX веков / Авт.-сост. С. С. Каткова, Н. И. Комашко. М.: Гранд-Холдинг, 2004.
- Литвина, Успенский 2019 — Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. К уточнению имен и дат в семье царя Федора Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 61–66.
- Литвина, Успенский 2020 — Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Подлинные и мнимые имена Бориса Годунова // Slověne. Т. 9. № 1. 2020. С. 185–231.
- Мартынова 1999 — Мартынова М. В. Оклад иконы «Богоматерь Смоленская» и черневая гравюра XVI века // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М.: Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль», 1999. С. 318–335.
- Маясова 2004 — Маясова Н. А. Древнерусское лицевое шитье: Каталог. М.: Красная площадь, 2004.
- Никольский 1897 — Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 1. СПб.: Синодальная тип., 1897.
- Стерлигова 2006 — Стерлигова И. А. Икона как храм: пространство моленного образа в Византии и Древней Руси // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 612–637.
- Стерлигова 2010 — Стерлигова И. А. Драгоценные иконы святителя Николая в Древней Руси // Добрый кормчий: Почитание святителя Николая в христианском мире / Сост. и общ. ред. А. В. Бугаевский. М.: Скиния, 2010. [На тит. л. 2011]. С. 382–409.
- Стерлигова 2014a — Стерлигова И. А. Панагии русских государей XVI века с иконами-камеями. К истории искусства глиптики в средневековой Руси // Московский Кремль XVI столетия: Древние святыни и исторические памятники: сб. ст. Кн. 2 / Сост. и отв. ред. С. А. Беляев, И. А. Воротникова. М.: БуксМАрт, 2014. С. 330–353.
- Стерлигова 2014b — Ризница Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: В 2 т. / Науч. ред. И. А. Стерлигова. [Б. м.:] Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2014. Т. 1.
- Толстая 2016 — Иконы Успенского собора Московского Кремля. Вторая половина XV — XVI век: Каталог / Отв. ред.-сост. Т. В. Толстая. М.: Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль», 2016.

References

- Borisova, T. S., & Ziuzeva, S. G. (Eds.) (2019). *Rukopisnye i pechatnye Evangeliia XIII — nachala XX veka v sobranii Muzeev Moskovskogo Kremliia* [13th — early 20th century handwritten and printed Gospel books in the Moscow Kremlin Museums collection] (Vol. 2). Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik "Moskovskii Kreml'". (In Russian).
- Georgievskii, V. T. (1900). *Suzdal'skii Rizpolozhenskii zhenskii monastyr': istoriko-arkheologicheskoe opisanie* [Convent of the Deposition of the Virgin's Robe in Suzdal: Historical and archaeological description]. Tipo-litografiia gubernskogo pravleniia. (In Russian).
- Katkova, S. S., & Komashko, N. I. (Eds.) (2004). *Kostromskaia ikona XIII–XIX vekov* [Icons of the 13th–19th centuries from Kostroma]. Grand-Kholding. (In Russian).
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2019). K utochneniiu imen i dat v sem'e tsaria Fedora Ivanovicha [Names and dates in the family of Tzar Fedor Ivanovich]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2019(1(75)), 61–66. (In Russian).
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2020). Podlinnye i mnimye imena Borisa Godunova [The true and fake names of Boris Godunov]. *Slovene*, 9(1), 185–231. (In Russian).
- Maiasova, N. A. (2004). *Drevnerusskoe litsevoe shit'e: Katalog* [Old Russian embroidery: Catalogue]. Krasnaia ploshchad'. (In Russian).

- Martynova, M. V. (1999). Oklad ikony “Bogomater’ Smolenskaia” i chernevaia graviura XVI veka [The revetment of the icon “Virgin of Smolensk” and niello engraving of the 16th century]. In *Blagoveshchenskii sobor Moskovskogo Kremlia: Materialy i issledovaniia* (pp. 318–335). Gosudarstvennyi istoriko-kul’turnyi muzei-zapovednik “Moskovskii Kreml’”. (In Russian).
- Nikol’skii, N. K. (1897). *Kirillo-Belozerskii monastyr’ i ego ustroistvo do vtoroi chetverti XVII veka (1397–1625)* [Kirillo-Belozersky Monastery and its structure until the second quarter of the 17th century (1397–1625)] (Vol. 1, Part 1). Sinodal’naia tipografiia. (In Russian).
- Sterligova, I. A. (2006). Ikona kak khram: prostranstvo molenного obraza v Vizantii i Drevnei Rusi [Icon as a church: The space of a venerated icon in Byzantium and medieval Russia]. In A. M. Lidov (Ed.). *Ierotopiia: Sozdanie sakral’nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi* (pp. 612–637). Indrii. (In Russian).
- Sterligova, I. A. (2010). Dragotsennye ikony sviatitelia Nikolaia v Drevnei Rusi [Jeweled Icons of St Nicholas in Medieval Russia]. In A. Bugaevskii (Ed.). *Dobryi kormchii: Pochitanie sviatitelia Nikolaia v khristianskom mire* (pp. 382–408). Skinii. (In Russian).
- Sterligova, I. A. (2014a). Panagii russkikh gosudarei XVI veka s ikonami-kameiami. K istorii iskusstva gliptiki v srednevekovoi Rusi [16th century panagiae of Russian sovereigns with cameo icons]. In S. A. Beliaev, & I. A. Vorotnikova (Eds.). *Moskovskii Kreml’ XVI stoletii. Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki* (Vol. 2, pp. 330–353). BuksMArt. (In Russian).
- Sterligova, I. A. (Ed.) (2014b). *Riznitsa Sviato-Troitskoi Sergievoi Lavry* [Sacristy of St. Sergius Holy Trinity Monastery] (Vol. 1). Sviato-Troitskaia Sergieva Lavra. (In Russian).
- Tolstaia, T. V. (Ed.) (2016). *Ikony Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlia. Vtoraia pol. XV–XVI vek: Katalog* [Icons of the Assumption Cathedral of Moscow Kremlin. Second half of the 15th–16th centuries: Catalogue]. Gosudarstvennyi istoriko-kul’turnyi muzei-zapovednik “Moskovskii Kreml’”. (In Russian).
- Vilkova, M. V. (2019). Drobniitsy “Godunovskoi” feloni iz Arkhangel’skogo sobora [On the plaques of a phelonion from the collection of the Moscow Kremlin Museums]. In S. A. Beliaev, & I. A. Vorotnikova (Eds.). *Moskovskii Kreml’ XVI stoletii. Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki* (Vol. 2, pp. 171–179). BuksMArt. (In Russian).
- Ziuzeva, S. G. (2014). Oklady dvukh kremlevskikh ikon vtoroi poloviny XVI veka s litsevyimi izobrazheniiami na poliakh [Nielloed plaques on two Kremlin icons of the 16th century]. In S. A. Beliaev, & I. A. Vorotnikova (Eds.). *Moskovskii Kreml’ XVI stoletii. Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki* (Vol. 2, pp. 419–430). BuksMArt. (In Russian).
- Ziuzeva, S. G. (2020). O dvukh tsarskikh ukrashennykh ikonakh sviatitelia Nikolaia XVI v. [Two decorated 16th century tsar’s icons of St. Nicholas] *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, Ser. 5: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva*, 39, 63–75. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Светлана Геннадиевна Зюзева

канд. искусствоведения

научный сотрудник, хранитель коллекции древнерусского художественного металла, отдел «Оружейная палата», Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» Россия, 103132, Москва, Кремль
Тел.: +7 (499) 697-09-26.

✉ zuzeva@kremlin.museum.ru**Svetlana G. Ziuzeva**

Cand. Sci. (Art History)

Researcher, Curator of the Art Metal Medieval Collection, Armoury Department, The Moscow Kremlin State Historical and Cultural Museum and Heritage Site Russia, 103132, Moscow, Kremlin
Tel.: +7 (499) 697-09-26

✉ zuzeva@kremlin.museum.ru

А. Л. Лифшиц

ORCID: 0000-0002-8854-0479

✉ alifshits@hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

НЕИЗВЕСТНАЯ ГРАМОТА СТЕФАНА БАТОРИЯ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ К. В. БАЗИЛЕВИЧА

Аннотация. Статья посвящена неизвестной грамоте короля Польского и великого князя Литовского Стефана Батория из коллекции историка Константина Васильевича Базилевича (1892–1950). Коллекция Базилевича насчитывает немногим более 300 единиц хранения, среди которых есть редчайшие европейские и российские издания, попавшие в руки историка самыми различными путями в период между Первой и Второй мировыми войнами и после завершения последней. В коллекции также находится некоторое количество пергаменных грамот, практически неизвестных до настоящего времени. В основном они происходят из Лейпцига и датируются XV–XVI вв. Единственная грамота, написанная не на латинском языке и не по-немецки — решение королевского суда в Вильно от 24 марта 1584 г. по земельному спору между шляхтичем, которого звали Иван Шолуха, или Иван Пузына, и Полоцким иезуитским коллегиумом за село Междичи в Полоцком воеводстве. Часть земель Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря, которые были переданы Коллегиуму после его образования, оказалась в частном владении. Королевский декрет определяет неполную легитимность владения землей Иваном Шолухой. Однако с учетом того, что шляхтич принимал участие в боевых действиях под Полоцком, а земли ему были дарованы предшественником Стефана Батория, королем Сигизмундом Августом II, принимается решение об особом порядке передачи земель Полоцкому иезуитскому коллегиуму. Публикуется с комментариями текст документа, делаются выводы о том, что грамота попала в собрание историка из архива Комиссии эдукационного фондуша.

Ключевые слова: актовая археография, Великое княжество Литовское, Стефан Баторий, Полоцк, иезуитский коллегиум, Комиссия эдукационного фондуша, коллекция, К. В. Базилевич

Для цитирования: Лифшиц А. Л. Неизвестная грамота Стефана Батория из коллекции К. В. Базилевича // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 323–338. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-323-338>.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2020 г.
Принято к печати 6 октября 2020 г.

A. L. Lifshits

ORCID: 0000-0002-8854-0479

✉ alifshits@hse.ru

National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)

AN UNKNOWN DOCUMENT OF KING STEPHEN BÁTHORY FROM THE COLLECTION OF K. V. BAZILEVICH

Abstract. The article is devoted to an unknown document of Stephen Báthory, King of Poland and Grand Duke of Lithuania, from the collection of historian Konstantin Vasil'evich Bazilevich (1892–1950). The Bazilevich collection contains a little more than 300 items, among which there are rare European and Russian printed books that fell into the hands of the historian in a variety of ways between the First and Second World Wars and after the end of the latter. The collection also contains a number of parchment documents, almost unknown until recently. They mainly come from Leipzig and date back to the 15th–16th centuries. The only document not written in Latin and not in German is the decision of the royal court in Vilnius on March 24, 1584 on the land dispute between a nobleman, named Ivan Sholukha, or Ivan Puzyrna, and the Polotsk Jesuit Collegium over the village of Mezhdchichi in the Polotsk Voivodeship. Part of the lands of the Polotsk Spaso-Evfrosinievisky monastery, which were transferred to the Collegium after its formation, turned out to be privately owned. The royal decree confirms the incomplete legitimacy of land ownership by Ivan Sholukha. However, taking into account the fact that the nobleman took part in the hostilities near Polotsk, and the lands were granted to him by the predecessor of Stephen Báthory, King Sigismund Augustus II, a decision is made on a special procedure for transferring land to the Polotsk Jesuit Collegium. The text of the document is published with commentaries, conclusions are drawn that the document came into the collection of the historian from the archives of the Commission for National Education of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: diplomatics, Grand Duchy of Lithuania, Stephen Báthory, Polotsk, Jesuit Collegium, Commission for National Education of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania, collection, Konstantin Vasil'evich Bazilevich

To cite this article: Lifshits, A. L. (2021). An unknown document of King Stephen Báthory from the collection of K. V. Bazilevich. *Shagi / Steps*, 7(3), 323–338. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-323-338>.

Received September 15, 2020

Accepted October 6, 2020

В 1952 г. Московский государственный университет приобрел значительную по числу книг библиотеку профессора Константина Васильевича Базилевича¹. Практически сразу это чрезвычайно интересное книжное собрание оказалось поделенным между историческим факультетом, где Базилевич преподавал около 20 лет, и Отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (НБ МГУ), который находился тогда в стадии становления [Сафонова 1973: 76; Дувакина 2013].

Любимый ученик С. В. Бахрушина², К. В. Базилевич известен прежде всего как автор посмертно изданного труда, посвященного внешней политике Руси во второй половине XV в. [Базилевич 1952]; другие его работы почти забыты³; написанные им учебники и опубликованные курсы лекций давно уже не используются⁴. Гораздо менее известно, что Базилевич, обучавшийся в юности на артиллерийских и летных курсах, был одним из первых русских летчиков и в этом качестве участвовал в Первой мировой войне. Но до сих пор практически неизвестными остаются библиофильские увлечения ученого и его собрание редких книг и рукописных материалов, несомненно, заслуживающее внимания исследователей: немногим более 300 единиц хранения, отобранные как ценнейшая часть библиотеки Базилевича, в настоящее время хранятся в составе Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ в качестве отдельной коллекции⁵. В ее составе есть редчайшие издания, в том числе книги гражданской печати петровского времени, продукция знаменитых европейских типографов XVI–XVII столетий, книги из библиотеки просветителя и мемуариста Андрея Тимофеевича Болотова, других известных в прошлом собраний [Дувакина 2013; 2017].

Нет сомнения, что судьба этих книг до попадания к К. В. Базилевичу была весьма различной, и едва ли стоит предполагать, что хоть одна из них перешла к профессору истории по наследству. Известно, что после Гражданской войны, а также по окончании Второй мировой хорошо образованный человек со средствами имел возможность пополнить свою коллекцию уникальными экземплярами книг и рукописей. Старые московские книжки отлично помнят букинистический магазин в здании гостиницы «Метрополь» на Охотном Ряду, книжные развалы на Кузнецком Мосту и другие места, где в случае везения еще относительно недавно можно было за умеренную цену приобрести книжные и рукописные редкости, а порой и гравюры, вырезанные из изданий XVI–XIX вв.

Так, библиотека Болотова, по свидетельству очевидцев, продавалась на книжных развалах [Бердышев 1988: 220]; библиотека известного собирателя

¹ Константин Васильевич Базилевич (1892–1950) — историк, профессор, участник Первой мировой и Гражданской войн, закончил Московский университет в 1922 г., работал в Историческом музее и Институте истории Академии наук СССР, преподавал в МГУ и Высшей партийной школе. См. о нем: [Черепнин 1950; 1984; Кобрин 1992: 156].

² Сергей Владимирович Бахрушин (1882–1950) — историк, ученик В. О. Ключевского, М. К. Любавского, С. Ф. Платонова — один из тех людей, кто обеспечивал преемственность исторической науки в России после переворота 1917 г.; умер, простудившись на похоронах К. В. Базилевича.

³ См., например: [Базилевич 1925; 1933; 1936].

⁴ Например, неоднократно переизданный учебник [Базилевич 1950].

⁵ Краткие сведения о ней см. на сайте НБ МГУ (http://nbmgu.ru/search/?cat=rare&q=*%s=AUT).

Н. Н. Бирукова (1874–1918) была приобретена Румянцевским музеем, но, вероятно, какие-то тома, например редчайший учебник каллиграфии [Nouveau livre 1783]⁶, не попали в это почтенное собрание; еще на одном издании из коллекции Базилевича [Petrejus 1620] стоит штамп-экслибрис неизвестного нам В. Ю. Шмидта из Петрограда...

Другие тома повторили судьбу многих европейских книг, оказавшихся после Второй мировой войны в СССР. Например, одно из нескольких имеющихся в собрании изданий «Записок» Сигизмунда Герберштейна [Herberstein 1556], судя по штампам на титульном листе и владельческой записи на форзаце, до войны находилось в Венгрии: на титульном листе издания имеется штамп Венгерского музея («Ex Museo Hungarico»), а на форзаце 2а надпись: «Kéler Gottfried Könyotáraból» — из библиотеки Готфрида Келера. На полках знаменитой библиотеки графов Штольбергов-Вернигероде стоял изданный в том же 1556 г. труд по фортификации [La Treille 1556]; штамп «Bibliotheca Regiomontana» украшает книгу о военном искусстве [Fronsperger 1558]. Список можно продолжить. В ряде случаев на крышках заметны следы экслибрисов, удаленных самим Базилевичем, его комиссионерами или прежними владельцами.

Очевидно, для К. В. Базилевича приобретение подобных изданий не было обусловлено одной лишь потребностью иметь под рукой ценный источник. Книги не несут на себе заметных следов чтения их последним владельцем, содержание многих не соотносится напрямую с научными интересами историка. Однако и чистым библиофильским увлечением покупка книг, кажется, не была. Во всяком случае, Базилевич не заботился о том, чтобы отреставрировать книги даже в том случае, когда необходимость этого бросалась в глаза. Несомненно, впрочем, что историк хорошо знал ценность того или иного издания и руководствовался этим знанием, покупая книгу.

Однако приобретал Базилевич не только книги. Исключительно важной и при этом самой неисследованной частью коллекции, переданной в Отдел редких книг и рукописей, являются рукописные материалы разного времени, в том числе актовые документы XV–XVI вв., часть которых происходит из известных европейских собраний⁷. Эти немногочисленные рукописные памятники по внутренним правилам Научной библиотеки МГУ хранились отдельно от книжного фонда, а по правилам советского времени, как и прочие рукописные материалы, не отражались в общедоступных каталогах, из-за чего они едва ли могли стать известны исследователям, а потому оказались практически исключены из научного оборота.

Около десятка пергаменных грамот разного времени находились, а частично до сих пор находятся, в картонных футлярах, в которые они были помещены К. В. Базилевичем или, возможно, его предшественниками. Большие по размеру листы сложены в несколько раз; пергамен заметно пересох. По этой причине прежде чем позволить исследователям работать с документами, хранителями фонда было принято решение прибегнуть к помощи реставраторов.

В конце 2016 г. был завершен первый этап реставрационных работ, выполненных в мастерских Всероссийского художественного и научно-реставраци-

⁶ См.: [Савельева, Щербакова 1985, № 2429].

⁷ Значительная часть небольшого собрания грамот происходит из Лейпцига, откуда они были вывезены после Второй мировой войны; см. об этом в обзоре [Белькинд, Лифшиц 2019].

онного центра имени академика И. Э. Грабаря в Москве⁸. Одной из первых отреставрированных документов стала грамота Стефана Батория, датируемая 1584 г. (НБ МГУ, Базилевич, 10).

Документ, составленный 24 марта, был написан в Вильно писарем Миколаем Ясенским, который неоднократно участвовал в создании документов, в том числе тех, что затем были скреплены подписью Стефана Батория⁹. Грамота начинается с титула этого монарха, который приведен, однако, с некоторыми сокращениями: не указаны Киевское, Волынское и Подляшское владения Стефана Батория, перечисленные латиницей на вислой красновосковой королевской печати.

Причиной составления документа, как следует из его содержания, стала тяжба между Полоцким иезуитским коллегиумом и «земенином», т. е. шляхтичем, землевладельцем Иваном Шолухой за село Междичи (*Междъчычы*)¹⁰, расположенное в Полоцком воеводстве¹¹.

Иван Шолуха был вызван на суд в Вильно, где предъявил имевшиеся у него «привилеи» — документы на право пожизненного владения означенным селом и на право передачи этого владения по наследству супруге шляхтича или его потомкам мужского пола. «Привилеи» были получены Иваном Шолухой в 1569 г. от короля Сигизмунда Августа II, поскольку подданный короля был признан годным к несению «земских служб», т. е. к участию в дворянском ополчении. По всей видимости, Иван Шолуха стал одним из тех шляхтичей, которые получали от Сигизмунда Августа в пожизненное владение часть коронных земель за участие в боевых действиях и готовность нести службу в дальнейшем.

До предъявления документов на суде в Вильно, очевидно, проводились какие-то действия, направленные на установление истинного положения дел. В документе есть ссылка на «ревизию», проведенную в полоцких землях каштеляном Мстиславским, Виленским тиуном и старостой Режицким и Люцинским Станиславом Нарушевичем¹² и надворным подскарбием, старостой Браславским и Олицким Федором Скуминым¹³. К сожалению, дата проведения «ревизии» не указана.

⁸ ВХНРЦ, Отдел научной реставрации пергамента, реставраторы Е. И. Морозова, В. А. Кочетков, Е. В. Семечкина и др.

⁹ В тот же день, 24 марта 1584 г., Миколаем Ясенским написан документ, которым Стефан Баторий подтверждает «привилей» гетману и коронному канцлеру Яну Замойскому; см.: [Метрыка 2008: 145, № 80]. Другие документы см.: [Там же: 132–133, № 68, 164–165, № 98]. См. также жалованную грамоту полоцким иезуитам от 11 апреля 1584 г., напечатанную в [Акты 1848: 284–286, № 143].

¹⁰ По всей видимости, Междичи, о которых идет речь, — это современное поселение Межица, расположенное на южном берегу реки Улла примерно в 18 км от города Чашники по дороге на Лепель. В публикациях встречаются и иные написания названия села: *Межичици*, *Междъжицы*, *Межицы*. Встретившиеся польские название села: *Mieszczyce*, *Mieźczyce* и *Mieszczycze* (см. ниже).

¹¹ Полоцкое воеводство — одно из воеводств Великого княжества Литовского — было образовано в 1504 г. В отличие от других воеводств не делилось на поветы. С 1576 по 1597 г. воеводой здесь был Николай Дорогостайский, который, однако, в грамоте не упоминается.

¹² Станислав Павлович Нарушевич (Stanisław Naruszewicz; ск. в начале 1589 г.) стал Мстиславским каштеляном около 1582 г., а с 1588 г. и до смерти находился в должности Смоленского каштеляна; см.: [Rachuba 2003: 379].

¹³ Федор Иванович Скумин-Тышкевич (Theodor Skumin-Tyszkiewicz; ок. 1538–1618) государственный деятель Великого княжества Литовского, дипломат и меценат, участник посольства в Москву в 1578 г.; сохранился его портрет.

По результатам «выведывания» было установлено, что Иван Шолуха выпросил себе село Междичи у короля Сигизмунда Августа II, предоставив «справу», что в нем было только «пять служб», в то время как число жителей превышало 60 человек, а земли в селе с давнего времени принадлежали Полоцкому Спасо-Евфросиниевскому монастырю¹⁴.

По этой причине королевское пожалование было сочтено подлежащим отмене, но, учитывая заслуги Ивана Шолухи во время боевых действий 1579 г. у крепости Туровля, где он, по всей видимости, получил ранения, королевский суд принял решение не вовсе лишать Ивана Шолуху земли, но оставить ему в пожизненное владение без права передачи по наследству те «пять служб», которые он получил от короля Сигизмунда Августа II, а прочее отдать учрежденному Стефаном Баторием в Полоцке иезуитскому коллегиуму, которому отошли и прочие земли Спасо-Евфросиниевской обители. После смерти шляхтича иезуитский коллегиум должен был стать владельцем уже всей спорной земли.

При том что общий смысл документа совершенно прозрачен, он все же нуждается еще в некоторых комментариях.

Довольно легко выясняется, что споры за владение селом Междичи продолжались не менее четырех лет. Так, известен «Реестр списания имений владychества Полоцкого...», составленный в январе 1580 г. при участии уже названного Федора Скумина-Тышкевича¹⁵ и князя Юрия Друцкого-Соколинского. В нем упоминается принадлежащее Спасо-Евфросиниевскому Полоцкому монастырю село *Межчычы*:

К тому ж монастыру село Межчычы. В том селе людей зъ их старцомъ было дымов шестьдесятъ, которые к тому монастыру служывали по весне пять чоловеков две недели, а у в осен по тому жъ пять чоловеков две ж недели; дани на монастыр меду даивали пулсема пуда меду (sic), жыта сорок пять корцовъ, ечменю также сорок пять корцовъ, льну пол десятка; прыгонцы игуменному пятьдесятъ грошей шыроких; сторожом замковым десеть грошей шыроких, хлеба пять коврыг. Тое село Межчычы (сноска: В оригинале на поле против слова «Межчычы» приписано тем же почерком: «и то отсужоно езуитом»). — А. Л.), не ведати которым правом, держыть на себе Иван Шалуха, от которого и люди вси розышлисе проч, толко одно два дымы. Права своего перед нами показати не хотель. А так мы его за нестанного написали [Лаппо 1907: 5]¹⁶.

¹⁴ Спасо-Преображенский женский монастырь в Полоцке основан в 1125 г. княжной Евфросинией Полоцкой (ск. в 1167 или 1173 г.); собор монастыря возведен в 1161 г. После взятия Полоцка Стефаном Баторием в 1579 г. монастырь был отдан Ордену иезуитов, в чьем ведении с перерывом (1654–1667) оставался до 1820 г.; см.: [Зверинский 1890: 236, № 443].

¹⁵ Публикаторы неверно прочли имя и назвали его Федором «Окуминым», «дворным» подскарбием и Браславским старостой. Олицким старостой он в этом документе не называется.

¹⁶ За исключением упоминания Ивана Шолухи (Шалухи) и его неподтвержденных прав на село, содержащаяся в реестре информация почти дословно повторяет сведения, которые мы обнаруживаем в более ранней «Полоцкой ревизии» 1552 г. [Лаппо 1905: 168].

Польский вариант этого текста мы находим в «Описи церковных и монастырских имений, лежащих в воеводстве Полоцком, отданных королем Стефаном Баторием Полоцкой иезуитской коллегии». Здесь землевладелец назван «Иван Шолуха Пузына» (Jwan Szolucha Puzyna) [Созонов 1871: 289–290]. К сожалению, не представляется возможным установить, имеет ли он отношение к князьям Огинским-Пузыным, которые возводили свой род к козельским Рюриковичам, например, не сын ли он маршалка Литовского Богдана-Павла Тимофеевича Пузыны, скончавшегося в 1569 г. (см.: [Пташицкий 1899: 13, 57–63]). Прозвище *Шолуха*, увы, еще менее информативно.

Поскольку на момент составления описи «земенин» не предоставил документов, обосновывающих его права на землю, то имущество было сочтено подлежащим отчуждению.

Полоцкий иезуитский коллегийум был образован, как известно, в 1580 г. и сразу снабжен земельными владениями. О даровании новообразованной духовной корпорации 60 деревень сообщает епископ Калигари (Giovanni Andrea Caligari), бывший папским нунцием в Польше в 1578–1581 гг., в письме к Комскому кардиналу Вольпи (Gianantonio Volpi) от 27 июля 1581 г. Источником его сведений был первый ректор коллегийума Петр Скарга [Historica Russiæ Monumenta 1841, № ССХХII; Сапунов 1885: 140]. Через некоторое время принятое решение подтверждается: 20 января 1582 г. Стефан Баторий дает иезуитам «привилегию», в которой говорится, что он дарует им все православные церкви и монастыри «с отчинами и имуществом их». В неприкосновенности остается лишь Полоцкий кафедральный Софийский собор [Сапунов 1889: 55].

Очевидно, село Междичи попадает в число пожалованных имений, а тот факт, что оно могло к тому времени находиться в собственности шляхтича на более или менее законных основаниях, и стал основанием для разбирательства. К счастью для Ивана Шолухи Пузыны, кроме находящихся документов на село, полученных им от Сигизмунда Августа II, у него оказались заслуги и перед Стефаном Баторием — боевые действия под крепостью Туровля.

Крепость (замок) Туровля, или Туровль, была основана Иваном Грозным в 1566 г. выше Полоцка при впадении в Западную Двину ее левого притока — речки Туровлянки [Брэжго 1833: 25]. Крепость просуществовала весьма недолго, заметно досаждая, впрочем, противникам московского царя. 4 сентября 1579 г., через несколько дней после захвата Полоцка, крепость Туровля сдалась без боя:

Москвитяне, стоявшие там гарнизоном <...> несмотря на удерживание своих начальников, бросились через задние ворота и покинули крепость. Оставшиеся воеводы были приведены к королю [Гейденштейн 1889: 74].

Через короткое время крепость сгорела, Матей Стрыйковский сообщает некоторые курьезные подробности событий:

...Виленский воевода Николай Радзивилл, великий гетман, по королевскому приказу, отправил несколько отрядов казаков с князем Константином Лукомским под Туровлю. Москвитяне, увидя их и полагая, что против них идет все войско, вдруг оставили там только

воевод своих и бежали через другие ворота. Таким образом, воеводы, оставленные своими, сдали 4 сентября целый замок со всем оружием, порохом и съестными припасами. Спустя несколько дней замок этот (едва успев порадоваться ему) сожгли, когда князь Лукомский на радостях велел палить из всех орудий... («Извлечения из Хроники Матвея Стрыйковского» [Сапунов 1885: 196])¹⁷.

Однако во время осады Полоцка «король тревожился из-за [крепостей] Сокола и Туровли» [Гейденштейн 1889: 72]. Как свидетельствует тот же очевидец, против Туровли действительно предпринимались боевые действия:

...по верхнему течению реки, вследствие присутствия там туровльского гарнизона, ни в которую сторону не было безопасных мест для фуража или пастбища. Франциск Жук¹⁸ делал набеги к Туровле, имея несколько легких орудий и надеясь овладеть ею скорее страхом, нежели силою, но всякий раз отступал без успеха... [Там же: 62].

Очевидно, участие Ивана Шолухи в этих боевых действиях и имеется в виду в грамоте.

В целом же усилия, которые влиятельный орден предпринимает для получения в свое владение всех земель, принадлежавших ранее православной обители, не оказались напрасными.

Грамота, вероятно, имела ценность для обеих сторон — и для Ивана Шолухи, и для Полоцкого иезуитского коллегиума. Впрочем, тот факт, что грамота сохранилась, заставляет предполагать, что находилась она, скорее всего, среди других подобных документов духовной корпорации, а не у потомков шляхтича. Шанс уцелеть в этом случае у нее был значительно выше, чем в домашнем архиве Ивана Шолухи, чье имя в документе упоминается неоднократно, но более, кажется, ничем не знаменито. Тем более что права дворянина на село Междичи его потомкам не переходили.

Судьбу грамоты можно отчасти восстановить на основании помет и надписей на ее оборотной стороне.

К сожалению, гладкая «шерстная» сторона пергамента куда хуже сохранила чернила. Надписи на ней касаются содержания документа и сделаны различными почерками в разное время. Сохранность их тоже различна.

¹⁷ Дата 4 сентября повторяется в подписи к гравюре, сделанной в Риме в 1580 г. знаменитым гравером и издателем Джованни Баттисто Кавальери (J.-B. Cavallieri): «Turovlia arx. Per sereniss. Stephanum Poloniae Regem erepta die 4 Septemb. anno 1579». Это единственное изображение крепости, сделанное по рисунку секретаря Стефана Батория Станислава Пасхоловицкого (Stanisław Paschółowiecki), воспроизведено в [Korkunov 1840: Tabl. 3].

¹⁸ Весьма вероятно, что именно упоминаемый здесь Франциск Жук фигурирует в тексте «Описи церковных и монастырских имений...» как полоцкий городничий Франц Жук (Francz Żuk), которому поручается управление передаваемыми Коллегиуму селами и землями; см.: [Созонов 1871: 287].

Лучше всего читается уже известная нам дата вынесения решения по делу и написания грамоты, сделанная по-польски: «1584 Marc[a] 24. dnia». Чуть ниже размещаются сведения об уже известном нам содержании документа, также по-польски; текст пострадал, отчасти наведен темными чернилами. Особый интерес представляет единственная надпись на этой стороне документа, сделанная кириллицей чуть ниже надписи с датой документа. Выцветшими чернилами несколько сероватого оттенка почерком, вероятно, начала XIX столетия написано: «По комиссії № 572».

Учитывая, где должна была храниться грамота, можно предположить, что упоминаемая «комиссия» — это Комиссия эдукационного фондуша, сформированная после упразднения Ордена иезуитов в 1773 г. для управления образовательными учреждениями на территории Речи Посполитой и Великого княжества Литовского. Комиссия просуществовала до 1831 г., ее архив с 1834 г. находился в составе Архива Министерства народного просвещения; в 1927, а затем в 1952 и 1959 гг. большая его часть была перемещена в Центральный государственный архив древних актов (ныне Российский государственный архив древних актов, Москва), где переданные документы составили фонд № 1603 [Бабич и др. 1999: 64]. Номер же, скорее всего, указывает на принадлежность грамоты к фасцикулу (*fascikul*) — связке однородных документов в составе архива.

Но, как сообщает современный исследователь, «старые польские описи не отражают реальное количество дел и единиц хранения, содержащихся в настоящее время в РГАДА — значительное их количество выбыло (возможно, часть не была вывезена из Польши после разделов Речи Посполитой, часть погибла или была утрачена вследствие иных причин, часть некогда была передана в иные архивные учреждения)» [Бондаренко 2018: 161].

Очень похоже, что грамота, оказавшаяся у К. В. Базилевича, — как раз из тех «выбывших» документов, утраченных навсегда или неизвестными путями попавших в частные руки. И хорошо, что в случае с этой грамотой такими руками оказались руки историка-медиевиста.

Грамота Стефана Батория. 24 марта 1584 г. НБ МГУ, коллекция К. В. Базилевича, № 10

Текст грамоты передается в орфографии оригинала с обозначением вынесенных над строкой букв и раскрытием (в квадратных скобках) сокращенно написанных слов; сохраняются подчеркивания. Вопреки оригиналу имена собственные передаются с прописными буквами. Перенос со строки на строку обозначен двойными косыми чертами. Поскольку текст не содержит знаков пунктуации, а его строгое синтаксическое разделение затруднено, то текст разделен на абзацы, которыми передается его деление по смыслу. К отдельным словам в сносках приводится перевод.

Стефанъ бо^ж[ие]ю м[и]л[о]^{ст}[ь]ю коро^л[ь] По^л[ь]ски^и велики^и княз^ь[ь]
Лито^вски^и Руси^и Пруски^и // Жомой^тски^и Мазове^цки^и Ифла^нт^ьски^и княже
Се^микро^лское и ин^гнихъ

Смотрели есмо то^г[о] дела с паны радами н[а]шыми што по^зва^н бы^л ма^н-
дато^м н[а]шымъ земени^и на^ш зе^мли Поло^цкое Ива^н Шолуха о добре зда^на
це^рко^вные а меновите¹⁹ се//до Ме^ждъчычы

абы ста^л и право свое зачы^м бы то^е село де^ржа^л пере^л нами показа^л яко^ж
на рок⁸ за ма^ндато^м припалы^м²⁰

то^т Ива^н Шолуха ста^вшы в рок⁸ тепе^р[ь] ид⁸чо^м тисеча ти//сеча²¹ пат^ьсо^т
о^мьдеса^т че^тве^рто^м м[е]^с[я]ца ма^рца два^тца^т[ь] че^тве^рто^г[о] дна показа^л пере^л
нами привиле^и про^ка н[а]шого коро^ла его м[и]л[о]^{сти} Жыкгимо^нта А^вгуста
по^л датою рок⁸ тисеча па^т//со^т ше^ст[ь]деса^т девато^г[о] в которо^м пише^т

и^{же} видечы его бы^т[ь] годного к^ь слу^жба^м зе^мскимъ продо^к на^ш коро^л[ь] его
м[и]л[о]^{сти} Жыкгимо^нта А^вгу^{ст} ем⁸ само^м8 жоне и дета^м и^х му^зско^г[о] ро^жаю
наве^чно^{ст}[ь] // па^т[ь] служо^б лежачы^х 8 воево^дстве Поло^цко^м в селе Ме^ждъчы-
ча^х

нижли²² и^ж[е] з ревизе^и комисаро^в н[а]шыхъ каш^талиана М^ьстисла^вского
тивуна Виле^нского старо^гты Рези^нко^г[о] и Люце^нско^г[о] п[а]на // Стани^сла-
ва Нарушевича а по^лскарбе^г[о] надво^рно^г[о] Велико^г[о] кня^зтва Лито^вско^г[о]
старо^гты Брасла^вско^г[о] и Вли^тско^г[о] п[а]на Федора Скумина которые до
зе^мли Поло^цкое дла выведован^а са о // всаки^х пожы^ко^х оное зе^мли та^к ме^ж
о кгру^нтахъ²³ на д⁸хо^вные особы зда^на наданы^х выслани бы^т

показалоса то з реестро^в стары^х поло^цки^х же то^т Ива^н Шолуха 8 про^д-
ка н[а]шого коро^ла // его м[и]л[о]^{сти} Жыкгимо^нта А^вгу^{ст}а игуме^нское село
8проси^л да^вшы спра^ву якобы та^м о^лно па^т служо^б бы^ти мело 8 то^м селе Ме^ждъ-
чыча^х 8 которо^м пере^л ты^м бывало чоловеко^в ше^ст^ьдеса^т на // себе де^ржа^л и
к^ь то^м8 и^ж[е] то^е село Ме^ждъчычы з да^вны^х часо^в игуме^нское на д⁸хове^нство
Поло^цкое надано было

с ты^х причы^н мы г[о]^д[по]д[а]р^ь с паны рада^{ми} наши^{ми} и^х м[и]л[о]^{сти}[ь]ю
которые на тот^ь // ча^с при на^с были бачечы то и^ж[е] хто бы мно^г[о] за мало
8проси^л або на^данин⁸ бо^лшю забра^л и то што бы наданине ме^л во^длу^г²⁴ права
по^политог[о] трати^т[ь]

а к^ь то^м8 и^ж[е] то зда^на на д⁸//хове^нство надано было то^е помененое
село Ме^ждъчычы зо^вси^м яко то^м8 Шолусе было дано на ко^тель и колеиумъ
Поло^цкое во^длу^г фундаце^и нашое на колеиумъ Поло^цкое

при//суди^ти есмо к^ды ^ж право которое о^т про^дка нашо^г[о] за неслу^шны^м²⁵
о^т не^г[о] да^н[ь]емъ справы мно^г[о] за мало 8проси^вшы бы^л оде^ржа^л моцы в^жо
жа^дное²⁶ ме^ти не може^т

ве^д же маючы мы ла^скавы // 8згла^л на слу^жбы то^г[о] Ивана Шолухи
которые о^н на по^лузе нашо^и по^д Поло^цко^м в ро^к8 неда^вно про^шло^м тисеча

¹⁹ А меновите — а именно.

²⁰ Припалый — настоящий, текущий.

²¹ Слово написано еще раз при переносе со строки на строку.

²² Нижли — однако.

²³ Кгрунт — земельный надел.

²⁴ Водлуг — в соответствии с.

²⁵ Неслушный — неправильный.

²⁶ Жадное — ни одно, никакое.

па^тсо^т се^м[ь]деса^т девато^м с ча^{ст}[ь]ю во^иска нашо^г[о] по^д за^мко^м Туро^влю не
лутуючы // здоро^в[ь]а своего чыни^и и та^м на то^г ча^с раны шко^ливые на себе
о^т неприятеля поноси^л тую па^т служо^б 8 Ме^ждъчыча^х то^мс Ива^ну Шолусе да^{ли}
есмо до живота его

а и^ж[е] то // есть кгру^{нт} ко^стел⁸ наданы^и и присужоны^и то^гды має^т о^н
по^станове^н[ь]е 8чыни^т[ь] и и^нте^рцисъ²⁷ да^{ти} ста^ршы^м колеимумъ Поло^цкого за-
чы^м о^н має^т в Ме^ждъчыча^х ты^х пе^ти служо^б а не // бо^л[ь]ш⁸ де^ржа^{ти} и вжива^{ти}
до живота свое^г[о]

а по животе его то^е село Ме^ждъчычы зо^вси^м ако то^мс Ива^ну Шолусе дано
было на косте^и и колеимумъ Поло^цкое приве^нено и де^ржа^{ти}//но быти має^т ве^ч-
ними часы.

Писа^н[о] 8 Ви^лни ле^та Бо^ж[ь]его нароже^н[ь]а тисеча па^тсо^т о^мьдеса^т
четве^рто^г[о] м[е]с[я]ца ма^рца дватъцать четве^ртаго дна.

Подлинник на одном листе толстого и жесткого пергамена (в правой верх-
ней части листа, кроме того, имеется дефект в виде сильно огрубевшего участ-
ка шкуры), нижняя часть которого загнута (плика) и прошита шнуром вислой
печати.

В дальнейшем лист был сложен по вертикали на три практически равные
части; сохранились жесткие заломы, из-за которых пострадал текст в местах
сгибов.

Размеры листа с лицевой стороны (без учета плики): 30,9 см — по верхнему
краю, 31,4 см — по нижнему краю, 14,9 см — по левому краю, 15,0 см — по
правому краю. Размер плики: 3,9 см — по левому краю, 4,1 — по правому краю.

19 строк текста написаны на мездровой стороне листа западнорусским
канцелярским письмом XVI в. темно-коричневыми железо-галловыми черни-
лами. Две строки интитуляции имеют длину 12,1 см, начинаются на 8,8 см
правее левого края листа. Основной текст представляет собой практически
ровный прямоугольник, имеет 17 строк шириной примерно 26,6 см; левое
поле составляет около 3,7 см, правое — около 6 мм. Высота строки основного
текста — 6 мм.

Чернила местами осыпались, особенно в тех местах, где пергамен был со-
гнут, отдельные буквы читаются с трудом или угадываются. На листе имеются
потертости. Некоторые слова в тексте грамоты подчеркнуты черными черни-
лами, очевидно, в процессе бытования грамоты среди других документов с
целью обозначить ключевые содержательные места документа.

Непосредственно под текстом документа помещаются две скрепляющие
его подписи.

Первая — подпись короля Стефана Батория «Stephanus Rex» — помещает-
ся на 1 см ниже текста грамоты с тем же отступом от левого края, что и строки
текста. Вторая — подпись писца «Микола^и Ъсе^иски^и // писа^р» — занимает
две строки непосредственно под линией сгиба плики, начинается в 8,5 см от
левого края листа.

К грамоте на толстом (5 мм) плетеном пурпурном шелковом шнуре под-
вешена печать. Шнур проходит через четыре отверстия (в грамоте и плике),

²⁷ Вероятно, от лат. *intercessus* ‘поручительство’.

которые расположены на расстоянии 5 см одно от другого и 1,8 см — от линии сгиба плики; левое отстоит на 13,9 см от края пергамена.

Далее два конца шнура проходят через одно отверстие в жестяном круглом ковчежце (кустодии) из белой, в настоящее время потемневшей жести²⁸ с закрывающейся крышкой, в которую помещена печать, проходят через воск и выходят их ковчежца через два различных отверстия. Длина свободных концов шнура составляет 14,5 и 14,8 см.

Диаметр плотно прилегающей крышки ковчежца — 9 см, сам ковчежец — чуть меньше, его высота — 1 см. Ковчежец заключен в специальный по форме сшитый кошелек — футляр из темно-красной шерстяной ткани (сукна). Шерстяной футляр был сильно загрязнен и пострадал от насекомых; в результате реставрационных работ старая ткань очищена и сдублирована на новый материал.

Внутри ковчежца помещена печать из красного воска диаметром 86 мм с изображением личного герба Стефана Батория и гербов земель, входивших в состав Речи Посполитой. Вероятно, благодаря ковчежцу печать хорошо сохранилась: незначительные утраты воска, восполненные реставраторами, есть только по краям печати. Печать невозможно извлечь из ковчежца.

Оборотная (шерстная) сторона листа гладкая, желтоватого цвета; на ней между сгибами помещаются позднейшие записи латиницей и кириллицей, кратко отражающие содержание грамоты и свидетельствующие о пребывании грамоты в собрании подобных документов. В верхней части располагается дата документа: «1584 Marc[a] 24. dnia». Чуть ниже выпцветающими чернилами почерком рубежа XVIII–XIX вв. написано: «По комиссии № 572». Следом читается надпись: «Dekret <...> Stephana // na sioło Mieszdzytze manastyra // S. Spassa roku 84». Далее расположены еще несколько польских надписей, сделанных курсивными почерками и сохранившиеся куда хуже. Местами текст совершенно угас, отдельные буквы наведены черными чернилами. Среди прочего читается название села, отдельные слова: «[Jasne ? Pan ?] Szolucha trymał Mieźczytze <...>». В двух нижних строчках отчетливо читается: «Trymał <...> Szolucha // Puzyna».

Судя по расположению сгибов и надписей, лист большую часть времени хранился в сложенном состоянии и, похоже, был сложен так довольно скоро после написания.

Источники

Акты 1848 — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3: 1544–1587. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1848.

²⁸ В похожие ковчежцы помещены печати Сигизмунда Августа II, привешенные к документу 1563 г. — «Послание Сигизмунда Августа, предоставляющего всем дворянам христианской веры, проживающим в Великом княжестве Литовском, равные права занимать государственные должности, получать земли и участвовать в решениях государственной администрации» (Литовская Национальная библиотека им. М. Мажвидаса. Ф. 101 (Пергаменные рукописи), № 31) — и к грамоте того же государя 1569 г., подтверждающей эту привилегию (Там же, № 33).

- Брѣжго 1933 — *Брѣжго Б.* Замкі Віцебшчыны. Вильня: [б. и.], 1933.
- Гейденштейн 1889 — *Гедеништейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582) / Пер. с лат. СПб.: Археогр. комис., 1889.
- Зверинский 1890 — Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем / Сост. и изд. В. В. Зверинский. Т. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1890.
- Лаппо 1905 — Полоцкая ревизия 1552 года / К изд. подгот. И. И. Лаппо. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1905.
- Лаппо 1907 — Описание Полоцких владычных, монастырских и церковных земель ревизорами 1580 г. / С предисл. И. И. Лаппо // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете / Под ред. Е. В. Барсова. 1907 г. Кн. 3. М.: Тип. Штаба Моск. воен. Округа, 1907. С. i–iv, 1–25.
- Метрыка 2008 — Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 70: 1582–1585. Мінск: Athenaeum, 2008.
- Пташицкий 1899 — *Пташицкий С. Л.* Князя Пузыны: Историко-генеалогические материалы. СПб.: Тип. инж. Г. А. Бернштейна, 1899.
- Сапунов 1885 — Витебская старина / Сост. и изд. А. Сапунов. Т. 4. Витебск: Типо-лит. Г. А. Малкина, 1885.
- Сапунов 1889 — Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX века / Сост. и изд. А. Сапунов. Витебск: Тип. Губерн. Правления, 1889.
- Созонов 1871 — Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске, и изд. под ред. Созонова. Вып. 2. Витебск: [б. и.], 1871.
- Fronsperger 1558 — *Fronsperger L.* Fünff Bücher, Vonn Kriegs Regiment und Ordnung, Wie sich ein jeder Kriegßmann inn seinem Ampt unnd Bevelch halten soll, was zu anfang eines Kriegs zuerwegen unnd zubetrachten sey, Auch vonn vielerley bevelch unnd ämptern, vom höchsten biß auff das niderst, was eines jeden Herrn oder Potentaten, als General Obersten, Kriegßrath, Musterherren, Commissarien, Pfenningmeysters, Obersten Feldprofosen, Provand und Quartiermeysters, deßgleichen Herold, Schreibers, etc. Aydt und Ampt sey, und was in ein Zeughauß gehöre zu einem Feldzug zugebrauchen. Item was die Arckelley und Munition belangt, wie das Geschütz, Kuglen, Pulffer und Reyßwägen in gutter ordnung eins auffß ander gefürt werden soll. Von dem Reysigen zeug, Fußvolck und iren ämptern, Artickelsbrief, und wie Schlachtordnungen zu Roß und Fuß gemacht werden. Item von belägerungen und besatzungen der Stett, Schlösser, Märckten und Bergheusern. Franckfurt am Main: Zephelius, 1558. (НБ МГУ, Базилевич, 241).
- Herberstein 1556 — *Herberstein S. von.* Rerum Moscovitarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, Neuperg, & Guettenhag: Russiae, & quæ nunc eius metropolis est, Moscouiæ, breuissima descriptio. Chorographia deniq[ue] totius imperij Moscici, & uicinorum quorundam mentio. De religione quoq[ue] varia inserta sunt, & quæ nostra cum religione non conueniunt. Quis deniq[ue] modus excipiendi & tractandi Oratores, disseritur. Itineraria quoq[ue] duo in Moscoviam, sunt adiuncta. Ad hæc, non solum novæ aliquot Tabulae, sed multa etiam alia nunc demum ab ipso autore adiecta sunt: quæ, si cui cum prima editione conferre libeat, facile deprehendet. Basel: Oporinus, 1556. (НБ МГУ, Базилевич, 186).
- Historica Russiæ Monumenta 1841 — *Historica Russiæ Monumenta*, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A.J. Turgenewio. Т. 1. Petropoli: Typis E. Pratzii, 1841 = Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеньевым. Т. 1. СПб.: Тип. Э. Праца, 1841.
- Korkunov 1840 — *Korkunov M.* Karta operacyj wojennych w wyprawie Polaków naprzeciw Rosyjanom w roku 1579. I plany ówczesne miasta Połocka z przyległemi twierdzami. Wrocław: Z. Schletter, 1840.

- La Treille 1556 — *La Treille F. de. La manière de fortifier villes, chasteaux, et faire autres lieux fortz.* Lyon: Gvillaume Rouille, 1556. (НБ МГУ, Базилевич, 267).
- Nouveau livre 1783 — *Nouveau livre d'écriture. Gravé par les soins de Mr. Rikow, auteur d'un nouveau recueil d'exemples Russes.* St. Petersbourg: Chez M-os. Miller et Clein libraires, 1783. (НБ МГУ, Базилевич, 211).
- Petrefus 1620 — *Petrefus P. Historien und Bericht von dem Großfürstenthumb Muschkow, mit dero schönen fruchtbaren Provincien und Herrschafften, Festungen, Schlössern, Städten, Flecken, Fischreichen Wassern, Flüssen, Strömen und Seen: wie auch von der Reussischen Großfürsten Herkommen, Regierung, Macht ... biß sie zu einer Monarchi gewachsen, Mit den newlich vorgelauffenen Auffrühren und Händeln von den dreyen erdichteten Demetriis, nebenst dem auffgerichteten Friedesn Contract, zwischen dem Löblichen König in Schweden, und jetzt regierenden Großfürsten ... mit der Muschowiter Gesetzen, Statuten, Sitten, Geberden, Leben ... Lipsiae: Tipis Bavaricis, 1620.* (НБ МГУ, Базилевич, 230).

Литература

- Бабич и др. 1999 — Российский государственный архив древних актов: Путеводитель / Сост. М. В. Бабич, Ю. М. Эскин, Л. А. Тимошина. Т. 4. М.: Археогр. центр, 1999.
- Базилевич 1925 — *Базилевич К. В. Очерки по истории профессионального движения работников связи. 1905–1906.* М.: Изд. ЦК Союза связи, 1925.
- Базилевич 1933 — *Базилевич К. В. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века.* Л.: Изд-во и тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1933.
- Базилевич 1936 — *Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г.* М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936.
- Базилевич 1950 — *Базилевич К. В. История СССР. От древнейших времен до конца XVII века: Курс лекций.* М.: Высш. парт. школа, 1950.
- Базилевич 1952 — *Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. (Переизд.: М.: Территория, 2001).
- Белькинд, Лифшиц 2019 — *Белькинд А. Ю., Лифшиц А. Л. Коллекция грамот К. В. Базилевича в собрании Научной библиотеки МГУ // Археографический ежегодник за 2013 год / Отв. ред. С. М. Каштанов.* М.: Наука, 2019. С. 325–331.
- Бердышев 1988 — *Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов — выдающийся деятель науки и культуры. 1738–1833.* М.: Наука, 1988.
- Бондаренко 2018 — *Бондаренко А. А. Грамоты польской королевы Боны Сфорца православному духовенству Великого княжества Литовского (1523–1556 гг.): Источниковедческое исследование: Дис. ... канд. ист. наук / Ин-т рос. истории РАН.* М., 2018.
- Дувакина 2013 — *Дувакина Н. В. Историк К. В. Базилевич и его коллекция в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ // Рукописи. Редкие издания. Архивы: Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. [Сб. 9] / Отв. ред. И. Л. Великодная, А. Л. Лифшиц.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 286–302.
- Дувакина 2017 — *Дувакина Н. В. Книги из библиотеки А.Т. Болотова в фондах Отдела редких книг и рукописей // Рукописи. Редкие издания. Архивы: Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. [Сб. 10] / Отв. ред. И. Л. Великодная и др.* М.: Новый хронограф, 2017. С. 169–183.
- Кобрин 1992 — *Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк?* М.: Моск. рабочий, 1992.
- Савельева, Щербакова 1985 — *Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке, 1701–1800 / Отв. сост. Е. А. Савельева, Т. П. Щербакова.* Т. 2: Н–Р. Л.: Наука; Ленинград. отд-ние, 1985.

- Сафонова 1973 — Сафонова Н. И. Личные библиотеки в собрании Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ // Рукописная и печатная книга в фондах Научной библиотеки Московского университета. Вып. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. С. 74–91.
- Черепнин 1950 — Черепнин Л. В. Константин Васильевич Базилевич: [Некролог] // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 156–157.
- Черепнин 1984 — Черепнин Л. В. К 10-летию со дня смерти С. В. Бахрушина и К. В. Базилевича // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв.: Сб. статей, выступлений, воспоминаний. М.: Наука, 1984. С. 303–306.
- Rachuba 2003 — Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 4: Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie. XIV–XVIII wiek / Pod red. A. Rachuby. Warszawa: DiG, 2003.

References

- Babich, M. V., Eskin, Iu. M., & Timoshina, L. A. (1999). *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov: Putevoditel'* [Russian State Archive of Ancient Acts: A guide] (Vol. 4). Arkheograficheskii tsentr. (In Russian).
- Bazilevich, K. V. (1925). *Ocherki po istorii professional'nogo dvizheniia rabotnikov sviazi. 1905–1906* [Essays on the history of the professional movement of communications workers]. Izdatel'stvo TsK Soiuza sviazi. (In Russian).
- Bazilevich, K. V. (1933). *Kрупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века* [Major trading enterprise in the Moscow State in the first half of the 17th century]. Izdatel'stvo i tipografiia izdatel'stva Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Bazilevich, K. V. (1936). *Denezhnaia reforma Alekseia Mikhailovicha i vosstanie v Moskve v 1662 g.* [Monetary reform of Alexei Mikhailovich and the rebellion in Moscow in 1662]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Bazilevich, K. V. (1950). *Istoriia SSSR. Ot drevneishikh vremen do kontsa XVII veka: Kurs lektsii* [History of the USSR. From ancient times to the end of the 17th century: A course of lectures]. Vysshiaia partiinaia shkola. (In Russian).
- Bazilevich, K. V. (1952). *Vneshniaia politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Vtoraiia polovina XV veka* [Foreign policy of the Russian centralized state. Second half of the 15th century]. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Bel'kind, A. Iu., & Lifshits, A. L. (2019). Kolleksiia gramot K. V. Bazilevicha v sobranii Nauchnoi biblioteki MGU [The K.V. Bazilevich collection of documents in the Scientific Library of Moscow State University]. In S. M. Kashtanov (Ed.). *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2013 god* (pp. 325–33). Nauka. (In Russian).
- Berdyshev, A. P. (1988). *Andrei Timofeevich Bolotov — vydaishchiisia deiatel' nauki i kul'tury. 1738–1833* [Andrei Timofeevich Bolotov — an outstanding figure in science and culture. 1738–1833]. Nauka. (In Russian).
- Bondarenko, A. A. (2018). *Gramoty pol'skoi korolevy Bony Sforza pravoslavnomu dukhovenstvu Velikogo kniazhestva Litovskogo (1523–1556): Istochnikovedcheskoe issledovanie* [Patents of the Polish Queen Bona Sforza to the Orthodox clergy of the Grand Duchy of Lithuania (1523–1556): A source study] (Cand. Sci. (History) Thesis, Institute for Russian History, Russian Academy of Sciences). (In Russian).
- Cherepnin, L. V. (1950). Konstantin Vasil'evich Bazilevich. *Voprosy istorii*, 1950(3), 156–157. (In Russian).
- Cherepnin, L. V. (1984). *K 10-letiu so dnia smerti S. V. Bakhrushina i K. V. Bazilevicha* [On the 10th anniversary of the death of S. V. Bakhrushin and K. V. Bazilevich]. In L. V. Cherepnin. *Otechestvennye istoriki XVIII–XX vv.: Sbornik statei, vystuplenii, vospominanii* (pp. 303–306). Nauka. (In Russian).

- Duvakina, N. V. (2013). Istorik K. V. Bazilevich i ego kolleksiia v Otdela redkikh knig i rukopisei Nauchnoi biblioteki MGU [Historian K. V. Bazilevich and his collection in the Department of Rare Books and Manuscripts of the Scientific Library of Moscow State University]. In I. L. Velikodnaia, & A. L. Lifshits (Eds.). *Rukopisi. Redkie izdaniia. Arkhivy: Iz fondov Otdela redkikh knig i rukopisei Nauchnoi biblioteki MGU* (Vol. 9, pp. 286–302). Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Duvakina, N. V. (2017). Knigi iz biblioteki A. T. Bolotova v fondakh Otdela redkikh knig i rukopisei [Books from the library of A. T. Bolotov in the funds of the Department of Rare Books and Manuscripts]. In I. L. Velikodnaia et al. (Eds.). *Rukopisi. Redkie izdaniia. Arkhivy: Iz fondov Otdela redkikh knig i rukopisei Nauchnoi biblioteki MGU* (Vol. 10, pp. 169–183). Novyi khronograf. (In Russian).
- Kobrin, V. B. (1992). *Komu ty opasen, istorik?* [To whom are you dangerous, historian?]. Moskovskii rabochii. (In Russian).
- Rachuba, A. (Ed.) (2003). *Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy, (Vol. 4) Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie. XIV–XVIII wiek.* DiG. (In Polish).
- Safonova, N. I. (1973). Lichnye biblioteki v sobranii Otdela redkikh knig i rukopisei Nauchnoi biblioteki im. A. M. Gor'kogo MGU [Personal libraries in the collection of the Department of Rare Books and Manuscripts of the A. M. Gorky Scientific Library of Moscow State University]. In *Rukopisnaia i pechatnaia kniga v fondakh Nauchnoi biblioteki Moskovskogo universiteta* (Vol. 1, pp. 74–91). Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Savel'eva, E. A., & Shcherbakova, T. P. (Eds.) (1985). *Svodnyi katalog knig na inostrannykh iazykakh, izdannykh v Rossii v XVIII veke, 1701–1800* [A union catalog of books in foreign languages published in Russia in the 18th century, 1701–1800] (Vol. 2). Nauka; Leningradskoe otделение. (In Russian, French, German, Italian, Latin).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Александр Львович Лифшиц

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория лингвосомиотических
исследований, Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая
Басманная ул., д. 21/4
✉ alifshits@hse.ru

Alexander L. Lifshits

Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Laboratory of Linguo-
Semiotic Studies, National Research
University Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4
✉ alifshits@hse.ru

А. А. Преображенская

ORCID: 0000-0003-1907-9057

✉ apreobrazhenskaya@hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

ХРИСТИАНЕ ЛИ МОСКОВИТЫ? ОБ ИЗДАНИИ ДИССЕРТАЦИИ ШВЕДСКОГО ПАСТОРА НИКОЛАЯ БЕРГИУСА

Рецензия на: *Nicolaus Bergius. A historico-theological exercise on the status of the Muscovite church and religion* / Ed. by U. Birgegård, M. Hedlund. — Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 2019. — 327 p. — (Slavica Suecana. Ser. A: Publications; Vol. 3).

Для цитирования: Преображенская А. А. Христиане ли москвиты? Об издании диссертации шведского пастора Николая Бергиуса // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 339–344. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-339-344>.

Рецензия поступила в редакцию 15 сентября 2020 г.
Принято к печати 11 ноября 2020 г.

Shagi / Steps. Vol. 7. No. 3. 2021
Book Reviews

A. A. Preobrazhenskaya

ORCID: 0000-0003-1907-9057

✉ apreobrazhenskaya@hse.ru

National Research University
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

ARE THE MUSCOVITES CHRISTIANS OR NOT? ON THE PUBLICATION OF THE DISSERTATION BY THE SWEDISH PASTOR NICOLAUS BERGIUS

A review of: *Nicolaus Bergius (2019). A historico-theological exercise on the status of the Muscovite church and religion.* U. Birgegård, M. Hedlund (Eds.). Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 327 p. (Slavica Suecana. Ser. A: Publications; Vol. 3).

To cite this review: Preobrazhenskaya, A. A. (2021). Are the Muscovites Christians or not? On the publication of the dissertation by the Swedish pastor Nicolaus Bergius. *Shagi/Steps*, 7(3), 339–344. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-339-344>.

Received September 15, 2020

Accepted November 11, 2020

В 1704 г. в Стокгольме была опубликована написанная на латинском языке диссертация шведского пастора и суперинтенданта Ингерманландии Николая Бергиуса (Nicolaus Bergius) на тему весьма неожиданную: в диссертации рассматривался вопрос о том, христиане ли москвиты, и обсуждалась возможность их приведения в лютеранскую веру. Диссертация, гарантировавшая Бергиусу степень лиценциата в университете Уппсалы, состояла из двух частей — исторической и теологической. Настоящее издание первой части, наиболее любопытное с точки зрения истории Русской церкви и знаний иностранцев о России, — это результат трудоемкой и кропотливой работы по переводу на английский язык и комментированию латинского текста Бергиуса, занимающего в оригинале 272 страницы печатного текста. Авторы издания — Моника Хедлунд (Monica Hedlund), профессор классических языков Уппсальского университета, долгое время трудившаяся над каталогом рукописей университетской библиотеки, и профессор Улла Биргегорд (Ulla Birgegård) — известный славист, много занимавшаяся историей и литературой России и Швеции раннего Нового времени [Биргегорд 2012; 2014]. Ранее под редакцией профессора Биргегорд были также изданы масштабный словарь шведского дипломата и языковеда Иоганна Габриэля Спарвенфельда [Sparwenfeld 1987–1992] и дневник его путешествия в Россию [Birgegård 2002]. Последнее издание открыло серию «*Slavica Suecana*», в которой публикуются ранее не издававшиеся источники по славистике и репринты давно изданных документов, хранящихся в библиотеках и архивах Швеции. Вторым выпуском серии стал немецко-шведско-польско-латвийский словарь, напечатанный в Риге в 1705 г. [Larsson 2011], третьим — рецензируемая диссертация Бергиуса.

Николай Бергиус (1658–1706) получил образование в университете Уппсалы, после чего несколько лет учился в Европе, став обладателем королевского гранта благодаря своим щедрым покровителям. С 1687 г. он служил пастором во французской лютеранской церкви в Стокгольме, а в 1700 г. был назначен суперинтендантом Ингерманландии, которая по Столбовскому мирному договору 1617 г. стала частью Швеции, и переехал в Нарву.

Тема диссертации была выбрана Бергиусом не случайно. В предисловии он говорит «любезному читателю» о том, что поскольку православным, живущим в Ингерманландии, было разрешено придерживаться своих обрядов, «то кто станет отрицать, что это в наших интересах — выяснить, как обходиться с этими обрядами?» (р. 29). «Именно поэтому, — добавляет Бергиус, — у меня появилось желание выучить церковнославянский (*Slavonic*; см. с. 204, примеч. 6. — *А. II.*) язык» (р. 29). При этом он отмечает, что изучение русского может быть затруднено тем фактом, что в нем используются «греческие буквы», в отличие от основанных на латинице польского и литовского алфавитов (р. 76–77).

Зачем писать на тему, уже раскрытую многими великолепными авторами? Но эти авторы, говорит Бергиус, известны немногим студентам, а сами книги дороги, и их тяжело достать (р. 29). Поэтому свою диссертацию он предназначает читателям, не имеющим особых знаний о предмете, и прежде всего студентам. Наконец, по мнению Бергиуса, во время войны между Россией и Швецией «самое время объявить войну их (москвитов. — *А. II.*) заблуждениям» (р. 34). Историческая часть, изданная под редакцией У. Биргегорд и

М. Хедлунд, должна, таким образом, служить полным собранием сведений о том, что было известно на Западе о России в плане ее церковного устройства и религии.

Настоящее издание состоит из собственно диссертации Бергиуса, переведенной на английский язык, исследовательской части (р. 11–23), разделенной на вводные заметки о биографии Бергиуса и его работе и затекстовый историко-филологический комментарий (р. 203–279), и части эдиционной — Reference Library, о которой пойдет речь дальше (р. 281–302), а также именного указателя, облегчающего навигацию по тексту диссертации (р. 319–327). Среди иллюстраций — титульный лист диссертации (р. 12), рисунок, демонстрирующий различия никонианского и старообрядческого перстосложения при совершении крестного знамения (р. 176), фотографии листов различных изданий «Православного исповедания» Петра Могилы, хранящихся в Уппсальской библиотеке (московское издание 1696 г. на церковнославянском языке, р. 56–57; лейпцигское издание 1695 г., перевод «Исповедания» на латинский с греческого языка, р. 59; перевод «Исповедания» на греческий язык, изданный в Амстердаме в 1666 г., р. 60–62) и т. д. Незначительным недостатком справочного аппарата представляется отсутствие географического, а также, возможно, предметного указателей, которое частично восполняется информацией, содержащейся в комментарии.

Вводная часть содержит несколько небольших разделов, посвященных биографии Бергиуса, его библиотеке и той роли, которую катехизис Петра Могилы «Православное исповедание кафолической и апостольской церкви восточной» (на греческом языке) сыграл в подготовке диссертации. Как отмечают публикаторы, в Славянском собрании библиотеки Уппсалы хранится греческое издание «Исповедания» Могилы (Амстердам, 1666) с рукописным переводом на церковнославянский, которым, по-видимому, и пользовался Бергиус. Он владел довольно обширным собранием книг кириллической печати: когда в 1707–1708 гг. университетская библиотека получила возможность приобрести его книжное собрание, в нем значились 175 изданий. 98 из них идентифицированы (неизвестно, есть ли они ли в библиотеке до сих пор) и перечислены в каталоге, содержащем описания славянских кириллических рукописей и старопечатных изданий, хранящихся в библиотеках и архивах Швеции («Descriptions of Slavic Cyrillic Manuscripts and Early Printed Books in Swedish Libraries and Archives»); этот каталог скоро будет доступен в Интернете (р. 18). Со многими изданиями на церковнославянском языке Бергиус знакомился в православных церквях, которые посещал в качестве суперинтенданта.

Текст диссертации издан с сохранением деления на главы и разделы. Дополнительные материалы из приложения (в рукописи с. 262–272) были добавлены издателями в основной текст диссертации на те страницы, которые указал Бергиус, и обозначены особым знаком (□).

Содержание первого, исторического раздела диссертации Бергиуса достаточно обширно: он рассматривает происхождение русского народа и его обычаи (в основном пересказывая то, чтобы было написано до него), подробно останавливается на языке москвитов, полагая, что он является славянским диалектом (Slavic dialect) наравне с польским и чешским или даже непосредственно славянским языком (the Slavic language) (р. 74). Пишет Бергиус

и о церковной жизни московитов: о литургии, церковных службах и постах. Отмечая, что в богослужении они используют несколько чинов литургии, составителями которых считаются Отцы Церкви, но в которых много добавлений и случайных изменений, Бергиус выражает уверенность в том, что их тексты нельзя считать подлинными, — хотя и не отрицает, вслед за епископом Эндрюсом (bishop Andrews of Winchester), что содержание чина литургии, используемого московитами, может принадлежать Иоанну Златоусту: «Кто может поверить, что Иоанн Златоуст учил христиан молиться: “Отец Иоанн Златоуст, моли Христа, моли Бога о спасении наших душ”?»» (р. 122). Поклонение Пресвятой Богородице и святым, веру в их заступничество за человека перед Христом, принесение бескровной жертвы и окуривание алтарей и икон ладаном Бергиус считает проявлениями идолопоклонства, общими, на его взгляд, в московской и греческой церквях (р. 123).

При всем внимании, которое Бергиус уделяет книге как основному инструменту для обращения московитов в лютеранство, — в 1701 г., находясь на посту суперинтенданта, Бергиус инициировал издание краткого катехизиса, где русский текст был набран латиницей параллельно со шведским, — неудивительно, что значительные разделы его диссертации посвящены книгам и книгопечатанию московитов, а также их школам: в 20 разделах говорится о догматических книгах (р. 54–70), в 16 — о богослужебных (р. 106–113), в 10 — о сочинениях Отцов Церкви (р. 114–121), в 12 — о школах (р. 136–141).

Центральный вопрос диссертации — христиане ли московиты — рассмотрен в отдельной главе. Несмотря на невежество («даже священники настолько невежественны, что не могут объяснить таинство Святой Троицы», р. 87) и благочестие, перемешанное со множеством суеверий, Бергиус вслед за немецким лютеранским теологом Михаэлем Сирициусом (Michael Siricius, см. р. 300), ревельским пастором Иоганном Швабе (Johann Schwabe, см. р. 300) и Михаэлем фон Оппенбушем (Michael von Oppenbusch, см. р. 295) находит возможным утверждать, что московиты все же христиане, хотя в их догматах содержатся серьезные ошибки, а жизнь многих из них полна греха (р. 87). В разделе о сектах Бергиус поднимает вопрос о том, являются ли в глазах русских христианами лютеране, и отвечает на него отрицательно: русские считают Лютера сыном сатаны (р. 89). Ссылаясь на того же Оппенбуша, Бергиус пишет, что хуже всего московиты относятся к католикам, чуть лучше — к лютеранам и кальвинистам, а греков почитают следующими после себя (р. 90).

Расколу и старообрядчеству как самой значимой в Московии «секте» в диссертации Бергиуса посвящена обширная глава. В 1666 г. в Ингерманландию переселились некоторые старообрядцы, с которыми Бергиус по долгу службы поддерживал контакты. Будучи первым лютеранином, который пишет о старообрядцах, он чувствует необходимость привести подробный обзор их доктрины; он также описывает историю раскола и перечисляет заблуждения «раскольников» (р. 92–95).

Второй раздел диссертации полностью посвящен разбору религиозных догм московитов, изложенных в «Исповедании веры» Петра Могилы. Рассмотрев заявленное в начале «Исповедания» положение о том, что спасение гарантируется через «правую веру и добрые дела» (р. 153), Бергиус последовательно движется по его тексту, иногда сравнивая православные догматы с

католическими и оценивая, насколько корректно, с его точки зрения, Могила использует текст Священного Писания.

Поскольку у Бергиуса встречается большое количество обозначений российских реалий, при этом русские имена и термины он передает неединообразно, авторы издания позаботились об их уточнении, что значительно облегчает чтение. Они сохранили в тексте диссертации оригинальную транслитерацию Бергиуса, добавив, где это требуется, современный вариант в квадратных скобках (ср., например, на р. 132 уточненную транслитерацию названия собора Казанской иконы Божией Матери: «Pretschistija Boghoroditsja Casanskaja [Prečistaja Bogorodica Kazanskaja]»). Удачным стоит признать и решение издателей не утяжелять текст, воспроизводя многочисленные ссылки Бергиуса на других авторов — его предшественников (например, он часто ссылается на Олеария и Герберштейна). Соответствующие фамилии отмечены в тексте при помощи астерисков (*); в отдельном списке (Reference Library, р. 281–302), приведена краткая биографическая справка и перечислены основные работы каждого из отмеченных таким образом авторов.

Обширный затекстовый историко-филологический комментарий составляет, собственно, основу исследовательской части издания. Особую ценность представляют многочисленные биографические заметки об упоминаемых Бергиусом людях, а также комментарии исторического содержания, которые часто дополняют приведенную в начале издания биографию Бергиуса и предлагают широкий исторический контекст упоминающихся в тексте событий. В комментарии идентифицированы цитаты и парафразы, указаны их источники; приводится уместное лингвистическое толкование (см. примеч. 241, р. 238 — о термине *раскольники*; примеч. 340, р. 254 — об использовании Бергиусом выражения *ex collection*). В некоторых случаях авторы издания помещают в комментарий фрагмент текста на языке оригинала, который в издании был переведен на английский (например, примеч. 132, р. 223; примеч. 183, р. 230). Крайне полезной стоит признать и тщательную работу по идентификации и уточнению названий различных сочинений, упоминаемых Бергиусом (например, примеч. 71, р. 214; примеч. 87, р. 215; примеч. 144, р. 225).

Изданный текст будет любопытен не только славистам, в чье поле зрения попадают отношения России и Швеции, и историкам, но и широкому кругу читателей, кого так или иначе интересует история Русской церкви через призму восприятия ее Западом.

Литература

- Биргегорд 2012 — *Birgegård U.* Вопросы славистики в переписке Г. В. Фон Лейбница и Ю. Г. Спарвенфельда // *Slavica Litteraria*. Vol. 15. Supl. 2: Развитие славистики в зеркале эпистолярного наследия и других личных документов = *Vývoj slavistiky v zrcadle epistulárního dědictví a jiných osobních dokumentů* / Ed. by S. Bonazza, I. Pospisil. С. 47–60.
- Биргегорд 2014 — *Birgegård U.* Страдания посольские. Спарвенфельд и посольство 1684 г. // *Серебряные дары правителей Швеции российским государям в XVII веке* / Авт.-сост. С. Сильверстоле, А. Кудрявцева, И. Загородняя. Стокгольм: Атлантис, 2014. С. 161–175.
- Birgegård 2002 — J. G. Sparwenfeld's diary of a journey to Russia 1684–87 / Ed., trans. and comment. by U. Birgegård. Stockholm: Almqvist & Wiksell Intl, 2002. (*Slavica Suecana*. Ser. A: Publications; Vol. 1).

- Larsson 2011 — Wörter-Büchlein: A German-Swedish-Polish-Latvian dictionary, published in Riga in 1705 / Ed. by L. Larsson. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 2011. (Slavica Suecana. Ser. A: Publications; Vol. 2).
- Sparwenfeld (1987–1992) — *Sparwenfeld J. G. Lexicon Slavonicum*: 5 Vols. / Ed. and comment. by U. Birgegård, Compil. by B. Ivanov (Vol. 5). Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1987–1992.

References

- Birgegård, U. (Ed.) (2002). *J. G. Sparwenfeld's diary of a journey to Russia 1684–87*. Almqvist & Wiksell Intl.
- Birgegård [= Birgegård], U. (2012). Voprosy slavistiki v perepiske G. V. fon Leibnitsa i I. G. Sparvenfel'da [Issues of Slavistics in correspondence between G. W. Leibniz and Sparwenfeld]. *Slavica Litteraria*, 15, (Supl. 2) *Razvitie slavistiki v zerkale epistolarnogo nasledia i drugikh lichnykh dokumentov = Vyoj slavistiki v zrcadle epistulárního dědictví a jiných osobních dokumentů*, 47–60. (In Russian).
- Birgegård [= Birgegård], U. (2014). Stradaniia posol'skie. Sparvenfel'd i posol'stvo 1684 goda [Ambassadors' sorrows. Sparwenfeld and the Embassy of 1684]. In S. Sil'verstoľpe [= Silverstoľpe], A. Kudriavtseva, & I. Zagorodniaia (Eds.). *Serebrianye dary pravitelei Shvetsii rossiiskim gosudariam v XVII veke* (pp. 161–175). Atlantis. (In Russian).
- Larsson, L. (Ed.) (2011). *Wörter-Büchlein: A German-Swedish-Polish-Latvian dictionary, published in Riga in 1705*. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.
- Sparwenfeld, J. G. (1987–1992). *Lexicon Slavonicum* (5 Vols.). U. Birgegård (Ed., Trans., Comment.), B. Ivanov (Compil.). Almqvist & Wiksell.

* * *

Информация об авторе

**Анастасия Александровна
Преображенская**

кандидат филологических наук
преподаватель, Школа филологических
наук, факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Россия; 105066, Москва, Старая
Басманная ул., д. 21/4, стр. 1
Тел.: +7 (495) 772-95-90
✉ apreobrazhenskaya@hse.ru

Information about the author

Anastasia A. Preobrazhenskaya

Cand. Sci. (Philology)
Lecturer, School of Philological Studies,
National Research University Higher School
of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4, Bld. 1
Tel.: +7 (495) 772-95-90
✉ apreobrazhenskaya@hse.ru

Научный журнал
Academic journal

Шаги / Steps
Shagi / Steps

Т. 7. № 3. 2021

Основан в мае 2015 г.

ISSN 2412-9410

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77–61736 от 07.05.2015,
выдано Роскомнадзором

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 15.08.2021

Формат 70×100/16

Объем 26 а. л.

Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС